Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884

3.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)

на Страстномъ бульварѣ.

1884.

ВЫШЛА XXX КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Письма къ графу А. Р. Воронцову Француза, пріятеля молодости.—Письма придворнаго врача Рожерсона.—Переписка съ Н. И. Новосильцовымъ.—Письма (съ нотами) композитора Паэзіелло.—Русскій театръ при Екатеринѣ.—Письма историковъ Миллера и Бантыша-Каменскаго.—Письма П. И. Полетики, Римскаго-Корсакова, Поццо-ди-Борго, князей Куракиныхъ, Миранды и канцлера князя А. М. Горчакова.—«Боже Царя храни» прошлаго вѣка.

Цѣна **три** рубля съ пересылкою.

*

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

Томъ первый: статьи литературно-политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора.

Томъ третій: Записки о всемірной исторіи.

Цѣна каждому тому ТРИ рубля съ пересылкою.

Въ Конторѣ **Русскаго Архива** (Москва, Ермолаевская Садовая, 175) продаются по **5** р. три книги на Французскомъ языкѣ исторической переписки Кристина съ княжной Туркестановой.

*

Тамъ же можно получать новыя дешевыя изданія стихотвореній **Хомякова** (30 к.), **Баратынскаго** (40 к.) и **Тютчева** (50 к.).

*

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

ВЫПУСКЪ 1-й

СТРАНСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЯ ГРИГОРОВИЧА БАРСКАГО ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВОСТОКА СЪ 1723 ПО 1747 ГОДЪ,

изданіе Православнаго Палестинскаго Общества (подъ наблюденіемъ Николая Платоновича Барсукова), съ подлинными рисунками Барскаго, два первые листа текста и четыре рисунка—цѣна 50 коп. Изданіе составитъ до 40 выпусковъ, которые будутъ выходить ежемѣсячно. Каждый выпускъ стóитъ 50 к. и будетъ продаваться отдѣльно. Просятъ при пріобрѣтеніи перваго выпуска запастись безплатнымъ билетомъ на полученіе послѣдующихъ, которые будутъ сохраняться для владѣющихъ билетомъ въ теченіе года со дня выхода.

Продается въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Тузова, Риккера, Оглоблина и въ Синодальной книжной лавкѣ; въ Москвѣ, у Ѳерапонтова; въ Кіевѣ, у Оглоблина, и въ Одессѣ, у Распопова.

Складъ изданія въ Петербургѣ, у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Цѣна по выходѣ всего изданія будетъ значительно возвышена.

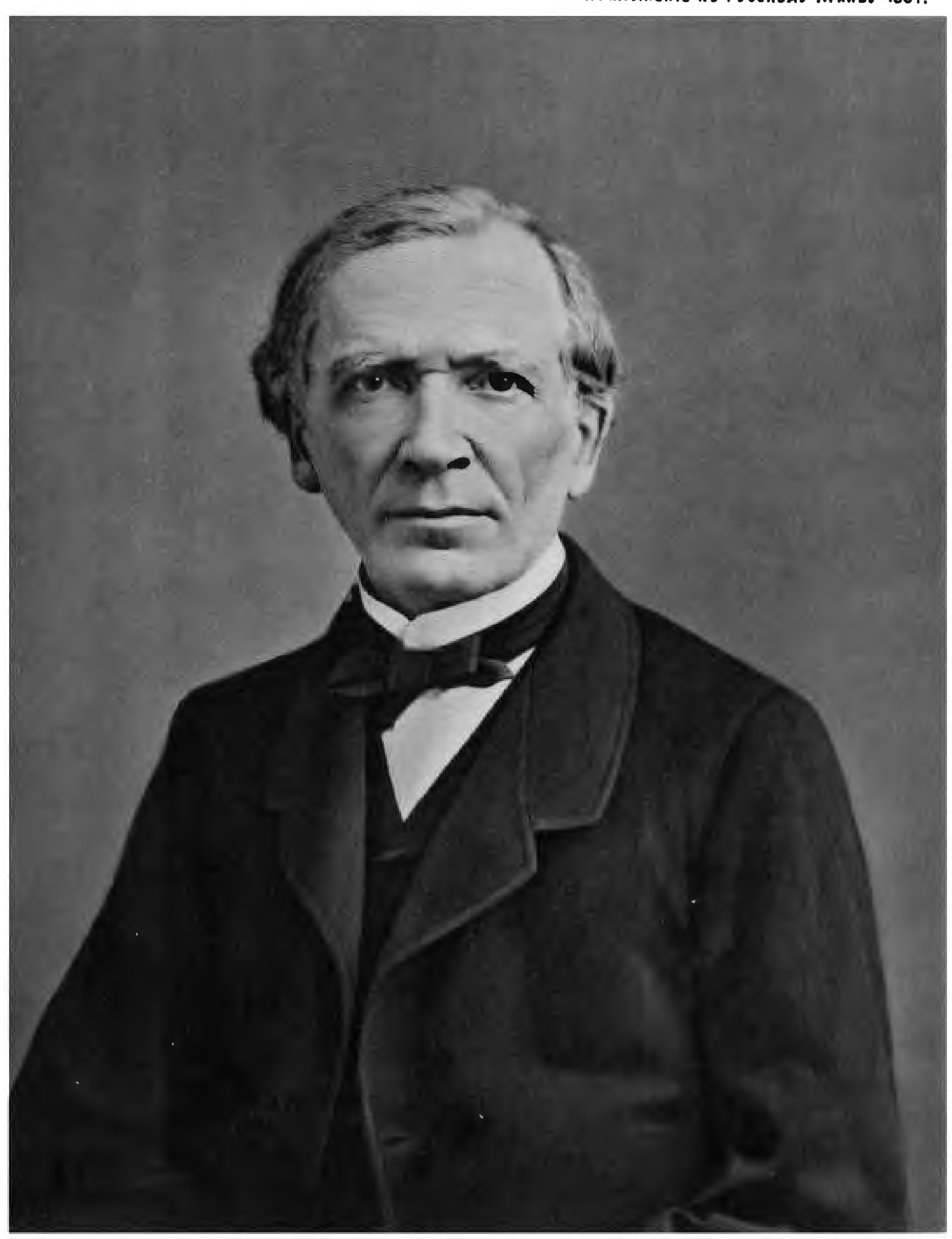


Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

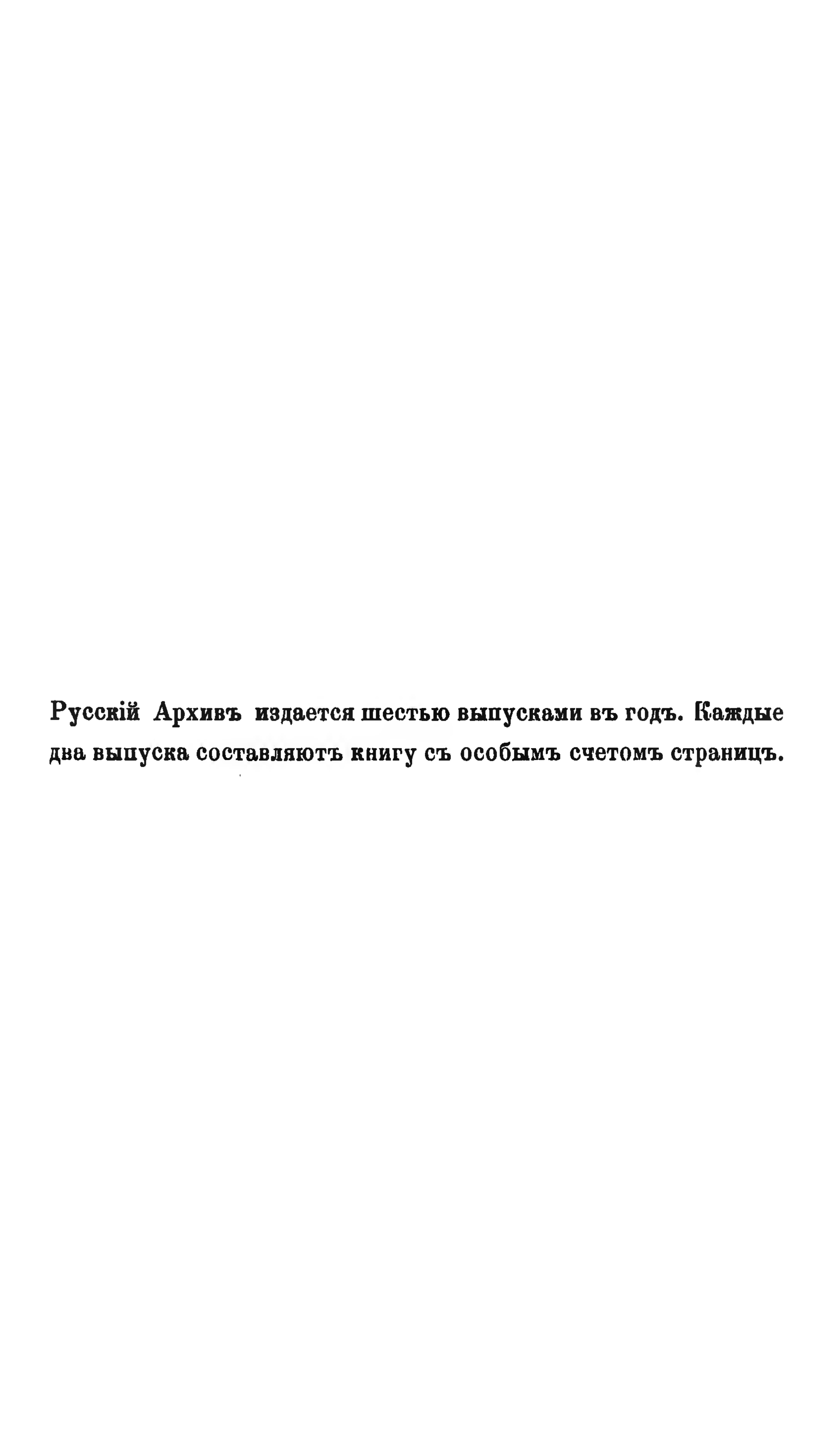
Н. Лясковскій

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884.

2.



Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ книгу съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

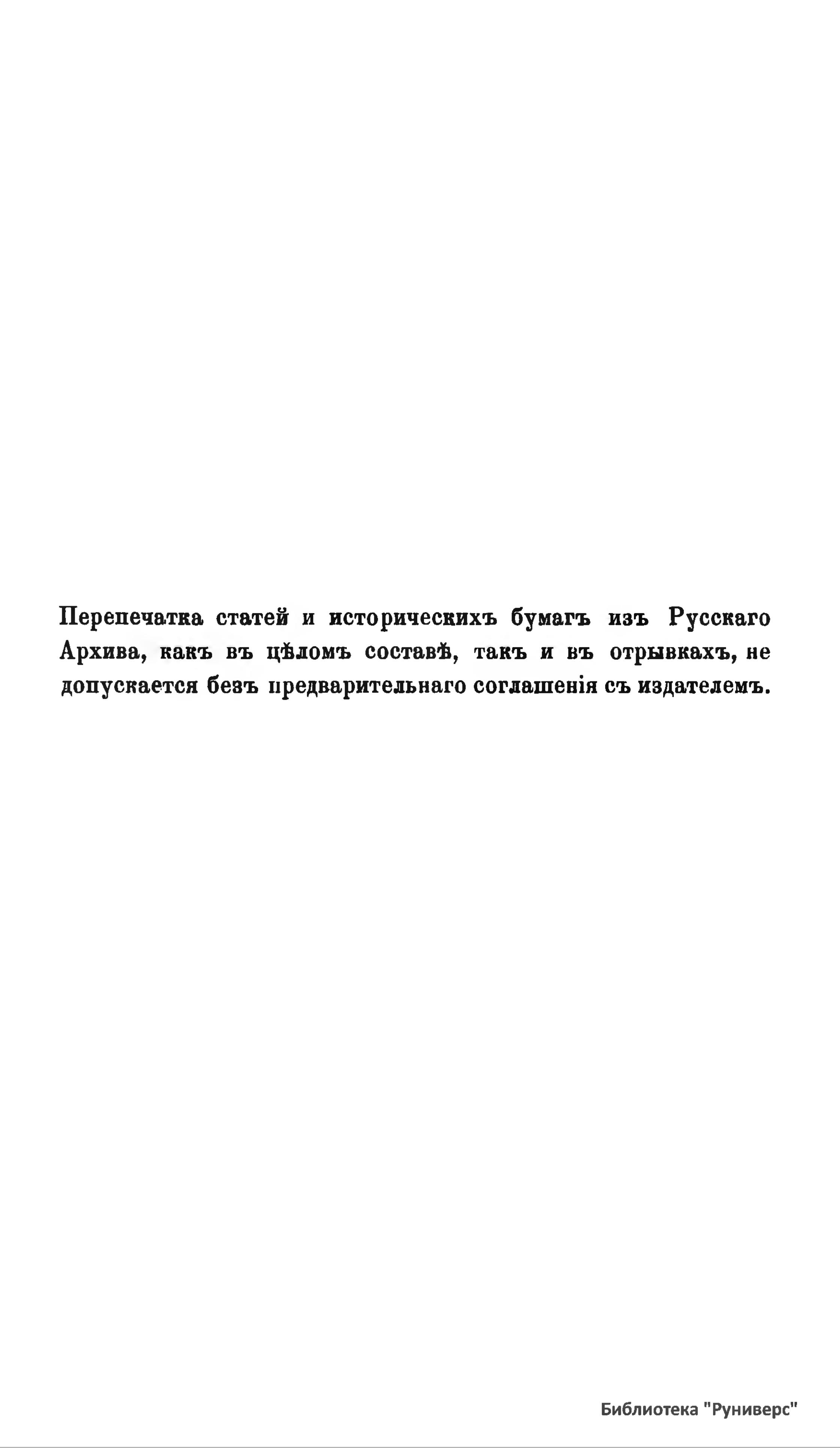
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.



С. Л. ЛАШКАРЕВЪ

Дипломатъ Екатерининскаго времени.

(Изъ современныхъ подлинныхъ бумагъ).

Сергѣй Лазаревичъ Лашкаревъ принадлежитъ къ числу достопамятныхъ людей нашей исторіи. Отецъ его Лазарь Григорьевичъ, Грузинскій дворянинъ [1]), выѣхалъ въ Россію на 18 году отъ рожденія съ Грузинскимъ царевичемъ Вахтангомъ и, женясь на Русской дворянкѣ, поселился въ Москвѣ.

Сергѣй Лазаревичъ родился въ 1739 году и, получивъ обыкновенное въ то время для небогатыхъ дворянъ воспитаніе, опредѣленъ въ 1762 году въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ студентомъ, и для изученія восточныхъ и другихъ языковъ отправленъ былъ въ Константинополь къ находившемуся тамъ резидентомъ отъ нашего двора тайному совѣтнику Обрѣзкову. Онъ выучился въ это время языкамъ: Итальянскому, Французскому, Турецкому, Арабскому, Персидскому, Татарскому, Греческому древнему и новому и Армянскому (по-грузински онъ зналъ прежде). Когда Обрѣзкова посадили въ Семибашенный зáмокъ, то Лашкаревъ, по повелѣнію самого султана, оставленъ былъ при посольствѣ для надзора за свитою посла, также для разбора и защиты купеческихъ дѣлъ Русскихъ подданныхъ [2]). Несмотря на строгое наблюденіе Турецкаго правительства, онъ велъ тайную переписку какъ съ самимъ Обрѣзковымъ, такъ и съ графомъ А. Г. Орловымъ, находившимся въ Архипелагѣ, и съ графомъ Румянцовымъ. Ему удалось отправить тайно всѣхъ бывшихъ въ Константинополѣ Русскихъ купцовъ, по выручкѣ капиталовъ ихъ, на разныхъ Европейскихъ судахъ и подъ разными именами чрезъ Голландію въ Рос-

---

[1]) Въ списокъ Грузинскихъ дворянъ, переданный Русскому правительству, Лашкаревъ помѣщенъ не былъ, потому что во время составленія списка никто изъ этой фамиліи уже въ Грузіи не находился, какъ видно изъ грамоты царя Ираклія 3 Февр. 1797 г.

[2]) Аттестатъ отъ тайнаго совѣтника Обрѣзкова 20 Іюля 1774 г.

сію, и такимъ образомъ избавить ихъ отъ неминуемаго грабительства. Лашкаревъ доставлялъ бывшему тогда въ Вѣнѣ Русскому послу князю Д. М. Голицыну весьма важныя секретныя свѣдѣнія, для чего посылалъ туда Грека Аѳанасія Дири (который награжденъ былъ за эти извѣстія чиномъ титулярнаго совѣтника и пенсіею). Кромѣ того Лашкаревъ поддерживалъ волненія въ Эпирѣ и въ Греціи, за что Турецкая чернь неоднократно грозила ему гибелью; но онъ всякій разъ отдѣлывался разными хитростями и ловкими увертками.

Въ 1770 г., съ дозволенія Порты, онъ отправился къ Обрѣзкову съ дѣтьми его и со свитою въ крѣпость Демотику, а оттуда съ ними вмѣстѣ прибылъ въ Кіевъ. Въ 1771 г. его вызвали въ Петербургъ, гдѣ въ 1772 г. онъ произведенъ «трехъ коллегій переводчикомъ» и отправленъ съ уполномоченными на Фокшанскій конгрессъ. Оттуда посылали его въ Архипелагъ съ секретными порученіями главнокомандовавшаго арміею графа Румянцова. Къ этому времени должно отнести сдѣлавшееся тогда общеизвѣстнымъ происшествіе, въ которомъ выразились находчивость и отважность Лашкарева. Онъ жилъ тайно въ Негропонтѣ, въ домѣ одного купца, бывшаго впослѣдствіи нашимъ консуломъ. Турки узнали о томъ и, негодуя на продолженіе войны, окружили домъ и требовали выдачи Лашкарева для умерщвленія; онъ выскочилъ на террасу съ тазомъ полнымъ воды и закричалъ по-турецки, что если они не разойдутся, онъ креститъ ихъ всѣхъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Турки бросились бѣжать, а онъ на приготовленной лошади ускакалъ въ гавань и спасся на Европейскомъ кораблѣ.

По заключеніи Кайнарджійскаго мира, въ 1774 г., Лашкаревъ отправленъ снова въ Константинополь съ повѣреннымъ въ дѣлахъ полковникомъ Петерсономъ. Между прочимъ поручено ему отбирать плѣнныхъ, какъ Русскихъ, такъ и другихъ христіанскихъ націй, для отправленія ихъ во-своясн. Дѣтей этихъ плѣнныхъ Лашкаревъ содержалъ на своемъ иждивеніи: иначе приходилось имъ изъ нужды поддаваться на обольщенія Турокъ къ принятію ислама [3]).

Исполнивъ это порученіе, Лашкаревъ отправился въ Дарданеллы снаряжать оттуда до Чернаго моря Архипелагскихъ жителей переселявшихся въ Таганрогъ. На перевозку ихъ употреблено было до 30 купеческихъ судовъ.

По пріѣздѣ въ Константинополь чрезвычайнаго и полномочнаго посла князя Н. В. Репнина, Лашкаревъ употребленъ имъ въ разныхъ

---

[3]) Аттестатъ отъ д. с. с. Петерсона 2 Апрѣля 1776 г.

важныхъ и секретныхъ сношеніяхъ съ Портою и потомъ командированъ съ маіоромъ Сикстелемъ и лейтенантомъ С. И. Плещеевымъ (впослѣдствіи другомъ имп. Павла) для снятія плановъ съ крѣпостей, лежащихъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

По возвращеніи въ Константинополь, Сергѣй Лазаревичъ женился на дочери Дюнанта (Dunant), генеральнаго консула Женевской республики. Отецъ невѣсты не хотѣлъ отдавать ее за бѣднаго переводчика Русской миссіи, полагая, что онъ ищетъ только ея приданаго. Но чрезвычайный посолъ князь Н. В. Репнинъ, супруга его, и сама Государыня приняли участіе въ томъ, чтобы подѣйствовать на разсчетливаго старика. Князь Репнинъ принялъ на себя обязанности посаженаго отца, а Государыня приказала сыграть свадьбу сколько возможно пышнѣе. Самъ султанъ выѣзжалъ верхомъ смотрѣть поѣздъ и возвращеніе новобрачныхъ изъ церкви. На другой или третій день свадьбы, Сергѣй Лазаревичъ, переодѣвъ какъ могъ свою жену, отослалъ къ отцу все ея приданое.

Оставленный княземъ Репнинымъ при нашемъ посланникѣ Стахіевѣ, Лашкаревъ былъ употребляемъ для тайныхъ сношеній какъ съ диваномъ Оттоманской Порты, такъ и съ членами его въ домахъ ихъ. Такъ ему поручено содѣйствовать проходу чрезъ Дарданеллы пяти купеческимъ кораблямъ, стоявшимъ у Тенедоса подъ прикрытіемъ военнаго фрегата «Сѣверный Орелъ», которымъ командовалъ капитанъ Козляниновъ. Купеческія суда стараніемъ Лашкарева проведены были въ Константинополь; а военному фрегату Порта не дозволяла войти въ Дарданеллы, на что, по существовавшимъ тогда трактатамъ, Россія еще не имѣла права. Лашкаревъ, пользуясь короткимъ знакомствомъ съ Дарданельскимъ комендантомъ и другими Турецкими начальниками, успѣлъ получить отъ нихъ согласіе ввести и этотъ фрегатъ въ то самое мѣсто, гдѣ становились Французскіе и Англійскіе корабли, что́ исполнено имъ 14 Ноября 1776 г.

Въ 1779 г. произведенъ онъ въ коллежскіе ассессоры и назначенъ консуломъ въ Синопъ [4]); 2 Декабря ему пожалована земля на сто дворовъ [5]) въ Славянскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, а 7 Декабря того же года онъ опредѣленъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію, Валахію и Бессарабію [6]).

---

[4]) Всеподданнѣйшій докладъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Сентябрѣ 1779 г., подписанный графами Панинымъ и Остерманомъ.

[5]) Предложеніе князя Потемкина Новороссійской губернской канцеляріи 2 Декабря 1779 г. № 2956.

[6]) Высочайшій именной указъ той же Коллегіи отъ 7 Декабря 1779 г.

Изъ дѣйствій Лашкарева въ этой должности съ 1780 по 1782 г. замѣчательны:

1) Русскія купеческія суда получили свободный входъ въ Дунай и другіе порты Бессарабіи.

2) По его ходатайству, Порта предписала господарямъ, боярамъ и начальникамъ не препятствовать Русскимъ подданнымъ, бѣжавшимъ изъ Россіи или просто по какимъ-либо причинамъ находившимся въ Молдавіи, свободно возвратиться въ отечество, каковыхъ и отправилъ онъ 132 человѣка.

3) Въ 1782 г. Лашкаревъ получилъ высочайшую благодарность за то, что по его ходатайству уменьшены пошлины съ Русскихъ товаровъ, провозимыхъ въ Молдавію и Валахію.

12 Октября 1782 г. Лашкаревъ пожалованъ въ надворные совѣтники, а 25 Октября назначенъ резидентомъ при Крымскомъ ханѣ Шагинъ-Гиреѣ съ окладомъ по 4,000 р. и отправился туда 30 Января 1783 г.

Въ короткое время пребыванія Сергѣя Лазаревича (въ исходѣ 1782 и началѣ 1783) въ С.-Петербургѣ, Екатерина пожелала видѣть супругу его, женщину замѣчательной красоты. Согласно приказанію Государыни, она была ей представлена въ томъ самомъ Греческомъ одѣяніи, которое она носила въ Константинополѣ и Молдавіи и которое такъ понравилось Императрицѣ, что Констанція Ивановна Лашкарева обязана была постоянно являться въ немъ ко двору, и потомъ не мѣняла его до своей кончины (въ Декабрѣ 1793 г.)

Мысль о присоединеніи Крыма въ первый разъ сообщена Лашкареву въ письмѣ князя Потемкина отъ 28 Февраля 1783 г. Къ этому письму приложены копіи, какъ съ ордеровъ князя къ генералу Дебальмену отъ 20 Января и 2 Февраля, въ которыхъ велѣно считать удержанными за нами гавань Ахтіарскую [7]) съ окружностію и Инкерманъ. Окончательныя же рѣшенія по этому предмету ему сдѣлались извѣстны изъ секретнаго письма князя отъ 26 Апрѣля. Лашкаревъ пріобрѣлъ такую неограниченную довѣренность хана, что успѣлъ склонить Шагинъ-Гирея отказаться отъ покровительства Порты, просить покровительства Екатерины II и, наконецъ, переѣхать въ предѣлы Имперіи, что̀ имѣло послѣдствіемъ окончательное присоединеніе Крымскаго полуострова къ Россіи. Переписка объ этомъ продолжалась до второй половины Іюня мѣсяца.

---

[7]) Севастополь.

Императрица пожаловала Лашкарева канцеляріи совѣтникомъ [8]), а также имѣніемъ въ вѣчное потомственное владѣніе въ Бѣлорусской губерніи, съ населеніемъ въ 400 душъ крестьянъ. Сверхъ того долгъ его, въ 12 тысячъ, нажитый по службѣ, принять на счетъ казны, и ему пожалованъ перстень въ 5 т. р.

Лашкареву оставалось еще убѣдить хана основать свое жилище въ Воронежѣ, Орлѣ или Калугѣ, а не въ Тамани, откуда онъ не хотѣлъ выѣзжать, какъ видно изъ ордера Лашкареву отъ князя Потемкина 20 Апрѣля 1784 г. Впрочемъ, ханъ скоро согласился [9]), и вслѣдствіе того Лашкаревъ, по волѣ князя Потемкина, опредѣленъ къ нему приставомъ [10]). Въ письмѣ Потемкина къ Сергѣю Лазаревичу отъ 18 Ноября 1784 г. сказано, что князь препровождаетъ всемилостивѣйше пожалованную ему Лашкареву медаль, выбитую на присоединеніе къ Россіи области Таврической, какъ человѣку, который трудами своими въ семъ дѣлѣ имѣлъ участіе.

И дѣйствительно, если отказаться отъ покровительства Турціи и просить его у Россіи побудили хана не столько убѣжденія резидента, сколько экспедиція въ Крымъ князя Долгорукова (Крымскаго), то отреченіе отъ престола и переѣздъ въ Россію были дѣломъ нравственнаго на него вліянія. Впослѣдствіи ханъ неоднократно упрекалъ въ этомъ своего пристава и друга, какимъ онъ считалъ его, но каждый разъ оканчивалъ свои упреки словами: «впрочемъ ты исполнялъ свой долгъ». Будучи вызванъ въ Петербургъ, Лашкаревъ долженъ былъ оставить хана, находившагося тогда въ Калугѣ. Шагинъ-Гирей говорилъ ему на прощаньи: «Я лишаюсь въ тебѣ послѣдняго утѣшенія моего; видно, конецъ мой насталъ—я не останусь болѣе въ Россіи», и тогда же просилъ позволенія отправиться въ Турцію, гдѣ и скончался, едва переѣхавъ границу.

2 Марта 1786 г. Лашкаревъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персію, съ жалованьемъ въ 6,000 р. (на проѣздъ и обзаведеніе пожаловано ему столько же). Отправленіе его въ Персію и назначеніе ему мѣста, гдѣ жить, предоставлены усмотрѣнію князя Потемкина [11]). Имѣя въ виду надобность въ Лашкаревѣ, князь Потемкинъ не признавалъ возможнымъ отправлять его въ Персію, а оставилъ при себѣ, такъ что Сергѣй Лазаревичъ вовсе не ѣздилъ въ Персію, а до вы-

---

[8]) Рескриптъ князю Потемкину отъ 28 Іюля 1783 г.

[9]) Ордеръ генералъ-поручика барона Игельштрома на имя Лашкарева отъ 5 Мая 1784 г. № 43.

[10]) Ордеръ его же 13 Мая за № 461.

[11]) Копія съ именнаго указа Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

сшаго назначенія пользовался только званіемъ и содержаніемъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Князь Потемкинъ употреблялъ его для разныхъ важнѣйшихъ порученій по Азіатскимъ дѣламъ.

Въ томъ же Мартѣ мѣсяцѣ Лашкаревъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ [12]), а 22 Сентября послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ о пожалованіи ему ордена св. Владимира 4 степени за «усердную службу, особенное въ дѣлахъ искусство и точное исполненіе должности съ успѣхомъ и пользою государственною».

Сергѣю Лазаревичу, кажется, тогда же приказано, чтобы, несмотря на чинъ свой, онъ являлся во дворецъ и имѣлъ входъ за кавалергардовъ.

Почти въ одно время съ присоединеніемъ Крыма цари Грузинскій и Имеретинскій изъявили желаніе на принятіе ихъ подъ непосредственное покровительство Россійской императрицы. Это обстоятельство не могло не возбудить недоразумѣній между нашимъ дворомъ и Портой, которая считала какъ эти два царства, такъ и всѣ народы на Кавказѣ и по Кубани, своими подданными. Посланнику нашему въ Константинополѣ Булгакову поручено было войти въ объясненіе съ Портой по этому предмету.

Въ концѣ 1786 г. Лашкаревъ отправленъ въ Константинополь подкрѣплять требованіе нашего посланника и собирать тайно свѣдѣнія по поводу наступавшей войны. Изъ донесеній его видно, что министры Турецкіе старались длить переговоры съ Булгаковымъ и съ нимъ подъ разными предлогами [13]), дабы выиграть время и приготовиться къ войнѣ, которой они не хотѣли и опасались.

Послы Англійскій и Французскій дѣйствовали противъ Россіи. Первый, полагая, что Лашкаревъ посланъ въ Персію и только проѣзжаетъ чрезъ Турцію, съ умысломъ совѣтовалъ не пускать его туда, потому что онъ можетъ быть очень вреденъ Портѣ въ проѣздъ чрезъ ея владѣнія. Но ихъ происки были ничтожны въ сравненіи съ вліяніемъ, какое имѣлъ тогда Лашкаревъ на Турецкій кабинетъ. Наканунѣ объявленія войны одинъ изъ Турецкихъ сановниковъ прислалъ ему тайно сказать: «уѣзжай, завтра поднимутъ знамя Магомета», и онъ въ ночь выѣхалъ.

По возвращеніи изъ Константинополя Сергѣй Лазаревичъ оставался при князѣ Потемкинѣ, сопутствовалъ ему во время путешествія

---

[12]) Ордеръ князя Потемкина отъ 22 Марта 1786 г. № 30.

[13]) Рапорты Лашкарева князю Потемкину 15 (26) Января, 15 (26) Февраля, 1 (12) Марта 1786 г.

Екатерины въ Крымъ, и находился при князѣ во все продолженіе второй Турецкой войны.

16 Декабря 1787 года Лашкареву пожаловано 400 душъ въ Полоцкой губерніи [14]).

Довѣріе и расположеніе князя Таврическаго къ Лашкареву постоянно возрастали. Однажды въ Ноябрѣ, по случаю бывшаго вечерняго съѣзда у князя въ Кременчугѣ, или по дѣламъ службы, засидѣвшись у Потемкина, Сергѣй Лазаревичъ вышелъ и, не найдя въ передней шубы своей, преспокойно расположился спать у князя въ гостиной на диванѣ. Князь, услышавъ шорохъ, вышелъ и, узнавъ о причинѣ, приказалъ подать ему свою зеленую бархатную на чернобурыхъ лисицахъ шубу съ Андреевскою бриллiантовою звѣздою, которую потомъ и подарилъ ему. По ордеру князя Потемкина, отъ 22 Ноября 1788 г., отведено Лашкареву въ Крыму на рѣкѣ Качѣ 3.300 десятинъ земли и садъ въ Судакской долинѣ [15]). За два года до своей кончины, князь Потемкинъ подарилъ Сергѣю Лазаревичу, въ знакъ особеннаго своего расположенія, перстень, заказанный въ Венеціи съ рельефнымъ на голубомъ каме портретомъ своимъ. Этотъ перстень переданъ Лашкаревымъ старшему сыну его г.-м. Павлу Сергѣевичу, а имъ старшему изъ внуковъ.

Въ 1788 году Лашкаревъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, послѣ взятія Очакова, отправленъ въ Петербургъ для сопровожденія плѣннаго паши Очаковскаго [16]).

По возвращеніи изъ Петербурга, Лашкаревъ управлялъ княжествомъ Молдавскимъ, засѣдая въ диванѣ [17]).

Въ томъ же 1789 г. онъ пожалованъ орденомъ Владимира 3-ей степени. Въ теченіи второй войны Лашкаревъ неоднократно посылаемъ былъ въ Шумлу къ великому визирю какъ княземъ Потемкинымъ, такъ и впослѣдствіи княземъ Репнинымъ для разныхъ переговоровъ по заключенію мира [18]). Достойно замѣчанія, что Лашкаревъ получилъ письмо изъ Рима отъ кардинала Толедскаго, который именемъ

---

[14]) Подлинная грамота на пергаментѣ за подписью Екатерины.

[15]) Копія съ ордера князя Петемкина вице-губернатору Таврической области Габлицу изъ лагеря подъ Очаковымъ отъ 22 Ноября 1788 г.

[16]) Ордеръ князя Потемкина отъ 26 Декабря 1788 г. за № 1231.

[17]) Такъ сказано въ указѣ объ отставкѣ 25 Февраля 1804 г., подписанномъ императоромъ Александромъ I-мъ.

[18]) За это время хранятся въ семействѣ Лашкаревыхъ любопытные ордера и собственноручныя записки кн. Потемкина, равно кн. Репнина и Попова съ Іюня 1790 по 20 Августа 1791 г. Оффиціальнымъ документомъ служитъ подорожная 1790 года.

папы благодарилъ его за то, что въ переговорахъ съ Турками онъ не забылъ о нуждахъ католиковъ въ Молдавіи [19]).

Назначенный третьимъ полномочнымъ для заключенія мира, онъ присутствовалъ въ Яссахъ на всѣхъ 13-ти конференціяхъ, начавшихся 10 Ноября, и 29 Декабря подписалъ мирный трактатъ.

Лашкаревъ награжденъ при мирномъ торжествѣ имѣніемъ въ 656 душъ въ Минской губерніи и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. По этому случаю Сергѣй Лазаревичъ получилъ дружеское поздравительное письмо отъ графа Суворова-Рымникскаго, отъ 21 Сентября 1793 г.

Этимъ не ограничились милости Императрицы къ Лашкареву. Она позволила ему, въ ожиданіи отправленія къ мѣсту его назначенія [20]), имѣть пребываніе въ деревнѣ или гдѣ признаетъ за благо, пользуясь опредѣленнымъ ему по должности содержаніемъ, съ тѣмъ, что когда онъ будетъ надобенъ для какого-либо по иностранному департаменту употребленія, то тогда можетъ быть вызванъ [21]). Но Сергѣй Лазаревичъ былъ въ деревнѣ только проѣздомъ и скоро явился въ Петербургъ, гдѣ надобность въ немъ не замедлила послѣдовать. Ему поручено, засѣдая въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, управленіе Азіатскими дѣлами, съ правомъ личнаго доклада Императрицѣ, съ производствомъ какъ ему, такъ и находящимся въ свитѣ его чиновникамъ прежде назначенныхъ окладовъ, хотя въ Персію и опредѣленъ новый повѣренный въ дѣлахъ [22]).

Въ этой новой обязанности Лашкаревъ возъимѣлъ еще большее вліяніе на Азіатскія дѣла, что̀ видно изъ писемъ къ нему Грузинскихъ царя и царевичей, просящихъ его ходатайства по разнымъ случаямъ передъ Государыней, потомъ передъ императоромъ Павломъ [23]).

Канцлеръ князь Безбородко не менѣе князя Потемкина имѣлъ довѣріе и уваженіе къ Лашкареву. Мы не нашли частной переписки между ними; но изъ офиціальныхъ сношеній видно это довѣріе, а изъ разсказовъ современниковъ сыновьямъ его осталось извѣстнымъ въ семействѣ, что отношенія между ними были совершенно дружескія и короткія до того, что Сергѣй Лазаревичъ говорилъ князю: ты.

Екатерина не измѣнила до послѣдняго дня жизни милостиваго расположенія къ Лашкареву и нѣсколько разъ платила долги его, ко-

---

[19]) Письмо кардинала на Италіянскомъ языкѣ отъ 20 Апрѣля 1791 года.

[20]) Т. е. въ Персію.

[21]) Копія съ письма князя Безбородко къ графу Остерману отъ 6 Іюля 1794 г.

[22]) Копія съ рескрипта графу Самойлову отъ 9 Іюня 1796 г.

[23]) Письма Грузинскаго царя Ираклія отъ 27 Января 1795 г. и Армянскаго патріарха отъ 25 Февраля 1801 г.

торые Сергѣй Лазаревичъ не переставалъ дѣлать, хотя владѣлъ значительными имѣніями [24]) и получалъ большое содержаніе; вопервыхъ потому, что, занимаясь службою исключительно, онъ совершенно пренебрегалъ своими имѣніями, приносившими ему самый ничтожный доходъ, вовторыхъ, онъ жилъ какъ требовало званіе его, и домъ его былъ полонъ его чиновниками и свитою, жившими на полномъ его содержаніи. Однажды Императрица спросила его: «Маленькій богатырь, долго ли я за тебя буду платить долги?» Онъ отвѣчалъ: «Матушка Государыня, покуда красть не стану».

По вступленіи на престолъ Павла, велѣно Лашкареву быть членомъ Азіатскаго Департамента Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, причемъ въ вознагражденіе уменьшеннаго такимъ образомъ содержанія пожаловано ему 550 душъ въ Литовской губерніи.

Съ этихъ поръ Лашкаревъ постоянно управлялъ Азіатскимъ Департаментомъ и являлся къ Государю съ еженедѣльнымъ личнымъ докладомъ. Вниманіе къ заслугамъ и благоволеніе къ нему Императора, не взирая на многія противудѣйствія, доказывается наградами въ теченіи этого времени имъ полученными, а именно: ему пожалованы 24 Марта 1798 г. орденъ святыя Анны 2 класса, 23 Февраля 1799 г. чинъ тайнаго совѣтника, 7 Января 1800 г. орденъ святыя Анны 1-го класса, 14 Мая 30,000 р. на покупку дома и 31 Декабря того же года командорственный орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Однажды, среди ночи, Государь прислалъ къ нему нарочнаго фельдъегеря съ неважною и неспѣшною бумагою, единственно, чтобы подшутить надъ нимъ, напугавъ и озадачивъ его. Лашкаревъ докладывалъ Государю бумаги по предварительному одобренію ихъ главнымъ начальствомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Однажды, во время управленія графа Растопчина, Лашкаревъ, явясь къ нему съ этими докладами, нашелъ въ кабинетѣ сильнаго тогда графа Кутайсова. Полагая, что бесѣда ихъ продолжится долго и опасаясь опоздать съ докладомъ къ Государю, онъ сталъ откланиваться, заявляя, что изъ дворца заѣдетъ опять къ графу для представленія бумагъ. Кутайсовъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Сергѣй Лазаревичъ, вы можете докладывать его сіятельству при мнѣ, я вамъ не помѣшаю».—«Извините (сказалъ Лашкаревъ), тутъ есть секретныя бумаги».—«Такъ что же?

---

[24]) Кромѣ имѣній Бѣлорусскихъ, Екатеринославскаго и Крымскаго Лашкареву пожаловано въ 1798 г. Іюня 27 дня Грузинскимъ царевичемъ Георгіемъ имѣніе въ Горійскомъ уѣздѣ, принадлежавшее прежде его предкамъ, которое было принято въ казну, по небытности въ Грузіи наслѣдниковъ. Подлинная грамота въ переводѣ, сдѣланномъ въ Коллегіи Иностр. дѣлъ 27 Марта 1816 г. № 1131.

(возразилъ Кутайсовъ). Вы знаете, что Государь отъ меня секретовъ не имѣетъ, и что мнѣ извѣстны государственныя тайны поважнѣе вашихъ».—«Очень вѣрю (отвѣчалъ Лашкаревъ), но пока не увижу указа о назначенiи вашего сiятельства присутствующимъ въ Иностранной Коллегiи, до тѣхъ поръ не могу по существу присяги моей открывать вамъ тайны, мнѣ ввѣренныя». Кутайсовъ жаловался Государю, который отвѣчалъ: «Нѣтъ, этого богатыря ты у меня не тронь». Богатыремъ называла Лашкарева и покойная Императрица, вѣроятно шутя надъ его весьма малымъ ростомъ.

Въ другое время дѣло шло о назначенiи главнаго пристава ко вновь вступившему тогда въ подданство Калмыцкому народу. Лашкаревъ представлялъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, а Государю рекомендовали лицо иностранному департаменту неизвѣстное. Обсужденiе этого предмета происходило въ кабинетѣ Его Величества въ присутствiи графа Растопчина, вновь вступившаго въ подданство владѣльца и старшаго ламы или жреца. Государь отстаивалъ предложеннаго ему чиновника, а Лашкаревъ своего: «Почему же ты не хочешь С?..» спросилъ Императоръ.—«Какъ я смѣю не хотѣть; но я его не знаю и прошу только уволить меня отъ отвѣтственности за него.» Государь прогнѣвался и вскочилъ со стула. Всѣ встали, кромѣ Лашкарева, который по забывчивости остался на мѣстѣ. «Скажите!» вскричалъ Императоръ, «онъ даже забылъ, что говоритъ съ Государемъ». Эти слова заставили Лашкарева проворно вскочить. Водворилось общее молчанiе. Калмыки дрожали отъ страха. Графъ Растопчинъ и Лашкаревъ также не были спокойны, какъ вдругъ Императоръ, обратившись къ Растопчину, спросилъ: «онъ непремѣнно на своемъ настоять хочетъ?» Графъ отвѣчалъ что-то невнятно. Государь обернулся къ Лашкареву съ полуусмѣшкой: «У тебя, богатырь, я чаю, и указъ готовъ?» Тотъ бросился къ портфелю, и указъ тутъ же подписанъ.

Въ числѣ милостей императора Павла нельзя не считать пожалованнаго этимъ Государемъ семейству Лашкаревыхъ герба, который придуманъ самимъ Императоромъ и весьма замысловатъ. Въ верхнемъ голубомъ полѣ полумѣсяцъ изображаетъ Востокъ; въ нижнемъ красномъ Грузинъ съ саблею, сзади вложенною въ ножны, съ жезломъ въ лѣвой рукѣ и пальмовою вѣтвiю въ правой, представляетъ какъ бы самого Сергѣя Лазаревича, властiю ему дарованною предлагающаго или объявляющаго миръ Востоку.

Послѣднимъ дѣйствiемъ Лашкарева въ царствованiе Павла были переговоры и переписка объ окончательномъ присоединенiи къ Россiи

царства Грузинскаго [25]), что рѣшено и исполнено уже при Александрѣ I-мъ. Хотя Лашкаревъ не раздѣлялъ общаго мнѣнія о выгодахъ для России такого присоединенія, объясняя, что этому должно бы предшествовать покореніе Кавказскихъ горцевъ, безъ чего Грузія стоитъ намъ будетъ много крови и денегъ; но за всѣмъ тѣмъ онъ усердно трудился надъ этимъ дѣломъ, и щедрыя награды [26]) императора Павла готовились ознаменовать высочайшее вниманіе къ этому новому труду его; но внезапная кончина Императора все остановила. Трудъ оконченъ, но скромность Сергѣя Лазаревича не допустила его ни лично, ни чрезъ кого-либо доложить новому Государю объ наградахъ, какія назначались его родителемъ. Вскорѣ по совершенномъ окончаніи сего важнаго дѣла, Лашкаревъ просилъ увольненія отъ службы и 4 Января 1804 г. уволенъ съ полнымъ окладомъ, пожалованьемъ единовременно 6,000 рубл., похвальнаго листа и золотой табатерки съ брилліантовымъ императорскимъ вензелемъ. Сергѣй Лазаревичъ тотчасъ выѣхалъ въ свои имѣнія, въ которыхъ не хозяйничалъ, но отдыхалъ до 1807 года.

19 Марта 1807 г. Лашкаревъ получилъ по эстафетѣ письмо отъ бывшаго тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ генерала Будберга съ предложеніемъ: «принять временную коммиссію въ томъ краѣ, гдѣ прежде служеніе его неоднократно было ознаменовано полными успѣхами и пр.» [27]). Несмотря на преклонность лѣтъ, Сергѣй Лазаревичъ немедленно оставилъ семейство и явился въ Тильзитъ, главную квартиру Государя. Здѣсь, получивъ только словесныя приказанія Государя, онъ немедленно отправился въ Яссы, а оттуда въ Бухарестъ для управленія княжествами Молдавіею и Валахіею въ званіи предсѣдательствующаго въ обоихъ диванахъ [28]).

---

[25]) Изъ дѣла о присоединеніи Грузіи видно, что предполагалось послать Лашкарева отъ лица Императора въ Грузію для приведенія царя и народа къ присягѣ и для введенія законовъ, о коихъ просили уполномоченные. Вообще предполагалось оставить Лашкарева на нѣкоторое время въ Грузіи, для приведенія всего въ порядокъ. Записка 5 Марта 1801 г. и объявленіе графа Ростопчина князю Чавчавадзе по полученіи извѣстія о кончинѣ царя Георгія.

[26]) Орденъ св. Александра Невскаго, тысяча душъ, званіе фрейлины для его дочери и Мальтійскіе кавалерскіе кресты всѣмъ сыновьямъ.

[27]) Копія съ письма генерала Будберга изъ Петербурга отъ 16 Марта, даннаго въ Таурогенѣ 28 Іюня.

[28]) Въ письмѣ изъ Бартенштейна отъ 11 (23) Мая 1807 г. Будбергъ увѣдомляетъ Лашкарева, что, по возникшимъ несогласіямъ между начальниками войскъ и членами дивановъ, Государь, для прекращенія ихъ, назначаетъ его предсѣдательствующимъ въ диванахъ.

Жители этихъ странъ приняли Сергѣя Лазаревича съ радостію, помня прежде оказанныя имъ благодѣянія и справедливое его управленіе. Имѣя въ тоже время порученіе заключить перемиріе, онъ ѣздилъ неоднократно въ Турецкій лагерь для переговоровъ съ извѣстнымъ тогда пашей Мустафомъ-бейрактаромъ, бывшимъ потомъ великимъ визиремъ, и всегда былъ принимаемъ имъ и визиремъ съ дружелюбіемъ, по уваженію, которое всѣ тогда имѣли къ его высокимъ достоинствамъ.

Послѣ многихъ переговоровъ [29]) убѣждаемый главнокомандующимъ Михельсономъ скорѣе заключить перемиріе во вниманіе къ положенію нашихъ войскъ, Лашкаревъ заключилъ его.

По кончинѣ фельдмаршала Михельсона, главнокомандующимъ арміею назначенъ фельдмаршалъ князь Прозоровскій, человѣкъ очень преклонныхъ лѣтъ, извѣстный тогда своимъ нерасположеніемъ къ князю Потемкину и всѣмъ, кто къ нему былъ близокъ. Въ тоже время и перемиріе по измѣнившимся обстоятельствамъ не могло быть принято, и Сергѣю Лазаревичу разрѣшено возвратиться въ деревню.

Этимъ кончилъ онъ свое служебное поприще и основался въ вотчинѣ своей Витебской губерніи въ селѣ Дымовѣ, посѣщая по временамъ Минское свое имѣніе мѣстечко Озаричи (бывшее староство Озарицкое).

Въ 1811 году онъ пріѣзжалъ въ послѣдній разъ въ Петербургъ для свиданія съ дочерью, причемъ вдовствующая Императрица изъявляла желаніе его видѣть; но онъ по преклонности лѣтъ не рѣшился явиться ко двору.

Въ 1812 году, когда непріятельскія войска разоряли западныя губерніи Россіи, одинъ отрядъ, подъ начальствомъ полковника изъ Итальянцевъ, явился въ Дымовѣ и готовъ былъ овладѣть имуществомъ помѣщика и крестьянъ его, когда полковникъ, узнавъ въ Сергѣѣ Лазаревичѣ своего прежняго благодѣтеля, рѣшился тотчасъ вывести отрядъ изъ его имѣнія, и такимъ образомъ добрыя дѣла владѣльца принесли плоды его крестьянамъ.

Сергѣй Лазаревичъ оставилъ шесть сыновей: Павла, Ивана, Александра, Сергѣя, Андрея и Григорія. У него была одна дочь, въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ Карнѣевымъ, бывшимъ директо-

---

[29]) Двѣнадцатидневныя конференціи въ Слободзеѣ на Дунаѣ съ рейсъ-эффенди, Галиль-эффендіемъ при уполномоченномъ посредникѣ отъ императора Французовъ полковникъ Гильемино. Послѣдній настаивалъ о скорѣйшемъ заключеніи перемирія, основываясь на 22 ст. Тильзитскаго трактата.

ромъ департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ и Горнаго Института. Она пользовалась высокимъ уваженіемъ въ обществѣ.

С. Л. Лашкаревъ скончался 6 Октября 1814 г. въ Витебскѣ, на пути изъ одного своего имѣнія въ другое. Прахъ его покоится на кладбищѣ монастыря св. Марка; сохраненіе надгробнаго памятника обезпечено вкладомъ.

Эти біографическія свѣдѣнія извлечены изъ особой книжки о С. Л. Лашкаревѣ, изданной въ Петербургѣ въ 1858 г. (въ малую осьмушку, 26 стр.) и составленной внукомъ Лашкарева, Сергѣемъ Сергѣевичемъ. Другому его внуку, Павлу Сергѣевичу Лашкареву благодарны мы за сообщеніе этой рѣдкой книжки и нижеслѣдующихъ подлинныхъ бумагъ. П. Б.

ПРИЛОЖЕНІЯ*).

А. ПРІОБРѢТЕНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ И КРЫМСКІЯ ДѢЛА.

Князь Потемкинъ, баронъ Игельштромъ и В. С. Поповъ С. Л. Лашкареву.

Государь мой!

При возложенномъ нынѣ на васъ служеніи въ достоинствѣ резидента отъ высочайшаго двора Россійскаго при его свѣтлости ханѣ Крымскомъ, за нужное поставляю я увѣдомить васъ о тѣхъ наставленіяхъ, которыя, въ сходственность высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣній по настоящему состоянію дѣлъ въ Крыму, даны отъ меня командующему тамо нашими войсками господину генералъ поручику и кавалеру графу Дебальмену. Я вслѣдствіе того препровождаю здѣсь копіи съ посланныхъ къ нему ордеровъ моихъ и, открывая такимъ образомъ виды наши въ разсужденіи того края, надѣюсь, что вы не оставите во всей возможности соотвѣтствовать симъ предположеніямъ и стараться о приведеніи оныхъ къ желаемому концу, имѣя откровеннѣйшее обращеніе съ помянутымъ господиномъ генералъ-поручикомъ, дѣлая взаимныя другъ другу въ семъ случаѣ способствія и поступая съ нимъ за едино въ исполненіи порученныхъ вамъ дѣлъ. Я рекомендую сіе въ точное наблюденіе ваше и, ожидая успѣха отъ извѣстнаго вашего къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердія, не премину объ ономъ Ея Величеству свидѣтельствовать, пребывая въ прочемъ съ почтеніемъ вашъ, государя моего, покорный слуга „князь Потемкинъ.“

Февраля 28 дня
1783 года.

---

*) Собственноручное въ письмахъ князя Потемкина означено кавычками.

Копія съ ордера секретнѣйшаго господину генералъ-поручику и кавалеру графу Дебальмену отъ 20 Января 1783 года.

(Всѣ три копіи писаны рукою В. С. Попова).

Высочайшая Ея Императорскаго Величества есть воля пріобрѣсть навсегда гавань Ахтіарскую [1]), исполненіе чего и возлагаю я на ваше сіятельство. Вы, содержа въ непроницаемой тайнѣ вамъ предписанное, объявите хану, что имѣете повелѣніе расположить главную часть войскъ у оной гавани, ради резоновъ вамъ извѣстныхъ и требующихъ ее охранять, присовокупивъ къ сему, что флотъ Ея Императорскаго Величества, не имѣя въ Черномъ морѣ гавани, не можетъ употребиться къ удержанію дѣйствій на морѣ, Турками производимыхъ, а чрезъ то невозможно будетъ защищать и его самого (т.-е. хана).

Вы, въ самомъ дѣлѣ, главную часть войскъ расположите у Ахтіара, дабы бо́льшимъ числомъ людей работу скорѣе кончить. Но ежели ханъ на сіе отвѣчать вамъ будетъ съ упрямствомъ, то ваше сіятельство въ разговорѣ упомяните ему, что вы имѣете повелѣніе, описавши таковыя препятствія съ его стороны, приготовить войски къ выступленію изъ Крыма, и тогда ту часть войскъ, которая оставлена при ханѣ для его охраненія, присовокупите къ Ахтіару же, куда и отправляется, для назначенія укрѣпленій, инженеръ, по пріѣздѣ котораго вскорѣ работы производить прикажете. Но если бы ханъ безъ всякаго упрямства строенію способствовалъ, въ такомъ случаѣ войски, находящіяся при немъ, по прежнему оставьте.

Рекомендую вамъ ласкать правительство Татарское, стараясь пріобрѣсть на свою сторону начальниковъ, кои въ народѣ важны. Не упустите, ваше сіятельство, употребить всѣ способы завести посреди Татарскихъ народовъ ближайшія связи и поселить въ нихъ доброхотство и довѣріе къ сторонѣ нашей, дабы потомъ, когда потребно окажется, удобно можно было ихъ склонить на принесеніе Ея Императорскому Величеству просьбы о принятіи ихъ въ подданство. Если кто изъ Татаръ прибѣгнетъ въ наши границы подъ покровительство Ея Величества, то можете таковыхъ принимать подъ оное, не только лично или по семействамъ, но и цѣлыми поколѣніями.

Какъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Крыму, такъ и о дальнѣйшемъ оныхъ теченіи ваше сіятельство имѣете почасту ко мнѣ рапортовать, доставляя ежедѣльно подробныя обо всемъ томъ увѣдомленія. Съ полученіемъ же сего извольте тотчасъ мнѣ донести, въ какомъ теперь находятся расположеніи духи Крымцовъ, нѣтъ ли каковыхъ тамъ подущеній отъ стороны Порты и не предпріемлютъ ли чего Турки на Таманской сторонѣ и въ той окрестности. Весьма нужны вѣрныя о томъ извѣстія, которыхъ я отъ вашего сіятельства и ожидаю.

---

[1]) Т. е. Севастополь.

Копія съ другаго ордера къ нему же отъ 2 Февраля 1783.

Изъ донесеній вашего сіятельства ко мнѣ видно мнѣ было, что начальники противныхъ хану сборищъ ввѣряли себя войскамъ Ея Императорскаго Величества въ упованіи, что вы охраните ихъ отъ мщенія; но теперь дошли до меня слухи, что уже ханъ, прикрывъ себя незлобіемъ, вручаетъ винныхъ наказанію народному. Такимъ образомъ нѣкоторые лишены жизни. Стыдно его свѣтлости поступать двояко, гдѣ щедрота нашей Монархини, вводя его въ прежнее достоинство, увѣряла раскаявающихся спасать. Ваше сіятельство получили уже мои предписанія о занятіи Ахтіарской гавани, гдѣ вы разрѣшены принимать ищущихъ покровительства въ границахъ Россіи, хотя бы цѣлыя поколѣнія. Таковыми границами вы должны разумѣть и окружность Ахтіарской гавани, въ которую долженствуетъ войти и Инкерманъ. Кто туда ни пришелъ, тотъ будетъ подданный Ея Величества. Симъ способомъ вы можете извлекать несчастныхъ отъ варварскихъ мученій и самаго хана чрезъ сіе учинить осторожнымъ.

P. S. Подобно и въѣзжающихъ въ окружности Керчи и Ениколя почитать своими.

Секретное.

Копія съ третьяго ордера къ нему же отъ 19 Февраля 1783.

Имѣвъ счастіе получить высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ по поводу донесеній вашихъ и посланника при ханѣ господина Веселицкаго [2]) объ учиненной въ Крыму казни многихъ изъ Татаръ, въ послѣднемъ неспокойствѣ тамо участвовавшихъ, предписываю вашему сіятельству по содержанію онаго объявить хану въ самыхъ сильныхъ израженіяхъ, что Ея Императорское Величество съ прискорбіемъ получить изволила сіе непріятное извѣстіе; что когда возстановленіе его обладанія совершилось подъятіемъ оружія ея безъ всякаго пролитія крови и когда участвовавшіе въ возмущеніи приведены были въ раскаяніе, то не требовало ли самое человѣчество пощадить обратившихся къ повиновенію?

Примѣры прежніе долженствовали его въ томъ научить.

Мятежъ въ 1777 году, противъ него происшедшій, укрощенъ былъ конечно не его строгостію. Казни, при томъ случаѣ употребленныя и повторенныя потомъ многократно, не могли устрашить другихъ, а только огорчили его подданныхъ и предуготовили послѣднее возмущеніе. Онъ долженъ вѣдать, что еслибы Ея Величество таковую суровость съ его стороны предвидѣть изволила, не обращены бы были войски ея на его защиту: ибо несходно го съ правилами Ея Величества, чтобы силою ея попускать низверженныхъ на истребленіе. Скорѣе Ея Величество оставить изволитъ всякое ему пособіе,

---

2) Веселицкій смѣненъ С. Л. Лашкаревымъ 25 Октября 1782.

нежели распространить оное на угнетеніе рода человѣческаго; что милость и покровительство ея не на одну его особу, но вообще на всѣ Татарскіе народы распространяются, и что потому Ея Величество желать изволитъ, дабы онъ управлялъ сими народами съ кротостію, благоразумному владѣтелю свойственною, и не подавалъ причины къ новымъ бунтамъ: ибо не можетъ ему быть не ощутительно, что сохраненіе его на ханствѣ не составляетъ еще для Имперіи Россійской такого интереса, для котораго Ея Величество обязаны бы были находиться всегда въ войнѣ, или по крайней мѣрѣ въ распряхъ, съ Портою, а и ни для чего не изволитъ согласиться славу оружія своего, извѣстную столько же побѣдами, сколько и пощадою побѣжденныхъ, подвергать какому-либо предосужденію. Изъясненіе сіе заключите требованіемъ, чтобъ, до совершеннаго приведенія въ порядокъ дѣлъ въ томъ краѣ, онъ отдалъ на руки военнаго ея начальства родныхъ своихъ братьевъ и племянника, такожъ и прочихъ подъ стражею содержащихся, бывъ увѣренъ, что какъ съ одной стороны жизнь сихъ людей охранена будетъ отъ всякаго противъ нея покушенія, такъ съ другой не можетъ онъ опасаться отъ нихъ новыхъ безпокойствъ.

Нѣтъ нужды скрывать между тѣмъ въ народѣ сіи на истинѣ самой основанныя внушенія, дабы Татары вѣдали, что подобныя казни Ея Величеству и военному ея начальству всемѣрно отвратительны, что Ея Величество ничего не оставитъ употребить къ пресѣченію ихъ, и что всѣ тѣ, кои прибѣгнутъ подъ защиту войскъ Ея Величества, воспользуются полною безопасностію. Сіе имѣете вы исполнить и самымъ дѣломъ, помѣщая прибѣгающихъ подъ охраненіе ваше въ окружности Ахтіарской или въ окрестности Керчи и Ениколя.

Еслибъ, паче чаянія, ханъ не съ удовольствіемъ принялъ таковое увѣщаніе и ежели бы онъ сдѣлалъ затрудненіе въ отдачѣ вамъ братьевъ и племянника своихъ съ другими Татарами, въ заключеніи содержащимися: въ такомъ случаѣ извольте всю стражу при немъ находящуюся взявъ, отправить къ Ахтіарской гавани, а потомъ и помышлять только о своихъ дѣлахъ, о своей безопасности, объ удержаніи твердой ноги въ Крыму и о приведеніи помянутыхъ дѣлъ къ желаемой и выгоднѣйшей цѣли, оставляя его между народомъ. Впрочемъ, еслибъ ханъ поступилъ на казнь означенныхъ князей крови его, то сіе долженствуетъ служить поводомъ къ совершенному отъятію высочайшаго покровительства отъ сего владѣтеля и сигналомъ къ спасенію Крыма отъ дальнѣйшихъ мучительствъ и утѣсненій.

Сіе послѣднее содержа до времени въ единственномъ свѣдѣніи вашемъ, имѣете немедленно ко мнѣ рапортовать, какое произведутъ дѣйствіе въ ханѣ увѣщанія ваши, въ народѣ же обнадеженіе высочайшаго покровительства, присовокупя къ тому свѣдѣніе о настоящемъ расположеніи Крымцовъ, кото-

рое тѣмъ болѣе должно обнаружиться, чѣмъ извѣстнѣе имъ будетъ человѣколюбіе и великодушіе всемилостивѣйшія нашея Монархини.

Князь Потемкинъ.

Отправленъ 19 Февраля 1783.

*

Получено 3 Маія 1783 году.

„Государь мой!

Я вамъ въ сокровеннѣйшей тайнѣ имѣю объявить, что область Татарская вскорѣ присоединится къ Россіи. Вамъ не было нужды уговаривать хана принять паки власть, ибо оставленіе имъ державства намъ полезнѣе всего для помянутаго предпріятія.

Покорный слуга князь Потемкинъ“.

Г-ну надв. сов. Лашкареву.

Апрѣля 26-го 1783 г. Кричевъ.

*

Получено 19 Маія 1783 году.

Государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

Письмо ваше я получилъ и по содержанію онаго нынѣ же сдѣлалъ исполненіе, отправляя къ его свѣтлости хану пятьдесятъ тысячъ рублевъ ассигнаціями; ибо хотя и ассигнованы для него деньги серебряныя, но не привезены еще изъ Москвы, слѣдовательно и должно мнѣ было теперь употребить вмѣсто ихъ ассигнаціи. Что̀ принадлежитъ до намѣренія его не возвращаться изъ Перекопи, то всего бы лучше пріѣхать ему въ Херсонъ: домъ здѣсь для него готовъ, и онъ принятъ будетъ лучше нежели когда либо, въ чемъ можете его удостовѣрить, и отсюда выѣздъ зависѣть будетъ отъ точнаго его соизволенія.

Извѣщая вамъ сіе, пребываю съ почтеніемъ вашъ, государя моего, охотный слуга „князь Потемкинъ“.

17 Маія 1783 г. (Херсонъ). Отвѣтствовано 21 Маія.

*

Получено 26-го Маія 1783 год.

Государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

По письму вашему отъ 21 сего мѣсяца, предложилъ я Азовской губернской канцеляріи о свободномъ пропускѣ отправляемаго въ Азовъ и на Ею [3]) отъ свѣтлѣйшаго хана обоза и о томъ же еще прилагаю открытый ордеръ для объявленія онаго въ дорогѣ. Что̀ принадлежитъ до письма полученнаго ханомъ отъ Джаникли-Али-паши, то нужно вамъ испросить отъ его свѣтлости увѣрительный отвѣтъ сему Турецкому начальнику о высочайшемъ Ея Императорскаго Величества покровительствѣ со обнадеженіемъ, что во всякомъ

[3]) Т.-е. въ нынѣшній Ейскъ. П. Б.

случаѣ найдетъ онъ себѣ въ предѣлахъ областей Ея Величества безопасность и убѣжище. Я теперь ожидаю прибытія въ Херсонъ его свѣтлости, а съ нимъ и вы можете сюда пріѣхать, будучи увѣрены, что есмь всегда съ почтеніемъ и т. д. „Князь Потемкинъ“.

*

23 Маія 1783 года.

Получено 26 Маія 1783 г. Пополудни въ 12-мъ часу.

Государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

Нужно мнѣ крайне вѣдать, что̀ теперь происходитъ въ Синопѣ и какое тамъ есть число войскъ Турецкихъ. Для сего скрытымъ образомъ извольте послать туда надежнаго конфидента, убѣдя онаго скорѣе доставить намъ сіе свѣдѣніе и обнадежа его хорошею заплатою. „Князь Потемкинъ“.

Маія 24 дня 1783 г.

*

Получено 26 Маія 1783 г. Пополудни въ 12-мъ часу.

Секретное.

Государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

По полученіи сего, поспѣшите вы, не сказывая о томъ никому, въ Перекопскую крѣпость, гдѣ имѣю я многое нужное съ вами говорить, пребывая впрочемъ съ почтеніемъ и пр. Князь Потемкинъ“.

Маія 24 дня 1783 г. Херсонъ.

*

Получено въ дорогѣ. 30 Маія 1783 году.

Государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

Отъ 24 сего мѣсяца отправлены мною къ вамъ два письма съ казакомъ Иваномъ Кореневымъ, изъ которыхъ въ одномъ писалъ я о развѣданіи, хотя бы за хорошую плату, чрезъ конфидента, что̀ происходитъ въ Синопѣ, въ другомъ же, чтобъ вы тотчасъ пріѣхали въ Перекопъ ко мнѣ. Сей казакъ сегодня возвратился, но на тѣ письма не привезъ никакого увѣдомленія, а потому не могу я знать, когда вы рѣшились исполнить мое предписаніе. Желая извѣщаемъ быть въ подобныхъ случаяхъ, ожидаю я нынѣ здѣсь вашего пріѣзда. Пожалуйте поспѣшите въ Херсонъ и вѣрьте, что съ почтеніемъ пребываю и пр. „Князь Петемкинъ».

Маія 29 дня 1783 г. Херсонъ.

*

Получено 19-го Іюня 1783 году.

Государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

По полученному мною сей день вашему письму, отъ 10 сего мѣсяца, и по приложенному при ономъ переводу съ ханской къ вамъ просьбы, потреб-

ные ему пашпорты симъ препровождаю. Чтожъ принадлежитъ до вашего съ нимъ объясненія и усматриваемой въ немъ недовѣренности, которую въ немъ производитъ молчаніе высочайшаго двора: то вамъ нетрудно поселить иныя въ немъ мысли, давъ ему знать, что всѣ мои предпріятія основываются на полномочіи, которое дано мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества и что я точное о немъ высочайшее имѣю повелѣніе, котораго однако не будетъ онъ видѣть прежде прибытія своего въ Херсонъ. Тогда уже узнаетъ онъ высочайшій о себѣ промыселъ всемилостивѣйшія нашея Монархини. Какіе будутъ на сіе его отзывы, ожидаю я, такъ какъ и объ отъѣздѣ его изъ Крыма, немедленнаго отъ васъ увѣдомленія съ симъ же нарочнымъ, увѣряя васъ и пр....

„Князь Потемкинъ».

Іюня 16 дня 1783 года, Херсонъ.

*

Получено 21 Іюня 1783 году.

Государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

Въ донесеніяхъ вашихъ, хотя и преподаете вы мнѣ извѣстія о касающемся до хана, но нѣтъ въ оныхъ ничего такого, что̀ бы означало конецъ извѣстному дѣлу. Мнѣ нужны отъ васъ рѣшительныя о намѣреніяхъ ханскихъ увѣдомленія, и удивительно, что, вѣдая обстоятельства дѣлъ, взялися вы донести мнѣ требованіе ханское о переѣздѣ на Тамань, тогда когда его здѣсь я ожидаю.

Пребываю впрочемъ вашимъ, государя моего, покорнымъ слугою „князь Потемкинъ.

P. S. Въ Тамань поѣздка вотъ что значитъ: ханъ хочетъ чрезъ сіе держать Татаръ въ нерѣшимости, что ѣдетъ вонъ или нѣтъ».

Іюня 18 дня 1783 г. Херсонъ.

*

По секрету.

Ордеръ господину канцеляріи совѣтнику Лашкареву.

№ 157.

Полученъ въ Черниговѣ, 23-го Апрѣля 1784 г.

Предписываю вамъ со всевозможною поспѣшностію отправиться въ Тамань къ хану Шагинъ-Гирею и объяснить ему, коль неприлично поступаетъ онъ, упорствуя исполнить высочайшую Ея Императорскаго Величества волю и удерживаясь въ Тамани, вмѣсто отправленія внутрь Россійскихъ предѣловъ. Вразумите ему, что таковымъ несообразимымъ поведеніемъ дѣлаетъ онъ себя недостойнымъ высочайшаго Ея Величества покровительства и благодѣяній на него изливаемыхъ, и убѣдите его къ предпріятію пути внутрь Россіи. Мѣста къ его пребыванію назначенныя суть: Калуга, Орелъ и Воронежъ. Отъ него зависитъ выборъ способнѣйшаго для него изъ оныхъ, и господину генералъ-поручику и кавалеру барону Игельштрому предписано отъ меня надлежащія сдѣлать распоряженія къ его путешествію. Съ какимъ же успѣхомъ исполните

вы сіе препорученіе, имѣете ко мнѣ рапортовать, увѣдомя о томъ и господина генералъ-поручика и кавалера барона Игельштрома.

„Князь Потемкинъ".

Апрѣля 20 дня 1784 года.
Могилевъ.

Ордеръ барона Игельштрома господину канцеляріи совѣтнику Лашкареву.

№ 431.

Пол. 5 Маія 1784.

По полученіи сего ордера, имѣете ваше высокоблагородіе переѣхать въ Тамань и его свѣтлости Шагинъ-Гирею хану изъяснить, что я сюда прибылъ и не съ малымъ удовольствіемъ отъ васъ увѣдомился, что его свѣтлость намѣренъ переѣхать по волѣ Ея Императорскаго Величества во внутреннія губерніи ея Имперіи; почему имѣете вы его свѣтлость увѣрить, что по его желанію корабль для переѣзда въ Таганрогъ готовъ и что отъ меня всѣ мѣры взяты о доставленіи всѣхъ выгодъ на время его переѣзда и ожидаю я только отъ его свѣтлости узнать, когда угодно будетъ, чтобы требуемое судно явилось у его свѣтлости. И какъ вы назначены проводить его свѣтлость до мѣста его пребыванія, такъ имѣете вы обо всемъ томъ, что́ только его свѣтлости понадобится, пещися.

При семъ же вашему высокоблагородію предлагаю (какъ я изъ вашихъ донесеніевъ усматриваю, что его свѣтлость Шагинъ-Гирей-ханъ сумнится, якобы намѣреніе есть его сильною рукою проводить во внутреннихъ мѣстахъ Россійской Имперіи) его свѣтлости изъяснить, что Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая наша Государыня не желаетъ никакъ его свѣтлости инако дозволить жить въ ея Имперіи, какъ со всѣми тѣми выгодами, которыя сходны съ ея высочайшею щедротою, и потому не касаются до его особы движенія войскъ Ея Императорскаго Величества внутри границъ ея Имперіи. И когда его свѣтлость извѣстенъ, что я по повелѣнію моего начальника долженъ переправить на Кубань нѣкоторый отрядъ для обезпеченія отъ набѣговъ тамошнихъ подданныхъ Ея Императорскаго Величества: такъ его свѣтлости не должно отъ оныхъ ни малѣйшаго себѣ непріятства ожидать, но все то уваженіе, что́ оныя его особѣ должны. Увѣрите жъ его свѣтлость, что я единственно отсрочиваю сей переходъ на нѣсколько дней, дабы онъ не сумнился, что оный отрядъ чѣмъ-нибудь до его особы касался; а какъ я переводъ онымъ войскамъ не болѣе какъ на три или на четыре дня остановить не могу, такъ имѣете вы просить его свѣтлость, чтобъ оный, конечно по его обѣщанію, прежде сего срока взошелъ въ приготовленное для его переѣзда судно, и за симъ срокомъ никакъ не принялъ переходъ отряженныхъ войскъ, якобы они другое исполненіе имѣютъ, какъ только обезпечить границы Имперіи Россійской.

Касающееся о пропускѣ безъ осмотру судна его свѣтлости Шагинъ-Гирея хана, со всѣми находившимися на ономъ людьми и экипажемъ, можете его свѣтлость увѣрить, что какъ скоро его свѣтлость меня поставитъ въ такомъ предположеніи, что я дѣйствительно увѣренъ буду, что его свѣтлость Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Государынѣ искренно преданъ, такъ первый мой долгъ есть во всемъ его желанія предупредить; и, слѣдовательно, какъ корабль, такъ и все ему принадлежащее, безъ сомнѣнія и осмотру вездѣ и безостановочно пропущаемо будетъ.

Генералъ-порутчикъ баронъ Игельстромъ.

5 Маія 1784 года.
Ениколь.

Ордеръ господину канцеляріи совѣтнику Лашкареву.

№ 798. Пол. 12 Іюня 1784 году, въ Таганрогѣ.

Со вручителемъ сего, капитаномъ Тугариновымъ отправляются къ вамъ достальныя ханскія деньги двадцать тысячъ рублей въ число полученныхъ мною ста тысячъ изъ всемилостивѣйше опредѣленной ему пенсіи. Извольте оныя хану представить и распорядить употребленіе ихъ сходственно съ его волею.

Вы представляете, куда наклонять болѣе путешествіе ханское. А какъ уже лошадей для него поставить велѣно по дорогѣ къ Воронежу, и тамъ для него домъ пріуготовленъ, то и должно вамъ туда слѣдовать.

„Князь Потемкинъ“.

Іюня 8-го дня.
1784 года.

Переводъ съ прошенія хана Шагинъ-Гирея.

По высочайшемъ титулѣ.

Въ сіе время господинъ генералъ-поручикъ и Харьковскій намѣстникъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ [1]) получилъ всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе касающееся до меня. Съ давнихъ временъ оказываемыя Вашего Величества высочайшія милости повидимому совсѣмъ перемѣнились. Что предъ симъ осмѣлился я нижайшую мою просьбу представить о принятіи возвратно всемилостивѣйше пожалованныхъ мнѣ знаковъ и поспѣшалъ удостоиться самолично къ Вашему Императорскому Величеству быть представленъ, чрезъ что оскорбилъ и въ число неспокойныхъ причисленъ, и по волѣ природности моей утвердительно упомянуто выѣхать мнѣ въ Турецкое государство: таковому всемилостивѣйшему соизволенію хотя долженствую благодарить, что вольность моя симъ Монаршимъ благоволеніемъ утверждается; но только осмѣливаюсь единственно, видя изъ сего индеферентность Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго ко мнѣ благоволенія, представить мое въ томъ отъ сего удара соболѣзнованіе и печаль. Всенижайше про-

[1]) Воронежъ, куда переѣхалъ Крымскій ханъ, находился въ вѣдѣніи В. А. Черткова

шу Вашего Императорскаго Величества сію мою покорнѣйшую смѣлость монаршею милостію великодушно принявъ, простить.

Ваше Величество, всемилостивѣйшая Государыня, теперь изъ единаго только человѣколюбія удостойте выслушать; осмѣливаюсь нижайше симъ изъяснить.

Первая, нижайшая моя просьба, представленная о принятіи возвратно всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества жалованнаго знака, не причастенъ я никакъ сей винѣ, а винны обряды религіи моей, что оной званіе имѣетъ Андреевское; знающіе, уповаю, въ томъ удостовѣрить не оставятъ.

Вторая, что отважился предпринять нижайшею просьбою поспѣшать удостоиться самолично предстать къ Вашему Императорскому Величеству, не отъ чего инаго, какъ только не зная точнаго моего назначеннаго пребыванія, и неиспытанною волею Всемогущаго теперь судьба назначиваетъ избрать жилищемъ уголокъ. До сего времени за оказанныя Вашего Императорскаго Величества монаршія милости не удостоился по долгу самолично возблагодарить и о внушенныхъ Вашему Величеству, мнѣ неизвѣстныхъ, прогрѣшностяхъ просить всемилостивѣйшаго прощенія и притомъ осмѣлиться трудить, изъ всеавгустѣйшаго Вашего Величества монаршаго благоволенія, чтобъ я въ приличную религіи моей сторону къ обитанію выѣхавъ жить могъ, а не инымъ чѣмъ Ваше Величество обезпокоить, и, отъ времени покровительствованія Вашего Императорскаго Величества до сего, я ни тайно, ни явно не оказывалъ ни малѣйшей противности, почему ежели бы самолично удостоенъ былъ предстать, счастіе имѣлъ бы изъясниться.

А какъ Ваше Величество, огорчившись, мнѣ позволяете ѣхать въ Турецкое государство, сіи знаки Вашего Императорскаго Величества съ прискорбіемъ ясно вижу; однако онаго государства и пребывающихъ тамъ родства моего султановъ ко мнѣ недоброхотства и всѣ оныя неудобства, причина всюду, а особливо Вашему Императорскому Величеству извѣстна. Мнѣ въ такомъ огорченномъ состояніи въ ту сторону ѣхать, славу и пользу Вашему Императорскому Величеству не предвижу.

Всемилостивѣйшая Государыня, изъ монаршаго милосердія и человѣколюбія, какъ выше изображено, всеавгустѣйшаго соизволенія предварительно просить нижайше осмѣливаюсь. Въ прочемъ отдаюсь на волю всевысочайшей Вашего Величества власти и благоволенія.

В. ВТОРАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

„Ѣхать вамъ съ поспѣшностію къ визирю, отдать мое письмо. Ежели они станутъ торговаться, то на отрѣзъ сказать, что подтвержденіе старыхъ трактатовъ и граница по Днѣстръ—послѣдняя черта нашихъ требованій. Условія при возвращеніи Молдавіи не важны будутъ; Шведамъ миръ доставится въ уваженіе дружбы съ Портою, безо всякаго отъ нихъ пріобрѣтенія. Впрочемъ увѣрить ихъ, что наша дружба будетъ имъ со всею искренностію, и никогда Россія не нарушитъ, ежели они не подадутъ причины.

Князь Потемкинъ Таврическій.“ [5])

Ордеръ господину статскому совѣтнику и кавалеру Лашкареву.

№ 1163.

Если усмотрите вы, по прибытіи вашемъ къ верховному визирю, искреннюю наклонность Турковъ къ совершенію съ нами мира, то по теперешнимъ обстоятельствамъ, какъ уже дѣла ихъ съ Австрійцами учреждены, поручаю я вамъ сдѣлать внушеніе визирю о заключеніи съ нами перемирія до тѣхъ [6]) . . . . . настоящее . . . сдѣлано.

„Князь Потемкинъ Таврическій“.

2 Августа 1790 г. Бендеры.

№ 1222.

Ордеръ господину статскому совѣтнику и кавалеру Лашкареву.

Вопервыхъ даю вамъ знать, что со Швеціею подписанъ вѣчный миръ, Августа 3-го числа, съ нашей стороны чрезъ генералъ-поручика и кавалера барона Игельштрома, а отъ Шведской чрезъ перваго королевскаго оберъ-камеръ-юнкера барона Армфелта, безо всякаго примѣшиванія Порты, и какъ ни отъ которой стороны не было во время войны завоеванныхъ земель, то и остались границы по прежнему.

Визирь говорилъ вамъ о перемиріи. На что оно, когда миръ мы сдѣлать готовы? Кондиціи, которыя я предложилъ, суть крайнія и маловажныя; ежели

---

[5]) При этой бумагѣ приложена подорожная „отъ Кокотени до Шумлы, отправленному отъ меня господину бригадиру и кавалеру Лашкареву съ будущими и обратно“, подписанная княземъ Потемкинымъ въ Кокотеняхъ Іюня дня 1790 года. Подорожная эта отличается отъ обыкновенныхъ тогдашнихъ тѣмъ, что на ней выгравированъ гербъ князя Потемкина съ Греческою подписью: Eugeneia Arete, т. е. благородная доблесть.

[6]) Точки означаютъ истлѣвшія мѣста въ подлинникѣ.

они хотятъ быть чистосердечны, то все кончится въ скорости; ежели отвѣтъ замѣшкается, то долго не ожидайте, ибо я терпѣть не буду.

Дайте мнѣ знать о числѣ ихъ войскъ. Въ разговорахъ какъ можно меньше говорить о Прусакахъ, а, напротивъ, коли случай дойдетъ видѣться, то обходитесь сколь можно глаже. При случаяхъ толкуйте имъ, сколь мала наша претензія. О мирѣ же скажите, что они увидятъ, сколь оный будетъ сохраняемъ чистосердечно.

Что визирь не приказалъ казаковъ вести мимо лагеря, тому причиною не то, чтобъ онъ боялся быть оклеветанъ отъ народа предъ правительствомъ, а чтобы по сему войско не заключило, что съ нами миръ и не разбѣжалось. Къ случаю скажите, что я все разумѣю.

„Мнѣ странно, что они объ Очаковѣ упомянули; вы имъ на чисто скажите: ежели объ немъ говорить, то и миру нѣтъ.

Князь Потемкинъ Таврическій“.

Августа 16 дня 1790 года. Бендеры.

*

Милостивый государь мой Сергѣй Лазаревичъ.

Курьеръ вашъ тотчасъ возвращенъ; рѣшите пожалуста насъ скорѣе, чтобъ можно было начать то или другое. Неужели господа Турки думаютъ, что мы драться не можемъ? Вы сами знаете, какъ скучаемъ мы, не видя непріятеля. Съ миромъ Шведскимъ поздравляю. Король не упомянулъ ни слова о Портѣ, которая конечно хорошо сдѣлаетъ, ежели окончитъ дѣло безъ кровопролитія. Его свѣтлость желаетъ, чтобы вы чаще увѣдомляли обо всемъ и не заживались тамъ, но скорѣе пріѣхали къ намъ.

Я есмь вашъ покорный слуга В. Поповъ.

16 Августа 1790 года. Бендеры.

*

29 Августа 1790.

По требованію вашему посылаю вамъ при семъ одни часы, четыре табакерки и три перстня. Ежели надобно, то кстати ихъ употребите, а буде не надобно, то привезете ихъ назадъ [7]). Его свѣтлости угодно, чтобъ вы добыли, буде есть, бирюзу или другіе хорошіе камни и прислали. Скажите визирю: долго ли будутъ Турки продолжать свою нерѣшимость? Уже всѣ мы скучать начали, будучи безъ дѣла.

Вас. Поповъ.

*

---

[7]) Три строки не разобраны.

„29 Августа. Бендеры.

На что перемиріе, ежели они чистосердечно желаютъ мира? Послѣдняя черта высочайшихъ намѣреній весьма умѣренная, она объявлена имъ. Мы отъ сего не отступимся. О медіаціи другихъ я не имѣю указа. Съ моей стороны только скажу, что имперіямъ столь знатнымъ неужели мало своего голоса? Ты имъ скажи отъ себя: я сажусь сейчасъ въ карету и не скажу куда ѣду. Что Богъ дастъ!

Въ разговорѣ сдѣлай разсужденіе, что какъ имъ не стыдно вилять. Чрезъ сіе для переду дѣлается недовѣрка; мы съ ними хотимъ помириться и жить дружно, чему Богъ свидѣтель.

Купи мнѣ, ежели найдешь, хорошую бирюзу или курильницу богатую и другое что хорошее Турецкое.

Князь Потемкинъ Таврическій.

P. S. Съ Прускимъ, не входя въ подробности, будь ласковъ. Напоминай, что молъ долго мы были дружны, и на что холодность?"

*

(Безъ означенія времени).

Милостивый государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

Вы всегда такъ дѣлаете, что, поѣхавши на двѣ недѣли, заставляете ждать себя два мѣсяца. Вы потеряете всю довѣренность, ежели не поправитесь. Скажите пожалуста наотрѣзъ: миръ ли, или война. Вы знаете, что къ тому и къ другому мы готовы. Нужно только знать, за что приняться. Мы было начали думать, что миръ ближе, и потому остановились здѣшнія строенія. Не хотѣли также подрывать замка здѣшняго и Акерманскаго; а теперь, я думаю, все пойдетъ къ чорту. Его свѣтлость весьма недоволенъ затѣями Турецкими и ихъ медленностію, когда все уже сказано начисто. Ушаковъ молодецъ въ пухъ разчесалъ весь флотъ Турецкій и сердится, что капитанъ-паша унесъ ноги. Ежели бы дать теперь волю Ѳедору Ѳедоровичу [8]), то бы онъ пустился и до Стамбула. Пожалуста, вразумите вы господъ Турокъ; дайте имъ чувствовать, что пріятель ихъ [9]), кромѣ своихъ интересовъ, ни мало объ нихъ не думаетъ. У насъ, слава Богу, все хорошо. Армія въ полной ко всему готовности; сколько мы желаемъ мира, столько наши офицеры и солдаты жела-

[8]) Т. е. Ушакову.

[9]) Т. е. Прусскій король.

ютъ драки. Вы знаете, что военнымъ во время мира не такъ хорошо. Прощайте и будьте благополучны; сего желаетъ вамъ отъ всего сердца вашъ покорный слуга В. Поповъ.

Бимъ-башу его свѣтлость скоро прислать изволитъ. Онъ уже здѣсь [10]).

*

Ордеръ господину статскому совѣтнику и кавалеру Лашкареву.

№ 1356.

Я уполномоченъ отъ Ея Императорскаго Величества моей всемилостивѣйшей Государыни на утвержденіе мира; а посему и доставилъ я къ верховному визирю пункты послѣдніе, на которыхъ миръ утвердиться можетъ. Они ихъ видя, если согласны, то пусть присылаютъ полномочныхъ утвердить все подписаніемъ. Не будетъ на волосъ перемѣны, слѣдовательно и торговаться не о чемъ. Касательно медіаціи Прусской: это дѣло дворовъ, а не мое. Мое дѣло миръ или война. Скажите имъ съ твердымъ увѣреніемъ, что всякія хитрости со мною безполезны. Я сіе мое вамъ повелѣніе нарочно приказалъ написать потурецки, чтобы вы могли имъ показать [11]).

„Кн. Потемкинъ Таврическій".

Сентября 7 дня 1790 года. Бендеры.

*

Ордеръ господину статскому совѣтнику и кавалеру Лашкареву.

№ 1357.

Наскучили уже Турецкія басни. Ихъ министерство и насъ и своихъ обманываетъ. Тянули столько и вдругъ теперь выдумали медіацію Прусскую, да и мнѣ предлагаютъ. Это дѣло не мое, а дворамъ принадлежитъ. Мои инструкціи: или миръ или война. Вы имъ изъясните, что коли мириться, то скорѣе; иначе буду ихъ бить. Скажите имъ, чтобъ они подумали: ежели помиримся поздно, то арміи должно остаться въ Молдавіи до будущаго лѣта, ибо чрезъ пустую степь не только зимою, но и въ глубокую осень идти въ наши границы не можно, а чрезъ то не только Молдавію, но и Валахію получить въ свое правленіе имъ нельзя.

---

[10]) Писано на расцвѣченой бумажкѣ и вложено въ такой же маленькій конвертъ, на которомъ Поповъ надписалъ: „Его высокородію, милостивому государю моему Сергѣю Лазаревичу Серчибею". (Это шутка или псевдонимъ?).

[11]) Приложенъ и Турецкій текстъ съ печатью князя Потемкина и его Русскою подписью.

Бездѣльникъ ихъ капитанъ-паша, будучи разбитъ близь Тамани, бѣжалъ съ поврежденными кораблями, какъ курва, и теперь еще пять судовъ починиваютъ, а насказалъ, что у насъ потопилъ нѣсколько судовъ. Сія ложь и у визиря была публикована. На что они лгутъ и обманываютъ себя и государя? Теперь еще было у флота сраженіе, гдѣ они потеряли Капитанію, и еще большой корабль взятъ, на которомъ капитанъ былъ Кара-али. Адмиралъ Капитаніи, Саидъ-бей, у насъ въ полону. Капитанія сожжена. Тутъ потонуло восемьсотъ человѣкъ, да живыхъ взято съ другими кораблями и мелкими судами болѣе тысячи. Разбитыхъ у нихъ судовъ много потонуло, и всѣ разбиты въ прахъ. Но всѣ бы сіи суда и люди были цѣлы, еслибы уже миръ былъ сдѣланъ.

Во флотѣ нашемъ всѣ корабли и прочія суда безвредны, и уронъ въ людяхъ весьма малъ. Богъ намъ видимо помогаетъ, а они идутъ противу Его власти. Государыня при всѣхъ авантажахъ, можно сказать, имъ даруетъ миръ, ибо что́ значитъ пустая степь и та ханская, „она же безводная?"

Съ Прусскимъ продолжайте быть ласково. Ежели упомянетъ о медіаціи, то отвѣчайте, что сіе принадлежитъ учреждать дворамъ.

А ежели Турки упомянутъ что о Польшѣ, отвѣчайте, что мы не намѣрены имъ вредить.

Сами проситесь прочь и конечно скорѣе пріѣзжайте.

„Съ Капитаніей потеряна вся флотилія, казна и чины адмиралтейскіе.

Кн. Потемкинъ Таврическій".

Сентября 7 дня 1790 года. Бендеры.

*

„Ордеръ господину статскому совѣтнику и кавалеру Лашкареву.

Изволь сказать визирю, что я ссылаюся на мои предписанія, прежде къ тебѣ посланныя; тамъ о медіаціи и о перемиріи отвѣчалъ я рѣшительно. Какое дѣлаютъ у васъ разглашеніе о баталіи морской, меня привело въ смѣхъ. Какъ они, какъ робята, себя сами обманываютъ! Скажи имъ, что, въ Іюлѣ, близъ Анапы, они потеряли множество людей; на одномъ у нихъ кораблѣ убито до 400. Три корабля и два фрегата разбиты такъ, что и по сіе время въ Синопѣ починиваются. Нынѣ сожгли мы у нихъ Капитанію, на которой было уже убитыхъ 300 человѣкъ, и воды половина корабля. Пожаръ такъ усилился отъ бранскугеля, который попалъ въ корму, что никакъ помочь было не можно. Могли спасти только Саидъ-бея и нѣкоторыхъ чиновниковъ. 800 человѣкъ полетѣло у нихъ на воздухъ. Корабль Пелянки-бахры взятъ цѣлой, людей въ полонъ съ нимъ 600 человѣкъ, да съ мелкихъ судовъ взято до тысячи; и такъ они потеряли до двухъ тысячъ, кромѣ того что потонуло съ третьимъ кораблемъ и мелкими еще судами.

Я теперь въ Николаевѣ на Бугѣ. Послѣ завтра поѣду въ Бендеры, откуда буду отвѣчать визирю; но увѣренъ, что все тоже.

Князь Потемкинъ Таврическій" [12]).

16 Сентября 1790 года. Николаевъ.

*

„Ежели будетъ случай еще говорить съ г. Лузи [13]), продолжайте показывать ласку, дабы онъ симъ былъ затянутъ больше выговорить. Старайся разглашать въ войскѣ о потерѣ ихъ во флотѣ и притомъ дай знать, что Россія желаетъ и соглашается на миръ, уступая по Днѣстръ, а Турки и тутъ упорствуютъ и людей мучатъ и теряютъ за пустую Ханскую степь, будучи сами начинщики войны.

Просись прочь и пріѣзжай скорѣй.

Князь Потемкинъ Таврическій".

16 Сентября 1790 года. Николаевъ.

Надпись: „Секретно. Господину Лашкареву".

*

Милостивый государь мой Сергѣй Лазаревичъ!

Препровождаю къ вамъ при семъ повелѣнія его свѣтлости. Пожалуста оканчивайте скорѣе ваше дѣло, то есть скажите намъ начисто: драться ли, или мириться?

Ежели Порта намѣрена воспользоваться настоящимъ снисхожденіемъ нашей Монархини и утвердить миръ на предложенныхъ кондиціяхъ, то на что тутъ медіація? Медіація употребляется, когда двѣ стороны не соглашаются; но когда согласны, то и по рукамъ.

Прошу не задержать моего курьера. Я далъ ему сроку шесть дней. Вы будете уже виноваты, ежели на сей срокъ онъ не поспѣетъ, и я по возвращеніи вашемъ подеру васъ за уши.

Капиджи-башу князь вѣрно отпустить изволитъ, ибо что̀ ему дѣлать, когда во всѣхъ мѣстахъ откроютъ войски наши дѣйствія?

Будьте увѣрены въ истинномъ почтеніи и искренней моей преданности.

Вашъ всепокорный слуга Василій Поповъ

17 Сентября 1790. Бендеры.

---

[12]) Весь ордеръ собственноручный. Писанъ въ два столбца, изъ которыхъ правый потурецки. Приложена Потемкинская печать.

[13]) Прусскимъ уполномоченнымъ.

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ И. В. ЛОПУХИНА.

Въ послѣсловіи къ Запискамъ Лопухина (Р. Архивъ 1884, I, 152) сказано, что въ 1812 году этотъ славный мартинистъ уѣхалъ отъ непріятельскаго нашествія въ свое Орловское помѣстье. Свѣдѣніе это оказывается неточнымъ. Какъ сенаторъ, Лопухинъ долженъ былъ отправиться въ Казань, куда переведены были отъ Французскаго нашествія Московскіе департаменты Правительствующаго Сената; но туда онъ не поѣхалъ, а проводилъ время въ городѣ Юрьевѣ-Польскомъ, и лишь въ исходѣ 1812 года добрался до своихъ Ретяжей или Воскресенскаго (Кромскаго уѣзда). Это видно изъ писемъ Лопухина къ двоюродной его сестрѣ, княгинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Львовой, которыя были любезно сообщены намъ ея сыномъ, княземъ Евгеніемъ Владиміровичемъ Львовымъ. Читателямъ любопытны могутъ быть нижеслѣдующія выдержки изъ этихъ писемъ, имѣющихъ впрочемъ значеніе почти исключительно семейное. П. Б.

1.

Изъ села Воскресенскаго, 17 Февраля 1813 г.

Здравствуй матушка-сестрица, Катерина Петровна! Я, выѣхавши изъ Юрьева на другой день Николина и ровно недѣлю проживши въ Савинскомъ, все на своихъ же лошадяхъ пріѣхалъ сюда 24 Декабря, въ Сочельникъ, къ самой обѣднѣ, и еще до звѣзды успѣлъ здѣсь отобѣдать.... На счетъ просьбы объ отпускѣ еще рѣшенія нѣтъ. Она пришла въ Петербургъ уже по отъѣздѣ Государевомъ. Министерской Комитетъ, распечатавъ мое письмо, представилъ Государю, а меня между тѣмъ отъ Казанской ѣзды, спасибо имъ, уволилъ. Это такъ долго идетъ, что ужъ я и не знаю, когда рѣшится. Но все жъ до весны полагаю пробыть здѣсь; развѣ, что чрезвычайное случится... Я здѣсь обвѣнчался съ Матреною Ефимовною, въ Воскресенье, послѣ обѣдни, и пришедши домой донесъ о томъ Государю письмомъ, котораго прилагаю копію. Ты изъ нея не дѣлай секрета, а сообщай кому угодно и больше, тѣмъ лучше. Я женился по самымъ добрымъ резонамъ. И такихъ примѣровъ немало было и въ прежнія, и въ нынѣшнія времена и съ лучшими меня. Впрочемъ, жена по мужу во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ.

Лопухинъ.

Копія.

Письмо И. В. Лопухина къ Государю о своей женитьбѣ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Хотя по роду службы моей не имѣлъ я никогда счастья быть близкимъ къ особѣ Вашего Императорскаго Величества, но всегда являемая мнѣ Вами, Государь, милость и истинно неописанныя чувства моей къ Вамъ любви и вѣрноподданической приверженности приближаютъ меня къ Августѣйшему Вашему лицу, дражайшій отецъ отечества. А потому, въ искренности сыновней, почелъ я за долгъ донесть Вашему Императорскому Величеству, что я сего дня женился, или подъ вѣнцомъ взялъ помощницу въ наступающемъ трудѣ и болѣзни моей жизни, которой и предѣлъ положенный, по обыкновенному ея въ наши времена теченію и, кромѣ слабости здоровья, не можно уже мнѣ считать весьма далекимъ отъ меня. Я всеподданнѣйше о семъ донося, повергаю себя и жену мою къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Знаю, что хотя также я не имѣю никакихъ связей придворныхъ, и ничего такого нѣтъ въ моемъ положеніи, чѣмъ часто возбуждается зависть, счастливый съ сей стороны жребій мой долженъ бы, кажется, меня избавлять отъ завистниковъ и непріятелей; однако, конечно, не избѣжитъ женитьба моя толковъ, порицаній, насмѣшекъ и даже разныхъ сплетней, какъ то водится въ жалкихъ кругахъ людей составляющихъ изъ того свою бѣдную профессію *). Но я нисколько не принялъ всего того въ уваженіе, имѣя основательныя причины въ совѣсти и зная великодушный и мудрый образъ мыслей Вашего Императорскаго Величества.

Я не искалъ красоты, которая для моихъ лѣтъ соблазнъ только тщетный; не искалъ богатства, которое не однажды могъ бы я пріобрѣсть и женитьбою; не искалъ знатной породы, не всегда сопряженной съ добродѣтелью. Я женился и не на дворянкѣ; женился на немолодой дѣвушкѣ изъ купечества Московскаго, котораго она избрала званіе только для состоянія свободнаго и жила всегда въ моемъ домѣ. Но я отдалъ справедливость многолѣтнимъ опытамъ простодушной ко мнѣ привязанности, строгой честности нравовъ и безкорыстія.

По обстоятельствамъ домашнимъ моихъ дѣлъ и по происхожденію жены моей, не чаю я послѣ своей смерти оставить ее въ обиліи и при подпорахъ соотвѣтствующихъ и обычныхъ чину въ обществѣ; но думаю, что поможетъ ей иногда сколько-нибудь мое имя, которое не по заслугамъ удостоилось доброй памяти, ежели не въ блещущей

*) Лопухинъ женился 57 лѣтъ отъ роду. П. Б.

публикѣ, то въ тѣхъ мѣстахъ и случаяхъ, гдѣ мое усердіе имѣло счастіе исполнять высокомонаршіе уставы отеческаго попеченія о благоденствіи народномъ; и всего болѣе дерзаю питать себя надеждою на милосердіе и щедроту Вашего Императорскаго Величества, причемъ паки повергаю жену мою къ Вашимъ стопамъ.

Теперь живу я въ деревнѣ, ожидая всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества рѣшенія на мою всеподданнѣйшую просьбу о годовомъ отпускѣ, по сильнымъ причинамъ и по необходимости отъ меня писанную, въ Ноябрѣ прошлаго года, изъ Юрьева-Польскаго; а между тѣмъ отъ представившаго оную Вашему Императорскому Величеству Министерскаго Комитета имѣю дозволеніе остановиться отъѣздомъ въ Казань, куда бы истинно и силъ не было ѣхать.

При семъ случаѣ позвольте мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, отъ сердца пылающаго любовію къ Вамъ и къ отечеству, принесть мое всеподданнѣйшее поздравленіе съ великою побѣдою надъ величайшимъ въ бытіяхъ рода человѣческаго на землѣ врагомъ спокойствія и счастія людей.

Единъ Сый, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, да благословитъ Тебя, Государь, быть избраннымъ орудіемъ пресѣченія безпримѣрно кровавыхъ и губительныхъ браній и водворенія блаженнаго мира въ мірѣ, благостію десницы Его сотворенномъ.

Всемилостивѣйшій Государь
Вашего Императорскаго Величества
вѣрнѣйшій подданный
Иванъ Лопухинъ.

9 Февраля 1813 года.
Изъ села Воскресенскаго,
Кромскаго уѣзда,
въ Орловской губерніи.

2.

26 Августа 1813. С. Воскресенское.

Я еще и въ Орлѣ, кромѣ какъ проѣздомъ сюда, не былъ; а притомъ и карманныя обстоятельства не дозволяютъ. Въ Москвѣ гнѣзда нѣтъ, и заводить его силъ нѣтъ, и существовать мнѣ въ ней теперь, безъ крайней необходимости, никакъ невозможно. Въ Савинскомъ тоже, что̀ въ Москвѣ или еще хуже: ни въ деревнѣ, ни въ городѣ; убытки Московскіе, а удобности ни на что... Если буду живъ, стану зимою, сколько есть силъ, хлопотать не только по Москвѣ, но есть намѣреніе не надолго побывать и въ Питерѣ. Между тѣмъ однако все подумывается и объ Савинскомъ.

3.

Село Воскресенское, 14 Ноября 1813 года.

О здоровьѣ моемъ вотъ тебѣ самая вѣрная реляція. Архіерей здѣшній, по давней пріязни ко мнѣ, пріѣзжалъ къ намъ только погостить, и прямо для того, одинъ, безъ всякой свиты, за 120 верстъ, изъ Сѣвска, въ которомъ онъ имѣетъ свое пребываніе, и туда же прямо возвратился. Прожилъ у насъ пять сутокъ; а на сихъ дняхъ получилъ я отъ Черниговскаго архіерея же, извѣстнаго моего стариннаго друга Михаила (Десницкаго) письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что здѣшній описывалъ ему свой вояжъ ко мнѣ и свиданье наше; обо мнѣ пишетъ: *очень старѣется*.

Теперь бы вы прямо тутъ сказали обо мнѣ: самой Володимеръ Ивановичъ *)! Просыпаюсь часу въ десятомъ, а иногда и въ одинадцатомъ. А послѣ обѣда таки часиковъ ино мѣсто **) до семи. Совѣстно было и съ архіереемъ, а спали черезъ корридоръ. Спасибо одному старику же, здѣсь пріятелю Боборыкину (который нѣкогда былъ другъ и однихъ лѣтъ съ княземъ Потемкинымъ): онъ эти часы меня замѣнялъ. Вотъ каковы старики-то! А я очень дряхлъ. Не знаю, какъ опять привыкать, съ Февраля, на службу. Авось привыкнемъ.

4.

Село Воскресенское, 24 Марта 1814 года.

Долго не писалъ къ тебѣ для того, что собирался много писать, а теперь опять не успѣваю, и, къ странности сказать, зачѣмъ же? За двумя большими контрастами: за всенощной и за бостономъ. Всенощную на завтрашній праздникъ надобно слушать, а передъ тѣмъ вновь прокозыряли въ бостонъ съ Иваномъ Ивановичемъ (который у насъ остается и говѣть) и съ П. И. Ренеманомъ, который ѣдетъ въ Орелъ, и письмо это съ прочими отдастъ отъ меня на почту.

Я былъ очень нездоровъ, теперь лучше. И истинно по самому здоровью никакъ не могъ ѣхать отсюда зимнимъ путемъ. Прошусь еще въ отпускъ, писалъ прямо къ Государю, въ собственныя руки. По просухѣ, какъ живы и здоровы будемъ, переберемся въ Савинское, на Юнговъ островъ. А какое здѣсь у насъ одно, на мой вкусъ, гулянье, увидишь въ Мартовской книжкѣ «Друга Юношества» подъ названіемъ: *Орлиная пустыня*.

---

*) Т.-е. отецъ Лопухина, долго жившій въ преклонной старости. П. Б.

**) Старинное выраженіе вмѣсто: „иной разъ“. П. Б.

О СТАРООБРЯДЧЕСКОМЪ БОГАДѢЛЬНОМЪ ДОМѢ ВЪ СУДИСЛАВЛѢ.

(1828).

Костромской губерніи, въ заштатномъ городѣ Судиславлѣ, устроенъ, въ 1812 году, съ высочайшаго дозволенія, раскольникомъ купцомъ Папулинымъ богадѣленный домъ. Дошло до свѣдѣнія правительства, что въ означенномъ богадѣльномъ домѣ Папулина, вмѣсто престарѣлыхъ и немощныхъ, требующихъ человѣколюбиваго пособія и призрѣнія, находятся здоровые и молодые мущины и женщины, для совокупнаго житія, не вступая однакоже въ супружество; что въ домѣ семъ всякій приходящій можетъ укрываться; что Папулинъ, какъ попечитель онаго дома, обольщаетъ простодушныхъ людей хорошимъ довольствіемъ и находящимися тамъ (попеченіемъ его) древними иконами, изъ чего извлекаетъ собственныя выгоды, такъ что отъ оборотовъ умножилъ капиталъ свой до 300 т. рублей, и что въ помянутомъ богадѣленномъ домѣ живутъ до 200 мущинъ и женщинъ, въ числѣ коихъ не болѣе 50 человѣкъ имѣютъ право на общественное призрѣніе.

Для собранія самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній о существующихъ въ означенномъ богадѣленномъ домѣ безпорядкахъ и неустройствахъ, по высочайшему повелѣнію, командированъ былъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ Іюлѣ 1828 года, въ г. Судиславль состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для особыхъ порученій статскій совѣтникъ Шлыковъ, коему между прочимъ предписано было обратить внимательное примѣчаніе на внутренній по управленію домомъ симъ и живущими въ немъ распорядокъ, узнать въ подробности родъ людей помѣщенныхъ въ ономъ попечителемъ Папулинымъ, и на сей конецъ отобрать отъ всѣхъ ихъ подробныя о всемъ касающемся какъ лично до нихъ самихъ, такъ и до жительства ихъ въ домѣ, семъ показанія. Статскій совѣтникъ Шлыковъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, представилъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ подробное донесеніе о всемъ томъ, что́ могъ найти, открыть и замѣтить посредствомъ секретныхъ розысканій, какъ въ отношеніи основанія и внутренняго

устройства Судиславльскаго богадѣленнаго дома и живущихъ въ немъ, такъ и въ отношеніи самого основателя сего дома, купца Папулина, и внѣшняго его вліянія на другихъ, присоединивъ къ тому собранныя имъ свѣдѣнія о причинахъ распространенія самаго раскола.

I. О существенномъ основаніи въ Судиславлѣ богадѣленнаго дома купца Папулина.

Судиславль издавна былъ средоточіемъ раскольническихъ сектъ; прежде бывали тамъ съѣзды старѣйшихъ наставниковъ для преній или совѣщаній о превосходствѣ вѣръ, изъ коихъ господствовала тамъ Старопоморскаго сословія, поддерживаемая извѣстнымъ раскольникомъ, основателемъ въ Москвѣ Преображенской богадѣльни, Ильею Алексѣевымъ Ковылинымъ.

Въ Судиславлѣ существовала всегда часовня или моленная сей секты, которою управляли тамошніе купецъ Яковъ Захаровъ и наставникъ Дементій Красильниковъ; но, за смертію перваго и старостію послѣдняго, приходила оная въ упадокъ.

Основатель нынѣшняго богадѣленнаго дома Николай Папулинъ, коему отъ роду 51 годъ, будучи уроженецъ того же города Судиславля и происходя отъ родителя бѣднаго состоянія, раскольника Старопоморскаго согласія, изъ купеческаго сословія, остался послѣ отца въ малолѣтствѣ и проживалъ въ домѣ при матери. Онъ до 25-лѣтняго возраста не принадлежалъ ни къ какой раскольнической сектѣ, продолжая отцовскую мелочную торговлю; но, будучи одаренъ отъ природы хитрымъ и пронырливымъ разумомъ и, при всей необразованности своей, постигая склонность жителей Судиславльскихъ къ фанатизму, сдѣлался раскольникомъ, перекрестясь или получа утвержденіе въ той вѣрѣ въ приволжскомъ городѣ Кинешмѣ, представлялъ изъ себя строгаго послѣдователя Старопоморской секты, былъ всегда воздержной жизни, оказывалъ благотворительность своимъ единовѣрцамъ, и по дѣятельности и расчетливости своей, какъ кажется, извлекалъ изъ всего того свою пользу.

Такимъ образомъ купецъ Папулинъ, снискавъ довѣренность своихъ единовѣрцевъ, по возвращеніи своемъ въ 1804 году изъ Москвы, гдѣ онъ былъ нѣкоторое время въ Преображенскомъ раскольническомъ заведеніи у Ильи Алексѣева Ковылина, перевелъ вышеупомянутую приходившую въ упадокъ моленную въ оставшійся послѣ отца его домъ и сдѣлался ея попечителемъ. Послѣ сего стало умножаться число усердствующихъ къ Старопоморской сектѣ, наиболѣе изъ женскаго пола, по содѣйствію двухъ дочерей прежде бывшаго наставника Красильни-

кова, дѣвицъ Ульяны и Ирины Красильниковыхъ, и моленная та раздѣлилась на двѣ половины: мужскую и женскую.

Въ 1809-мъ году Папулинъ, сдѣлавшись уже повѣреннымъ старообрядцевъ, исходатайствовалъ у губернскаго начальства отведенную подъ предлогомъ для общаго ихъ кладбища землю на *городскомъ выгонѣ*, въ отдаленности, за полторы версты отъ города, на большомъ Макарьевскомъ и Нижегородскомъ трактѣ, близъ лѣса. Тамъ построилось начально нѣсколько хатокъ, по системѣ секты той, для оказыванія страннопріимства спасающимся по ихъ вѣрѣ людямъ, и принято было пять или шесть человѣкъ дряхлыхъ и убогихъ, которые содержались подаяніемъ, а частію и отъ Папулина.

Съ тѣмъ вмѣстѣ перенесена туда была изъ Судиславля моленная, и когда она уже устроилась при кладбищѣ, то первое пронырство сихъ фанатиковъ было ввести тамъ служеніе панихидъ по усопшимъ, не только на томъ кладбищѣ, но и гдѣ бъ ни были ихъ единовѣрцы. Къ сему старались они завлекать знающихъ чтецовъ, такъ называемыхъ ими канонарховъ, пѣвчихъ и пѣвицъ, которые первоначально заимствованы были изъ Московскаго Преображенскаго кладбища.

Съ сего времени началось туда стеченіе народа отвсюду, и набожные пріѣзжали изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, или присылали отъ себя подаяніе, чѣмъ самымъ и обезпечивался способъ содержанія того часъ отъ часу увеличивавшагося скита.

Въ 1812 году, Костромской гражданскій губернаторъ Пасынковъ, по поданному къ нему Папулинымъ прошенію, вслѣдствіе довѣренности единовѣрцевъ его 12-ти человѣкъ (въ томъ числѣ двухъ Судиславльскихъ купцовъ, 3 мѣщанъ и 7 крестьянъ казенной экономической Барановской волости) вошелъ съ представленіемъ къ бывшему министру полиціи: что старообрядцы посада Судиславля изъ купцовъ, мѣщанъ и изъ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ просятъ позволенія выстроить при старообрядческомъ кладбищѣ, близъ того посада существующемъ, казенный богадѣленный домъ для призрѣнія бѣдныхъ и неимущихъ вдовъ и сиротъ, причемъ представлены планъ и фасадъ сему дому. Гражданскій губернаторъ, получивъ отъ министра полиціи, въ томъ же 1812 г. *), высочайшее повелѣніе не дѣлать препятствія въ построеніи богадѣльни сей, предложилъ Судиславльской ратушѣ объявить объ ономъ Папулину; но ни плана, который подносимъ былъ

*) Къ сожалѣнію не сказано, какого именно мѣсяца. Александру Павловичу и тогдашнему министру полиціи А. Д. Балашову хорошо извѣстны были пріемы Наполеона: онъ несомнѣнно подсылалъ обольщать нашихъ старообрядцевъ. Полезно было приласкать ихъ на ту пору. П. Б.

для богадѣльни, не дано ему, ни архитектора, который бы наблюдалъ за тѣмъ строеніемъ, чтобъ оно производилось соотвѣтственно настоящей надобности, командировано не было, ни правилъ на пріемъ и содержаніе тамъ людей, коль скоро заведеніе сіе получило позволеніе законнымъ порядкомъ, никакихъ не изложено, ниже впослѣдствіи времени не предписывалось и не предупреждалось. А потому Папулинъ смѣло отзывается теперь, что онъ строилъ и заводилъ сіе, какъ умѣлъ.

Вслѣдъ за воспослѣдованіемъ позволенія на построеніе богадѣльни, Папулинъ получилъ изъ С.-Петербурга, Москвы и изъ разныхъ мѣстъ пожертвованныя на то значительныя суммы; но на записку ихъ, равно какъ и на производимый расходъ, не найдено у него вообще никакихъ приходныхъ и расходныхъ, или же какихъ-либо счетныхъ книгъ, кромѣ какъ только замѣчено между разными собственноручными его записками въ памятной книгѣ, что таковыхъ пожертвованій получено до 82 т. рублей, безъ означенія когда и большею частію неизвѣстно отъ кого.

Папулинъ, получа въ короткое время столь значительную сумму отъ пожертвованій, не употребилъ оную вдругъ на заведеніе богадѣльни, но, устраивая ее въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ малыми частями, завелъ сначала на отведенной ему подъ кладбище землѣ кирпичный сарай, и самъ, съ помощію находящихся въ скитѣ его людей и приходящихъ туда молиться, дѣлалъ кирпичъ, а прочіе матеріалы доставались ему также въ пожертвованіяхъ, и покупать доводилось только нѣкоторую часть. Затѣмъ наличныя деньги обратилъ онъ на торговлю и распространялъ оную часъ отъ часу болѣе, производя ее понынѣ не другимъ чѣмъ, какъ только скупкою холста, пряжи, грибовъ, масла и тому подобныхъ сельскихъ домашнихъ произведеній; снискалъ къ себѣ общую довѣренность не только единовѣрцевъ своихъ, но и прочихъ, даже и дворянъ. Къ тому же служили ему необыкновенная его дѣятельность, оборотливость и аккуратность.

Онъ ведетъ крайне воздержную жизнь, спитъ и ѣстъ мало; постель его составляется изъ простаго войлока; ночью молится, а съ наступленіемъ дня первый является на торгу и ярмаркахъ, которыя въ окрестностя Судиславля ежедневно почти бываютъ по разнымъ селеніямъ. Онъ не имѣетъ никакого другаго экипажа, какъ простую телѣгу, одѣвается покрестьянски и во всемъ ведетъ скромную и уединенную жизнь.

Теперь онъ считается тамъ изъ первѣйшихъ торговцевъ; съ 1820 года производитъ свою торговлю сверхъ другихъ мѣстъ и въ С.-Петербургѣ, при Голландской биржѣ, салфеточнымъ товаромъ, пряжей, холстомъ, краской, юхотнымъ товаромъ, Фламскимъ полотномъ и ра-

вендукомъ, которые отправляетъ на разныя иностранныя конторы посредствомъ находящагося здѣсь прикащика своего купца Лепехова; имѣетъ при биржѣ собственный свой амбаръ и въ гостиномъ дворѣ особую палатку. Онъ самъ показываетъ, что оборотъ его торговли простирается въ годъ свыше трехъ сотъ тысячъ рублей, но что собственнаго своего капитала имѣетъ не болѣе 80 т. рублей, а пользуется кредитомъ и довѣріемъ С.-Петербургскихъ и иностранныхъ купцовъ, посредствомъ Коммерческаго Банка, въ доказательство чего имѣетъ уплаченныхъ имъ векселей банковыхъ и разнымъ купцамъ болѣе нежели на 600 т. рублей; имѣетъ также довѣріе у тамошняго губернскаго предводителя, дѣйствительнаго камергера Татищева, у котораго закупаетъ всѣ произведенія на обширныхъ его фабрикахъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ секретно г. Шлыковымъ о пересылающихся къ нему наличныхъ денежныхъ суммахъ, оказывается, что въ продолженіе пяти лѣтъ, отъ 1823 года, получилъ онъ чрезъ Костромскую Почтовую Контору болѣе 300 т. рублей, и чрезъ Судиславльскую экспедицію до 85 т., всего до 400 т. рублей. Но въ превосходномъ противъ того количествѣ, какъ изъ собственныхъ его словъ замѣтить было можно, получаетъ онъ на закупку товаровъ чрезъ оказіи и чрезъ нарочныхъ изъ рукъ въ руки отъ разныхъ купцовъ и отъ своего прикащика Лепехова, который ежегодно пріѣзжаетъ къ нему самъ и даетъ отчетъ всегда словесный, какъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ Папулинъ поступаетъ. И потому способы къ точному открытію ихъ, какъ бы съ намѣреніемъ, отняты.

Папулинъ на сдѣланные ему вопросы, кто были именно вкладчики и въ какихъ годахъ, и гдѣ приходныя и расходныя его книги, изъ которыхъ можно бы было видѣть, сколько откуда всего поступило на его богадѣльню суммы и сколько куда израсходовано, отозвался, что тѣ вклады и пожертвованія происходили наиболѣе въ первыхъ трехъ годахъ, но по именамъ вкладчиковъ онъ показать не можетъ, ибо и самъ яко бы не знаетъ, потому что они отдавались черезъ руки другихъ, не объявляя, кто присылаетъ; что большею частію получалъ онъ вклады чрезъ бывшаго при его моленной наставника ихъ (умершаго уже назадъ тому другой годъ), съ просьбою не объявлять именъ ихъ, и что другіе предъ смертію завѣщевали тому наставнику на исповѣди. Почему онъ, Папулинъ, какъ не имѣющій никогда достоинства наставника или духовника, яко бы не могъ быть извѣстнымъ. О расходахъ же пишетъ: «я никакихъ приходныхъ и расходныхъ книгъ не имѣлъ, не предвидѣвъ надобности никому давать отчета; ибо кто повѣрялъ мнѣ какую сумму, тотъ былъ увѣренъ, что я ни на какія другія надобности не употреблю, какъ только на общее богадѣленное

заведеніе, и каждый увѣренъ, что я и все свое собственное достояніе обращаю не на что болѣе, какъ на тотъ же предметъ, о чемъ извѣстно токмо единому Богу».

Къ поддержанію сей мысли, онъ показалъ сдѣланный имъ проектъ духовнаго завѣщанія, писанный въ Судиславльской ратушѣ, что все свое имѣніе и капиталъ (котораго однакожъ нисколько тамъ не объясняетъ) завѣщеваетъ онъ для всегдашняго содержанія заведеннаго имъ богадѣленнаго дома, подъ управленіемъ трехъ избранныхъ имъ душеприкащиковъ, изъ коихъ наименованъ только одинъ управляющій его дѣлами въ С.-Петербургѣ, купецъ Лепеховъ, а для прочихъ оставленъ пробѣлъ, и духовная таковая еще не подписана.

Папулинъ почитается благотворительнѣйшимъ человѣкомъ не только находящимися въ заведенной имъ богадѣльнѣ, но и крестьянами изъ окрестныхъ селеній старообрядцами и правовѣрными. Многіе прибѣгаютъ къ нему въ нуждахъ своихъ: инымъ потребны деньги на уплату податей и оброка, или для откупа отъ помѣщика на волю, другимъ на покупку рекрута или хлѣба. И въ разныхъ подобныхъ тому случаяхъ, онъ снабжаетъ всѣхъ таковыхъ нуждающихся безъ всякихъ процентовъ и росписокъ, смотря по состоянію, и получаетъ отъ нихъ въ уплату по частямъ; но болѣе случается, что должники зарабатываютъ у него свой долгъ: возятъ и рубятъ дрова, перебираютъ скупаемые имъ грибы, коихъ онъ иногда продаетъ на сумму болѣе 40 т. рублей; на купленной имъ дачѣ, прилегающей къ самому его скиту, косятъ и убираютъ сѣно, или же работаютъ на заведенныхъ имъ мельницахъ и маслобойнѣ. И такимъ образомъ нечувствительно вознаграждаетъ онъ себя со сторицею; между тѣмъ какъ тѣ должники, находясь въ заведеніи его, получаютъ отъ него одежду, хорошую пищу и, пріохочиваясь къ расколу, вступаютъ въ оный, хотя въ семъ послѣднемъ никто не сознается; а находящіеся въ той сектѣ утверждаютъ, что они поступали въ оную по преданію яко бы родителей своихъ. Г. Шлыковъ распрашивалъ нѣсколькихъ изъ таковыхъ работниковъ, во сколько лѣтъ положено имъ заработать свой долгъ? Каждый изъ нихъ отозвался: «сколько угодно будетъ Николаю Андреевичу (т. е. Папулину); онъ богобоязливый человѣкъ, не обижаетъ никого, не обидитъ и меня». Одинъ изъ выкупившихся у помѣщика за ссуженные ему Папулинымъ 700 рублей и занимающійся у него всѣми работами рѣшился спросить находящагося при моленной Папулина наставника ихъ: сколько лѣтъ онъ будетъ заслуживать данныя на выкупъ его деньги? Тотъ отвѣчалъ ему: «Ты не долженъ о томъ думать; Божіи деньги, Богу будешь и зарабатывать». А какъ между тѣмъ отецъ и мать сего человѣка, по старости и дряхлости лѣтъ бу-

дучи не въ силахъ работать, отпущены были помѣщикомъ своимъ и приняты Папулинымъ въ богадѣльню его, то вышесказанный сынъ ихъ опредѣлилъ себя на всю жизнь служить Папулину безъ всякой платы, вошелъ въ ту секту и почитаетъ себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ.

II. О настоящемъ положеніи богадѣльни Папулина.

Богадѣльня сія устроена при самомъ кладбищѣ, которое соединяется съ дворомъ богадѣленнымъ, и все то обширное мѣсто обнесено высокимъ деревяннымъ заборомъ съ двумя воротами, ведущими одни на женскую, а другія на мужскую половину; наружныхъ украшеній и знаковъ, церковныхъ крестовъ, башень и колоколовъ никакихъ нѣтъ.

Главный корпусъ посреди двора каменный, довольно обширный, трехъ-этажный, крытый желѣзомъ, раздѣляющійся капитальною стѣною на двѣ половины, одна на женскій дворъ, а другая на мужской. Въ срединѣ сего корпуса на обѣихъ половинахъ устроены двѣ моленныя, довольно обширныя, а по сторонамъ оныхъ множество тѣсныхъ келій, въ которыхъ помѣщаться можетъ не болѣе какъ одинъ или два человѣка. Кельи сіи съ темными корридорами изъ каждой половины къ своей моленной, и множество выходовъ и лѣстницъ сообщающихся одна съ другою; но съ мужской половины на женскую только одинъ проходъ отъ кельи попечителя чрезъ келью наставника. Все то устроено чрезмѣрно безобразно; воздухъ стѣсненный, дурной и нездоровый; внутри же самыхъ келій, какъ и въ моленныхъ, довольно чисто и опрятно.

Для больныхъ и разслабленныхъ выстроены на дворѣ особыя деревянныя избы, которыя они называютъ лазаретами; но ни лѣкарей, ни лѣкарствъ нѣтъ, и оныя не употребляются, почитая сіе грѣхомъ и сопротивленіемъ волѣ Божіей.

Внутри дворовъ имѣются разныя хозяйственныя строенія, частію каменныя, а частію деревянныя, амбары и погреба съ большимъ количествомъ жизненныхъ припасовъ; но между оными ничего нѣтъ мяснаго и горячихъ напитковъ, которыхъ въ той богадѣльнѣ не употребляется ни въ какихъ случаяхъ; довольно большой скотный дворъ, бани особенныя на мужскомъ и женскомъ дворахъ, огороды и тому подобное.

Въ особенности на женскомъ дворѣ при прачешной, на протекающей небольшой рѣчкѣ, проведенной чрезъ внутрь двора, устроена въ видѣ купальни или платьемойни запруда, гдѣ, какъ изъ послѣдствій оказывается, раскольническіе наставники крестятъ вступающихъ въ ихъ секту людей. Для лучшаго же усмотрѣнія всего того, г. Шлы-

ковъ представилъ вѣрнѣйшій планъ всему расположенію той богадѣльни и фасадъ главному корпусу съ разрѣзомъ внутренняго вида.

Въ моленныхъ сдѣланы иконостасы изъ большихъ мѣстныхъ образовъ, на подобіе церкви, только безъ алтаря; по обѣимъ сторонамъ клиросы; посреди предъ иконостасомъ, въ нѣкоторомъ отъ онаго разстояніи, поставлены три налоя, изъ коихъ на среднемъ, предъ изображеніемъ распятія Христова, находится Евангеліе, на другомъ Апостолъ, а на третьемъ Псалтирь, благоговѣйно накрывающіеся пеленами; предъ мѣстными образами повѣшены паникадилы съ большими свѣчами и лампады.

Образа, коими украшены обѣ моленныя, пріобрѣтены Папулинымъ покупкою изъ древнихъ церквей, съ позволенія духовной власти, въ 1817 г., въ Костромѣ, изъ Царе-Константиновской церкви, двадцать образовъ за 300 р., а прочіе въ 1822 и 1826 годахъ въ городѣ Солигаличѣ изъ Благовѣщенскаго собора, всего на 16 тыс. 800 р., и въ томъ онъ имѣетъ отъ духовныхъ правленій формальныя свидѣтельства, что таковые проданы именно Папулину за излишествомъ, а другіе по причинѣ порчи и расколотья; хотя сего на тѣхъ образахъ и непримѣтно, но Папулинъ утверждаетъ, что тѣ порчи исправлены уже имъ. Впрочемъ богатаго украшенія на образахъ сихъ нѣтъ, а драгоцѣнность ихъ они находятъ въ древней живописи и тогдашнемъ расположеніи идей.

Находящіеся въ богадѣльнѣ люди ведутъ строгую монашескую жизнь, а особливо женщины, дикія и боящіяся людей, углублены въ набожность и, при всякомъ отвѣтѣ на вопросы, повторяютъ свои молитвы; въ молодыхъ же еще болѣе видна сія дикость, и онѣ, безъ позволенія своей старшей (каковою есть вышесказанная первая основательница особой женской моленной, Ульяна Красильникова) не отвѣчаютъ ни на какой вопросъ.

Взводимое на нихъ подозрѣніе, что якобы онѣ имѣютъ тамъ совокупное житіе, не вступая однакоже въ супружество, нимало не подтверждается по всѣмъ дѣланнымъ розысканіямъ, и даже совершенно противно системѣ той секты: на женскую половину и въ моленную никто изъ мущинъ не можетъ входить, кромѣ одного наставника, который избирается всегда изъ стариковъ, а иногда приходитъ туда самъ попечитель Папулинъ, по хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Одежда у мущинъ не имѣетъ ничего особливаго, а обыкновенное простонародное крестьянское одѣяніе, какъ-то сермяга или армякъ, каковое одѣяніе безъ всякаго отличія носитъ и самъ Папулинъ; женщины же носятъ платье стараго Русскаго покроя, изъ черной или темно-синей простой матеріи, и распущенные на головѣ черные

большіе платки, закрывающіе все лицо. Пища ихъ состоитъ изъ постныхъ вещей, рыбы и молочнаго; попечитель ихъ, Папулинъ, ни въ чемъ не различествуетъ отъ прочихъ, только обѣдаетъ одинъ въ своей кельѣ, отзываясь частою отлучкою изъ богадѣльни по дѣламъ своимъ.

Для отправленія богослуженія собираются всѣ они въ моленную въ назначенные часы, исключая больныхъ и чрезмѣрно дряхлыхъ, и моленіе начинается ночью съ двухъ часовъ и продолжается до пяти утра; потомъ отъ 7-ми часовъ, а въ праздничные дни отъ 9-ти час. (по причинѣ сходящагося народа изъ окрестныхъ деревень) и продолжается 2 часа; послѣ обѣда, отъ 3-хъ до 7-ми часовъ. Богослуженіе у нихъ до обѣда состоитъ изъ всенощной, заутрени и часовъ, вмѣсто литургіи; а послѣ обѣда, изъ вечерни, акаѳиста и канона. Отправляется оное по старопечатнымъ книгамъ, которыя пріобрѣтаютъ они покупкою по ярмаркамъ, бывающимъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ наиболѣе гнѣздятся расколы: въ Нижнемъ, въ Кинешмѣ, въ извѣстномъ графа Шереметева селѣ Ивановѣ и другихъ мѣстахъ; книги сіи перепечатываются въ монастыряхъ Почаевскомъ и въ Виленскомъ, Уніатскомъ, Базиліанскомъ.

Въ моленную Папулина по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собираются богомольцы изъ разныхъ окружныхъ селеній, въ числѣ коихъ приводятся родственниками или знакомыми несовершеннолѣтнія дѣти, иногда же и взрослые заходятъ сами туда изъ любопытства и пріохочиваются къ расколу; а особливо женщины, видя нѣсколько молодыхъ и всякаго возраста клирошанокъ, коихъ становится на клиросахъ до 30 человѣкъ, пристойно одѣтыхъ и хорошо накормленныхъ.

По секретнымъ развѣдываніямъ г. Шлыкова не оказалось, чтобы происходили въ богадѣльнѣ Папулина какіе-либо сборы или добровольныя складки, исключая того, что въ обѣихъ моленныхъ поставлено по одной кружкѣ или ящику, въ которые опускается подаяніе во время случающихся на ихъ кладбищѣ раскольническихъ погребеній. За чтеніе по усопшимъ псалтири, за акаѳисты и за масло въ лампадахъ предъ образами, вмѣсто свѣчей, теплющееся, такъ какъ у нихъ, кромѣ большихъ мѣстныхъ свѣчей другихъ не употребляется, или же весьма мало (сборъ сей не опредѣлителенъ) всякій жертвуетъ по возможности и по желанію, и обращается опять на свѣчи и масло, а также на гробы и погребеніе бѣдныхъ, не помѣщавшихся въ богадѣльнѣ, а проживавшихъ по деревнямъ. Для примѣра, сколь великъ можетъ быть таковой доходъ, г. Шлыковъ вмѣстѣ съ полицемейстеромъ свидѣтельствовалъ тѣ кружки, въ кои собрано въ теченіе полугода мѣдною и серебрянною монетою въ мужской моленной 186 руб. 36 коп.;

а въ женской—131 р. 5 коп.; всего 317 руб. 41 коп. Сей видимый доходъ, какъ будто бы отъемлемый у приходскаго духовенства, наиболѣе заставляетъ оное преслѣдовать ту богадѣльню.

При первоначальномъ обозрѣніи г. Шлыковымъ богадѣльни, найдено въ оной живущихъ: мужескаго пола 30 и женскаго 113 чел., а обоего пола 143 души. По приведеніи всѣхъ ихъ въ извѣстность, посредствомъ допросовъ съ описаніемъ каждаго примѣтъ и выправокъ, оказалось, что одни изъ ближнихъ селеній, казенные и помѣщичьи крестьяне, изъ коихъ нѣкоторые имѣли отъ помѣщиковъ своихъ и вотчинныхъ начальниковъ позволительныя письма именно въ ту богадѣльню, но большая часть безъ оныхъ и якобы по словесному дозволенію и безъ всякихъ паспортовъ, какъ изъ такихъ мѣстъ, которыя не далѣе семиверстнаго разстоянія; другіе изъ отдаленныхъ мѣстъ и губерній, изъ Москвы, Казани, Риги, Архангельска и Ярославля; мѣщане, крестьяне, отставные солдаты и солдатки, на которыхъ всѣхъ тотчасъ представлены были попечителемъ богадѣльни Папулинымъ узаконенные виды: однихъ плакатные паспорты, а другихъ указы объ отставкѣ, и сіи послѣдніе не подлежали никакому сомнѣнію. Большая часть живущихъ тамъ людей состоитъ изъ откупившихся отъ помѣщиковъ вѣчно на волю и приписавшихся къ Судиславльскому посаду, за которыхъ всѣ подати и другія общественныя повинности уплачиваетъ Папулинъ, такъ какъ они въ томъ городѣ ни домовъ, ни родственниковъ, ниже промысла никакого не имѣютъ, а единственная цѣль таковой приписки была доставить имъ безпрепятственное и ближайшее средство находиться въ богадѣльнѣ. Они составляли псаломщиковъ и псаломщицъ, канонарховъ и пѣвчихъ, и тѣмъ не менѣе распространялся соблазнъ заблужденія въ вѣроисповѣданіи. Относительно плакатныхъ паспортовъ съ нѣкоторыхъ уже лѣтъ Папулинымъ принята предосторожность, что ежели кто приходитъ въ его богадѣльню изъ отдаленнаго какого-либо мѣста, не имѣя паспорта, котораго иногда не могъ получить по недостатку своему или которому изъ принятыхъ уже минетъ срокъ, онъ для каждаго выписываетъ изъ тѣхъ губерній паспорты на свой счетъ и на сіе издерживаетъ, по соображенію, ежегодно болѣе пятисотъ рублей. Паспорты сіи, будучи присланы заочно, записывались только для проформы въ Судиславльской ратушѣ, также заочно, безъ повѣрки примѣтъ, отчего и были найдены въ нѣкоторыхъ ошибки и несходства.

Бѣглыхъ не оказалось ни одного человѣка, кромѣ нѣкотораго числа молодыхъ и здоровыхъ людей, ни по чему богадѣленнаго призрѣнія не заслуживающихъ. Сіи люди, оставя свои домы и семейства, удалившись отъ приличнаго и общеполезнаго занятія, только развра-

щаются и другихъ соблазняютъ къ заблужденію. И таковыхъ, неумѣстно живущихъ, найдено 49 челов.; но они всѣ, по распоряженію г. Шлыкова, изъ богадѣльни высланы и посредствомъ Губернскаго Правленія отправлены въ мѣста родины ихъ, одни въ свои дома, а другіе къ родственникамъ; въ богадѣльнѣ же осталось мужескаго пола 19 и женскаго 75 челов.; всего 94 человѣка.

О сихъ послѣднихъ, равно и о высланныхъ, представленъ г. Шлыковымъ именнной списокъ съ показаніемъ, кто по какимъ уваженіямъ оставленъ и кто высланъ.

Затѣмъ, въ разсужденіи распоряженій, сдѣланныхъ Губернскимъ Правленіемъ о высылкѣ изъ богадѣльни лишнихъ людей, г. Шлыковъ представляетъ слѣдующія замѣчанія: a) въ разсужденіи приписавшихся къ Судиславльскому мѣщанству изъ другихъ селеній вольноотпущенныхъ людей, Губерн. Правленіе въ 5-мъ пунктѣ своего постановленія заключило: «дабы они непремѣнно втеченіе шести мѣсяцевъ, считая отъ дня взятія съ нихъ подписокъ, обратились въ тѣ мѣста и общества, къ коимъ прежде сего принадлежали; въ противномъ случаѣ, какъ ослушники законной власти, будутъ преданы суду». Но, кажется, не будетъ ли сія мѣра отяготительна и противна общему порядку; ибо изъ того заключается, что правленіе велитъ имъ обратиться опять въ крѣпостные къ своимъ помѣщикамъ, тогда какъ они заплатили за себя деньги и отпущены отъ нихъ вѣчно на волю съ установленными отпускными, имѣютъ право избрать себѣ свободный классъ людей, на основаніи изданныхъ узаконеній, и приписаться ежели не къ Судиславльскому посаду, то въ другомъ мѣстѣ, кто гдѣ пожелаетъ, или же назначить имъ отъ правительства мѣсто.—b) На кладбищѣ отведенномъ по указу Губерн. Правленія при Судиславльской богадѣльнѣ похороняются мертвыя тѣла раскольниковъ, какъ Судиславльскихъ мѣщанъ, такъ и крестьянъ, по деревнямъ живущихъ, въ окрестности на 20 верстъ, и Правленіе въ отклоненіе всякихъ въ томъ притязаній и сомнѣній, по просьбѣ Папулина, въ 1813 году, постановило, чтобы на погребеніе тѣхъ раскольничьихъ тѣлъ позволительные билеты выдавала Судиславльская ратуша. Но сія послѣдняя на выдачу билетовъ не имѣетъ никакого права; почему, съ опредѣленіемъ же нынѣ въ Судиславль полиціймейстера, выдача билетовъ мѣщанамъ относиться должна непосредственно къ нему, а выдача крестьянамъ къ земской полиціи.—c) Устроеннымъ въ богадѣльнѣ Папулина моленнымъ, какъ мужской такъ и женской, по мнѣнію его, не слѣдуетъ быть публичными для всякаго приходящаго, а должны онѣ служить только для тѣхъ, которые проживаютъ въ той богадѣльнѣ, и потому приходъ туда всѣмъ прочимъ надлежитъ запретить.—d) Поелику

существованіе самой той богадѣльни въ нынѣшнемъ ея видѣ, показанномъ на представленномъ планѣ, не соотвѣтствуетъ тому предположенію, какое основывалось на подносимомъ планѣ при испрашиваніи высоч. повелѣнія, и устроеніе тѣсныхъ келій и коррицоровъ препятствуетъ удержанію чистаго и свѣжаго воздуха, потребнаго для здоровья богадѣленныхъ, а паче къ отнятію всякаго сомнѣнія и безпорядка въ укрывательствѣ, надлежитъ склонить попечителя той богадѣльни уничтожить немедленно всѣ тѣ кельи, ненужные корридоры и выходы, а сдѣлать обширныя по возможности комнаты, въ которыхъ помѣщалось бы, съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ кроватей, по нѣскольку человѣкъ. Къ сему нисколько не могутъ препятствовать капитальныя стѣны нынѣшняго зданія, и передѣлка богадѣльни не потребуетъ большой издержки, на которую, какъ кажется, безъ всякаго затрудненія, будетъ согласенъ попечитель Папулинъ. Послѣ сего, живущіе тамъ люди будутъ знать одинъ другаго и станутъ постепенно выходить изъ той дикости, какою обыкновенно покрыты отшельники, а полиціи лучшій предоставится способъ надзирать за всѣмъ происходящимъ въ богадѣльнѣ.—e) Насчетъ находившагося при богадѣльнѣ наставника, который уже умеръ, назадъ тому другой годъ, и на мѣсто его Папулинъ ожидаетъ другаго, какъ онъ въ отвѣтахъ своихъ говоритъ, изъ Московскаго старообрядческ. кладбища, то нужно ли тамъ быть таковому наставнику? Ибо они при богомоленіи никакого чинодѣйствія не имѣютъ, а только перекрещиваютъ или раскрещиваютъ христіанъ, причемъ попечитель Папулинъ, хотя и устраняется отъ сего, и какъ бы дѣлается то безъ его вѣдома, яко не имѣющаго духовнаго значенія, но во всякомъ случаѣ за происходящій соблазнъ и безпорядокъ поставить въ обязанность ему отвѣтствовать яко хозяину того дома.—f) Относительно имѣющихся въ богадѣльнѣ книгъ, по коимъ отправляется богослуженіе, г. Шлыковъ полагаетъ предоставить разсмотрѣть оныя кому слѣдуетъ, на случай могущаго тамъ быть чего-либо вреднаго и соблазнительнаго, и g) Дабы въ заведеніи Папулина ничего не было сокрыто отъ вниманія губернскаго начальства, то постановить правиломъ, чтобъ полиціймейстеръ ежемѣсячно рапортовалъ губернатору о числѣ находящихся въ заведеніи семъ людей, кто они именно, по какимъ видамъ и уваженіямъ тамъ проживаютъ; а самому губернатору вмѣнить въ обязанность внезапно навѣщать означенное заведеніе. Таковой надзоръ за заведеніемъ Папулина тѣмъ болѣе необходимъ, что не только въ окрестностяхъ онаго, но и во всей губерніи нѣтъ подобныхъ заведеній, и потому бѣдные невольно стремятся къ Папулину.

О расколѣ и о причинахъ умноженія его.

Г. Шлыковъ, при обозрѣніи заведенія Папулина, духа и расположенія его къ расширенію своего заведенія, внутреннихъ и внѣшнихъ къ сему распоряженій, не могъ нигдѣ замѣтить столько простодушныхъ, склонныхъ къ набожности и фанатизму людей, какъ въ сихъ мѣстахъ. Они, ища спасенія душъ своихъ, невольно заблуждаются въ расколахъ по допущеніямъ мѣстнаго начальства, а болѣе всего отъ недостатка просвѣщеннаго и съ хорошею нравственностію духовенства, которое въ тѣхъ мѣстахъ должно бы опредѣлять изъ примѣрнѣйшихъ пастырей. Нынѣ тамъ находящіеся духовные не токмо не оказываютъ того добраго примѣра и духа кротости, какой отъ сана ихъ требуется, и не стараются обращать заблуждающихся на путь истины благоразумными убѣжденіями, но, напротивъ того, собственными поступками, корыстолюбіемъ, ненавистью и несправедливыми преслѣдованіями тѣхъ заблуждающихся, ожесточаютъ только ихъ, заставляютъ ненавидѣть себя до чрезмѣрности и, тѣмъ самымъ отклоняя отъ церкви, укореняютъ въ нихъ фанатизмъ и возбуждаютъ только къ расколу.

Едва ли гдѣ есть столь часто настроенныхъ церквей по деревнямъ, какъ въ Костромской губерніи, которыя, бывъ сооружены по усердію одного или нѣсколькихъ лицъ, оставлены на содержаніи приписаннаго прихода, по положенному числу душъ или дворовъ, не смотря на то, что изъ таковыхъ большая часть записныхъ раскольниковъ, уклонившихся отъ церкви, и потому оныя остаются безъ приличнаго содержанія. Но при всемъ томъ находятся при нѣкоторыхъ изъ тѣхъ церквей по два и по три причта; а чѣмъ болѣе церковнослужителей, тѣмъ недостаточнѣе дѣлается оныхъ положеніе, и крайность заставляетъ ихъ прибѣгать не только къ унизительнымъ, но даже къ презрительнымъ и преступнымъ средствамъ.

Къ сему приводятся примѣры:

1) Приходскіе священники, не исключая самаго Судиславля (въ которомъ, при 120 дворахъ большею частью раскольническихъ или бѣдныхъ мѣщанъ, находится протоіерей съ двумя священниками и тройнымъ комплектомъ притча, не менѣе другихъ нуждающіеся въ содержаніи себя) не гнушаются брать отъ раскольника Папулина жалованье, которое онъ даетъ имъ деньгами и продуктами за то только (какъ должно полагать), чтобы не преслѣдовали или менѣе преслѣдовали раскольниковъ.

2) Въ праздничные и воскресные дни, во время литургіи, священники и дьяконы ходятъ по церкви съ кадилами, а за ними дьячки съ тарелочками, и первые, бывъ въ полномъ духовномъ облаченіи, собираютъ, или, лучше сказать, вымогаютъ у приходящихъ въ церковь молиться деньги для поддержанія своего состоянія, кромѣ обыкновеннаго, установленнаго церковнаго сбора; отъ чего они удерживаютъ иногда другихъ идти въ церковь, ежелибъ и желалъ кто быть въ храмѣ Божіемъ. Раскольники же въ заведенныхъ ими своихъ моленныхъ весьма воздерживаются отъ всѣхъ таковыхъ сборовъ.

3) Въ двунадесятые праздники священники, ходя по домамъ прихожанъ своихъ съ крестомъ и святою водою, заходятъ къ извѣстнымъ и записнымъ уже раскольникамъ не для того, чтобы въ жилище ихъ внести благоговѣйно святыню, зная прежде, что они не впускаютъ ихъ къ себѣ, но только чтобъ у воротъ тѣхъ раскольниковъ получить доходъ, несмотря, что раскольники даютъ имъ съ презрѣніемъ, и за то только, чтобъ они не входили въ ихъ дома.

4) При крещеніяхъ, бракосочетаніяхъ и погребеніяхъ, приходскіе священники выдумываютъ разныя притѣсненія для корыстныхъ своихъ видовъ, за что также остаются въ ненависти у своихъ прихожанъ; нѣкоторые даже дозволяютъ себѣ, въ угожденіе раскольниковъ, вѣнчать, кто какъ пожелаетъ, однихъ по солнцу, а другихъ противъ солнца.

5) Введено въ употребленіе всякаго младенца крестить въ домѣ, а не въ церкви, что́ позволено иногда только дѣлать изъ уваженія, гдѣ случится больной младенецъ; тамъ же изъ того происходитъ большое зло, какъ сознаются и сами духовные, что раскольники, пользуясь призывомъ священника къ себѣ въ домъ, убѣждаютъ его—и нѣкоторые соглашаются—крестить по стариннымъ раскольническимъ требникамъ, или же иногда и совсѣмъ не крестятъ, а только вписываютъ въ число крещеныхъ. Хотя таковыя дѣйствія духовныхъ дѣлаются и остаются въ тайнѣ на совѣсти только ихъ (чего производствомъ формальныхъ розысканій обнаружить трудно), но сіе есть истина, въ которой можно удостовѣриться отъ самихъ священниковъ.

6) Изъ показанія нѣкоторыхъ крестьянъ видно, что они платятъ священникамъ такъ-названную заочную исповѣдь, т.-е., ежели кто-нибудь изъ нихъ не бываетъ у своего приходскаго священника на исповѣди, по причинѣ отлучки изъ дому за какимъ-либо промысломъ, или для работы, а иногда и по нерадѣнію, то таковый, вмѣсто исповѣди приноситъ деньги (что́ называется заочною исповѣдью) и по простодушію своему вѣритъ, что онъ исполнилъ тѣмъ какъ будто долгъ по

христіанской церкви; но чрезъ таковое послабленіе крестьяне охладѣваютъ къ религіи и потомъ легко уже обращаются въ расколъ, въ вѣдомостяхъ же о небывшихъ на исповѣди не состоятъ. А священники дѣлаютъ сіе для того только, чтобъ не потерять своего дохода, котораго за заочную исповѣдь получаютъ они еще болѣе, нежели за истинную.

7) Умирающихъ раскольниковъ, которые, чуждаясь святыя церкви, не обратились къ оной предъ смертію и не напутствовавшись умерли въ закоренѣломъ и непреклонномъ заблужденіи, хоронятъ при церкви на общемъ христіанскомъ кладбищѣ изъ единой только корысти получить за погребеніе. А напротивъ, желающимъ изъ таковыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ похорониться на отведенныхъ имъ кладбищахъ препятствуютъ, пока не получатъ отъ раскольниковъ деньги за позволеніе; иначе же, кто не въ состояніи заплатить требуемаго священникомъ побора, то, допустивъ такого похоронить на раскольническомъ кладбищѣ, начинаютъ послѣ того дѣло на счетъ родныхъ умершаго или попечителя старообрядческаго кладбища, и оканчивается примиреніемъ духовныхъ.

8) Приходскіе священники, ходя со святынею по деревнямъ своего прихода, забираютъ сами собою въ домахъ у старообрядцевъ образа и книги и увозятъ ихъ съ собою, а потомъ за выкупъ денежный отдаютъ назадъ, или теряютъ ихъ, не представляя и не донося о томъ своему начальству, якобы находятъ въ нихъ что-нибудь противное порядку. При семъ иногда случается, что деревенскіе жители, собравшись толпою, отбираютъ у нихъ означенныя вещи насильно на дорогѣ.

9) Когда пріѣзжаютъ къ старообрядцамъ наставники ихъ для исполненія по ихъ обрядамъ требъ, то приходскіе священники дѣлаютъ имъ притѣсненіе съ помощію служителей земской полиціи, берутъ ихъ и связанныхъ увозятъ въ свои села, подъ предлогомъ неимѣнія паспортовъ; а наставники тѣ принуждены прибѣгать къ единому своему средству, т.-е. откупаться деньгами. Раскольники никогда не жалуются на дѣлаемыя имъ преслѣдованія, но, по внушенію и ученію наставниковъ своихъ, почитаютъ всякій таковой случай гоненіемъ, въ видѣ мученическаго терпѣнія за вѣру, и тѣмъ тверже укореняются въ своемъ фанатизмѣ.

Таковые поступки приходскаго духовенства едва ли доходятъ до свѣдѣнія ихъ начальства, и потому Консисторія, по вступающимъ отъ одного священника на другаго доносамъ, посылаетъ токмо свои отношенія въ Губернское Правленіе и, не входя въ истинную причину доноса, довольствуется повидимому одною проформою, равно какъ и Губернское Правленіе, по дѣлаемымъ къ нему отъ Духовной Консисторіи

отзывамъ, предписываетъ только земской полиціи о произведеніи слѣдствія и объ отсылкѣ дѣла въ судъ; но тамъ или не открыто виновнаго, или прекращено дѣло всемилостивѣйшимъ манифестомъ, между тѣмъ какъ иное дѣло подъ манифестъ и не подходитъ, и нигдѣ не видно, чтобъ кто-нибудь протестовался. Другія же дѣла по нѣскольку лѣтъ продолжались или оставались безгласными въ самомъ Губернскомъ Правленіи, и вообще губернское начальство, какъ кажется, слабое обращало вниманіе на дѣла и поступки раскольниковъ, доказательствомъ чего служитъ допущеніе, вмѣсто высочайше дозволенной въ 1812 г. близь Судиславля богадѣльни, устроить не столько человѣколюбивое заведеніе, какъ монастырь или совершенный скитъ, отъ котораго приводится только болѣе простодушныхъ въ соблазнъ, а въ продолженіе 15 лѣтъ ни одинъ изъ начальниковъ губерніи ни разу не навѣстилъ заведенія Папулина при обозрѣніи губерніи, слѣдуя всякій разъ мимо его по большому Нижегородскому или Макарьевскому тракту.

Къ распространенію раскола особенно способствуютъ разъѣзды наставниковъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ наиболѣе гнѣздится секта поморцевъ, какъ-то: изъ Кинешмы, Олонца, Казани, иногда и изъ Москвы. Они разъѣзжаютъ въ извѣстное время годовыхъ постовъ предъ Рождествомъ Христовымъ и Свѣтлымъ Воскресеньемъ отъ одной моленной до другой, и изъ своихъ собратій однихъ исповѣдуютъ, другимъ дѣлаютъ наставленія, а приспособленныхъ въ продолженіе времени къ расколу и желающихъ вступить въ оный крестятъ по своему или, какъ они говорятъ, утверждаютъ въ вѣрѣ. Таковые разъѣзды ихъ наставниковъ дѣлаются безъ обнародованія и довольно скромно, такъ что и у нововступившихъ въ секту съ большимъ трудомъ можно узнать, кто его перекрещивалъ или утверждалъ въ сектѣ не потому, чтобы каждый хотѣлъ утаивать оное, но по неизвѣстности.

Поморская секта раздѣляется на двѣ: Старопоморскую и такъ-называемую Новоженовъ. Первая изъ нихъ есть злѣйшая секта тѣмъ, что, кромѣ непризнаванія таинства причащенія, уничтожаетъ таинство бракосочетанія, стараясь вводить дѣвственность. Есть примѣры, что въ селеніяхъ, гдѣ секта сія существуетъ, ни одна почти дѣвка не выходитъ замужъ; почему онѣ стараются всячески избѣгать замужества: помѣщичьи для откупа отъ помѣщиковъ готовы продать до послѣдней вещи изъ своего имущества, а достаточные изъ раскольниковъ спѣшатъ въ таковыхъ случаяхъ имъ на помощь ссудою денегъ, въ родѣ пожертвованія или заимообразно; женатые же, вступивши въ сію секту, разрушаютъ уже брачныя узы или удаляются отъ натуральныхъ совокупленій.

Наконецъ, статскій совѣтникъ Шлыковъ представилъ особо произведенное имъ изслѣдованіе по письмамъ г-жи Арсеньевой, жалующейся на Папулина въ развращеніи и раззореніи крестьянъ ея, отчего накопилось на нихъ въ недоимкѣ оброку 33 т. рублей.

По изслѣдованію сему оказывается слѣдующее.

Расколъ въ вотчинѣ г-жи Арсеньевой существуетъ отъ давнихъ лѣтъ, и тамъ, въ деревнѣ Фроловкѣ, принадлежащей той же вотчинѣ, есть донынѣ особенная ихъ моленная, но частію относятся они и къ Судиславльской моленной. Крестьяне сіи развращаются какъ во Фроловской моленной, такъ и въ другой, не подалеку ихъ имѣющейся, помѣщика Беклеманова, въ деревнѣ Зманкахъ. Обѣ сіи послѣднія моленныя, при коихъ устроены и небольшіе скиты, не показаны были въ представленныхъ въ 1826 году вѣдомостяхъ. Изъ имѣнія сего довольное число дѣвокъ продано раскольникамъ, подъ предлогомъ увольненія ихъ вѣчно на волю.

По спискамъ подданнымъ отъ попечителя старообрядцевъ Папулина, при начальномъ основаніи богадѣльни его и въ оной моленныхъ въ 1813 году, показано было старообрядцевъ:

Муж. пола	127
Женскаго	397
Поступившихъ вновь въ продолженіе 15 лѣтъ: мужск.	72
» » » » » » женскаго	186

Въ томъ числѣ изъ вотчины г-жи Арсеньевой было прежде муж. пола 11-ть, женск.—61; вновь въ продолженіе 15-ти лѣтъ прибыло мужскаго—11-ть, а женскаго—31. Но того, чтобъ попечитель Папулинъ имѣлъ особенное какое-либо вліяніе на крестьянъ Арсеньевой, не открыто.

Изъ новопоступившихъ въ расколъ въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, въ вотчинѣ г-жи Арсеньевой оказались одинъ крестьянинъ и три женщины; въ числѣ послѣднихъ и тѣ двѣ женщины, о которыхъ упоминается въ представленныхъ г-жею Арсеньевой письмахъ; но изъ сихъ четырехъ крестьянинъ и одна женщина обратились паки къ православной церкви, а двѣ остались непреклонными.

Они, не обвиняя ни въ чемъ Папулина, показываютъ, что они поступили въ расколъ по убѣжденію другихъ крестьянъ той же вотчины.

По дѣлу сему оказываются явными соблазнителями: 1) Вотчины г-жи Арсеньевой, деревни Задорожья, крестьянинъ Прохоръ Давыдовъ, который былъ уже за то и наказанъ прежде отъ опекуна отдачею въ смирительный домъ, но не исправляется и до такой сте-

пени соблазнъ сей простираетъ, что въ торговые и праздничные дни выходитъ на большую дорогу и уговариваетъ всякаго проходящаго. 2) Помѣщика Писемскаго крестьянка, а нынѣ отпущенная вѣчно на волю дѣвка Марья Васильева. 3) Помѣщика Беклеманова, деревни Зманковъ, крестьянинъ Карпъ Галактіоновъ, имѣющій у себя раскольнич. моленныя, склоняетъ въ оныхъ къ расколу простодушныхъ крестьянъ, и 4) бывшій наставникъ при богадѣльнѣ Папулина, крестьянинъ Ѳедоръ Артемьевъ, совершавшій раскрещиваніе христіанъ; но оный, какъ удостовѣряетъ Судиславльская ратуша, въ 1827 году умеръ.

Отъ сихъ послѣднихъ безпорядковъ, происходившихъ въ богадѣльнѣ, попечитель оной Папулинъ, хотя и устраняетъ себя, какъ будто оные происходили безъ его вѣдома, но за допущеніе сего онъ долженъ отвѣтствовать.

ПОЛОЖЕНО.

Комитетъ, усматривая изъ представленныхъ сенаторомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ свѣдѣній, что купецъ Папулинъ, несмотря на сдѣланное ему въ 1830 году, по высочайшему повелѣнію, воспрещеніе принимать вновь кого-либо въ устроенную имъ въ городѣ Судиславлѣ богадѣльню, дозволилъ себѣ помѣщеніе послѣ того въ означенную богадѣльню на призрѣніе 7 человѣкъ и такимъ образомъ нарушилъ одно изъ главнѣйшихъ условій, на коихъ допущено существованіе богадѣльни по жизнь его—полагаетъ богадѣльню сію, какъ устроенную на счетъ неизвѣстныхъ вкладчиковъ и притомъ на городской, выгонной землѣ, обратить нынѣ же въ вѣдѣніе Костромскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, продоставивъ оному находящихся въ богадѣльнѣ 1 мущину и 8 женщинъ помѣстить на пропитаніе по своему усмотрѣнію, съ тѣмъ только, чтобы люди сіи не оставались безъ надлежащаго за ними наблюденія.

*

Извлечено изъ старообрядческихъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и поступившихъ туда послѣ покойнаго Дурова (а не Дирина, какъ ошибочно напечатано въ І-й книгѣ Р. Архива сего года, стр. 191). П. Б.

ИЗЪ СЛУЖЕБНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ В. С. ТОЛСТАГО.

Владимиръ Сергѣевичъ Толстой служилъ долгое время чиновникомъ особыхъ порученій при Е. А. Головинѣ и потомъ при князѣ Воронцовѣ. П. Б.

Въ 1852 году въ Закавказьи, два охотника изъ слободы Алты-Агачь (Шемахинскаго уѣзда), населенной на половину молоканами и на половину скопцами, охотясь въ горахъ по первому осеннему снѣгу, напали на слѣдъ куницы и, идя по этому слѣду, въ лѣсномъ ущельѣ, близъ дороги, ведущей въ Шемаху, набрели на груду камней, подъ которыми скрылась куница. Раскидавъ эту груду, они нашли трупъ скопчихи, у которой одна нога была уже обгрызена, повидимому куницей *).

Наряжено слѣдствіе, но безуспѣшно: ни личность убитой ни время убійства, слѣды котораго явно обозначались на трупѣ, ни виновники душегубства, не были открыты. Губернскій жандармскій штабъ-офицеръ, доводя до свѣдѣнія своего начальства объ этомъ происшествіи, писалъ, что Алты-Агачинскіе скопцы, находясь подъ покровительствомъ своихъ богатыхъ единовѣрцевъ, живущихъ въ самой Шемахѣ, совершаютъ изувѣрства, насильственно скопятъ людей, и въ доказательство привелъ нѣсколько случаевъ подобнаго насилія.

Это донесеніе жандармскаго штабъ-офицера было передано, по высочайшему повелѣнію, Кавказскому намѣстнику, князю Воронцову, который поручилъ мнѣ раскрыть преступленія, совершенныя среди скопцовъ Алты-Агача и Шемахи, ознакомиться съ ихъ ученіемъ, обрядами и обычаями и придумать мѣры къ обузданію ихъ изувѣрства.

По пути въ Шемаху, я встрѣтилъ тамошняго губернатора, Сергѣя Гавриловича Челяева (природнаго Грузина, но совершеннаго

---

*) Дѣло 1853 года канцеляріи намѣстника Кавказскаго о скопцахъ Шемахинской губерніи.

Европейца). Онъ сообщилъ мнѣ, что съ его стороны сдѣлано распоряженіе оказывать мнѣ всевозможное содѣйствіе, не бюрократическое только, а на самомъ дѣлѣ. О какой-либо канцелярской помѣхѣ и рѣчи быть не могло: князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, несмотря на мягкость въ обращеніи, на изысканную вѣжливость и внимательность, имѣлъ замѣчательный даръ держать своихъ подчиненныхъ въ наистрожайшемъ повиновеніи.

Передъ выѣздомъ изъ Тифлиса, я заѣхалъ проститься съ экзархомъ Грузіи, дѣятельность котораго въ то время была направлена на построеніе и возобновленіе опустѣвшихъ храмовъ экзархата. Высокопреосвященный, узнавъ, куда я ѣду, просилъ меня осмотрѣть и, по возвращеніи, передать ему подробности о положеніи вновь воздвигаемаго собора въ городѣ Шемахѣ. При этомъ святитель передалъ мнѣ, что въ этомъ городѣ, кромѣ эпархіальнаго священника о. *Зотика* (природнаго Грузина), есть еще священникъ военнаго вѣдомства, мѣстнаго линейнаго баталіона, и что эти два духовныя лица враждуютъ между собою до такой степени, что, встрѣчаясь другъ съ другомъ на улицѣ, производятъ истинный соблазнъ для жителей: обстоятельство прискорбное, а тѣмъ паче въ городѣ, который почти сплошь населенъ магометанами.

Прибывъ въ Шемаху, я послалъ спросить отца Зотика, когда могу я осмотрѣть строющійся соборъ? Священникъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ. То былъ небольшой, коренастый, смуглый, черноволосый мущина, среднихъ лѣтъ; лицо его было благообразно, но его черные глаза поражали блескомъ и выраженіемъ неустрашимой энергіи. Переговоривъ о соборѣ, я передалъ Зотику, что высокопреосвященный экзархъ крайне возмущенъ его ссорами съ баталіоннымъ священникомъ, которыя вообще неприличны для лицъ духовнаго сана, но особенно производятъ соблазнъ среди магометанскаго населенія, у котораго и безъ того часто совершаются передъ глазами всяческія безобразія, творимыя лицами выключенными изъ духовнаго званія и присылаемыми подъ надзоръ Шемахинской полиціи. На это Зотикъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не въ силахъ сдержать себя: идя по одной сторонѣ тротуара, онъ встрѣчается со священникомъ, идущимъ по противуположной сторонѣ, и тотъ кричитъ во все горло: «Здравствуй, отецъ Лезгинъ *)»! Я спросилъ у собесѣдника, откуда родомъ военный священникъ, и узнавъ, что онъ «*Хохолъ*», замѣтилъ, что гораздо

---

*) Подъ словомъ „Лезгинъ", въ Шемахѣ подразумѣвается воръ, грабитель, разбойникъ, убійца.

лучше, вмѣсто брани, хладнокровно поклониться ему и сказать: «Здравствуй, отецъ Мазепа». Зотикъ спросилъ, что́ значитъ слово «Мазепа?» Я ограничился увѣреніемъ, что это слово произносится священнослужителями даже въ церкви, и затѣмъ распростился со своимъ гостемъ. Въ скоромъ времени Зотикъ вернулся ко мнѣ и, торжествующій отъ удовольствія, разсказалъ, какъ уходя отъ меня, встрѣтился онъ со своимъ противникомъ, который, по обыкновенію, привѣтствовалъ его «Лезгиномъ», на что Грузинъ хладнокровно отвѣчалъ ему новымъ привѣтствіемъ. Военный священникъ перебѣжалъ улицу, обнялъ Зотика и сказалъ: «Помиримся, только никогда не говори мнѣ этого слова!» И дѣйствительно, съ этого времени вражда и брань между іереями прекратились.

Отецъ Зотикъ часто посѣщалъ меня и настойчиво увѣрялъ, что Алты-Агачинскіе молокане готовы обратиться въ православіе, но при этомъ не договаривалъ, какія причины удерживаютъ ихъ отъ исполненія этого намѣренія.

Съ земскою полиціею отправился я въ Алты-Агачь, одну изъ прелестнѣйшихъ мѣстностей горнаго Закавказья.

Поселеніе молоканъ представляло два ряда Русскихъ избъ, такихъ, какія встрѣчаются къ нашихъ селахъ у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ. Эта слобода была расположена на берегахъ прозрачнаго горнаго ручья, въ узкомъ ущельѣ, обрамленномъ высокими горами, которые покрыты вѣковыми деревьями чинара, дуба, каштана, волоцкихъ орѣшниковъ и проч. Молокане, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ душъ, были представителями чистѣйшей, красивой, богатырской Русской породы. Толпы красивыхъ, здоровыхъ ребятишекъ, игравшія на улицѣ, свидѣтельствовали о плодовитости этого населенія. Надъ самою слободою, на вершинѣ горы, красовался огромный караванъ-сарай; по высочайшему повелѣнію, воспрещено было ломать всѣ древніе памятники края.

Мнѣ отвели квартиру въ красивомъ домѣ, окруженномъ открытою галлереею, на которой я ежедневно проводилъ вечеръ въ бесѣдѣ съ кѣмъ-либо изъ молоканъ: они восхищали меня своимъ умственнымъ развитіемъ, здравымъ практическимъ смысломъ, строгостью правилъ и серьезными, степенными разговорами.

Какъ-то непріятно поражало мой слухъ, когда они своихъ единовѣрцевъ обозначали словомъ «*наши*», а говоря о православныхъ, постоянно называли ихъ «*Русскіе*». Эта рознь на нашей Азіатской окраинѣ обратила на себя мое вниманіе еще и потому, что восточная война уже предвидѣлась въ близкомъ будущемъ.

Вслѣдствіе этого я усугубилъ стараніе внушить своимъ собесѣдникамъ какъ можно болѣе довѣрія къ моей личности, и это мнѣ удалось настолько, что я вскорѣ узналъ о готовности многихъ мѣстныхъ молоканъ перейти въ православіе; но при этомъ объяснилось, что ихъ удерживало опасеніе понести кару за свои прежнія дѣянія, которыя были извѣстны ихъ единовѣрцамъ. Въ частномъ письмѣ къ князю Воронцову я упомянулъ о томъ.

Дѣло о скопцахъ шло своимъ чередомъ. Открылись улики. Такъ напримѣръ, Алты-Агачинское скопческое кладбище вмѣщало въ себѣ гораздо болѣе могилъ, чѣмъ сколько было водворено скопцовъ въ этой слободѣ за все время, а письменные документы этихъ изувѣровъ свидѣтельствовали объ отсутствіи всякой смертности.

Въ изслѣдованіи дѣла о скопцахъ мнѣ помогала моя прежняя опытность, пріобрѣтенная во время моей службы, когда я въ крѣпости Анапѣ имѣлъ у себя подъ командою болѣе двухъ сотъ скопцовъ, при которыхъ находились и скопчихи. Еще Алексѣй Петровичъ Ермоловъ приказалъ высылать нижнихъ чиновъ, принадлежавшихъ, по его выраженію, къ *сей глупой сектѣ*», въ особую команду, расположенную въ мѣстечкѣ «*Маранъ*», для употребленія въ мѣстныя работы. Въ послѣдствіи такая же команда учреждена въ Анапѣ, при линейномъ баталіонѣ. По этому примѣру всѣхъ Алты-Агачинскихъ скопцовъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, я выслалъ въ г. Шемаху. Тогда оставшіяся скопчихи стали чистосердечно разсказывать все мнѣ нужное, и только нѣсколько старухъ, да немногіе изъ молодыхъ, оказали упорство.

Мнѣ вовсе не было извѣстно, что князь Воронцовъ, принявъ во вниманіе мое частное письмо о молоканахъ, вошелъ о томъ со всеподданнѣйшимъ представленіемъ; а между тѣмъ я еще не кончилъ своихъ занятій въ Алты-Агачѣ, какъ получилъ приказаніе намѣстника объявить мѣстнымъ молоканамъ высочайшее именное повелѣніе, что впредъ воспрещается принимать доносы отъ молоканъ на своихъ единовѣрцевъ, обращающихся въ православіе.

По объявленіи этого всемилостивѣйшаго повелѣнія, очень многіе изъ мѣстныхъ молоканъ заявили желаніе принять православіе. Я немедленно вызвалъ о. Зотика, который, выбравъ желающихъ перейти въ лоно нашей церкви, приступилъ къ крещенію однихъ и къ присоединенію другихъ. При мнѣ окрещено много молоканъ въ Алты-Агачѣ. Помню между прочимъ нѣкоего Орлова, человѣка лѣтъ сорока, по ремеслу кузнеца. Когда его крестили, онъ обратилъ на себя вниманіе обиліемъ слезъ и неудержимыхъ рыданій. По совершеніи таинства, я спросилъ его о причинѣ слезъ и получилъ такой отвѣтъ:

«Какъ не плакать о томъ, что коснѣлъ въ грѣховности и что батюшка Царь Небесный, по милосердію Своему, сподобилъ меня узрѣть свѣтъ истины!»

Изъ Алты-Агача я переѣхалъ въ Шемаху, гдѣ было много богатыхъ сектантовъ.

Въ разговорѣ съ губернаторомъ объ обращеніи молоканъ въ православіе, я замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, это событіе не будетъ имѣть существеннаго значенія, если не обратятъ вниманіе на утвержденіе новокрещеныхъ въ новой вѣрѣ, а для этого необходимо назначить умнаго и ученаго священника, который съумѣлъ бы бесѣдовать съ бывшими молоканами, вообще большими начетчиками въ Священномъ Писаніи; нужно также воздвигнуть благолѣпный храмъ въ Алты-Агачѣ, и только при этихъ условіяхъ можно надѣяться, что обращеніе въ православіе приметъ въ Закавказьи бóльшіе размѣры. Къ сожалѣнію, оказалось, что въ распоряженіи намѣстника не было свободныхъ суммъ для постройки храма.

Черезъ нѣсколько дней, полицеймейстеръ заѣхалъ ко мнѣ отъ губернатора и сообщилъ, что многіе Шемахинскіе скопцы желаютъ внести денежныя пожертвованія на сооруженіе храма въ Алты-Агачѣ, и при этомъ спросилъ, приму ли я отъ нихъ такія пожертвованія, изъ которыхъ составится изрядная сумма. Я попросилъ его доставить мнѣ предварительно списокъ такихъ жертвователей, и въ этомъ спискѣ увидѣлъ, что изъ числа жертвователей только одинъ скопецъ, со времени своего водворенія въ Шемахѣ, не сдѣлалъ ничего преступнаго, за что его можно было бы причислить къ изувѣрамъ. Поэтому я сказалъ полицеймейстеру, что если этотъ именно скопецъ желаетъ что-либо пожертвовать, то я готовъ принять его завтра, въ полдень.

Кстати замѣчу, что въ Закавказьи множество зданій сооружены частными богатыми благотворителями, ради полученія какого-либо ордена, медали или темляка, т.-е. офицерскаго званія.

Пригласивъ къ себѣ въ этотъ день жандармскаго штабъ-офицера и губернскаго прокурора, я отдалъ приказаніе ввести ко мнѣ скопца, какъ только онъ придетъ. Вошедшій старикъ обратился ко мнѣ съ просьбою принять его посильное жертвованіе на построеніе церкви въ Алты-Агачѣ, такъ какъ, будучи ревностнымъ православнымъ, онъ «еще до разума», въ юности, попалъ въ скопческую секту, теперь же остается вѣрнымъ исполнителемъ правилъ православной церкви, что̀ можетъ подтвердить и духовникъ его, городской священникъ.

Когда я согласился принять отъ него добровольное пожертвованіе, то старикъ подалъ мнѣ пачку депозитокъ въ нѣсколько тысячъ рублей, которую я, раздѣливъ на двѣ части, попросилъ своихъ го-

стей пересчитать, а самъ сталъ писать росписку. Затѣмъ, написалъ я бумагу въ мѣстное казначейство, прося принять и хранить прилагаемыя деньги впредъ до распоряженія намѣстника.

Повидимому, всѣ обратившіеся въ православіе молокане Алты-Агача искренно предались новой вѣрѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не воспользовался правомъ, которое предоставлено закономъ, принявшимъ православіе возвращаться на родину.

Князь Воронцовъ самъ занялся разсмотрѣніемъ плана церкви для Алты-Агача, исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на пріобрѣтеніе матеріала для этой церкви, приказалъ разобрать караванъ-сарай, расположенный надъ слободою, и вскорѣ новообращенные Алты-Агачинцы спустили съ горы тесаные блоки прекрасныхъ горныхъ породъ. Члены Императорской фамиліи соблаговолили принять участіе въ пожертвованіи на украшеніе храма и выслали прекрасную утварь и ризницу.

Такимъ образомъ, стараніемъ и усердіемъ князя Михаила Семеновича Воронцова, молоканская слобода обращена въ Русское село Алты-Агачь, съ прекрасною церковью.

Скопцы были выведены изъ Алты-Агача. Мнѣ радостно вспомнить, что я былъ при этомъ орудіемъ. Объ ихъ ереси составлено мною описаніе, напечатанное въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ Университетѣ», въ кн. 4, 1864 года. Это описаніе хотя гораздо короче свѣдѣній собранныхъ г. Надеждинымъ и изданныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но заключаетъ въ себѣ многое, чего нѣтъ въ этомъ послѣднемъ изданіи.

НИКОЛАЙ ЭРАСТОВИЧЪ ЛЯСКОВСКІЙ.

Весною 1821 года, по дорогѣ, ведущей изъ Прибалтійскихъ губерній внутрь Россіи, тащились двѣ плотно набитыя кибитки. По выглядывавшимъ изъ нихъ дѣтскимъ головкамъ видно было, что ѣдетъ большое семейство. Старшихъ было двое: женщина среднихъ лѣтъ и старушка; остальные были дѣти разныхъ возрастовъ. Путешественники плохо владѣли Русскимъ языкомъ, а между собою говорили по-нѣмецки.

Проѣзжая черезъ Новгородскую губернію, они разъ остановились ночевать на постояломъ дворѣ. Дворникъ, пожилой и очень привѣтливый человѣкъ, приласкалъ маленькихъ постояльцевъ; особенно понравился ему одинъ изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ пяти, съ умными, живыми глазками и густыми русыми кудрями. Когда утромъ проѣзжіе стали собираться въ путь, дворникъ обратился къ матери семейства съ неожиданнымъ предложеніемъ уступить ему сына, обѣщая заботливо воспитать его и со временемъ женить на своей единственной дочери. Въ утѣшеніе родителей онъ предлагалъ порядочную сумму денегъ. Мать ребенка приняла было слова его за шутку, но старикъ и не думалъ шутить. «Отдай мнѣ, матушка, мальчишку», говорилъ онъ: «у тебя и безъ него ихъ много, а люди вы небогатые. А вѣдь я умру — все ему оставлю.... Эй, отдай!» Долго упрашивалъ старикъ; мать благодарила его за ласку, но отдать ему сына не захотѣла. Съ тѣмъ они и простились.

Неизвѣстно, что́ сталось потомъ съ этимъ дворникомъ и нашелъ ли онъ себѣ питомца по сердцу. Между тѣмъ мальчикъ, котораго онъ такъ настойчиво выпрашивалъ, былъ привезенъ въ Борисоглѣбскій уѣздъ, Тамбовской губерніи, въ имѣніе князя Гагарина, гдѣ семью ждалъ отецъ, только-что приглашенный туда на мѣсто управляющаго.

Мальчикъ этотъ былъ будущій профессоръ Московскаго университета, Николай Эрастовичъ Лясковскій.

Дѣдъ Николая Эрастовича, Іосифъ Лясковскій, богатый Польскій помѣщикъ, прожилъ всѣ свои родовыя имѣнія въ Мазовецкомъ воеводствѣ и переѣхалъ, около 1750 года, въ единственную, остававшуюся еще въ его владѣніи, мызу Пилльсгалль въ Курляндіи, гдѣ у него въ 1771 году родился сынъ Эрнстъ или Эрастъ, какъ его звали впослѣдствіи. Неизвѣстно, были ли Лясковскіе и прежде протестантами, или же Іосифъ Лясковскій уже въ Курляндіи женился на лютеранкѣ; но только Эрастъ Осиповичъ былъ лютераниномъ. Отецъ его вскорѣ лишился и послѣдняго имѣнія и умеръ въ саняхъ, выѣзжая вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ изъ Риги. Мальчикъ былъ вмѣстѣ съ мертвымъ тѣломъ привезенъ назадъ въ городъ и тамъ принятъ въ пріютъ, оттуда и вышелъ совершеннымъ Нѣмцемъ, такъ что не зналъ ни слова по-польски. Мать его умерла еще прежде отца. Выросши, Эрастъ Осиповичъ сталъ, по преданію, заниматься сельскимъ хозяйствомъ и управлялъ разными имѣніями въ Прибалтійскомъ краѣ, пока въ 1821 году ему не предложили мѣста управляющаго въ Тамбовской губерніи. Послѣ этого онъ уже не выѣзжалъ изъ внутренней Россіи и умеръ въ Харьковѣ въ 1840 году. Женатъ онъ былъ на Дарьѣ Ивановнѣ Бауеръ, которой отецъ, двоюродный братъ поэта Бюргера, былъ лѣсничимъ въ Курляндіи. У нихъ было десять человѣкъ дѣтей: шесть сыновей и четыре дочери. Николай Эрастовичъ былъ третьимъ сыномъ.

Онъ родился въ Маріенбургѣ 12 Апрѣля 1816 года. Но родившійся въ Маріенбургѣ, крещеный по лютеранскому обряду и сначала умѣвшій говорить только по-нѣмецки [1]), мальчикъ пяти лѣтъ отъ роду попалъ въ такія мѣста, гдѣ трудно было сохраниться какому бы то ни было не-Русскому духу. Примыкающая къ землѣ Войска Донскаго южная часть Борисоглѣбскаго уѣзда состояла, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по крайней мѣрѣ на половину изъ дѣвственныхъ, нетронутыхъ степей. Лясковскіе жили въ такъ-называемыхъ Красныхъ Хуторахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Петровскаго и отъ р. Вороны: это было не крестьянское, а дворовое поселеніе, принадлежавшее къ большому конному заводу; тутъ же находились контора и домъ управляющаго. Кругóмъ разбросано было нѣсколько большихъ селъ, принадлежавшихъ князю Гагарину. Были вблизи и лѣса; но по нѣкоторымъ направленіямъ можно было проѣхать пятьдесятъ верстъ,

[1]) Няня Николая Эрастовича была Латышка, и первыя слова онъ выучился говорить по-латышски.

не встрѣтивъ ни одной деревушки—все была одна безконечная, покрытая высокимъ ковылемъ степь, на которой виднѣлись только ряды кургановъ. Образъ этой степи глубоко врѣзался въ душу мальчика и не покидалъ его до конца; ей, быть-можетъ, и обязанъ онъ былъ тѣмъ поэтическимъ складомъ, который потомъ сквозилъ во всей его жизни и придавалъ особую окраску художественности даже его ученымъ химическимъ лекціямъ. И въ послѣдніе годы его жизни, когда, подъ гнетомъ долгаго, тяжелаго недуга, совершенно измѣнился его прежній, веселый нравъ—стоило заговорить съ нимъ про Тамбовъ, про Красные Хутора, про Ворону, лицо его мгновенно оживлялось, и трогательное, дѣтское увлеченіе слышалось въ этихъ безконечныхъ разсказахъ о старой деревенской жизни, о степной природѣ, которой онъ не видалъ уже почти полвѣка.

Дѣти Эраста Осиповича росли совсѣмъ подеревенски. Въ Красныхъ Хуторахъ, какъ сказано, былъ большой конный заводъ; табуны лошадей и жеребятъ выгонялись далеко въ степь, и ѣздить съ ними было любимымъ удовольствіемъ дѣтей. Въ такихъ походахъ имъ зачастую случалось ночевать въ степи, питаясь картофелемъ, который тутъ же пекли на угольяхъ. Другою любимою забавою была ловля рыбы на Воронѣ, разумѣется неводами. Къ степи же дѣти такъ привыкли, что убѣжать, играя въ прятки, за три-четыре версты отъ усадьбы, на курганы, было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Во всѣхъ этихъ забавахъ неразлучными товарищами Николая Эрастовича и его братьевъ были дѣти проживавшей въ Красныхъ Хуторахъ многочисленной дворни и огромная собака «Разбой», о которой Николай Эрастовичъ сохранилъ нѣжную память.

Зимою, когда степь замирала, приходилось больше сидѣть дòма, хотя тоже не подъ строгимъ присмотромъ. Напримѣръ, одно изъ зимнихъ увеселеній состояло въ томъ, что дѣти, уже улегшись спать, вскочатъ съ постелей, выбѣгутъ въ однѣхъ рубашкахъ на дворъ, поиграютъ въ снѣжки и вернутся, какъ ни въ чемъ не бывало. Но все же зимой приходилось больше сидѣть и учиться. Ученье, впрочемъ, шло плохо. Правда, у дѣтей былъ учитель, старикъ Нѣмецъ Гуртеръ, и гувернантка мадамъ Жардинье — Нѣмка съ Французской фамиліей; но сообщаемыя ими познанія были такъ невелики, что дѣти едва умѣли писать по-нѣмецки. Русскому письму ихъ обучалъ письмоводитель отца, Буровъ. Гораздо большее вліяніе имѣла на дѣтей ихъ бабушка по матери, рожденная Гардеръ, женщина по тогдашнему очень образованная, знавшая множество Нѣмецкихъ стиховъ, старинныхъ пѣсенъ и балладъ; отецъ ея былъ смотрителемъ Митавскаго зàмка при старомъ Биронѣ. Впрочемъ,

она умерла вскорѣ по пріѣздѣ въ Тамбовскую губернію. Былъ въ Красныхъ Хуторахъ и еще другой разскащикъ, совсѣмъ инаго сорта. То былъ старый солдатъ, ветеранъ Суворовскихъ походовъ, который занималъ дѣтей разсказами про «батюшку» [2]).

Отъ крестьянъ и дворовыхъ мальчикъ научился народнымъ пѣснямъ, любовь къ которымъ сохранилъ на всю жизнь. Одну выученную имъ въ Красныхъ Хуторахъ казацкую пѣсню про Стеньку Разина «Ты взойди, взойди, красное солнышко....» Николай Эрастовичъ любилъ напѣвать впослѣдствіи; онъ сообщилъ эту пѣсню своему другу М. А. Стаховичу, который помѣстилъ ее въ своемъ сборникѣ.

Разсказы про старину, широкая, привольная степь и раздающаяся по ней заунывная Русская пѣсня—вотъ та обстановка, въ которой проходило дѣтство Лясковскаго и подъ вліяніемъ которой впервые складывались его наклонности и вкусы. Мудрено ли, что въ такой обстановкѣ изъ Нѣмецкаго мальчика выросъ вполнѣ Русскій человѣкъ? Много лѣтъ спустя, находясь за границей, онъ набросалъ пѣсню, въ которой вылилось его чувство къ пріютившей его землѣ. Пѣсня эта помѣчена: «Гиссенъ, 1844, 30 Декабря, 6 ч. утра». Вотъ она:

Охъ ты мати моя, земля Русская,
Земля Русская, православная!
Приняла ты меня сиротинушку
Изъ далекихъ странъ, изъ чужой земли,
И блюла ты меня словно дѣтище:
Ты вскормила меня бѣлой грудію,
Ты вспоила меня въ терему своемъ,
Научила меня громкимъ пѣсенкамъ,
Положила мнѣ въ душу зазнобушку.
Ужъ какъ взойдетъ на насъ да невзгодушка,
Налетитъ на тебя туча вражія:
Я прощуся съ своей родной матерью,
Я покину ее въ горючихъ слезахъ,
Въ горючихъ слезахъ, во кручинушкѣ.

---

[2]) Одинъ изъ этихъ разсказовъ такъ хорошъ, что мы приведемъ его цѣликомъ со словъ Николая Эрастовича.

„Послали насъ Измаилъ брать. Стоимъ это мы подъ Измаиломъ; только самъ (т. е. Потемкинъ) и шлетъ къ намъ: штурмуй-молъ! А нашъ батюшка не штурмуетъ. Тотъ въ другой разъ шлетъ: штурмуй! Анъ онъ опять не штурмуетъ. Наконецъ, ѣдетъ къ намъ самъ: „какъ, говоритъ, ты смѣлъ ослушаться приказу?“ А нашъ-то батюшка какъ глянетъ на него изъ подлобья. „Ахъ, говоритъ, ты щенокъ корытный! Еще на небѣ обѣдня не отошла“. Ну потомъ, какъ время пришло, пошли и взяли. „Планиду Божію зналъ!“ добавлялъ разскащикъ. Можетъ быть, этотъ старикъ солдатъ первый воспиталъ въ душѣ ребенка чувство безпредѣльнаго поклоненія Суворову, которое Николай Эрастовичъ сохранилъ на всю жизнь.

И не жаль станетъ мнѣ красной дѣвицы,
Красной дѣвицы, что̀ невѣста моя —
А пойду за тебя, Русь великая!
Я пойду за тебя во чисто̀ поле,
Во чисто̀ поле, съ супостатомъ въ бой;
И я крѣпко стоять буду грудію,
Отплачу я тебѣ своей кровію,
Кровью алою, что̀ изъ сердца бьетъ!

И онъ сдержалъ слово: вся его жизнь была отплатою—неутомимымъ, безкорыстнымъ служеніемъ Россіи и Русскому просвѣщенію *).

Но мы забѣжали впередъ; возвратимся въ Красные Хутора. Только съ небольшимъ шесть лѣтъ прожилъ въ нихъ Николай Эрастовичъ. Осенью 1827 года отецъ его потерялъ мѣсто, и такъ какъ у него, кромѣ жалованья, ничего не было, то до пріисканія новой должности вся семья Лясковскихъ переѣхала въ Тамбовъ. Тамъ, кое-какъ перебиваясь, прожили они больше года [3]), а потомъ пріѣхали въ Москву. Обстоятельства были крутыя, а семья была большая. Притомъ старшіе мальчики уже подростали—надо было ихъ куда нибудь пристроить. Старшій сынъ, Эрастъ, остался пока при родителяхъ; втораго, Евстаѳія, отецъ отправилъ учиться сельскому хозяйству къ знакомому управляющему, давъ ему на дорогу единственный, бывшій въ его распоряженіи, полтинникъ; третьяго, Николая, которому было всего двѣнадцать лѣтъ, помѣстили въ Московскую Тверскую аптеку, подъ надзоръ управлявшаго этою аптекою провизора Флюхрата, съ которымъ Эрастъ Осиповичъ былъ знако́мъ. Отдавая сына въ аптеку, старикъ надѣялся, что онъ со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, приготовится къ медицинскому званію.

Нелегко было мальчику, послѣ жизни въ семьѣ, на деревенскомъ просторѣ, привыкать къ новому положенію. Самъ Флюхратъ былъ человѣкъ очень добрый. Онъ любилъ своего воспитанника, какъ сына, и зная, что завѣтною мечтою молодаго Лясковскаго было поступить въ университетъ, заботился, чтобъ у него оставалось свободное время для подготовленія къ экзамену. Но не всѣ провизоры походили на Флюхрата: обращеніе большинства ихъ съ учениками было самое грубое. Разъ, тринадцатилѣтнему Лясковскому пришлось быть свидѣте-

*) Это благодарное чувство, вѣрнѣйшій указатель нравственной высоты, напоминаетъ намъ Екатерину Великую, которая, въ предисловіи къ своимъ „Запискамъ касательно Россійской исторіи", выразилась про себя: „Собиратель сихъ Записокъ не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой; онъ вѣкъ свой тщился выполнить долгъ благодарнаго сердца". П. Б.

[3]) Николай Эрастовичъ разсказывалъ, какъ онъ въ это время вмѣстѣ съ братьями бѣгалъ собирать по городу щепки, когда въ домѣ не было дровъ.

лемъ того, какъ такой господинъ жестоко изругалъ одного ученика. Эта сцена глубоко возмутила впечатлительнаго и самолюбиваго мальчика. Не будучи въ состояніи помочь товарищу, онъ убѣжалъ въ свой чуланчикъ, взялъ въ руки кирпичъ и, ставъ передъ образомъ, даннымъ ему изъ дому, поклялся разможжить голову первому, кто съ нимъ обойдется подобнымъ образомъ.

Обязательныя занятія въ аптекѣ зародили въ мальчикѣ любовь къ химіи. Естественный ходъ изъ аптеки былъ на медицинскій факультетъ; но Лясковскаго влекла туда не медицина собственно, а науки фармацевтическія, въ основаніи которыхъ лежитъ химія. Онъ сталъ усердно готовиться къ университетскому экзамену. Самоучкой — ибо платить учителямъ было не изъ чего — онъ въ нѣсколько лѣтъ настолько выучился по-латынѣ и по-гречески, что могъ совершенно свободно писать на обоихъ языкахъ, а по-латынѣ говорилъ, какъ по русски. Чтеніе классиковъ было его любимымъ занятіемъ въ свободное время. Такъ же быстро и съ такимъ же успѣхомъ выучился онъ по-французски и по-англійски; словомъ, мало по малу съ избыткомъ приготовился къ экзамену, и кромѣ того занимался Еврейскимъ языкомъ, такъ что могъ понимать Библію въ подлинникѣ. Наконецъ, онъ пріобрѣлъ основательныя познанія по математикѣ.

Между тѣмъ его покровитель Флюхратъ снялъ аптеку въ Калугѣ и, уѣзжая туда, взялъ съ собою Лясковскаго. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, Николай Эрастовичъ въ 1832 году снова пріѣхалъ въ Москву и сдалъ въ университетѣ экзаменъ на аптекарскаго помощника. Послѣ этого онъ ѣздилъ повидаться съ родителями въ Полтавскую губернію, гдѣ его отецъ въ то время управлялъ имѣніями князя Кочубея. По возвращеніи въ Москву, Лясковскій еще около трехъ лѣтъ прослужилъ въ разныхъ аптекахъ, оканчивая свое приготовленіе къ университетскому экзамену, который онъ и выдержалъ въ 1836 году, двадцати лѣтъ отъ роду.

Онъ поступилъ своекоштнымъ студентомъ на медицинскій факультетъ. Незадолго до этого, онъ былъ приглашенъ въ домъ сенатора П. С. Полуденскаго въ качествѣ учителя его младшихъ сыновей. Въ семействѣ Полуденскихъ Николай Эрастовичъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ: старый сенаторъ и жена его Елена Александровна (рожденная Лунина) полюбили его какъ роднаго сына. За исключеніемъ трехъ лѣтъ, проведенныхъ за границею, Лясковскій прожилъ у Полуденскихъ все время до своей женитьбы, т. е. до 1848 года.

На Волконкѣ до сихъ поръ стоитъ домъ (нынѣ Кирьякова), гдѣ жилъ съ своимъ семействомъ Петръ Семеновичъ Полуденскій. Въ Москвѣ и теперь еще многіе помнятъ этого достойнаго человѣка; а тогда

его знали всѣ—знали его умъ, доброту и неподкупную честность. Полуденскій былъ самъ воспитанникомъ Московскаго университета, и всѣ его четыре сына учились въ университетѣ. Въ домѣ Петра Семеновича постоянно толпилась университетская молодежъ—товарищи его сыновей, а въ послѣдствіи и товарищи Н. Э. Лясковскаго. Старикъ любилъ поболтать и поспорить съ ними. Нерѣдко послѣ обѣда, въ праздникъ, въ молодомъ кругу рѣшался вопросъ: не лишить ли сенатора сна? И если постановляли: лишить, то въ спальню Петра Семеновича отправлялся Лясковскій и затѣвалъ съ нимъ разговоръ, обыкновенно о Наполеонѣ; сенаторъ увлекался разговоромъ, разгуливался и забывалъ объ обычномъ послѣобѣденномъ отдыхѣ.

Полуденскій, по званію почетнаго опекуна, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ князю С. М. Голицыну, замѣнившему въ Опекунскомъ Совѣтѣ его тестя Лунина. Въ подмосковномъ имѣніи князя, Кузьминкахъ, у Полуденскихъ была своя дача, гдѣ они проводили лѣто. Здѣсь Николай Эрастовичъ много охотился, бродя съ ружьемъ по окрестностямъ Кузьминокъ, тогда гораздо менѣе населеннымъ. Но бо́льшую часть времени, въ продолженіе лѣтнихъ вакацій, онъ проводилъ съ молодыми Полуденскими и другими товарищами, собиравшимися въ Кузьминки; онъ же обыкновенно былъ изобрѣтателемъ безчисленныхъ шалостей, которыми тѣшился этотъ веселый кружокъ.

Университетскія занятія шли своимъ чередомъ. То было переходное время для медицинскаго факультета. Большая часть знаменитостей начала нынѣшняго столѣтія—Лодеръ, Мудровъ, старики Гильтебрандтъ и Рихтеръ, уже сошли въ могилу; молодые профессора, которыхъ дѣятельность наполнила послѣдующее двадцатипятилѣтіе, только еще начинали появляться. Многіе изъ нихъ были товарищами Лясковскаго; учителями же его были Эйнбродтъ, Альфонскій, М. В. Рихтеръ, Иноземцовъ и другіе. Естественныя науки преподавали: зоологію—Ловецкій, ботанику—Фишеръ, минералогію—Щуровскій, физику—Спасскій и химію—Гейманъ. Кромѣ того, Лясковскій слушалъ лекціи Шевырева, Крюкова и Крылова. Къ профессорамъ своимъ Николай Эрастовичъ всегда относился съ уваженіемъ и благодарностью. Это теплое чувство къ наставникамъ составляло его отличительную черту. Много лѣтъ спустя, въ шестидесятыхъ годахъ, когда отношенія между профессорами и студентами совершенно измѣнились, Николай Эрастовичъ не могъ примириться съ недостаткомъ расположенія или «піэтета», какъ онъ говорилъ по старинно́му, учениковъ къ учителямъ. Онъ находилъ безнравственною баллотировку профессора на пятилѣтіе послѣ 25-ти лѣтней службы, такъ какъ при этой баллотировкѣ ученики являются судьями своихъ учителей. Кромѣ профессоровъ, онъ

до конца жизни съ благодарностью вспоминалъ объ инспекторѣ студентовъ, Платонѣ Степановичѣ Нахимовѣ. Имя этого благороднѣйшаго человѣка неразрывно связано съ исторіей Московскаго университета; безчисленные анекдоты про него—частью смѣшные, частью трогательные—до сихъ поръ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Благодаря своему открытому и сообщительному нраву, Лясковскій былъ любимцемъ товарищей. Ближе всего стоялъ онъ къ кружку казенныхъ студентовъ, составлявшихъ ядро тогдашняго студенчества. Обыкновенно, передъ экзаменами, онъ отправлялся въ «номера», помѣщавшіеся въ верхнемъ этажѣ стараго университетскаго зданія на Моховой, ложился на ворохъ студенческихъ шинелей, замѣнявшій собою диванъ, и слушалъ, какъ его товарищи-медики поочередно читали записанныя профессорскія лекціи. Самъ онъ, пользуясь своей необыкновенной памятью, мало записывалъ за профессорами.

Въ 1841 году онъ окончилъ курсъ со степенью лѣкаря 1-го отдѣленія.—Чтó же вынесъ Лясковскій изъ университета?

Онъ основательно изучилъ медицинскія науки; но медицина не была его призваніемъ, и въ послѣдствіи, будучи докторомъ медицины, онъ никогда не лѣчилъ, упорно отказываясь не только отъ практики, но даже отъ прописыванія рецептовъ [4]). Его влекла химія. Но преподаваніе химіи шло тогда въ университетѣ самымъ жалкимъ образомъ какъ по рутинности изложенія, такъ и по недостатку необходимыхъ пособій. Кромѣ того, Лясковскій, не будучи кандидатомъ физико-математическихъ наукъ, не имѣлъ права добиваться высшихъ ученыхъ степеней по каѳедрѣ химіи. Впрочемъ, науки фармацевтическія, которыя онъ превосходно изучилъ въ теоріи и на практикѣ и которыя такъ близко связаны съ химіей, также интересовали его; притомъ, занимаясь пока по необходимости фармаціей, онъ надѣялся со временемъ получить возможность перейти къ занятіямъ чистою химіей. Какъ бы то ни было, единственнымъ средствомъ продолжать съ успѣхомъ научныя занятія была поѣздка за границу, и вотъ эта поѣздка сдѣлалась его любимою мечтою.

Въ это время былъ объявленъ конкурсъ на стипендію баронета Вилье, дававшую средства къ поѣздкѣ за границу. Для полученія этой стипендіи нужно было, кромѣ медицинской ученой степени, имѣть степень кандидата словесныхъ наукъ. А такъ какъ лицъ, которыя бы

---

[4]) Рядомъ съ этимъ онъ часто подавалъ совѣты знакомымъ врачамъ, предлагая имъ новыя средства. Такъ онъ совѣтовалъ лѣченіе кислородомъ задолго до того, какъ оно вошло въ употребленіе. Также предлагалъ онъ много дезинфекціонныхъ средствъ, особенно во время холеры.

удовлетворяли этому требованію, не оказалось, то университетское начальство предложило желающимъ изъ только что окончившихъ курсъ медиковъ, для выполненія программы конкурса, держать экзаменъ на кандидата словесности. Выпускъ медицинскаго факультета 1841 года былъ блестящій; однако на испытаніе рѣшились только двое: X. В. Кабановъ и Н. Э. Лясковскій. Въ началѣ 1842 года, въ присутствіи профессоровъ 1-го отдѣленія философскаго факультета (нынѣшній историко-филологическій факультетъ), оба они написали, на заданныя тутъ же темы, разсужденія на Греческомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ языкахъ [5]), и оба были признаны достойными степени кандидата словесныхъ наукъ, а слѣдовательно и стипендіи Вилье. Но такъ какъ стипендія была одна, то выборъ между двумя соискателями былъ предоставленъ жребію. Жребій выпалъ на долю Кабанова, который при этомъ поступилъ вполнѣ по-товарищески: онъ предложилъ Лясковскому ѣхать вдвоемъ, раздѣливъ стипендію пополамъ. Но такое раздѣленіе было бы нарушеніемъ воли завѣщателя, назначившаго свою стипендію одному лицу; поэтому университетское начальство принуждено было отклонить великодушное предложеніе Кабанова, и онъ одинъ уѣхалъ за границу, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и умеръ. Такимъ образомъ посылка Лясковскаго за границу на этотъ разъ не состоялась.

Въ Мартѣ 1842 года зять П. С. Полуденскаго, Ѳ. Н. Лугининъ захворалъ тифомъ въ своемъ имѣніи, Ветлужскаго уѣзда Костромской губерніи, и старики Полуденскіе просили Николая Эрастовича поѣхать къ больному. Поѣздка эта, занявшая нѣсколько мѣсяцевъ, немного разсѣяла грустное настроеніе, наведенное на молодаго человѣка его послѣднею неудачею. Величественная, строгая природа сѣверныхъ лѣсовъ произвела на него глубокое впечатлѣніе, и онъ съ восторгомъ разсказываетъ о своемъ путешествіи въ письмахъ къ товарищамъ.

Вернувшись въ Москву, Николай Эрастовичъ прожилъ здѣсь болѣе года, пока, наконецъ, въ 1843 году ему не представился новый случай отправиться за границу.

Въ университетѣ оставалась незамѣщеною каѳедра ветеринаріи, а читалъ ветеринарію временно П. И. Страховъ. И вотъ Лясковскому предложили отправиться за границу для изученія «скотоврачебной науки» и, по возвращеніи, занять эту каѳедру. Потерявъ надежду попасть за границу инымъ путемъ, Николай Эрастовичъ принялъ предложеніе. Это было въ концѣ 1843 года.

---

[5]) Знаніе Англійскаго языка было однимъ изъ условій стипендіи Вилье.

Отправляясь за границу, Лясковскій былъ увѣренъ, что, рядомъ съ обязательнымъ изученіемъ ветеринарной медицины, онъ будетъ имѣть возможность заниматься наукой, составлявшей истинное его призваніе. Между тѣмъ онъ втайнѣ надѣялся, что обстоятельства измѣнятся, и что онъ все-таки не будетъ ветеринаромъ; словомъ, онъ думалъ, что ветеринарія не помѣшаетъ химіи. Но, пріѣхавъ въ Берлинъ и осмотрѣвшись, онъ увидалъ, что такое соединеніе невозможно, что надо рѣшать между двумя дорогами. Ему представился выборъ: или отказаться отъ того, къ чему онъ стремился впродолженіе десяти слишкомъ лѣтъ—отказаться ради куска хлѣба, ради казеннаго мѣста; или, слушая для вида лекціи по ветеринаріи, заниматься химіей, то-есть тратить казенныя деньги не на то, на что онѣ были назначены, а на удовлетвореніе своихъ личныхъ стремленій. Послѣднее рѣшеніе было въ его глазахъ безчестно, а при мысли о первомъ имъ овладѣвала тоска.... Не долго думая, онъ рѣшился дѣйствовать прямо, именно просить начальство перемѣнить его назначеніе. На счастье Николая Эрастовича, во главѣ Московскаго учебнаго округа стоялъ человѣкъ, имѣвшій и достаточно проницательности, чтобы понять справедливость его просьбы, и достаточно вліянія, чтобы ее исполнить. То былъ достопамятный графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ.

Тридцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ графъ Сергій Григорьевичъ оставилъ Москву; но «Строгановское время» еще живетъ въ преданіи, какъ золотой вѣкъ учебнаго дѣла. Строгановъ былъ *попечителемъ* университета въ истинномъ значеніи этого слова: въ немъ университетъ имѣлъ сильнаго заступника и неутомимаго ходатая. Пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, графъ самовластно распоряжался дѣлами университета и округа. Университетскій совѣтъ при немъ не имѣлъ почти никакого значенія, а всѣ дѣла рѣшались волею графа. При этомъ конечно не обходилось безъ несправедливостей, и не всѣ распоряженія всемогущаго попечителя имѣли добрыя послѣдствія. Но если Строгановъ и впадалъ иногда въ ошибки, то только по горячности или по наговорамъ злыхъ людей: никому не сдѣлалъ онъ зла сознательно и изъ личнаго побужденія; напротивъ, всякому готовъ былъ помочь, если считалъ этого человѣка достойнымъ помощи. Онъ не ждалъ, пока къ нему придутъ: онъ самъ отыскивалъ способныхъ людей и доставлялъ имъ возможность развить и проявить свои способности. Ему обязанъ Московскій университетъ цѣлымъ рядомъ своихъ лучшихъ профессоровъ. Басовъ, Крюковъ, Армфельдъ, Грановскій, Бодянскій, Буслаевъ, Соловьевъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ, Мильгаузенъ—все это питомцы Строганова: однихъ онъ отыскалъ и выдвинулъ, другимъ покровительствовалъ, защищая ихъ отъ всевозмож-

ныхъ интригъ и доставляя средства къ научнымъ работамъ. Словомъ, личный составъ профессорской коллегіи пятидесятыхъ годовъ былъ въ значительной мѣрѣ дѣломъ рукъ Строганова. Помогая своимъ вліяніемъ, графъ не скупился и на денежную помощь, когда нужно было дать средства на какое-нибудь ученое изслѣдованіе, пріобрѣсти дорогое пособіе, на которое не доставало собственныхъ средствъ университета.

Строгановъ былъ доступенъ для каждаго. Правда, онъ обходился съ подчиненными по старинному: никого почти не сажалъ, позволялъ себѣ иногда рѣзкія выраженія; но за то всякій, кому было до него дѣло, могъ не стѣсняясь придти къ нему, въ полной увѣренности, что графъ его внимательно выслушаетъ, вникнетъ въ дѣло и затѣмъ поступитъ по личному усмотрѣнію—но всегда по совѣсти и имѣя въ виду пользу науки и университета. Немудрено, что къ нему шли всѣ, и что послѣ него переходъ къ новымъ порядкамъ показался такъ горекъ.....

Таковъ былъ человѣкъ, къ которому обратился Лясковскій за рѣшеніемъ своей участи. Строгановъ зналъ его еще прежде какъ соискателя стипендіи Вилье, и конечно посылка молодаго человѣка за границу состоялась не безъ его содѣйствія; на это намекаетъ самъ Николай Эрастовичъ въ концѣ письма, которое онъ написалъ графу изъ Берлина, 22 Декабря ст. ст. 1843 года. Вотъ это письмо:

«Ваше сіятельство, м. г. графъ Сергій Григорьевичъ! Милостивое вниманіе ваше ко всѣмъ, имѣющимъ счастіе находиться подъ вашимъ начальствомъ, внушаетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ, касающимся до моихъ заграничныхъ занятій».

«Находясь теперь на мѣстѣ, гдѣ должна совершиться главная часть моего заграничнаго образованія, я уже имѣлъ достаточный случай ознакомиться съ настоящимъ состояніемъ моего предмета и я нашелъ въ ветеринарной медицинѣ науку, занимающую не только отдѣльный, полный факультетъ, но факультетъ, внушающій уваженіе къ высокой степени своего развитія и, по объему и сціентифическому совершенству, не уступающій медицинскому».

«Но чѣмъ болѣе я теперь чувствую важность порученной мнѣ части, тѣмъ ненарушимѣе для меня обязанность донести вашему сіятельству, что знакомство на самомъ дѣлѣ съ ветеринарною медициною, въ этомъ ея не только для меня, но и для отечества нашего новомъ значеніи, показало мнѣ эту часть гораздо менѣе доступною для меня, нежели я надѣялся, судя по понятію, которое я могъ себѣ составить объ ней въ Россіи, и что, съ другой стороны, я могъ бы образоваться несравненно основательнѣе и приготовиться болѣе достойнымъ образомъ къ званію университетскаго наставника, если

бы предметомъ моего особеннаго изученія была другая часть, именно науки фармацевтическія».

«Примите, ваше сіятельство, увѣреніе, что я никогда не осмѣлился бы представить вниманію вашему эту мысль, если бы она была плодъ одной наклонности, а вмѣстѣ не слѣдствіе моихъ прежнихъ преимущественныхъ занятій. Фармація давно составляла для меня предметъ специяльнаго изученія и даже была одною изъ существенныхъ частей моего воспитанія. Готовимый съ дѣтства къ медицинскому званію, я, по волѣ родителей, на тринадцатомъ году своей жизни поступилъ въ аптеку (Тверскую, въ Москвѣ) и, послѣ трехлѣтнихъ практическихъ и теоретическихъ занятій, въ 1832 году выдержалъ въ нашемъ университетѣ экзаменъ на званіе гезеля. Кондиціонируя послѣ этого еще три года въ аптекахъ (Ново-Полянской и Лубянской), я еще до вступленія въ университетъ, и потомъ во время моего студенчества, занимался частнымъ преподаваніемъ фармацевтическихъ наукъ (особенно въ Арбатской аптекѣ Гофмана) и по окончаніи университетскаго курса былъ, для той же цѣли, приглашенъ аптекаремъ Блехшмидтомъ».

«Такое четырнадцатилѣтнее занятіе фармаціею, доставившее мнѣ случай сродниться съ нею во всемъ ея практическомъ приложеніи, даетъ столь рѣшительный перевѣсъ знаніямъ моимъ по этой части, что, взвѣшивая ветеринарную медицину, какъ я ее теперь узналъ, и оцѣнивая безпристрастно свою приготовленность и свое личное призваніе, я вижу, что достижимыя для меня по этому предмету познанія, даже по окончаніи моего заграничнаго образованія, не будутъ имѣть той степени опытности и самостоятельности, которую мнѣ уже удалось пріобрѣсти, занятіями въ теченіе болѣе полжизни, въ фармаціи. Знакомый, по лежавшей на мнѣ обязанности практическаго фармацевта, съ фармацевтическими производствами, какъ механическими, такъ и химическими, съ фармакогнозіей, съ рецептурой, въ самомъ специяльномъ ихъ значеніи, я могъ бы, воспользовавшись обильными средствами, представляющимися за границею къ дальнѣйшему обработыванію знакомаго мнѣ предмета, занявшись въ лучшихъ лабораторіяхъ и фармацевтическихъ институтахъ и прибавивъ особенно упражненія въ количественныхъ химико-аналитическихъ изслѣдованіяхъ, сдѣлаться основательнѣйшимъ знатокомъ своего дѣла и быть чрезъ это со временемъ полезнѣйшимъ слугою начальству, нежели по части наукъ, составляющихъ цѣль моихъ настоящихъ занятій».

«Эти причины придаютъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить ваше сіятельство объ измѣненіи цѣли моего путешествія и о дозволеніи мнѣ сдѣлать предметомъ своихъ заграничныхъ занятій науки фармацев-

тическія. При доступности для меня этой части, я могъ бы, смотря по требованіямъ университетскаго начальства, легко включить въ циклъ своихъ занятій и другія отрасли фармакологіи и химіи, напр. токсикологію, зоохимію и сдѣлавшуюся столь важною для медицины химію патологическую, для которой здѣсь при Charité существуетъ особенный преподаватель».

«Ваше сіятельство! Зная волю начальства, пекущагося о томъ, чтобы мы при занятіяхъ своихъ руководствовались столько же полнымъ призваніемъ, сколько чувствомъ обязанности и долга, я не былъ бы достоинъ сдѣланнаго мнѣ довѣрія, если бы, увѣрившись въ меньшей успѣшности занятій своихъ по части назначеннаго мнѣ предмета, я умолчалъ объ этомъ и, видя возможность, при изученіи другой отрасли наукъ, употребить съ бо́льшею пользою даваемыя намъ отъ правительства пособія, не желалъ бы идти тѣмъ путемъ, на которомъ для меня достижимо полнѣйшее образованіе. Это искреннее желаніе внушило мнѣ просьбу о перемѣнѣ моего назначенія, которая дала бы мнѣ возможность посредствомъ моей наилучшей способности заслужить павшій на меня почетный выборъ правительства и принести не только посильное, но и возможно-совершенное знаніе на поприще преобразованнаго университетскаго ученія».

«Каково бы ни было рѣшеніе вашего сіятельства, но я во всю жизнь свою буду помнить оказанныя вами мнѣ милостивое покровительство и снисходительное попеченіе о судьбѣ моей, и никогда не изгладятся въ душѣ моей чувства благодарности и глубочайшаго уваженія, съ которыми имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Николай Лясковскій».

Въ отвѣтъ на это письмо Лясковскій въ Февралѣ 1844 г. получилъ оффиціальное отношеніе графа Строганова, извѣщавшее его, что на его просьбу послѣдовало согласіе министра. Но согласіе это было дано на довольно стѣснительныхъ условіяхъ, именно: срокъ пребыванія его за границею, вмѣсто первоначально назначенныхъ трехъ лѣтъ, ограниченъ двумя годами, а главное—эти два года ему предписывалось провести въ одномъ Берлинѣ, отказавшись отъ посѣщенія другихъ ученыхъ центровъ; для руководства при своихъ химико-фармацевтическихъ занятіяхъ, Лясковскій долженъ былъ вскорѣ получить особое наставленіе отъ медицинскаго факультета. Въ концѣ письма рукою Строганова было приписано:

«Не могу однакоже отъ васъ скрыть, что мнѣ поступокъ вашъ весьма страннымъ показался, и что я никогда бы не ходатайствовалъ у г. министра о перемѣнѣ опредѣленнаго вамъ предмета, если бы не зналъ лично вашу любовь къ наукѣ и доброе усердіе къ универси-

тету; я надѣюсь, что снисхожденіе мое будетъ служить новымъ вамъ побужденіемъ, и что вы вполнѣ оправдаете оное».

Ограниченіе его командировки однимъ Берлиномъ не могло не опечалить Лясковскаго; но черезъ нѣсколько дней онъ получилъ новое отношеніе попечителя, въ которомъ, согласно отзыву медицинскаго факультета, главнымъ предметомъ его заграничныхъ занятій была поставлена химія, и для изученія ея, кромѣ Берлина, ему предписывалось посѣтить Гиссенъ и Парижъ, то-есть знаменитѣйшіе въ то время ученые центры по химіи. Съ восторгомъ принялся онъ за выполненіе назначенной ему программы.

Въ Берлинѣ Лясковскій слушалъ курсы Розе и обоихъ Мичерлиховъ, работая при этомъ частью въ лабораторіи Гейнца, частью у себя на квартирѣ. Кромѣ того, онъ посѣщалъ лекціи Шеллинга и географа Риттера. Ему пришлось быть на вступительной лекціи, которую Шеллингъ читалъ передъ началомъ курса. Стеченіе народа было невѣроятное, и огромная аудиторія не могла вмѣстить всѣхъ слушателей; столы, окна—все было занято. Николай Эрастовичъ едва могъ протолкаться сквозь толпу и, чтобъ имѣть возможность видѣть профессора, ухватился руками за отдушникъ и такъ прослушалъ всю лекцію. Впослѣдствіи онъ любилъ разсказывать о томъ обаятельномъ впечатлѣніи, которое производилъ на слушателей этотъ маленькій старичокъ съ серебряными волосами.

Изъ Берлина Лясковскій поспѣшилъ въ Гиссенъ, куда въ то время стекались ученики со всѣхъ концовъ образованнаго міра. Здѣсь, въ лабораторіи Либиха, собранъ былъ цвѣтъ новаго поколѣнія химиковъ. Это была единственная въ своемъ родѣ школа, подобной которой, быть можетъ, не увидитъ исторія преподаванія химіи. Школа эта оставила неизгладимые слѣды въ складѣ ума и дѣятельности всѣхъ образовавшихся въ ней ученыхъ, которые потомъ разнесли по свѣту начáла и воззрѣнія, унаслѣдованныя ими отъ своего великаго учителя и сохранили благоговѣйное уваженіе къ его памяти. Либихъ самъ руководилъ работами учениковъ, которыя обыкновенно выполнялись по его мысли и плану. Вскорѣ по прибытіи въ Гиссенъ, Николай Эрастовичъ, вмѣстѣ съ П. А. Ильенковымъ, предпринялъ изслѣдованіе Лимбургскаго сыра. Результаты этой работы обратили на себя вниманіе не только самого Либиха, но и патріарха тогдашнихъ химиковъ, старика Берцеліуса.

Въ Берлинѣ и Гиссенѣ, а потомъ въ Парижѣ, Лясковскій постоянно находился въ обществѣ молодыхъ Русскихъ ученыхъ. Вмѣстѣ съ нимъ за границею были: Басовъ, Полунинъ, Ильенковъ, Ходневъ, Коссовъ, Мильгаузенъ и многіе другіе. Вся эта Русская молодежъ прини-

мала живое участіе въ мѣстной студенческой жизни. Пріѣхавъ въ Гиссенъ, Николай Эрастовичъ вмѣстѣ съ знакомымъ студентомъ-Нѣмцемъ отправился на «коммершъ» одной изъ студенческихъ корпорацій. Когда его спутникъ представилъ его собранію, то предсѣдатель или senior обратился къ Лясковскому съ вопросомъ: «Wie viel Semester?» [6]) и когда на это послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ «dreizehn» [7]), то всѣ присутствовавшіе закричали: «Bemoostes Haupt!» [8]) и вновь прибывшій былъ немедленно посвященъ въ высшую студенческую степень.

Изъ Гиссена Лясковскій отправился въ Парижъ, гдѣ провелъ около года, слушая лекціи лучшихъ тамошнихъ профессоровъ; наибольшее вліяніе оказали на него Араго и особенно знаменитый Дюма [9]). Въ 1862 году Николай Эрастовичъ, проѣздомъ съ Лондонской выставки, былъ опять въ Парижѣ. Въ письмахъ своихъ къ женѣ онъ такъ вспоминаетъ свое пребываніе тамъ въ первую поѣздку:

«. . . . Я сѣлъ въ омнибусъ, стоящій у Одеона, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, семнадцать лѣтъ тому назадъ, я такъ часто садился въ омнибусъ, подлѣ Hôtel Corneille, почти подъ тѣми окнами, изъ которыхъ мы такъ часто переговаривались съ Ильенковымъ. Боже мой! Я могъ бы тетрадь наполнить тѣми мыслями и чувствами, которыя, и радостно и уныло, оживали въ моей головѣ и тѣснились въ моей груди, когда я опять очутился въ этомъ нисколько не измѣнившемся уголкѣ Парижа, гдѣ каждая изъ улицъ, сходящихся въ площадь Одеона, заговорила со мною сотнями воспоминаній,—этихъ старинныхъ и тихихъ улицъ Латинскаго квартала, по которымъ, впродолженіе многихъ мѣсяцевъ, я ежедневно вращался въ толпѣ товарищей, «тогда веселыхъ, молодыхъ!» Многихъ изъ нихъ обманула жизнь; исторія многихъ изъ нихъ уже закончена предшествующимъ, риѳмующимъ стихомъ...» «...Послѣднія два утра я ходилъ въ Café de la Rotonde, гдѣ мы каждый день завтракали съ Ильенковымъ, Полунинымъ и т. д. Все осталось по прежнему: тѣже столы и на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ; даже стеклянная ваза съ водою и кружечками сливочнаго масла стоитъ

---

[6]) Сколько полугодій?

[7]) Тринадцать (изъ нихъ десять въ Москвѣ, такъ какъ курсъ медицинскаго факультета пятилѣтній).

[8]) Маститая глава.

[9]) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о занятіяхъ Николая Эрастовича въ Парижѣ: не сохранилось ни писемъ его, ни замѣтокъ, относящихся къ этому времени; а всѣ его ближайшіе товарищи давно сошли въ могилу. Тоже, хотя въ меньшей степени, можно сказать и о времени пребыванія его въ Гиссенѣ.

въ точности на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла семнадцать лѣтъ тому назадъ. На этомъ столѣ мы такъ часто сражались въ домино; здѣсь я смѣялся съ Мильгаузеномъ до слезъ, разсматривая каррикатуры Кама на картину Верне; здѣсь, кипятясь разговоромъ съ Ильенковымъ и обмакивая свои огромные усы въ столь же огромную чашку съ кофеемъ, я съѣлъ у незнакомаго Француза поданную ему порцію масла. Глядя на исцарапанныя мраморныя плиты этихъ столовъ, я зналъ, что вижу и царапины, сдѣланныя моими собственными руками. Нынѣшній associé прежняго хозяина (хозяинъ этотъ также еще существуетъ) поступилъ въ Январѣ 1845 года въ Café de la Rotonde и, какъ кажется, особенно помнитъ и любитъ припоминать событія въ café, относящіяся къ дебюту его карьеры. Когда онъ во мнѣ узналъ одного изъ членовъ той шумной и доброй толпы Русскихъ студентовъ, которая, семнадцать лѣтъ тому назадъ, неизмѣнно появлялась каждое утро въ café, которой онъ такъ часто прислуживалъ и которая ему передарила порядочную кучку су, то онъ не зналъ, чѣмъ мнѣ угодить и какъ выказать побольше вниманія къ столь старинному и вѣрному habitué.»

Въ концѣ 1845 года истекъ двухлѣтній срокъ пребыванія Лясковскаго за границей. Николай Эрастовичъ собрался уже возвращаться въ Россію, но по дорогѣ заѣхалъ въ Гиссенъ, гдѣ Либихъ предложилъ ему поработать еще нѣсколько времени въ его лабораторіи. На это требовалось разрѣшеніе начальства, и Либихъ отъ себя обратился за этимъ разрѣшеніемъ къ министру народнаго просвѣщенія. Ходатайство знаменитаго ученаго было уважено, и Лясковскому дана отсрочка. На этотъ разъ онъ занялся изслѣдованіемъ бѣлковинныхъ или такъ называемыхъ протеиновыхъ веществъ.

Результаты этого изслѣдованія, изложенные имъ первоначально въ критической статьѣ «О протеиновой теоріи», возбудили чрезвычайно ожесточенную полемику со стороны основателя этой теоріи Мульдера. Они вызвали въ Германіи, Англіи и Голландіи рядъ химическихъ работъ, вполнѣ подтвердившихъ показанія Лясковскаго, и измѣнили теоретическія воззрѣнія химиковъ на бѣлковинныя вещества [10]). Послѣ этой работы, Либихъ предложилъ Николаю Эрастовичу остаться у него, обѣщая ему каѳедру въ Германіи и предсказывая что въ Россіи онъ будетъ лишенъ возможности съ успѣхомъ продолжать свои ученыя занятія. Мы увидимъ впослѣдствіи, насколько оправдалось это предсказаніе. Однако Лясковскій не прельстился открывавшеюся ему бле-

---

[10]) Это собственный отзывъ Николая Эрастовича, помѣщенный имъ въ коротенькой автобіографіи, которую онъ написалъ для Словаря профессоровъ Московскаго университета, изданнаго къ столѣтнему университетскому юбилею.

стящею будущностью и, разставшись съ любимымъ учителемъ, поспѣшилъ въ Россію.

Вернувшись лѣтомъ 1846 года въ Москву, Лясковскій получилъ въ университетѣ мѣсто преподавателя фармаціи и фармакогнозіи, съ званіемъ «ученаго аптекаря».

Въ тѣ времена, преподаваніе фармаціи не только у насъ, но и за границею, состояло въ простомъ обученіи ремеслу изготовленія лѣкарствъ. Лясковскій первый сталъ излагать фармацію какъ отрасль химіи; собственно говоря, онъ читалъ курсъ химіи въ приложеніи къ фармаціи и фармакогнозіи. Такое нововведеніе многимъ не понравилось; нашлись люди, которые стали нашептывать попечителю, что «ученый аптекарь» читаетъ вовсе не то, къ чему его опредѣлили. Строгановъ, не разобравъ дѣла и повѣривъ этимъ наговорамъ, призвалъ къ себѣ Лясковскаго и прямо обратился къ нему со словами: «Чтó это вы тамъ читаете? Извольте у меня учить намазывать пластыри и тереть порошки, а не философствовать». Николай Эрастовичъ былъ глубоко оскорбленъ и огорченъ такимъ обращеніемъ человѣка, который нѣкогда такъ хорошо къ нему отнесся и котораго онъ не могъ не уважать. Однако графъ скоро одумался и велѣлъ передать Лясковскому, чтобъ онъ не падалъ духомъ.

Черезъ нѣсколько времени возникъ вопросъ объ устройствѣ особой фармацевтической лабораторіи; нужно замѣтить, что университетская химическая лабораторія далеко не удовлетворяла современнымъ требованіямъ науки. Графъ Строгановъ призвалъ Лясковскаго для совѣщанія по этому дѣлу и между прочимъ въ разговорѣ сказалъ ему: «Не думаете ли вы, что вамъ выстроятъ такую же лабораторію, какъ у Геймана?»—«Нѣтъ», отвѣчалъ Николай Эрастовичъ: «такая мнѣ не годится, а нужна вдвое больше». Послѣдовавшая вскорѣ отставка графа Строганова помѣшала исполненію этихъ плановъ. Для университета настали тяжелыя времена. Лясковскій принужденъ былъ завести себѣ домашнюю лабораторію; но, при его ничтожныхъ средствахъ, эта лабораторія конечно не могла дать ему простора для ученыхъ работъ, а служила больше для судебно-медицинскихъ изслѣдованій, которыя онъ производилъ по должности члена Медицинской Конторы по фармацевтической части.

Въ 1848 году Николай Эрастовичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ Варгиной. Въ слѣдующемъ 1849 году онъ защитилъ диссертацію на Латинскомъ языкѣ «О нѣкоторыхъ атмосферныхъ причинахъ холерной эпидеміи», и получилъ степень доктора медицины. Но это не измѣнило его положенія: онъ по прежнему остался «ученымъ аптекаремъ» съ ничтожнымъ жалованьемъ, безъ права участвовать не

только въ совѣтскихъ, но и въ факультетскихъ засѣданіяхъ. Въ это самое время ему предложили каѳедру въ Дерптѣ, съ званіемъ и жалованьемъ ординарнаго профессора; но Николай Эрастовичъ не захотѣлъ растаться съ роднымъ университетомъ, и остался ученымъ аптекаремъ въ Москвѣ; такъ же отказался онъ перейти въ Кіевъ.

Въ 1854 году, съ отставкой профессора Геймана, въ университетѣ освободилась каѳедра химіи; друзья Лясковскаго стали хлопотать о предоставленіи этой каѳедры ему. Это было дѣло нелегкое, такъ какъ Николай Эрастовичъ не имѣлъ никакой степени по физико-математическому факультету, а слѣдовательно съ формальной стороны не имѣлъ и права преподавать чистую химію; между тѣмъ его ученая извѣстность и восьмилѣтняя блестящая преподавательская дѣятельность давали ему безусловный перевѣсъ надъ всѣми остальными кандидатами. Послѣ долгихъ обсужденій этого вопроса въ министерствѣ, причемъ Лясковскій самъ долженъ былъ ѣздить въ Петербургъ и тамъ представляться министру А. С. Норову, онъ наконецъ былъ утвержденъ преподавателемъ химіи, въ званіи «исправляющаго должность адъюнкта»; черезъ нѣсколько времени его назначили исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора, что́ дѣлало его членомъ факультета и совѣта. Находясь еще въ Петербургѣ, Николай Эрастовичъ писалъ женѣ: «...Узнавъ теперь всю подноготную суматохи, возбужденной многостороннимъ искательствомъ Геймановскаго мѣста, я нахожу для себя не одни поводы къ досадѣ, но и кое-что пріятнаго. Сюда относится участіе, оказанное мнѣ здѣсь нѣкоторыми членами Академіи и Университета, которые безъ моего вѣдома, словесно и письменно, дѣйствовали въ мою пользу». Болѣе всѣхъ хлопоталъ за него А. В. Никитенко: онъ нѣсколько разъ нарочно для этого ѣздилъ къ министру и вообще, по выраженію Николая Эрастовича, «сражался за него до послѣдней капли крови».

Такимъ образомъ, послѣ многихъ превратностей, Лясковскому наконецъ была поручена каѳедра чистой химіи, которую онъ и занималъ до конца жизни.

Въ началѣ 1862 года онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Формулы протеинидовъ», представлявшую продолженіе и главнымъ образомъ обобщеніе его заграничныхъ работъ, и получилъ прямо степень доктора физики и химіи—мимо степеней кандидата и магистра [11]); это была его ученая степень уже по *третьему* факуль-

---

[11]) Представленіе докторской диссертаціи было поставлено условіемъ при переходѣ его на физико-математическій факультетъ.

тету. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Почти тотчасъ вслѣдъ за своимъ докторскимъ диспутомъ онъ былъ посланъ отъ университета на Лондонскую всемірную выставку и послѣ этой поѣздки уже болѣе не покидалъ Москвы.

Помимо своихъ университетскихъ лекцій, Николай Эрастовичъ читалъ нѣсколько публичныхъ курсовъ, а также одно время преподавалъ химію въ Петровской Академіи и въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ. Кромѣ того, онъ былъ инспекторомъ частныхъ учебныхъ заведеній Москвы, а потомъ инспекторомъ классовъ Елисаветинскаго Института. Нужно замѣтить, что онъ не только не искалъ этихъ мѣстъ, но всегда отъ нихъ отказывался, и его заставляли принимать ихъ почти противъ его воли.

*

Когда Лясковскій въ 1846 году началъ читать фармацію, преподаваніе химіи въ Московскомъ университетѣ находилось въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ засталъ его Николай Эрастовичъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, садясь въ первый разъ на студенческую скамью, съ тою только разницею, что теперь такое преподаваніе было еще бóльшимъ анахронизмомъ. Такое печальное положеніе каѳедры химіи выступило еще ярче, когда въ университетѣ появился новый талантливый профессоръ, который въ примѣненіи къ обязательному изложенію фармацевтическихъ свѣдѣній читалъ полный курсъ органической химіи, между тѣмъ какъ прежде эта химія въ университетѣ вовсе не читалась. И вотъ студенты физико-математическаго факультета стали ходить на медицинскій факультетъ, чтобы на лекціяхъ фармакогнозіи учиться химіи [12]).

Потому, когда въ 1854 году Лясковскій перешелъ съ медицинскаго факультета на физико-математическій, то его тамъ уже достаточно знали и встрѣтили съ восторгомъ. Появленіе его на каѳедрѣ химіи сулило коренной переворотъ не въ одной только аудиторіи, но и въ лабораторіи. Чтобы дать понятіе о томъ состояніи, въ которомъ находились та и другая, приведемъ слова тогдашняго студента [13]), который поступилъ въ университетъ при старыхъ порядкахъ въ лабораторіи, а окончилъ курсъ уже при новыхъ.

---

[12]) Это побудило физико-математическій факультетъ пригласить особаго преподавателя для органической химіи, чтобы не слишкомъ отстать отъ медицинскаго.

[13]) Н. И. Варгина.

«.... Я и мои товарищи не слушали Лясковскаго, потому что онъ засталъ насъ на 4-мъ курсѣ, на которомъ теоретическая химія уже не читалась, а студенты должны были заниматься въ лабораторіи урочными упражненіями на задачи, которыя вывѣшивались на стѣнѣ на цѣлую недѣлю. Задачи были незамысловаты: выдуваніе изъ стекла шариковъ, опредѣленіе состава одной и той же колодезной воды. Насъ избавили отъ занятій въ лабораторіи: вѣроятно Лясковскій не захотѣлъ упражнять насъ въ томъ, чему не училъ».

«Мы были послѣдними очевидцами—не скажу прозябательнаго состоянія химіи (ибо прозябаніе есть начало проявленія жизни), а скорѣе дремлющаго. Насъ поучали чему-то среднему между алхиміей и замерзшимъ химизмомъ XVIII-го столѣтія. Насъ ревниво оберегали отъ растлѣвающаго вліянія разныхъ новаторствъ въ химіи: мы зачастую слышали о новыхъ открытіяхъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ слышали объ этихъ открытіяхъ наши предшественники двадцать лѣтъ назадъ. Мы по нѣскольку разъ въ году слышали, что наша Московская лабораторія—единственная въ Европѣ, потому что тамъ лабораторіи приспособлялись къ готовымъ зданіямъ, а у насъ зданіе для лабораторіи воздвигнуто вновь, спеціально; слышали также, что между богатствами лабораторіи находится тоже единственная по величинѣ агатовая ступка.... Въ дѣйствительности же, лабораторія была устроена безъ всякихъ приспособленій, не имѣла хорошей тяги, была загромождена никуда негодными печами. Препараты въ стеклянныхъ шкапахъ хранились только ради цвѣта. Библіотечный шкапчикъ былъ только на половину занятъ, и то устарѣлыми руководствами.....»

Такъ велось преподаваніе химіи до Лясковскаго. Предоставимъ теперь одному изъ его учениковъ [14]) разсказать намъ объ его лекціяхъ:

«Для правильной оцѣнки профессорской дѣятельности Николая Эрастовича нужно вспомнить, что начало и почти бóльшая часть ея совпали именно съ той порой, когда новыя воззрѣнія на преподаваемую имъ науку, уже успѣвшія привиться и укорениться на Западѣ, у насъ только что начинали насаждаться; нужно вспомнить и то, что тогдашняя наша химическая литература была крайне бѣдна, и что она только въ послѣдніе годы его жизни мало-по-малу стала наполняться произведеніями, неоспоримо долженствующими остаться предметомъ ея гордости. И вотъ въ это-то переходное время—время отживанія въ наукѣ старыхъ дуалистическихъ и электрохимическихъ воззрѣній и появленія въ ней новыхъ плодотворныхъ воззрѣній и теорій—выступилъ Лясковскій на дѣятельность, для которой онъ не только былъ блестя-

---

[14]) Н. М. Сарандинаки.

ще подготовленъ, но и чрезвычайно щедро одаренъ природой. Ученикъ Либиха и сотрудникъ его, свидѣтель живаго обмѣна мыслей своего знаменитаго учителя и созданной имъ школы съ цѣлой плеядой славнѣйшихъ ученыхъ того времени, Николай Эрастовичъ воспитался въ духѣ новыхъ химическихъ теорій и въ тоже время пріобрѣлъ громадный навыкъ критически относиться къ нимъ и должнымъ образомъ оцѣнять ихъ относительную важность и значеніе; привыкъ, отдавая каждой изъ нихъ должное, не впадать въ слѣпое предпочтеніе той или другой изъ нихъ и не смотрѣть на нее какъ на нѣчто незыблемое, непогрѣшимое. Кромѣ обширной спеціальной подготовки, кромѣ полнаго знакомства съ исторіей науки съ древнѣйшихъ временъ [15]) и, что̀ всего важнѣе, умѣнья пользоваться ею, Лясковскій обладалъ еще и рѣдкимъ, обширнѣйшимъ, общимъ образованіемъ, что̀ давало ему возможность и къ избранной имъ отрасли знанія относиться вполнѣ самостоятельно и объективно. Ко всему этому, природа одарила его широкимъ философскимъ складомъ ума, необыкновеннымъ даромъ сло̀ва и въ высшей степени совершенною дикціей».

«Занявъ каѳедру химіи въ Московскомъ университетѣ, Николай Эрастовичъ съ первыхъ же годовъ своей дѣятельности съумѣлъ привлечь слушателей въ свою аудиторію, которая съ каждымъ послѣдующимъ годомъ становилась все многолюднѣе и многолюднѣе и подъ конецъ его жизни едва въ состояніи была вмѣщать въ стѣнахъ своихъ всю собиравшуюся въ нее не только университетскую молодежъ, но и массу посѣщавшихъ ее стороннихъ слушателей, иногда далеко уже немолодыхъ. Обаяніе лекцій Николая Эрастовича было по истинѣ изумительное: люди предубѣжденные, прежде видѣвшіе въ преподаваемой имъ наукѣ какое-то пугало, переполненное множествомъ фактовъ, трудно укладываемыхъ въ систему и облеченныхъ въ какіе-то кабалистическіе знаки и формулы, съ первыхъ же прослушанныхъ ими его лекцій радикально измѣняли взглядъ свой на химію и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за преподаваніемъ ея».

«Каждая лекція Лясковскаго составляла обыкновенно нѣчто цѣлое, вполнѣ оконченное и при этомъ тѣсно связанное съ предъидущимъ, а потому она чрезвычайно легко укладывалась въ пониманіи его слушателей и запоминалась ими цѣликомъ. Фактическая сторона предмета излагалась имъ ровно на столько, сколько требовалось для полнаго уясненія непосредственно слѣдовавшихъ за нею теоретиче-

---

[15]) Онъ не пренебрегалъ и алхиміею, показывая, что и въ алхимическихъ изъясненіяхъ, среди массы безсмысленныхъ мудрованій и ухищреній, таились уже зачатки здравой науки.

скихъ представленій, которыя въ изложенныхъ фактахъ получали такимъ образомъ достаточное подтвержденіе и опору. Коль скоро ходъ преподаванія подавалъ малѣйшую возможность къ тому, Николай Эрастовичъ никогда не упускалъ случая теоретическія воззрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ сопоставлять, въ ихъ исторической послѣдовательности, съ указаніемъ вліянія того или другаго воззрѣнія на ходъ и развитіе современной ему науки. Изученный такимъ образомъ матеріалъ онъ затѣмъ снова сопоставлялъ съ современными воззрѣніями на тотъ же вопросъ и этимъ путемъ незамѣтно пріучалъ своихъ слушателей къ правильной оцѣнкѣ теоретическихъ соображеній, относительно ихъ достоинства и права на бо́льшую или меньшую долговѣчность въ наукѣ».

«Въ особенности назидательны и полны глубокаго интереса были лекціи Лясковскаго по органической химіи, которую онъ читалъ слушателямъ, уже подготовленнымъ предшествовавшимъ его курсомъ. Здѣсь и составъ аудиторіи, и свойство излагаемаго отдѣла представляли обобщающему духу профессора несравненно бо́льшій просторъ, и здѣсь-то Николай Эрастовичъ и являлся во всемъ величіи своего знанія, во всемъ блескѣ своего преподавательскаго таланта. Никогда не изгладятся изъ памяти его бывшихъ слушателей тѣ грандіозныя картины метаморфозъ вещества, которыя созидалъ покойный профессоръ и въ строгой послѣдовательности проводилъ передъ умственными очами своей аудиторіи. Никогда не забудется ими глубокое удивленіе передъ результатами усилій человѣческой мысли, которые такъ рельефно умѣлъ обрисовать покойный и такъ удачно группировать относительно тѣхъ отдаленнѣйшихъ стремленій и цѣлей, къ какимъ въ данное время наука направляла свои взоры [16]). Съ изумительною ясностью взгляда и творческою силою провидѣнія намѣчалъ профессоръ эти стремленія и цѣли и обозначалъ пути къ ихъ осуществленію. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила аудиторія за ходомъ мысли профессора, и многіе изъ его слушателей, при внимательномъ просмотрѣ позднѣйшей химической литературы, конечно не разъ имѣли случай убѣдиться въ несомнѣнномъ дарѣ провидѣнія Николая Эрастовича».

«Кромѣ интереса изложенія опредѣленной отрасли знанія, лекціи Лясковскаго несомнѣнно имѣли еще и иной, высшій интересъ: онѣ пріучали умы молодыхъ его слушателей къ извѣстной работѣ, къ

---

[16]) Такъ напр., онъ утверждалъ, что водородъ есть металлъ, почти за 40 лѣтъ до того, какъ это было доказано на опытѣ. Также говорилъ онъ, что органическая химія не есть химія веществъ, встрѣчаемыхъ въ организмахъ, а химія соединеній углерода, что впослѣдствіи сдѣлалось господствующимъ въ наукѣ воззрѣніемъ.

извѣстному складу мыслей, развивали въ нихъ привычку къ критической оцѣнкѣ научнаго матеріала, все равно къ какой бы отрасли знанія онъ ни принадлежалъ. Поэтому вліяніе Николая Эрастовича одинаково благотворно отражалось какъ на лицахъ, посвятившихъ себя исключительно той наукѣ, которая составляла непосредственный предметъ его преподаванія, такъ равно и на тѣхъ, кто посвящалъ себя изученію другихъ отраслей знанія. Молодежъ инстинктивно понимала эту сторону пользы чтеній Лясковскаго и съ одинаковымъ интересомъ спѣшила на его лекціи, независимо отъ того, составляла ли химія ближайшій предметъ ея занятій, или симпатіи ея болѣе склонялись на сторону изученія другихъ областей естествознанія».

«Профессорская дѣятельность не оканчивалась съ порогомъ аудиторіи Лясковскаго. Только въ послѣдніе годы жизни, когда здоровье его замѣтно ослабѣло, онъ сталъ рѣже посѣщать лабораторію. Самъ онъ, въ прочемъ, занимался въ ней немного, но за то часто обходилъ столы студентовъ, останавливался почти передъ каждымъ изъ нихъ и, со всѣмъ извѣстною своею привѣтливостью, готовъ былъ разъяснить каждому изъ работающихъ малѣйшее встрѣченное имъ затрудненіе, указать причину постигшей его неудачи и направить работу на должный путь. Почти всегда отъ частнаго случая Лясковскій переходилъ къ общему, и у стола, у котораго онъ остановился, обыкновенно вскорѣ собирались всѣ наличные въ лабораторіи студенты. Польза этихъ импровизированныхъ бесѣдъ была несомнѣнна; Николай Эрастовичъ сознавалъ это и по долгу оставался въ лабораторіи. Нерѣдко можно было видѣть его, уже облеченнаго въ огромную шубу, стоящимъ по цѣлымъ часамъ въ кругу своихъ слушателей: очевидно его остановилъ кто-нибудь изъ нихъ въ ту минуту, какъ онъ собирался уже уходить».

«Въ зависимости отъ вопросовъ, касавшихся области спеціальныхъ занятій своихъ учениковъ, Лясковскій въ средѣ ихъ часто останавливался и на вопросахъ, касавшихся общихъ задачъ науки и научнаго образованія и любилъ при этомъ дѣлиться съ своими собесѣдниками тѣми задушевными идеалами въ этой области, которые онъ успѣлъ создать и воспитать въ себѣ, и которые тѣмъ осязательнѣе были для его учениковъ, что въ лицѣ говорящаго они видѣли человѣка, беззавѣтно посвятившаго всю свою жизнь достиженію именно этихъ идеаловъ».

Прибавимъ къ этой характеристикѣ нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ лекцій Николая Эрастовича. Войдя въ аудиторію, онъ останавливался передъ столомъ, на которомъ производились опыты, и клалъ на этотъ столъ свои карманные часы, чтобы соображаться со време-

немъ. Эта предосторожность была впрочемъ совершенно напрасна, такъ какъ, несмотря на нее, онъ всегда «зачитывалъ». Въ продолженіе лекціи онъ никогда не садился, а читалъ стоя или прохаживаясь. Будучи отъ природы очень застѣнчивъ, онъ при началѣ чтенія всякій разъ приходилъ въ такое волненіе, что первыя слова произносилъ почти шопотомъ, и лишь мало-по-малу оправлялся и возвышалъ голосъ. За то, разговорившись, онъ такъ увлекался, что хмурилъ брови, улыбался, сопровождалъ свое положеніе различными движеніями рукъ. Со стороны такое чтеніе могло бы показаться смѣшнымъ; но увлеченіе Николая Эрастовича было такъ непритворно, а вниманіе его слушателей было настолько приковано его увлекательнымъ изложеніемъ, что имъ и въ голову не приходило видѣть что-нибудь смѣшное въ его внѣшности. Профессоръ и аудиторія составляли въ это время какъ бы одно цѣлое, и Николай Эрастовичъ превосходно понималъ настроеніе своихъ слушателей. Если онъ замѣчалъ, что теоретическія соображенія утомили ихъ, онъ вдругъ мѣнялъ тонъ рѣчи и указывалъ на какую-нибудь реакцію. Онъ самъ говорилъ: «Я чувствую на себѣ аудиторію».

Опыты были предметомъ особенной его заботливости. Наканунѣ каждой лекціи, лаборантъ получалъ отъ него такъ называемую записку: это былъ одинъ или нѣсколько большихъ листовъ, исписанныхъ его мелкимъ, убористымъ почеркомъ и заключавшихъ подробное описаніе всѣхъ предназначенныхъ для лекціи опытовъ. Каждый опытъ былъ описанъ до мельчайшихъ подробностей, съ указаніемъ, въ какихъ сочиненіяхъ или повременныхъ изданіяхъ можно прочесть о немъ. Если опытъ требовалъ болѣе или менѣе сложнаго аппарата, то аппаратъ этотъ былъ тщательно нарисованъ перомъ. Однимъ словомъ, каждая такая записка представляла небольшую статью, съ рисунками и указаніемъ литературы предмета: лаборанту оставалось только раскрыть указанныя книги и изготовить снаряды и препараты. Нужно еще прибавить, что если опытъ почему-нибудь не удавался, то Николай Эрастовичъ тотчасъ объяснялъ причину неудачи, т.-е. указывалъ на тѣ непредвидѣнныя, побочныя обстоятельства, которыя могли имѣть вліяніе въ данномъ случаѣ. Подливая затѣмъ тотъ или другой реактивъ, онъ всегда устранялъ возмущающую причину и этимъ вызывалъ требуемую реакцію. По разсказамъ его слушателей такія исправленія опытовъ бывали особенно любопытны и поучительны.

Мы перечислили выше главнѣйшія работы Лясковскаго. Болѣе мелкія его изслѣдованія помѣщались въ современныхъ химическихъ журналахъ; но они не имѣютъ особаго значенія. Вообще въ послѣдніе годы жизни самъ онъ мало работалъ въ лабораторіи. Результаты нѣ-

которыхъ своихъ изслѣдованій, въ особенности же многіе свои теоретическія соображенія, онъ сообщалъ на лекціяхъ, не упоминая своего имени. За то онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что̀ появлялось въ наукѣ новаго, и лекціи его всегда служили точнымъ отраженіемъ современнаго состоянія химіи. Но всякую новость онъ подвергалъ строгой критикѣ и сообщалъ лишь то что̀ по его мнѣнію было уже достовѣрно. Придавая своимъ чтеніямъ общій философскій характеръ, Николай Эрастовичъ очень заботился о томъ, чтобы слушатели не отставали отъ хода изложенія. Для этого онъ, между прочимъ, почти каждую мысль повторялъ два раза, но въ различныхъ формахъ, такъ что повтореніе это не было замѣтно, вслѣдствіе чего за нимъ было очень легко записывать; а такъ какъ, кромѣ того, онъ говорилъ очень правильно, хотя немного длинными періодами, то слово его стоило записать, чтобъ получилось вполнѣ литературное изложеніе предмета [17]). Поэтому студенты усердно записывали его лекціи, и ихъ можно было найти на каждомъ курсѣ.

Нужно однакоже замѣтить, что при всемъ стараніи Николая Эрастовича сдѣлать свои чтенія удобопонятными, уровень ихъ все же выходилъ выше средняго уровня развитія студентовъ, такъ что для большинства аудиторіи пропадали многія наиболѣе тонкія черты его изложенія. Вполнѣ оцѣнить это изложеніе могли лишь студенты высшихъ курсовъ да люди съ выдающимися способностями; но увлекались имъ всѣ безъ исключенія—даже ничего почти не понимавшіе студенты другихъ факультетовъ.

Все приведенное нами о чтеніяхъ Николая Эрастовича, можетъ быть, не объясняетъ въ достаточной мѣрѣ того впечатлѣнія, которое эти чтенія производили на слушателей. Оно и понятно: малодоступность преподаваемой имъ науки не допускала такого непосредственнаго вліянія на умы, какое можетъ имѣть преподаватель въ наукахъ историческихъ или философскихъ. Если мы не ошибаемся, одна изъ главныхъ причинъ вліянія Лясковскаго заключалась въ томъ, что онъ, благодаря необыкновенной цѣльности своей натуры, клалъ въ изложеніе предмета всю свою душу и своимъ личнымъ увлеченіемъ увлекалъ слушателей; таково, если можно такъ выразиться, психологическое объясненіе его обаянія. Другаго объясненія должно искать въ ширинѣ и многосторонности его образованія. Дѣйствительно, не было почти области знанія, въ которой бы онъ не былъ у себя до́ма. Науки естественныя и медицинскія, философія, исторія

[17]) Писалъ онъ хуже, чѣмъ говорилъ.

и словесность—все это соединялось въ его головѣ въ одну стройную систему. Его знаніе классической древности удивляло спеціалистовъ-филологовъ. Такимъ образомъ онъ представлялъ собою рѣдкое сочетаніе истиннаго классика съ истиннымъ реалистомъ. Естественно, что, вращаясь въ такомъ широкомъ кругу, онъ и въ химіи видѣлъ не отдѣльную, рѣзко очерченную область знанія, но одно изъ звеньевъ безконечной цѣпи наукъ, неразрывно связанное съ остальными. Химическіе процессы представлялись ему не отдѣльными явленіями, а только частными фактами цѣльнаго, имъ самимъ созданнаго, міровоззрѣнія. Поэтому въ его лекціяхъ, кромѣ ихъ ближайшаго содержанія, всегда была общая философская подкладка, связывавшая частныя фактическія данныя въ одно общее, стройное цѣлое,—и она-то именно и дѣйствовала на умы даже тѣхъ его слушателей, которые въ частности химическихъ выводовъ не понимали. Любопытенъ взглядъ Николая Эрастовича на химію. Онъ говорилъ: «Химія тогда лишь сдѣлается истинною наукою, когда мы перестанемъ дѣлать опыты, а будемъ только писать формулы»—то-есть когда будутъ открыты основные законы, управляющіе превращеніями веществъ. На опытъ же онъ смотрѣлъ какъ на провѣрку теоріи, говоря: «Опытъ хорошъ только тогда, когда онъ отвѣчаетъ: *да* или *нѣтъ* на заданный вопросъ».—Такого же широкаго отношенія къ наукѣ требовалъ онъ и отъ другихъ, настаивая на томъ, что ученый не долженъ замыкать себя въ узкой спеціальности, въ какомъ-нибудь одномъ отдѣлѣ науки, теряя изъ виду ту общую связь явленія, въ которой одной открывается ихъ истинный смыслъ. Онъ часто говорилъ про Нѣмцевъ: «Они дойдутъ до того, что у нихъ будетъ каѳедра мушиной кишки», то-есть профессоръ будетъ читать цѣлый курсъ только о кишкѣ извѣстнаго вида мухи и не знать ничего кромѣ этой кишки. Напротивъ, онъ находилъ общее образованіе необходимымъ для ученаго, и потому всегда былъ противъ дробленія факультетовъ. Онъ шелъ даже далѣе и утверждалъ, что факультеты должны были бы существовать только для профессоровъ, а не для студентовъ, что студенту должна быть предоставлена полная возможность слушать все, что́ онъ захочетъ.

Приведемъ еще одинъ отзывъ о Лясковскомъ, какъ профессорѣ—отзывъ С. А. Рачинскаго.

«Преподаватель онъ былъ превосходный. Его лекціи, университетскія и публичныя, глубоко обдуманныя, обставленныя со всевозможнымъ тщаніемъ, отличались тѣмъ внутреннимъ блескомъ, который придается устной рѣчи лишь полнымъ обладаніемъ предметомъ и широтою умственнаго кругозора. Слушатели обожали его. Но въ сношеніяхъ съ молодыми людьми, работавшими подъ его руководствомъ

въ лабораторіи, ему вредила его непрактичность. Неоцѣненный руководитель въ сферѣ высшаго, теоретическаго знанія, онъ не умѣлъ руководить своихъ учениковъ въ химической стряпнѣ, которую самъ, разумѣется, производилъ въ совершенствѣ».

Послѣднее замѣчаніе очень вѣрно. Николай Эрастовичъ по самому складу своего ума не могъ слѣдить за мелочными подробностями производившихся подъ его наблюденіемъ работъ съ тѣмъ неослабнымъ вниманіемъ, которое необходимо для полнаго успѣха лабораторныхъ занятій. Молодые люди, занимавшіеся въ его лабораторіи, были по большей части новичками въ химическихъ изслѣдованіяхъ: ихъ нужно было вести на помочахъ, толковать имъ всевозможныя азбучныя правила и практическіе пріемы, подъ часъ журить за невниманіе и неисправность. Лясковскій всегда готовъ былъ придти на помощь ученику, но затѣмъ онъ легко увлекался въ сторону общихъ теоретическихъ соображеній. При этомъ ему мѣшала его деликатность, доходившая подъ часъ до излишества: иногда нужно было прямо указать студенту на ошибку въ его работѣ, а Николай Эрастовичъ, щадя его самолюбіе, начиналъ издалека и терялъ даромъ время. Онъ всѣми силами старался водворить въ лабораторіи вещественный и нравственный порядокъ; но, будучи плохимъ администраторомъ, не всегда въ этомъ успѣвалъ. Всякія дрязги глубоко возмущали его воспріимчивую душу; а въ лабораторіи, гдѣ сталкивалось такъ много самолюбій, конечно не обходилось безъ дрязгъ. Николай Эрастовичъ не умѣлъ ихъ распутывать и утѣшался, какъ философъ, удаляясь отъ зла.

Вскорѣ послѣ своего перехода на физико-математическій факультетъ, онъ образовалъ около себя кружокъ химиковъ, который собирался у него въ извѣстные дни. Здѣсь дѣлались научныя сообщенія, обсуждались животрепещущіе научные вопросы. Но скоро и сюда прокрались зависть и ссора, и кружокъ распался. Въ послѣдствіи, Николай Эрастовичъ завелъ другія собранія—не однихъ химиковъ, но вообще естественниковъ и математиковъ. Вообще же нужно замѣтить, что онъ не умѣлъ быть вожакомъ; напротивъ, тамъ, гдѣ не нужно было выдвигаться, былъ другимъ человѣкомъ, что́ мы сейчасъ увидимъ, говоря о его значеніи въ кругу товарищей-профессоровъ. Что́ касается до постоянныхъ его бесѣдъ со студентами объ общихъ, отвлеченныхъ вопросахъ, то пользою этихъ бесѣдъ, быть можетъ, даже съ избыткомъ вознаграждалась недостаточность практической выучки, которую студенты выносили изъ лабораторіи Лясковскаго. Лясковскій постоянно твердилъ студентамъ: «Господа, университетъ не долженъ состоять только изъ людей, одѣтыхъ въ мундиры, причемъ одни раздаютъ дипломы, а другіе получаютъ ихъ». Немудрено, что студенты ловили

каждое его слово и всячески старались задержать его въ лабораторіи, употребляя для того даже разныя хитрости. Надобно замѣтить, что Николай Эрастовичъ никогда не льстилъ молодежи, не унижался передъ нею, не «популярничалъ». Напротивъ, онъ иногда не стѣсняясь говорилъ своимъ ученикамъ горькія истины. Особенно не любилъ онъ выскочекъ, которые, прочитавъ двѣ-три модныя книжки, принимались судить вкривь и вкось о научныхъ вопросахъ. Нерѣдко случалось, что такой юноша, прочитавъ какую-нибудь новую брошюрку, приходилъ къ Лясковскому, чтобъ показать свои познанія, и очень удивлялся, когда получалъ короткій отвѣтъ: «Я ея не читалъ». Вообще Николай Эрастовичъ, при своемъ многостороннемъ образованіи, никогда не стыдился признаться, что онъ чего-нибудь не знаетъ. Онъ говорилъ: «не стыдно не знать; стыдно не желать знать». Такого же простаго и добросовѣстнаго отношенія къ наукѣ требовалъ онъ и отъ другихъ. Всякое самохвальство, всякая передержка для произведенія эффекта встрѣчали съ его стороны горячее противодѣйствіе; поэтому онъ былъ бичемъ на диспутахъ. Факультетъ, пользуясь его обширною компетентностью въ научныхъ вопросахъ, очень часто назначалъ его оппонентомъ не только по химіи, но и по другимъ наукамъ. Кромѣ того, онъ часто возражалъ и по собственной охотѣ. Случалось, что оффиціальные оппоненты не представляли вѣскихъ возраженій, и диспутантъ готовъ былъ торжествовать побѣду,—какъ вдругъ, совершенно неожиданно, вставалъ Лясковскій и, извиняясь въ своей некомпетентности по данному вопросу, начиналъ такую атаку, которая мѣняла весь ходъ диспута. При этомъ возраженія свои Николай Эрастовичъ облекалъ всегда въ изысканно-вѣжливую форму, отчего они казались еще язвительнѣе. Напротивъ, на экзаменахъ онъ былъ очень снисходителенъ и почти никогда не ставилъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ. Не смотря на это, студенты, изъ любви къ нему, всегда усердно готовились къ его экзамену. Спрашивалъ онъ по долгу, обращая экзаменъ въ научную бесѣду; хорошіе студенты очень дорожили этими бесѣдами и всегда старались экзаменоваться у «самаго»; а плохіе, желая поскорѣе отдѣлаться, подходили обыкновенно къ лаборанту, который помогалъ Лясковскому экзаменовать. Случалось впрочемъ, что и къ Николаю Эрастовичу попадалъ слабый студентъ; тогда экзаменъ обращался въ пытку для этого студента и въ комедію для присутствующихъ. Желая, по добротѣ сердца, дать студенту возможность какъ-нибудь поправиться, Николай Эрастовичъ начиналъ испытывать его знаніе по всему предмету; студентъ, конечно, все болѣе высказывалъ свое незнаніе и слѣдовательно все болѣе смущался,—а Николай Эрастовичъ все продолжалъ спрашивать...

Таковы были отношенія Лясковскаго къ студентамъ. Взглянемъ на него теперь въ кругу его товарищей-профессоровъ.

Въ 1854 году, принявъ въ свое завѣдываніе лабораторію, Николай Эрастовичъ получилъ казенную квартиру въ зданіи университета, сначала на Никитской, а потомъ на Моховой, рядомъ съ церковью св. Георгія. Здѣсь ежедневно, съ десяти часовъ утра до трехъ дня, было постоянное засѣданіе физико-математическаго факультета, какъ говорили въ шутку сами профессора, заходившіе сюда съ лекцій напиться кофею и поиграть въ шахматы; къ математикамъ и естественникамъ присоединялись часто и профессора другихъ факультетовъ. Этотъ профессорскій клубъ никогда не бывалъ пустъ, благодаря отчасти близости къ университетскимъ аудиторіямъ, а болѣе всего благодаря личности хозяина. Николай Эрастовичъ, не будучи исключительнымъ сторонникомъ никакой партіи, привлекалъ къ себѣ всѣхъ одинаково. У него не было враговъ и, баллотируясь послѣ двадцати пяти лѣтъ службы на оставленіе въ профессорской должности, онъ не получилъ ни одного чернаго шара изъ пятидесяти. Такое исключительное положеніе происходило вовсе не отъ того, чтобы онъ со всѣми былъ другъ-пріятель: напротивъ, онъ не «дружилъ» ни съ кѣмъ, въ пошломъ значеніи этого слова. Въ университетѣ онъ видѣлъ не собраніе отдѣльныхъ личностей, болѣе или менѣе ему пріятныхъ; не тотъ университетъ, который, какъ всякое человѣческое учрежденіе, не чуждъ былъ дрязгъ и интригъ. Николай Эрастовичъ дорожилъ той идеей университета, которая создалась въ его душѣ и на служеніе которой онъ отдавалъ всѣ свои нравственныя силы. Во всякомъ университетскомъ дѣлѣ для него существовала лишь одна цѣль: польза науки и университета. Какъ человѣкъ увлекающійся и страстный, онъ могъ ошибаться и ошибался; но иной цѣли онъ не преслѣдовалъ во всю свою жизнь. Его товарищи-профессора понимали или вѣрнѣе чувствовали это и видѣли въ немъ какъ бы олицетворенную университетскую совѣсть. Можетъ быть, тотъ идеалъ, который ставилъ передъ ними Николай Эрастовичъ, и былъ слишкомъ высокъ и неосуществимъ въ жизни; но въ томъ-то и заключается великое значеніе и сила идеала, что напоминаніе о немъ заставляетъ людей живѣе чувствовать свое несовершенство и стремиться къ тому совершенству, которое олицетворяется въ идеалѣ. Лясковскій именно постоянно напоминалъ своимъ сотоварищамъ объ идеальныхъ цѣляхъ университетской дѣятельности, постоянно будилъ въ нихъ нравственное чувство, не давалъ ему засыпать и успокоиваться на «порядочной» дѣйствительности. Мы замѣтили выше, что онъ не умѣлъ быть вожакомъ. Онъ почти никогда не пропускалъ засѣданій университетскаго со-

вѣта, но никогда почти на нихъ и не говорилъ; если ему хотѣлось пустить въ ходъ какую-нибудь мысль, онъ обыкновенно просилъ одного изъ сидѣвшихъ около него товарищей встать и говорить за него. Его мѣсто было не въ залѣ совѣта, а въ профессорской комнатѣ. Онъ былъ центромъ, вокругъ котораго группировался профессорскій кружокъ, невидимою связующею силою, которой значеніе вполнѣ почувствовалось лишь тогда, когда ея не стало. Конечно, значеніе это было не такъ замѣтно какъ преподавательская дѣятельность Николая Эрастовича; но какъ бы то ни было, со смертью его не стало дóма, гдѣ бы собиралась такая значительная часть личнаго состава университета, какъ это бывало напримѣръ 6-го Декабря, когда онъ праздновалъ свои имянины.

Такимъ зналъ Лясковскаго университетъ; такимъ остался онъ и въ памяти большинства своихъ современниковъ. Но набросанный намъ образъ его былъ бы очень не полонъ, еслибы мы умолчали о нѣкоторыхъ сторонахъ его характера, которыя были извѣстны весьма немногимъ. Не все въ этой жизни было такъ мирно и гладко, какъ казалось съ перваго взгляда. Были въ душѣ Николая Эрастовича уголки, куда онъ пускалъ лишь самыхъ близкихъ людей, въ расположеніи и преданности которыхъ не сомнѣвался. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ нихъ, С. А. Рачинскій, отзывъ котораго о лекціяхъ Николая Эрастовича мы привели выше.

«Лясковскій былъ натура сложная и тонкая, мало доступная поверхностному наблюдателю. Одною изъ выдающихся чертъ его характера была (имъ самимъ сознаваемая) застѣнчивость, придававшая его рѣчи и обращенію, въ сношеніяхъ съ людьми не близкими, нѣкоторую принужденность и искусственность, ошибочно принимаемую многими за аффектацію. Правильно судить о немъ могли только люди, стоявшіе къ нему очень близко. Эта связанность, какъ бы робость ума яснаго и сильнаго имѣла весьма вѣскія причины».

«Одаренный умомъ обширнымъ и рѣдкимъ научнымъ талантомъ Николай Эрастовичъ былъ лишенъ ума практическаго. Достигнувъ, Европейской извѣстности своими первыми химическими работами, онъ очутился въ Москвѣ въ несообразной должности «ученаго аптекаря», лишенный матеріальной обстановки, необходимой для продолженія его научныхъ трудовъ, и провелъ лучшіе годы своей жизни въ обдумываніи обширныхъ, для него неисполнимыхъ, работъ, изъ которыхъ многія между тѣмъ исполнялись его болѣе счастливыми сверстниками. Совершенное несоотвѣтствіе между тѣмъ, чтó онъ сдѣлалъ, и тѣмъ, чтò онъ могъ бы совершить, постоянно его удручало».

«Была и другая причина. Николай Эрастовичъ былъ человѣкъ совершенно Русскій по убѣжденіямъ, даже съ нѣкоторымъ славянофильскимъ оттѣнкомъ. Его болѣзненно тяготило его не-русское происхожденіе, его неправославное исповѣданіе. Все это связывало его въ выраженіи этихъ его убѣжденій, искренность коихъ могу засвидѣтельствовать, но которую могли заподозрить люди не знавшіе его близко».

Къ первому замѣчанію прибавлять нечего: само собою понятно, какъ должно было тяготить Николая Эрастовича сознаніе, что его блестящее дарованіе, его превосходная подготовка пропали почти даромъ для науки, благодаря тѣмъ невыгоднымъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыя онъ былъ поставленъ (что̀ нѣкогда и предсказывалъ ему Либихъ), что вмѣсто того, чтобъ быть двигателемъ науки и преподавателемъ, онъ во всю вторую половину своей жизни былъ только преподавателемъ, хотя на этомъ поприщѣ онъ и сдѣлалъ такъ много. Обратимся ко второму замѣчанію.

Лясковскій представляетъ собою замѣчательное явленіе. Этотъ человѣкъ, въ которомъ не было ни капли Русской крови, который до двѣнадцати лѣтъ росъ въ Нѣмецкой семьѣ, хотя и въ Русской деревнѣ, этотъ человѣкъ былъ Русскимъ не по одной только внѣшности (такіе обрусѣвшіе иностранцы встрѣчаются на каждомъ шагу); нѣтъ, онъ былъ Русскимъ до мозга костей, до самыхъ мельчайшихъ изгибовъ своей души. Разсказывая о его дѣтствѣ, мы старались, какъ могли, объяснить это удивительное перерожденіе; мы привели написанную имъ пѣсню, въ которой вылилась его горячая любовь къ Россіи; но мы еще ни слова не сказали объ отношеніи его къ вопросу, который для всякаго истинно-Русскаго человѣка неразрывно связанъ съ вопросомъ о народности, ко всему, что̀ касается вѣры и вѣроисповѣданія.

Одинъ изъ ближайшихъ друзей Николая Эрастовича выразился про него, что онъ былъ не только въ душѣ православнымъ христіаниномъ, но проповѣдникомъ православія. Онъ былъ женатъ на Русской, дѣти его были православныя, а однако онъ былъ похороненъ, какъ и крещенъ по лютеранскому обряду. Трудно объяснить это странное противорѣчіе; трудно понять, почему, склоняясь душей къ православію, Николай Эрастовичъ не принялъ его открыто. Все переданное нами о его нравственномъ складѣ не допускаетъ, кажется, мысли о какомъ бы то ни было лицемѣріи съ его стороны; притомъ, лицемѣріе въ этомъ случаѣ скорѣе высказалось бы противоположнымъ образомъ дѣйствій: еслибы Николай Эрастовичъ гнался за житейскими выгодами, то, при его не-Русскомъ имени, выгоднѣе было бы

ему принадлежать къ господствующему въ государствѣ исповѣданію; выгода эта совпадала съ его собственнымъ влеченіемъ—казалось бы, не надъ чѣмъ было и задумываться... И однако онъ остался протестантомъ. Намъ кажется, что именно это случайное совпаденіе внутренняго влеченія съ внѣшнею выгодою и было главною причиною того, что онъ не принялъ православія. Ему была невыносима мысль, что его переходъ будетъ понятъ большинствомъ окружающихъ какъ своекорыстный разсчетъ; что скажутъ, что онъ «перемазался» ради популярности, ради карьеры... Конечно, такой страхъ передъ мнѣніемъ толпы былъ слабостью, недостаткомъ воли; но врядъ ли кто рѣшится осудить его за эту слабость, тѣмъ болѣе, что ему самому она причиняла столько страданій. Онъ тщательно скрывалъ свои чувства, и лишь очень рѣдко, въ минуты сильнаго душевнаго волненія, они прорывались у него наружу. Въ такія минуты друзья слыхали отъ него слова въ родѣ слѣдующихъ: «Я не вѣрю, чтобы вы меня любили; вы должны меня ненавидѣть: я вамъ чужой, я Нѣмецъ, я еретикъ». Ему пытались возражать, что всѣ знаютъ его образъ мыслей, что внѣшнее исповѣданіе не такъ важно и т. п.; но Николай Эрастовичъ всегда отвѣчалъ на это: «Вы говорите такъ потому, что не понимаете Русскаго народнаго воззрѣнія. Для Русскаго человѣка народность и вѣроисповѣданіе нераздѣльны»... «Вы знаете», прибавлялъ онъ, «что меня даже не похоронятъ рядомъ съ моей женой». Послѣднія слова были какъ бы предчувствіемъ. Когда онъ умеръ, то, несмотря на всѣ хлопоты, не было разрѣшено похоронить его на Русскомъ кладбищѣ: его костямъ отказали въ томъ, что съ тѣхъ поръ не разъ бывало позволяемо для многихъ иновѣрцевъ, менѣе достойныхъ, но болѣе вліятельныхъ.

Оставаясь лютераниномъ, Николай Эрастовичъ бывалъ въ лютеранской церкви только для того, чтобы причаститься, но и въ Русскую ходилъ очень рѣдко, изъ той же сдержанности, которая руководила всѣми его дѣйствіями въ вопросахъ вѣры. Между тѣмъ обрядовая сторона религіи была очевидной потребностью его сердца. Потребность эта проявлялась въ мелочахъ, которыя многимъ казались смѣшными. Такъ онъ неизмѣнно каждый вечеръ самъ оправлялъ лампаду передъ образомъ въ комнатѣ своего маленькаго сына; прощаясь съ дѣтьми, всегда крестилъ ихъ; носилъ крестъ, чего протестанты не дѣлаютъ, и т. д. Все это конечно были мелочи; но въ его глазахъ онѣ получали особое значеніе, будучи единственнымъ возможнымъ для него внѣшнимъ исповѣданіемъ вѣры.

Таковъ былъ онъ и въ своихъ отношеніяхъ къ вопросамъ національнымъ. Онъ часто не высказывалъ своихъ взглядовъ изъ бояз-

ни, что собесѣдники не повѣрятъ ихъ искренности. Подозрительность его въ этомъ отношеніи доходила до болѣзненности, особенно въ послѣдніе годы его жизни. Онъ часто выходилъ изъ себя, когда при немъ бранили Нѣмцевъ, потому что въ такихъ рѣчахъ ему чудилось скрытое намѣреніе уколоть его лично, зачислить его въ Нѣмцы.

Будучи по многимъ своимъ убѣжденіямъ очень близокъ къ славянофиламъ, онъ по той же застѣнчивости, о которой мы говорили, никогда не искалъ личнаго сближенія съ ними. Между тѣмъ любимымъ его поэтомъ былъ Хомяковъ, стихотворенія котораго онъ зналъ почти всѣ наизусть. Когда въ 1861 году они были изданы отдѣльною книжкою, Николай Эрастовичъ, уѣзжая на Лондонскую выставку, взялъ эту книжку съ собой и, подплывая къ берегамъ Англіи, на палубѣ парохода читалъ: «Островъ пышный, островъ чудный».

Заканчивая нравственную характеристику Лясковскаго, мы должны указать на одно его свойство, которое можетъ послужить къ обясненію многихъ сторонъ его характера. Этотъ человѣкъ до старости сохранилъ совершенно-дѣтскую впечатлительность и дѣтскую же искренность увлеченія. Онъ даже не умалялся сознательно, а былъ яко дитя до самой смерти. Какъ это ни странно, но такое младенчество души проглядывало у него во всемъ: онъ вѣрилъ, любилъ, ненавидѣлъ, увлекался и приходилъ въ отчаяніе какъ совершенный ребенокъ. Въ самыхъ его литературныхъ вкусахъ было много дѣтскаго. Онъ былъ большой охотникъ до всего, что́ носило характеръ сказки, т.-е. до всякихъ разсказовъ съ «приключеніями». Не только Куперъ, но и Жюль-Вернъ былъ его любимымъ чтеніемъ. Уже больной, онъ разъ сталъ вечеромъ читать «Капитана Гатраса» и такъ увлекся имъ, что просидѣлъ всю ночь напролетъ, пока не прочелъ всей книги; эту повѣсть онъ потомъ перечитывалъ нѣсколько разъ.

Въ свои воззрѣнія на историческія лица Николай Эрастовичъ вносилъ туже страстность, которая была отличительною его чертою. Ученики говорили про него шутя, что онъ даже химическіе элементы могъ любить и ненавидѣть. У него были свои излюбленные герои, какъ напримѣръ Суворовъ, а изъ древнихъ—Аннибалъ, котораго онъ даже воспѣлъ въ стихахъ. Особымъ его любимцемъ былъ также Ломоносовъ.

Николай Эрастовичъ былъ страстнымъ поклонникомъ классической древности; его пристрастіе ко всему древне-греческому доходило до смѣшнаго. Такъ, онъ одно время мечталъ выучить своего сына говорить по-гречески прежде, чѣмъ онъ начнетъ говорить на новыхъ языкахъ. Для этого же сына онъ сдѣлалъ изъ дерева, картона и золотой бумаги полное вооруженіе Греческаго героя. Это было своего

рода произведеніе искусства, такъ какъ вооруженіе было самымъ точнымъ образомъ исполнено по лучшимъ рисункамъ, а на ручныя работы Николай Эрастовичъ былъ большой мастеръ. Особенно любилъ онъ клеить изъ бумаги и картона; вообще не могъ сидѣть сложа руки. На святкахъ онъ всегда устраивалъ для своихъ дѣтей елку, на что употреблялъ нѣсколько дней, придумывая самый хитрыя украшенія и самъ тѣшась, какъ дитя.

Распредѣленіе его дня соотвѣтствовало такой привычкѣ къ дѣятельности. Живя въ городѣ, онъ вставалъ въ четыре часа утра и занимался до восьми; потомъ, напившись кофею, уходилъ въ лабораторію. Вернувшись оттуда, онъ всегда заставалъ дома нѣсколькихъ товарищей, съ которыми и проводилъ время до обѣда, играя въ шахматы или просто разговаривая. Пообѣдавъ въ три часа, онъ часа два отдыхалъ; вечеромъ, послѣ чаю, обыкновенно читалъ и ложился спать рано, не позже одиннадцати часовъ. Выѣзжалъ онъ мало, и его женѣ стоило всегда большаго труда добиваться, чтобы онъ хоть изрѣдка бывалъ у родныхъ и знакомыхъ. Еслибъ его не трогали, онъ зналъ бы дорогу изъ своей квартиры до лабораторіи—и только. Преподаваніе въ Петровской Академіи и въ Военномъ Училищѣ и должности инспектора частныхъ учебныхъ заведеній, а потомъ Елисаветинскаго Института отвлекали его мало, да и занималъ онъ эти должности не подолгу.

Въ первыхъ числахъ Мая Лясковскіе переѣзжали на дачу за Дорогомиловскую заставу, въ деревню Давыдково, и жили тамъ до конца Августа. Въ то время это было довольно тихое мѣсто, и Николай Эрастовичъ могъ тамъ на свободѣ предаваться своей страсти къ цвѣтоводству. Его маленькій садикъ, въ которомъ онъ копался цѣлый день, былъ убранъ какъ игрушка. Далекихъ прогулокъ онъ не любилъ, но много бродилъ по ближайшимъ окрестностямъ, собирая цвѣты. Онъ составилъ довольно полный гербарій окрестной флоры; а букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ дѣлалъ такъ, что они выходили красивѣе садовыхъ. Другимъ лѣтнимъ его удовольствіемъ было пускать бумажные змѣи; предполагалось, что это дѣлается для дѣтей; но, кажется, Николай Эрастовичъ и самъ забавлялся не меньше ихъ. При этомъ онъ былъ постоянно окруженъ крестьянскими ребятишками, съ которыми былъ большой пріятель. И теперь многіе изъ этихъ ребятишекъ, уже давно взрослые и женатые, съ любовью вспоминаютъ о немъ. Разъ, бродя около дома, онъ нашелъ дубовую доску. Доска была хорошая, сухая; Николай Эрастовичъ сталъ думать, чтó бы изъ нея сдѣлать? И вотъ ему пришла богатая мысль надѣлать изъ доски трещотокъ. Черезъ нѣсколько дней трещотки были готовы и розданы маль-

чишкамъ, которые, изображая изъ себя сторожей, въ первую же ночь надѣлали по всей деревнѣ такого шуму, что на другой день Давыдковскіе дачники обратились къ Николаю Эрастовичу съ коллективною просьбою пощадить ихъ сонъ и отобрать у его друзей это безпокойное орудіе.

Весной и осенью Николаю Эрастовичу приходилось ѣздить съ дачи въ Москву и возвращаться иногда поздно вечеромъ; нужно замѣтить, что онъ въ обыденной жизни былъ великій трусъ. Ѣздилъ онъ въ телѣжкѣ, съ работникомъ того крестьянина, у котораго жилъ на дачѣ. Боясь разбойниковъ (которыхъ, вѣроятно, не было въ дѣйствительности), онъ бралъ съ собой пистолетъ, а возницѣ своему давалъ саблю. Оба эти оружія были очень стары и скорѣе годились въ музей, чѣмъ въ дѣло; но эта-то ихъ древность, быть можетъ, и нравилась Николаю Эрастовичу. Также боялся онъ собакъ и, идя за десять шаговъ отъ дому, бралъ толстую дубовую палку съ свинцовымъ набалдашникомъ. Какъ всѣ трусливые люди, онъ любилъ разсказывать о разныхъ чудесахъ силы и храбрости, хотя самъ, вѣроятно, не рѣшился бы обидѣть и мухи.

Николай Эрастовичъ прожилъ въ Давыдковѣ пятнадцать лѣтъ и оставилъ тамъ между крестьянами благодарную память. Но дачная жизнь не удовлетворяла его: онъ все вспоминалъ о Красныхъ Хуторахъ и до самой смерти мечталъ когда-нибудь пожить въ деревнѣ; мечтамъ этимъ не удалось однако осуществиться. Любовь его къ мѣстамъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, была трогательна. Незадолго до кончины, онъ просилъ одного изъ своихъ друзей достать ему отъ тогдашняго владѣльца Красныхъ Хуторовъ, князя Л. Н. Гагарина, планъ этого имѣнія, чтобы самому срисовать его; но послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ трагическая смерть князя помѣшала исполненію этого желанія.

Однообразное теченіе жизни Николая Эрастовича было нарушено только его поѣздкою на Лондонскую выставку въ 1861 году. Независимо отъ интереса, который представляла для него самая выставка и Англія, въ которой онъ не былъ раньше,—онъ съ удовольствіемъ посѣтилъ Парижъ, гдѣ нѣкогда провелъ цѣлый годъ; отрывки изъ его писемъ по этому поводу мы привели выше. Въ Англіи онъ нашелъ двухъ Гиссенскихъ товарищей, Вильямсона и Броди; оба были профессорами, и къ послѣднему Николай Эрастовичъ ѣздилъ въ Оксфордъ. Во время своей заграничной поѣздки, продолжавшейся три мѣсяца, онъ писалъ не только женѣ, но и обоимъ своимъ сыновьямъ, изъ которыхъ старшему былъ двѣнадцатый годъ, а младшему пятый—пи-

салъ длинныя письма, примѣняясь къ пониманію дѣтей и разсказывая имъ о томъ, чтò онъ видѣлъ за границей.

Намъ остается описать наружность Николая Эрастовича. Онъ былъ высокъ ростомъ и хорошо сложенъ, но ходилъ немного сгорбившись, отъ чего казался ниже своего роста. Его можно было издали узнать по его своеобразной упругой походкѣ: онъ шелъ точно на пружинахъ, равномѣрно поднимаясь и опускаясь, такъ что голова его при этомъ какъ будто кивала. Одѣтъ онъ былъ всегда очень тщательно, обыкновенно въ черный сюртукъ, а лѣтомъ носилъ парусинное платье и соломенную шляпу съ большими полями. Его густые, слегка кудрявые темнорусые волосы (которые, нужно замѣтить, онъ старательно размачивалъ, чтобы они не вились, находя это франтовствомъ), стали сѣдѣть и рѣдѣть лишь въ послѣдніе годы. Бороду онъ носилъ только за границей, а потомъ всегда брился. Вообще внѣшность его была очень изящна; по манерамъ, это былъ свѣтскій человѣкъ стариннаго покроя. На иностранныхъ языкахъ, особенно по-французски, онъ говорилъ съ тѣмъ изысканнымъ изяществомъ стиля и выговора, которое было отличительною чертою людей того времени. Какъ собесѣдникъ, онъ былъ неистощимъ—все равно, шелъ ли разговоръ о философскихъ и политическихъ вопросахъ, или переходилъ на анекдоты, которыхъ онъ зналъ множество. Его разсказы изъ собственной жизни были очень любопытны; трудно перечислить всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей, съ которыми его въ разное время сводила судьба. Многіе изъ его разсказовъ обратились въ анекдоты, какъ и многія изъ его выраженій и поговорокъ вошли во всеобщее употребленіе между его учениками и товарищами.

Въ послѣдніе годы жизни, Николаю Эрастовичу пришлось быть свидѣтелемъ волненій и несогласій въ средѣ профессоровъ Московскаго университета. По своему пылкому нраву, онъ принималъ горячее участіе въ ходѣ этой университетской распри. Какъ извѣстно, она кончилась выходомъ нѣсколькихъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ, къ великому прискорбію Николая Эрастовича, находился одинъ изъ самыхъ дорогихъ его друзей. Хотя Николай Эрастовичъ и былъ въ этомъ дѣлѣ противъ вышедшихъ, но вся эта смута тяжелымъ камнемъ легла на его душу, и онъ до послѣднихъ дней своихъ не могъ вспоминать о ней безъ глубокаго сожалѣнія. Ко времени этихъ университетскихъ волненій относится стихотвореніе, сложившееся, вѣроятно, въ одну изъ его вечернихъ прогулокъ въ Давыдковѣ. Мы приведемъ его здѣсь, такъ какъ оно живо передаетъ его душевное настроеніе.

От поздняго пира, отъ праздныхъ рѣчей,
Отъ злыхъ осужденій собрата,
Мы вышли въ безлюдныя нѣдра полей:
Природа покоемъ объята.

И тѣнь поволунья въ молчаньи ночномъ
На сонную землю спустилась,
И Кассіопея подъ млечнымъ путемъ
Въ таинственномъ блескѣ явилась.

На тропѣ царица волшебная спитъ,
Въ забвеніи думъ вѣковѣчныхъ,
И дольнія души къ созвѣздьямъ манитъ
Завѣтомъ преданій сердечныхъ.

Какъ сводъ искрометный сіяетъ эѳиръ
Свѣтилами далей небесныхъ,
И чарами дышетъ невѣдомый міръ,
И полонъ видѣній чудесныхъ.

Бѣгутъ попеченья о прахѣ земномъ
Предъ ликомъ высотъ безпредѣльныхъ,
И жалки заботы о гнѣвѣ людскомъ,
О славѣ стяжаній скудельныхъ.

Волнуется грудь въ обаяньи ночей
Порывомъ мечты вдохновенной,
Когда хоть каймою коснется очей
Божественный очеркъ вселенной.

Двадцать лѣтъ отдѣляютъ это стихотвореніе отъ другаго, приведеннаго нами въ началѣ нашей статьи: сравнивая ихъ между собою, мы почувствуемъ, сколько пережилъ и перенесъ написавшій ихъ въ эти двадцать лѣтъ. Тамъ—порывъ юноши, который смѣло глядитъ въ глаза жизни; здѣсь спокойствіе старца, который вышелъ изъ жизни нравственно невредимымъ, но страшно усталъ.... Дѣйствительно, силы его были надорваны, и самое тѣлесное здоровье стало замѣтно измѣнять. Въ молодости Николай Эрастовичъ былъ богатыремъ: ему ничего не стоило пойти съ товарищами къ Троицѣ, отстоять тамъ обѣдню и тотчасъ же, не отдыхая, пуститься опять пѣшкомъ въ обратный путь. Но тридцатилѣтнія занятія въ лабораторіи, а можетъ-быть и органическій недугъ, совершенно его перевернули; ко всему

этому прибавилась простуда. Онъ сталъ по немногу чувствовать хрипоту; голосъ его, въ оживленномъ спорѣ, все чаще срывался. Осенью 1870 года хрипота такъ усилилась, что онъ почти потерялъ голосъ и уже не могъ читать лекцій. Отсутствіе привычной дѣятельности было ему очень тяжело: онъ сталъ скучать, сдѣлался раздражителенъ и капризенъ; а между тѣмъ тѣлесныя силы все болѣе и болѣе упадали. У него была странная болѣзнь: суженіе дыхательныхъ путей и пищевода. Болѣзнь эта не поддавалась никакому лѣченію, и онъ постепенно угасалъ. Онъ по прежнему много читалъ, интересовался всѣмъ, но уже не выходилъ изъ дому и почти все время сидѣлъ на диванѣ одѣтый въ халатъ и мягкіе замшевые сапоги. Къ веснѣ врачи потеряли надежду; но больной не подозрѣвалъ опасности своего положенія и въ свой послѣдній день совершенно спокойно говорилъ съ домашними и друзьями, насколько ему позволялъ говорить его слабый голосъ. За полчаса до кончины онъ попросилъ супу, который въ последнее время былъ его единственною пищей, такъ какъ твердая пища уже не проходила черезъ его сузившееся горло. Ему стали подогрѣвать супъ на спиртовой лампѣ, а въ это время уже началась агонія. Онъ до конца не понималъ, что умираетъ, и потому не прощался съ близкими. Онъ потерялъ сознаніе лишь за четверть часа до конца и тихо, почти безъ страданій, угасъ въ 6 часовъ 20 минутъ вечера, 28 Апрѣля 1871 года, 54 лѣтъ отъ роду.

Когда въ Москвѣ узнали о его смерти, то множество знавшихъ его людей и бывшихъ учениковъ стали приходить поклониться его тѣлу. Панихиды надъ нимъ совершалъ настоятель университетской церкви, протоіерей Н. А. Сергіевскій; монахиня читала псалтырь по усопшемъ; словомъ, здѣсь, по крайней мѣрѣ, были исполнены надъ нимъ обряды православной церкви, которые были ему такъ дороги при жизни.

2-го Мая тѣло его было отпѣто въ лютеранской церкви Петра и Павла и на рукахъ учениковъ перенесено на Введенскія Горы, гдѣ и предано землѣ. Надъ могилою его стоитъ небольшой памятникъ изъ чернаго гранита, на которомъ вырѣзаны слова псалма:

«Ублажи, Господи, благія и правыя сердцемъ»

Валерій Лясковскій.

Москва. 1884 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА *).

Въ концѣ 1847 г. я рѣшился оставить Кавказъ, гдѣ мнѣ не были симпатичны ни новые люди, ни новый строй, выведенный княземъ Воронцовымъ. Дѣла наши въ восточномъ Кавказѣ шли плохо и до него, но при немъ наше положеніе ухудшилось. Послѣ несчастнаго похода въ Дарго, Шамиль до такой степени усилился, что могъ предпринять наступательное движеніе въ Кабарду и безнаказанно возвратился, хотя былъ окруженъ нашими войсками, со всѣхъ сторонъ собравшимися. Военныя дѣйствія въ этомъ позорномъ эпизодѣ ограничились только тѣмъ, что отрядъ б. Меллера-Закомельскаго, пропустивъ Шамиля чрезъ Терекъ у Ольховатскаго аула, сдѣлалъ нѣсколько безвредныхъ пушечныхъ выстрѣловъ по хвосту его сборища. Послѣ этого безнаказаннаго посѣщенія Шамиля Кабардинцы естественно сохранили убѣжденіе въ его могуществѣ и нашемъ безсиліи. Такимъ образомъ, въ этомъ краѣ мы пришли въ положеніе худшее, чѣмъ въ какомъ были десять лѣтъ назадъ. Всѣ огромныя жертвы людьми, деньгами и временемъ пропали безслѣдно.

Военными дѣйствіями въ этой части Кавказа распоряжался непосредственно князь Воронцовъ. Заводовскій нашелъ свою выгоду въ томъ, чтобы подчиниться роли полнаго ничтожества. Онъ узнавалъ только для свѣдѣнія, и то не все, чтó дѣлалось въ этой половинѣ ввѣреннаго ему края. Предполагалось, что онъ за то распоряжается самостоятельно на правомъ флангѣ и въ Черноморіи; но тамъ ровно ничего не дѣлалось, исключая развѣ походовъ для снабженія Абинскаго укрѣпленія и незначительныхъ набѣговъ частныхъ начальниковъ. Особенно заботился Заводовскій развѣ о томъ, чтобъ окружить какой-то Китайской стѣною Черноморское войско, гдѣ онъ продолжалъ считаться наказнымъ атаманомъ. Войскомъ управлялъ нач. штаба г. Рашпиль, но настоящимъ хозяиномъ въ этомъ краѣ былъ Александръ Посполитаки, имѣвшій на откупу всѣ доходныя статьи. По управ-

---

*) См. 1 и 2 книги Р. Архива сего года. Г. И. Филипсонъ не кончилъ своихъ Воспоминаній. То чтò здѣсь печатается составляетъ особую тетрадь, на которой находится его замѣтка: „Этотъ отрывокъ долженъ въ свое мѣсто войти въ общія записки“. Князь М. С. Воронцовъ, о которомъ Филипсонъ отзывается здѣсь съ очевиднымъ пристрастіемъ, такъ много сдѣлалъ для Кавказа, что не нуждается въ оправданіи. П. Б.

ленію Кавказской областью Заводовскій былъ вполнѣ въ рукахъ своего правителя канцеляріи и начальниковъ главныхъ административныхъ отдѣловъ, которые въ мутной водѣ ловили рыбу. По всѣмъ денежнымъ дѣламъ въ военномъ и гражданскомъ управленіи происходили темныя вещи.

Естественно, что, при такомъ положеніи администраціи, подчиненность и дисциплина страдали. Частные начальники лѣвой половины Кавказа всегда, а остальные нерѣдко, писали прямо князю Воронцову и получали отъ него разрѣшенія; а Заводовскій заботился только о томъ, чтобы не сомнѣвались въ его безграничной преданности князю Михаилу Семеновичу; о себѣ же онъ говорилъ, что онъ человѣкъ простой, нехитрый, неписьменный. Можно себѣ вообразить положеніе начальника штаба при такомъ командующемъ войсками: я ни въ какомъ случаѣ не могъ разсчитывать на его поддержку; а напротивъ, случалось, что онъ же меня выдавалъ, когда видѣлъ, что ему выгодно отказаться отъ распоряженій, на которыя онъ согласился.

Не знаю, удалось ли мнѣ выразить хаосъ, который царствовалъ на сѣверномъ Кавказѣ. Я съ нимъ мирился при Раевскомъ; но разница была въ томъ, что при Раевскомъ былъ частный хаосъ, а объ этомъ нельзя сказать того же. Тамъ штабъ могъ удерживать порядокъ въ войскахъ и обуздывать злоупотребленія, здѣсь это было невозможно. Всѣ мои усиленные труды повели только къ тому, что я вошелъ въ непріятныя столкновенія со многими частными начальниками; между ними были люди, съ которыми я болѣе всего желалъ бы оставаться въ прежнихъ, хорошихъ отношеніяхъ. Гг. Фрейтагъ и Нестеровъ жаловались на меня князю Воронцову. Я долженъ отдать ему справедливость, онъ отвѣчалъ имъ: «подайте рапортъ, и я прикажу «произвести слѣдствіе, а голословной жалобы я не принимаю». Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ мнѣ Заводовскій, въ присутствіи котораго былъ этотъ разговоръ. Несмотря на то, я зналъ, что князь Воронцовъ меня очень не жалуетъ; на участіе Коцебу я всего меньше могъ разсчитывать. Главная квартира кишѣла интриганами и людьми съ свѣтскимъ лоскомъ и образованіемъ и съ эластическою совѣстью. Я тамъ ни разу не былъ, не выѣзжалъ даже въ Грозную и въ Пятигорскъ, куда часто пріѣзжалъ князь Воронцовъ. Для всѣхъ окружающихъ князя я былъ въ полномъ смыслѣ чужой, а для нѣкоторыхъ неудобный. Въ такомъ положеніи благоразуміе требовало удалиться. Я подалъ прошеніе объ увольненіи меня, по болѣзни, въ годовой отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія.

Я былъ увѣренъ, что не встрѣтится препятствій къ моему увольненію, но ошибся. Отказъ послѣдовалъ, конечно не изъ Тифлиса, а

изъ Петербурга. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ мы получили отъ Коцебу копію отзыва военнаго министра главнокомандующему. Государь Императоръ, предположивъ усилить Кавказское линейное войско постепеннымъ перечисленіемъ въ него государственныхъ крестьянъ Ставропольской губерніи, начиная съ праваго фланга, приказывалъ прислать меня въ Петербургъ, для полученія личныхъ приказаній Его Величества, чѣмъ сократится время сравнительно съ передачею ихъ въ переписке. Военный министръ прибавилъ, что Государю угодно было назначить именно меня, потому что я хорошо знаю край и его потребности и что, узнавъ о предстоящемъ мнѣ лестномъ порученіи, я отложу на время испрашиваемый мною отпускъ, а что по окончаніи возложеннаго на меня порученія, я могу быть уволенъ на годъ, для поправленія здоровья съ содержаніемъ и безъ отчисленія отъ должности, на которой я (будто бы) могу принести особенную пользу. Все это, въ отзывѣ министра, сопровождалось самыми лестными выраженіями о моей службѣ и достоинствахъ. Этого, конечно, было слишкомъ достаточно, чтобъ окончательно испортить мои отношенія къ князю Воронцову.

Въ Ставрополѣ это извѣстіе сдѣлало большой переполохъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Всѣ чуствовали, что почва пропадаетъ подъ ногами. Особенно управленію государственныхъ имуществъ это новое предположеніе грозило скорымъ упраздненіемъ. Оно не сообщалось въ видѣ окончательной высочайшей воли; меня требовали только для полученія изустныхъ приказаній Государя; мнѣнія мѣстнаго начальства не требовалось, но оно сохраняло надежду выставить вредность предполагаемой мѣры и отклонить ея принятіе. Для этого составился тѣсный союзъ всѣхъ главныхъ лицъ гражданскаго управленія. Опасность была общая: дойную корову хотѣли свести со двора....

Дня черезъ два, пришедъ къ Заводовскому, я нашелъ его уже во всеоружіи противъ предполагаемой передачи крестьянъ въ военное вѣдомство. Онъ даже употреблялъ и выраженія, явно ему подсказанныя. Вѣроятно, онъ зналъ уже изъ Тифлиса, что князь Воронцовъ всѣми мѣрами будетъ противиться принятію этой мѣры. Я потребовалъ скорѣйшаго доставленія мнѣ всѣхъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній о народонаселеніи въ губерніи по городамъ и селеніямъ и получилъ ихъ дня черезъ три. Лазаревъ былъ тогда въ отсутствіи изъ города, и потому свѣдѣнія изъ Палаты Государственныхъ Имуществъ были за подписью одного изъ совѣтниковъ. Оказалось, что во всей губерніи, раздѣленной на четыре уѣзда, было государственныхъ крестьянъ около 120 тыс. душъ. Вслѣдъ затѣмъ я получилъ отъ возвратившегося изъ поѣздки Лазарева отношеніе съ просьбою

возвратить сообщенныя мнѣ изъ Палаты свѣдѣнія, въ которыя будто бы вкралась ошибка. По новой, доставленной мнѣ вѣдомости показано общее число крестьянъ около 87 тыс. душъ и, сверхъ того, подъ рубрикой *причисляющихся,* болѣе 10 тыс. душъ. Говорили, что первая-то вѣдомость была вѣрнѣе и что многія деревни, много лѣтъ назадъ тому, поселились самовольно на пустыхъ мѣстахъ, но въ отчетахъ не показываются и потому платятъ подати не въ казну. Если прибавить къ вышесказанной оффиціальной цифрѣ до 50 тыс. душъ городскаго и крѣпостнаго населенія, то во всей губерніи окажется до 150 т. душъ. И для такого незначительнаго населенія, едва равняющагося одному уѣзду населенныхъ губерній въ Россіи, существовала такая сложная губернская и уѣздная администрація съ цѣлымъ легіономъ чиновниковъ! Правда, что крестьяне были вообще не бѣдны, а много было и очень достаточныхъ; но это происходило не отъ отеческой заботливости, а благодаря большому простору, хлѣбородности почвы и легкому сбыту хлѣба на продовольствіе войскъ. Послѣдняя статья еще болѣе подняла бы благосостояніе крестьянъ, еслибы поставщикомъ въ войска муки и крупъ не былъ самъ управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ. Это было не только съ вѣдома, но и по приглашенію князя Воронцова; за успѣшное выполненіе этихъ поставокъ онъ получалъ награды по службѣ! Цѣны были дѣйствительно выгодны для казны; но были ли онѣ выгодны для крестьянъ, объ этомъ ихъ не спрашивали.

Раза три Заводовскій собиралъ насъ всѣхъ. Шли безконечныя препиранія, причемъ мнѣ приходилось всегда оставаться одному противъ общаго мнѣнія. Возраженія состояли преимущественно изъ какого-то винегрета, въ который входили слова: торговля, промышленность, цивилизація, народное благосостояніе, будущность и много расплывчатыхъ фразъ ложной гуманности и либерализма. Слова расходились въ разныя стороны съ дѣйствіями моихъ оппонентовъ. Всю ихъ аргументацію можно бы коротко выразить: «намъ это невыгодно».

Сельское населеніе Кавказской области тянется по Тереку и вблизи Кубани, чрезполосно съ казаками. Мужики старыхъ селеній привыкли къ климату, къ особенностямъ хозяйства и до нѣкоторой степени и къ военнымъ тревогамъ. Многіе были вооружены и умѣли дѣйствовать оружіемъ. Они были нисколько не хуже казаковъ верхнихъ станицъ Донскаго войска. Изъ сего послѣдняго 11 полковъ постоянно служили на Кавказской линіи и за Кавказомъ. Эта повинность была тягостна для войска и мало полезна для Кавказа. Полки прибывали въ край новый, должны были участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, гдѣ массы почти не бываютъ въ дѣлѣ, а для одиночныхъ

дѣйствій у казаковъ нѣтъ сноровки и опытности. Долгій миръ сдѣлалъ то, что уровень воинственности Донцовъ очень понизился; старыхъ казаковъ мало, а офицеровъ опытныхъ еще менѣе. Къ этому нужно прибавить, что большая часть полковыхъ командировъ назначалась изъ гражданскихъ частей, и брались полки только въ чаяньи негласныхъ выгодъ. Срокъ службы полка на Кавказѣ—четыре года, изъ которыхъ въ первомъ, а иногда и во второмъ году, казаки умѣютъ только безропотно переносить всѣ невзгоды, болѣть и умирать; а только что въ остальные два года приспособляются къ этому новому роду войны и жизни, является съ Дону другой полкъ на смѣну. Нужно, впрочемъ, сказать, что многое зависитъ отъ умѣнья главнаго мѣстнаго начальника ввести казаковъ въ боевую колею; но вообще несомнѣнно, что Донскіе казаки болѣе полезны въ Европейской войнѣ, чѣмъ на Кавказѣ. Здѣсь, по неволѣ, какъ мы, такъ и горцы, сравнивали ихъ съ линейцами, и это сравненіе было не въ пользу Донцевъ.

Уменьшеніе на 11 полковъ наряда на службу было бы благодѣяніемъ для Донскаго войска, котораго обыватели далеко не въ томъ положеніи, какого можно бы ожидать въ этомъ богатомъ краѣ, при изобиліи плодородной земли. Съ другой стороны, усиленіе туземнаго казачества было бы весьма полезно для Кавказской войны и для обороны линіи отъ хищническихъ партій. Благосостояніе крестьянъ нисколько бы не потерпѣло отъ передачи ихъ въ военное вѣдомство.

Люди богатые и имѣющіе значительные участки собственной земли, занимающіеся торговлею и промышленностью, могли и въ войскѣ поступить въ торговую сотню или предъ перечисленіемъ записаться въ купечество. Для городскихъ сословій и для владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ было совершенно безразлично, относиться ли по своимъ дѣламъ въ губернскія присутственныя мѣста или въ областное правленіе: ихъ права остаются неприкосновенными.

На Кавказѣ есть еще аномалія, о которой я не упомянулъ. Это Ногайцы, живущіе въ нашихъ предѣлахъ чрезполосно съ казаками и гражданскимъ вѣдомствомъ. Изъ нихъ Калаусско-Джембуйлуки прилегаютъ къ землѣ Астраханскихъ Калмыковъ, Калаусско-Саблинци окружены землями Вольскаго и Хоперскаго полковъ, Едимкульцы, между гражданскимъ вѣдомствомъ, Моздокскимъ и Горскимъ полками, а Трухмяне и Караногайцы кочуютъ по пескамъ и камышамъ къ Сѣверу отъ Гребенскаго и Кизлярскаго полковъ до Каспійскаго моря. Только два первые народа осѣдлы; два послѣдніе кочуютъ лѣтомъ по Калмыцкой степи, причемъ возникаютъ частыя жалобы и пререканія между Астраханскимъ и Кавказскимъ начальствомъ. Всѣхъ этихъ Ногайцевъ было тогда до 80 тыс. душъ. Они раздѣлялись на пристав-

ства подъ общимъ начальствомъ главнаго пристава, зависимаго не отъ губернатора, а отъ областнаго начальника. Всѣ они безоружны, утратили воинственность, но, какъ довольно ревностные мусульмане, сохранили симпатіи къ горцамъ. Ближайшіе къ Тереку и Кубани не прерывали тайныхъ сношеній съ немирными горцами, давали убѣжище воровскимъ партіямъ и сами въ нихъ нерѣдко участвовали. Вообще это населеніе не надежное и въ настоящемъ своемъ положеніи не имѣло никакой будущности. Джембуйлуки спеціально занимались воровствомъ и конокрадствомъ, причемъ немногіе улусы Калмыковъ, кочующихъ на пространствѣ 2 милл. десятинъ степи, служили передатчиками ворованнаго въ Астраханскую или Ставропольскую губерніи. Только Трухмяне и Караногайцы были особенно полезны, отбывая за повинность перевозку провіанта съ Серебряковской пристани въ разныя мѣста лѣваго фланга. Они были исключительно скотоводы.

Естественно, что весь этотъ хаосъ разноплеменности, чрезполосности и подчиненности разнымъ лицамъ и вѣдомствамъ порождалъ безчисленныя злоупотребленія и безпорядки въ краѣ, гдѣ единство власти и распоряженій дѣлается особенно необходимымъ въ виду постоянной опасности отъ воинственныхъ сосѣдей, доведшихъ разбой и хищничество до крайней степени отваги и ловкости. Притомъ же, управленіе такимъ разнороднымъ населеніемъ стоило слишкомъ дорого: въ гражданскомъ вѣдомствѣ приходилось по одному чиновнику на 120 душъ населенія. Очевидно, что такое положеніе края образовалось постепенно и по иниціативѣ разныхъ вѣдомствъ, не имѣвшихъ общихъ видовъ и мало знавшихъ о мѣрахъ, принимаемыхъ въ другихъ вѣдомствахъ. Но, какъ только какое-нибудь учрежденіе введено, оно остается силою своей инерціи, даже по минованіи случайныхъ обстоятельствъ его вызвавшихъ. Чтобы ближайшее начальство представило объ измѣненіи или упраздненіи установившагося порядка, нужна нѣкоторая доля гражданскаго мужества и самоотверженія, которыя нечасто встрѣчаются въ чиновничьемъ мірѣ. Большинство заботится только о томъ, чтобы удержаться на нагрѣтомъ мѣстѣ и въ привычной обстановкѣ.

Я не сомнѣваюсь, что все это хорошо видѣлъ Заводовскій, но притворялся убѣжденнымъ въ противномъ, вопервыхъ потому что ему прежде всего нужно было удержаться на своемъ мѣстѣ, а вовторыхъ, ему извѣстно было, что князь Воронцовъ такой перемѣны не желаетъ. Къ тому же онъ мало зналъ гражданскій порядокъ, боялся его тонкостей и потому былъ въ полной зависимости отъ своего правителя канцеляріи Б. и особливо отъ Л.

Дней десять прошло въ совѣщаніяхъ, спорахъ и составленіи донесенія главнокомандующему. Однажды, пришедъ въ кабинетъ Заводовскаго, я увидѣлъ на его столѣ записку губернскаго жандарма Юрьева, на четвертушкѣ листа, съ бланкомъ, и писанную имъ собственноручно, по особой, вѣроятно, принятой у жандармовъ формѣ. Въ запискѣ сказано въ немногихъ словахъ, что въ губерніи, между мужиками, происходитъ сильное волненіе, возбуждаемое опасеніемъ быть обращенными въ казаки и что можно ожидать безпорядковъ. Я бы не обратилъ на эту записку вниманія, еслибы въ послѣдствіи не увидѣлъ такой же записки на столѣ кн. Воронцова и въ кабинетѣ Его Величества.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Января 1848 г., я выѣхалъ изъ Ставрополя въ Тифлисъ. По обыкновенію, я ѣхалъ день и ночь, на перекладныхъ и безъ конвоя. Санная дорога установилась, погода была ясная. Проѣзжая по Кабардинской площади, я въ первый разъ любовался Кавказскимъ хребтомъ, котораго вершины, покрытыя свѣжимъ снѣгомъ ослѣпительной бѣлизны, видны были на огромномъ протяженіи. Во Владикавказъ я пріѣхалъ вечеромъ и остановился у Нестерова. Онъ былъ женатъ и жалѣлъ, что не могъ показать мнѣ своего Гришку, сынка лѣтъ 3-хъ, общаго баловня. Жена его дочь мѣстнаго чиновника. Его женитьбу называли безразсудствомъ. Слишкомъ немногимъ приходило въ голову, что это единственное честное средство исправить зло, сдѣланное увлеченіемъ молодости, посреди захолустной скуки и недостатка образованнаго женскаго общества. Нестерова я видѣлъ въ послѣдній разъ и съ удовольствіемъ вспоминаю, что мы провели съ нимъ нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ, напоминавшей намъ обоимъ наши старыя и искреннія отношенія. Вскорѣ онъ назначенъ былъ начальникомъ лѣваго фланга, гдѣ впалъ въ психическую болѣзнь, прекратившую его жизнь. Онъ былъ человѣкъ съ душой и одинъ изъ лучшихъ на Кавказѣ генераловъ, несмотря на лѣнь.

Я въ первый разъ ѣхалъ по Военно-Грузинской дорогѣ и чрезъ Кавказскій хребетъ. Грозныя картины Дарьяла произвели на меня подавляющее дѣйствіе; но когда глазъ началъ привыкать къ безчисленному множеству черныхъ скалъ, нагроможденныхъ другъ на друга, когда ухо привыкло къ неумолкаемому реву Терека, мнѣ показалось, что въ этой гигантской природѣ недостаетъ разнообразія и слѣдовъ человѣческой работы.

Со станціи Казбекъ я повернулъ въ лѣво, на новую дорогу, которую князь Воронцовъ сталъ устраивать чрезъ перевалъ на Гудомакарское ущелье, въ обходъ перевала чрезъ Гудъ-гору, гдѣ часто бываютъ завалы, прекращающіе сообщеніе иногда на двѣ недѣли и болѣе. По новому направленію большихъ заваловъ быть не можетъ;

но, говорятъ, могутъ быть каменные обвалы съ нависшихъ надъ нею горъ мягкихъ породъ. Самая дорога еще далеко не вполнѣ была разработана; въ одномъ мѣстѣ подъемъ былъ такъ крутъ, что проѣздъ былъ возможенъ только въ легкихъ саняхъ и на дружныхъ лошадяхъ. До спуска въ Гудо-макарское ущеліе дорога идетъ по хребту, на высотѣ вѣроятно, не меньшей 9 т. футовъ, и потому проѣзжающіе подвержены гибельнымъ мятелямъ. Кажется, эта дорога впослѣдствіи совсѣмъ покинута. Я проѣзжалъ въ тихую, звѣздную ночь и безъ всякихъ неудобствъ спустился къ ст. Гудо-макары, на одномъ изъ притоковъ Арагвы. Я былъ уже въ Грузіи, ниже линіи вѣчныхъ снѣговъ: это замѣтно было по вызвышенію температуры. Но, проѣзжая до самаго Пасанаура ночью и по густому хвойному лѣсу, я не могъ любоваться красотами Грузіи, столько разъ воспѣтыми и имѣющими какое-то притягательное свойство для сѣверныхъ жителей, особливо для молодежи.

По старой Военно-Грузинской дорогѣ я еще не ѣздилъ и потому хотѣлъ отъ ямщика узнать, которая лучше. Ямщикъ мой былъ Грузинъ пожилыхъ лѣтъ и хорошо говорилъ порусски. Вмѣсто отвѣта онъ мнѣ разсказалъ народную легенду: «Когда Богъ сотворилъ Кавказскій хребетъ, то далъ людямъ Военно-Грузинскую дорогу для сообщенія. Чорту стало завидно, и онъ указалъ людямъ другую дорогу, по Гудо-макарскому ущелью». Чортовъ подарокъ, дѣйствительно, не хорошъ; но и на старой дорогѣ видно много слѣдовъ потраченныхъ милліоновъ и полувѣковыхъ работъ.

Несмотря на жаркое Грузинское солнце, я доѣхалъ до Тифлиса по зимней дорогѣ. Въ этомъ году зима въ Грузіи была особенно снѣжна и сурова, отчего много погибло скота и овецъ. Я остановился у Н. И. Вольфа, генералъ-квартирмейстера Кавказской арміи. Онъ былъ также въ немилости при Тифлисскомъ дворѣ, и потому своимъ посѣщеніемъ я не могъ ему повредить.

Въ тотъ же день я явился къ Коцебу и къ князю Воронцову. Послѣдній принялъ меня болѣе чѣмъ ласково, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, подалъ руку и сказалъ съ своей обыкновенной улыбкой и съ видимымъ удовольствіемъ, что онъ очень радъ меня видѣть. Когда, возвратясь, я сказалъ Вольфу о пріемѣ князя, онъ задумался и сказалъ только: плохо!

На другой день я опять былъ у Коцебу. Онъ мнѣ сказалъ, что князь дѣлаетъ очень серіозный вопросъ изъ перечисленія крестьянъ въ казаки и хочетъ всѣми силами возстать противъ этой мѣры. Князь приказалъ мнѣ присутствовать при докладѣ этого дѣла начальникомъ главнаго штаба, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ домъ, постро-

енный Ермоловымъ и въ которомъ послѣдовательно жило столько поколѣній его преемниковъ. Всѣ они перестраивали домъ и пристраивали по своему вкусу, но, сколько ни старались, не успѣли стереть съ него первоначальнаго стиля. Онъ былъ простъ и безъ мѣщанскихъ затѣй. Какъ у Сабакевича вся мебель была на него похожа, такъ и домъ Ермолова напоминалъ живо своего строителя.

Докладъ продолжался часа два. Князь высказалъ все тѣже аргументы, которые слышалъ я и въ Ставрополѣ. Коцебу лавировалъ; я не дѣлалъ никакихъ возраженій, потому что моего мнѣнія не спрашивали. Князь поручилъ мнѣ редакцію своего отзыва военному министру съ подробнымъ изложеніемъ его мнѣнія, для всеподданнѣйшаго доклада.

Часа въ три пополудни вошла въ кабинетъ княгиня, которой князь меня представилъ. Она произвела на меня неблагопріятное впечатлѣніе. Ея манеры были фальшиво-сладки и столько же тривіальны, сколько манеры ея супруга были просты, достойны и благосклонны. Князь, болѣе Англичанинъ, чѣмъ Русскій, былъ одинъ изъ красавцевъ-стариковъ, которые особенно часто встрѣчаются въ Англіи. Это былъ истинный вельможа. Его наружность и пріемы были обворожительны, и мнѣ приходилось не разъ жалѣть, что я не могъ удовольствоваться первымъ впечатлѣніемъ. Во время перваго доклада я вспомнилъ слова П. Х. Граббе. Кажется, онъ менѣе моего поддался первому впечатлѣнію; по крайней мѣрѣ въ его журналѣ, кажется 1812 года, о Воронцовѣ было сказано: «Природа была довольно скупа, но основательное Англійское воспитаніе многое дополнило». Я не возмусь въ нѣсколькихъ чертахъ обрисовать нравственный его характеръ. У князя Воронцова было много поклонниковъ, но были и люди, для которыхъ онъ былъ не безъ причины несимпатиченъ; я былъ въ томъ числѣ. Князь Воронцовъ съ честью и славой дѣлалъ отечественную войну 1812—1814 годовъ; за сраженіе подъ Краономъ онъ получилъ Георгія 2-й степени. Это сраженіе не имѣло особенной важности. Мы приписываемъ себѣ побѣду, потому что удержались на позиціи, благодаря стойкости Русскихъ войскъ и выгодности позиціи. Тактическихъ распоряженій тутъ почти не требовалось; но нѣтъ сомнѣнія, что графъ М. С. Воронцовъ, командовавшій войсками въ этомъ сраженіи, показалъ тутъ, какъ и во многихъ другихъ сраженіяхъ, ту спокойную личную храбрость и хладнокровіе, которое его всегда отличало. Чрезъ 31 годъ послѣ Краона, на возвратномъ пути изъ Дарго, онъ былъ въ такой опасности отъ горцевъ, что долженъ былъ вынуть шпагу; но онъ сдѣлалъ это съ досаднымъ спокойствіемъ и съ улыбкой, которая его никогда не покидала. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, когда разстроенный голодный отрядъ, обремененный множествомъ ра-

неныхъ, уничтоживъ всѣ тяжести и потерявъ большую часть лошадей, не имѣлъ возможности двигаться далѣе по Ичкеринскому лѣсу и долженъ былъ безпрестанно отбиваться отъ сильнаго и дерзкаго непріятеля, князь М. С. Воронцовъ, еще прежде приказавшій уничтожить свои вьюки и отдать все бѣлье на перевязку раненымъ, объявилъ, что онъ тутъ погибнетъ со всѣмъ отрядомъ, но не покинетъ ни одного больнаго или раненаго. Я не малѣйше не сомнѣваюсь, что онъ сдержалъ бы свое слово, еслибъ отрядъ не былъ выручонъ генераломъ Фрейтагомъ, прибѣжавшимъ съ пятью баталіонами изъ Грозной.

Съ 1815 по 1819 г. графъ Воронцовъ оставался во Франціи съ своимъ своднымъ гренадерскимъ корпусомъ, который по возвращеніи въ Россію былъ расформированъ, потому что больше былъ похожъ на Французское войско, чѣмъ на Русское. Я этимъ не хочу сказать, что онъ сдѣлался тѣмъ хуже другихъ корпусовъ, но онъ сталъ рѣзкой аномаліей въ Русскихъ войскахъ. Кстати припомнить, что офицеры этого корпуса принесли съ собою страсть къ образованію политическихъ, тайныхъ обществъ, которыя были тогда въ большой модѣ во всей Западной Европѣ. Я не знаю, да едва ли кто-нибудь другой зналъ политическія убѣжденія князя Воронцова. У насъ въ Россіи его называли либеральнымъ вельможей. Вѣроятно, его политическій характеръ сложился подъ двойнымъ вліяніемъ Англійской аристократіи и Русскаго боярства. Нѣтъ, не другъ свободы, кто ставитъ свой произволъ выше закона, кто не уважаетъ ничьихъ правъ, кто основываетъ управленіе огромнымъ краемъ на системѣ шпіонства и доносовъ.

Князь Воронцовъ очень дѣятельно занимался служебными дѣлами, легко работалъ, но законовъ не зналъ и не хотѣлъ знать. Уже одно заведеніе предъ домомъ желтаго ящика, куда бросали доносы, показываетъ и его характеръ и то, какъ мало у него было чувства законности *). Физически онъ былъ дѣятеленъ и подвиженъ не по лѣтамъ. Каждый день ходилъ пѣшкомъ или ѣздилъ верхомъ по нѣскольку верстъ. Домашній бытъ его былъ правильный, совершенно приличный его положенію, безъ всякой мѣщанской роскоши. У него собирались по вечерамъ два и три раза въ недѣлю. Княгиня старалась соединить Грузинское общество съ Русскимъ.

Князь Михаилъ Семеновичъ былъ въ Грузіи въ 1801—1805 годахъ двадцатилѣтнимъ, гвардейскимъ поручикомъ; понятно, что, явясь чрезъ 40 лѣтъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ, онъ не зналъ ни края,

---

*) Какая можетъ быть рѣчь о законности въ управленіи обширнымъ краемъ, при чрезмѣрномъ обиліи несогласованныхъ законовъ, которое равняется отсутствію ихъ? П. Б.

ни нашего въ немъ положенія. Съ 1823 по 1845 годъ онъ былъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, гдѣ не имѣлъ никакихъ отношеній къ войскамъ, если не считать кратковременнаго эпизода осады Варны въ 1828 г. Изъ этого понятно и то, что онъ не зналъ ни общаго строя военнаго вѣдомства въ Россіи, ни особенностей Кавказскихъ войскъ и Кавказской войны. А между тѣмъ онъ долженъ былъ вездѣ руководить, все рѣшать и всѣхъ направлять. Какъ истый Британецъ, онъ имѣлъ болѣе сочувствія къ гражданскому, чѣмъ къ военному вѣдомству. Это дало поводъ, во время Даргинской экспедиціи, генералу Лабынцеву сказать съ его обычною, солдатскою грубостію: «Намъ нуженъ главнокомандующій, а прислали намъ генералъ-губернатора».

Графъ Воронцовъ дебютировалъ на Кавказѣ несчастною Даргинскою экспедиціею, стоившею огромныхъ жертвъ и потерь, а ему принесшею княжеское достоинство. Ни цѣль, ни образъ дѣйствій не оправдываютъ этого предпріятія. Его исходъ можно было предвидѣть. Князю это предсказывали еще до начала движенія; онъ говорилъ, что Государь поставилъ это предпріятіе непремѣннымъ условіемъ. Едва-ли такое оправданіе прилично вѣрноподданному и главнокомандующему. Впрочемъ, я очень сомнѣваюсь, чтобы Государь Николай Павловичъ, посылая въ край главнокомандующаго и намѣстника съ огромною, почти монархическою властью, требовалъ отъ него непремѣннаго исполненія предпріятія, на которое можно рѣшиться хорошо осмотрѣвшись на мѣстѣ и убѣдившись не въ его возможности, а въ его пользѣ и лучшемъ способѣ исполненія.

Чтобы покончить съ этой далеко неполной характеристикой князя М. С. Воронцова, скажу, что въ Новороссійскомъ краѣ всѣмъ извѣстно было нерасположеніе князя къ Русскимъ людямъ и пристрастіе къ иностранцамъ, въ томъ числѣ и къ Татарамъ. Нужно-же было, чтобы на Кавказѣ судьба послала ему начальника главнаго штаба, который никого не любилъ кромѣ Нѣмцевъ!

Однажды потребовалось опредѣлить права князей и дворянъ на земли въ Малой Кабардѣ. Чернь хотѣла, чтобы это дѣло было разобрано по шаріату, а князья и дворяне по адату. Князь Воронцовъ сказалъ золотое слово: «Не все-ли равно, лишь бы судъ былъ правый? Пусть разберутъ по шаріату». Ермоловъ былъ другаго мнѣнія. Онъ въ 1821 году учредилъ Кабардинскій временный судъ, именно для того, чтобы устранить судъ по шаріату, т.-е. по закону Магометову, уравнивающему всѣ сословія и дающему большее вліяніе духовенству, намъ по преимуществу враждебному.

Вотъ уже 24 года какъ князь М. С. Воронцовъ покоится въ своей великолѣпной гробницѣ; вотъ и я уже достигъ лѣтъ, въ которыя онъ дѣйствовалъ на Кавказѣ....

Вслѣдъ за его назначеніемъ, съ нимъ и за нимъ потянулись изъ Петербурга и со всѣхъ концовъ Россіи сотни гражданскихъ и военныхъ маменькиныхъ сынковъ и искателей приключеній. Многіе изъ этихъ новыхъ гостей Кавказа разочаровались, но очень много и осталось. Всѣхъ ихъ нужно было пристроить. Явилось множество новыхъ мѣстъ, должностей и управленій. На бумагѣ это было благовидно, на дѣлѣ очень дурно. При Ермоловѣ гражданское управленіе въ Грузіи сосредоточивалось въ канцеляріи главноуправляющаго; тамъ было три отдѣленія, которыми завѣдывали чиновники очень невысокаго класса. При князѣ Воронцовѣ управленіе намѣстника состояло изъ нѣсколькихъ департаментовъ, которыми завѣдывали тайные совѣтники и сенаторы. Въ главномъ штабѣ было болѣе 125 офицеровъ разныхъ чиновъ, переписка распложалась неимовѣрно. Нужно было имѣть вдесятеро болѣе энергіи, чѣмъ было у Ермолова, чтобы давать иниціативу всей этой крайне-сложной машинѣ. У князя М. С. Воронцова ея не было. Въ главной квартирѣ было безчисленное множество людей праздныхъ, интригующихъ, весело живущихъ и успѣвшихъ увѣрить себя и другихъ, что они дѣлаютъ дѣло и приносятъ пользу. Расходы на войну и на администрацію увеличились непомѣрно и тяжело легли на государственный бюджетъ. Число войскъ на Кавказѣ безпрестанно увеличивалось, а дѣло покоренія Кавказа впередъ не подвигалось. Но пора кончить это длинное отступленіе и возвратиться къ разсказу.

Дня черезъ два я набросалъ черновое донесеніе и пошелъ прочитать его Коцебу. Онъ высказалъ нѣсколько замѣчаній и обѣщалъ дать знать, когда князь назначитъ докладъ. Прошло, однакоже, дня три; меня не звали. Я бродилъ по Тифлису и окрестностямъ, въ то время покрытымъ снѣгомъ. Было порядочно холодно, ночью ртуть падала ниже 0°, но днемъ солнце очень грѣло. Старый городъ, т.-е. Грузино-Армянскій, утопалъ въ вонючей грязи; новый городъ имѣлъ особую физіономію, не лишенную красоты и оригинальности. Но я долженъ сказать, что вообще Востокъ мнѣ не былъ симпатиченъ; можетъ быть потому, что я познакомился съ нимъ когда мнѣ было уже почти 40 лѣтъ.

По какому-то случаю у Коцебу былъ балъ, и онъ меня пригласилъ. Наканунѣ я былъ представленъ мадамъ Коцебу, урожденной графинѣ Мантейфель. Это была долгая, некрасивая блондинка, лѣтъ подъ 30. Общество на балу было очень многочисленное и блестящее, но для меня совершенно чужое.

На другой день я рѣшился снова напомнить о себѣ. Разговаривая о своемъ дѣлѣ, я просилъ Коцебу доложить князю, что я исполню какъ могу его приказаніе, но долженъ предупредить, что я буду писать совершенно противное моему личному убѣжденію. Это подало

поводъ къ продолжительному объясненію, причемъ я высказалъ опасеніе, что Государю угодно будетъ узнать мое личное мнѣніе, и тогда мнѣ придется высказать его со всею откровенностью. Поэтому, мнѣ казалось бы, что порученіе въ Петербургъ отвезти донесеніе главнокомандующаго лучше меня могъ бы исполнить всякій казачій урядникъ, котораго личнаго мнѣнія по этому вопросу Государь, конечно, не спроситъ. Я не сомнѣваюсь, что Коцебу доложилъ объ этомъ князю; но на слѣдующій день онъ принялъ меня также ласково, какъ и въ первый разъ, и ни слова не сказалъ о моемъ мнѣніи.

При чтеніи проекта донесенія, вышедшаго и безъ того довольно длиннымъ, представились князю новыя соображенія. Пришлось просить передѣлать. Это повторялось нѣсколько разъ. Время шло, и я конца не видѣлъ моему пребыванію въ Тифлисѣ. Въ продолженіе этого времени я бывалъ у князя на вечерахъ и нѣсколько разъ обѣдалъ. Княгиня постоянно спрашивала меня о погодѣ. Оказалось, что тотъ же метеорологическій разговоръ она вела обыкновенно и съ Н. Н. Вольфомъ, который былъ въ немилости.

Наконецъ, редакція донесенія была окончательно утверждена, и для подписи князь назначилъ день. Мы явились въ кабинетъ князя съ г. Коцебу. Я прочелъ вслухъ переписанное донесеніе, и князь его подписалъ. Въ кабинетѣ былъ баронъ ***, занимавшійся личной и секретной перепиской князя. Вошла княгиня и сѣла, какъ на обычное мѣсто, за другимъ столомъ, въ двухъ шагахъ отъ мужа. Баронъ *** положилъ передъ ней большую стопу бумаги. Она обернулась и сказала: Michel, passez-moi les plumes *). Послѣ этого она начала подписывать бумаги, а баронъ *** едва успѣвалъ принимать ихъ и засыпать пескомъ. Это продолжалось съ полчаса. Генералъ Коцебу послѣ сказалъ мнѣ, что она подписывала именемъ князя всѣ бумаги по военному и гражданскому управленіямъ **). Кончивъ свою работу, княгиня ушла изъ кабинета, а князь сказалъ барону: «Потрудитесь прочесть нашу бумагу вслухъ». Эта *наша* бумага была диктованное барону, всеподданнѣйшее письмо къ Государю о томъ же дѣлѣ. Бумага имѣла листовъ восемь, но не заключала въ себѣ ничего новаго. Все тѣже фразы, фразы, фразы... Послѣ оказалось, однакоже, что въ ней было очень важное обстоятельство, котораго, при скоромъ чтеніи, я не разслышалъ.

---

*) Миша, дай мнѣ перьевъ.

**) Князь Воронцовъ страдалъ глазною болѣзнью, вслѣдствіе чего всѣ свои распоряженія и письма диктовалъ довѣреннымъ лицамъ. Припадки этой болѣзни иногда усиливались до того, что самая подпись имени была для него затруднительна. П. Б.

Письмо было тутъ же подписано и запечатано. Князь отдалъ мнѣ его и сверхъ того другое письмо къ военному министру. Затѣмъ послѣдовало трогательное прощаніе. Воротившись къ Вольфу, я сказалъ ему: «Ну, Николай Ивановичъ, вотъ теперь-то вы скажете, что я у князя въ милости».—«А что, а что?»—«Какъ же, при прощаньи онъ подалъ мнѣ обѣ руки, долго ихъ жалъ и расцаловалъ на обѣ щеки».—«Ну, пропалъ человѣкъ; я не поручусь, что съ вами же онъ посылаетъ и письмо, которое вамъ голову сломитъ». Однакоже, на этотъ разъ Вольфъ ошибся, хотя только во времени.

1-го Февраля я выѣхалъ изъ Тифлиса, пробывъ въ немъ цѣлый мѣсяцъ. Замѣчательно, что я возвратился въ Ставрополь по санному пути; но уже была оттепель, и начиналась сильная распутица.

Въ Ставрополѣ я пробылъ дня четыре.

Въ день моего пріѣзда произошло несчастное событіе. Николай Жуковъ застрѣлился. Ему было 22 года; онъ былъ не глупъ, но ничему серьозному не учился, былъ добръ и слабъ характеромъ. Увлекшись товариществомъ и тщеславіемъ, онъ задолжалъ 3 т. р., которыхъ его отецъ, не совсѣмъ богатый, не хотѣлъ платить. Мы всѣ искренне любили его и его младшаго брата. Въ домѣ они были у насъ какъ родныя дѣти. О долгахъ Николая я ничего не зналъ. Послѣ оказалось, что онъ уже давно принялъ эту рѣшимость; но никто не вѣрилъ ему, потому что онъ говорилъ объ этомъ совершенно хладнокровно. Я проводилъ тѣло несчастнаго молодаго человѣка до могилы, которая вырыта была въ 50 саженяхъ отъ ограды кладбища, потому что духовенство не позволило хоронить внутри ограды. Года черезъ два или три послѣ того, понадобилось расширить кладбище, и новая ограда назначена далѣе могилы Жукова. Архіерей Іеремія хотѣлъ выкинуть кости бѣднаго юноши, считая ихъ недостойными покоиться въ освященномъ мѣстѣ. И это іерей Бога любви и милосердія!

Изъ Ставрополя я отправился въ Таганрогъ вмѣстѣ съ женою. Мы согласились, что она пробудетъ у матери до моего возвращенія изъ Петербурга. Въ Таганрогѣ я пробылъ только два дня. Не думалъ я, что прощаюсь на вѣки съ моей добрѣйшей, кроткой, святой тещей. Изъ Таганрога я пріѣхалъ въ Петербургъ на перекладной въ семь дней, по ужасной распутицѣ. Отъ безсонницы, непогодъ и разныхъ невзгодъ, лице у меня раскраснѣлось и опухло, глаза блестѣли, какъ въ лихорадкѣ. Я немедленно явился къ дежурному генералу Игнатьеву и военному министру. Послѣдній притворился, что меня не узналъ. Онъ сказалъ полу-шутя, что въ свидѣтельствѣ, которое я представилъ при прошеніи объ отпускѣ, были написаны такія отчаянныя болѣзни, что онъ скорѣе ожидалъ узнать о моей смерти, чѣмъ

видѣть меня такимъ полнымъ и краснымъ. Я доложилъ, что это было, отъ того, что я прискакалъ по распутицѣ въ семь сутокъ. Кажется, это было имъ доложено и Государю. Князь Чернышовъ взялъ отъ меня всѣ бумаги и приказалъ ожидать увѣдомленія, когда Государю угодно будетъ меня принять.

Полагая, что мое пребываніе въ Петербургѣ будетъ очень непродолжительно, я остановился у Петра Львовича Соболевскаго, въ домѣ Главнаго Штаба. Онъ управлялъ канцеляріей дежурнаго генерала Главнаго Штаба и другой канцеляріей для составленія всеподданнѣйшихъ докладовъ по Военному Министерству. Онъ зналъ всѣхъ людей и обычаи и могъ быть мнѣ особенно полезенъ. Теперь, чрезъ 30 лѣтъ, я долженъ себѣ признаться, что я его не совсѣмъ понимаю, но ни тогда не сомнѣвался, ни теперь не сомнѣваюсь въ его дружескомъ ко мнѣ расположеніи. Онъ встрѣтилъ меня (въ 6 ч. утра) какъ роднаго брата и поздравилъ съ полученіемъ Станислава 1-й степени. Признаюсь, что эта награда доставила мнѣ удовольствіе тѣмъ, что она могла быть пріятна моей женѣ и заставить молчать моихъ Ставропольскихъ недоброжелателей, считавшихъ меня погибшимъ за несогласіе съ мнѣніемъ его свѣтлости. Кстати вспомнить, что, передъ отъѣздомъ, я получалъ почти офиціальные совѣты быть осторожнымъ при проѣздѣ по Ставропольской губерніи, что мужики знали о цѣли моей поѣздки и немудрено, что сдѣлаютъ противъ меня какое-нибудь покушеніе. Конечно, я отвѣчалъ презрѣніемъ на такое доброхотное предостереженіе.

Военный министръ потребовалъ меня на четвертый день по пріѣздѣ. Въ 8 ч. утра я нашелъ его въ кабинетѣ уже совершенно одѣтымъ передъ картой Кавказа и за привезенными мною бумагами. Онъ встрѣтилъ меня неласково. «Вы совсѣмъ не поняли высочайшей воли. Что̀ вы толкуете о переселеніи крестьянъ въ землю Кавказскаго войска? Это нелѣпость. Государю угодно перечислить крестьянъ съ ихъ землею въ казачье войско». Я доложилъ, что такъ именно и понята была воля Его Величества въ отзывѣ къ нему, военному министру, главнокомандующаго.—«Что̀ вы тутъ толкуете? Князь Воронцовъ говоритъ не о перечисленіи, а о переселеніи крестьянъ». Я доложилъ, что я былъ редакторомъ его отзыва и ручаюсь за то, что тамъ идетъ рѣчь о перечисленіи; но если гдѣ нибудь вкралась подобная ошибка, то развѣ во всеподданнѣйшемъ письмѣ, которое писалось въ кабинетѣ князя Воронцова. «Какъ бы то ни было, Государю непріятно, что такъ мало дали себѣ труда понять его волю, чтобы перечисленіе совершилось постепенно, начиная съ праваго фланга». При этомъ онъ нѣсколько разъ ткнулъ пальцемъ на картѣ именно въ то мѣсто лѣ-

ваго фланга, гдѣ кочевье Караногайцевъ и никакихъ крестьянъ нѣтъ. Я понялъ, что противорѣчить было безполезно: военный министръ полагалъ, что нашъ правый флангъ упирается въ Каспійское море, какъ будто мы ведемъ войну противъ Россіи! Должно думать, что въ донесеніи князя и не было такой ошибки, потому что въ послѣдствіи Государь ни слова объ этомъ не сказалъ.

Недѣли четыре прошло, а меня не требуютъ. Сижу подъ окномъ и смотрю на безпрестанныя движенія рукастаго телеграфа надъ кабитетомъ Государя въ Зимнемъ дворцѣ. Въ продолженіе этого времени пала монархія Бурбоновъ во Франціи, провозглашена республика; революціонный духъ, какъ эпидемія, охватилъ всю Европу. Страшное было время! Передовымъ человѣкомъ въ этомъ движеніи былъ папа Пій IX, которому судьба назначила искупить эту короткую вспышку христіанской гуманности долговременнымъ ничтожествомъ подъ крѣпкой уздой Іезуитовъ.—Въ это время я получилъ отъ тещи письмо, которое доставило мнѣ одну изъ самыхъ живыхъ радостей въ жизни: она увѣдомляла меня, что по вѣрнымъ признакамъ жена моя беременна; но, вслѣдъ за тѣмъ, жена увѣдомила меня о болѣзни и кончинѣ своей матери. Это было большое горе для моей бѣдной жены, которая жила одной душой съ своей матерью. Да упокоитъ Милосердый душу ея! На этомъ свѣтѣ она мало видѣла радостей; вся жизнь ея была подвигомъ самоотверженія. Мало было людей, которые умѣли ее понимать и цѣнить. Меня мучила мысль о положеніи моей жены, молодой, неопытной женщины, въ первый періодъ беременности и посреди людей, на искреннее участіе которыхъ она никакъ не могла разсчитывать. Можно вообразить себѣ мое мученіе, когда еще два мѣсяца прошло, а обо мнѣ какъ будто и забыли. Безпрестанно ожидая призыва, я почти нигдѣ не былъ и никого не видѣлъ. Была уже половина Апрѣля, а я и конца не видѣлъ моего пребыванія въ Петербургѣ. Понятно, съ какою радостію я получилъ изъ Военнаго Министерства увѣдомленіе, что Государь Императоръ изволилъ приказать мнѣ быть въ его кабинетѣ въ 11 часовъ утра 15 Апрѣля. Въ 10 часовъ я уже былъ въ парадной формѣ, и экипажъ ожидалъ меня у подъѣзда. Въ половинѣ 11-го, когда я уже хотѣлъ садиться въ экипажъ, вбѣжалъ фельдъегерь и передалъ мнѣ приказаніе Государя быть въ формѣ Генеральнаго Штаба. Нужно было переодѣваться, но я надѣялся не опоздать. Вдругъ является новый фельдъегерь съ приказаніемъ военнаго министра: ожидать его съ доклада въ канцеляріи Военнаго Министерства. Было безъ четверти одинадцать. Пріѣхавъ въ министерство, я еще нѣсколько минутъ ждалъ князя Чернышова. Наконецъ, онъ явился, сунулъ мнѣ большой застегнутый портфель и

приказалъ скорѣе ѣхать во дворецъ, потому что оставалось только 7 минутъ. Я зналъ чрезвычайную точность Государя Николая Павловича и потому очень боялся опоздать, а на бѣду я не попалъ прямо въ кабинетъ. Било 11 часовъ, когда я вошелъ въ секретарскую, т.-е. комнату передъ кабинетомъ, гдѣ ожидали призванные. Не прошло и минуты, какъ меня позвали.

Я вошелъ въ кабинетъ, длинную и очень просто, почти бѣдно, меблированную комнату, въ которой рѣшались судьбы Россіи, а нерѣдко и Европы. Государь былъ на другомъ концѣ комнаты. Онъ былъ въ сюртукѣ Семеновскаго полка, очень поношенномъ и безъ эполетъ. Увидавъ меня, онъ пошелъ на встрѣчу и, подавая мнѣ руку, сказалъ: «Здравствуй, Филипсонъ. Ты вѣрно на меня сердился, что долго тебя не звалъ. Чтò дѣлать! Были другія заботы. Садись!» Онъ сказалъ эти слова просто и ласково и показалъ на кресло близъ большаго стола. Я развернулъ портфель и былъ очень обрадованъ, найдя тамъ всѣ привезенныя мною бумаги и карту Кавказа. «Садись», повторилъ Государь, и самъ сѣлъ подлѣ меня чрезъ уголъ стола. «Это мнѣ не нужно», сказалъ онъ, указывая на карту и бумаги, «я это наизустъ знаю. Князь Воронцовъ представилъ мнѣ свое мнѣніе объ усиленіи Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Я не могу съ нимъ согласиться и думаю, что это происходитъ отъ какого-нибудь недоразумѣнія, которое при личномъ объясненіи можетъ быть устранено». Я доложилъ, что князь Воронцовъ готовъ исполнить волю Его Величества и осмѣлился только представить другія основанія для ея выполненія.—«Въ томъ-то и дѣло, что эти его основанія ошибочны». Я сдѣлалъ нѣсколько возраженій, конечно въ смыслѣ мнѣнія князя Воронцова. Государь высказывалъ соображенія вѣрныя и согласныя съ моимъ личнымъ мнѣніемъ. Разговоръ продолжался больше четверти часа. Государь говорилъ просто, добро и ласково, съ видомъ искренности и благорасположенія. Я легко могъ бы забыть, что предо мною сидитъ грозный Императоръ, еслибы не былъ предупрежденъ Будбергомъ и Раевскимъ. Первый изъ нихъ, по служенію флигель-адъютантомъ и въ свитѣ Его Величества, часто имѣлъ случай разговаривать съ Государемъ; но одинъ разъ, пріѣхавъ съ Береговой Линіи, увлекся въ разговорѣ и надѣлалъ большихъ хлопотъ военному министру. Раевскій, говоря съ Государемъ въ первый разъ, такъ увлекся и забылся, что нѣсколько минутъ называлъ его ваше превосходительство. Когда онъ спохватился и сталъ извиняться, Государь съ улыбкой сказалъ: «Это все равно, называй хоть вашимъ благородіемъ, да говори дѣло».

Видя, что Государь начинаетъ возвышать голосъ и говорить менѣе хладнокровно, я всталъ и сказалъ: «Ваше Императорское Величество, простите великодушно, если я осмѣливаюсь противорѣчить; я докладываю мнѣніе моего главнокомандующаго».—«Говори, говори! Я слушаю». Но разговоръ уже не возвращался къ прежнему тону. Государь мало-по-малу возвышалъ голосъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ. Я счелъ неумѣстною наглостью дѣлать дальнѣйшія возраженія, и Государь продолжалъ свой монологъ. «Что́ мнѣ разсказываютъ, что благосостояніе крестьянъ упадетъ по передачѣ ихъ въ казачье линейное войско! На Дону военное управленіе не мѣшаетъ народному благоденствію. Я знаю, кому это не нравится: этимъ піявкамъ, кровопійцамъ, которые сосутъ потъ и кровь изъ мужиковъ. Не могу же я смотрѣть на этотъ вопросъ глазами управляющаго Палатой Государственныхъ Имуществъ. Я смотрю на него съ государственной точки зрѣнія. Что́ меня пугаютъ, что придется упразднить Ставропольскую губернію! Ну, да, упразднить. Очень радъ. Это у меня самая подлая губернія въ Россіи, гдѣ ни одинъ порядочный человѣкъ не могъ ужиться. Меня пугаютъ еще бунтомъ крестьянъ; надѣюсь, что тамъ есть кому образумить дураковъ».

Говоря послѣднія слова, Государь очень возвысилъ голосъ и въ сильномъ раздраженіи ударилъ кулакомъ по столу. Теперь, чрезъ 29 лѣтъ, я долженъ сказать, что гнѣвный тонъ Государя меня ни малѣйше не испугалъ; но когда я взлянулъ на его лице, не было и тѣни того благосклоннаго радушія, съ которымъ онъ началъ разговоръ: всѣ черты его измѣнились, лицо покраснѣло, и на глазахъ показались кровавыя жилки. Входя въ кабинетъ, я увидѣлъ на столѣ знакомую мнѣ жандармскую четвертушку и догадался, что о небываломъ волненіи между крестьянами было доведено до высочайшаго свѣдѣнія. Мнѣ показалась эта ложь такъ наглою, что я не вытерпѣлъ и сказалъ: «Смѣю головою ручаться Вашему Императорскому Величеству, что никакого бунта быть не можетъ». Вѣроятно, онъ овладѣлъ собою и, помолчавъ съ минуту, спросилъ меня болѣе спокойнымъ голосомъ: «ну, а ты какъ думаешь о предложенной мною мѣрѣ?»

Такъ оправдалось то, что́ я предсказалъ въ Тифлисѣ. Я всталъ и доложилъ: «Ваше Императорское Величество! Я совершенно противнаго мнѣнія тѣмъ соображеніямъ главнокомандующаго, которыя «имѣлъ счастіе излагать».—«Какъ же это такъ?»—«Я объ этомъ докладывалъ начальнику главнаго штаба г. Коцебу и просилъ его доложить князю Воронцову».

Государь задумался и сказалъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ (кажется такъ): «Не могу же я смотрѣть на этотъ вопросъ иначе какъ

съ государственной точки зрѣнія? Не могу же я только у всѣхъ спрашивать совѣтовъ? Слава Богу, въ 23 года я дѣлалъ то, что̀ мнѣ Богъ на сердце положилъ, а что-нибудь хорошее сдѣлалъ же». Потомъ, чрезъ минуту, сказалъ: «Ты мнѣ все это напиши, о чемъ ты говорилъ и завтра мнѣ представь. Я хочу знать, вполнѣ ли ты меня понялъ».

Ободренный такимъ оборотомъ дѣла, я осмѣлился сказать: «Вашему Императорскому Величеству угодно выиграть время для приведенія въ исполненіе вашей воли. При этомъ встрѣтится много второстепенныхъ вопросовъ. Смѣю спрашивать соизволенія на представленіе ихъ теперь же на ваше рѣшеніе.—«Говори, говори!»—«Изъ селеній, которыя передадутся въ военное вѣдомство, рекруты поступали всегда въ регулярныя войска Кавказской арміи. Не благоугодно ли будетъ обратить ихъ, для дослуженія срока службы, въ казачій баталіонъ, который будетъ сформированъ изъ этого новаго района? Это доставило бы готовые кадры и положило бы твердыя основанія для утвержденія боеваго духа въ этомъ баталіонѣ».—«Хорошо, согласенъ. Если встрѣтятся и другія подобныя соображенія, ты ихъ напиши отъ моего имени въ запискѣ. Прощай!» Государь всталъ и опять съ той же милостивой улыбкой подалъ мнѣ руку.

Такъ кончилось это памятное для меня представленіе этому грозному Николаю Павловичу, который почему-то во все свое царствованіе показывалъ мнѣ милостивое расположеніе.

Изъ Зимняго дворца я поѣхалъ къ военному министру, чтобы доложить о полученномъ мною приказаніи. Не заставъ его, я просилъ доложить, что завтра въ 6 ч. утра я буду у его с—ва съ готовыми бумагами. П. Л. Соболевскій далъ мнѣ изъ своей канцеляріи четырехъ чистописцевъ, писавшихъ совершенно однимъ почеркомъ. Кажется, въ этотъ день я не обѣдалъ, а въ эту ночь, конечно, не спалъ. Я зналъ, что военный министръ являлся къ Государю съ докладомъ въ 9 ч. утра. Нужно было управиться къ тому времени. За полночь записка была готова и переписывалась. Я ходилъ по комнатѣ и думалъ. По тону, съ которымъ говорилъ Государь, я опасался, что дѣло можетъ имѣть болѣе серьезныя послѣдствія: немедленное упраздненіе всей Ставропольской губерніи. Это значило оставить за штатомъ до 1500 чиновниковъ и сдѣлать радикальный переворотъ не только на Кавказѣ, но и вообще въ юго-восточной Россіи. Теперь, думая объ этомъ безпристрастно и особливо спокойно, я сожалѣю, что не только не навелъ Государя на эту мѣру, но сдѣлалъ все возможное, чтобы отклонить его отъ этой мысли. Для этого я написалъ другую записку, въ которой указалъ на удобнѣйшій способъ начать постепенное исполненіе высоч. воли немедленной передачею въ линейное войско Тернов-

ской волости, находящейся между Черноморіемъ, Донскою областью и территоріею 1-й бригады линейнаго войска. Всѣ цифры населенія, географическое и административное положеніе пришлись особенно удачно.

Къ 5 часамъ утра все было готово, а въ 6 часовъ я уже былъ въ кабинетѣ князя А. И. Чернышова, котораго нашелъ за письменнымъ столомъ и хотя въ халатѣ, но уже въ парикѣ и сдѣлавшаго свой мудреный, утренній туалетъ. Онъ взялъ мои записки, прочелъ ихъ, но не входилъ ни въ какія объясненія. Я бы могъ, а можетъ быть и долженъ былъ, самъ представить ихъ Государю, какъ мнѣ это и было приказано. Я счелъ почему-то неловкимъ сдѣлать это мимо военнаго министра. Въ послѣдствіи, люди опытные хвалили мою ловкость. Ну, этимъ достоинствомъ я никогда не отличался! Прошло нѣсколько дней; меня, казалось, опять забыли, а между тѣмъ мое нетерпѣніе возрастало. Я рѣшился отправиться къ барону П. А. Вревскому и узнать объ участи моихъ записокъ. Оказалось, что онѣ въ тотъ же день, 16 Апрѣля, были доложены Государю, высочайше утверждены и отправлены для исполненія въ департаментъ военныхъ поселеній и иррегулярныхъ войскъ. Директоромъ этого департамента былъ баронъ Н. И. Корфъ, показывавшій мнѣ доброе расположеніе. Онъ сказалъ мнѣ, что записки мои въ тотъ же день отправлены съ фельдъегеремъ въ Тифлисъ для исполненія по собственноручнымъ Его Величества резолюціямъ. Тутъ же баронъ Корфъ приказалъ дать мнѣ копію этихъ резолюцій. На первой моей запискѣ Государь написалъ: «Совершенно такъ, и приступить къ тому въ видѣ опыта». На второй: «Прекрасно, считать это разрѣшеннымъ; но, дабы приготовить и будущее, генералъ-маіору Филипсону, по возвращеніи, приготовить проектъ и будущей приписки на семъ же основаніи, сколь возможно соблюдая всѣ выгоды, какъ въ военномъ, такъ и въ хозяйственномъ устройствѣ».

23 Апрѣля я получилъ отъ военнаго министра увѣдомленіе о высочайшемъ соизволеніи на отъѣздъ мой и о назначеніи мнѣ годоваго жалованья не въ зачетъ. Но это еще не все. Нужно было откланиваться. Къ счастію, мнѣ разрѣшено представиться на разводѣ. Государь сказалъ мнѣ обыкновенное милостивое привѣтствіе, а дня черезъ два я полетѣлъ въ Таганрогъ къ своей доброй женѣ.

Передъ отъѣздомъ меня пригласилъ къ себѣ г. Бергъ, бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ Главнаго Штаба. Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и намекнулъ, что я къ нему не явился по пріѣздѣ. Онъ конечно былъ правъ, и я очень неловко оправдывался ожиданіемъ пріема Государя и, наконецъ, тѣмъ, что мое порученіе не касается вѣдомства Генеральнаго Штаба. Бергъ усадилъ меня въ кабинетѣ, распрашивалъ о Кавказѣ, съ большимъ вниманіемъ слушалъ, и

когда вошедшій слуга доложилъ, что къ нему пріѣхалъ г. Гурко, съ нетерпѣніемъ сказалъ: «сейчасъ». И дѣйствительно, онъ почти часъ просидѣлъ еще со мною безъ всякой надобности и потомъ съ особенной любезностью проводилъ меня до лѣстницы. Все это время Гурко стоялъ внизу лѣстницы, въ шинели и въ шляпѣ...

Нужно ли объяснять, что Ѳ. Ѳ. Бергъ зналъ о милостивомъ пріемѣ меня Государемъ, а положеніе Гурки было въ то время фальшиво, и Государь имъ недоволенъ? Въ послѣдствіи времени, когда въ Зимнемъ дворцѣ, на выходѣ, я подошелъ къ графу Бергу и поздравилъ его съ званіемъ фельдмаршала, онъ меня не узналъ...

Съ большой радостью обнялъ я мою жену послѣ трехмѣсячной разлуки. Мы пробыли въ Таганрогѣ съ недѣлю и отправились въ Ставрополь. Передъ отъѣздомъ ко мнѣ пріѣхалъ Д. Д. В., Таганрогскій Грекъ, человѣкъ богатый, женатый на сестрѣ извѣстнаго откупщика и милліонера Бенардаки. Дмитрія Дмитріевича всѣ знали за человѣка обязательнаго и услужливаго, когда нужно занять денегъ. Эту дружескую услугу онъ оказалъ моей женѣ, когда ей понадобились деньги на похороны матери, послѣ которой, конечно, ни гроша не осталось. Онъ далъ ей 3 тыс. рубл. сер. (какъ онъ говорилъ) не своихъ денегъ и потому принужденъ былъ согласиться на невыгодныя условія займа, а именно 25% въ четыре мѣсяца, т.-е. 75% въ годъ. Теперь В. пріѣхалъ великодушно предложить, чтобы я заплатилъ капиталъ, а онъ отброситъ проценты, которые онъ изъ патріотизма назвалъ не Греческими, а Жидовскими. Я заплатилъ тысячи двѣ, а остальные обѣщалъ выслать немедленно по пріѣздѣ въ Ставрополь, что́ и исполнилъ; но, отправляя деньги, я снова сдѣлалъ разсчетъ и увидѣлъ, что В. обсчитался на 13 р. 50 к., которые, конечно, я внесъ въ разсчетъ особою статьей. Этотъ поступокъ мой такъ тронулъ Грека и показался ему такъ великодушенъ, что онъ долго всѣмъ разсказывалъ о томъ, какъ я могъ воспользоваться его 13 рублями и того не сдѣлалъ. Думаю, что не менѣе дивилась и остальная Греческая братія. Я вспомнилъ это пустое обстоятельство для того только, чтобы дать понятіе о томъ, какъ эти Греческія и Еврейскія пьявицы высасывали кровь изъ жителей Новороссійскаго края. Правда, что тогда не было въ Таганрогѣ ни одного банка; теперь (1877 г.) ихъ тамъ болѣе пяти, занять деньги всегда можно на менѣе тягостныхъ условіяхъ; но это-то удобство, вмѣстѣ съ другими причинами, и разорило край окончательно. Западный Европеецъ этого не пойметъ; но намъ, знающимъ нравы и обычаи Россійскаго дворянства, это слишкомъ ясно.

Пріѣхавъ въ Ставрополь, я узналъ, что князь Воронцовъ и съ нимъ Коцебу поѣхали въ укр. Воздвиженское, гдѣ, вѣроятно, долго не

останутся. Еслибы я поѣхалъ ихъ отыскивать, легко могло случиться, что я проѣздилъ бы еще мѣсяцъ; а между тѣмъ я ничего имъ не могъ добавить къ тому, что̀ имъ было оффиціально сообщено. Къ тому же я въ четыре мѣсяца сдѣлалъ болѣе 5 тыс. верстъ и имѣлъ полное право нѣсколько отдохнуть. Поэтому я рѣшился остаться въ Ставрополѣ, если меня не потребуютъ, и только написалъ г. Коцебу частное письмо, въ которомъ изложилъ всѣ подробности сопровождавшія мое представленіе Государю. Я зналъ, что князю Воронцову, привыкшему къ тому, что частные начальники безъ всякой надобности пріѣзжаютъ во всякое мѣсто его пребыванія, не понравится мое отсутствіе; но я зналъ и то, что мои къ нему отношенія не могутъ быть болѣе испорчены послѣ высочайшей резолюціи, положенной на моей запискѣ, ему сообщенной. Въ одномъ только я ошибся: меня не только не потребовали, но изъ Главнаго Штаба мнѣ не дано никакого приказанія по этому дѣлу, и даже командующему войсками ничего не писано о составленіи проекта будущаго перечисленія казенныхъ крестьянъ. Г. Заводовскій сказывалъ мнѣ, по возвращеніи изъ Воздвиженскаго, что князь очень недоволенъ и сказалъ: «Составленіе проекта высочайше возложено на г. Филипсона. Моего вмѣшательства «въ это дѣло не требуется». Чтобы кончить съ этимъ эпизодомъ, я долженъ сказать, что г. Коцебу, проѣзжая осенью чрезъ Ставрополь, дружески совѣтовалъ мнѣ проситься съ Кавказа въ войска, назначенныя въ Венгерскій походъ, потому что нерасположеніе ко мнѣ князя Воронцова не обѣщаетъ ничего хорошаго для моей дальнѣйшей службы на Кавказѣ. Немудрено, что ему поручено было сказать мнѣ это. Во всякомъ случаѣ я жалѣю, что слишкомъ рѣзко отвѣчалъ ему.

Воспоминанія о Г. И. Филипсонѣ съ 1848 по 1883 годъ.

Нельзя не пожалѣть, что Г. И. Филипсонъ не успѣлъ окончить своихъ Воспоминаній за время службы на Кавказѣ, т.-е. до 1861 г., тѣмъ болѣе, что самымъ любопытнымъ эпизодомъ этой службы было конечно начало завоеванія западнаго Кавказа, которое до Сентября 1860 г. было ввѣрено его руководству по званію командующаго войсками праваго крыла Кавказской линіи. «Русскій Архивъ» принималъ зависѣвшія отъ него мѣры для полученія свѣдѣній о служебной дѣятельности Г. И. Филипсона послѣ 1847 года, но не имѣлъ въ этомъ успѣха, а потому ограничивается выпискою изъ составленнаго въ 1861 г. объ его службѣ формулярнаго списка, съ нѣкоторыми поясненіями, основанными на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ лицомъ хорошо знавшимъ Г. И. Филипсона.

Въ Августѣ 1849 г. Филипсонъ назначенъ состоять при департаментѣ генеральнаго штаба и въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества; въ Сентябрѣ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, а въ Октябрѣ 1849 г. уволенъ, за болѣзнію, отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Въ 1850 году, Сентября 15 дня, объявлено ему монаршее благоволеніе за отличный порядокъ и примѣрное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса, а въ 21 день Февраля 1851 г., за отлично-усердную и примѣрно-ревностную службу въ званіи начальника штаба сего корпуса, пожалованъ орденъ Св. Анны 1-й ст.

Въ Іюнѣ 1855 г. генералъ-маіоръ Филипсонъ опредѣленъ вновь на службу въ генеральный штабъ съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи наказнаго атамана войска Донскаго, генералъ-адъютанта Хомутова; въ Іюлѣ того же года назначенъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска, а въ Августѣ 1856 г.—командиромъ бывшей 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, съ оставленіемъ и наказнымъ атаманомъ. Въ этомъ же году, за отлично-ревностную службу, благоразумную распорядительность и труды, перенесенные, въ 1855 г., при охраненіи ввѣреннаго ему пространства отъ непріятельскаго вторженія, пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною и мечами.

Въ формулярномъ спискѣ Филипсона значится, что онъ находился въ десяти кампаніяхъ; изъ нихъ первыя восемь описаны въ его Воспоминаніяхъ, а остальныя были:

Девятая кампанія. Въ 1856 году, съ 3 Іюня по 11 Ноября, въ экспедиціи для занятія и возобновленія крѣпости Анапы. Въ продолженіе этого вре-

мени Филипсонъ находился въ слѣдующихъ стычкахъ и перестрѣлкахъ съ непріятелемъ: 1 Августа, на ручьѣ, за бывшею станицею Николаевскою, во время движенія части отряда на фуражировку; 8 Августа, во время движенія части отряда для заготовленія дровъ; 22 Августа, за бывшимъ Нашебургскимъ фортомъ; 24 Августа, на Керчигеевскихъ высотахъ; 26 Августа, близъ бывшей станицы Николаевской; 28 и 29 Августа, на Керчигеевскихъ высотахъ и близъ временнаго укрѣпленія у станицы Витязевой; 1 Сентября, близъ бывшей станицы Николаевской; 8 Сентября, за высотою Сохто, при рубкѣ лѣса; 27 Сентября, близъ Куматырской долины; 6 Октября, при движеніи части отряда на фуражировку къ аулу Мескега, при совершенномъ разореніи аула и при возвращеніи въ лагерь; 18 Октября, во время производства съемки въ 11-ти верстахъ отъ Анапы по направленію къ бывшему форту Раевскому; 2 Ноября, при движеніи части отряда отъ Андреевскаго поста къ форту Раевскому; 3 Ноября, во время движенія отъ форта Раевскаго къ укрѣпленію Новороссійску; 4 Ноября, при рекогносцировкѣ въ Цемесскомъ ущельи и у Суджукской бухты, причемъ было взято въ послѣдней 18 Турецкихъ контрабандныхъ судовъ; 5 Ноября, на р. Цемесѣ, при обратномъ движеніи отряда къ форту Раевскому; 6 Ноября, при движеніи отъ форта Раевскаго къ Анапѣ.

Десятая кампанія. Въ 1857 году, съ 7 Апрѣля по 3 Декабря, въ экспедиціи за Кубанью, при постройкѣ въ низовьяхъ долины Адагума укрѣпленія, названнаго Адагумскимъ.—Въ теченіе этого времени были слѣдующія стычки и перестрѣлки: 27 Апрѣля, при устройствѣ переправы черезъ Адагумъ; 29 Апрѣля, въ лѣсу Тляхобунджъ; 30-го,—близъ лагеря; 7 Мая, при рубкѣ лѣса близъ лагеря; 8-го, при рубкѣ лѣса и устройствѣ моста черезъ лиманъ, протекающій противъ южнаго фаса лагеря; 17 и 19, на работахъ по возведенію укрѣпленія; 5 и 20 Іюня и 5 Августа, при нападеніи пластуновъ изъ засады, близь лагеря, на горцевъ; 5 Іюля, набѣгъ части отряда къ аулу Хахохуко-Хабль, на р. Псебепсъ; 7 Августа, при истребленіи горскихъ запасовъ сѣна въ окрестностяхъ лагеря; 29 и 30 Сентября, при нападеніи пластуновъ на горскій пикетъ, близъ лагеря; 20 Октября, при канонадѣ непріятелемъ лагеря; 28 Октября, при рубкѣ лѣса противъ юговосточнаго фаса укрѣпленія; 2 Ноября, при движеніи части отряда для истребленія непріятельскихъ запасовъ сѣна близъ аула Зарчетукъ; 6 Ноября, при истребленіи пластунами одного небольшаго горскаго аула близъ укрѣпленія, противъ его юговосточнаго фаса; 8-го, при истребленіи ауловъ, расположенныхъ въ югозападномъ направленіи отъ лагеря; 10-го, при движеніи части отряда для рекогносцировки долины Адагума, причемъ истреблены аулы Адагумъ и Нуазетутъ; 15, при фуражировкѣ въ сѣверовосточномъ направленіи отъ лагеря; 16, при возвращеніи фуражировъ отъ разореннаго аула на р. Мекеретутъ; 17, при занятіи другаго аула на этой же рѣчкѣ, выше по теченію ея и при отступленіи къ лагерю; 20, при фуражировкѣ въ аулахъ, расположенныхъ при устьѣ р. Ху-

дако и при отступленіи къ лагерю; 22, при возвращеніи съ фуражировки въ аулѣ, расположенномъ въ пяти верстахъ отъ лагеря, внизъ по теченію рѣки Адагумъ; 25, при отступленіи части отряда, фуражировавшей на Гечепсинской плоскости; 27, при движеніи части отряда на фуражировку въ верховьяхъ р. Адагума и въ долинѣ р. Шипсъ; того же числа, при фуражировкѣ другой части въ долинѣ Гечепсина; 30, при истребленіи ауловъ Шапсуговъ въ низовьяхъ р.р. Адагума и Шипса.

За военныя отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ Филипсонъ произведенъ 23 Сентября 1857 г., въ генералъ-лейтенанты. 12 Іюля 1858 г. онъ назначенъ командующимъ войсками праваго крыла Кавказской линіи, а за благоразумную распорядительность и отличія, оказанныя имъ въ вышеозначенныхъ дѣлахъ съ горцами при устройствѣ новой линіи по р. Адагуму, получилъ монаршую благодарность и пожалованъ въ 9-й день Октября того же 1858 г. орденомъ Св. Владимира 2 ст. съ мечами; въ 15 день Октября 1859 г., за отлично-усердную службу и боевую распорядительность, оказанныя во время экспедиціи, осенью 1858 г., между р.р. Лабою и Бѣлою, пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами и 6 Декабря того же года, за долговременную постоянно отличную службу и важныя заслуги, оказанныя на пользу Кавказскаго края, орденомъ Св. Александра Невскаго съ мечами.

Въ Октябрѣ 1860 г. Филипсонъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи.

Поясненіе 1-е. Въ бытность Г. И. Филипсона начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, командиромъ этого корпуса былъ генералъ-адъютантъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ, извѣстный фронтовикъ, котораго требованія относительно тогдашняго обученія маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ доходили до крайности, а взысканія съ нижнихъ чиновъ были не только строги, но даже жестоки. Г. И. Филипсонъ, хотя цѣнилъ многія достоинства генерала Остенъ-Сакена, но не могъ послѣ продолжительной службы на Кавказѣ оставаться въ должности начальника штаба командуемаго имъ корпуса и, имѣя въ виду, съ увеличеніемъ семейства, необходимость устроить имѣніе, принадлежавшее его женѣ въ землѣ Донскаго войска, въ Октябрѣ 1850 г. вышелъ въ отставку. Остенъ-Сакенъ, сожалѣя о потерѣ хорошаго помощника, представилъ его къ ордену Св. Анны 1-й ст., которымъ Филипсонъ пожалованъ спустя три мѣсяца по оставленіи имъ службы. Почти пять лѣтъ Филипсонъ прожилъ въ своемъ имѣніи, не располагая болѣе возобновлять свое служебное поприще; но въ 1855 г., по настояніямъ вновь назначеннаго главнокомандующимъ Кавказскою арміею генералъ-адъютанта Николая Николаевича Муравьева, которому извѣстна была дѣятельность Филипсона на Черноморской береговой

Линіи, и въ виду тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, онъ согласился вновь вступить на службу.

Поясненіе 2-е. Назначенный въ 1856 г. главнокомандующимъ Кавказскою арміею князь А. И. Барятинскій оцѣнилъ способности и дѣятельность Г. И. Филипсона и представлялъ его къ наградамъ.

Эти значительныя награды, полученныя Филипсономъ въ столь короткое время, а равно назначеніе его въ 1858 году командующимъ войсками праваго крыла Кавказской линіи, служатъ доказательствомъ его способностей къ исполненію порученныхъ ему дѣлъ и расположенія къ нему князя Барятинскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ могли быть поводомъ къ разнымъ противъ него интригамъ. Лѣтомъ 1859 г. войсками предводительствуемыми княземъ Барятинскимъ былъ покоренъ западный Кавказъ, и взятый въ плѣнъ Шамиль отправленъ въ Петербургъ. Осенью того же 1859 г., вслѣдствіе дѣйствій войскъ, со стоявшихъ подъ начальствомъ Филипсона, присягнули Русскому Императору Абадзехи, многочисленное воинственное племя восточнаго Кавказа; имѣвшій же въ этой части Кавказа весьма большое значеніе Магометъ-Аминъ отосланъ въ Петербургъ. Это и была та важная заслуга Филипсона Кавказскому краю, о которой упоминается въ данной ему грамотѣ на орденъ Св. Александра Невскаго. Князь Барятинскій, послѣ покоренія западнаго Кавказа, спѣшилъ окончить покореніе всѣхъ племенъ, обитавшихъ на восточномъ Кавказѣ; Филипсонъ, какъ командующій войсками праваго (восточнаго) крыла Кавказской линіи, составилъ проектъ этого покоренія, на которомъ князь Барятинскій 26 Февраля 1860 г. написалъ: «кажется, дѣльно; увидимъ, какъ исполнится». Эта надпись уже показываетъ неполную увѣренность князя Барятинскаго въ томъ, что Филипсонъ можетъ привести съ требовавшеюся энергіей къ скорому окончанію покореніе восточнаго Кавказа, и въ Сентябрѣ 1860 г., пользуясь назначеніемъ начальника главнаго штаба Кавказской арміи г.-а. Милютина товарищемъ военнаго министра, князь Барятинскій назначилъ на его мѣсто Филипсона, а послѣдняго замѣнилъ г.-а. Евдокимовымъ, энергически дѣйствовавшимъ при покореніи западнаго Кавказа.

Въ № 244-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» 7 Ноября 1864 г. было напечатано письмо г.-м. Ѳадѣева, въ послѣдствіи извѣстнаго политическаго писателя, въ которомъ онъ обвиняетъ Филипсона, между прочимъ, въ заключеніи съ Абадзехами слишкомъ льготнаго для нихъ договора. Собственно, договора заключаемо не было, а Абадзехи подписали присяжный листъ, въ которомъ клялись въ вѣрности Императору Всероссійскому на вѣчныя времена, и въ этомъ листѣ были прописаны даруемыя имъ льготы по тому образцу, который былъ одобренъ предварительно высшимъ Кавказскимъ начальствомъ.

Въ № 256-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» 21 Ноября 1864 г. Г. И. Филипсонъ, въ письмѣ къ издателямъ этихъ вѣдомостей, весьма энергично опровергъ изложенное въ письмѣ Ѳадѣева.

Не входя въ разбирательство этихъ пререканій, можно утвердительно сказать, что дѣйствіями Филипсона къ концу 1859 г. и въ первой половинѣ 1860 г. были достигнуты важные результаты на западномъ Кавказѣ и сдѣланы значительныя приготовленія, въ послѣдствіи облегчившія его окончательное покореніе. Въ упомянутомъ письмѣ Ѳадѣева намекается, что князь Барятинскій не былъ доволенъ предоставленіемъ Абадзехамъ льготъ, изложенныхъ въ ихъ присяжномъ листѣ; но это опровергается тѣмъ, что князь, за покореніе Абадзеховъ, доставилъ Филипсону орденъ Св. Александра Невскаго, несмотря на то, что сей послѣдній получилъ орденъ Бѣлаго Орла только въ Октябрѣ того же 1859 г. Въ Петербургѣ также видѣли въ покореніи Абадзеховъ замѣчательный успѣхъ: около этого времени князь Барятинскій произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, а въ грамотѣ Филипсону на орденъ Св. Александра Невскаго сказано, что орденъ жалуется за важныя заслуги, оказанныя Кавказскому краю. Къ этому надо присовокупить, что въ 1859 г. войсками, подъ предводительствомъ Филипсона, были покорены и другія племена, а именно: Бжедухи, Темиргои, Мохоши, Егерукаи, Бесленеи, Залабинскіе Кабардинцы и всѣ Абхазскія племена между Лабою и Бѣлою; а въ первыхъ числахъ Января 1860 г. покорились Натухайцы.

Г. И. Филипсонъ впрочемъ постоянно отдавалъ полную справедливость военнымъ дѣйствіямъ графа Евдокимова, и это подтверждается слѣдующею выпиской изъ упомянутаго его письма къ редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей».

«Спѣшу удостовѣрить, что покореніе этого края (западнаго Кавказа) и окончаніе тамъ войны я считаю событіемъ, котораго мы, какъ современники, даже не вполнѣ оцѣниваемъ всю громадную важность, что такой исходъ войны есть самый счастливый для Россіи, что энергія, съ которою веденъ былъ послѣдній актъ этой кровавой драмы, возбуждаетъ во мнѣ только удивленіе къ доблестямъ августѣйшаго главнокомандующаго, графа Евдокимова и ихъ славныхъ сотрудниковъ, и что я вполнѣ увѣренъ, что еслибы я оставался въ западномъ Кавказѣ главнымъ мѣстнымъ начальникомъ, мы не достигли бы тѣхъ результатовъ, которые довершили завоеваніе этого края, устраняя всякую возможность возобновленія здѣсь войны или возмущенія».

Остается передать полученныя Р. Архивомъ весьма немногія свѣдѣнія объ остальныхъ 23-хъ годахъ жизни Григорія Ивановича.

Назначенный въ 1860 г. начальникомъ Главнаго Штаба Кавказской арміи, онъ могъ въ дѣлахъ Штаба увидать, что увольненіе его

отъ командованія войсками на западномъ Кавказѣ было уже предрѣшено заранѣе и что ему единственною поддержкой служилъ князь Барятинскій, постоянно къ нему благоволившій. Но было очевидно, что князь, по нездоровью, не долго останется на Кавказѣ, а потому Филипсонъ въ началѣ 1861 года началъ хлопотать о новомъ служебномъ назначеніи.

Въ концѣ Іюля 1861 г. Филипсонъ былъ уже сенаторомъ въ Петербургѣ, получивъ при увольненіи отъ послѣдней его должности бриллiантовые знаки ордена Св. Александра Невскаго. Онъ былъ увѣренъ, что кромѣ присутствованія въ Сенатѣ не будетъ болѣе привлеченъ ни къ какой служебной дѣятельности. Но въ самомъ началѣ Августа старый его знакомецъ по службѣ на Береговой Линіи, графъ Путятинъ, назначенный весной 1861 г. министромъ народнаго просвѣщенія, упросилъ его принять мѣсто попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и требовалъ немедленнаго согласія въ виду предполагавшагося на другой день отъѣзда Государя изъ С.-Петербурга. Филипсонъ согласился, въ полной надеждѣ быть полезнымъ учащемуся юношеству и, сверхъ того, имѣя въ виду, что познакомится на этомъ мѣстѣ съ Петербургскими учителями и можетъ выбрать лучшихъ изъ нихъ для преподаванія наукъ его дѣтямъ. Въ Сентябрѣ, въ началѣ университетскихъ курсовъ, студенты, не желая подчиниться нѣкоторымъ строгостямъ, которыя вводилъ новый министръ, произвели безпорядки, и впослѣдствіи многіе изъ нихъ понесли за это наказаніе. Можно утвердительно сказать, что Филипсонъ не былъ виною этихъ безпорядковъ и, какъ чадолюбивый отецъ большаго семейства, старался по возможности облегчить участь заблудившихся юношей.

Въ началѣ весны 1862 года, онъ оставилъ мѣсто попечителя учебнаго округа и все лѣто путешествовалъ по Европѣ. Возвратясь къ осени въ Петербургъ, онъ назначенъ былъ присутствовать въ Департаментѣ Герольдіи и въ первомъ общемъ собраніи Правительствующаго Сената. Эти занятія продолжались до начала 1878 г., когда онъ, получивъ годовой заграничный отпускъ, по случаю слабаго здоровья его младшихъ дочерей, уѣхалъ во Флоренцію. Въ 1879 г. ему продолжили этотъ отпускъ еще на годъ, а въ 1880 г. онъ освобожденъ отъ присутствія въ Сенатѣ съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Въ промежутокъ времени между 1862 г. и 1878 г. онъ вакаціонные въ Сенатѣ мѣсяцы неоднократно проводилъ за границей.

Въ Октябрѣ 1880 г. минуло 50 лѣтъ службы Филипсона въ офицерскихъ чинахъ (за исключеніемъ времени, проведеннаго имъ въ отставкѣ;) въ день его пятидесятилѣтняго юбилея онъ произведенъ въ

генералы отъ инфантеріи, съ оставленіемъ по Генеральному Штабу и въ званіи сенатора.

Въ 1881 г. онъ возвратился въ Петербургъ и лѣто 1882 г. прожилъ въ с. Пушкинѣ, на Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ. Свободное отъ служебныхъ занятій время Филипсонъ всецѣло посвящалъ своему семейству; сверхъ того онъ много читалъ и продолжалъ весь вѣкъ учиться. Кромѣ своихъ Воспоминаній онъ написалъ большія статьи о религіи, объ управленіи государствомъ и нѣсколько занимательныхъ историческихъ и другихъ разсказовъ, которые не были напечатаны и остались въ рукописяхъ.

Вечеръ подъ новый 1883-й годъ Филипсонъ съ двумя младшими дочерьми провелъ въ домѣ своихъ хорошихъ знакомыхъ. За ужиномъ, при взаимныхъ поздравленіяхъ съ Новымъ годомъ, поздравленія въ особенности относились къ нему, такъ какъ 1-го Января былъ день его рожденія; ему минуло 74 года. Онъ былъ необыкновенно веселъ, разсказалъ нѣсколько смѣшныхъ анекдотовъ, читалъ много стиховъ, написанныхъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія. Нельзя было не удивляться необычайной памяти бодраго старика съ замѣчательно-правильными чертами лица. Живя на одной улицѣ (Невскомъ проспектѣ) съ знакомыми, у которыхъ встрѣтилъ Новый годъ, онъ пошелъ домой пѣшкомъ и при переходѣ на другую сторону улицы былъ сшибленъ съ ногъ скакавшею четверней почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ сани. Въ послѣдствіи оказалось, что эти сани были наняты для прогулки, что лошадьми управляли сидѣвшіе въ саняхъ, такъ какъ пьяный кучеръ свалился съ козелъ, не доѣзжая до мѣста, гдѣ они наѣхали на Филипсона, котораго поднялъ полицейскій. Филипсонъ просилъ послѣдняго отвести его въ домъ, но называлъ квартиры, въ которыхъ онъ живалъ прежде. Полицейскій, послѣ долгихъ разъѣздовъ, видя ошибочность назначеній Филипсона, отвезъ его въ Маріинскую больницу, откуда въ этотъ же день онъ былъ отнесенъ на свою квартиру. Медики нашли, что раны были не очень значительны, но было сильное потрясеніе мозга при паденіи, простуда и потеря крови при долгихъ разъѣздахъ передъ привозомъ въ больницу. Медицинскія пособія и уходъ двухъ младшихъ дочерей и доктора, его родственника, не оставлявшаго больнаго во все время болѣзни, могли только нѣсколько уменьшить сильныя страданія. 14 Января Г. И. Филипсонъ скончался, а 17 тѣло его отвезено въ Москву и на другой день похоронено въ Алексѣевскомъ монастырѣ близъ могилы, въ которой положено тѣло его жены, умершей въ 1875 году.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ СТАРАГО СОЛДАТА О СѢРОЙ ШИНЕЛИ.

Статья Г. И. Филипсона.

Корреспондентъ газеты „Новое Время", посѣтивъ Оренбургское пепелище, въ статьѣ „На пути въ Среднюю Азію", напечатанной 20 Мая 1879 (№ 1157) говоритъ:

„Отсюда я, выбравшись изъ нагорной части, уцѣлѣвшимся переулочкомъ добрался до на половину только сгорѣвшаго казачьяго форштадта. Это слѣды уже прежняго пожара, 30 Апрѣля, пожара грознаго уже потому, что весь остальной Оренбургъ чуть не взлетѣлъ на воздухъ, такъ какъ пламя приближалось уже почти вплотную къ выходамъ пороховыхъ погребовъ. Вотъ и эти спасенные выходы... Снимите шляпы, господа, и поклонитесь до земли безпримѣрному герою земли Русской—сѣрому нашему солдату.... Когда уже казалось, что катастрофа неизбѣжна, когда стѣна пламени полукругомъ подступала къ роковому пункту, словно на неотразимый приступъ шли эти огненныя колонны.... *рота солдатъ легла на крыши пороховыхъ погребовъ и прикрыла ихъ своими тѣлами*.... Отъ невыносимаго жара и вихрей огненныхъ искръ тлѣли сѣрыя шинели... Герои тушили уже руками.... Герои задыхались отъ дыма и смрада, съ минуты на минуту ожидая или смерти почти вѣрной, или сомнительной побѣды.... Пламя не выдержало и отступило.... Сѣрая солдатская шинель оказалась несокрушимою"....

Горячія слова!... Чувствуешь мурашки по кожѣ, и рука невольно поднимается къ шапкѣ, чтобы поклониться героямъ. Но вслѣдъ за тѣмъ поневолѣ является вопросъ: правильно ли корреспондентъ передалъ фактъ, посѣтивъ мѣсто событія чрезъ нѣсколько дней послѣ пожара?

Крыши пороховыхъ погребовъ и выходовъ дѣлаются земляныя, рѣдко желѣзныя. Почти невѣроятно, чтобы въ Оренбургѣ онѣ были деревянныя или вообще изъ сгараемыхъ матеріяловъ; но если это и допустить, то останется непонятнымъ, какъ не было принято никакихъ мѣръ къ обезпеченію этихъ крышъ отъ огня, когда *отъ взрыва могъ взлетѣть на воздухъ весь Оренбургъ*, и когда (судя по приложенному плану пожарищъ) за двѣ недѣли до того, т.-е 16-го Апрѣля, полоса главнаго пожара прошла въ самомъ близкомъ разстояніи отъ пороховаго погреба? Объясненіе этихъ недоумѣній не только не умалило бы подвига самоотверженія, но сдѣлало бы его болѣе рельефнымъ.

Другое обстоятельство гораздо важнѣе. Корреспондентъ говоритъ: *„Рота солдатъ легла на крыши пороховыхъ погребовъ и прикрыла ихъ своими тѣлами.... Пламя не выдержало и отступило.... Сѣрая солдатская шинель оказалась несокрушимою“....*

Сотни полторы солдатъ не составляютъ роты: въ ней должны быть ротный командиръ и младшіе офицеры. Но гдѣ же они были, когда здѣсь говорится только о сѣрой солдатской шинели? Если же они *не прикрывали погребовъ своими тѣлами*, а распоряжались въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, то, въ случаѣ взрыва, они подвергались той же гибели, какъ и нижніе чины, какъ и *весь городъ*, по словамъ корреспондента. Впрочемъ, послѣдняя фраза корреспондента дѣлаетъ совершенно излишнимъ исканіе строгой точности въ его словахъ, будто пламя (стихійная сила) не выдержало борьбы съ сѣрой солдатской шинелью—и отступило. Разсказъ его такъ же вѣренъ, какъ еслибъ кто, говоря о потопленіи Турецкихъ мониторовъ, не упомянулъ ни Шестакова, ни Дубасова, а приписалъ бы все это событіе страху мониторовъ предъ матросскимъ пальто. Какъ человѣкъ невоенный, авторъ вышесказанной статьи приглашаетъ *поклониться до земли безпримѣрному герою земли Русской, сѣрому нашему солдату.* Еслибы онъ лучше зналъ Русскія войска, то убѣдился бы, что въ нихъ не одинъ сѣрый солдатъ—безпримѣрный герой.

Недавній Хивинскій походъ поразилъ удивленіемъ ненавистника Россіи, ученаго Венгерскаго Жида, считавшаго такое предпріятіе невозможнымъ. Говорятъ, это было торжество дисциплины. Это иностранное слово нѣкоторые переводятъ Русскимъ словомъ: повиновеніе. Но чему и кому? Вѣрѣ и сознанію долга. Въ такомъ случаѣ оно одинаково и для главнокомандующаго, и для сѣраго солдата. Спросилъ ли кто нибудь: что́ чувствовалъ генералъ Фонъ-Кауфманъ, когда, пройдя 30-ть верстъ по раскаленнымъ пескамъ, онъ пришелъ съ изнуреннымъ усталостію и жаждою отрядомъ въ урочище Адамъ-Крылганъ и не нашелъ въ колодцахъ ни капли воды? Адамъ-Крылганъ у туземцевъ значитъ „гибель человѣка“. Да, нужно немало безпримѣрнаго героизма, чтобы пережить эту минуту.

Разумѣется, это нисколько не умаляетъ достоинства одиночнаго подвига нашего *сѣраго солдата*; но его не слѣдуетъ, кажется, озарять ложнымъ свѣтомъ. Такихъ одиночныхъ подвиговъ я могъ бы разсказать нѣсколько, прослуживъ 26 лѣтъ на Кавказѣ и научившись глубоко уважать офицеровъ и солдатъ этихъ войскъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ безпощадную Кавказскую войну. Недавно начали говорить и писать о постановленіи памятника штабъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову, погибшимъ геройскою смертію при взятіи горцами, въ 1840 году, укрѣпленія Михайловскаго. Нѣкоторыя подробности этого подвига представляются не совсѣмъ вѣрно. Начальникомъ Береговой Линіи былъ тогда генералъ-лейтенантъ Раевскій, а я

былъ его начальникомъ штаба. Я былъ въ укр. Михайловскомъ за мѣсяцъ до его взятія и зналъ лично г. Лико. Да позволено будетъ старому солдату представить читателямъ точную копію разсказа, какъ онъ изложенъ въ моихъ Воспоминаніяхъ *).

Слава сѣрой шинели Осипова, но слава и эполетамъ Лико, слава кресту и эпитрахили іеромонаха Маркела, слава и всей этой горсти Русскихъ людей, въ которой на подвигъ самоотверженія можно было назначать поочереди!

Послѣдняя Турецкая война, которая еще не имѣетъ исторіи, была обильна подвигами, какіе рѣдко встрѣчаются въ исторіи войнъ. Взятіе штурмомъ первокласной крѣпости Карса, оборона Шипки, переходъ чрезъ Балканы, уничтоженіе и плѣненіе нѣсколькихъ непріятельскихъ армій.... Скажетъ ли кто, что всѣ эти подвиги совершила *сърая солдатская шинель*? Забудетъ ли кто имена Лорисъ-Меликова, Геймана, Радецкаго, Гурко?—„Однакоже, все имена не-Русскія“, замѣтитъ журнальный лакей Англійскаго Жида или самъ ученый Венгерскій Жидъ: „должно быть иностранцы и по найму служатъ въ Русскихъ войскахъ“. Нѣтъ, сыны Израиля. Это все Русскіе люди, какъ бы ни звучали ихъ имена; это все братья Архипа Осипова, Шестакова, Дубасова и Скобелева. Много сѣрыхъ шинелей легло на поляхъ Плевны, Шипки, Дубняка и Зевина, но рядомъ съ ними и впереди ихъ легли ихъ начальники, отъ генерала до прапорщика. Изъ отчетовъ видно, что между офицерами убыль въ сраженіяхъ была сравнительно болѣе, чѣмъ между нижними чинами.

Такъ было, такъ и быть должно.

Другъ читатель! Дай вамъ Богъ не дожить до того, когда Русскій народъ повѣритъ врагамъ своимъ, что въ Россіи нѣтъ ничего кромѣ сѣраго мужичьяго кафтана и сѣрой солдатской шинели. Я надѣюсь не дожить, потому что прожилъ уже почти три четверти столѣтія.

Григорій Филипсонъ.

29 Мая (10 Іюня) 1879.
Флоренція.

*) Тутъ приведена выписка того, что̀ уже напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1883 г., кн. 6-я, стр. 341—344. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА КЪ ГЕРЦОГИНѢ ДЕВОНШИРСКОЙ.

Je suis très-sensible et reconnaissant, madame la duchesse, pour la bonté avec laquelle vous prenez part à la fermeté et au patriotisme exalté de toutes les classes de la nation russe. Ces sentiments ont été unanimes, sans exeption d'aucun individu. Elle a fait voir au monde qu'il n'y a aucune puissance, quelque formidable qu'elle soit, qui puisse soumettre une nation décidée à sacrifier tout plutôt que de recevoir la loi d'un étranger. C'est un bel exemple que mes compatriotes ont donné aux autres nations du continent, en leur laissant peu d'ouvrage à faire pour achever ce qu'ils ont si bien commencé. Nous reconduirons le Corse jusqu'en Pologne; c'est aux Allemands, particulièrement aux Autrichiens, à exterminer les débris du peu des forces que leur tyran pourra ramasser, en fuyant de la Russie, où il a perdu l'armée la plus nombreuse qu'on ait jamais vue depuis le temps de Xerxès.

Par les dernières nouvelles que j'ai eues de mon fils, la plaie de sa blessure était presque fermée. Il comptait dans peu être en état de retourner à l'armée, où maintenant il doit être déjà. Je suis très-reconnaissant pour l'intérêt que vous avez bien voulu prendre à ce qui le regarde et je vous supplie de croire au profond respect avec lequel je serai toujours

Madame la duchesse
votre très-dévoué serviteur
S. c-te Woronzow.

Bernes-Street (Londres), le 10-ème X-bre 1812.

Переводъ. Я чувствительно признателенъ вамъ, герцогиня, за то доброе участіе, которое вы принимаете въ твердости и восторженной любви Русскаго народа, во всѣхъ его сословіяхъ, къ отечеству. Этими чувствами одушевленъ

весь Русскій народъ, до послѣдняго человѣка. Онъ показалъ міру, что нѣтъ на свѣтѣ такой силы, какъ бы ни была она страшна, которая бы могла сокрушить народъ, рѣшившійся лучше всѣмъ пожертвовать, чѣмъ подчиниться иноземной власти. Мои соотечественники подали прекрасный примѣръ остальнымъ народамъ материка, предоставляя имъ легкій трудъ довершить то что̀ ими такъ хорошо начато. Мы выпроводимъ Корсиканца до Польши. Нѣмцамъ, и въ особенности Австрійцамъ, предстоитъ истреблять маломощные остатки, которые тиранъ ихъ въ состояніи будетъ собрать, убѣгая изъ Россіи, гдѣ онъ погубилъ войско, самое многочисленное со временъ Ксеркса. По послѣднимъ извѣстіямъ, которыя получилъ я отъ моего сына, рана его почти закрылась; онъ разсчитывалъ, что въ скоромъ времени ему можно будетъ возвратиться къ арміи, гдѣ въ настоящее время онъ уже долженъ находиться. Очень вамъ признателенъ за участіе, которое вы въ немъ принимаете и прошу васъ вѣрить глубокому почтенію, съ которымъ навсегда пребуду вашимъ, герцогиня, преданнѣйшимъ слугою, графъ Семенъ Воронцовъ. Бернерова улица (Лондонъ), 10 Декабря 1812.

Сложено конвертомъ и надписано: „A madame la duchesse de Devonshire. Piccadilly".

Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву.

*

Письмо это любопытно, какъ благородный отзвукъ славной эпохи. Первыя его строки напоминали о подобномъ же настроеніи Англійскаго народа, которому незадолго передъ тѣмъ грозило нашествіе Французовъ. Этимъ объясняется тогдашнее восторженное сочувствіе Англіи къ Русскимъ (даже одна изъ улицъ названа была Ростопчинскою). Графъ С. Р. Воронцовъ въ 1812 году жилъ въ Англіи уже просто частнымъ лицомъ, но продолжалъ пользоваться великимъ уваженіемъ Англійскаго общества и правительства именно за самостоятельность своего характера (онъ даже и не зналъ по англійски). Въ мнѣніи о томъ, чтобы предоставить самой Германіи окончательно сокрушить ея тирана, онъ сходился съ княземъ Кутузовымъ (см. Записки адмирала Шишкова). П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ Е. П. САМСОНОВА *).

Глава десятая.

Продолжая вести жизнь довольно уединенную, я очень усердно принялся за свои обязанности по службѣ, тѣмъ болѣе меня увлекавшія, что, будучи еще подпоручикомъ, по какому-то (не припомню именно какому) обстоятельству, за недостаткомъ въ нашемъ баталіонѣ старшихъ офицеровъ, я былъ назначенъ на довольно продолжительное время командовать второю ротою. Надо сознаться, что я всегда былъ хорошимъ служакою и отличнымъ фронтовикомъ, въ слѣдствіе чего меня безъ всякой очереди большею частію наряжали въ самые трудные и безпокойные караулы, чѣмъ я впрочемъ не только не тяготился, но гордился въ моемъ самолюбіи, хотя разница была огромная. Вообще говоря, въ мое время простоять сутки въ караулѣ было (не то что нынѣ) въ родѣ нѣкоторой пытки. Начать съ того, что не только мода, но и форма требовала, чтобы мундиры были шиты на насъ совершенно въ обтяжку, сжимая сколько можно болѣе талью.... Это мнѣ напоминаетъ маленькій эпизодъ того времени. У насъ въ полку былъ одинъ поручикъ, Н. М. Посниковъ, маленькій ростомъ, толстый и вообще некрасивой наружности, но шутъ преестественный. Великій Князь Михаилъ Павловичъ очень его любилъ и часто забавлялся его шутками. Однажды, замѣтя на Посниковѣ весьма мѣшковатый мундиръ, Его Высочество вызвалъ его впередъ всѣхъ находящихся въ сборѣ офицеровъ и, поворотивъ во всѣ стороны, съ усмѣшкой спросилъ: «Скажите, Посниковъ, кто на васъ шьетъ ваши мундиры?»—«Съ «тѣмъ шьетъ, Ваше Высочество», отвѣчалъ очень серьезно Посниковъ, «чтобы никому не сказывать», и общій хохотъ былъ наградою остряку.

И такъ мундиры наши были до невозможности узки, панталоны натянуты и при малѣйшемъ сгибаніи ноги образовали пузыри на колѣнкѣ, чтò выходило очень некрасиво и въ избѣжаніе чего необходимо было постоянно при сидѣніи вытягивать ноги какъ палки, которыя невыносимо затекали отъ этого ненормальнаго положенія, да къ тому же туго затянутый шарфъ; все это вмѣстѣ взятое по истинѣ за-

---

*) См. 2-й выпускъ Р. Архива сего года, стр. 423.

ставляло сильно страдать несчастнаго паціента въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Къ довершенію наслажденія, караульные, ружья которыхъ стояли въ сошкахъ на улицѣ, обязаны были, при проходѣ или проѣздѣ всякаго генерала, по звонку часоваго, сломя голову бѣжать (иногда по ступенькамъ крыльца) на платформу, разбирать ружья и по командѣ офицера отдавать честь. Бѣда мало-мальски опоздавшему исполнить этотъ священный долгъ! Арестъ ожидалъ его неминуемо по смѣнѣ съ караула. Бывало, Его Высочество, dans des moments perdus *), доставлялъ себѣ удовольствіе, entre chien et loup **), въ санкахъ на рысакѣ, закутанный въ шинель, объѣзжать караулы, въ родѣ охоты: авось не узнаютъ, прозѣваютъ, не успѣютъ сдѣлать на караулъ! А намъ только того и надо! На другой день гауптвахты населяются гостями. Вообще аресты съ содержаніемъ на гауптвахтѣ страшно были во вкусахъ того времени; самъ Великій Князь говаривалъ: «тотъ не офицеръ, который по крайней мѣрѣ пять разъ на гауптвахтѣ не сиживалъ.» Очень забавно, что въ одинъ изъ табельныхъ дней, когда разводъ былъ назначенъ въ *шарфахъ* (это опредѣляло всѣмъ военнымъ парадную форму на весь день), Великій Князь, возвратившись откуда-то домой въ свой дворецъ, призываетъ къ себѣ дежурнаго адъютанта и отдаетъ ему слѣдующее приказаніе: «Проѣзжая по Большой Морской, я встрѣтилъ ѣдущаго въ каретѣ кавалергардскаго полка ротмистра Соловова и хотя я не могъ порядочно разглядѣть, потому что мы скоро разъѣхались и къ тому же онъ былъ въ шинели, но мнѣ показалось, что онъ былъ въ зеленомъ мундирѣ, а не въ красномъ, какъ бы слѣдовало; поѣзжай и узнай!» Адъютантъ отправился къ Соловому и сообщилъ ему приказаніе Его Высочества. Соловой, имѣя полную возможность отпереться отъ взводимаго на него преступленія, почелъ приличнѣйшимъ сказать правду и заявилъ, что дѣйствительно, выѣзжая со двора въ закрытой каретѣ, онъ полагалъ себя въ правѣ не надѣвать полной формы и потому былъ точно въ зеленомъ мундирѣ. О благородство души! О честность правилъ! Какъ дурно вы были вознаграждены!... Три дня ареста на гауптвахтѣ были слѣдствіемъ такого добровольнаго сознанія.

Глава одинадцатая.

И такъ служба моя шла своимъ порядкомъ, и я велъ жизнь вполнѣ уединенную.

Въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, офицеръ нашего полка П. П. Мезенцовъ и въ числѣ про-

*) Въ свободныя минуты.

**) Въ сумерки.

чихъ разговоровъ предлагаетъ мнѣ познакомиться съ однимъ прекраснымъ семействомъ, въ которомъ онъ вхожъ какъ родной. Положительный отказъ мой заводить новыя знакомства, тогда какъ я со старыми не знаю какъ справиться, не удовлетворилъ его, и онъ съ большею еще настойчивостію сталъ меня уговаривать принять его предложеніе. Такое твердое желаніе со стороны моего товарища ввести меня въ новое, незнакомое мнѣ, семейство крайне меня заинтересовало; но послѣ нѣкоторыхъ изворотовъ и колебаній я, наконецъ, довелъ его до чистосердечнаго сознанія—и дѣло оказалось очень просто: въ домѣ члена Государственнаго Совѣта Ѳ. П. Львова готовился праздникъ съ оперным представленіемъ любителей, баломъ и маскарадомъ; а такъ какъ всѣ знали, что многочисленное семейство Львовыхъ заключаетъ въ себѣ много разнородныхъ и выходящихъ изъ ряда талантовъ, то отъ этого праздника всѣ ожидали чего-нибудь необыкновеннаго и говорили объ немъ далеко заблаговременно, тѣмъ болѣе, что разнесся слухъ, якобы нѣкоторые члены императорской фамиліи заявили желаніе на немъ присутствовать. Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, учредители праздника приняли всевозможныя мѣры, чтобы оправдать ожиданія общества, и репетиціи шли усиленнымъ порядкомъ и весьма успѣшно, какъ вдругъ кавалеръ младшей дочери г. Львова, долженствовавшій участвовать съ нею въ костюмированной кадрили, занемогъ довольно серьозно, и оказалась необходимость замѣнить его другимъ. Вотъ вся причина твердой настойчивости П. П. Мезенцова, принявшаго на себя обязанность представить достойнаго замѣнителя заболѣвшаго. И я, наконецъ, согласился.

Ни покойный добрый товарищъ мой, ни я самъ, мы конечно не могли себѣ вообразить, что въ этотъ моментъ, когда рѣчь шла о какомъ-то характерномъ танцѣ, рѣшалась судьба моя и что ему я буду обязанъ всѣмъ счастіемъ моей жизни.

Не стану входить въ подробное описаніе означеннаго праздника, окончившагося весьма успѣшно, ниже постепенныхъ его послѣдствій, скажу коротко: дама моя, съ которой мы изображали вторую часть свѣта въ Персидскихъ костюмахъ, по истеченіи полугода стала моею женою. Съ этого времени и жизнь моя (что́ впрочемъ весьма естественно) и служба приняли совершенно другой оборотъ. Семейство молодой жены моей, будучи въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ шефомъ жандармовъ, командующимъ императорскою главною квартирой, графомъ Бенкендорфомъ, не желая видѣть меня изо дня въ день таскающимся по карауламъ, дежурствамъ и ученіямъ, предложило графу взять меня къ себѣ въ генеральскіе адъютанты, на что онъ охотно согласился, и вотъ я облекся въ адъютантскій мундиръ,

продолжая впрочемъ числиться въ л.-г. Преображенскомъ полку. Я совершено забылъ сказать, что всѣ эти важныя для меня событія совершились въ 1837 г., когда братъ жены моей, флигель-адъютантъ, полковникъ А. Ѳ. Львовъ (сочинитель нашего Русскаго Народнаго Гимна) состоялъ при графѣ Бенкендорфѣ и завѣдывалъ дѣлами собственнаго Е. И. В. конвоя. За симъ, при поступленіи моемъ въ адъютанты, я засталъ состоящими при графѣ нижеслѣдующихъ приближенныхъ къ нему лицъ: начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго третьимъ отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи генералъ-майора Дубельта, домашняго секретаря при гр. Бенкендорфѣ, М. (стараго моего лицейскаго товарища), генеральскими адъютантами кн. Меншикова и Урусова и полковника Леонтьева, числившагося старшимъ адъютантомъ штаба корпуса жандармовъ и завѣдующаго дѣлами императорской главной квартиры. Всѣ мы были въ прекрасныхъ между собою отношеніяхъ, ежедневно по утру съѣзжались въ такъ-называемый малый кабинетъ графа, гдѣ Бенкендорфъ имѣлъ обыкновеніе, передъ отправленіемъ своимъ къ Государю съ докладомъ, разговаривать со всѣми нами, и тутъ шли всякія росказни о новостяхъ, городскихъ происшествіяхъ, слухахъ и пр. Потомъ мы раскланивались съ нашимъ принципаломъ, онъ уѣзжалъ во дворецъ, а мы всѣ по домамъ (разумѣется кромѣ занятыхъ письменною частію). Эти утреннія бесѣды бывали иногда очень интересны, а иногда и очень смѣшны. Я помню, напримѣръ, какъ однажды (это было на масляницѣ) графъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, довольно разсѣянно спросилъ своего секретаря: «былъ ли ты вчера въ маскарадѣ?» М. довольно скоро отвѣчалъ:—«былъ ваше с—во», и полагалъ вѣроятно, что на этомъ разговоръ и кончится; не тутъ-то было! Бенкендорфъ вздумалъ продолжать свои разспросы: былъ ли Государь, въ которомъ часу пріѣзжалъ и уѣхалъ, интриговали-ли его маски, кто еще былъ изъ царской фамиліи? и проч. и проч... М. отвѣчалъ на всѣ вопросы, но, какъ намъ показалось, довольно смущеннымъ тономъ. Лишь только графъ вышелъ въ свою уборную, чтобы одѣться и ѣхать съ докладомъ къ Государю, М. вскочилъ съ своего мѣста и взволнованнымъ голосомъ, обращаясь къ намъ, возопилъ: «Представьте себѣ, что это я все навралъ! Я совсѣмъ не былъ вчера въ маскарадѣ!»—«Да какъ же это?»—«Да такъ просто; онъ такъ неожиданно сдѣлалъ мнѣ вопросъ; а я, не подумавши, отвѣчалъ, а потомъ уже нельзя было идти на попятный дворъ, и я путался, какъ могъ! Ну какъ при случаѣ графъ вздумаетъ хвастнуть передъ Государемъ тѣмъ, что онъ, хоть и не всегда, бываетъ при Его Величествѣ, но какъ начальникъ тайной полиціи, онъ всегда до малѣйшихъ подробностей знаетъ все, что́ до

Его Величества касается, и передастъ ему всѣ свѣдѣнія отъ меня полученныя: вѣдь тогда больно плохо! Какъ быть?»—«Посмотрѣть въ афишахъ: какой былъ вчера маскарадъ?» Перерыли всѣ афиши, и оказалось, что вчера нигдѣ и никакого маскарада не было! Къ счастію сообщителя вымышленныхъ свѣдѣній, обстоятельство это не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ нашихъ насмѣшекъ надъ импровизаторомъ.

Кстати мнѣ припоминается еще одинъ довольно курьозный эпизодъ, имѣвшій свою развязку на тѣхъ же утреннихъ бесѣдахъ. Братъ жены моей А. Ѳ. Львовъ купилъ домъ на Караванной улицѣ, заплатилъ за него съ чѣмъ-то сто тысячъ рублей и желалъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ этомъ домѣ; ему потребовалось по составленной смѣтѣ еще тысячъ до двадцати денегъ, которыхъ у него не было, и онъ, какъ вовсе непрактичный въ коммерческихъ дѣлахъ человѣкъ, ужасно затруднялся, что̀ ему дѣлать? Имѣя постоянныя сношенія съ казначеемъ собственнаго Его Величества конвоя нѣкіимъ Х. Я. Пономаревымъ, человѣкомъ далеко неглупымъ, честнымъ и практичнымъ, но чрезвычайно застѣнчивымъ, Львовъ обратился къ нему за совѣтомъ. Пономаревъ очень просто и скоро развязалъ этотъ Гордіевъ узелъ, предложивъ Львову просить Казенную Палату о выдачѣ ему, подъ залогъ того же дома, незначительной въ сравненіи съ его цѣнностію потребной суммы. Сказано, сдѣлано! Тотъ же Пономаревъ написалъ прошеніе, которое въ тотъ же день полетѣло въ надлежащее присутственное мѣсто. Проходятъ дни, наконецъ недѣли, а о просимой ссудѣ нѣтъ ни привѣта, ни отвѣта! Работы кипятъ, деньги до зарѣзу нужны. Львовъ рѣшается просить Пономарева съѣздить въ молчаливое присутственное мѣсто и тамъ справиться, на чемъ дѣло стало? Пономаревъ отправляется и, войдя въ первую комнату присутствія, у попавшагося ему на встрѣчу чиновника спрашиваетъ, гдѣ бы ему можно было навести справку по такому-то дѣлу?—«Пожалуйте въ слѣдующую комнату», отвѣчаетъ ему чиновникъ, «и навѣдайтесь о надворномъ совѣтникѣ Ѳ.: это по его части». Застѣнчивый Пономаревъ, какъ по писанному, исполняетъ полученное наставленіе, и ему указываютъ на величественнаго блондина съ двумя декораціями на шеѣ, разговаривающаго съ кѣмъ-то въ амбразурѣ окошка. Робко подходитъ онъ къ декорированной особѣ и излагаетъ цѣль своего посѣщенія. «Знаю, знаю!» громко и бойко возглашаетъ величественная особа, «Львову нужны деньги, это хорошо; ну, а скажите, сколько онъ мнѣ дастъ за полученіе просимыхъ имъ денегъ?» Пономаревъ окончательно растерялся при этой неожиданной, нахальной выходкѣ и еле внятно шопотомъ отвѣчаетъ, что онъ хотя

не получалъ никакой инструкціи по этому предмету, но по личному своему соображенію полагаетъ, что Алексѣй Өедоровичъ не затруднится предложить ему 500 рублей (нужно замѣтить, что дѣло это происходило въ самое время перевода разсчета денегъ съ ассигнацій на серебро, а потому, сказать просто 500 рублей это было недовольно ясно). «Скажите же вы вашему флигель-адъютанту Львову, что ежели онъ завтра не пришлетъ мнѣ 500 р. серебромъ, слышите ли 500 р. *серебромъ*, то я къ нему въ домъ не поѣду; а ежели и поѣду, то такъ его оцѣню, что онъ у меня съ своимъ домомъ напляшется». Какъ громомъ пораженный, кувыркомъ слетѣлъ нашъ Пономаревъ съ широкой лѣстницы присутственнаго мѣста, какъ шальной явился къ Львову, и черезъ великую силу, наконецъ, могли добиться отъ него дословнаго показанія случившагося: такъ сильно подѣйствовало на него невообразимое нахальство вельможи-взяточника!

Случайно, заѣхавъ въ это утро ко Львову, засталъ я его озабоченнымъ и разстроеннымъ, въ большомъ недоумѣніи, что́ дѣлать? Я тогда былъ молодъ и въ энергіи не чувствовалъ ни малѣйшаго недостатка. Выслушавъ разсказъ самого Пономарева, я воспрянулъ. «Какъ, что дѣлать!» вскричалъ я. «Кому же, какъ не намъ съ тобою, служащимъ у источника правосудія и карателя всякаго зла и неправды, выводить на чистую воду подобныя дѣянія, вошедшія, какъ видно, въ обычай? Послушайся меня и поступи нижеслѣдующимъ образомъ: завтра же пошли требуемые 500 р. этому разбойнику, да не съ однимъ Пономаревымъ, а придай ему кого-нибудь въ товарищи, чтобы было два свидѣтеля его нахальства, а потомъ, когда взявши деньги, онъ пріѣдетъ, какъ водится, оцѣнять твой домъ, ты лично спроси его: получилъ онъ требуемую сумму? И за симъ все отъ слова до слова разскажи графу Бенкендорфу при нашихъ утреннихъ бесѣдахъ». —«И ничего изъ этого не выйдетъ», возразилъ мнѣ Львовъ, «ты знаешь разсѣянность графа: онъ въ одно ухо впуститъ, а въ другое выпуститъ».—«Все равно, ты, по крайней мѣрѣ, исполнишь свой долгъ по службѣ и долгъ честнаго человѣка».

Какъ я посовѣтовалъ, такъ и совершилось. На другой день 500 рублей сер. были отправлены г-ну Ө. съ Пономаревымъ въ сопровожденіи г. Полонскаго, человѣка опытнаго и бойкаго. Войдя въ присутствіе и увидавъ сидящаго Ө., они остановились въ виду послѣдняго, предполагая, что онъ отведетъ ихъ куда нибудь въ сторону, для принятія своего неправильнаго побора; ничуть небывало! «А! это вы, отъ Львова,» обратился онъ, вставая и подходя къ Пономареву, «что́ привезли деньги?»—«Точно такъ», отвѣчалъ посланникъ, подавая ему пачку депозитныхъ билетовъ. «Давайте!» И не обращая ни малѣй-

шаго вниманія ни на присутствіе сидящихъ у своихъ столовъ чиновниковъ, ни на Полонскаго, стоящаго рядомъ, помочивши палецъ, онъ началъ перебирать депозитки для повѣрки полноcти заявленной имъ суммы. Какъ ни опытенъ былъ Полонскій въ подобнаго рода дѣлахъ, но такая безцеремонность не могла не поразить и его.

— «Извините», обратился онъ въ полголоса къ Ѳ., «ежели я позволю себѣ замѣтить, что подобное дѣйствіе съ вашей стороны не совсѣмъ безопасно: А. Ѳ. Львовъ имѣетъ счастіе быть флигель-адъютантомъ Е. И. В-ва и кромѣ того служитъ при графѣ Бенкендорфѣ; какъ бы изъ этого чего не вышло?» — «О! это для насъ все равно, были-бы денежки; а отъ кого онѣ приходятъ, для насъ безразлично. Скажите г. Львову, что завтра, съ оцѣночной коммиссіею, я пріѣду къ нему въ домъ, подпишемъ актъ, и все будетъ сдѣлано».

Такъ и совершилось. На другой день поутру г. Ѳ. самъ-семъ съ членами такъ называемой оцѣночной, коммиссіи явились. Я тоже, какъ заинтересованный свидѣтель, не преминулъ присутствовать при этой церемоніи, когда означенная толпа всякаго народа ввалилась въ первую комнату, гдѣ стоялъ билліардъ и, положивъ на него какую-то заранѣе заготовленную бумагу, начала свое рукоприкладство, не дѣлая шага далѣе. За симъ Ѳ. во главѣ и всѣ прочіе, раскланявшись, отправились по домамъ, вы думаете?... Ничуть не бывало! Въ Палкинъ трактиръ, тамъ наѣлись, напились и прислали счетъ для уплаты Львову.

«Ну, ужъ это изъ рукъ вонъ!» воскликнулъ я въ преисполнившемъ меня негодованіи. «Это просто, другъ мой Алексѣй, грубая, оскорбительная и дерзкая надъ тобою насмѣшка, которую ты просто не имѣешь права оставить безъ послѣдствій; иначе ты признаешь себя вполнѣ ея достойнымъ!»

На слѣдующій день, при обычной нашей утренней бесѣдѣ, Львовъ, подстрекаемый мною, разсказалъ графу, съ желаемою подробностію, все совершившееся съ нимъ происшествіе. Бенкендорфъ все время молчалъ, продолжалъ бриться, поцыкивая изрѣдка языкомъ (что́ было въ его привычкѣ) и, наконецъ, всталъ и уѣхалъ, одѣвшись, во дворецъ.

— «Ну что?» обратился ко мнѣ Львовъ, «вотъ и разсказалъ, а что толку?» — «Ты исполнилъ свою обязанность», отвѣчалъ я ему, «а за послѣдствія ты не отвѣтчикъ». Такъ мы и разъѣхались.

Часа черезъ два, пріѣзжаетъ ко мнѣ на квартиру жандармъ. «Пожалуйте къ графу!» Одѣвшись наскоро, являюсь. «Mon cher», говоритъ мнѣ графъ, «потрудись заготовить отъ моего имени отношеніе къ министру финансовъ (графу Е. Ф. Канкрину) такого содержанія: «Государь Императоръ, получивъ свѣдѣніе о противозаконномъ поступкѣ чиновника Ѳ., служащаго въ вѣдомствѣ Министерства Финан-

совъ, противу А. Ѳ. Львова, состоящемъ въ томъ-то.., высочайше повелѣть соизволилъ назначить при поименованномъ министерствѣ слѣдственную коммиссію, въ члены которой будетъ назначенъ мною одинъ жандармскій штабъ-офицеръ, поручивъ этой коммиссіи формально и въ подробности выяснить помянутый поступокъ Ѳ—ва и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ для доклада Его Императорскому Величеству».

Можно легко себѣ представить мой восторгъ при выслушаніи этого порученія. Черезъ полчаса бумага была готова, подписана Бенкендорфомъ и отправлена по принадлежности. Взявъ съ собою черновую, отправляюсь прямо къ Львову, какъ угорѣлый врываюсь въ его кабинетъ съ восторженнымъ возгласомъ: «Ура! наша взяла!» Тотъ ничего не понимаетъ, я даю ему прочитать бумагу, и начинается общее ликованіе: наконецъ-то, мошенникъ попался, теперь ужъ не вывернется!

Проходитъ нѣсколько дней, Канкринъ молчитъ, нѣтъ отъ него никакого отвѣта (нужно сказать, что въ это время я уже былъ не генеральскій адъютантъ, а старшій адъютантъ управленія дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя; о томъ, какъ эта перемѣна совершилась, рѣчь будетъ впереди). Наконецъ, по истеченіи нѣкотораго времени, получаю я конвертъ изъ Министерства Финансовъ, на имя командующаго императорской главной квартирой; такъ какъ все, что̀ касалось до означенной части, входило въ кругъ моихъ занятій, то я имѣлъ полное право распечатать этотъ конвертъ, что̀ я сдѣлалъ съ тѣмъ бо̀льшимъ любопытствомъ, что я не могъ сомнѣваться въ содержавшемся въ немъ отвѣтѣ графа Канкрина. И точно, я не ошибся: это былъ отвѣтъ министра финансовъ. Но смыслъ этого отвѣта до того былъ противенъ всѣмъ нашимъ ожиданіямъ, что, какъ говорится, у меня руки упали. Вотъ приблизительно что писалъ графъ Канкринъ.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с-ва поспѣшаю (не очень кажется) имѣть честь отвѣтствовать, что, лично зная съ давняго времени г-на Ѳ ва за отличнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ чиновника, я счелъ нужнымъ предварительно назначенія формальнаго слѣдствія, согласно высочайшей волѣ, допросить его лично о происшествіи, по которому онъ обвиняется въ лихоимствѣ и такъ какъ онъ положительно отвергаетъ всякое взводимое на него нареканіе, то я нахожусь въ необходимости покорнѣйше просить в. с-во прислать ко мнѣ полковника А. Ѳ. Львова, какъ подкупателя, для очной ставки съ Ѳ-мъ, обвиняемомъ во взяточничествѣ.

Боже мой! подумалъ я. Что же это такое? Можно ли, въ особенности министру, такъ кривить душой и давать такой превратный оборотъ весьма ясному дѣлу? Однако дѣлать нечего, нужно безотлагательно доложить Бенкендорфу это отношеніе. Взявъ за спину эту бумагу, я отправился къ графу и, поговоривъ съ нимъ о томъ и о семъ, и видя его въ хорошемъ расположеніи духа, рѣшился ему сказать: «Ваше сіятельство, мы сейчасъ получили отвѣтъ гр. Канкрина по дѣлу Львова». — «Какое дѣло Львова?» (Онъ уже и забылъ!)—«О взяткѣ, которую у него вынудили при оцѣнкѣ его дома».—«Ахъ, да! Ну, прочитай, что́ Канкринъ пишетъ?» Я прочиталъ. Онъ не сказалъ ни слова, только поцыкалъ немножно языкомъ, по своей привычкѣ, протянулъ руку, взялъ бумагу, положилъ въ карманъ и уѣхалъ.

Необходимость требовала сообщить и Львову эту пріятную для него новость; ужъ какъ мнѣ было грустно, какъ не хотѣлось! Не менѣе того, поѣхалъ и передалъ ему все, какъ было.—«Спасибо, любезный другъ!» заскорбѣлъ мой. Алексѣй Өедоровичъ, «въ прекрасную исторію ты меня завелъ! И знаешь ли ты, что, по нашимъ законамъ, дающій взятку (подкупатель) подвергается одному и тому же наказанію, какъ и берущій? (признаться я до той поры этого не зналъ). И зачѣмъ я слушался твоего совѣта!» — «Погоди, мой другъ, не очень огорчайся: графъ взялъ съ собою бумагу, что́ нибудь же онъ съ нею сдѣлаетъ; ты знаешь, какой онъ рыцарь чести, не выдастъ онъ честнаго человѣка на поруганіе мошенникамъ, этого быть не можетъ!»—И дѣйствительно не было.

Въ тотъ же день, опять пріѣзжалъ ко мнѣ жандармъ съ обычной фразой: пожалуйте къ графу! Сердце у меня ёкнуло; я догадался, что дѣло идетъ къ развязкѣ; но какова-то она будетъ, успокоительная или непріятная? Съ этимъ чувствомъ сомнѣнія я полетѣлъ на призывъ. Услыхавъ мой приходъ въ комнату передъ его туалетной, графъ позвалъ меня сквозь дверь; я вошелъ и остановился: мой принципалъ въ костюмѣ нашего праотца Адама (до его паденія) разгуливалъ мѣрными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Mon cher», обратился онъ ко мнѣ, вопервыхъ, не взыщи, что я тебя принимаю въ такомъ négligé, je prens un bain d'air, по совѣту моего доктора; а вовторыхъ, потрудись безотлагательно заготовить отъ моего имени отношеніе къ министру финансовъ, только не иначе, какъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: по докладу, въ подлинникѣ, Государю Императору почтеннѣйшаго отношенія вашего сіятельства, касательно присылки къ слѣдствію А. Ө. Львова для очныхъ ставокъ съ обвиняемымъ въ домогательствѣ взятокъ чиновникомъ, Его Величеству благоугодно было приказать мнѣ передать вашему сіятельству соб-

ственныя его слова: «Скажи отъ меня графу Канкрину, что я не хуже его знаю Русскіе законы; но въ настоящемъ случаѣ приказываю смотрѣть на дѣйствія Львова, какъ мною разрѣшенныя и потому оставить его въ покоѣ и къ слѣдствію не привлекать». Сверхъ того Государю Императору благоугодно, чтобы на слѣдственную коммиссію возложено было не токмо разсмотрѣніе поступка Ѳ—ва съ Львовымъ, но и тщательное разслѣдованіе настоящихъ средствъ жизни Ѳ—ва со способами, которые онъ имѣетъ на пріобрѣтеніе оныхъ.

Прекрасно! Все это буквально было передано министру финансовъ. Но что́ же изъ этого вышло? — А вотъ что! По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію была составлена слѣдственная коммиссія (не припомню, кто въ ней предсѣдательствовалъ), въ составъ коей Бенкендорфомъ былъ назначенъ членомъ жандармскій полковникъ (изъ несморкающихся лѣвой ногой) и, наконецъ, послѣ долгихъ затяжекъ, коммиссія открыла свои засѣданія при Министерствѣ Финансовъ. Призванъ былъ г. Ѳ—въ.

Предсѣдатель. «Обвиняемый! Разскажите, какъ было дѣло, по которому вы обвиняетесь въ лихоимствѣ?»

Ѳ—въ.—«Знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю!»

Жандармскій полковникъ.—«Помилуйте, какъ же это? Вѣдь А. Ѳ. Львовъ, слава Богу, живъ, и у него два свидѣтеля, которые опровергнутъ ваше отрицаніе».

Предсѣдатель. «Извините, г. полковникъ, мы имѣемъ высочайшее повелѣніе не привлекать А Ѳ. Львова къ слѣдствію, а потому ни онъ, ни его агенты спрошены быть не могутъ».

Что̀ тутъ дѣлать? Какъ полковникъ ни изворачивался, какъ ни ухищрялся, «знать не знаю» да и только! И такимъ образомъ сразу вопросъ о невиновности Ѳ—ва былъ рѣшенъ окончательно, и съ сокрушеннымъ сердцемъ коммиссія нашлась въ необходимости перейдти къ другому, а именно: къ способамъ жизни г. Ѳ—ва. Тутъ уже настойчивому и правдивому полковнику представилось, что́ называется beau jeu; ему не трудно было, по собраннымъ заблаговременно справкамъ, доказать, что, за неимѣніемъ ни за собой, ни за женой, ни наслѣдственнаго, ни *благопріобрѣтеннаго* состоянія, и никогда не получая на службѣ болѣе двухъ тысячъ рублей въ годъ содержанія, г. Ѳ—ву невозможно было (какъ оказалось) жить въ двухтысячной квартирѣ, держать экипажъ, своихъ лошадей и многочисленную прислугу, безъ темныхъ, сокрытыхъ имъ источниковъ. Какъ ни грустно было коммиссіи, но она доведена была до необходимости признать своего сотоварища заслуживающимъ сильнаго подозрѣнія. По докладу Государю Императору о таковомъ исходѣ этого дѣла, Его

Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ: отставить надворнаго совѣтника Ѳ—ва отъ службы и отправить его на жительство въ городъ Вятку, куда, какъ говорятъ, онѣ выѣхалъ изъ Петербурга въ великолѣпномь дормезѣ на шестеркѣ лошадей!

Какое заключеніе, спрашивается, можно вывести изъ разсказаннаго мною эпизода, по тщательной, умственной разборкѣ его? Весьма печальное, позволю я себѣ отвѣчать. Какъ при такомъ великомъ, строгомъ и честномъ императорѣ, каковъ былъ Николай Павловичъ, какой-то надворный совѣтникъ осмѣливается такъ дерзко и нахально поступить съ лицомъ, приближеннымъ къ самому Государю? Какъ же бы онъ дѣйствовалъ съ другимъ, не имѣвшимъ такого высокаго покровительства? И что бы стало съ этимъ другимъ, невольнымъ *подкупателемъ?*... Страшно подумать! А все это отъ чего? Отъ того, вопервыхъ, что надворный совѣтникъ, лакейски прислуживая и угождая своему начальнику, во всякихъ случаяхъ твердо надѣется на его защиту; а вовторыхъ, отъ нашей убійственной формалистики, при которой, ежели не всѣ, то большая часть дѣлъ разсматривается и рѣшается не по нравственному ихъ смыслу, а по наружному ихъ изложенію, при соблюденіи требуемыхъ закономъ формъ.

Поспѣшаю оговориться, что все мною высказываемое относится къ прошедшему времени; нынѣ же «моя изба съ краю, и я ничего не знаю».

Глава двѣнадцатая.

Но я, кажется, слишкомъ увлекся описаніемъ бывшихъ у Львова ажитацій по случаю залога его дома. Обращаюсь къ постепенному повѣствованію моего житья-бытья. Я продолжалъ служить генеральскимъ адъютантомъ при графѣ Бенкендорфѣ, не имѣя никакихъ постоянныхъ занятій, что́ меня, признаться, отчасти тяготило; правда, что я получалъ изрѣдка нѣкоторыя командировки, какъ напримѣръ.

Не помню именно въ которомъ году я былъ посланъ въ городъ Можайскъ для найма и приспособленія помѣщеній для иностранныхъ пословъ и посланниковъ, приглашенныхъ на Бородинскіе маневры, а также для принятія двухъ эскадронныхъ лошадей Ямбургскаго уланскаго полка, какъ подъ нихъ, такъ равно и подъ всю свиту Его Величества на означенныхъ маневрахъ.

Исполнивъ съ полнымъ успѣхомъ это порученіе, я возвратился вновь на свою бездѣятельную службу. Какъ помнится, около этого времени, въ одинъ прекрасный вечеръ, я находился гдѣ-то въ гостяхъ и сидѣлъ за карточнымъ столомъ, какъ вдругъ насъ изъ окошка освѣтило ужасное зарево. Всѣ засуетились; посылаютъ узнать, что́ такое? И чрезъ нѣсколько минутъ получаемъ въ отвѣтъ, что Зимній дво-

рецъ горитъ! Легко можно себѣ представить общую суматоху при этомъ извѣстіи! Всѣ повыскакали съ своихъ мѣстъ, забывъ всякіе разсчеты, и я, вскочивъ на перваго попавшагося мнѣ извощика, стремглавъ полетѣлъ на пожарище.

Дворцовая площадь, Главный Штабъ и всѣ окрестные дома, были буквально залиты свѣтомъ. Густая цѣпь гвардейскихъ войскъ окружала все зданіе дворца; за нею непроницаемой стѣною стоялъ народъ, безъ шапокъ и въ безмолвной тишинѣ (ежели память неизмѣняетъ мнѣ, это было въ концѣ Ноября или въ Декабрѣ мѣсяцѣ). Обязанность службы моей требовала непремѣннаго моего нахожденія при моемъ шефѣ, въ такую критическую минуту, и я съ большимъ трудомъ, прорвавъ стѣну народа и цѣпь солдатъ, вбѣжалъ въ горящій дворецъ, не сомнѣваясь, что тамъ найду своего графа. И точно, пробѣжавъ нѣсколько комнатъ, я наткнулся на Государя, сопровождаемаго Бенкендорфомъ, бывшимъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и нѣкоторыми другими высшими сановниками, и я присоединился къ нимъ. Зрѣлище было потрясающее: пожарные заливали пылающіе потолки, двери и оконныя рамы, изъ которыхъ такъ и валило пламя; солдаты вытаскивали на площадь мебели и всякія вещи, съ усиліемъ отрывая отъ стѣнъ зеркальныя рамы огромныхъ размѣровъ; наконецъ, дворцовая команда солдатъ, имѣя во главѣ своей самого министра двора, бѣглымъ шагомъ переносила коронныя драгоцѣнности изъ такъ называемой брилліантной комнаты, не знаю въ какое избранное для того мѣсто. Все торопилось, суетилось; но мертвая тишина не прерывалась ни однимъ звукомъ голоса, кромѣ звучнаго, какъ извѣстно, голоса самаго Императора, безпосредственно распоряжавшагося всѣми дѣйствіями и выгонявшаго солдатъ, когда онъ предвидѣлъ для нихъ опасность отъ провала потолка, что́ дѣйствительно легко могло случиться.

Я очень помню, что едва успѣли выйти прогоняемые солдаты и за ними Государь со свитой, провалился потолокъ бѣлой залы. Проходя изъ комнаты въ комнату, я увидалъ другое зарево пожара на Васильевскомъ острову и счелъ нужнымъ доложить о томъ Бенкендорфу. Графъ указалъ его Государю, который, оборотясь и увидавъ меня въ своей свитѣ, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «Поѣзжай немедленно туда; ты, вѣроятно, на дорогѣ встрѣтишь Финляндскій полкъ, еще сюда не прибывшій; останови его и скажи Офросимову, чтобы онъ шелъ съ полкомъ дѣйствовать на тотъ пожаръ, и что я не могу, къ сожалѣнію, дать ему въ помощь ни одной трубы и ни одного человѣка,—всѣ здѣсь заняты».

Я поскакалъ верхомъ на жандармской лошади и все исполнилъ по приказанію Государя. Въ Галерномъ порту горѣли какія-то лачуги,

и молодцы Финляндцы безъ всякихъ инструментовъ, въ одно мгновеніе, растаскали горѣвшее и тѣмъ положили конецъ пожару.

Не такъ было съ Зимнимъ дворцомъ. Возвратясь, я засталъ его еще болѣе пылающимъ, чѣмъ оставилъ; огонь былъ такъ силенъ и ярокъ, что, какъ тогда говорили, на Аничковомъ мосту можно было читать, безъ всякаго другаго освѣщенія. Наконецъ, доложили Государю, что, несмотря на общія энергическія старанія всѣхъ пожарныхъ частей Петербурга, совладать съ огнемъ не настоитъ никакой возможности, по той причинѣ, что главная сила огня сосредоточена на чердакѣ, который прежде всего загорѣлся и наполнился такимъ густымъ дымомъ, что добраться туда нельзя ни подъ какимъ видомъ. А нужно было знать, чтó такое чердакъ Зимняго дворца! Мы, молодые офицеры, бывало, стоя въ караулѣ на главной гауптвахтѣ, хаживали по вечерамъ туда прогуливаться. Это безпредѣльный какой-то лабиринтъ галлерей, направленныхъ въ разныя стороны, изъ котораго незнающій человѣкъ ни за что не могъ бы выбраться, несмотря на ламповое освѣщеніе, ежедневно зажигавшееся.

Получивъ это свѣдѣніе, Государь приказалъ прекратить безполезные труды пожарныхъ командъ, оставивъ дворецъ на произволъ судьбы, и всѣ усилія употребить на отвращеніе опасности отъ Эрмитажа, находившаго въ близкой связи съ дворцомъ, чтó и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ.

Далеко за полночь Государь оставилъ горящее свое жилище. Провожая его съ графомъ Бенкендорфомъ, я слышалъ своими ушами, какъ, садясь въ сани, онъ сказалъ графу: Pourvu que ce malheur ne coûte rien à la Russie» *), и поѣхалъ въ Аничковъ дворецъ, куда перебралась вся царская семья. Проводивъ Государя, мы съ графомъ возвратились на пожаръ, гдѣ и пробыли всю ночь, разумѣется, безъ всякой пользы, единственно изъ усердія.

На другой день, дождавшись приличнаго часа, мы опять-таки съ графомъ поѣхали въ Аничковъ дворецъ, для доклада о положеніи дѣлъ. На лѣстницѣ, въ корридорахъ и даже въ нѣкоторыхъ комнатахъ, навалены были тамъ разныя вещи и узлы, и я очень помню, что, встрѣтивъ насъ въ одномъ изъ апартаментовъ, Великая Княжна Ольга Николаевна сказала, указывая на это неубранство: «Извините, что мы васъ такъ принимаемъ, вѣдь мы погорѣлые!»

Семь дней горѣлъ Зимній дворецъ и, пока не были убраны съ площади мебель и вообще всѣ вещи, спасенныя отъ пожара, цѣпь

*) Лишь бы это бѣдствіе ничего не стоило для Россіи.

гвардейскихъ солдатъ окружала его. Грустно было смотрѣть на это громадное, великолѣпное зданіе, покинутое всѣми жильцами, извергающее пламя изъ всѣхъ отверстій. Отъ времени до времени продолжали слышаться въ немъ какъ бы пороховые взрывы: это были полы и потолки, постепенно проваливающіеся. Дворецъ еще продолжалъ горѣть въ своихъ оконечностяхъ, когда уже сдѣлано было распоряженіе о вывозѣ мусора изъ остывшихъ частей пожарища, который отправлялся на Монетный дворъ для выжиганія изъ него частицъ золота и серебра, неминуемо въ немъ оставшихся.

Сильное и незабвенное впечатлѣніе произвело на меня это зрѣлище, когда, прискакавъ на площадь, я увидалъ это громадное произведеніе искусства архитектуры, объятое пламенемъ и извергающее изъ нѣдръ своихъ, подобно Везувію, адскій огонь и черные столбы дыма; этотъ народъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, безмолвною стѣною окружавшій пожарище, всѣ безъ шапокъ (несмотря на довольно сильный морозъ), нѣкоторые крестились; но всѣ стояли неподвижно, какъ громомъ пораженные; наконецъ, эта общая тишина, никогда не встрѣчающаяся при обыкновенныхъ пожарахъ: все это вмѣстѣ взятое представляло великолѣпно-потрясающую картину.

Когда все кончилось, графу Бенкендорфу высочайше повелѣно было изслѣдовать причины пожара, и оказалось, что въ Петровскомъ залѣ лопнула печная труба, вслѣдствіе чего затлѣла близъ находившаяся балка и продолжала уже тлѣть дня два подъ поломъ; когда былъ замѣченъ небольшой дымъ въ одномъ изъ довольно-отдаленныхъ корридоровъ, стали отыскивать источникъ дыма и замѣтили, что онъ выходитъ изъ какой-то щелки около печи; разобрали частицу пола, ничего нѣтъ! Принесли ручную трубу, попрыскали немножко, дымъ пересталъ,—и всѣ успокоились; но увы! это уже было начало разыгравшейся драмы!

Не успѣли еще хорошенько очистить стѣны сгорѣвшаго дворца, какъ работа варомъ закипѣла въ немъ; и какъ извѣстно, что усердіе все преодолѣваетъ, то по истеченіи одного года Русскій Зимній дворецъ представился всему міру возобновленнымъ и великолѣпнымъ болѣе прежняго,—возродивъ на свѣтъ новаго графа П. А. Клейнмихеля.

Не могу умолчать при этомъ случаѣ о ничтожномъ, но довольно странномъ обстоятельствѣ того времени. Былъ у меня въ Преображенскомъ полку товарищъ, капитанъ Ѳ. С. Чернышовъ, пользовавшійся очень милымъ поэтическимъ талантомъ. За два или три мѣсяца до пожара дворца, ему пришла мысль написать въ стихахъ солдатскую сказку, совершенно въ Русскомъ духѣ подъ заглавіемъ: «Сказка о двухъ Царяхъ, о Царѣ Русскомъ и Царѣ Нѣмецкомъ и о томъ, какъ

Русскій Царь, побѣдивъ Царя Нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно». Стихотвореніе непризнаннаго поэта вышло чрезвычайно удачно, такъ что А. А. Катенинъ, бывшій въ то время флигель-адъютантомъ и пользовавшійся заслуженною репутаціею прекраснаго чтеца, по желанію Государя, прочелъ Его Величеству означенную сказку. Государь много смѣялся, хвалилъ, но печатать не позволилъ, по той причинѣ, что сказка заключала въ себѣ много ѣдкихъ насмѣшекъ надъ Нѣмецкимъ Царемъ, и ему не хотѣлось оскорблять ихъ величества. Это бы все ничего! Но странность заключается въ сюжетѣ сказки. Чернышовъ начинаетъ съ описанія этихъ двухъ Царей: «Русскій Царь, Царь молодецкій!» и т. д.—«Царь Нѣмецкій, Царь пшеничный, и не боекъ красотой, рыжій, низенькій, худой» и т. д. Такое первенство Русскаго Царя возбуждаетъ зависть въ Нѣмецкомъ, и онъ собираетъ къ себѣ весь свой народъ на совѣтъ, чтобы вмѣстѣ придумать какую-нибудь штуку, «чтобы Русскаго Царя, молодца-богатыря, срамнымъ срамомъ осрамить, злое горе приключить». Цѣлый годъ шелъ совѣтъ Нѣмецкаго Царя съ народомъ и, наконецъ, придумали выстроить такой дворецъ, какого Русскій Царь и не видывалъ, а потомъ пригласить его полюбоваться Нѣмецкою роскошью. Сказано, сдѣлано. Нѣсколько лѣтъ трудился весь народъ и, наконецъ, дворецъ готовъ. Дѣйствительно великолѣпный! Приглашаютъ Русскаго Царя «посмотрѣть и подивиться». Государь, прознавъ цѣль этого приглашенія, поѣхалъ, взглянулъ и говоритъ Нѣмецкому Царю: «Это-то ты звалъ меня смотрѣть? Помилуй, мой другъ, да у насъ и клѣти курамъ строятъ вдвое выше; вотъ у меня, такъ могу сказать, что дворецъ! Пріѣзжай, увидишь самъ». Плюнулъ и поѣхалъ домой, а самъ дорогой думаетъ: «Однако я неосторожно поступилъ съ Нѣмцемъ, звалъ дворцомъ любоваться, а его еще и не начинали». Пріѣхалъ къ себѣ во временное тѣсненькое помѣщеніе, призвалъ зодчаго и приказалъ ему какъ можно скорѣе выстроить дворецъ на славу, и точно, черезъ весьма короткое время выросъ изъ земли волшебный дворецъ и т. д. Не странность ли это, повторяю я, что за два мѣсяца до катастрофы, когда никому и въ умъ не приходило, что скоро потребуется возобновленіе дворца и съ такою поспѣшностію и великолѣпіемъ, Чернышовъ воспѣлъ въ прекрасныхъ стихахъ этотъ фактъ, какъ бы уже совершившійся. Не пророчество ли это?

Вскорѣ послѣ описаннаго мною времени, удрученный моимъ бездѣйствіемъ, я сталъ серьозно подумывать объ избраніи себѣ какихъ-либо постоянныхъ занятій, и вотъ что наконецъ придумалъ. Братъ жены моей, А. Ө. Львовъ, состоя при графѣ Бенкендорфѣ, занимался

исключительно дѣлами собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя. Въ тоже время отдѣленіемъ императорской главной квартиры, т.-е. всѣми дѣлами, касающимися до военныхъ особъ, безъ исключенія, составляющихъ свиту Государя, управлялъ полковникъ А. Н. Леонтьевъ, числившійся старшимъ адъютантомъ штаба корпуса жандармовъ. Нельзя-ли, думалъ я, соединить эти двѣ однородныя части въ одно цѣлое и составить такимъ образомъ отдѣльное и самостоятельное управленіе, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ было извѣстно, весьма многія изъ лицъ свиты тяготились и роптали на необходимость имѣть постоянныя сношенія съ корпусомъ жандармовъ. Я сообщилъ мою мысль Львову, онъ ухватился за нее, чтó называется и руками и ногами, гр. Бенкендорфъ тоже ее одобрилъ, доложили Государю, и тотчасъ же послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи безотлагательно: «Управленія дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя» съ назначеніемъ полковника А. Ѳ. Львова управляющимъ и гв. штабсъ-капитана Самсонова старшимъ адъютантомъ означеннаго учрежденія, подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Бенкендорфа. Мнѣ поручено было составить штатъ новаго учрежденія, чтó я, конечно, не замедлилъ исполнить, и штатъ мой былъ высочайше утвержденъ.

Наконецъ-то, я достигъ давно желанной цѣли; наконецъ, я имѣлъ свои постоянныя занятія и, смѣю сказать, въ достаточномъ количествѣ, ужъ въ такомъ-то количествѣ и настолько разнообразныя, что первое время я едва-едва могъ съ ними справляться, тѣмъ болѣе, что, кромѣ должности старшаго адъютанта, я былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и казначеемъ управленія, и у меня на рукахъ находился казенный ящикъ, всегда съ довольно-значительною суммою денегъ, которыхъ никто и ни разу не ревизировалъ въ теченіе всей моей двѣнадцатилѣтней службы въ этой должности. Канцелярія моя состояла изъ одного аудитора и четырехъ писарей; правда, что всѣ они были люди порядочные и благонадежные; но, повторяю, занятія наши были на столько разнообразны и большею частію все спѣшныя, что сотрудники мои часто теряли головы. И такъ шло довольно долго, пока я самъ посредствомъ практики не пріобрѣлъ нѣкотораго апломба и самостоятельности.

Ежели я позволю себѣ выставлять свою личность, какъ единственнаго главнаго дѣятеля по дѣламъ Управленія императорской квартиры, то, по совѣсти скажу, что дѣйствительно оно такъ и было, по той простой причинѣ, что главный мой начальникъ графъ Бенкендорфъ, будучи, такъ сказать, заваленъ важнѣйшими государственными дѣлами и обязанностями, не имѣлъ никакой возмомности удѣлять свое вниманіе на дѣйствія малѣйшей изъ его канцелярій, тѣмъ болѣе, что

онъ имѣлъ полное довѣріе къ Львову, а частію и ко мнѣ. Львовъ же со своей стороны имѣлъ ко мнѣ уже полную довѣренность и, находя всѣ мои распоряженія (о коихъ я постоянно сообщалъ ему) правильными, оставлялъ меня дѣйствовать по моему соображенію.

Глава тринадцатая.

И такъ, я продолжалъ дѣйствовать, не получая ни отъ кого никакихъ (за рѣдкимъ изъятіемъ) приказаній, руководствуясь отчасти соображеніемъ, а преимущественно прежде бывшими примѣрами, т.-е. ежели, напримѣръ, предвидѣлся какой-нибудь парадъ или ученье, или что-нибудь подобное въ высочайшемъ присутствіи, то я обращался къ заведенному у насъ журналу, въ которомъ пунктуально записывались всѣ распоряженія при подобномъ или подходящемъ случаѣ сдѣланныя, за годъ или даже хотя бы и за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и сообразно тому распоряжался. А распоряженія всегда требовались чрезвычайно многосложныя. Прежде всего нужно было напечатать и разослать отъ имени командующаго императорской главной квартирой (о чемъ Бенкендорфъ и не догадывался) записку съ увѣдомленіемъ всѣхъ лицъ свиту Его Величества составляющихъ, начиная съ Великихъ Князей, военнаго министра и кончая младшимъ флигель-адъютантомъ, о днѣ, часѣ и мѣстѣ имѣющаго быть парада, а также и о надлежащей формѣ; потомъ слѣдовало сообщить на придворную конюшню о заготовленіи верховыхъ лошадей какъ самому Государю, такъ равно и дежурнымъ при Его Величествѣ. Кромѣ того надлежало (ужъ это мнѣ собственноручно) написать столько пригласительныхъ записокъ на Французскомъ языкѣ, сколько у насъ по спискамъ значилось военнаго званія пословъ иностранныхъ, посланниковъ и другихъ лицъ, имѣвшихъ счастіе представляться къ высочайшему двору, сдѣлать распоряженіе о заготовленіи имъ верховыхъ лошадей, отдать приказаніе конвою, трубачамъ, всегда слѣдовавшимъ за Государемъ и проч. и проч. Работа, кажется, не трудная, но крайне заботливая; потому что малѣйшая ошибка или упущеніе первому бросалась въ глаза Государю, чтó и случалось (хотя, слава Богу, не часто) и всегда обрывалось на мнѣ.

Очень помню, что однажды (это было наканунѣ новаго года), по заведенному порядку о доставленіи ежедневныхъ записокъ изъ комендатской канцеляріи въ нашу касательно формы одежды на слѣдующій день, я получаю таковую записку: «На имѣющемъ быть завтра, 1-го Января, публичномъ маскарадѣ въ Зимнемъ дворцѣ, одѣтыми надлежитъ быть въ полной парадной формѣ, гг. генераламъ въ лентахъ, бѣлыхъ панталонахъ и шарфахъ».

При этомъ нужно замѣтить, что, тоже по издавна заведенному порядку, ежегодно 1-го Января назначаемы бывали въ Зимнемъ дворцѣ маскарады, на которые допускалась вся Петербургская публика, безразлично имѣющая или нѣтъ права на пріѣздъ ко двору; обязанностію нашего управленія въ этихъ случаяхъ было назначеніе (для соблюденія порядка въ апартаментахъ дворца, посѣщаемыхъ масками) дежурныхъ по одному генералу, флигель-адъютанту или генералъ-маіору свиты Его Величества въ каждой комнатѣ и, какъ значилось по нашему настольному журналу, дежурные эти бывали въ свитскихъ мундирахъ и ежедневной формѣ. Но такъ какъ въ томъ году, о которомъ идетъ рѣчь, совершилось бракосочетаніе Государя Наслѣдника и при дворѣ было много торжествъ и парадовъ, то мнѣ нисколько не показалось страннымъ это измѣненіе формы, и я, по обыкновенію, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій, тиснулъ въ нашей типографіи, какъ водилось, отъ имени графа Бенкендорфа извѣщеніе и безотлагательно разослалъ всѣмъ лицамъ свиты Его Величества. На мою бѣду, въ это самое время военный министръ князь Чернышовъ имѣлъ какое-то неудовольствіе на моего графа и, желая какъ-нибудь насолить сему послѣднему, получивъ въ числѣ прочихъ помянутое увѣдомленіе, повезъ его съ собою къ Государю, и по окончаніи своего обычнаго доклада, весьма наивно доложилъ Его Величеству, что по прежнимъ примѣрамъ на публичныхъ маскарадахъ всегда бывали въ свитскихъ мундирахъ, а нынче Его Величеству угодно, чтобы всѣ были въ полной парадной формѣ.

«Откудова ты это взялъ? Я ничего подобнаго не приказывалъ». Также наивно князь Чернышовъ вынулъ изъ кармана несчастную записку и подалъ ее Государю. — «Скажи Бенкендорфу, что у него въ канцеляріи все врутъ!» возразилъ Государь; а военному министру только того и нужно было.

Не подозрѣвая грозы надъ нашими головами, мы со Львовымъ преспокойно сидимъ въ маломъ кабинетѣ, разбирая и отправляя разныя бумаги, какъ вдругъ является, на клочкѣ бумаги, карандашемъ и взволнованнымъ почеркомъ, записка изъ дворца отъ Бенкендорфа: «Отъ чего дано знать всѣмъ, что на маскарадѣ слѣдуетъ быть въ полной парадной формѣ, вмѣсто обыкновенной? Кто виноватъ? Я непремѣнно хочу знать для доклада Государю.» Не успѣли еще мы со Львовымъ хорошенько выяснить себѣ это обстоятельство, не успѣли одуматься, какъ входитъ самъ графъ въ крайне-взволнованномъ духѣ и непремѣнно требуетъ виновнаго. Я объясняю ему, что ежели тутъ есть ошибка, то она не наша, а коменданта, изложившаго эту форму въ своей запискѣ.

— Какой комендантъ, какая записка?

Послѣ сообщенія моего, что мы ежедневно получаемъ изъ комендантской канцеляріи записки о разводѣ и формѣ дня, которыя намъ служатъ руководствомъ, графъ успокоился и приказалъ мнѣ написать отъ его имени князю Чернышову: «Вслѣдствіе доклада вашего с—ва о сдѣланной якобы ошибкѣ въ моей канцеляріи, Государь Императоръ изволилъ выразить мнѣ свое неудовольствіе, и я почелъ бы себя виновнымъ вполнѣ, ежелибы не имѣлъ о надлежащей формѣ на маскарадѣ сообщенія отъ С.-Петербургскаго коменданта, которое въ подлинникѣ при семъ честь имѣю представить для доклада Его Императорскому Величеству».

Но этому злосчастному дню не суждено было ограничиться однимъ недоразумѣніемъ; вскорѣ воспослѣдовало другое, вящее. Въ этотъ же день назначено было, въ присутствіи Государя, на Царицыномъ лугу, ученіе конногренадерамъ и въ новомъ Адмиралтействѣ закладка корабля, куда Бенкендорфъ, подписавъ бумагу, немедленно и отправился; мы же со Львовымъ остались продолжать наши занятія, изъ коихъ первымъ было, разумѣется, перемѣна извѣщенія о формѣ на маскарадѣ. Въ ожиданіи просмотра корректуры и въ безпокойствѣ знать, все ли обстоитъ благополучно на ученіи конногренадеръ, я пошелъ на Царицынъ лугъ, находящійся по близости. Трубачи на своихъ мѣстахъ, дежурные тоже; ну, слава Богу, все хорошо! И вижу я издали, что Бенкендорфъ, съ горячностію разводя руками, разговариваетъ съ комендантомъ, который руку держитъ подъ козырекъ; не было сомнѣнія, что дѣло у нихъ шло объ утренней ошибкѣ. Ученіе кончилось, всѣ поѣхали на закладку корабля, а я возвратился въ свое управленіе. Не проходитъ десяти минутъ, мнѣ подаютъ конвертъ изъ комендантской канцеляріи съ надписью на верху: *на перемѣну.* Раскрываю и читаю: *На имѣющемъ быть при дворѣ маскарадѣ надлежитъ быть г.г. генераламъ въ генеральскихъ мундирахъ, но безъ лентъ и безъ шарфовъ.*

Вотъ тебѣ разъ! Еще варіантъ! Какъ тутъ быть? Чему вѣрить? Но вѣдь я самъ видѣлъ, какъ Бенкендорфъ горячился съ комендантомъ. Поутру, подъ вліяніемъ сильнаго волненія, графъ могъ описаться; но этотъ варіантъ не могъ иначе произойти на свѣтъ, какъ съ общаго ихъ согласія, конечно! Скорѣй печатать третью записку, до выхода второй изъ печати. Отдалъ и сижу опять, дожидаясь корректуры. Вдругъ слышу на лѣстницѣ страшный крикъ и шумъ; внезапно дверь отворяется, и на порогѣ является Бенкендорфъ, что̀ называется уже съ пѣною у рта, и за нимъ нашъ аудиторъ.

«Опять! Опять!» восклицаетъ графъ, съ трудомъ выговаривая слова отъ ажитаціи. «Получена записка отъ коменданта и исполнена?»

«Нѣтъ еще, ваше с—во, записка получена, но еще не исполнена; я ожидалъ вашего приказанія», отвѣчалъ я, смекнувъ, что тутъ опять вранье.

— «Такъ что же ты врешь?» обратился онъ къ несчастному аудитору. «Зачѣмъ вы этого болвана держите?»

Ни живъ, ни мертвъ вышелъ мой Рачковъ (такъ звали аудитора) изъ апартаментовъ его с—ва и долго не могъ утѣшиться. А дѣло вышло очень просто: на закладкѣ корабля графъ, получивъ свѣдѣніе, что комендантъ, не понявшій вѣроятно его приказаній, вторично послалъ намъ ошибочное увѣдомленіе, поторопился скорѣе домой, чтобы остановить его дѣйствіе, на лѣстницѣ встрѣчаетъ шедшаго ко мнѣ съ корректурой Рачкова: «Что̀ записка коменданта?» спрашиваетъ онъ второпяхъ.—«Получена и исполнена», отвѣчаетъ аудиторъ, желая показать свое усердіе. Съ того сыръ-боръ и загорѣлся.

Вотъ кое пустое, повидимому, обстоятельство, и какой тревоги надѣлало!

У насъ большею частію все такъ бывало, по той простой причинѣ, что, какъ я выше пояснилъ, всякая малѣйшая ошибка сейчасъ же бывала замѣчена Государемъ; а что̀ разъ попадало на замѣчаніе Императора, то переставало быть простымъ обстоятельствомъ, а переходило въ разрядъ серьозныхъ, и даже очень. Въ числѣ прочихъ моихъ обязанностей было назначеніе ежедневныхъ дежурствъ при Государѣ, по одному генералъ-адъютанту, генералъ-майору свиты и флигель-адъютанту, и всякій день съ вечера я посылалъ записки съ ихъ именами прямо въ кабинетъ Его Величества. Можно себѣ представить, съ какимъ тщаніемъ я разсматривалъ эти записки. У меня былъ заведенъ такой порядокъ, что, гдѣ бы я ни былъ, дома ли или въ гостяхъ, всякій вечеръ жандармъ привозилъ ко мнѣ эти записки для повѣрки и потомъ уже отвозилъ ихъ во дворецъ.

Также въ числѣ моихъ аттрибутовъ было назначеніе квартиръ и помѣщеній для всего штаба Его Величества въ Красномъ Селѣ и другихъ мѣстахъ пребыванія Государя во время лѣтнихъ воинскихъ занятій, постановка и уборка высочайшей палатки, а также и палатокъ лицъ, безотлучно при Государѣ находящихся, какъ-то военнаго министра, командующаго императорской главной квартирой, трехъ дежурныхъ и нашей канцеляріи, во время маневръ и проч. Однимъ словомъ, когда Государь выѣзжалъ изъ Петербурга для означенныхъ воинскихъ занятій (что̀ бывало иногда на довольно продолжительное время), наше управленіе вступало въ права и обязанности Министерства Двора.

На лѣто, какъ извѣстно, императоръ Николай съ высочайшимъ семействомъ переѣзжалъ въ Петергофъ, и наше управленіе необходимо должно было туда же слѣдовать, оставивъ одну свою часть въ столицѣ, для ежедневнаго наряда дежурствъ, на случай пріѣзда Государя и пересылки ко мнѣ текущей переписки въ Петергофъ; но мы наряда дежурныхъ уже не дѣлали, а съ разу назначали туда на жительство всѣхъ неженатыхъ флигель-адъютантовъ, которые сами между собою вели очередь дежурствъ.

Глава четырнадцатая.

Разскажу одно довольно интересное обстоятельство, которое обойти молчаніемъ я не почитаю возможнымъ.

Въ одинъ прекрасный день Государь, прогуливаясь пѣшкомъ по Петергофскому парку, встрѣтилъ князя В. А. Долгорукова (бывшаго въ то время полковникомъ и флигель-адъютантомъ, въ послѣдствіи же военнымъ министромъ), котораго онъ всегда любилъ и особенно отличалъ отъ всѣхъ его товарищей. Государь позвалъ къ себѣ Долгорукова и, продолжая свою прогулку, завелъ съ нимъ разговоръ довольно обычный, какъ вдругъ:

«A propos», сказалъ Государь. «Я и забылъ! Хорошъ ты мальчикъ: ты у меня людей давишь?» — «Какъ это, Ваше Величество? Я не понимаю», отвѣчалъ изумленный Долгорукій. — «Что ты прикидываешься такимъ невиннымъ? Вѣдь ты былъ вчера въ Петербургѣ?» — «Былъ, Ваше Величество». — «Ну! И проѣзжая въ Московскую заставу, ты переѣхалъ въ коляскѣ черезъ какую-то женщину?» — «Никакъ нѣтъ, Ваше Величество, этого не было!» — «Князь Долгорукій!» гнѣвно возразилъ Императоръ. «Вы забываете, что я вранья не люблю!» — «Я не осмѣлился бы докладывать неправду Вашему Величеству». — «Что же вамъ угодно, чтобъ я приказалъ произвести формальное слѣдствіе по этому предмету?» — «Какъ милости прошу, Государь, въ полной надеждѣ, что оно оправдаетъ меня въ глазахъ Вашего Величества». — «Хорошо! Но берегитесь, князь Долгорукій; не было бы вамъ худо!» И, отвернувшись, Государь пошелъ своей дорогой.

Долгорукій съ своей стороны бросился узнавать, откуда вышла на него эта клевета, и получилъ свѣдѣніе, что по издавна заведенному порядку С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ или оберъ-полицеймейстеръ ежедневно доставляетъ Государю записки о происшествіяхъ въ столицѣ въ теченіи истекшаго дня и что во вчерашней таковой запискѣ было сказано: *Вчерашняго числа флигель-адъютантъ Вашего Императорскаго Величества полк. князь Долгорукій, въѣзжая въ Московскую заставу, по неосторожности своего кучера, переѣхалъ*

въ коляскѣ черезъ проходившую неизвѣстную женщину. Вслѣдъ за симъ не замедлило послѣдовать высочайшее повелѣніе о назначеніи при С.-Петербургской полиціи формальнаго слѣдствія по этому обстоятельству, и депутатомъ со стороны кн. Долгорукова въ это слѣдствіе былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ гр. Кушелевъ. Долгое проволочило время слѣдственная коммиссія до открытія своихъ засѣданій; наконецъ, присутствія ея открылись въ одной изъ городскихъ частей Петербургской полиціи. Предсѣдателемъ коммиссіи (сколько могу припомнить) былъ назначенъ одинъ изъ чиновниковъ полиціи, нѣкто Сенчуковскій. Въ назначенный день засѣданія собрались всѣ члены, а въ томъ числѣ и гр. Кушелевъ; привели кучера кн. Долгорукова (недѣли три уже содержавшагося въ полицейской арестантской), и предсѣдатель, сказавъ приличный спичъ о важности возложенной на нихъ обязанности, обратился къ обвиняемому кучеру.

Предсѣд. Скажи намъ, любезный другъ, ты у кого служишь?

Обвиняемый. У флигель-адъютанта, полковника князя Долгорукова.

Вопросъ. Что́ твой баринъ въ настоящее время не живетъ въ городѣ здѣсь?

Отвѣтъ. Никакъ нѣтъ.

Вопросъ. Но бываетъ иногда въ Петербургѣ?

Отвѣтъ. Бываетъ.

Вопросъ. Не припомнишь ли ты, когда именно въ послѣдній разъ твой князь былъ въ Петербургѣ?

Отвѣтъ. 1-го Іюля сего года.

Вопросъ. И ты былъ съ нимъ?

Отвѣтъ. Какъ же-съ, я и привозилъ его.

Вопросъ. Теперь постарайся вспомнить: въѣзжая въ Московскую заставу, не случилось ли съ вами чего нибудь? Но говори чистую правду, одну только правду; иначе ты подвергнешь себя всей строгости законовъ.

Отвѣтъ. Какъ же-съ, очень хорошо помню (при этомъ обвиняемый становится на колѣни). Виноватъ, ваше благородіе! Я былъ немножко выпимши и по неосторожности задавилъ какую-то бабу.

«Ты врешь», вскричалъ графъ Кушелевъ, вскакивая съ своего мѣста, «этого быть не можетъ!»

Предсѣд. Извините ваше сіятельство; къ обвиняемому, но еще необвиненному, такъ строго обращаться невозможно: онъ простой мужикъ и передъ вашимъ сіятельствомъ легко сконфузиться можетъ, и тогда мы правды не добьемся.

Гр. Кушелевъ. «Но позвольте, что́ онъ разсказываетъ несбыточно!» И, обращаясь къ обвиняемому: «Скажи, пожалуста, откуда вы съ княземъ ѣхали?»

Отвѣтъ. Изъ Петергофа.

Вопросъ. Какъ же это? Изъ Петергофа въ какую заставу въѣзжаютъ въ Петербургъ?

Отвѣтъ. Въ Нарвскую.

Вопросъ. А женщина задавлена у Московской, какъ же это могло случиться?

Отвѣтъ. А вотъ извольте, я вашему сіятельству разскажу, какъ это было. Мы съ княземъ, дѣйствительно, ѣхали по Нарвской дорогѣ, а тутъ, верстъ шесть или семь отъ Петербурга, есть дорога на пра̀во на деревушку, что̀ называется Вологодская Ямская; не знаю, что князю вздумалось, онъ приказалъ мнѣ свернуть въ этотъ поворотъ; а извѣстно, наше дѣло подначальное, что̀ прикажутъ мы должны исполнить, я и свернулъ, мы и выѣхали на Московскую дорогу и заставу.

Гр. Кушелевъ. Опять неправда! Флигель-адъютантъ Долгорукій въ это самое число былъ записанъ въѣхавшимъ въ Нарвскую, а не въ Московскую заставу. (Въ то время у заставъ стояли гвардейскіе караулы и записывали всѣхъ пріѣзжающихъ въ городъ и выѣзжающихъ).

Отвѣтъ. А вотъ изволите видѣть, какъ это случилось: когда я переѣхалъ черезъ бабу, я ужъ больно испужался, и второпяхъ вкруть повернулъ лошадей по обводному каналу, да въ Нарвскую заставу и въѣхалъ, гдѣ насъ и прописали.

Какъ Кушелевъ ни бился, не допуская мысли, чтобы князь Долгорукій могъ сказать Государю неправду, какъ ни вертѣлъ кучера, тотъ стоитъ на своемъ, да и только!

Наконецъ, разбирательство окончено, и Государю идетъ докладъ: «Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, составленною коммиссіею было разсматриваемо дѣло о задавленной 1-го Іюля сего года близъ Московской заставѣ женщинѣ, и нынѣ, по окончаніи своихъ занятій, означенная коммиссія имѣетъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что, по тщательному и всѣхстороннему разсмотрѣнію помянутаго обстоятельства, оказалось, что означенная женщина дѣйствительно была задавлена экипажемъ флигель-адъютанта князя Долгорукаго».

Легко себѣ представить можно неудовольствіе и гнѣвъ Государя при полученіи этого извѣстія! Немедленно былъ призванъ Долгорукій.

— «Знаете ли вы, князь Долгорукій», встрѣтилъ его Императоръ, что за такія дѣла вензеля могутъ слетѣть съ вашихъ эполетъ? Да и самыя эполеты могутъ послѣдовать за вензелями?»

— «Ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаю», отвѣчалъ убитый обвиняемый; «но только смѣю увѣрить Ваше Императорское Величество, какъ честный и благородный человѣкъ, что ничего подобнаго со мной не было!» — «Такъ что же, второе слѣдствіе прикажете что ли назначить?»—«Какъ угодно Вашему Величеству; только я повторяю и клянусь всѣми святыми, что ничего подобнаго со мной не было!»

По высочайшему повелѣнію было назначено второе слѣдствіе!!.

Предсѣдателемъ второй слѣдственной коммиссіи былъ назначенъ начальникъ штаба корпуса жандармовъ, управляющій 3-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи генералъ-маіоръ Дубельтъ. По обязанности своей онъ долженъ былъ, какъ говорится, изъ подъ руки, слѣдить за дѣйствіями всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; настоящее же дѣло въ особенности его интересовало, тѣмъ болѣе, что онъ положительно зналъ, что въ первомъ слѣдствіи не все обстояло благополучно, что въ немъ происходили какія-то темныя дѣйствія, какъ напримѣръ у С.-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера, по ночамъ, собирались полицейскіе члены первой коммиссіи; туда же привозили секретарей Сената съ разными книгами и бумагами, и между ними происходили долгія совѣщанія, цѣль коихъ Дубельтъ окончательно не могъ постигнуть, не прибѣгая къ явнымъ распросамъ, на что онъ не имѣлъ никакого права. Нынѣ же, съ полученіемъ назначенія предсѣдателемъ коммиссіи, онъ пріобрѣталъ это право.

Первымъ его дѣломъ было потребовать все дѣлопроизводство первой слѣдственной коммиссіи. Ему отвѣчали, что, на основаніи такой-то статьи Свода Законовъ, дѣло это уже сдано въ архивъ Сената. Вотъ что называется: первый блинъ, да комомъ!

Но по испрошеніи на то высочайшаго разрѣшенія, приказано было, перешагнувъ черезъ указуемую статью Свода Законовъ, все слѣдственное производство по обвиненію флигель-адъютанта князя Долгорукова въ задавленіи женщины изъ архива Сената вновь извлечь на свѣтъ Божій и въ цѣлости передать г. м. Дубельту. Тогда только предсѣдатель новой коммиссіи могъ усмотрѣть и подивиться тому старанію и той настойчивости, съ которыми полицейское управленіе стремилось, во что бы ни стало, доказать, что несчастную женщину никто не могъ задавить, кромѣ ф.-адъютанта князя Долгорукова.

Что за причина? думаетъ Леонтій Васильевичъ; ужъ не месть ли какая? Но какъ допустить мысль о мести между лицами, не имѣю-

щими между собою никогда и никакихъ отношенiй? Ужъ не простая ли, быть можетъ, невольная ошибка со стороны полицiи, въ которой она упорствуетъ изъ боязни заслуженнаго взысканiя? Попавъ на эту мысль, Дубельтъ начинаетъ собирать справки о всѣхъ кн. Долгорукихъ, находящихся въ Петербургѣ, и узнаётъ между прочимъ, что въ Царскосельскомъ Лицеѣ есть воспитанникъ князь Долгорукiй, который, будучи родственникомъ графу Шереметеву, проводитъ у него всѣ праздничные отпуски. Дѣло было объ Рождествѣ Христовѣ, время тоже праздничное. Дубельтъ посылаетъ въ домъ графа Шереметева узнать, не тутъ ли воспитанникъ князь Долгорукiй и ежели тутъ, попросить его къ себѣ. Молодой человѣкъ не замедлилъ прибытiемъ. Леонтiй Васильевичъ, со свойственною ему добротою и ласкою, принимаетъ лицеиста, сажаетъ его въ своемъ кабинетѣ и вступаетъ въ разговоръ: «Скажите, князь, вы, кажется, воспитываетесь въ Царскосельскомъ Лицеѣ?»—Да-съ!—«Часто бываете въ Петербургѣ?»—Три раза въ годъ: на Рождествѣ, на Пасхѣ и на каникулахъ. «Когда были здѣсь въ послѣднiй разъ передъ этимъ?»—На каникулахъ, я прiѣхалъ сюда въ день нашего роспуска, 1-го Iюля.—«Не припомните ли вы, не случилось ли съ вами въ то время чего нибудь?» Какъ же съ очень хорошо помню, что кучеръ графа Шереметева, который меня везъ, имѣлъ неосторожность наѣхать на какую-то женщину.—«Помилуйте!» вскричалъ Дубельтъ, вскакивая со стула,«какъ же вы молчали? Знаете ли, какая изъ этого вышла у насъ исторiя?»—Я никогда не думалъ скрывать этого происшествiя; но меня никто не спрашивалъ, и я не полагалъ своею обязанностiю разглашать его безъ причины.

Ну вотъ! Кажется, слава Богу, истинна открыта, и дѣло кончено.

Ничуть не бывало! Дѣло продолжается или, лучше, сказать начинается законнымъ порядкомъ: кучеръ Шереметева арестованъ, и слѣдственная коммиссiя открываетъ свои засѣданiя въ апартаментахъ 3-го отдѣленiя. (Не припомню хорошенько состава этой новой коммиссiи, но знаю, что отъ полицейскаго управленiя участвовалъ въ ней одинъ только членъ въ видѣ депутата, и членъ этотъ былъ никто другой, какъ г. Сенчуковскiй, предсѣдательствовавшiй на первомъ слѣдствiи).

«Господа!» обратился Дубельтъ къ своимъ сотрудникамъ, предъ началомъ засѣданiя. «Вамъ небезызвѣстна вся важность возложенной на насъ обязанности; изъ одного того факта, что по происшествiю, въ сущности весьма ничтожному, по высочайшему повелѣнiю, нынѣ открывается вторая слѣдственная коммиссiя, вы уразумѣть можете, на сколько Его Величеству угодно знать сущую правду по этому дѣлу; а потому и обращаюсь къ вамъ, господа, въ полной увѣренности, что

вы употребите все ваше стараніе, дабы общими нашими силами открыть и выяснить искомую правду, хотя бы и въ ущербъ нѣкоторымъ формальностямъ».

«Извините ваше превосходительство, вставая отозвался г. Сенчуковскій, «моя обязанность здѣсь, какъ депутата отъ С.-Петербургской полиціи, состоитъ въ томъ, чтобы защищать честь С.-Петербургской полиціи.»

— «Извините и вы, въ свою очередь, ежели я позволю себѣ замѣтить», отвѣчаетъ Дубельтъ, «что честь С.-Петербургской полиціи не имѣетъ здѣсь никакого мѣста, точно также, какъ и вы сами, вступающіе въ среду нашу съ подобными, предвзятыми убѣжденіями; а потому прошу васъ лишить насъ удовольствія видѣть васъ между нами, будучи вполнѣ увѣренъ, что полицейское управленіе не затруднится назначить вамъ преемника».

За симъ засѣданіе объявляется открытымъ, и вводится кучеръ флигель-адъютанта князя Долгорукова, который, при первомъ обращенномъ къ нему вопросѣ, становится на колѣна и начинаетъ свое повѣствованіе слово въ слово подобное тому, которое мы уже знаемъ.

Выслушавъ до конца искусный разсказъ самообвиняющагося, предсѣдатель отдаетъ приказаніе привести другаго кучера (графа Шереметева), содержащагося въ арестантской 3-го отдѣленія. Арестантъ введенъ, и начинается допросъ (въ присутствіи перваго кучера).

Предсѣдатель. Какъ тебя зовутъ и у кого ты служишь? (Прошу замѣтить, что описаніе мое относится къ давнопрошедшему времени; нынче съ кучеромъ не иначе стали бы говорить, какъ на *вы*).

Отвѣтъ. Зовутъ меня Агаѳономъ, а служу у гр. Шереметева.

Вопросъ. Ѣзжалъ ли ты когда въ Царское Село, ежели ѣзжалъ, то когда былъ тамъ въ послѣдній разъ и зачѣмъ?

Отвѣтъ. Ѣзжалъ, былъ тамъ въ послѣдній разъ нынѣ лѣтомъ, за воспитанникомъ Лицея княземъ Долгоруковымъ.

Вопросъ. Когда именно, т.-е. не припомнишь ли какого мѣсяца и числа ты возвращался съ княземъ Долгорукимъ въ Петербургъ?

Отвѣтъ. Кажись, это было 1-го Іюля.

Вопросъ. Хорошо! Ну скажи же теперь: не случилось ли съ вами чего-нибудь, когда вы въѣзжали въ заставу? При этомъ вопросѣ, Агаѳонъ становится на колѣна,—а Трифонъ (кучеръ князя В. А. Долгорукова) вытаращиваетъ на него глаза.

Отвѣтъ. Виноватъ, ваше сіятельство, смялъ лошадьми какую-то женщину; ужъ я ей кричалъ «берегись, берегись!» Нѣтъ-таки окаянная, таки попала подъ лошадей!

Вопросъ. И что же, тебя никто тогда не остановилъ?

Отвѣтъ. Никакъ нѣтъ-съ; бросился было какой-то полицейскій, да я ударилъ по лошадямъ и ускакалъ домой.

Предсѣдатель (обращаясь къ обоимъ кучерамъ). Ну, какъ же это, ребята, задавлена женщина одна, а охотниковъ на нее является двое?

Въ недоумѣніи переглянулись кучера другъ на дружку; наконецъ: была не была! махнувъ рукой, возглашаетъ Трифонъ отчаяннымъ голосомъ и, обращаясь къ предсѣдателю: «Извольте, ваше превосходительство, я вамъ таперича разскажу, отчего я женщину-то задавилъ!»

Предсѣдатель. Ну разскажи!

Трифонъ. Позвольте мнѣ армякъ снять?

Предсѣдатель. Это для чего? Ну сними!

Трифонъ (скидая армякъ и засучивая рукава рубашки). Вотъ отчего я женщину-то задавилъ,говоритъ онъ, указывая на рубцы на рукахъ.

Предсѣдатель. Что это такое?

Трифонъ. «А больше ничего, какъ-то, что въ полиціи мнѣ веревками крутили назадъ руки и насильно заставляли заучить ту сказку, которую я вамъ разсказывалъ, завѣряя при томъ, что ежели на судѣ я ее выдержу, то мнѣ будетъ вольная и тысячу рублей награды, ежели же я проболтаюсь, то мнѣ не миновать Сибири и каторжной работы».—Легко можно себѣ представить всеобщее изумленіе, при подобномъ заявленіи!

Дубельтъ тотчасъ же послалъ пригласить ближайшаго доктора для освидѣтельствованія рубцовъ на рукахъ Трифона. Явился молодой человѣкъ, оказавшійся частнымъ полицейскимъ врачемъ.

Предсѣдатель. Потрудитесь осмотрѣть руки этого человѣка и объяснить намъ предполагаемую причину этихъ рубцовъ.

Врачъ внимательно осмотрѣлъ одну руку; потомъ, не говоря ни слова, началъ тереть ее обшлагомъ своего платья. Всѣ на него смотрѣли въ ожиданіи, что̀ изъ этого выйдетъ? Наконецъ, повторивъ нѣсколько разъ этотъ маневръ, полицейскій врачъ обратился къ предсѣдателю: «Извольте видѣть, ваше превосходительство; моя наука указываетъ мнѣ, что предстоящіе рубцы суть, дѣйствительно, слѣдствіе истязанія веревками, но вмѣстѣ съ тѣмъ она же (наука!) убѣждаетъ меня въ томъ, что изтязаніе это не могло быть произведено во время содержанія кучера Трофима въ арестантской при полиціи (нужно при этомъ замѣтить, что, вмѣстѣ съ назначеніемъ втораго слѣдствія, кучеръ Трифонъ былъ переведенъ изъ полицейскаго управленія въ жандармское) по той простой причинѣ, что язвы эти, будучи произведены въ дальномъ, прошедшемъ времени, долженствовали бы представляться глазамъ нашимъ въ желтомъ и синемъ видѣ, эти же, какъ усмотрѣть

изволите, совершенно красныя, т.-е. свѣжія».—И съ этимъ словомъ ученый врачъ хватаетъ другую руку паціента съ вѣроятнымъ намѣреніемъ повторить на ней туже игру; но Дубельтъ не даетъ ему на то времени и, останавливая его руку: «Прекрасно!» говоритъ предсѣдатель; «ваша наука и ваши познанія дѣлаютъ вамъ честь; потому что, какъ вы заявили, г. докторъ, такъ оно и есть: на лѣвой рукѣ рубцы покраснѣли отъ того, что вы ихъ натерли сукномъ; на правой же они совершенно сходны съ вашимъ описаніемъ».

На этомъ слѣдствіе и кончилось, секретъ открытъ, и затѣмъ всѣ языки развязались, и очень легко было дознать въ подробности всю суть дѣла; а дѣло само по себѣ, какъ говорится, выѣденнаго яйца не стоило. Вотъ какъ оно совершилось. Я выше сказалъ, что въ тѣ блаженныя времена, у заставъ стояли караулы, которые прописывали проѣзжающихъ; кромѣ того, при тѣхъ же заставахъ находилось по одному мелкому полицейскому чиновнику съ однимъ городовымъ служителемъ, якобы для провѣрки паспортовъ пѣшеходныхъ путешествующихъ. Грѣшный человѣкъ! Я всегда думалъ и даже теперь не перестаю думать, что чиновники эти помѣщались или назначались туда, милостивымъ ихъ начальствомъ, для поправленія ихъ семейныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, потому что, вмѣсто провѣрки паспортовъ, тамъ часто происходилъ просто грабежъ.

Вотъ къ такому то чиновнику, 1-го Іюля, прибѣгаетъ отъ шлагбаума городовой съ докладомъ, что сію минуту какая-то коляска задавила женщину; чиновникъ стремглавъ выскакиваетъ на улицу, и мимо его носа мчится зеленая коляска, запряженная четверкою врядъ, гнѣдыхъ съ сѣрыми; онъ летитъ къ заставѣ: кто записался? Князь Долгорукій! Какой это Долгорукій? думаетъ чиновникъ; ахъ, да, знаю! Онъ живетъ на Морской улицѣ; однако, надо удостовѣриться!—Беретъ извощика (разумѣется даромъ; еще-бы! по дѣламъ службы), отправляется на Морскую, входитъ на дворъ,—стоитъ запряженная зеленая коляска и водятъ четверку потныхъ лошадей, гнѣдыхъ съ сѣрыми.

— Чья коляска? спрашиваетъ онъ кучера.

— Флигель-адъютанта князя Долгорукова! (который въ этотъ же моментъ проѣзжалъ изъ Петергофа чрезъ Нарвскую заставу). Чегоже еще? Какъ тутъ сомнѣваться? Чиновникъ о происшествіи доноситъ частному приставу, частный оберъ-полицейместеру, оберъ-полицеймейстеръ—Государю, и пошла писать! Сознаться же, что полиція ошиблась? Какъ же это можно? Скорѣе умереть.

Вотъ дѣла минувшихъ дней, преданіе старины (хотя и неглубокой) о похвальныхъ дѣйствіяхъ охранителей порядка и общественнаго спокойствія того времени.

Но что̀ все болѣе огорчило меня въ этой исторіи, такъ это то, что болѣе всѣхъ пострадалъ отъ нея злосчастный полицейскій чиновникъ, стоявшій при заставѣ (Горчуновскій), который изъ 12-го класса былъ разжалованъ въ рядовые. Я бы кажется (ежели бы мнѣ поручили произнесть приговоръ) поискалъ и, можетъ-быть, нашелъ бы лицъ болѣе виновныхъ чѣмъ Горчуновскій.

Глава пятнадцатая.

Ежели бы мнѣ вздумалось описывать всѣ извѣстныя мнѣ доскавально дѣла или дѣйствія, характеризующія тогдашнее полицейское управленіе, у меня, кажется, не хватило бы ни чернилъ, ни бумаги, а тѣмъ паче терпѣнія; а потому я воздержусь и разскажу только два маленькихъ происшествія, случившіяся съ людьми весьма мнѣ близкими.

У одного моего родственника (холостаго, молодаго человѣка) украли съ квартиры четыре серебряныя ложки; онъ подалъ заявленіе въ полицію. По прошествіи нѣкотораго времени является къ нему полицейскій чиновникъ съ сообщеніемъ, что ложки его найдены, и воръ задержанъ; нужно бы было только (буде возможно) представить для сличенія подобную же ложку.—«Очень возможно», отвѣчаетъ мой родственникъ, «у меня ихъ осталось еще двѣ».—«Пожалуйте ихъ мнѣ»!—И съ тѣхъ поръ, молодой человѣкъ записалъ въ расходѣ не четыре ложки, а полдюжины.

А вотъ еще забавный случай. Братъ жены моей И. Ѳ. Львовъ, будучи полковникомъ л.-гв. Павловскаго полка, занималъ съ женою своею квартиру, въ нижнемъ этажѣ казармъ полка (что̀ на Царицыномъ лугу). Однажды поутру Львовъ куда-то отлучился. Жена его слышитъ изъ сосѣдней комнаты сильный стукъ и бряцанье разбитыхъ стеколъ; въ испугѣ вбѣгаетъ она въ гостинную и застаетъ тамъ непрошеннаго гостя, въ тотъ моментъ, какъ онъ, съ бронзовыми часами въ рукахъ, выскакиваетъ на улицу въ окно, разбитое въ дребезги. На крикъ ея сбѣгаются люди, но уже поздно: мошенника и слѣдъ простылъ! Слухъ объ этомъ происшествіи, какъ, дѣйствительно, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ, разнесся по городу и какъ-то дошелъ до Государя. Оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-адъютантъ К....ъ былъ призванъ къ Его Величеству и послѣ сильной головомойки получилъ приказаніе непремѣнно разыскать это дерзкое воровство. Высочайшее повелѣніе, какъ всѣмъ извѣстно, не можетъ остаться неисполненнымъ, а потому, недѣли черезъ двѣ, полковникъ Львовъ получаетъ приглашеніе пожаловать въ такую-то часть С.-Петерб. полиціи для полученія покраденыхъ у него часовъ. Львовъ отправляется, и ему показываютъ висячіе на стѣнѣ деревянные часы съ выкрашен-

нымъ въ бѣлую краску циферблатомъ, украшеннымъ розовыми цвѣточками. Извольте получить ваши часы!

— «Помилуйте! Это совсѣмъ не мои; мои были бронзовыя, столовыя».

— «Никакъ нѣтъ-съ, вы изволите ошибаться; намъ самъ воръ сознался, что эти самые часы онъ укралъ у васъ.

И въ тоже время доложено Государю: «Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, покраденныя у л.-гв. Павловскаго палка полковника Львова часы С.-Петербургскою полиціею нынѣ отысканы и возвращены по принадлежности».

Не правдали, ловко придумано?

Двѣнадцать лѣтъ моей службы провелъ я на мною же самимъ созданной должности старшаго адъютанта управленія дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя. Много, какъ говорится, протекло воды подъ мостомъ въ продолженіи этого времени. Нечего сказать, хлопотливая, и не по годамъ моимъ отвѣтственная лежала на мнѣ обязанность. Черезъ многія обстоятельства мнѣ приходилось пореходить и хорошія, и крайне-трудныя; но я никогда не роптал и не жаловался, потому что съ другой стороны служба моя давала мнѣ возможность быть болѣе или менѣе полезнымъ всѣмъ сателитамъ нашего земнаго солнца (я выше сказалъ, что всѣ дѣла и нужды лицъ свиту Его Величества составляющихъ неминуемо проходили черезъ руки нашего управленія) и тѣмъ самымъ ставила меня въ прекрасныя отношенія къ особамъ, стоявшимъ во главѣ нашей администраціи. Я помню, что годъ болѣзни и кончины Великой Княгини Александры Николаевны былъ для меня особенно несчастливъ, вслѣдствіе измѣненія всѣхъ заведенныхъ у насъ порядковъ, лишавшаго меня возможности дѣйствовать и распоряжаться *по прежнимъ примѣрамъ*. Обыкновенно, раннею весною, высочайшее семейство переѣзжало на жительство въ Царское Село до наступленія лѣта; съ начала же лѣта Петергофъ становился ихъ мѣстомъ пребыванія, и оттуда Государь посѣщалъ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, ученія войскъ, маневры и проч. Въ этотъ же злополучный годъ, удрученный семейнымъ горемъ Государь не покидалъ Царскаго Села, и парадныя зори въ лагерѣ и ученія происходили безъ высочайшаго присутствія. На бѣду, графъ Бенкендорфъ находился по болѣзни за границей, и должность его временно исправлялъ графъ А. Ѳ. Орловъ, жившій на своей Стрѣльнинской дачѣ; я же съ своею канцеляріею, по необходимости, оставался въ безлюдномъ Петербургѣ, безъ всякихъ свѣдѣній о происходившемъ.

Въ одинъ прекрасный день, случайно попадаетъ мнѣ въ руки приказъ по войскамъ гвардейскаго корпуса, въ которомъ сказано,

что послѣ завтра, такого-то числа, Государь Императоръ изволитъ объѣзжать лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Боже мой! А у насъ никакихъ распоряженій не сдѣлано! Какъ громомъ ошеломленный, вскакиваю со стула, скорѣй лошадей, коляску, и лечу въ Стрѣльну къ графу Орлову.

«Здравствуй, мой архангелъ, что́ скажешь хорошенькаго?» удрученный жаро́й, въ легкомъ халатѣ, встрѣчаетъ меня мой принципалъ.

— «Ваше сіятельство, послѣ завтра Государь объѣзжаетъ лагерь въ Красномъ Селѣ!»

«Въ самомъ дѣлѣ? Ну съ чѣмъ тебя и поздравляю».

— «Но, в. с-во, вѣдь по этому случаю намъ нужно сдѣлать много распоряженій, какъ-то нарядить туда дежурныхъ, сообщить всей свитѣ о сборѣ въ Красное Село, сообщить на главную конюшню о заготовленіи лошадей кому слѣдуетъ и проч. и проч.»

«Это для чего? Ровно ничего не нужно; я вчера видѣлъ Государя, и онъ мнѣ ничего не сказалъ. Пусть же онъ знаетъ, что я не святой духъ: угадывать его мысли не могу!»

— «Но, в. с-во, этого никогда не бывало, чтобы Государь находился въ лагерѣ безъ дежурныхъ и свиты».

«Ну, дежурныхъ, пожалуй, назначь, а свиты отнюдь не надо; пусть въ другой разъ, ежели захочетъ, самъ прикажетъ. А ты самъ туда поѣдешь?»

— «Какъ же, в. с-во, завтра-же».

«Ну, пожалуй, только смотри, не показывайся на глаза Государю, а то онъ догадается, что мы знали о его пріѣздѣ; а этого никакъ не слѣдуетъ».

Съ непривычки не варило мое сердце такой безпечности и хладнокровія (которыхъ я никогда не видалъ въ Бенкендорфѣ). Еще приказалъ онъ мнѣ, послѣ объѣзда, прислать къ нему въ Стрѣльну фельдъегеря съ извѣщеніемъ «*что у васъ тамъ будетъ?*»

Какъ ни противны были моимъ понятіямъ такого рода распоряженія, но я находился въ необходимости исполнить приказанія моего непосредственнаго начальника.

На другой день я, какъ бы изподтишка, переправился въ Красносельскій придворный флигель, въ которомъ я обыкновенно помѣщался съ моею канцеляріею и гдѣ также было помѣщеніе для командующаго главной квартирой. Въ тотъ же вечеръ, гляжу, катитъ императорская коляска и останавливается передъ нашимъ флигелемъ.

«Орловъ!» слышится зычный голосъ Государя. Я спрятался и выслалъ камеръ - лакея доложить, что графъ Орловъ не пріѣзжалъ. Государь проѣхалъ въ свою палатку въ лагерѣ. Покончивъ мои за-

нятія, я расположился спать, какъ въ 4 часа утра меня будятъ съ извѣстіемъ, что графъ Орловъ пріѣхалъ; встаю, одѣваюсь, иду къ графу и узнаю, что Государь,не ожидая моего фельдъегеря въ Стрѣльну съ извѣщеніемъ *что у насъ тутъ будетъ*, послалъ туда своего, и какъ кажется, съ записочкой не совсѣмъ любезнаго содержанія, вслѣдствіе чего, не смотря на удушливую жару Іюльской ночи, графъ Орловъ принужденъ былъ, покинувъ свое мягкое ложе, скакать въ Красное Село. Избравъ на другой день приличный къ тому часъ, графъ Орловъ поѣхалъ въ лагерь къ Государю, откуда не замедлилъ возвратиться съ лицомъ (какъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось) нѣсколько вытянувшимся.

«Знаешь?» имѣлъ онъ наивность обратиться ко мнѣ. «Государь очень прогнѣвался, что не нашелъ здѣсь никого и изволилъ выразиться, что мнѣ это простительно, по новости дѣла; а тебѣ, такъ давно занимающему твою должность, нѣтъ!»

— «Помилуйте, в. с-во, да не я ли докладывалъ вамъ о необходимости всѣхъ этихъ распоряженій?»

«Ничего, ничего, мой другъ! Ты не огорчайся; я постараюсь оправдать тебя въ глазахъ Государя!»

Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! подумалъ я. Вотъ и grand seigneur, намѣревающійся давать уроки Императору какъ ему дѣйствовать. Послѣ труднаго дня маневръ въ Іюлѣ мѣсяцѣ и въ началѣ вступленія Орлова въ должность командующаго главной квартирой, раскиснувшій отъ непомѣрной жары и до нельзя утомленный отъ двѣнадцатичасовой верховой ѣзды, графъ Орловъ вмѣстѣ со всѣми (или вѣрнѣе сказать прежде всѣхъ) не слѣзъ, а свалился съ лошади, растянулся во всю свою длину въ тѣни перваго попавшагося кусточка, извергая самыя энергичныя ругательства. Я же, получивъ лично приказаніе Его Величества о мѣстѣ, на которомъ должна была быть раскинута его палатка, совался во всѣ стороны, отыскивая графа Орлова для передачи ему означеннаго приказанія и, наконецъ, нахожу его въ описанномъ мною положеніи.

«Ваше с-во, Государь изволилъ приказать поставить свою палатку вотъ здѣсь, недалеко, на правомъ флангѣ бивуака Преображенскаго полка»—«Съ чѣмъ тебя и поздравляю! (это была его обычная поговорка).—«В. с-во, не угодноли присутствовать при исполненіи этого приказанія? Покойный графъ Бенкендорфъ никогда и никому не довѣрялъ постановку палатки Государя, всегда самъ распоряжался». —«Покорно благодарю! Нѣтъ братъ, я свои руки и ноги не въ дровахъ нашелъ, чтобы такъ легко ими жертвовать».

Въ этотъ самый моментъ вдругъ раздался знакомый, неподражаемый голосъ: «Орловъ!», и мой тучный вельможа, позабывъ и жару, и усталость, какъ заяцъ, выскочившій изъ-подъ куста, рысью побѣжалъ на призывающій его голосъ.

Впрочемъ я обращаюсь все на моего патрона не потому, чтобы онъ изображалъ собою исключеніе изъ общаго правила, а именно потому, что, какъ онъ былъ моимъ патрономъ, то всѣ его дѣла и дѣйствія были мнѣ ближе извѣстны; говоря же откровенно, не могу не сознаться, что ежели не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть изъ окружающихъ Государя (не насъ грѣшныхъ, а именно вельможъ) льстиво восхищаясь, въ присутствіи Императора, прекрасными движеніями войскъ, за глазами позволяли себѣ, не скрываясь и въ слухъ, роптать на неутомимость Его Величества при производствѣ маневръ, ученій и пр.

Въ другой разъ, во время весьма продолжительныхъ маневровъ, длившихся болѣе двухъ недѣль, мы (главная квартира) стояли лагеремъ подъ Ропшей. Наступило Воскресенье, и войскамъ данъ былъ отдыхъ на цѣлые сутки; всѣ почти разъѣхались по домамъ на это время, я же остался въ лагерѣ и, пользуясь свободой, отправился на охоту, что̀ дало мнѣ возможность отчасти ознакомиться съ окружающею мѣстностію. На другой же день всѣ вновь собрались, и маневры возобновились. По ходу ихъ, противоположная нашей сторона должна была дѣйствовать наступательно, и намъ слѣдовало ретироваться; а потому съ вечера было отдано приказаніе: въ 5 часовъ утра нашему лагерю сниматься и утекать. Наступилъ назначенный часъ. Государь со всей свитой сѣли на лошадей и отправились къ начавшимся уже дѣйствіямъ; я тоже было съ ними поѣхалъ, но, замѣтивъ отсутствіе графа Орлова, возвратился. Я подъѣхалъ къ нашему лагерю и увидалъ, что палатка Государя уже убрана и прочія снимаются; палатка же графа Орлова одна красуется въ полной своей неприкосновенности; вхожу и застаю графа въ халатѣ и туфляхъ распивающимъ кофе. «А здравствуй, любезнѣйшій; садись-ка, напейся кофею, это вѣрнѣе будетъ!»—«Но, в. с-во, Государь уже уѣхалъ».—«Ничего догонимъ!» Я сѣлъ и выпилъ чашку. «Непора ли, в. с-во?»—«Экъ тебѣ не терпится! Успѣешь еще брюхо-то натрясти, день-то долгъ!»

Наконецъ, поѣхали. Но куда ѣхать? Со всѣхъ сторонъ гремитъ страшная кононада; на удачу отправились направо, всѣхъ встрѣчныхъ спрашиваемъ, не видали-ли Государя?—«Нѣтъ не видали!» Значитъ, онъ на лѣвомъ флангѣ. Поворотили налѣво, ѣхали, ѣхали, тоже неудача! Становится жарко, мой вельможа явно раскисаетъ.—«Нѣтъ, братъ, какъ ты хочешь, а мнѣ надо отдохнуть,» говоритъ графъ Орловъ, слѣзая съ лошади и усаживаясь на большой камень въ чистомъ полѣ.

— «Позвольте, ваше с—во, я съѣзжу; тутъ недалеко, я знаю, есть горка довольно высокая; съ нея, вѣроятно, мнѣ будетъ видно Государя со свитой, и тогда я васъ туда провожу».— «Пожалуста!»

Въ это время, смотримъ, несется во весь духъ ген.-ад. графъ Адлербергъ.

— «Владимиръ Ѳедоровичъ, Владимиръ Ѳедоровичъ! Погоди, куда ты?» кричитъ ему Орловъ.

— «Некогда, некогда», отвѣчаетъ гр. Адлербергъ. «Не знаете ли гдѣ Государь?—«Какъ же!» съ усмѣшкой кричитъ ему Орловъ, «поищи братъ, поищи, авось къ вечеру найдешь!»

Наконецъ (такъ какъ всему бываетъ конецъ), мы сѣли на лошадей и отправились въ дальнѣйшій путь; но на этотъ разъ, высмотрѣвъ съ горы всю мѣстность, я провелъ графа прямо на Государя, котораго мы застали углубленнымъ въ дѣйствія войскъ и въ прекрасномъ расположеніи духа.—«Не правда ли, какъ хорошо?» обратился онъ къ подъѣхавшему графу Орлову. — «Чудо, Ваше Величество!»...

И такимъ образомъ, добрѣйшій Николай Павловичъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что всѣ его окружающіе также наслаждаются маневрами, какъ и онъ самъ.

Помню, что точно также военный министръ князь Чернышовъ, утомленный, измученный, едва держащійся на сѣдлѣ, стоялъ поодаль, когда свѣжій и съ улыбающимся лицомъ подъѣхалъ къ нему Государь:—«Comment trouvez-vous ça?» обратился онъ къ министру, указывая на какую-то атаку. У того моментально измѣнилось выраженіе, не только лица, но и всей фигуры, явилась улыбка на устахъ и pince-nez на носу.—«C'est magnifique, Sire!» А чего magnifique: у него, я думаю, рябило въ глазахъ, и онъ ровно ничего не видѣлъ.

Глава шестнадцатая.

Придворная роскошь, сопровождавшая насъ на маневрахъ, превосходила всякое воображеніе; за нами (разумѣется на благородной дистанціи) всегда слѣдовалъ придворный обозъ, цѣлый рядъ фургоновъ съ прохладительными и горячительными напитками, всякаго рода закусками и, наконецъ, съ самой кухней, въ которой на походѣ готовилось кушанье, такъ что, по прибытіи на стоянку, по прошествіи какихъ-нибудь полчаса, на открытомъ воздухѣ уже красовался накрытый столъ на 60 и болѣе кувертовъ, и намъ подавали обѣдъ.

Однажды графъ Орловъ, выходя изъ палатки Государя, говоритъ мнѣ:—«Его Величеству желательно бы было сегодня за нашимъ сто-

домъ угостить всѣхъ офицеровъ Преображенскаго полка; можемъ ли мы это сдѣлать?» Я призвалъ нашего метрдотеля и передалъ ему на разрѣшеніе этотъ вопросъ.—«Ежели у насъ хватитъ приборовъ, и вы мнѣ дадите лишнихъ полчаса, то все будетъ готово», отвѣчаетъ мнѣ m-r Imbert. И дѣйствительно, черезъ часъ мы сѣли обѣдать съ шестьюдесятью неожиданными гостями.

Не разъ, въ продолженіе моей службы, приходилось мнѣ грустно призадумываться надъ дѣйствіями самыхъ приближенныхъ къ Государю лицъ: неужели они настолько боялись гнѣва или неудовольствія Его Величества, что готовы были на самое малодушное дѣйствіе для отвращенія его гнѣва отъ своей личности, тогда какъ мнѣ самому неоднократно доводилось восторгаться подвигами великодушія и справедливости незабвеннаго Императора! Приведу, для подтвержденія моихъ убѣжденій, одинъ примѣръ, на моихъ глазахъ бывшій.

Дѣло происходило на военномъ полѣ, близъ Краснаго Села. Государь присутствовалъ при маневрѣ гв. корпуса противу предполагаемаго непріятеля; планъ маневра, заблаговременно составленный, былъ сообщенъ всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, и все шло какъ по маслу. Въ извѣстный моментъ Государь подзываетъ къ себѣ флигель-адъютанта кн. Р...а и отдаетъ ему, приблизительно, такое приказаніе: «Поѣзжай къ командующему гвардейской кавалерійской дивизіи ген. Пенхержевскому и скажи ему отъ меня, что теперь настало уже время ударить съ его дивизіею во флангъ непріятеля и т. д. Понялъ ты меня?»—«Понялъ, Ваше Величество!» и кн. Р. стремглавъ скачетъ съ полученнымъ приказаніемъ. Кавалерійскую дивизію находитъ онъ стоящую въ бездѣйствіи съ командиромъ впереди; подъѣхавъ къ ген. П., онъ передалъ ему волю Государя. Тотъ, находя привезенное приказаніе несходнымъ съ планомъ маневра, заявляетъ сомнѣніе и проситъ флигель-адъютанта кн. Р. повторить, послѣ чего рѣшается предпринять переданное флигель-адъютантомъ кн. Р. движеніе (оказавшееся въ послѣдствіи совершенно противнымъ желанію Государя). Государь же въ это время, выѣхавъ со всею свитою на возвышенное мѣсто, съ нетерпѣніемъ ожидалъ исполненія своего приказанія; но дивизія не показывалась даже на горизонтѣ. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, Его Величество далъ шпоры своей лошади и въ нѣкоторомъ волненіи, со всѣмъ штабомъ, поскакалъ самъ отыскивать ген. П. и настигъ его исполняющимъ движеніе въ противоположную сторону. Государь приказалъ остановить дивизію, или лучше сказать самъ скомандовалъ ей остановиться, подозвалъ къ себѣ дивизіоннаго начальника и въ гнѣвѣ своемъ высказалъ ему много непріятныхъ словъ.

Какъ старый служака, Пенхержевскій, опустивъ саблю, въ безмолвіи выслушалъ монаршій выговоръ, не позволивъ себѣ ни слова въ оправданіе. Когда же Государь отъѣхалъ, высмотрѣвъ въ свитѣ фл.ад. кн. Р. и отозвавъ его къ сторонѣ:—«Вы слышали,» сказалъ ген. П., «а вѣдь я и на іоту не отступилъ отъ переданнаго мнѣ вами приказанія!»—«Слышалъ, генералъ!» почти со слезами на глазахъ отвѣчалъ кн. Р., «и даю вамъ честное слово употребить всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы исправить мою невольную ошибку.»

По окончаніи маневра, не сходя съ лошади, кн. Р. отправился прямо во дворецъ и просилъ камердинера доложить о себѣ Государю.—«Обождите немного», отвѣчалъ камердинеръ: «Государь переодѣвается и сейчасъ выйдетъ». Нескончаемыми часами показались бѣдному преступнику минуты ожиданія грома и молніи. Наконецъ, выходитъ Государь.—«Что ты?»—«Я принесъ повинную голову Вашему Величеству.»—«Что такое, я не понимаю?»—«Вы изволили давича гнѣваться на ген. П., а онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ; одинъ я во всемъ виноватъ, неправильно передавъ ему ваше приказаніе.» Поникнувъ головою, кн. Р. приготовился къ неминуемой грозѣ. Каково же было его удивленіе, когда съ милостивой улыбкой Государь протянулъ къ нему руку:—«Спасибо тебѣ за твое ко мнѣ довѣріе, которое дастъ мнѣ возможность исправить все дѣло! Ступай себѣ домой и спи спокойно».

Въ тотъ же вечеръ, по всему лагерю разсылается приказъ всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей собираться завтра къ 9-ти часамъ утра къ ставкѣ Его Императорскаго Величества. Въ назначенный часъ выходитъ Государь и, обращаясь къ собравшимся: «Господа», говоритъ онъ, я собралъ васъ, чтобы исправить мою невольную ошибку, которой вы всѣ были свидѣтелями. Генералъ Пенхержевскій, пожалуйте сюда! Вчера во время маневра я на васъ сердился и высказалъ вамъ много непріятностей; къ крайнему моему удовольствію освѣдомился я, что вы тутъ были вовсе невиновны и потому спѣшу снять съ васъ незаслуженное оскорбленіе; дайте мнѣ вашу руку и скажите, что вы меня прощаете». Какъ теленокъ заревѣлъ нашъ дивизіонный начальникъ и бросился цѣловать протянутую къ нему руку. Государь обнялъ его и заставилъ таки вымолвить слово «*прощаю*».—Потомъ, обернувшись опять къ собравшимся:

«Ф. а. кн. Р....» кликнулъ Государь, «пожалуйте ко мнѣ» и когда тотъ вышелъ: — «Еще разъ благодарю васъ за довѣріе вами мнѣ оказанное, мнѣ это очень пріятно! И я бы желалъ, чтобы всѣ здѣсь присутствующіе, при случаѣ, послѣдовали вашему примѣру!»

Какое еще лучшее доказательство можно пріискать для удостовѣренія возвышенной, доброй и справедливой души Николая Павловича? Какъ! Самодержавный, могучій Императоръ публично проситъ прощенія у простаго генерала въ нанесеніи ему незаслуженнаго огорченія! И послѣ этого бояться докладывать ему сущую правду, какая бы она ни была! Для меня это всегда бывало непонятно и часто заставляло меня страдать въ продолженіи моей службы.

Однажды (это было позднею осенью) Государю угодно было произвести маневры въ самомъ близкомъ отъ Петербурга разстояніи. Войска съ утра были выставлены тоже противъ мнимаго непріятеля, якобы желающаго овладѣть столицей. День прошелъ, какъ и всегда, въ сильной пушечной и ружейной пальбѣ и разныхъ эволюціяхъ. Осенній день коротокъ и холоденъ; а потому маневръ кончился въ совершенную темноту, и войска приказано было расположить на ночлегъ по окрестнымъ деревнямъ. Государь поѣхалъ ночевать въ Зимній дворецъ, большая же часть свиты, въ ожиданіи продолженія маневра на слѣдующій день, заняла на ночь помѣщеніе въ такъ называемомъ Красномъ Кабачкѣ (извѣстное каменное строеніе на Московскомъ шоссе).

Лишь только Государь уѣхалъ, графъ Орловъ призываетъ меня и передаетъ мнѣ приказаніе Его Величества, состоящее въ томъ, чтобы раннимъ утромъ поставить по Московской дорогѣ двухъ жандармовъ, одного у Петербургской заставы, а другаго около Пулкова съ приказаніемъ никого изъ проѣзжающихъ не пропускать по шоссе, а сворачивать на проселочную дорогу, дабы они не могли помѣшать движенію войскъ.

Оставивъ Орлова, я тотчасъ разослалъ имѣвшихся у насъ ординарцевъ изъ линейныхъ казаковъ и жандармовъ отыскивать командира л.-гв. жандармскаго полуэскадрона капитана Коллена для передачи ему означеннаго распоряженія. Ординарцы мои, промаявшись половину ночи по невылазной грязи и непроглядной темнотѣ, возвратились съ извѣстіемъ, что капитана Коллена никакъ найти не могли, потому что никто не знаетъ, гдѣ онъ присталъ на ночлегъ съ полуэскадрономъ. Что тутъ дѣлать?... Лишь только занялась зорька, иду доложить графу о нашей неудачѣ.

Какъ змѣей укушенный, вскакиваетъ мой графъ: «Что-о! И жандармы еще не стоятъ на своихъ мѣстахъ!», воскликнулъ онъ въ ужасѣ, «а Государь сейчасъ пріѣдетъ! Ты знаешь ли, что изъ этого бѣда можетъ выйти? Ужъ какъ ты хочешь, а ежели Государь будетъ гнѣваться, я ему прямо скажу, что не я, а ты въ этомъ виноватъ.»

У меня даже силы не хватило отвѣчать. Слезы оскорбленія чуть не брызнули у меня изъ глазъ, и я поторопился выйти. Очень хорошо помню, что, выходя отъ Орлова, я прямо наткнулся на пріѣхавшаго Петербургскаго генералъ-губернатора, почтеннѣйшаго и всѣми уважаемаго Павла Николаевича Игнатьева (еще онъ тогда не былъ графомъ), который всегда меня любилъ и ласкалъ.

«Здравствуйте, мой другъ», сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. «Но что съ вами? Вы такъ разстроены.»

Я разсказалъ ему мою обиду.

— «Ну! Не огорчайтесь, возразилъ добрый П. Н.; я сейчасъ пойду къ Орлову и разъясню ему, что вашей вины тутъ никакой нѣтъ».

Разставшись съ Игнатьевымъ, я вышелъ на крыльцо, и первый попадающійся на встрѣчу—онъ и есть нашъ искомый кап. Колленъ «Помилуйте, гдѣ вы были? Мы васъ ищемъ, какъ булавку», обращаюсь я къ нему. «Ну, да нечего толковать! Посылайте скорѣе двухъ вашихъ жандармовъ» и т. д. Вслѣдъ за симъ иду къ Орлову. «Жандармы посланы, в. с—во.»—«Да? Ну слава Богу! Да распеки ты, пожалуста, хорошенько этого негоднаго К.; куда онъ тамъ запрятался?»—«Я не имѣю никакого права его распекать, тѣмъ болѣе, что онъ даже чиномъ старше меня!»

Тѣмъ дѣло и кончилось, не мало испортивши мнѣ крови!....

Глава семнадцатая.

Въ тотъ же злосчастный годъ, когда Государь, по пріѣздѣ изъ Царскаго Села въ Красное для объѣзда лагеря, не нашедъ тамъ обычной своей остановки, изволилъ (по переданному мнѣ графомъ Орловымъ выраженію) гнѣваться на меня, я счелъ нужнымъ, для предупрежденія новыхъ, подобныхъ и крайне горестныхъ для меня сюрпризовъ, переѣхать на время лагеря на постоянное жительство въ Красное Село для того, чтобы быть, какъ говорится, на слуху всего тамъ происходящаго и, чтобы, въ случаѣ внезапнаго прибытія туда Государя, имѣть возможность распорядиться самому, не испрашивая, какъ милости, разрѣшенія благодушнаго начальника. Намѣреніе мое было безотлагательно приведено въ исполненіе; но къ крайнему моему огорченію, и эта мѣра не избавила меня отъ новой непріятности. Въ одинъ прекрасный вечеръ, прочитывая ежедневные приказы по гвард. корпусу (постоянно мнѣ доставляемые), я получаю свѣдѣніе о томъ, что на завтра назначена стрѣльба въ цѣль всей артиллеріи, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича; а такъ какъ къ моей обязанности исключительно относилось только то, что̀ касалось соб-

ственной особы Императора, то я и оставилъ эту статью безъ особеннаго вниманія. Ночью меня будитъ фельдъегерь.—«Что такое?»—«Государь изволитъ присутствовать на стрѣльбѣ артиллеріи, и ему уже выставлена подстава отъ Царскаго Села». Внезапно слетаетъ сонъ съ очей моихъ и замѣняется перомъ въ рукѣ. Печатать записки некогда, все нужно писать. Первая моя записка полетѣла съ фельдъегеремъ въ Стрѣльну къ гр. Орлову, остальныя тоже разосланы по принадлежности, такъ что къ 11-ти часамъ утра гр. Орловъ и всѣ, кому надлежало быть, съѣхались. Пріѣхалъ и Государь, сѣли на лошадей и поѣхали на военное поле. Ну, слава Богу! Все обстоитъ благополучно, ученье идетъ прекрасно. Государь по нѣскольку разъ благодаритъ всѣ батареи; наконецъ, приказано ударить отбой, всѣ по домамъ! Батареи уже начали разъѣзжаться въ разныя стороны, когда Его Величеству вздумалось сдѣлать еще одно построеніе, вслѣдствіе чего Государь, звучнымъ и неимовѣрно-громкимъ своимъ голосомъ, скомандовалъ: «Конная артиллерія стой, равняйсь!» Артиллерія не слышитъ и продолжаетъ свое движеніе. Государь, проскакавъ нѣсколько впередъ, вновь командуетъ еще болѣе усиленнымъ голосомъ: «Конная артиллерія стой, равняйся!» Стукъ лафетовъ заглушаетъ голосъ, движеніе не прекращается; тогда Государь оборачивается и спрашиваетъ трубача.

Тутъ требуется нѣкоторое поясненіе. Когда Государь садился на верховую лошадь на ученіяхъ, смотрахъ, парадахъ и проч., два штабъ-трубача конвоя Его Величества обязаны были за нимъ слѣдовать, для передачи, посредствомъ сигналовъ, его приказаній. Николай Павловичъ такъ твердо зналъ всѣ сигналы, что никогда не называлъ, а пропѣвалъ ихъ трубачамъ своимъ голосомъ. Увы! Только тогда замѣтилъ я, что трубачи блистали своимъ отсутствіемъ.—«Орловъ!» Раздался зычный голосъ, и мой принципалъ съ рукою подъ козырекъ поспѣшилъ подъѣхать. Не знаю, въ чемъ состоялъ ихъ разговоръ; только по окончаніи его: «Государю коляску!» крикнулъ мнѣ графъ Орловъ, и я, сломя голову, поскакалъ по направленію, гдѣ долженъ былъ стоять экипажъ. Отъѣхавъ саженъ сто, слышу за собою голосъ: «Самсоновъ! Самсоновъ!» Я остановился. Это былъ ф.-ад. графъ Орловъ-Денисовъ: «Ступай, Государь тебя спрашиваетъ!»—«Хорошо», отвѣчаю я, «поѣзжай же ты за коляской, она вонъ тамъ-то».

Возвращаясь назадъ, вижу я издали спѣшившуюся группу, окружающую Императора, и кто-то одинъ верхомъ стоитъ по одаль и выглядываетъ въ мою сторону. Лишь только онъ меня увидалъ, маршъ-маршемъ подскакалъ ко мнѣ; это былъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, молодой супругъ Великой Княгини Маріи Николаевны.

«Écoutez, сказалъ онъ запыхавшись, l'Empereur est furieux contre vous; ne lui répondez pas un mot, ou vous êtes un homme perdu!»

— «Monseigneur, отвѣчалъ я со слезами на глазахъ, jamais tant que je vivrai cet acte d'intérêt et de bonté que vous daignez me témoigner ne sortira, ni de mon coeur, ni de ma mémoire».

Подъѣзжая ближе къ группѣ, я очутился за спиною Государя, прямо противъ гр. Орлова, который, непримѣтными для другихъ знаками, показывалъ мнѣ, чтобъ я отъѣзжалъ въ сторону.

Нѣтъ, думалъ я, это вздоръ! Пусть Государь меня видитъ, и съ разу изольется на меня его правильный или незаслуженный гнѣвъ; а то хуже будетъ впослѣдствіи, ежели накопится. Такъ и сдѣлалъ. Объѣхавъ вокругъ, я сталъ противъ Его Величества.

— «А, пожалуйте-ка сюда!»

Я соскочилъ съ лошади и подошелъ на середину кружка.

— «Что̀ это значитъ, что какъ я ни пріѣду, всегда застаю какія-нибудь неисправности? Пора бы, кажется, вамъ привыкнуть къ вашей обязанности? Ступайте-ка на гауптвахту!»

Я повернулся, сѣлъ на лошадь и отправился къ Красное Село къ караулу, стоящему у самыхъ воротъ дворца, отдалъ офицеру мою шпагу и вошелъ во внутренность караульнаго дома, поручивъ лошадь ординарцу.

Въ непродолжительномъ времени въ коляскѣ возвратился Государь во дворецъ, за нимъ слѣдовали въ своихъ экипажахъ Наслѣдникъ, Великіе Князья и прочія важныя особы. Государь Наслѣдникъ остановился у самой гауптвахты и вошелъ ко мнѣ въ комнату; всѣ остальные, ѣхавшіе за нимъ, почли за нужное послѣдовать его примѣру, и въ одинъ моментъ моя арестантская обратилась въ самый что ни есть аристократическій салонъ. Бѣдный караульный офицеръ совершенно растерялся, не зная что ему дѣлать: стоять ли въ строю на платформѣ или оборотиться со всѣмъ карауломъ лицомъ къ высокимъ посѣтителямъ? Цесаревичъ заявилъ мнѣ милостивое свое участіе и спросилъ, какъ это могло случиться, что трубачей не было на своихъ мѣстахъ?—«Очень просто, Ваше Высочество, отвѣчалъ я: трубачамъ разъ навсегда приказано во время лагеря находиться при лошади Государя и вмѣстѣ съ нею выѣзжать, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ приказаній. Нынѣ Его Величество изволилъ прибыть совершенно неожиданно, и трубачи, не получивъ о томъ свѣдѣнія, не выѣхали; но все-таки я виноватъ кругомъ, что не замѣтилъ ихъ отсутствія и не послалъ за ними».

Наслѣдникъ былъ на столько ко мнѣ милостивъ, что взялъ на себя выяснить Государю всю незначительность моей вины и вообще такъ

утѣшалъ и обласкалъ меня, что я (очень хорошо это помню) позволилъ себѣ ему сказать: «Что̀ вы дѣлаете, Ваше Высочество? Государь изволилъ меня наказать, а вы неоцѣнимымъ вашимъ участіемъ дѣлаете изъ этого наказанія такую для меня награду, которой я не считаю себя достойнымъ!»

Государь, по вазвращеніи съ военнаго поля, тотчасъ же сѣлъ въ дорожную коляску, чтобъ ѣхать обратно въ Царское Село, и въ это время я очень хорошо могъ разслушать его послѣднія слова, обращенныя къ Наслѣднику: «Не могу же я взыскивать съ трубачей; я взыскиваю съ начальника, пускай посидитъ! Пошелъ!» и коляска помчалась.

Но едва Государь успѣлъ доѣхать до Царскаго Села, прилетѣлъ ко мнѣ фельдъегерь съ извѣстіемъ о моемъ освобожденіи.

Не разъ приходилось мнѣ вспоминать съ сокрушеннымъ сердцемъ о моемъ рыцарскомъ графѣ Бенкендорфѣ (постоянно находившемся по болѣзни за границей). Нѣтъ! Тотъ не свалитъ свою вину на подчиненнаго, а иногда наоборотъ, случалось, приметъ на себя ошибку подчиненнаго. Но бѣдный графъ къ намъ болѣе не возвращался, тамъ за границей и жизнь кончилъ. Тогда Орловъ уже не временно, а офиціально занялъ его мѣсто.

Однажды гр. Орловъ призываетъ меня къ себѣ, сажаетъ, по обыкновенію, и у насъ начинается прелюбезный разговоръ о томъ и о семъ; между прочимъ онъ дѣлаетъ мнѣ такъ, разговорный вопросъ: «Скажи, пожалуста, мой любезный другъ, бывали у тебя когда-нибудь въ рукахъ собственноручныя записки Государя?» — «Какъ же, ваше сіятельство, очень часто». — «И что̀ же ты съ ними дѣлалъ?» — «Онѣ всѣ пришиваются къ дѣламъ, къ которымъ относятся.» — «А ну-ка! Поищи и покажи мнѣ ту, въ которой Государь отвѣчалъ на вопросъ Бенкендорфа касательно формы одежды на имѣвшемся быть парадѣ Прусскихъ офицеровъ въ числѣ, кажется, десяти или двѣнадцати человѣкъ, года три тому назадъ, представленныхъ къ нашему двору». — «Этой записки въ нашихъ дѣлахъ быть не можетъ, ваше сіятельство; потому что я очень хорошо помню, что къ этимъ офицерамъ, особенно рекомендованнымъ Прусскимъ правительствомъ, былъ приставленъ генералъ-адъютантъ Гринвальдъ, вслѣдствіе чего и все до нихъ касающееся шло черезъ руки ген. Гринвальда, а не нашей канцеляріи, и у насъ о томъ не имѣлось никакого свѣдѣнія». — «Такъ вотъ же что я тебѣ скажу, у насъ надъ головами грозная туча: Государь получилъ свѣдѣніе, что въ Парижѣ отпечатана какая-то брошюрка, въ которой помѣщенъ автографъ его собственноручной записки, и непремѣнно требуетъ дознанія, какъ она туда попала?»

Какъ ни хлопотали, никакъ не могли добиться толку; наконецъ, поручили Дубельту (который былъ въ постоянной перепискѣ съ живымъ еще, но больнымъ Бенкендорфомъ) какъ нибудь деликатно, обинякомъ, спросить послѣдняго, не знаетъ ли онъ чего по этому предмету? Бенкендорфъ (какъ истый рыцарь чести) отвѣчаетъ немедленно: «Я знаю, о чемъ ты меня спрашиваешь; доложите Государю, что къ его стопамъ я повергаю мою повинную голову; записку передалъ я самъ, кому и по какому случаю, не припомню». Полагаю, что тутъ коментаріевъ никакихъ не требуется; пусть всякій судитъ и оцѣнитъ лицъ мною описанныхъ по своему соображенію; моя же обязанность состоитъ исключительно въ томъ, чтобы не допустить никакой кривды въ моемъ повѣствованіи, за что я и отвѣчаю головой.

Глава восемнадцатая.

До сей поры рѣчь моя шла постоянно по части императорской главной квартиры; но къ обязанностямъ моимъ еще прилегала другая часть, а именно собственный Его Императорскаго Величества конвой, который тоже подъ часъ доставлялъ мнѣ немало хлопотъ и заботъ, тѣмъ болѣе, что съ этимъ народомъ нужно было имѣть особое умѣніе и практику обращаться. Въ мое время конвой Государя состоялъ изъ четырехъ командъ: Черкесовъ, Мусульманъ, Лезгинъ и Линейныхъ казаковъ. Каждая изъ этихъ командъ имѣла своего командира, общее же управленіе оныхъ сосредоточивалось въ нашей канцеляріи. Команда Линейныхъ козаковъ, будучи христіанскаго вѣроисповѣданія и Русскими вѣрноподданными, отличалась отъ другихъ своимъ благонравіемъ и точностію исполненія возложенныхъ на нее обязанностей, чего, къ сожалѣнію, не могу сказать о прочихъ, которые, какъ магометане и полудикіе, смотрѣли на вещи совершенно съ особой точки зрѣнія. Вотъ тому разительный примѣръ. Команда Черкесовъ помѣщалась въ особо-нанятомъ для конвоя въ Коломнѣ домѣ и размѣщалась по нѣскольку человѣкъ въ каждой комнатѣ. У одного изъ оруженосцевъ находился въ услуженіи христіанскій мальчикъ, который однажды какъ-то и чѣмъ-то прогнѣвилъ своего хозяина; этотъ началъ его бранить, потомъ брань перешла въ побои и, наконецъ, разъяренный, какъ тигръ увидавшій кровь, выхватилъ свой кинжалъ и закололъ мальчика на мѣстѣ. Комнатные его товарищи, зная, вѣроятно, свойство ихъ взаимной натуры, догадались, что дѣло этимъ не кончится и бросились бѣжать внизъ по лѣстницѣ, захлопнувъ дверь и приставивъ къ ней караульнаго. Предвидѣніе бѣжавшихъ вполнѣ оправдалось: оставшись одинъ, убійца схватилъ со стѣны свою винтовку, свои пистолеты и, зарядивъ ихъ боевыми патронами, какъ ис-

тупленный, бросился къ двери; недолго караульный удерживалъ натискъ, бросился ретироваться внизъ и получилъ пулю въ руку. За симъ нашъ бѣшеный направился къ конюшнѣ, въ благомъ, вѣроятно, намѣреніи осѣдлать лошадь и ѣхать кататься по городу въ своемъ прекрасномъ расположеніи; но едва онъ успѣлъ взяться за ручку конюшни, какъ шесть пуль, посланныя ему товаращами, успокоили его навсегда.

Обстоятельство это было тотчасъ же доложено Государю, который приказалъ спросить конвойнаго муллу, какъ онъ смотритъ на это происшествіе и какому, по его мнѣнію, должны быть подвергнуты наказанію убійцы своего товарища? «Какъ наказанію!» воскликнулъ мулла. «Ихъ наградить надо: лучше одному умереть, чѣмъ нѣсколькими жертвовать, которыхъ онъ перебилъ бы на людныхъ улицахъ».

Вотъ вамъ и судъ! Разбирайте какъ хотите, правъ мулла или нѣтъ? Исторія эта такъ и осталась безъ всякихъ наружныхъ послѣдствій; только намъ приказано было изъ подъ руки пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы постепенно выпроваживать домой, на Кавказъ, всѣхъ участниковъ этого самосуднаго разстрѣливанія. Долго не могъ я привыкнуть къ этимъ Татарскимъ нравамъ и обычаямъ, тѣмъ болѣе, что рѣдкіе изъ нихъ умѣли говорить по-русски, и то очень плохо. Бывало, придутъ ко мнѣ на квартиру человѣкъ пять-шесть: —«Здравствуй! Здравствуй!»—«Здравствуйте, господа! Прошу садиться», оставлю свои занятія и присяду къ нимъ.—«Ну, что скажете новенькаго?»—«Ничего!» сидятъ и молчатъ.—«Мы тебѣ не мѣшаемъ, ты пиши свое»; имъ подадутъ трубки, а я примусь за свое дѣло.

Сидятъ, курятъ и молчатъ. И такъ проходитъ иногда часъ, полтора и болѣе; наконецъ встаютъ.«—Ну прощай!»—«Прощайте, господа, будьте здоровы!»

Но тутъ-то и начинаются самые крупные разговоры; одинъ изъ нихъ, кто побойчѣе и получше говоритъ по-русски, выходитъ впередъ: —«А мы хотѣли тобѣ сказать: ты нась пусты домой». — «Куда это домой?»—«На Капкасъ».—«Чтó такъ, зачѣмъ?»—«Мы не хотимъ служить съ Араблынскій (ихъ начальникъ команды)»—«Отъ чего, что онъ не хорошо что ли съ вами обращается?» — «Да, онъ очень худой.»—«Обидѣлъ кого нибудь изъ васъ?»—«Нѣтъ, ничего! Только мы не хотымъ, и насъ такой много дома».

Чтò за причина? думаю я, это въ родѣ какого-то бунта, заговора; какъ доложить объ этомъ Государю? Допрашивалъ, допрашивалъ всякимъ образомъ, ничего! «Не хотымъ», да и только!

«Ну хорошо, господа, ступайте теперь къ себѣ и скажите вашимъ товарищамъ, чтобы завтра поутру вся команда была дома; я

къ вамъ пріѣду, и мы объ этомъ потолкуемъ». Самъ же немедленно посылаю за Пономаревымъ, который, будучи казначеемъ конвоя, съ ними больше якшался и ближе зналъ ихъ нужды и обстоятельства. Пріѣзжаетъ Пономаревъ, я разсказываю ему что было и прошу разъясненія этой загадки. «Очень просто», отвѣчаетъ онъ, «это Лезгины, а между ними считаются два главныя племени: Джаробѣлоканцы и Долинцы, которые на Кавказѣ постоянно враждуютъ между собою; вотъ каждому изъ этихъ племенъ и не хочется имѣть своимъ начальникомъ человѣка противной народности».

Такъ вотъ въ чемъ штука! Нужно будетъ это дѣло какъ-нибудь хитренько устроить. Отправляюсь въ конвой, команда Лезгиновъ меня ожидаетъ. «Гг. Лезгины Джаробѣлоканской народности, пожалуйте-ка ко мнѣ!» Большая половина всей команды вышла. — «Потрудитесь стать вотъ здѣсь, направо; а вы, господа, остальные всѣ, вѣроятно Долинскаго племени?» — «Точно такъ!» — «Станьте сюда налѣво; а вы, г. поручикъ Араблинскій, какой народности?» — «Долинскій!» — «Станьте возлѣ меня». Обращаюсь направо: «Нѣкоторые изъ васъ, господа, заявили мнѣ вчера, что они недовольны вашимъ командиромъ команды, поручикомъ Араблинскимъ и не хотятъ съ нимъ служить.»

Всѣ. — «Да! да! не довольны, не хотымъ, не хотымъ!»

Я. — «Но отчего же, что̀ онъ вамъ сдѣлалъ? Ежели кого обидѣлъ, такъ скажите: мы разберемъ».

Правая сторона. «Нѣтъ, нѣтъ, ничего, только мы не хотымъ!»

— «Ну хорошо; а вы, господа, лѣвой стороны, довольны вы Араблинскимъ?»

Лѣвая сторона. «Очень, очень довольны, другаго не желаемъ!»

Я. — «Что же это, господа, значитъ? Правая сторона не желаетъ служить подъ начальствомъ Араблинскаго, а лѣвая очень довольна и не хочетъ никакой перемѣны, и ни тѣ, ни другіе никакихъ причинъ своихъ желаній не предъявляютъ?»

Общее молчаніе.

Я. — «Такъ я вамъ разъясню это дѣло. Араблинскій принадлежитъ къ Долинскому племени, и вы всѣ Долинцы имъ довольны, а Джаробѣлоканцы—нѣтъ! Допустимъ для примѣра, что въ угоду недовольнымъ Араблинскаго смѣнятъ и назначатъ командиромъ Джаробѣлоканца; что̀ же тогда будетъ? А будетъ тоже самое, съ тою только разницею, что вы правые будете довольны, а лѣвые—нѣтъ. А отчего? Оттого, что у васъ вражда не къ Араблинскому, а къ его племени. Такъ знайте жъ, господа, что на Кавказѣ вы можете враждовать сколько вамъ угодно; но здѣсь различіе народностей не можетъ быть допущено; здѣсь одно племя: Собственный Его Императорскаго Величе-

ства Россійскаго Императора конвой, и вы всѣ равные оруженосцы, т.-е. тѣлохранители Великаго Монарха, Бѣлаго Царя, который осыпаетъ васъ своими милостями. Понимаете ли вы свое счастіе? Послушайтесь меня. Вы знаете, я вамъ дурнаго не посовѣтую; оставьте вашу рознь, и будемъ-те въ миру и согласіи съ честію и славой служить нашему Всемилостивѣйшему Государю!» —Ура!!..—Ура! Ура! закричали со всѣхъ сторонъ, и всѣ бросились, чтобы пожать мою руку; но этимъ я не удовольствовался: пригласилъ муллу и съ его согласія предложилъ всѣмъ присягнуть на Коранѣ, что отнынѣ наступаетъ общее братство, безъ различія народностей, что̀ и было исполнено.

*

Прослуживъ, какъ выше сказалъ, двѣнадцать лѣтъ въ должности старшаго адъютанта въ управленіи дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя, я былъ старшимъ капитаномъ л.-гв. Преображенскаго полка (въ коемъ уже и числился); мнѣ скоро предстояло производство въ полковники, и такъ какъ по штату нашему должность старшаго адъютанта полагалась до чина капитана включительно, то мнѣ представлялась необходимость подумать о предстоящей мнѣ будущей карьерѣ.

Въ это самое время, къ крайнему моему огорченію, жена моя довольно серьезно расхворалась, и доктора ее пользовавшіе совѣтовали намъ переселиться изъ Петербурга въ болѣе благопріятный климатъ, на что́ я окончательно и рѣшился.

Въ одинъ прекрасный день А. Ѳ. Львовъ, возвратившись отъ графа Орлова, передалъ мнѣ по секрету свѣдѣніе, состоящее въ томъ, что, во время послѣдняго путешествія графа съ Государемъ, Его Величество изволилъ весьма милостиво обо мнѣ отзываться, изъ чего заключить можно, что въ самомъ непродолжительномъ времени я буду имѣть счастіе получить званіе флигель-адъютанта. Я былъ крайне польщенъ и порадованъ этимъ извѣстіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, дорожа болѣе всего моимъ семейнымъ счастіемъ и имѣя въ виду совѣтъ сонма нашихъ лучшихъ докторовъ столицы, я призналъ священнымъ долгомъ своимъ искать службы непремѣнно внѣ Петербурга, а потому и обратился къ графу Орлову съ просьбою не лишить меня его могучаго покровительства въ доставленіи мнѣ желаемаго мною мѣста управляющаго Кіевскою коммиссаріатскою коммиссіею (нужно замѣтить, что я не имѣлъ никакого понятія о коммиссаріатской службѣ и рѣшился искать означеннаго мѣста, которое въ то время было вакантнымъ, по совѣту нѣкоего моего пріятеля, исключительно въ виду благораствореннаго Кіевскаго климата). Графъ Орловъ весьма сочув-

ственно принялъ мою просьбу и послѣ передачи мнѣ того, чтó было имъ по секрету сказано Львову и нѣсколькихъ лестныхъ для меня увѣщаній остаться продолжать службу подъ его начальствомъ, убѣжденный, наконецъ, моими доводами, согласился принять на себя ходатайство о доставленіи мнѣ желаемаго мѣста, и такъ какъ это зависѣло вполнѣ отъ военнаго министра, то и завязалась между ними переписка настолько для меня лестная, что и по сіе время я сохраняю ее цѣликомъ, какъ драгоцѣнный документъ, свидѣтельствующій о прошедшей моей службѣ.

Кіевскаго климата я однако все-таки не получилъ, по причинамъ, дѣйствительно, уважительнымъ (о коихъ я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться), а князь Чернышовъ весьма любезно мнѣ предложилъ, по производствѣ меня въ полковники, перечислиться состоящимъ по Военному Министерству съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ открывающихся вакансій, я самъ избралъ ту изъ коммиссій, которая будетъ соединять въ себѣ искомыя мною условія. Не считая себя въ правѣ отказаться отъ такого предупредительнаго вниманія военнаго министра, я принялъ его предложеніе, и въ 18... году меня перечислили полковникомъ, состоящимъ по Военному Министерству.

Не могу не сознаться, что очень и очень грустно мнѣ было разставаться со сроднившимися со мною занятіями, тѣмъ болѣе, что, разставаясь равномѣрно и съ сослуживцами своими, съ которыми въ теченіи многихъ лѣтъ мы пополамъ дѣлили и радость, и горе, я видѣлъ въ нихъ искреннее ко мнѣ участіе. Новая карьера открывалась передо мною, новыя занятія ожидали меня. Какъ-то я съ ними полажу? Объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

ЕКАТЕРИНИНСКІЕ АНЕКДОТЫ, РАЗСКАЗАННЫЕ И. А. КРЫЛОВЫМЪ.

Въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ, зимою 1842 года, собрались у князя В. Ѳ. Одоевскаго его обычные посѣтители *). Въ этотъ вечеръ пріѣхалъ и И. А. Крыловъ. Одоевскій зналъ, что онъ будетъ и приготовилъ ему его любимое кушанье, холоднаго поросенка съ хрѣномъ. И. А. былъ въ добромъ расположеніи духа и разговорчивъ.

— «Пишете ли вы что нибудь теперь?» спросилъ его графъ В. А. Сологубъ.

— Нѣтъ, ничего не пишу.

— «Отчего же?»

— А вотъ отъ того, что пускай лучше спрашиваютъ: отчего не пишу, чѣмъ скажутъ: для чего пишу **).

Крыловъ разсказалъ въ этотъ вечеръ два слѣдующіе анекдота.

Въ поѣздку Екатерины II-й въ Крымъ, семинаристы Кіевской духовной семинаріи испросили разрѣшеніе пригласить ее на зрѣлище, нарочно на этотъ случай ими изготовленное. Государыня милостиво приняла приглашеніе и отправилась въ устроенный театръ. Представленіе длилось очень долго и, наконецъ, утомило Государыню. Она поручила Шувалову, который сопровождалъ ее, изъявить семинаристамъ отъ ея имени полное удовольствіе; но, однако, узнать осторожно, скоро ли кончится представленіе? Шуваловъ отправился за кулисы и исполнилъ приказаніе. Обрадованные и ободренные семинаристы отвѣчали, что продлить и прервать представленіе совершенно въ волѣ Ея Величества, а что у нихъ заготовлено его на трое сутокъ!

*) Изъ нихъ остались въ живыхъ едва ли не А. А. Краевскій, да пишущій эти строки.

**) Галаховъ въ своей Исторіи Русской Словесности говоритъ, что Крыловъ тоже самое сказалъ въ отвѣтъ на такой же вопросъ одной дамѣ.

Такой опредѣленный срокъ выводилъ Государыню изъ затрудненія: не опасаясь никого оскорбить, она немедленно встала и удалилась съ «позорища».

Въ туже поѣздку Екатерины, какой-то небогатый помѣщикъ получилъ разрѣшеніе пригласить Государыню отдохнуть въ палаткѣ, которую разбилъ онъ на пути Ея Величества. Государыня вошла въ шатеръ. Счастливый помѣщикъ кланялся, суетился, неопрятная прислуга спѣшила разставлять на столѣ заготовленную закуску. Государыня сказала нѣсколько милостивыхъ словъ и присѣла у стола, а Шуваловъ, обратясь къ помѣщику, спросилъ, служилъ ли онъ?

— По милости вашей, отвѣчалъ растерянный отъ счастья помѣщикъ.

— «Давно въ отставкѣ?»

— Десять лѣтъ, по милости вашей.

— «Въ какомъ чинѣ?»

— Полковникомъ, по милости вашей.

— «Женатъ?»

— По милости вашей, повторялъ помѣщикъ.

Екатерина молча улыбалась, слушая отвѣты помѣщика.

— «И есть у васъ дѣти?» продолжалъ Шуваловъ.

— Семеро, по милости вашей, махнулъ еще разъ помѣщикъ.

— «Вы, однако, страхъ какъ милостивы!» перервала Екатерина вполголоса, обращаясь къ Шувалову.

Князь Евгеній Львовъ.

АВГУСТЪ 1856 ГОДА.

Изъ дневника графа Г. А. Милорадовича.

Въ 1856 году, 26 Августа, въ день коронованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го, я былъ пожалованъ въ камеръ-пажи Двора Его Величества и присутствовалъ на всѣхъ торжествахъ коронаціи, которыя, по возвращеніи въ Пажескій корпусъ, тогда же въ своемъ дневникѣ и описалъ. Пожалованіе меня въ камеръ-пажи было для меня неожиданностію, и я былъ счастливъ, какъ ребенокъ. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ, и эту радостную вѣсть сообщилъ мнѣ товарищъ по классу и другъ, маркизъ А. Ф. Паулучи. Эта первая милость покойнаго Императора была для меня всегда самою дорогою.

Въ первый разъ, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, я имѣлъ счастіе видѣть вблизи покойнаго Государя, бывшаго тогда еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Это было въ 1853 году, на свадьбѣ моего родственника, Василія Аркадіевича Кочубея, который вѣнчался въ малой церкви Зимняго дворца съ фрейлиной Великой Княгини Цесаревны Маріи Александровны, свѣтл. княжною Натальей Петровной Салтыковой. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Цесаревна были посажеными у княжны Салтыковой, и по окончаніи вѣнчанія Наслѣдникъ Цесаревичъ отвезъ домой молодую Н. П. Кочубей, въ сопровожденіи статсъ-дамы кн. Салтыковой (тетки новобрачной), вмѣсто Цесаревны, и меня, который держалъ образъ, въ четвероместной каретѣ, запряженной четверкою сѣрыхъ лошадей съ форейторомъ. На переднемъ мѣстѣ сидѣли Н. П. Кочубей и кн. Салтыкова, противъ новобрачной—Наслѣдникъ Цесаревичъ, а я рядомъ съ Его Высочествомъ, противъ княгини Салтыковой. Мнѣ кажется, что и теперь я слышу слова, обращенныя ко мнѣ Государемъ, который разспрашивалъ о моихъ родныхъ, о графѣ Милорадовичѣ, о моихъ годахъ, а равно—когда я поступлю въ корпусъ, чему, какъ и гдѣ я учусь.

Въ томъ же 1853 году, въ Сентябрѣ, я поступилъ въ Пажескій корпусъ, и Его Высочество, бывшій главный начальникъ военныхъ учебныхъ заведеній,

первый разъ что увидѣлъ меня, проходя чрезъ дортуары, подошелъ ко мнѣ и напомнилъ тотъ день, въ который я имѣлъ счастіе съ нимъ первый разъ говорить. Понятно, какъ я былъ счастливъ моимъ пожалованіемъ въ камеръ-пажи и участіемъ въ торжествахъ коронаціи.

Написанныя мною въ Октябрѣ 1856 года воспоминанія издаются теперь въ томъ же видѣ, безъ всякихъ измѣненій, послѣ двадцати семи лѣтъ; къ нимъ я присоединилъ нѣсколько примѣчаній.

Тогда всѣ ожидали славнаго царствованія послѣ великодушнаго манифеста 26 Августа 1856 года, но ожиданія превзошли все.

Кротость, самоотверженіе самого себя въ пользу идеи, необозримая доброта возвышаютъ личность Мученика-Царя. Слѣдя за событіями предшествовавшаго царствованія, мы не можемъ не поклониться этой послѣдовательности ума, этой вѣрѣ въ человѣческое достоинство, которыя вдохновляли великодушнѣйшаго изъ монарховъ.

Воспоминанія о коронованіи Александра Втораго.

Уже прошло два мѣсяца послѣ праздниковъ коронованія нашего Самодержца Александра II, а я только теперь, въ Октябрѣ 1856 года, берусь за перо и излагаю вкратцѣ свои впечатлѣнія, пишу о томъ, что̀ видѣлъ и что̀ чувствовалъ.

Радостное извѣстіе о священнѣйшемъ коронованіи и мѵропомазаніи Его Величества еще 17 Апрѣля текущаго года было объявлено Россіи слѣдующимъ Высочайшимъ манифестомъ:

«Вступивъ на прародительскій Всероссійскій престолъ и нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, посреди тяжкихъ для Насъ и отечества нашего испытаній, Мы положили въ сердцѣ своемъ дотолѣ не приступать къ совершенію коронованія Нашего, пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства, пока не престанетъ литься кровь доблестныхъ христолюбивыхъ Нашихъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя подвигами необыкновеннаго мужества и самоотверженія. Нынѣ, когда благодатный миръ возвращаетъ Россіи прежнее спокойствіе, вознамѣрились Мы, по примѣру благочестивыхъ государей, предковъ нашихъ, возложить на себя корону и принять установленное мѵропомазаніе, пріобщивъ къ сему священному дѣйствію и любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Марію Александровну».

«Возвѣщая о таковомъ намѣреніи Нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ Августѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ соединить усердныя мольбы ихъ съ Нашими теплыми молитвами: да изліется на Насъ и на царство Наше благодать Господня; да поможетъ Намъ Всемогущій, съ возложеніемъ вѣнца царскаго, возложить на Себя торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ— жить единственно для счастія подвластныхъ намъ народовъ; и да направитъ Онъ къ тому наитіемъ Всесвятаго Животворящаго Духа Своего всѣ помышленія, всѣ дѣянія наши» *).

Уже въ лагерѣ, въ Царскомъ Селѣ, мнѣ—пажу, перешедшему въ первый выпускной классъ, было объявлено ротнымъ командиромъ, полковникомъ Карломъ Карловичемъ Жирардотомъ, что я нахожусь въ числѣ пажей, которые ѣдутъ для участія въ торжествахъ коронованія.

10-го Августа 1856 года мы пріѣхали въ Москву, и помѣщены были въ отведенномъ для насъ домѣ, противъ Пашковскаго дома, занятаго тогда 4-й гимназіей, вблизи Боровицкихъ воротъ Кремля.

Москва до тѣхъ поръ извѣстна была мнѣ только проѣздомъ; въ ней я останавливался два-три дня. Всѣ мои свѣдѣнія ограничивались Кремлемъ, его дворцами, соборами, святыней, которой я приходилъ покланяться.

Пріѣхавъ въ Москву недѣлею ранѣе дня 17 Августа, назначеннаго для торжественнаго въѣзда Государя Императора, я воспользовался случаемъ ознакомиться съ нашею столицею, Русскою по преимуществу.

Въ концѣ Іюля и въ началѣ Августа 1856 года, народонаселеніе Москвы все болѣе и болѣе увеличивалось; къ этому нужно прибавить всю гвардію, которая вступила въ Москву, и частію расположена была на Ходынскомъ полѣ, а кавалерія размѣщена въ городѣ, на окраинахъ, а также въ подгородной слободѣ, въ Стрыдинѣ, въ Тушинѣ и проч. Москва готовилась увидѣть Царя своего «вѣнчанна и превознесенна».

Меня поражало движеніе на улицахъ, эта толпа, чего-то ожидающая, что́ особенно выражалось на простолюдинѣ. Въ Кремлѣ былъ слышенъ шумъ, происходившій отъ работъ для предстоящей иллюминаціи всего Кремля, Ивана Великаго, арсенала и т. д. Стѣны и башни Кремля до самыхъ вершинъ своихъ опоясались сѣтками, глава Ивана

---

*) Этотъ манифестъ былъ сочиненъ графомъ Д. Н. Блудовымъ. П. Б.

Великаго обратилась въ корону, въ городѣ театральная площадь обносится кругомъ арками, а равно университетъ, домà гр. Шереметева, генералъ-губернатора, украшены щитами съ вензелями, разными фигурами и орнаментами для иллюминаціи. На Тверской устроены мѣста для зрителей торжественнаго въѣзда.

Первые дни я много ходилъ по городу, чтобы понять немного его топографію. Былъ я и въ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ еще не были готовы балдахинъ и приготовляемое мѣсто для коронованія.

Всмотрѣвшись хорошенько въ Москву, замѣчаешь всю разницу ея съ Петербургомъ: дѣйствительно здѣсь Русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ. При видѣ священныхъ стѣнъ Кремля, невольно приходитъ въ голову множество историческихъ воспоминаній тѣсно связанныхъ съ исторіею Россіи, Москвы, тогда какъ Петербургъ—городъ Европейскій, космополитическій, созданіе Петра.

Осмотрѣвъ Кремль съ его соборами и другими достопримѣчательностями, я посѣтилъ Московскіе монастыри.

Въ Донскомъ мнѣ чрезвычайно понравилось монашеское пѣніе. Симоновъ монастырь привлекателенъ своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Всѣ вообще монастыри Московскіе дороги намъ, Русскимъ, богатыми историческими воспоминаніями, своею святыней, и интересны въ архитектурномъ отношеніи.

Древній обычай коронованія извѣстенъ былъ не только христіанскимъ государямъ, но и язычники въ числѣ обрядовъ своихъ имѣли обрядъ коронованія при вступленіи государей на престолъ. На барельефахъ Рамзеса Великаго мы видимъ изображеніе коронованія Египетскаго фараона. Римляне не имѣли торжественныхъ обрядовъ: императоры, вступая на престолъ, давали торжественные обѣты. Изъ Священнаго Писанія мы знаемъ о помазаніи на царство Саула, Давида и четырехъ другихъ царей Израильскихъ.

Что же за цѣль и въ чемъ состоитъ священное мvропомазаніе и вѣнчаніе на царство?

Епископъ Винницкій Макарій и архіепископъ Воронежскій Игнатій согласно опредѣляютъ мvропомазаніе слѣдующимъ образомъ:

«Мvропомазаніе царей на царство есть иная высшая степень сообщенія даровъ Св. Духа, потребныхъ для особеннаго, чрезвычайноважнаго, указываемаго Богомъ (Дан. 4, 22, 29) служенія царственнаго, высшая степень таинства, низводящая сугубый духъ на помазанниковъ Божіихъ».

Въ Россіи въ первый разъ упоминается о коронованіи или пастырскомъ благословеніи на царство Владимира Мономаха митрополитомъ Ефесскимъ Неофитомъ.

Государь Императоръ 14-го Августа 1856 года, по пріѣздѣ изъ С.-Петербурга, остановился въ Петровскомъ дворцѣ.

15 и 16 Августа Государь обозрѣвалъ лагерь, расположенный на Ходынскомъ полѣ.

17 Августа, въ Воскресеніе, происходилъ торжественный въѣздъ Ихъ Величествъ изъ Петровскаго дворца въ Москву. День 17 Августа весьма благопріятствовалъ удачному исполненію этого торжества. Съ ранняго утра все населеніе Москвы столпилось отъ Петровской заставы до самаго Кремля; по обѣимъ сторонамъ Тверской и Ямской были разставлены войска въ блестящихъ мундирахъ. Всѣ сіяли радостію, всѣ ждали съ нетерпѣніемъ любимаго Государя и, наконецъ, увидѣли великолѣпнѣйшее зрѣлище, торжественный въѣздъ, блескъ котораго трудно описать.

Государь Императоръ былъ верхомъ на сѣромъ конѣ, въ общегенеральскомъ мундирѣ, окруженный Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ въ атаманскомъ казачьемъ мундирѣ, Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, Великими Князьями, иностранными принцами и блестящей огромной свитой *).

За Государемъ слѣдовали парадныя золоченныя кареты. Въ первой подъ короною ѣхала вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна, во второй — Ея Императорское Величество Императрица Марія Александровна съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, и еще двѣ кареты съ Великими Княгинями Маріей Павловной (Саксенъ-Веймарнъ), Александрою Іосифовною, Еленою Павловною и Маріею Николаевною. Звонъ колоколовъ мѣшался съ шумомъ пальбы и голосомъ народа, искренно и единодушно покрывавшаго воздухъ своимъ ура! Величественное, великодушное лицо Монарха, его правильныя черты, его торжественная осанка воодушевляли толпу: это былъ воистину избранный рабъ Божій, приходившій принять на чело свое святое мѵро, это былъ Давидъ, возносившійся на Сіонъ.

До́ма по всему протяженію въѣзда были устланы сукномъ, бархатомъ, коврами и цвѣтами. У въѣзда въ столицу Государя встрѣтилъ Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, который потомъ присоединился къ свитѣ Его Величества.

---

*) Дежурными при Его Величествѣ были: генералъ-адъютантъ графъ Киселевъ †, генералъ-маіоръ свиты Его Величества Лужинъ †, флигель-адъютантъ Волковъ, нынѣ генералъ-адъютантъ, съ 1864 года генералъ отъ кавалеріи.

Миновавъ Тверскую, шествіе остановилось у Кремля и повернулось направо къ Спасскимъ воротамъ, гдѣ Государь подалъ примѣръ исполненія святаго обычая, снявъ свою каску при проѣздѣ чрезъ Спасскіе ворота, и остановился у Успенскаго Собора, гдѣ Московское духовенство, и во главѣ его митрополитъ Московскій Филаретъ, ожидали Августѣйшее Семейство. Императоръ вошелъ въ соборъ, приложился ко кресту, прикладывался къ иконамъ Спасителя и Владимирской Божіей Матери. На порогѣ святыхъ сѣней верховный маршалъ князь С. М. Голицынъ поднесъ Его Величеству хлѣбъ-соль.

Въ это время послѣдовалъ 101 выстрѣлъ изъ пушекъ, и во всѣхъ церквахъ начался колокольный звонъ, продолжавшійся весь день.

Уже темнѣло, когда Государь вернулся во дворецъ.

Въ этотъ день княгиня Е. П. Кочубей *) принимала лицъ дипломатическаго корпуса въ домѣ сына своего отъ перваго мужа князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, на Тверской, которыя оттуда и любовались торжественнымъ въѣздомъ.

18-го Августа вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна переѣхала на собственную дачу Александрію, а Государь Императоръ въ Императрицею Маріею Александровною переѣхали въ Останкино, близъ Москвы, имѣніе графа Д. Н. Шереметева (который по этому случаю заново отдѣлалъ свой домъ, издержавъ на это, говорятъ, 300,000 руб. сер.), гдѣ и пробыли до 25 Августа въ уединеніи, готовясь къ принятію святыхъ таинъ.

Между тѣмъ съ 23-го Августа происходило всенародное объявленіе чрезъ герольдовъ о днѣ предстоящаго коронованія. Это продолжалось три дня—23, 24 и 25 Августа. 25-го Августа утромъ, Императорскія регаліи перенесены изъ Оружейной Палаты въ тронную Андреевскую залу. Церемоніалъ коронованія составленъ по церемоніалу коронованія Императора Николая I, прототипомъ коего служитъ церемоніалъ 7-го Мая 1724 года, утвержденный Императоромъ Петромъ для коронованія супруги своей Императрицы Екатерины Алексѣевны (р. Скавронской). Такъ и теперь при коронованіи Его Величества 26-го Августа, шествіе началось взводомъ кавалергардовъ **) съ двумя офицерами, которые, дошедъ до церкви, становятся по обѣ стороны паперти, а по вступленіи всей процессіи въ церковь, пере-

*) По второму мужу, князю Василію Викторовичу Кочубею—двоюродная сестра моего отца.

**) Кавалергардія была учреждена Петромъ I для коронаціи Императрицы Екатерины; она шла впереди процессіи, за ней слѣдовали пажи Императрицы съ своимъ гофмейстеромъ и пр.

ходятъ къ сѣвернымъ дверямъ и тамъ ожидаютъ выхода Его Величества. Потомъ двадцать четыре пажа и столько же камеръ-пажей, съ ихъ ротнымъ командиромъ, прошедъ сквозь церковь, ожидаютъ окончанія службы въ Крестовой Сvнодальной Палатѣ.

По положенію Пажескаго корпуса, въ первомъ выпускномъ классѣ полагается 16 камеръ-пажей, а въ церемоніалѣ значится 24 камеръ-пажа; но высочайшимъ указомъ придворной конторѣ было пожаловано еще 12 камеръ-пажей, въ числѣ коихъ находился и я *).

Затѣмъ слѣдовала процессія въ порядкѣ, указанномъ въ церемоніалѣ. За верховнымъ маршаломъ княземъ Голицынымъ слѣдовалъ Его Величество, имѣя двухъ ассистентовъ, министровъ Двора и военнаго, дежурства, и командира Кавалергардскаго Ея Величества полка, графа Бреверна де-ла-Гарди, сегодня назначеннаго генералъ-адъютантомъ, съ обнаженнымъ палашемъ и каскою на головѣ. Балдахинъ надъ Ихъ Величествами несли шестнадцать генералъ-адъютантовъ генералъ-маіорскаго чина, а шнуры держали шестнадцать генералъ-адъютантовъ генералъ-лейтенантовъ.

Первый шнуръ съ правой стороны несъ князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ, герой Севастополя, бывшій воспитанникъ Пажескаго корпуса, котораго еще такъ недавно чествовалъ Пажескій корпусъ (29 Декабря 1855 года). Когда Ихъ Величества приблизились къ паперти Успенскаго собора, то ожидавшій ихъ митрополитъ Московскій Филаретъ (р. 1782 г.), уже короновавшій императора Николая I-го, сказалъ слѣдующую краткую, прочувствованную рѣчь:

«Благочестивѣйшій, Великій Государь! Преимущественно велико Твое настоящее пришествіе. Да будетъ достойно его срѣтеніе. Тебя сопровождаетъ—Россія. Тебя срѣтаетъ—Церковь. Молитвою любви и надежды напутствуетъ Тебя Россія. Съ молитвою любви и надежды пріемлетъ Тебя церковь. Столько молитвъ не проникнетъ ли въ небо?

---

*) Пожаловано было двѣнадцать камеръ-пажей, а не восемь, потому что изъ числа 16 бывшихъ четыре камеръ-пажа были оставлены на второй годъ въ корпусѣ, такъ какъ при производствѣ въ офицеры 16-го Іюня 1856 года имъ не было 17 лѣтъ. 26-го же Августа 1856 года камеръ-пажи эти были произведены въ офицеры.

Баронъ Фредериксъ—въ Преображенскій полкъ, нынѣ флигель-адъютантъ, полковникъ, военный агентъ въ Парижѣ.

Цеймернъ—въ Гатчинскій полкъ, нынѣ свиты Его Величества генералъ-маіоръ, Астраханскій губернаторъ.

Оржевскій — въ Измайловскій полкъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Философовъ — въ 1-й лейбъ-гвардейскій стрѣлковый баталіонъ, нынѣ камеръ-юнкеръ, секретарь королевы Эллиновъ.

Но кто достоинъ здѣсь благословить входъ Твой? Первопрестольникъ сей церкви, за пять вѣковъ донынѣ предрекшій славу царей на мѣстѣ семъ, святитель Петръ да станетъ предъ нами и, чрезъ его небесное благословеніе, благословеніе пренебесное да снидетъ на Тебя, и съ Тобою на Россію».

По окончаніи церковнаго обряда, Ихъ Величества царствующіе Императоръ и Императрица, облаченные въ царскія регаліи, имѣя на главахъ короны, а Государь скипетръ и державу, вышли изъ сѣверныхъ дверей Успенскаго собора по устроенному помосту, обитому краснымъ сукномъ, и подъ балдахиномъ, въ Архангельскій соборъ, гдѣ прикладывались къ святымъ иконамъ и мощамъ и поклонились гробамъ прежнихъ Русскихъ царей дома Рюрика. Въ этомъ шествіи было столько же величія, какъ и въ предшествовавшемъ церемоніалѣ. Громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, бой барабановъ, звуки музыки и громкое ура, съ окружающихъ соборную площадку высокихъ трибунъ, сливались въ одно торжественное, оглушительное привѣтствіе, а надъ этою величественною сценой народнаго восторга горѣло ясное небо, озаренное яркими лучами солнца. Тишина водворилась, когда Царь и Царица вошли въ Архангельскій соборъ, а оттуда прослѣдовали въ Благовѣщенскій соборъ.

Изъ Благовѣщенскаго собора Ихъ Величества направились къ Красному крыльцу и, взойдя на него, Государь три раза поклонился народу, «вѣнчанный и превознесенный». Воздухъ потрясся единодушнымъ восторженнымъ «ура!» послѣ чего торжество священнаго коронованія окончено. Ихъ Величества возвратились во внутренніе покои.

Нужно было быть самому свидѣтелемъ этого народнаго торжества, чтобы убѣдиться въ любви народной къ своему Государю-Помазаннику. Въ этотъ день, и въ продолженіе двухъ слѣдующихъ, 27 и 28 Августа, Москва была великолѣпно иллюминована.

Рядъ празднествъ по случаю коронованія открылся обѣдомъ въ Грановитой Палатѣ въ тотъ же день 26 Августа. На другой день 27 Августа былъ балъ въ Грановитой Палатѣ, 30 Августа торжественный спектакль въ Большомъ театрѣ, обѣдъ торжественный 1-го Сентября, и балъ 2-го Сентября въ Александровской залѣ, на которыхъ я не участвовалъ, а потому не описываю ихъ. На балу данномъ верховнымъ маршаломъ княземъ С. М. Голицынымъ, 4 Сентября, я былъ. Онъ очень былъ удаченъ, оживленъ, всѣ веселились; жаль только, что великолѣпныя комнаты стараго барскаго дома, на Пречистенкѣ, противъ строющагося Храма Спасителя, не велики, такъ что было довольно тѣсно.

Обѣдъ для пословъ, членовъ Государственнаго Совѣта, Сената, владѣтельныхъ особъ Кавказскаго и Закавказскаго края, 1 и 2 чиновъ Двора, генералъ-адъютантовъ, генералъ-маіоровъ свиты Его Величества, флигель-адъютантовъ, статсъ-секретарей, адъютантовъ Ихъ Высочествъ, и всѣхъ статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинъ, гофмейстеринъ и фрейлинъ, данъ былъ 5-го Сентября въ Георгіевской залѣ.

Вся огромная Георгіевская зала была покрыта столами, на которыхъ установлены были чудныя группы серебра; въ концѣ залы находились возвышенія или эстрады въ нѣсколько рядовъ, на которыхъ расположены были блюда и солонки, поднесенныя дворянствомъ и купечествомъ всѣхъ губерній при поздравленіи Ихъ Величествъ, по случаю коронованія, съ хлѣбомъ-солью *).

На обѣдѣ этомъ былъ и монсиньйоръ Флавіо изъ князей Шаги, кардиналъ-архіепископъ Мирасскій, чрезвычайный посолъ папы Пія IX. Я состоялъ камеръ-пажемъ при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, супругѣ герцога Георгія Мекленбургъ-Стрѣлицкаго.

Во время обѣда два хора музыки играли различные мотивы изъ оперъ. Зала блистала тысячами огней. Обѣдъ былъ утонченный. Государь и Императрица, послѣ обѣда, долго разговаривали съ иностранцами въ Александровскомъ залѣ и поздно возвратились во внутренніе покои.

7-го Сентября перенесеніе регалій изъ Грановитой Палаты въ Оружейную.

Народный праздникъ былъ данъ 8-го Сентября, въ день рожденія (1843 года) Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича. Утромъ, въ малой церкви Кремлевскаго Дворца, была обѣдня въ присутствіи Царской фамиліи, свиты и другихъ высокопоставленныхъ лицъ и офицеровъ лейбъ-гвардейскаго Гродненскаго гусарскаго и лейбъ-атаманскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полковъ.

Государь Императоръ поздравилъ офицеровъ этихъ полковъ съ днемъ рожденія ихъ шефа. Въ 12 часовъ долженъ былъ начаться народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.

Народный праздникъ былъ даваемъ всѣми Русскими императорами послѣ своего коронованія; это укоренившійся обычай—угощать свой народъ обѣдомъ и праздникомъ.

Ходынское поле было свидѣтелемъ въ 1774 году праздника, даннаго императрицею Екатериною II по случаю заключенія съ Турками

---

*) Блюдъ было поднесено Его Величеству семьдесять одно.

Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Съ тѣхъ поръ Ходынское поле не было свидѣтелемъ царскихъ угощеній и празднествъ.

Уже задолго до 26-го Августа 1856 года начались приготовленія къ народному празднику на Ходынкѣ *).

Почти противъ Петровскаго дворца былъ устроенъ царскій павильонъ въ видѣ круга, по бокамъ его съ двухъ сторонъ построено было по четыре деревянныхъ галлереи для дипломатическаго корпуса, первыхъ чиновъ двора и для прочихъ приглашенныхъ посѣтителей.

На ступеняхъ царскаго павильйона стояли дворцовые гренадеры, а съ правой и лѣвой сторонъ помѣщены были на эстрадахъ музыки Кавалергардскаго Ея Величества и Павловскаго полковъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи стояли столы, расположенные симметрически въ видѣ элипсиса; говорятъ, что столовъ было болѣе 650, вокругъ столовъ разставлены были деревья. Между столами и далѣе, по цѣлому полю, устроены были мѣста для акробатовъ и гимнастовъ, далѣе гладкіе столбы съ призами, лѣтнія горы, качели, карусели и другія игры и увеселительныя зрѣлища для народа. Тутъ же симметрически были расположены восемъ фонтановъ съ бѣлымъ и краснымъ виномъ. Столы были наполнены различными кушаніями и яствами.

Москва въ этотъ день была почти пуста: все населеніе ея и окрестностей сосредоточилось на Ходынскомъ полѣ. Отъ начала Тверской до Петровскаго дворца видна была масса народа и различные экипажи.

Собственно Ходынское поле составляло неразрывную пеструю толпу. Мнѣ кажется, еслибы бросить яблоко въ нихъ, оно бы не упало на землю, а удержалось бы на головахъ толпы.

Въ 6 часовъ утра народъ началъ идти на праздникъ, устраеваемый ему Государемъ. Къ сожалѣнію, неблагопріятная погода помѣшала полной удачѣ этого народнаго праздника; уже въ 9 часовъ утра погода не предвѣщала быть хорошею. Въ десятомъ часу пошелъ сильный дождь, не помѣшавшій народу продолжать идти на Ходынку.

Въ 11 часу я поѣхалъ на Ходынское поле, и удивился, что встрѣчалъ многихъ возвращающихся съ праздника, иной съ пустыми руками, другой переваливаясь съ ноги на ногу, третьи держали въ рукахъ ушаты, а нѣкоторые съ пустыми этажерками, на которыхъ находились кушанія, приготовленныя для праздника.

Я встрѣтилъ одного мужика, который возвращался, взваливъ на плеча барана, котораго онъ успѣлъ взять на Ходынскомъ полѣ, но

---

*) Такъ вообще называютъ въ Москвѣ Ходынское поле.

былъ немедленно настигнутъ ребятами, которыя, отнявъ у него барана, немедленно раздѣлили его между собою на части. Эти встрѣчи явно мнѣ показали, что народъ приступилъ къ угощенію; меня же это удивило, потому что на половинѣ дороги меня обогнали экипажи Великихъ Князей, иностранныхъ принцевъ, придворныя кареты и парадные экипажи иностранныхъ пословъ, между которыми самая элегантная карета принадлежала Французскому послу графу Де-Морни *).

Дѣло въ томъ, какъ оказалось, что въ 10 часовъ пробовали, хорошо ли подымается на павильйонѣ флагъ, который долженъ былъ возвѣстить народу о прибытіи Государя Императора; а народъ, сочтя поднятый флагъ сигналомъ пира, бросился къ столамъ и въ минуту расхваталъ всѣ припасы.

Много любопытныхъ, не смотря на дождь, слякоть и грязь, ѣхали на Ходынку, откуда многіе экипажи уже возвращались.

По пріѣздѣ Государя, въ часъ пополудни, спустили шаръ, и начались представленія для народа.

Въ ту минуту какъ Государь выѣзжалъ изъ Петровскаго дворца, дождь пересталъ; всѣ зрители въ галлереяхъ встали на мѣстахъ своихъ, войско отдало честь, хоры военной музыки гремѣли «Боже Царя храни», заглушаемое громкими кликами. Государь былъ верхомъ въ пальто. Онъ поскакалъ прямо къ народу и тамъ остановилъ лошадь, потомъ объѣхалъ равнину, на которой триста тысячъ народа съ утра ожидали своего возлюбленнаго Царя. Черезъ четверть часа Государь возвратился и вошелъ въ павильйонъ, куда въ то время уже подъѣхали Ихъ Величества, царствующая и вдовствующая Императрицы, Ихъ Высочества, Великія Княгини и Великіе Князья, малолѣтніе сыновья Государя. При входѣ Государя въ павильйонъ, развернулся Императорскій флагъ, и по этому сигналу пущены были фонтаны съ виномъ. Народъ мгновенно бросился къ фонтанамъ, и фонтаны скоро изсякли. Дождь снова пошелъ, и еще сильнѣе прежняго, когда Государь вошелъ въ павильйонъ. Пробывъ нѣкоторое время въ павильйонѣ, Царская Фамилія возвратилась въ Петровскій дворецъ въ экипажахъ, а Государь—верхомъ. Праздникъ продолжался недолго, вслѣдствіе сильнаго дождя и дурной погоды, которая помѣшала удачѣ этого торжества.

Я возвратился домой въ 2 часа, промокнувъ до костей.

Когда Государь возвращался изъ Петровскаго дворца въ Кремль, масса народа сопровождала его и почти что держалась у колесъ его экипажа, съ неумолкаемымъ сопровождавшимъ «ура».

---

*) Карета эта впослѣдствіи была пріобрѣтена нашимъ Дворомъ.

Нѣкоторые мужики, проходя мимо и дѣлая низкій поклонъ, въ тоже время крестились. Въ этомъ нельзя не видѣть чувства глубочайшаго благоговѣнія къ Государю, который началъ свое великодушное царствованіе дѣлами милосердія.

9-го Сентября былъ большой маскарадъ въ Кремлевскомъ дворцѣ. Маскарадъ этотъ былъ дѣйствительно чрезвычайно интересенъ и оригиналенъ; въ немъ участвовало до 10,000 человѣкъ, начиная отъ знатныхъ персонъ до мелочныхъ торговцевъ. Всѣ огромныя орденскія залы Кремлевскаго дворца были биткомъ набиты народомъ всякаго званія.

Маленькій дождь накрапывалъ въ этотъ вечеръ, и нѣкоторые купцы пришли, видно, пѣшкомъ, такъ что у нѣкоторыхъ на воротникахъ ихъ полукафтановъ видны были слѣды отъ дождя. Женщины въ Русскихъ народныхъ костюмахъ и сарафанахъ разныхъ губерній Россіи, другіе же въ бальныхъ нарядахъ. Русскія платья, кокошники, шитые жемчугомъ, бархатные и парчевые сарафаны съ батистовыми, отдѣланными кружевами корсажами, очень шли къ Русскимъ красавицамъ, которыхъ очень немало въ Московскомъ купечествѣ, и они украшали Московскій Кремль.

Государь Императоръ и Великіе Князья были въ формѣ стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи, которая подходитъ подъ національный костюмъ: мерлушья черная шапка, кафтанъ Русскаго покроя, широкіе шаровары и высокіе сапоги. Государю очень шла эта чисто-Русская форма одежды.

Императрицы и Великія Княгини были въ національныхъ роскошныхъ костюмахъ и поражали блескомъ бриллiантовъ и драгоцѣнныхъ камней. Музыка заиграла народный гимнъ и возвѣстила тѣмъ о прибытіи Государя Императора. Государь вошелъ подъ руку съ вдовствующею Императрицею Александрою Ѳеодоровною, при восторженныхъ громогласныхъ, единодушныхъ крикахъ «ура».

За Государемъ въ полонезѣ шли Царская Фамилія и нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ.

Всѣ старались ближе пробраться къ полонезу, состоявшему изъ Царской Фамиліи, чтобы насладиться лицезрѣніемъ любимаго Монарха. Во всемъ народѣ было видно выраженіе любви и преданности, наполнявшей сердца присутствовавшихъ.

Ихъ Величества въ десять часовъ кушали чай во Владимирской залѣ, а для приглашенныхъ были приготовлены буфеты, изобильно наполненные великолѣпною посудою; тамъ были чай, медъ, вина, конфекты и прочее.

10-го Сентября Государь присутствовалъ на маневрахъ, а вечеромъ былъ балъ въ Дворянскомъ Собраніи, данный Его Величеству Московскимъ дворянствомъ. Балъ былъ очень удаченъ; было нѣсколько тысячъ приглашенныхъ, въ блистательныхъ костюмахъ, которые придавали большую прелесть великолѣпнымъ огромнымъ заламъ вновь отдѣланнаго дворянскаго дома, освѣщеннаго тысячами огней.

12-го Сентября былъ балъ у Англійскаго посла лорда графа Гренвиля.

Лордъ Гренвиль занималъ въ Москвѣ домъ графини Граціани, на Пречистенкѣ, въ коемъ не было большой танцовальной залы; а потому оказалось нужнымъ построить огромную залу. Объ этомъ было много говорено, но ничего въ этой залѣ не было особенно замѣчательнаго. Къ послѣдней комнатѣ, во второмъ этажѣ, пристроена была длинная зала - палатка, обитая парусиной, красной, полосатой съ бѣлымъ; а также у входа въ домъ устроена была особая лѣстница, обитая коврами, примыкающая къ парадной лѣстницѣ дома, по которой вошла только Императорская Фамилія. Лордъ Гренвиль съ супругой встрѣтили Ихъ Величества на лѣстницѣ, у входа въ домъ.

Комнаты въ домѣ графини Граціани были изящно убраны; въ гостиной графа находился великолѣпный портретъ во весь ростъ королевы Англійской Викторіи, сдѣланный въ ея молодости. Роскошь была большая во всемъ. Для Императорской Фамиліи и высокопоставленныхъ лицъ былъ ужинъ, а для всей остальной публики были устроены многочисленные буфеты, такъ что всѣ почти ужинали стоя. Я обратилъ вниманіе, что, кромѣ всевозможныхъ яствъ, на буфетахъ лежали блюда съ холодными раками, которые въ продолженіи ужина такъ и остались нетронутыми. Прислуга была въ великолѣпныхъ ливреяхъ, но преимущественно Англійская, такъ что немногіе изъ нихъ умѣли говорить по французски.

Столы блистали великолѣпнымъ серебромъ: Гренвиль привезъ не только свое многочисленное серебро, но и серебро своего дяди герцога Девонширскаго, бывшаго чрезвычайнымъ посломъ на коронаціи Императора Николая I въ 1826 году.

Англійскій посолъ графъ Гренвиль принадлежитъ къ аристократамъ Англійскимъ; онъ, кажется, кавалеръ Подвязки; на видъ ему пятьдесятъ лѣтъ, онъ небольшаго роста, съ рыжеватыми волосами, безъ усовъ, но съ бородою, въ которой проглядываетъ сѣдина; у него типичное Англійское лицо.

На балу у Гренвиля я познакомился съ нѣкоторыми членами чрезвычайнаго Англійскаго посольства.

Сэръ Робертъ Пиль (Sir Robert Peel и L. Emily Peel), сынъ знаменитаго государственнаго человѣка Англіи, высокій, рыжій и неуклюжій Англичанинъ. Жена его въ полномъ смыслѣ красавица, хотя и небольшаго роста *).

Мы съ нимъ недолго разговаривали: разговоръ съ незнакомымъ какъ-то не клеился, хотя онъ говорилъ хорошо и, какъ я замѣтилъ, дѣлалъ болѣе наблюденія. Во время моего разговора, жена его, красивая леди, подходила къ нему, чтобы что-то сказать, и потомъ снова пустилась танцовать. Сэръ Пиль показался мнѣ умнымъ человѣкомъ. Каково же было мое удивленіе, когда я прочиталъ въ газетахъ отрывокъ изъ его рѣчи, произнесенной имъ въ Букингамѣ. Не понимаю, какъ можно быть такъ неблагороднымъ и неблагодарнымъ. Послѣ столь любезнаго пріема, какой оказали Русскіе благородному лорду, нужно было отплатить злостію и подлою ложью. Не только Русскіе, но и Англичане находятъ, что подобныя рѣчи можно произносить послѣ обѣда, а не до, и пускать свои слова на смѣхъ аудиторіи неприлично. У насъ на Масляницѣ Русскій мужикъ посмѣшитъ лучше Англійскаго лорда.

Будемъ надѣяться, что не всѣ Англичане такъ неблаговидно поступятъ.

Мнѣ очень понравился мистеръ Жеральдъ Понсомби (m. honorable Gerald Ponsomby). Наружности непривлекательной, но очень умный и пріятный человѣкъ. Долго я съ нимъ говорилъ о Москвѣ и Петербургѣ. Онъ мнѣ далъ свою визитную карточку **) съ Лондонскимъ своимъ адресомъ, прося непремѣнно его навѣстить при первой моей поѣздкѣ въ Англію.

Г. Понсомби познакомилъ меня съ докторомъ Англійскаго посольства Сэндвичемъ (Sandwith), который былъ докторомъ въ Карсѣ и находился при сдачѣ Карса генералу Муравьеву. Сэндвичъ украшенъ Англійскимъ орденомъ Бани и Турецкою звѣздою, кажется, Меджидіе. Мнѣ онъ очень показался симпатиченъ, не знаю отъ того ли, что онъ написалъ исторію взятія Карса, или отъ того, что онъ хвалилъ

---

*) Впослѣдствіи я видѣлъ ея портретъ гравированный въ одномъ изъ Лондонскихъ кипсековъ, который я тогда же пріобрѣлъ въ книжномъ магазинѣ Беллизара въ С.-Петербургѣ.

**) Карточка эта до сихъ поръ у меня сохраняется, но бывъ въ Лондонѣ въ первый разъ въ 1864 году, восемь лѣтъ спустя, я его любезнымъ приглашеніемъ не воспользовался.

Николая Николаевича Муравьева *), его воинскія доблести, твердость характера, разумныя распоряженія и храбрость, благородство и неустрашимость Русскихъ воиновъ на Кавказѣ.

Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ поднесъ одинъ экземпляръ своего сочиненія о Карсѣ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, вдовѣ герцога Лейхтенбергскаго.

На томъ же балѣ лорда Гренвиля я разговаривалъ съ полковникомъ конной артиллеріи Море.

Полковникъ Море участвовалъ въ осадѣ Севастополя и командовалъ баттареею при штурмѣ 27-го Августа 1855 г. Онъ украшенъ орденомъ Бани,—признакъ военнаго отличія, и серебрянною медалью за Крымскую экспедицію, съ портретомъ королевы Викторіи; медаль надѣта на свѣтлоголубой лентѣ, на которой помѣщены три серебряныя дощечки, съ надписями Inkerman, Alma, Sevastopol.

15-го Сентября былъ балъ у Австрійскаго посла князя Эстергази, на которомъ я не былъ; говорятъ, что этотъ балъ былъ самый удачный и самый роскошный. Князь Павелъ Эстергази знаменитъ въ Европѣ своимъ богатствомъ и умѣньемъ выказать его.

Я думаю, многіе слышали мною здѣсь передаваемый анекдотъ. Разсказываютъ, что князь Эстергази имѣлъ одно время обыкновеніе прогуливаться верхомъ, по утрамъ, на великолѣпномъ жеребцѣ, подкованномъ серебряными подковами. Одна изъ этихъ подковъ, разумѣется съ намѣреніемъ, бывала всегда такъ слабо прикрѣплена къ лошадиному копыту, что лошадь ежедневно теряла ее. Понятно, что вслѣдствіе этого ежедневныя прогулки князя Эстергази очень походили на торжественные поѣзды, потому что многочисленная толпа охотниковъ до серебряныхъ подковъ постоянно сопровождала его **).

Великолѣпный Венгерскій костюмъ князя весь усыпанъ серебромъ и брилліантами, пуговицы и даже шпоры брилліантовые, сабля вся покрыта драгоцѣнными камнями. Всѣ обратили вниманіе на гусаръ собственнаго конвоя князя Эстергази и на великолѣпныхъ, имъ приведенныхъ, лошадей.

Свита Австрійскаго посла состояла тоже изъ Австрійскихъ аристократовъ, князя Шварценберга, князя Николая Эстергази, кн. Туръ

*) 26-го Августа 1856 года намѣстникомъ на Кавказъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

**) Въ послѣдствіи князь Эстергази разстроилъ свое состояніе. Великолѣпная его картинная галлерея была продана и составляетъ нынѣ національное достояніе королевства Венгерскаго. Я ее видѣлъ въ Пештѣ въ нынѣшнемъ 1883 году весною.

и-Таксисъ, графа Аппони, гр. Хотека; всѣ они очень элегантны и на видъ молодцы. Что касается до благородства политики Австрійской, то еще недавно Россія испытала благодарность за наше великодушіе 1849 года. Я вспоминаю при этомъ разговоръ покойнаго императора Николая Павловича съ однимъ изъ генералъ-адъютантовъ Польскаго происхожденія—Ржевусскимъ или Радзивиломъ, когда онъ сравнивалъ себя съ Собѣсскимъ.

16-го Сентября былъ балъ у Французскаго посла графа Де-Морни.

Графъ Морни, братъ императора Наполеона, игралъ важную роль въ событіяхъ совершившихся въ послѣднее время во Франціи, когда, при совершеніи государственнаго переворота 2-го Декабря 1851 года, онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ заслугу графа Морни ставятъ ему, что онъ отказался отъ министерства, когда Наполеонъ III, не смотря на его настоятельные совѣты, подписалъ декретъ о конфискаціи имуществъ Орлеанскаго дома.

Графъ Морни очень богатъ, потому что принималъ участіе во всѣхъ важныхъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, состоявшихся во Франціи въ послѣднее время. Кромѣ того императорское правительство ассигновало на его расходы во время коронаціи милліонъ франковъ.

Свита графа Морни состояла между прочимъ изъ генераловъ Лебефа артиллериста, Фроссара инженера, Дюмона, принца Мюрата, родственника Императору, и герцога Грамонъ-Кадеруза.

Графу Морни лѣтъ 50 съ небольшимъ, онъ средняго роста, плѣшивъ, носитъ усы и эспаньелку Наполеоновскую, и похожъ очень на императора Наполеона III. Въ домѣ занимаемомъ Французскимъ посольствомъ и принадлежащемъ г. Римскому-Корсакову, на Страстномъ бульварѣ у Страстнаго женскаго монастыря, выстроена была огромная зала, отдѣланная съ большимъ вкусомъ и изяществомъ, съ куполами; чрезъ золоченыя рѣшетки стѣнъ вился живописно плющъ.

Графъ Морни не женатъ, а потому хозяйкою бала была у него баронесса Зебахъ, р. графиня Нессельроде *). Государь Императоръ былъ встрѣченъ у входа въ домъ Французскимъ посольствомъ. При входѣ Ихъ Величествъ въ залу, оркестръ встрѣтилъ ихъ прибытіе Русскимъ народнымъ гимномъ. Государь былъ въ новой формѣ лейбъ-гусарскаго имени своего полка, въ бѣломъ ментикѣ, опушенномъ кру-

---

*) Дочь государственаго канцлера, супруга чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Саксонскаго барона Зебаха, присутствовавшаго тоже на коронаціи отъ Саксоніи.

гомъ великолѣпнымъ бобромъ, въ красной лентѣ Почетнаго Легіона чрезъ плечо, и со звѣздою на груди. Изъ Русскихъ только князь А. Ѳ. Орловъ (пожалованный княземъ 26 Августа 1856 г.) имѣлъ звѣзду и ленту Почетнаго Легіона, остальные Русскіе имѣли шейные, а болѣе петличные ордена Почетнаго Легіона.

Балъ графа Морни былъ великолѣпенъ, видна была Французская распорядительность, прислуга въ роскошныхъ ливреяхъ, чрезвычайно вѣжливая, всего было въ изобиліи, ужинъ превосходный.

Домъ, занимаемый посольствомъ, былъ роскошно иллюминованъ. Разноцвѣтные огни, флаги, украшали домъ, который блестѣлъ весь въ огняхъ, и на темной площади представлялъ видъ какого-то воздушнаго замка.

Ступени парадной лѣстницы были заняты лакеями въ великолѣпныхъ ливреяхъ, напудренные, а внизу швейцаръ съ булавою ударялъ по полу при входѣ каждаго. Балъ былъ какъ возможно болѣе удаченъ, наряды дамъ блистали своею роскошью, элегантностію и изяществомъ. Очень много было красавицъ; особенно мила была моложенькая 16-лѣтняя, только что начинавшая выѣзжать въ свѣтъ, княжна Трубецкая, которая вскорѣ послѣ коронаціи вышла замужъ за стараго для нея графа Морни.

Княжну Трубецкую я зналъ: она воспитывалась съ моею сестрою въ Екатерининскомъ институтѣ, я ее видалъ въ институтѣ, а потому на балу невольно обратилъ на нее вниманіе; она была прелесть какъ очаровательна.

Графъ Морни и князь Эстергази были въ звѣздахъ и лентахъ Андреевскихъ, имъ обоимъ пожалованныхъ во время коронаціи. Вѣроятно на этомъ балу графу Морни понравилась прелестная княжна Трубецкая, тогда еще совершенное дитя *).

---

*) Княжна Трубецкая, будучи въ Екатерининскомъ Институтѣ, съ своею двоюродною сестрою Устиновой, написала Французскій романъ; она, какъ мы видѣли выше, вышла вскорѣ замужъ за графа Морни, который былъ старше ея 35 годами, но за то очень богатъ, а равно былъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей Второй Имперіи, и она, явившись въ Парижъ, вошла въ лучшее аристократическое общество, въ салоны императрицы Евгеніи и блистала своею красотою. Если она не была счастлива съ старымъ мужемъ, нравственность котораго, судя по памфлетамъ о Наполеонѣ и его дворѣ, была самаго низкаго достоинства, то имѣла чего искала, блескъ и успѣхъ въ свѣтѣ. Овдовѣвъ герцогинею Морни, съ сыномъ и двумя дочерьми, она вышла за Испанскаго гранда и герцога Сесто, человѣка молодаго и съ громаднымъ состояніемъ. Во Франціи герцогиня Морни перешла въ католицизмъ. Прошло 17 лѣтъ послѣ коронаціи, и я въ 1873 году видѣлъ вновь бывшую княжну Трубецкую, тогда уже за герцогомъ Сесто, съ которымъ она меня познакомила на Вѣнской выставкѣ, и мы вмѣстѣ съ П. П. Демидовымъ, женатымъ на княжнѣ Е. П. Трубецкой, дальней родственницѣ герцогини Сесто, обѣдали въ Англійскомъ ресторанѣ на выставкѣ.

Финаломъ и окончаніемъ всѣхъ празднествъ, данныхъ по случаю коронаціи, былъ фейерверкъ 17-го Сентября, на Лефортовскомъ полѣ, противъ Головинскаго дворца, занимаемаго нынѣ 1-мъ и 2-мъ Кадетскими корпусами.

На большомъ балконѣ Головинскаго дворца помѣщалась Царская Фамилія, и я тоже, какъ камеръ-пажъ Великой Княгини Екатерины Михайловны, стоялъ на этомъ балконѣ, а потому видѣлъ отлично весь фейерверкъ. Сигналомъ начала фейерверка былъ огненный голубь, который слетѣлъ съ балкона на корзину съ цвѣтами, которая вмѣстѣ съ колонной вдругъ превратилась въ розовый кустъ, а свѣтлокрылая бабочка полетѣла къ рощѣ. Послѣ всевозможныхъ ракетъ открылась картина—памятникъ Сусанину, воздвигнутый въ Костромѣ; въ это время музыка играла каватину изъ «Жизни за Царя»; потомъ была картина—памятникъ Петру Великому въ С.-Петербургѣ; третья картина была Тріумфальные Петербургскіе ворота, и при появленіи ея раздался народный гимнъ, исполненный 1000 пѣвчихъ и 2000 музыкантовъ. Пушечные выстрѣлы замѣняли большой барабанъ и литавры. Возвращаясь въ Москву, мы видѣли зарево надъ Кремлемъ; оказалось, что башни, стѣны Кремля и прибрежная часть Замоскворѣчья были иллюминованы точно такъ, какъ въ первые три дня послѣ коронаціи. Къ сожалѣнію фейерверкъ, котораго Москва ожидала съ нетерпѣніемъ, не оправдалъ ихъ ожиданій. Несмотря на огромныя издержки, искусство не могло бороться съ природою, которая воспрепятствовала удачѣ его исполненія.

Небо было покрыто тучами, которыя не разсѣевались, ибо вѣтра при этомъ совершенно не было, воздухъ былъ тихій, невозмутимый. Транспаранты не имѣли надлежащаго вида, можетъ отъ того, что площадь, на которой все это устроено, была слишкомъ велика. Лучше всего были тѣ моменты, когда пускали массу ракетъ съ парашютами, вдругъ освѣщавшими Кремль и всю Москву, которая блистала во всемъ тогда своемъ блескѣ. Поздно вечеромъ мы возвратились изъ Головинскаго дворца въ домъ занимаемый пажами, чтобы на другой день 18-го выѣхать изъ Москвы и 19-го Сентября возвратиться въ Пажескій корпусъ и начать ученіе.

Герцогъ Сесто тогда, въ 1873 г., былъ нѣчто въ родѣ попечителя-воспитателя при принцѣ Астурійскомъ Альфонсѣ, который обучался въ Вѣнскомъ Терезіанумѣ. Бывшая королева Испанская Изабелла тоже была въ то время въ Вѣнѣ на выставкѣ. Со вступленія Альфонса на Испанскій престолъ въ Январѣ 1875 года, герцогъ Сесто сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ молодаго короля, и состоитъ оберъ-гофмаршаломъ короля и управляетъ его дворомъ. Онъ однихъ лѣтъ съ женою, небольшаго роста, и имѣетъ очень пріятную наружность. Дѣтей у нихъ нѣтъ.

Говоря о балахъ данныхъ иностранными послами, я сказалъ нѣсколько словъ о нихъ; теперь долженъ прибавить, что кромѣ пословъ, на коронацію пріѣзжали:

Принцъ Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ [1]). Въ его свитѣ находился адъютантъ его генералъ-маіоръ баронъ Мольтке [2]).

Принцъ Гогенцоллернъ-Зигмаринскій. Принцъ Николай Нассаускій, племянникъ Великой Княгини Елены Павловны [3]).

Принцъ Фридрихъ Виртембергскій. Принцъ Александръ Гессенскій [4]), братъ Императрицы Маріи Александровны.

Принцъ Людвигъ Гессенъ-Дармштатскій [5]) и братъ его принцъ Генрихъ, родные племянники Императрицы.

Принцъ Фридрихъ Нидерландскій.

Маленькая Бельгія прислала тоже на коронацію своего чрезвычайнаго посла князя де-Линя (prince de Ligne), извѣстнаго богача и аристократа. Онъ высокаго роста, пріятной наружности и весь украшенъ первостепенными орденами всѣхъ государствъ, и между прочимъ кавалеръ Почетнаго Легіона первой степени. Ему предложена была звѣзда Александра Невскаго, бриллiантами украшенная; но онъ, какъ кавалеръ высшихъ орденовъ, отказался, и потому получилъ въ видѣ подарка бриллiантовую табакерку съ портретомъ Его Величества, равно какъ и Гренвиль, какъ Англичанинъ (имъ не разрѣшено получать иностранныхъ орденовъ). Князь Эстергази и графъ Морни получили Андреевскій орденъ [6]).

Торжественные выходы были очень часто при Дворѣ, и всѣ они отличались особеннымъ великолѣпіемъ.

---

[1]) Нынѣ наслѣдный Принцъ Прусскій, р. 1831 года.

[2]) Получилъ 26-го Августа 1856 года орденъ Св. Станислава первой степени. Въ послѣдствіи знаменитый генералъ-фельдмаршалъ графъ Мольтке, Андреевскій кавалеръ.

[3]) Въ послѣдствіи женившійся на разведенной женѣ М. Л. Дубельта, Наталіи Александровнѣ, дочери Пушкина, народнаго поэта, получившей въ морганатическомъ бракѣ титулъ и фамилію графини Меренбергъ.

[4]) Женатый на графинѣ Гауке, получившей фамилію принцессы Баттенбергъ, отецъ князя Болгарскаго Александра.

[5]) Нынѣшній владѣтельный великій герцогъ Гессенскій Людвигъ IV, тогда студентъ Гейдельбергскаго университета, очень красивой наружности, имѣвшій фамильное сходство съ Императрицею и двоюроднымъ своимъ братомъ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ.

[6]) Бриллiантовая звѣзда Александра Невскаго въ десять тысячъ рублей, предназначенная князю де-Линь, отъ которой онъ отказался, была пожалована 26-го Августа генералъ-адъютанту князю Александру Аркадіевичу Италійскому, графу Суворову-Рымникскому. Онъ ее завѣщалъ дочери своей Александрѣ Александровнѣ Козловой. Въ послѣдствіи князь Суворовъ получилъ бриллiантовые знаки къ ордену Св. Андрея Первозваннаго, но уже стоимостію въ пять тысячъ рублей серебромъ. (Слышалъ отъ князя Суворова).

Роскошные залы Кремлевскаго дворца, наполненные военными, придворными, представителями всѣхъ племенъ Кавказскихъ и Закавказскихъ, въ ихъ роскошныхъ національныхъ костюмахъ, выборные всей земли и, наконецъ, иностранные послы съ ихъ свитами, все это вмѣстѣ взятое составляло великолѣпную картину и придавало Двору Царя Всероссійскаго что-то обаятельное, поразительное, чтó можно видѣть только въ такое торжество, и чтó трудно описать.

Кромѣ частыхъ торжественныхъ выходовъ при Дворѣ, Кремлевскій дворецъ былъ свидѣтелемъ многихъ поздравленій, принесенныхъ Его Величеству. Самый трогательный пріемъ былъ поднесеніе хлѣба-соли выборными всей земли Русской. Представители государственныхъ поселянъ, поднося хлѣбъ-соль, удостоились услышать слѣдующія незабвенныя слова Государя Императора:

«Спасибо вамъ, искренно благодарю васъ за вашу преданность и усердіе; вы лучше всего доказали ихъ въ годину минувшей войны. Я увѣренъ, что и впредъ вы докажете Мнѣ свою преданность. Молитесь Богу, чтобы Онъ помогъ мнѣ въ трудахъ моихъ, а я буду молиться за васъ. Передайте это всѣмъ государственнымъ крестьянамъ и колонистамъ».

Государь Императоръ, по примѣру своихъ предковъ, окончилъ священное коронованіе богомольною поѣздкою въ Троице-Сергіеву лавру, чтобы поклониться мощамъ Преподобнаго, покровителя и поборника земли Русской, совѣтника Дмитрія Донскаго.

Какъ утѣшителенъ примѣръ Русскаго Царя для подданныхъ его. Государь началъ мирнымъ отдохновеніемъ отъ царственныхъ заботъ и благочестивымъ говѣніемъ въ сельскомъ храмѣ Останкина приготовливаясь къ совершенію коронованія. Совершился великій обрядъ въ жизни Монарха, и Государь молитвою надъ гробомъ Святаго оканчиваетъ свершившееся дѣло. Тамъ же Ихъ Величества принесли въ даръ и собственноручно возложили драгоцѣнный покровъ на главу Преподобнаго Сергія. Въ Сергіевой лаврѣ Ихъ Величества изъ старческихъ рукъ архипастыря Филарета получили благословеніе, при чемъ изъ устъ краснорѣчиваго пастыря излилось душевное привѣтствіе.

Къ счастію всѣ торжества коронаціи удались, балы имѣли большой успѣхъ, награды и милости 26 Августа были обращены животворною рукою на всѣ классы общества. Изъ выдающихся наградъ упомяну о слѣдующихъ: князь Воронцовъ *), бывшій въ царствованіе Императора Николая I намѣстникомъ Кавказскимъ, пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы. Графъ Орловъ пожалованъ въ княжеское

*) Умеръ въ Ноябрѣ 1856 года.

достоинство. Олсуфьевъ, Рибопьеръ, Бергъ и Сумароковъ пожалованы въ графское достоинство. Княгиня Дадіанъ—получила орденъ св. Екатерины первой степени. Ея девятилѣтній сынъ князь Николай Дадіанъ *), владѣтель Мингреліи, назначенъ флигель-адъютантомъ, младшій князь Андрей **) произведенъ въ корнеты въ Собственный Его Величества конвой. Назначено нѣсколько генералъ-адъютантовъ, свиты генералъ-маіоровъ и флигель-адъютантовъ. Генералъ-адъютантъ Барятинскій назначенъ намѣстникомъ Кавказскимъ.

По манифесту 26-го Августа 1856 года были дарованы слѣдующія льготы и благодѣянія.

1) Жителямъ губерній, пострадавшихъ въ Севастопольскую войну.

2) Лицамъ, оказавшимся несостоятельными должниками передъ казной.

3) Лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за политическія преступленія. Нѣкоторые изъ нихъ возвращены на родину, остальные получили облегченіе участи на нѣсколько степеней.

4) Лицамъ, подвергшимся или имѣющимъ подвергнуться наказаніямъ за какія-нибудь другія преступленія.

5) Рекрутскіе наборы отмѣнены на три года.

6) Облегчено отбываніе воинской повинности для западныхъ губерній и Евреевъ. Что болѣе всего обрадовало всѣхъ, это прощеніе 32 декабристовъ, которые съ 1826 г., въ теченіи тридцати лѣтъ, во все царствованіе Императора Николая, томились въ хладной Сибири и искупали свои грѣхи, совершенные многими въ годахъ юности, необдумывающей свои поступки. Имъ возвращены дворянскія права и титулы, и это распространено не только на оставшихся въ живыхъ, но и на дѣтей тѣхъ изъ осужденныхъ, которые умерли въ ссылкѣ.

По поводу коронаціи, невольно вспоминаешь «Видѣніе», пророческое стихотвореніе Рылѣева ***), написанное 30-го Августа 1823 года, когда Его Величеству было всего пять лѣтъ.

Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

---

*) Князь Мингрельскій, нынѣ полковникъ и флигель-адъютантъ.

**) Князь Дадіанъ—ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, въ отставкѣ.

***) Литературные Листки Ѳ. Булгарина 1823 г., № 2, стр. 39—40.

Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри — въ волненіи народы,
Смотри — въ движеньи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ:
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать,
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы,
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ
Науками очисти нравы,
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишьболѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

По отъѣздѣ Государя въ Петербургъ Москва опустѣла, всѣ разъѣхались, и Москва приняла обычный свой видъ. Жители губернскихъ городовъ, которые не могли быть въ Москвѣ, праздновали торжество коронаціи въ своихъ городахъ. Кіевъ, Одесса, Казань, наперерывъ старались перещеголять другъ друга.

Послѣ Московскихъ празднествъ и торжествъ Его Величеству угодно было обрадовать и Петербургъ торжественнымъ въѣздомъ 2-го Октября 1856 года изъ Москвы. Въ этотъ день Петербургъ впервыя узрѣлъ своего возлюбленнаго коронованнаго Самодержца.

Торжественный въѣздъ я смотрѣлъ со ступеней Казанскаго собора. День и погода весьма благопріятствовали въѣзду; несмотря на осенній мѣсяцъ, было очень тепло, солнце сіяло и освѣтило мѣстность, наполненную и испещренную народомъ, войсками въ красивыхъ гвардейскихъ новыхъ мундирахъ. Церемоніалъ въѣзда — повтореніе Московскаго съ нѣкоторыми измѣненіями. Царскихъ каретъ было всего двѣ; въ первой каретѣ, украшенной Императорскою короною, ѣхала Ея Величество Императрица Марія Александровна съ девятилѣтнимъ сыномъ Великимъ Княземъ Владимиромъ Александровичемъ. Во второй каретѣ Великая Княгиня Александра Іосифовна. Государь Императоръ, окруженный Великими Князьями и многочисленной блестящей свитою, былъ верхомъ. У Казанскаго собора вся процессія остановилась, Государь и Великіе Князья сошли съ лошадей и, сопровождаемые Ея Величествомъ и Великою Княгинею Александрою Іосифовною, вступили въ Казанскій соборъ. На верхней площадкѣ Ихъ Величества были встрѣчены новымъ пастыремъ Петербургской паствы, митрополитомъ Григоріемъ *); окруженный духовенствомъ, окропивъ ихъ святою водою, онъ произнесъ краткую привѣтственную рѣчь.

Послѣ краткаго молебна, шествіе продолжалось отъ Казанскаго собора по Невскому, Малой Милліонной и Адмиралтейской площади, которыя были усѣяны войсками, до Зимняго дворца. Во время всего шествія голосъ народа и войска сливался въ одно единодушное и громкое «ура!»

Въ этотъ день городъ былъ великолѣпно иллюминованъ. Говорятъ, что иллюминаціи Петербурга 26-го Августа и 2-го Октября мало чѣмъ уступали Московской иллюминаціи. Вскорѣ потомъ дворянствомъ Петербургской губерніи былъ предложенъ Ихъ Величествамъ балъ въ дворянскомъ собраніи, который отличался роскошью и изяществомъ. Этимъ и закончились торжества коронаціи, воспоминанія о которыхъ долго будутъ жить въ тѣхъ, которые принимали въ нихъ участіе.

*

Оканчиваю мои воспоминанія о короновании Александра II-го описаніемъ, какъ праздновалъ оную мой скромный городъ Черниговъ, въ которомъ я родился, въ которомъ у моего отца старинный предковскій домъ (изъ письма полученнаго изъ Чернигова 31-го Августа 1856 года).

---

*) Митрополитъ Григорій, бывшій Казанскій архіепископъ, получилъ званіе митрополита въ день коронаціи, оставаясь Казанскимъ, а по случаю смерти митрополита Никанора, заболѣвшаго во время коронаціи и вскорѣ умершаго, назначенъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ.

30-го Августа, въ день тезоименитства Его Величества, когда пріѣхалъ изъ Кіева курьеръ и далъ знать городу, что 26-го Августа дѣйствительно Царь короновался, то объявленіями прибитыми на всѣхъ столбахъ, гдѣ висятъ фонари, извѣщено было жителямъ Чернигова о предстоящей въ тотъ день иллюминаціи, къ которой приготовленія дѣлались уже давно, а въ 8½ и 9 ч. пущено на Красномъ мосту 6 ракетъ, и вдругъ по послѣдней ракетѣ различными огнями освѣтился весь городъ. Старожилы Черниговскіе не запомнятъ подобной иллюминаціи; всѣ присутственныя мѣста, многіе частные дома, богоугодныя заведенія, губернская гимназія, Константиновскій садъ и другія зданія украсились великолѣпными транспарантами, съ приличными каждому мѣсту надписями. Всѣхъ транспарантовъ было до 26. На домѣ почтовой станціи транспарантъ изображалъ Діану, везомую двумя Пегасами съ надписью:

«Летитъ быстрѣй стрѣлы Царево слово,
И все на зовъ Царя у насъ готово».

Наконецъ булочникъ сдѣлалъ слѣдующую надпись на транспарантѣ:

«Кто не вѣруетъ Царю,
Того въ печку посажу».

Всего великолѣпнѣе были иллюминованы богоугодное заведеніе и домъ гражданскаго губернатора, при которомъ устроены были тріумфальные ворота, увитые изящно зеленью съ надписью:

«Царь коронуется,
Россія торжествуетъ.»

При этомъ на площадяхъ играло четыре хора музыки, и народъ наслаждался этимъ зрѣлищемъ до часа ночи.

При полученіи Высочайшаго манифеста праздникъ этотъ повторился. Черниговцы, долго, долго будутъ помнить празднованіе коронаціи любимаго нашего Царя.

Росписаніе дней празднествъ по случаю коронованія.

Воскресенье 17 Августа. Торжественный въѣздъ въ Москву.

Воскресенье 26 Августа. Священное коронованіе. Обѣдъ въ Грановитой Палатѣ.

Понедѣльникъ 27 Августа. Поздравленіе отъ членовъ Сѵнода, высшаго духовенства, Государственнаго Совѣта, Сената, дипломатическаго корпуса, губернскихъ предводителей дворянства, депутатовъ казачьихъ войскъ, Азіатскихъ народовъ и головъ купечества губернскихъ городовъ. Балъ въ Грановитой Палатѣ.

Вторникъ 28 Августа. Поздравленіе отъ военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ первыхъ 4-хъ классовъ, и особъ имѣющихъ пріѣздъ ко Двору (мужескаго пола).

Среда 29 Августа. Поздравленіе отъ придворныхъ дамъ и дамъ первыхъ 6-ти классовъ.

Четвергъ 30 Августа. Большой выходъ къ обѣднѣ у Спаса за Золотой рѣшеткою. Торжественный спектакль въ Большомъ театрѣ.

Пятница 31 Августа. Обѣдъ для духовенства, первыхъ двухъ классовъ обоего пола и владѣтельныхъ особъ Кавказскаго и Закавказскаго края въ Грановитой Палатѣ.

Суббота 1 Сентября. Перенесеніе регалій изъ Тронной залы въ Грановитую Палату. Обѣдъ для губернскихъ предводителей, депутатовъ казачьихъ войскъ и Азіатскихъ народовъ, городскихъ головъ, статсъ-дамъ, гофмейстеринъ, свитныхъ фрейлинъ Ихъ Величествъ, дежурныхъ фрейлинъ ихъ высочествъ, дежурныхъ: генералъ-адъютанта, генералъ-майора Свиты Его Величества, флигель-адъютанта и адъютантовъ ихъ высочествъ во дворцѣ.

Воскресенье 2 Сентября. Балъ въ Александровской залѣ.

Понедѣльникъ 3 Сентября тоже.

Вторникъ 4 Сентября. Обѣдъ для гвардіи въ Экзерциргаузѣ и въ Александровскомъ саду отъ Московскаго купечества.

Среда 5 Сентября тоже.

Четвергъ 6 Сентября. Обѣдъ для пословъ, членовъ Государственнаго Совѣта, Сената, владѣтельныхъ особъ Кавказскаго и Закавказскаго края, первыхъ и вторыхъ чиновъ двора, генералъ-адъютантовъ, генералъ-майоровъ Свиты Его Величества, флигель-адъютантовъ, статсъ-секретарей, адъютантовъ ихъ высочествъ и всѣхъ статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинъ, гофмейстеринъ и фрейлинъ.

Пятница 7 Сентября. Перенесеніе регалій изъ Грановитой въ Оружейную Палату.

Суббота 8 Сентября. Рожденіе Государя Наслѣдника Вел. Кн. Николая Александровича. Народный праздникъ.

Воскресенье 9 Сентября. Рожденіе Великаго Князя Константина Николаевича. Маскарадъ въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

Понедѣльникъ 10 Сентября. Маневры. Балъ отъ Московскаго дворянства въ залѣ Московскаго благороднаго собранія.

Вторникъ 11 Сентября. Охота въ окрестностяхъ Царицына и завтракъ въ Валуевѣ. Обѣдъ волостнымъ головамъ и крестьянскимъ старшинамъ. Балъ у Англійскаго посла лорда Гренвиля.

Четвергъ 13 Сентября. Обѣдъ для Московскаго военнаго генералъ-губернатора и старшинъ Дворянскаго Собранія.

Пятница 14 Сентября. Охота въ имѣніи графа Толстаго.

Суббота 15 Сентября. Балъ у Австрійскаго посла князя Эстергази.

Воскресенье 16 Сентября. Обѣдъ во дворцѣ для купечества на 120 персонъ. Балъ у Французскаго посла графа Морни.

Понедѣльникъ 17 Сентября. Фейерверкъ.

Вторникъ 18 Сентября. Выѣздъ въ Троице-Сергіеву Лавру.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ ИВАНА ЛЕОНТЬЕВИЧА ШАХОВСКАГО.

1797.

I.

Рескриптъ императора Павла.

Херсонскаго гренадерскаго полку господину полковнику князю Шаховскому, въ бывшей Польшѣ, въ селеніи Лѣсовый Греніовецъ.

Съ полученіемъ сего немедленно имѣете выступить на назначенныя Херсонскому гренадерскому полку непремѣнныя квартиры въ городъ Очаковъ.

Павелъ.

Генваря 15 дня 1797 года.
С.-Петербургъ.

Господину полковнику князю Шаховскому.

II.

Два собственноручные отпуска князя И. Л. Шаховскаго.

1) 1797 г. Генваря 28 дня дана сія росписка Тульчинской почтовой конторы писарю Лукѣ Остаповичу въ томъ, что получилъ я черезъ него именное Его Императорскаго Величества повелѣніе.

2) Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій Государь всемилостивѣйшій.

Всеподданнѣйшій рапортъ.

По всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, мнѣ врученному, Генваря 28-го числа, полкъ Херсонскій гренадерскій въ походъ выступилъ.

*

Мы получили эти бумаги отъ одного изъ нашихъ опытныхъ военачальниковъ при нижеслѣдующихъ строкахъ. П. Б.

Документы эти наглядно свидѣтельствуютъ, какъ просто двигалась у насъ административная машина въ прошломъ столѣтіи. Приказъ на четвертушкѣ почтовой бумаги, никѣмъ не скрѣпленный, отправленный по почтѣ и врученный полковому командиру простымъ почтовымъ служителемъ, перебрасываетъ гренадерскій полкъ на цѣлыя сотни верстъ. Быть можетъ, такими же собственноручными приказаніями Павелъ Петровичъ двинулъ въ Италію корпуса Розенберга, Корсакова и Дерфельдена, а Суворовъ, вызванный изъ своей Новгородской деревушки, уже догналъ эти корпуса на полдорогѣ къ Альпамъ, которыя они перешли подъ его начальствомъ.

Дѣйствуя подобнымъ образомъ, конечно избѣгаешь болтливости штабныхъ и канцелярскихъ чиновъ. Но въ моихъ глазахъ еще замѣчательнѣе боевая готовность войсковыхъ частей того времени: утромъ получено въ „бывшей Польшѣ" приказаніе выступить въ „бывшую Турцію", а вечеромъ начальникъ части уже рапортуетъ Государю, что выступилъ въ походъ.

Тогда, видно, умѣли обходиться безъ заранѣе изготовляемыхъ маршрутовъ, безъ гектолитографированныхъ картъ, безъ путевыхъ магазиновъ, а главное—чему теперь просто не вѣрится—безъ сгоняемыхъ за сто верстъ обывательскихъ подводъ для перевозки полковыхъ тяжестей и больныхъ, каковыхъ въ войскахъ, обученныхъ военному дѣлу Суворовымъ и Румянцовымъ, какъ видно, вовсе не полагалось.

Вотъ въ этой-то организаціи надобно искать ключа къ разгадкѣ того, какимъ образомъ наша армія могла являться „какъ снѣгъ на голову", всюду, куда указывалъ Державный Вождь изъ своего Петербургскаго или Гатчинскаго рабочаго кабинета. Тогда еще не была придумана или, лучше сказать, позаимствована отъ Французовъ „территоріальная система" (le système territorial), а эту безобразную въ военномъ отношеніи систему мы еще ухудшили, возлагая на окружныхъ генераловъ различныя административныя, политическія и полицейскія обязанности, вслѣдствіе чего, прежде чѣмъ двинуться въ походъ, военачальникъ долженъ долго переписываться съ учрежденіемъ, находящимся въ Петербургѣ.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Занимающимся Русскою исторіею хорошо извѣстно значеніе, которое имѣли въ Россіи XVIII вѣка «случайные люди». Выдвигаясь, игрою счастья, изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, они быстро достигали почестей, чиновъ и богатствъ. За ними тянулись ихъ родственники, близкія и побочныя лица. Въ тотъ вѣкъ, брачныя узы въ высшемъ обществѣ не отличались особенною прочностію, и кровная близость, оффиціально непризнаваемая, давала иной разъ большія права на успѣхи въ жизни.

Въ этомъ отношеніи любопытны родственныя связи знаменитаго князя Г. Г. Орлова (1734—1783), игравшаго въ первыя двѣнадцать лѣтъ царствованія Екатерины II-й роль самаго вліятельнаго человѣка въ Имперіи.

Начало блестящей карьеры Орлова относится собственно къ 1759 году, когда онъ возвратился въ Петербургъ изъ Кенигсберга и вступилъ въ связь съ блестящею красавицей того времени, княгинею Еленою Степановною Куракиною, рожденною Апраксиною (1735 — 1768), женою гофмейстера и сенатора князя Б. А. Куракина [1]), по смерти котораго (22 Ноября 1764 г.) Орлову пожалована принадлежавшая князю Куракину мыза Гатчина.

---

[1]) А. П. Барсуковъ, біографія князя Г. Г. Орлова въ Р. Архивѣ 1873 г. № 2.

Свѣдѣнія о дѣтяхъ Орлова находимъ въ краткой его біографіи, написанной Гельбигомъ [2]). Такъ какъ Гельбигъ долго пробылъ въ Россіи, состоя при Саксонской миссіи, то онъ могъ имѣть довольно точное свѣдѣніе о Русскомъ дворѣ и о лицахъ того времени. Любопытно провѣрить, по Русскимъ источникамъ, его показанія о дѣтяхъ Орлова.

Сказавъ о бракѣ Орлова съ Зиновьевою, Гельбигъ прибавляетъ, что «отъ нея Орловъ не имѣлъ дѣтей, но имѣлъ таковыхъ отъ другихъ дамъ». Затѣмъ, передавъ нѣкоторыя свѣдѣнія о происхожденіи и воспитаніи графа А. Г. Бобринскаго, Гельбигъ говоритъ: «Другой сынъ Орлова носилъ самое простое имя Галактіона. Его видали, какъ маленькаго неизвѣстнаго баловня (Liebling), въ комнатахъ Императрицы и Орлова. Послѣ онъ былъ офицеромъ, отправленъ для образованія въ Англію, гдѣ началъ предаваться распутству, послѣдствія котораго свели его въ могилу въ молодыхъ еще лѣтахъ. Третій сынъ назывался Оспеннымъ, потому что отъ него взята была оспенная матерія для великаго князя Павла Петровича. Онъ умеръ пажемъ въ Петербургѣ. Говорятъ, что двѣ дочери воспитывались, на счетъ Императрицы, въ женскомъ институтѣ; но существованіе только одной можетъ быть опредѣлено съ достовѣрностью. Она впослѣдствіи вышла за нынѣшняго генерала графа Буксгевдена. Еще въ началѣ девяностыхъ годовъ она была очень красивою блондинкою и пользовалась репутаціею превосходной женщины». Это показаніе Гельбига.

Посмотримъ, на сколько точны эти, приведенныя Гельбигомъ, свѣдѣнія. О Галактіонѣ и Оспенномъ упоминаетъ сама Екатерина въ письмѣ 14 Декабря 1768 года къ графу И. Г. Чернышову, бывшему тогда посланникомъ нашимъ въ Англіи. Разсказавъ ему о результатахъ привитія себѣ 12 Октября оспы, Императрица прибавила, что: «Моя донынѣ есть забава тотъ самый мальчикъ, отъ котораго ко мнѣ привита оспа. Непокойный купидонъ Галактіонъ съ товарищами не входятъ съ нимъ въ сравненіе, и всѣ признаютъ, что отъ роду не видывали повѣсы подобной Александръ Данилова сына Оспина: рѣзовъ до бѣшенства, уменъ и хитеръ не по лѣтамъ, смѣлъ до неслыханной дерзости, никогда не коротокъ ни въ отвѣтахъ, ни въ выдумкахъ; ему же шестой годъ и малъ какъ клопъ. Братъ вашъ графъ Захаръ Григорьевичъ, графъ Григорій Григорьевичъ (т.-е. Орловъ) и самый Кирило Григорьевичъ (т.-е. графъ Разумовскій) часа по три, такъ какъ и мы всѣ, по земли съ нимъ катались и смѣялись до устали. Он

---

[2]) Russische Günstlinge. Tübingen, 1809, стр. 281 и сл.

peut dire qu'il remplit lui-seul parfaitement la chambre. Si vous voulez savoir à qui il appartient, sachez que votre frère dit qu'avec le temps il le croit destiné à remplir les places de m-r Betzki, et ne m'en demandez pas plus. Le fait est que je l'ai annobli vu que sa petite vérole m'a sauvé du danger de ce mal [3])». Въ припискѣ къ этому письму Екатерина прибавляетъ: «Галактіонъ Ивановичъ велѣлъ спросить, скоро ли будетъ слоникъ, который вы ему обѣщали изъ Китая прислать».

Вотъ единственное свѣдѣніе о Галактіонѣ, которое встрѣчается въ Русскихъ источникахъ, и намъ неизвѣстна даже фамилія, которую онъ носилъ; но существованіе Галактіона Ивановича и Александра Даниловича Оспина или Оспеннаго, стало быть, не подлежитъ сомнѣнію.

Разсказъ Гельбига о второмъ, по его словамъ, сынѣ Орлова не точенъ въ томъ, что отъ него взята была оспенная матерія для привитія самой Императрицѣ, а не Павлу Петровичу, которому она была привита отъ его матери.

Этого мальчика сначала звали Александръ Даниловъ Марковъ, и если ему былъ въ 1768 году шестой годъ, то слѣдовательно онъ родился въ 1763 году. 24 Ноября 1768 года ему пожаловано было дворянское достоинство [4]), повелѣно называться «Оспеннымъ», и на содержаніе его опредѣленъ капиталъ въ 3,000 рублей, внесенный въ банкъ для обращенія въ проценты до его совершеннолѣтія [5]).

*

Дочери Орлова, если только слова Гельбига справедливы, носили фамилію Алексѣевыхъ и воспитывались у подполковника Александра Алексѣева. Поступившій въ службу въ 1742 году Алексѣевъ 10 Декабря 1764 года назначенъ былъ подполковникомъ Архангелогород-

---

[3]) Можно сказать, что онъ одинъ совершенно занимаетъ собою комнату. Если хотите знать, кому онъ принадлежитъ, то знайте, что, по словамъ вашего брата, онъ предназначенъ занять со временемъ должности Бецкаго и больше о томъ у меня не спрашивайте. Дѣло въ томъ, что я его возвела въ дворянское достоинство, такъ какъ его оспа дала мнѣ избавленіе отъ этой болѣзни. Русск. Арх. 1871 г., стр. 1321.

[4]) Грамота на это достоинство, подписанная Императрицею 21 Ноября 1769 г., хранится въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ.

[5]) Колотовъ, Дѣянія Екатерины II, Спб. 1811, т. I, стр. 255.

скаго карабинернаго полка. Онъ былъ женатъ на Агаѳьѣ Васильевнѣ Пущиной.

Дѣвицы Алексѣевы помѣщены были въ Смольный институтъ, учрежденный указомъ императрицы Екатерины 5 Мая 1764 года.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Смольномъ институтѣ воспитывались Алексѣевы, объясняется, почему такъ любилъ это заведеніе Г. Г. Орловъ. Онъ часто посѣщалъ институтъ, устраивалъ для Смолянокъ праздники и т. д. [7]) Послѣ смерти Орлова и сама Екатерина, во вторую половину своего царствованія, не оказывала уже институту того вниманія, которымъ онъ пользовался въ началѣ ея царствованія.

Старшая изъ сестеръ Алексѣевыхъ, Наталья Александровна, была ученицею перваго выпуска института и кончила свое ученіе въ Апрѣлѣ 1776 года [8]). Нѣкоторыя изъ окончившихъ въ этомъ году ученіе воспитанницъ института взяты были Императрицею на постоянное жительство ко двору; другія приглашались въ общество Императрицы. Въ числѣ послѣднихъ была и Н. А. Алексѣева. Такъ, напримѣръ, въ камерфурьерскомъ журналѣ 1776 года подъ 20 Октября записано, что въ этотъ день обѣдали за столомъ Императрицы, въ числѣ другихъ лицъ, «дѣвицы изъ монастыря: Рубановская, Борщова, Нелидова, Симонова, Звѣрева и Н. А. Алексѣева».

Въ 1777 году Н. А. Алексѣева вступила въ бракъ съ адъютантомъ Г. Г. Орлова, артиллеріи капитаномъ (впослѣдствіи графомъ) Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Буксгевденомъ [9]).

---

[6]) Списокъ воинскій на 1765 годъ, стр. 27, на 1766 г., стр. 41 и на 1767 годъ, стр. 46.

[7]) См. письма Екатерины къ воспитанницѣ института Левшиной въ Р. Арх. 1870 года, стр. 538 и 0694. Ср. Хронику Смольнаго монастыря въ царствованіе Екатерины II, Спб. 1864.

[8]) Объ ней упоминается въ стихотвореніи Сумарокова „Письмо къ Левшиной и Борщовой". Р. Арх. 1870, стр. 0693.

[9]) Kruschke. Deutches Adels-Lexikon. Leipzig, 1860, II, стр. 186. Онъ называетъ Алексѣеву „Pflegetochter des Fürsten Orloff". См. также Zeitgenossen Biographien und Characteristicken. Leipzig, 1821, ч. VI (XXI—XXIV), стр. 175. Г. Хмыровъ (Рус. Стар. 1872 г., стр. 235 въ прим.) утверждаетъ, что Н. А. Алексѣева была дочерью Г. Г. Орлова и императрицы Екатерины, но откуда почерпнуто имъ это свѣдѣніе, не указываетъ. Д. К.—Буксгевденъ (1750—1811) былъ сынъ очень бѣднаго дворянина на островѣ Эзелѣ. Отправляя его на службу, отецъ могъ дать ему только пять рублей. Онъ поступилъ въ артиллерійское училище, гдѣ его отличилъ князь Орловъ. Ему было пожаловано близъ Гатчины помѣстье Лигово. Тутъ же по близости, въ Делицахъ у Шкурина, воспитывался Бобринскій. Это родной дѣдъ Варвары Аркадіевны Нелидовой. Слѣдующее поколѣніе графовъ Буксевденовъ перероднилось съ Русскими семействами. П. Б.

Вторая сестра, Елисавета Александровна Алексѣева, родилась 25 Апрѣля 1761 года, была ученицею втораго курса Смольнаго института (1767—1779), при выпускѣ изъ котораго получила 23 Апрѣля 1779 года шифръ [10]). Въ 1788 году она вышла замужъ за Ѳедора Ивановича Клингера, бывшаго впослѣдствіи попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа и директоромъ 1-го кадетскаго корпуса. Умерла она въ Августѣ 1844 года [11]).

Кромѣ этихъ двухъ дѣвицъ Алексѣевыхъ, бывшихъ, по словамъ Гельбига, дочерьми Орлова, у нихъ была третья сестра, Екатерина Александровна, родившаяся 15 Апрѣля 1762 года [12]).

Въ рукописяхъ Государственнаго Архива (V, № 120) хранятся, въ числѣ собственноручныхъ писемъ Императрицы Екатерины къ графу А. А. Безбородкѣ, двѣ ея записочки слѣдующаго содержанія:

Первая записочка Екатерины.

«Послѣдней Московской почты письма въ какой день розданы были?

«На той почтѣ были ли три пакета одной величины съ надписью одною рукою въ Синодъ, Сенатъ, къ И. И. Бецкому, и не было ли еще подобныхъ къ кому?

«Сіе бы нужно было знать; ибо если не на почтѣ получены на Московской, то писателя здѣсь отыщемъ».

Къ этой запискѣ Императрицы приклеена слѣдующая, писанная неизвѣстною намъ рукою.

«Князь Г. А. Пот. Тавр., будучи въ Москвѣ, проговорилъ у себя въ домѣ, что на возвратномъ пути выпроситъ фрейлинской вензель для брата А. Григорьевича дочери. Ежели сіе за благо примется, не лучше ли будетъ, когда сія милость потечетъ прямо, а не черезъ другія руки? Впрочемъ да будетъ воля твоя. Я ни съ кѣмъ о семъ не говорилъ и говорить не буду».

---

[10]) Копія съ прошенія Алексѣева о принятіи въ Институтъ его дочерей, Елисаветы и Екатерины, хранящагося въ Архивѣ Смольнаго Института, помѣщается въ приложеніи. Г. Лядовъ (Историческій очеркъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, Спб., 1854, стр. 121) говоритъ, что въ этомъ году выпущена съ шифромъ *Екатерина* Алексѣева.

[11]) Dorpatsche Zeitung 1873, № 253. Въ статьѣ этой сказано, что die beide Schwestern (т. е. графиня Буксгевденъ и Клингеръ) waren Adoptivtöchter des obristen Alexeyew und Pflegetöchter des Fürtsen Orlow". Вѣроятно объ этой Алексѣевой упоминаетъ въ своемъ дневникѣ Бобринскій. Рус. Арх. 1877 г., № 10, стр. 125 и 130.

[12]) Графъ А. Б. Бобринскій родился 11-го Апрѣля того же 1762 года. П. Б.

Вторая записочка Екатерины.

«Вотъ подъ какимъ кувертомъ получено письмо къ Бецкому. Вы можете потому справиться на почтовомъ дворѣ, заподлинно ли изъ Москвы прислано; а мнѣ кажется будто Moscov не есть Московскій почтовый штемпель, а мошенникъ чуть ли не здѣсь. Апрѣля 2-го».

Время написанія этихъ записокъ опредѣляется сличеніемъ ихъ съ рескриптомъ Императрицы Московскому главнокомандующему князю А. А. Прозоровскому отъ 5-го Апрѣля 1792 [12]), коимъ поручено ему было узнать, откуда вышелъ пасквиль, присланный изъ Москвы на имена оберъ-секретарей Синода и Сената».

Можно съ достовѣрностью сказать, что въ этомъ письмѣ или пасквилѣ, присланномъ изъ Москвы, идетъ рѣчь о третьей дочери князя Орлова Екатеринѣ Александровнѣ Свиньиной. Эта третья изъ сестеръ Алексѣевыхъ жила въ Москвѣ. Сенаторъ А. Я. Протасовъ писалъ оттуда 14 Апрѣля 1798 г. графу А. Р. Воронцову:

«L'histoire de m-r Cochon [13]) court la ville. Son fils, exclu du service, s'est amouraché à Великія Луки de la soeur de m-me Буксгевденъ et s'est engagé de parole. Le père et tous les siens font vacarme. Les chefs d'ici balancent, mais il a trouvé dans le frère de cette Alexeeff un homme détérminé. Tout était prêt pour un mariage secret: on a changé de logements; tout est découvert par le père. Le fils est un bênet, il a dit au maréchal [14]), comme s'il était marié, sans l'être. Le prêtre a découvert au père qu'on le débauchait, en disant qu'il n'avait pas de père. Cela fait vacarme; le père garotte le fils, le frère de la demoiselle se plaint à Pétersbourg. Notre m-r Nepluyeff, oncle de la femme d'Alexeyeff, s'est mêlé mal à propos et sera compromis. Les Bukshövden agissent sous main, mais je crois que le mariage est manqué» [15]).

Дѣло это разрѣшилось слѣдующимъ указомъ Императора Павла графу Салтыкову отъ 28 Апрѣля 1798 г. [16]). «Изъ дошедшаго ко

---

[12]) Русскій Арх. 1872 г., стр. 566.

[13]) Т. е. Свиньина.

[14]) Т. е. Московскому главнокомандующему, фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову.

[15]) Архивъ Кн. Воронцова, кн. XV, стр. 106.

[16]) Русскій Арх. 1876 г. № 1, стр. 25. Т. е. „Исторія Свиньи ходитъ по городу. Сынъ его, исключенный изъ службы, влюбился въ Великихъ Лукахъ въ сестру г-жи Буксгевденъ и далъ слово жениться. Отецъ и всѣ Свиньины забили тревогу. Здѣшнія власти

мнѣ отъ дѣвицы Алексѣевой прошенія видя, что д. т. с. Свиньинъ, объявя согласіе свое на совершеніе брака сына своего съ просительницею, два раза въ томъ обманывалъ, повелѣваемъ, несмотря на упорство его, бракъ сей совершить до прибытія моего въ Москву».

Другой корреспондентъ графа А. Р. Воронцова, И. В. Страховъ, сообщаетъ ему объ этомъ же дѣлѣ въ письмѣ 5 Мая 1798 г., «что подполковникъ Свиньинъ, который не очень давно былъ исключенъ изъ службы, сынъ сенатора, имѣлъ интригу съ благородною дѣвушкою Алексѣевою, очень небогатою и свояченицею графа Буксгевдена и хотѣлъ на ней жениться, но отецъ не позволялъ. Нынѣ получено имянное повелѣніе, чтобы онъ непремѣнно женился. У Москвы отъ сей свадьбы кружится голова» [17]).

Очевидно, что рѣчь идетъ во 1-хъ о сенаторѣ Петрѣ Сергѣевичѣ Свиньинѣ, поступившемъ первоначально, въ 1749 году, въ военную службу, въ чинѣ генералъ-поручика опредѣленномъ къ статскимъ дѣламъ и 5 Апрѣля 1797 года произведенномъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; и во 2-хъ объ его сынѣ Павлѣ, подполковникѣ кирасирскаго фельдмаршала графа Салтыкова 2-го полка [18]) который, приказомъ 9-го Января 1798 г. исключенъ былъ изъ службы за «дурное содержаніе бывшихъ въ его вѣдомствѣ казенныхъ лошадей».

Вѣроятно приведенный указъ исходатайствованъ чрезъ Буксгевденовъ, на что намекаетъ въ своемъ письмѣ и Протасовъ. Графъ Ѳ. Ѳ. Буксгевденъ занималъ въ то время (1798 г.) должность Петербургскаго генералъ-губернатора, а жена его могла имѣть вліяніе на императора Павла чрезъ совоспитанницу свою по первому выпуску Смольнаго института, Е. И. Нелидову. Институтская дружба графини

переминаются; но онъ встрѣтилъ человѣка рѣшительнаго въ лицѣ брата этой Алексѣевой. Все было приготовлено къ тайному браку, перемѣнили квартиры. Отецъ все открылъ. Сынъ—простакъ. Онъ сказалъ фельдмаршалу, что онъ женатъ, еще будучи холостымъ. Священникъ открылъ отцу, что его обманули, сказавъ, что у жениха нѣтъ въ живыхъ отца. Это произвело шумъ. Отецъ держитъ сына въ заперти; братъ дѣвицы жалуется въ Петербургѣ. Нашъ Неплюевъ, дядя жены Алексѣева, вмѣшался тутъ не кстати и останется въ накладѣ. Буксгевдены дѣйствуютъ подъ рукою; но я думаю, что бракъ не состоится".

Предположеніе А. Я. Протасова не оправдалось. Бракъ Екатерины Александровны Алексѣевой и Павла Сергѣевича Свиньина состоялся, и плодомъ его былъ между прочимъ такъ извѣстный Московскому обществу владѣлецъ великолѣпнаго дома на Покровкѣ Петръ Павловичъ Свиньинъ (слѣд. внукъ князя Орлова). П. Б.

[17]) Архивъ Кн. Воронцова, кн. XIV, стр. 490.

[18]) Въ службѣ съ 1784 г., въ чинѣ подполковника съ 1 Января 1794 года.

Н. А. Буксгевденъ и Е. И. Нелидовой сохранена была ими на всю жизнь. Извѣстно, что когда, во второй половинѣ того же 1798 года, удалены были отъ двора многія лица, то Нелидова нашла себѣ пріютъ у Буксгевденовъ, въ замкѣ Лоде, близъ Ревеля, перешедшемъ въ родъ Буксгевденовъ послѣ Г. Г. Орлова. На старшей дочери графинѣ Н. А. Буксгевденъ, Софьѣ Ѳедоровнѣ, женился Аркадій Ивановичъ Нелидовъ, а на третьей ея дочери графинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ баронъ Бернгардъ (Борисъ) Унгернъ-Штернбергъ, сестра котораго, баронесса Анна Владимировна, вышла замужъ за графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго [19]).

Изъ приведеннаго письма Протасова видно, что у Алексѣевой былъ братъ, въ 1798 года женатый на племянницѣ Неплюева; но о немъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя мы могли собрать о сестрахъ Алексѣевыхъ и объ ихъ судьбѣ. Быть можетъ, кто либо изъ читателей Русскаго Архива дополнитъ и исправитъ ихъ; въ настоящее же время можно лишь допустить предположеніе, что у полковника Алексѣева были свои дѣти и что, если вѣрить разсказу Гельбига, онъ принялъ къ себѣ и двухъ дочерей Орлова [20]). Разъясненіе этого можетъ быть не безполезно, ибо изученіе родственныхъ отношеній разныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка, болѣе важно, чѣмъ кажется съ перваго взгляда: оно можетъ привести къ объясненію многихъ закулисныхъ и темныхъ сторонъ въ нѣкоторыхъ событіяхъ.

Д. К.

---

[19]) Долгорукій. Рос. Род. книга, ч. II, стр. 186.—Кстати сообщить здѣсь слѣдующую выписку о бракѣ графа А. Г. Бобринскаго:

Въ метрической книгѣ 1796 года города Ревеля Преображенскаго собора значится: „Отъ арміи бригадиръ *Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій*, отрокъ, Ревельскаго умершаго дворянина Вольдемара Унгенъ-Штернберга съ дочерью его родною Анною, содержащею Лютеранской законъ, оба первымъ бракомъ повѣнчаны 16-го числа Генваря 1796 года. Поручителями были по женихѣ: вице-адміралъ и кавалеръ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ. По невѣстѣ: генералъ-поручикъ Иванъ Кохіусъ; сверхъ поручителей засвидѣтельствовалъ генералъ-провіантмейстеръ лейтенантъ князь Александръ Вяземскій".

Въ 1796 году въ Январѣ Бобринскому было около 34 лѣтъ. Почему онъ названъ отрокомъ; не понятно. Сохранилось преданіе, что вдова Унгернъ-Штернбергъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не соглашалась отдать свою дочь за проживавшаго въ Ревелѣ Бобринскаго, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ Государыни, въ намѣреніяхъ которой было сочетать Бобринскаго съ какою нибудь изъ иностранныхъ принцессъ. П. Б.

[20]) Родословная фамилія Алексѣевыхъ, помѣщенная въ Рус. Род. книгѣ изд. Руской Старины, Спб., 1873, стр. 118—130, не даетъ никакихъ указаній о лицахъ, о которыхъ говорится въ настоящей замѣткѣ.

Приложеніе.

Ея Императорскаго Величества высокомонаршимъ милосердіемъ въ учрежденный Совѣтъ воспитательнаго благородныхъ дѣвицъ общества.

Подполковника Александра Алексѣева.

Дворянство мое извѣстно Правительствующаго Сената въ герольдмейстерской конторѣ. Крестьянъ за мною въ разныхъ уѣздахъ до пятисотъ душъ. А по публикованному о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ уставу видя Ея Императорскаго Величества высочайшее воспитательнаго общества учрежденіе и будущую отъ того пользу, желаю препоручить въ оное дочерей моихъ, рожденныхъ отъ жены моей Агаѳьи Васильевой, дочери подполковника Пущина, 1-е *Елисавету*, которая родилась 1761 года Апрѣля 25 дня, при крещеніи воспріемникомъ былъ сынъ мой кадетскаго корпуса кадетъ Иванъ съ дочерью моею Натальею, 2-ю *Екатерину*, родившуюся 1762 года Апрѣля въ 15 день, при крещеніи воспріемниками были предписанныя мои дѣти; крестилъ обоихъ оныхъ дочерей церкви Андрея Первозваннаго священникъ Козьма. При семъ же обязуюсь, что въ силу предписаннаго устава, по собственному моему произволенію, препоручая ихъ совершенно въ учрежденную опеку, до урочныхъ лѣтъ ни подъ какимъ видомъ обратно требовать ихъ не стану и подписуюсь

Подполковникъ Александръ Алексѣевъ

Архангелогородскаго Карабинернаго полка.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукой написано:

«*Принять надлежитъ одну Елисавету*».

Марта 31 дня 1767 году.

БАРОНЫ ЗЕДДЕЛЕРЫ.

Въ Воспоминаніяхъ Филипсона, помѣщаемыхъ въ Русскомъ Архивѣ, сказано между прочимъ, что отецъ мой, баронъ Л. И. Зедделеръ, первый вице-директоръ Военной Академіи, былъ *Венгерскаго* происхожденія. Это не точно. Дипломъ дѣда моего, барона Непомука Зедделера, отъ 16 Ноября 1782 года, удостовѣряетъ, что какъ онъ, такъ и предки его, были *Чехи*. Намъ извѣстна слѣдующая родословная фамиліи нашей за послѣднія два столѣтія.

Евдокимъ Зедделеръ † 1700 г., главный пріемщикъ податей въ Богеміи.

Іосифъ Венцеславъ † 1734 г., приматоръ въ Прагѣ.

Ѳаддей Іосифъ † 1753 г., главный королевскій судья надъ городами Богеміи.

Иванъ Непомукъ † 1795 г., дѣйствительный совѣтникъ Австрійскаго посольства въ Петербургѣ и Тосканскій министръ-резидентъ.

Логгинъ Ивановичъ † 1852 г., генералъ-лейтенантъ, первый вице-директоръ Военной Академіи и редакторъ-издатель Военно-Энциклопедическаго Лексикона.

Баронъ Л. Зедделеръ, генералъ-лейтенантъ.

7 Марта 1884 г.
С.-Петербургъ.

КЪ ЗАПИСКАМЪ Г. И. ФИЛИПСОНА.

Съ особеннымъ удовольствіемъ читаю Записки покойнаго Г. И. Филипсона. Какъ старый Кавказецъ, лично знавшій и автора, и большинство лицъ имъ упоминаемыхъ, я однако не могу не замѣчать тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлаетъ покойный Григорій Ивановичъ, само собою по забывчивости или недостаточному знакомству съ дѣлами Восточнаго Кавказа, на которомъ онъ самъ никогда не служилъ и о которомъ зналъ только по разсказамъ другихъ и по слухамъ.

Я увѣренъ, что указаніемъ на нѣкоторыя подобныя ошибки ничуть не затрону памяти покойника: еслибъ я могъ ихъ указать ему при жизни, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ только былъ бы благодаренъ. За это ручается его прямой характеръ, снискавшій ему общее уваженіе. Между тѣмъ указаніе ошибокъ небезполезно въ томъ отношеніи, что подобныя Записки могутъ имѣть значеніе историческаго матеріала, кромѣ временнаго интереса читателей.

Въ послѣдней (2-й) книжкѣ „Русскаго Архива" покойный говоритъ, что взятый въ 1839 году въ Ахульго заложникомъ сынъ Шамиля явился нашимъ противникомъ въ чинѣ Турецкаго генерала въ послѣднюю войну съ Турками въ 1877 году. Авторъ ошибся: взятый въ 1839 году сынъ Шамиля Джемалъ-Эдинъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ во Владимирскомъ уланскомъ полку и въ 1855 году былъ возвращенъ отцу въ обмѣнъ на плѣнныхъ Грузинскихъ княгинь Чавчавадзе и Орбельяни, въ придачу къ 40,000 серебрянныхъ рублей. Привыкшій съ дѣтства къ нашему образу жизни, чуждый всему встрѣченному въ горахъ, постоянно подозрѣваемый въ сочувствіи къ Русскимъ, онъ затосковалъ, заболѣлъ и въ 1858 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, отъ чахотки умеръ въ аулѣ Карата. Посланный, по просьбѣ отца, нашъ докторъ Петровскій нашелъ Джемалъ-Эдина безнадежно больнымъ; помощь оказалась запоздалою. Въ рядахъ же Турокъ въ 1877 году явился второй сынъ Шамиля, Кази-Магома, отпущенный изъ Калуги (гдѣ все

семейство Шамиля жило послѣ взятія ихъ въ Гунибѣ) на житье въ Константинополь; онъ получалъ отъ насъ по 5,000 р. пенсіи. Турки надѣялись чрезъ него повліять на мусульманское населеніе Кавказа и поднять его противъ насъ. Кази-Магома осаждалъ нашихъ героевъ въ Баязетѣ, писалъ имъ письма о сдачѣ и проч., но долженъ былъ уйти, не солоно хлѣбавши. Никакихъ отличій онъ не оказалъ и живетъ теперь въ Стамбулѣ безъ всякаго значенія.

Авторъ говоритъ дальше, что подъ Ахульго мы потеряли 5,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, а войска потеряли довѣріе къ генералу Граббе. Потеря наша составляла едва половину, потому что всѣхъ войскъ тамъ дѣйствовавшихъ было менѣе 9,000, и потерять 5,000 значило бы лишиться болѣе половины всего отряда. Какъ ни кровавы были дѣла при взятіи штурмомъ Аргуани и Ахульго, какъ геройски ни защищались тутъ горцы, но и наши войска высказали столько искусства, мужества и доблести, что никакою критикою умалить значенія этихъ дѣлъ невозможно, а довѣріе къ генералу Граббе, напротивъ, только укрѣпилось дѣйствіями 1839 года. Объ нихъ графъ Д. А. Милютинъ разсказалъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ въ особой брошюрѣ. Интересующіеся этими событіями могутъ найти подробное ихъ описаніе во II-мъ томѣ моей „Исторіи Кабардинскаго полка“. Подвиги отряда г. Граббе были по достоинству оцѣнены, и въ память ихъ всѣмъ участникамъ пожалована особая медаль. Довѣріе къ генералу Граббе пошатнулось только въ 1842 году, по другому случаю.

Волненія Чечни начались въ Мартѣ 1840 года, а не въ 1841—42 гг., какъ пишетъ Г. И. Филипсонъ. О вырубаніи лѣсовъ онъ отзывается какъ о безполезномъ дѣлѣ, потому что они вновь заростали; между тѣмъ, именно рубка лѣсовъ была почти единственная дѣйствительная мѣра, приведшая къ покоренію всѣхъ предгорныхъ плоскостей и отроговъ Кавказскихъ лѣсистыхъ горъ. Постройку множества укрѣпленій покойный авторъ считаетъ безполезною, тогда какъ, напротивъ, большинство ихъ, особенно въ Чечнѣ, послужило единственною прочною опорою при завоеваніи страны, и безъ нихъ успѣхи были бы немыслимы. Безполезными можно было считать лишь мелкія укрѣпленія въ горахъ Дагестана, на Лезгинской линіи, и въ особенности на берегу Чернаго моря. Уничтоженіе ряда укрѣпленій въ Дагестанѣ произошло въ 1843 году, осенью, а не въ 1841—42, какъ сказано въ Запискахъ. Что Шамиль угрожалъ тогда Тифлису,—это просто риторическая фигура для усиленія критическаго эфекта. Какъ свидѣтель этихъ событій, могу завѣрить, что въ Тифлисѣ спали тогда совершенно спокойно...

Неудачная экспедиція генерала Граббе въ 1842 году чрезъ Ичкеринскіе лѣса къ Дарго стоила намъ около 1,200 человѣкъ, но не 4,000, и донесеніе свое Государю генералъ написалъ не совсѣмъ такъ, какъ приводитъ покойный авторъ Записокъ.

Осенью 1843 года генералъ Гурко двинулся изъ Чечни на помощь Дагестану не съ 15, а съ четырьмя баталіонами; въ Шурѣ, гдѣ Шамиль насъ блокировалъ, не было и четырехъ, да и то слабыхъ, едва составлявшихъ съ деньщиками и писарями до 2,000 человѣкъ. Конины тамъ не ѣли и особой нужды въ продовольствіи не испытывали; это было въ укрѣпленіи Зыряны, гдѣ отрядецъ Пассека былъ окруженъ горцами, отрѣзавшими всѣ сообщенія.

Вообще, упоминая обо всѣхъ этихъ событіяхъ, въ которыхъ никто не будетъ оспаривать многихъ ошибочныхъ дѣйствій тогдашнихъ властей, авторъ не чуждъ нѣкотораго критическаго преувеличенія, создавшагося очевидно подъ впечатлѣніемъ разныхъ зловѣщихъ глашатаевъ и хулителей, гнѣздившихся преимущественно въ Ставрополѣ, гдѣ штабъ командующаго войсками былъ крайне недоволенъ, что въ Чечнѣ его игнорировали, и онъ никакой роли тамъ не игралъ, хотя считался начальствомъ всей Кавказской линіи. Обширныя подробности этой эпохи Кавказской войны можно найти въ той же „Исторіи Кабардинскаго полка".

Упоминая о генералѣ Цакни (стр. 363), Филипсонъ говоритъ, что, выслуживъ пенсію и не получивъ назначенія интендантомъ, онъ вышелъ въ безсрочный отпускъ. Тутъ ошибка. Послѣ несостоявшагося назначенія интендантомъ, г. Цакни былъ назначенъ помощникомъ наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска, затѣмъ атаманомъ и начальникомъ этой области исполняя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ важныя обязанности со свойственнымъ ему знаніемъ дѣла и безкорыстіемъ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и послѣ уже, въ 1874 году, долженъ былъ оставить свой постъ по неудовольствіямъ, возникшимъ вслѣдствіе безпорядковъ въ станицѣ Полтавской, гдѣ казаки воспротивились распоряженіямъ по отмежеванію земель и выселенію части ихъ въ горы.

Упоминая о кровавомъ дѣлѣ 1840 года на Валерикѣ, такъ поэтически описанномъ Лермонтовымъ, авторъ Записокъ говоритъ, что оно было затѣяно ради отличій. Въ интересахъ истины долженъ сказать, что это не такъ. На Кавказѣ дѣйствительно нерѣдко предпринимались набѣги съ цѣлью доставить случай какому нибудь столичному франту или прихвостню высокопоставленныхъ лицъ послушать свистъ пуль и попасть въ реляцію въ качествѣ оказавшаго „примѣрное мужество" и проч.; но дѣло на Валерикѣ было вынуждено обстоятельствами. А почему оно кончилось неудачно для насъ, это уже другой вопросъ, на который читатель можетъ найти отвѣтъ все въ той же моей „Исторіи Кабардинскаго полка".

Подобныхъ ошибокъ встрѣчается и еще нѣсколько въ Запискахъ Г. И. Филипсона; но, повторяю, это не отнимаетъ у нихъ ни интереса, ни значенія историческаго матеріала, особенно относительно эпохи занятія нами Восточнаго берега Чернаго моря.

Кстати, при этомъ случаѣ, не могу не коснуться равнодушія, съ которымъ у насъ общество и печать относятся къ большинству видныхъ государственныхъ дѣятелей.

14-го Января 1883 года скончался Г. И. Филипсонъ вслѣдствіе несчастнаго приключенія (его раздавили въ Петербургѣ на улицѣ скакавшія лошади). Кромѣ казеннаго некролога въ „Русскомъ Инвалидѣ", да траурныхъ объявленій, ни въ одной изъ здѣшнихъ газетъ никто не обмолвился и словомъ въ память покойному. Между тѣмъ онъ, въ продолженіи около 30 лѣтъ Кавказской службы, оказалъ немало пользы, особенно на Восточномъ берегу Чернаго моря и въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ окончательному покоренію Западнаго Кавказа, отличаясь рѣдкимъ въ то время качествомъ: безкорыстіемъ. Ни товарищи, ни подчиненные никогда не относились къ нему иначе какъ съ полнымъ уваженіемъ, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ. Когда настала минута рѣшительныхъ дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ, главнокомандующій князь Барятинскій былъ вынужденъ передать дѣло въ энергическія руки генерала Евдокимова, только что довершившаго борьбу съ Шамилемъ на Восточномъ Кавказѣ. При всемъ уваженіи къ г. Филипсону, князь Барятинскій не могъ не видѣть, что въ теченіи 1860—1861 г. весьма значительныя военныя средства, данныя въ распоряженіе Филипсона, не привели къ тѣмъ результатамъ, какихъ слѣдовало ожидать; а произошло это отъ излишняго довѣрія покойнаго Филипсона къ псевдо-талантамъ его помощника генерала Рудановскаго, которому онъ передалъ главныя дѣйствія въ 1860 году за Кубанью. Тѣмъ не менѣе четырехлѣтнее командованіе Филипсона на Западномъ Кавказѣ, какъ я уже сказалъ, было важнымъ подготовительнымъ періодомъ для окончательнаго покоренія Кавказа.

А. Зиссерманъ.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

Петербургъ, 3 Февраля 1884 г.

Смерть поразила одного изъ лучшихъ Русскихъ тружениковъ, М. Е. Ковалевскаго. Внѣшняя сторона его дѣятельности въ общихъ чертахъ извѣстна просвѣщенной части Русскаго общества. Время не стушуетъ, а лишь явственнѣе выставитъ эти черты; но впечатлѣніе произведенное этою смертью такъ глубоко, что, не дожидаясь хладнокровной оцѣнки государственному служенію покойнаго, невольно хочется остановить неустанно мчащееся вниманіе современниковъ предъ исчезающимъ въ могилѣ олицетвореніемъ столь свѣтлыхъ человѣческихъ достоинствъ.

Вся жизнь М. Е. Ковалевскаго, отъ школьной скамьи до гробовой доски, прошла въ непреклонномъ служеніи долгу, съ неумолимою требовательностью къ себѣ и полною снисходительностью къ другимъ, когда снисходительность эта не вредила дѣлу общественному. Окончивъ воспитаніе въ Училищѣ Правовѣдѣнія, Ковалевскій остался вѣренъ задачѣ, коей себя отдалъ и, до назначенія три года назадъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ неизмѣннымъ постоянствомъ несъ тяжелыя обязанности то прокурора, то судьи, на различныхъ ступеняхъ уголовнаго правосудія. Несмотря на такое, можно сказать, однообразное и притомъ суровое занятіе, онъ до послѣдняго дня жизни сохранилъ необыкновенную свѣжесть души, отзывчивость на все доброе, сердечный пылъ ко всему отечественному. Знакомство съ пороками людскими не породило въ немъ презрѣнія къ человѣчеству, подведеніе слабостей людскихъ подъ рубрики и статьи закона не развило въ немъ формализма и канцелярскаго бездушія; возясь съ бумагами, съ уголовными процессами, съ самою разнообразною ложью, онъ не утратилъ ни любви къ Богомъ созданному міру, ни вѣры въ чистыя стороны души человѣческой. Воззрѣнія его выражались не высиренними фразами о вѣчныхъ истинахъ и превосходствѣ сложныхъ

ученій, возвеличивающихъ тѣхъ кто ихъ проповѣдуетъ. Да и воззрѣніями нельзя назвать побужденій руководившихъ его дѣятельностью: то были не воззрѣнія, а искренняя любовь къ добру, къ людямъ, любовь, въ которой по слову Евангельскому «законъ и пророки висятъ», любовь подкрѣпленная твердою волею, многолѣтнимъ опытомъ, яснымъ, свѣтлымъ, чисто-Русскимъ, смѣтливымъ умомъ, пренебрегающимъ формами, идущимъ прямо къ сути дѣла, разсчитывающимъ на отзывчивость собесѣдника или слушателя, видящимъ всегда предъ собою высокую цѣль, забывающимъ предъ этою цѣлью мелкоту людскую. И какъ просто, какъ естественно все это выражалось, въ какой бы ни было сферѣ! Въ дружеской ли бесѣдѣ, въ литературномъ ли спорѣ, въ государственномъ ли преніи, вездѣ Ковалевскій былъ Ковалевскимъ, былъ вѣренъ своей правдивой натурѣ; ходулей, напускнаго, театральнаго для него не существовало. Онъ былъ вполнѣ искрененъ и съ самимъ собою, и съ другими. Онъ не поддѣлывался ни подъ что, и въ этомъ, быть можетъ, была главная сила личности его.

Утрата подобныхъ людей должна быть особенно чувствительна нашему обществу. Въ силу неисчислимыхъ и разнообразныхъ условій, мы живемъ подъ давленіемъ множества разнородныхъ вліяній, вѣяній, впечатлѣній, нанесенныхъ самыми различными наслоеніями и вѣтрами; только полная искренность, скромная, теплая, трудовая, чуждая самопоклоненія искренность, можетъ дать намъ твердый нравственный устой въ многообразныхъ и противоположныхъ сферахъ и областяхъ Русской жизни. Люди, какъ тотъ котораго мы такъ безвременно опустили въ могилу, служили среди насъ представителями этой спасительной искренности. Да множится число ихъ, и да сохранится въ памяти нашей имя одного изъ лучшихъ такихъ людей—М. Е. Ковалевскаго!

А. Половцовъ.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1884 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

Русскій Архивъ, выходитъ въ 1884 году **шесть разъ** въ годъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ съ приложеніями, портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ Конторѣ Русскаго Архива въ **Москвѣ**, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, куда и обращаются гг. иногородные.

Въ **Петербургѣ** подписываться и получать вышедшія уже книги можно на Васильевскомъ Острову, во 2-й линіи, д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Въ Кіевѣ, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ домѣ Стефановича, у Марьи Михайловны Булгакъ.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884

4.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рисунокъ: **А. С. Хомяковъ и его пріятели (1845).**

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)

на Страстномъ бульварѣ.

1884.

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ѲЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА.

Записки славнаго композитора Алексѣя Ѳедоровича Львова, обезсмертившаго имя свое народнымъ гимномъ и великими трудами по нашему богослужебному пѣнію, писаны не для печати, а для дѣтей своихъ, сына и дочери. Они проникнуты любовью къ нимъ, цѣлыми страницами состоятъ изъ отеческихъ поученій, и самое изложеніе событій сопровождается въ нихъ наставительными выводами и совѣтами. Поэтому Записки эти печатаются только въ извлеченіи. Онъ началъ ихъ писать 5 Февраля 1847. Сперва идутъ они связнымъ повѣствованіемъ, а въ концѣ переходятъ въ дневникъ. Издаются они съ подлинника, принадлежащаго сыну сочинителя, Ѳедору Алексѣевичу Львову.

А. Ѳ. Львовъ представляетъ собою явленіе рѣдкое: его служба происходила въ непосредственной близости къ Государю и сопряжена была съ безпрестанными заботами и строгою отвѣтственностью; въ тоже время душа его была предана музыкальному искусству. Покойный Государь Николай Павловичъ понималъ это, и художникъ отвѣчалъ ему за то безграничною преданностію. П. Б.

Родившись въ 1798 г., я провелъ первую молодость мою весьма счастливо, будучи безмѣрно любимъ моими родителями и любя ихъ, сколько молодое сердце мое понимало это чувство. Къ сему много способствовало и то, что родитель мой, любя страстно музыку, видѣлъ во мнѣ рѣшительный талантъ къ сему искусству. Я безпрестанно былъ съ нимъ и отъ семи лѣтъ возраста, худо или хорошо, разыгрывалъ съ нимъ и дядей моимъ Андреемъ Самсоновичемъ Козляниновымъ, всѣ ноты старинныхъ сочинителей, которыя батюшка выписывалъ изъ всѣхъ странъ Европы (замѣчательнѣйшія изъ сихъ нотъ и теперь находятся въ музыкальной библіотекѣ и которыя я прошу васъ беречь и быть увѣренными, что въ нихъ великія достоинства). Это безпрестанное упражненіе въ музыкѣ старой школы, труднаго разсчета, положило основаніе прочному развитію во мнѣ Богомъ дарованнаго таланта. Музыка спасла меня отъ многаго; музыка отворила мнѣ многія двери, даже въ домѣ царскомъ; музыкѣ обязанъ я снисхожденіемъ многихъ. Счастливая и беззаботная молодость пролетѣла скоро. На десятомъ году

моего возраста матушка скончалась; но Богъ не оставилъ насъ: далъ намъ мать другую, составляющую и понынѣ связь и счастіе всей семьи.

Въ 1814 г. я поступилъ на службу въ Институтъ Путей Сообщенія, когда корпусъ сей былъ подъ начальствомъ генерала Бетанкура; въ 1818 г. вышелъ первымъ воспитанникомъ изъ сего заведенія (что̀ вы можете видѣть и теперь въ Институтѣ, гдѣ имя мое написано на доскѣ золотыми буквами) и былъ командированъ по высочайшему повелѣнію для производства работъ на военныя поселенія Новгородской губерніи подъ начальство графа Аракчеева. Легко вообразить, что̀ сдѣлалось у насъ въ домѣ. Родные мои были въ крайней заботѣ: изнеженный чувствами, неопытный, не понимавшій еще настоящей подчиненности, я долженъ былъ ѣхать и служить у такого начальника, котораго всѣ трепетали. Я же, живучи до того въ родительскомъ домѣ, не имѣлъ другаго начальника, какъ Бетанкура, который былъ намъ болѣе товарищемъ и другомъ; я и въ мысляхъ не могъ имѣть того труда, той отвѣтственности, той безмѣрной строгости, которыя мнѣ предстояли. Кто не слыхалъ про графа Аракчеева? Но не многіе были свидѣтелями того, что̀ видѣлъ я. Съ весны я употребленъ былъ для приготовительныхъ работъ къ построенію штаба графа Аракчеева полка. Трудъ отъ насъ требовался неимовѣрный: производители работъ должны были находиться при нихъ отъ трехъ часовъ утра до двѣнадцати, и отъ часа до девяти вечера безотлучно; взысканія начальства превосходили всякую мѣру. Для этихъ работъ употреблены были нижніе чины гренадерскихъ полковъ, и старые солдаты, сдѣлавшіе многіе походы, съ лопатами въ рукахъ, работали до изнуренія. И истинно невозможно было видѣть равнодушно покорность Русскаго солдата къ волѣ старшаго. Въ скоромъ времени усердіе и покорность притупились, и мѣры жестокости были единымъ средствомъ къ выполненію требованій начальства. Во время работъ молчаніе общее, на лицахъ страданіе, горе! Такъ протекали дни, мѣсяцы, безъ всякаго отдохновенія, кромѣ воскресныхъ дней, въ которые обыкновенно наказывались провинившіеся во время недѣли. Я помню, что, ѣхавъ однажды въ Воскресенье верхомъ верстъ 15, я не проѣхалъ одной деревни, гдѣ бы не слыхалъ побоевъ и криковъ. Мы сами лишены были самаго необходимаго для жизни и спокойствія; отъ начальниковъ ни малѣйшаго вниманія, никогда ласковаго слова, все это отъ подражанія верхнему начальнику и желанія угодить ему. Въ Ноябрѣ работы прекращались, и мы возвращались въ Петербургъ для приготовленія къ будущему лѣту плановъ и смѣтъ. Здоровье, молодость, радость при возвращеніи домой, все заставляло забывать прошедшее;

однако, разсказывая другу-родителю моему все, что́ я испытывалъ, неоднократно говорилъ я, что если служба такова вездѣ, то нельзя не позавидовать простому мужику, который въ потѣ лица пріобрѣтаетъ средства къ существованію, но душой покоенъ... Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ я болѣе имѣлъ случая видѣть графа Аракчеева, который, не смотря на его жестокій нравъ, наконецъ полюбилъ меня, видя, что я съ кротостію исполнялъ свою обязанность и трудился съ полнымъ усердіемъ. Ни одинъ изъ моихъ товарищей не былъ столько отличенъ имъ, ни одинъ не получилъ столько наградъ, и я, не смотря на всѣ труды и безмѣрныя требованія начальства, находилъ еще средство поддерживать свой талантъ, зная, какое тѣмъ дѣлаю утѣшеніе дорогимъ, милымъ моимъ родителямъ. Обѣщавъ имъ ежедневно, хоть понемногу, играть на скрипкѣ, я не рѣдко, изнуренный отъ усталости, засыпалъ со скрипкою въ рукахъ, или игралъ едва различая ноты, бывшія передъ глазами, избирая всегда для игры такое время и такое мѣсто, чтобы никто слышать меня не могъ.

Сблизясь съ графомъ, я имѣлъ возможность всмотрѣться въ необыкновенныя черты нрава этого человѣка. Одаренный необыкновеннымъ умомъ, но безъ всякаго образованія, онъ имѣлъ душу твердую, но самолюбивъ былъ до крайности; сожалѣнія къ ближнему никакого...

Прослужа при графѣ Аракчеевѣ 8 лѣтъ, т.-е. по 1825 г., въ теченіе этого времени я былъ употребленъ для построенія искусственныхъ работъ, мостовъ, стропилъ, экзерцирзгаузовъ и проч. А какъ въ производствѣ сихъ работъ ни Клейнмихель, ни самъ графъ ничего не понимали, то я имѣлъ всегда возможность отклонить отъ себя разныя мелочныя взысканія, представляя непонятныя для нихъ причины моихъ дѣйствій. Слишкомъ было бы долго описывать разные анекдоты, случившіеся во время служенія моего на военныхъ поселеніяхъ; но я хочу описать обстоятельство со мною случившееся, которое доказываетъ, что ежели графъ былъ строгъ, то умѣлъ понимать и чувства нѣжныя. Въ 1823 г. матушка писала Государю Александру Павловичу, прося его дать мѣсто батюшкѣ. Письмо это Государь передалъ графу Аракчееву, какъ въ то время все ему передавалось. Нѣсколько времени потомъ, въ С.-Петербургѣ, получаю я приглашеніе обѣдать у графа съ приказаніемъ придти ¼ часа ранѣе. Лишь вошелъ я къ нему въ кабинетъ, онъ подаетъ мнѣ бумагу; я развертываю и вижу копію съ указа, имъ свѣреннаго, объ опредѣленіи батюшки въ Государственный Совѣтъ. Трудно объяснить мое чувство въ эту минуту. Графъ, замѣтя это на моемъ лицѣ, сказалъ: «Очень я радъ, что могъ сдѣлать и батюшкѣ твоему, и тебѣ такое удовольствіе; теперь пойдемъ обѣдать, а тамъ ты отвезешь это батюшкѣ, которому скажи отъ

меня, что я очень радъ съ нимъ послужить». За обѣдомъ графъ приказывалъ нѣсколько разъ скорѣе подавать кушать, посадилъ меня возлѣ себя и, не давъ послѣднимъ окончить послѣднее кушанье, всталъ, обнялъ меня и сказалъ: «Ну, съ Богомъ, поѣзжай! Я знаю, какъ тебѣ домой хочется; не забудь моего порученія»...

Въ другой разъ случилось мнѣ, по званію старшаго адъютанта, быть у Клейнмихеля; онъ былъ нездоровъ и, когда я сталъ читать ему приказъ, онъ прервалъ меня и говоритъ: «ты все врешь». При всей моей молодости и терпѣливомъ нравѣ, слова эти показались мнѣ такъ тяжелы, что я сложилъ книгу приказовъ и пошелъ вонъ. Сколько генералъ меня ни звалъ, я продолжалъ идти, какъ бы не слышу, и совсѣмъ ушелъ. Пріѣхавъ домой, я сказался больнымъ, какъ на другой день получаю собственноручное письмо графа.

Я тотчасъ явился на службу, и тѣмъ все кончилось. Въ отвѣтственности и непріятностяхъ непрестанныхъ, исполняя двѣ должности (старшаго адъютанта въ штабѣ и строителя искусственныхъ работъ), я видѣлъ, что мнѣ надо рѣшиться оставить службу, ибо чувствовалъ себя болѣе не въ силахъ продолжать столь усиленнаго труда съ отвѣтственностію, угрожающею несчастіемъ мнѣ и слѣдовательно роднымъ моимъ. Но какъ это сдѣлать? Съ военныхъ поселеній добромъ никого не отпускали; надо было рѣшиться и всю надежду положить на Бога. Въ 1825 г. лѣтомъ, оканчивая построеніе огромнаго искусственнаго моста чрезъ Лажитовскій ручей въ округѣ короля Прусскаго полка, я рѣшился написать графу письмо, которымъ просилъ его позволить мнѣ подать въ отставку. Графъ самъ пріѣхалъ на мои работы и разнымъ образомъ сталъ уговаривать меня остаться, ласками и угрозами, а какъ я за лучшее почелъ менѣе говорить, а больше дѣлать, то графъ уѣхалъ, не получивъ отъ меня рѣшительнаго отвѣта, и я увѣренъ, что эти обстоятельства мои весьма дурно бы кончились, если бы обстоятельства другія, весьма важныя, не затмили меня и моей службы, такъ что отставка моя пошла по начальству Путей Сообщенія, гдѣ я числился, и я вышелъ безъ отрепьевъ...

Въ тотъ самый день, какъ графъ Аракчеевъ объяснялся со мною на счетъ моей отставки, поѣхалъ онъ обратно въ округъ имени своего полка, пошелъ осматривать штабъ, какъ получается извѣстіе, что Настасью Ѳедорову зарѣзали. Докторъ Далеръ приказалъ тотчасъ заложить коляску и самъ, вошедъ къ графу, сказалъ ему, что Настасья Ѳедоровна очень занемогла. Графъ, замѣтя, что должно быть нѣчто необыкновенное, такъ потерялся, что едва могъ найти дверь для выхода и, увидавъ свою коляску, поспѣшно сѣлъ въ нее и приказалъ ѣхать. Кучеръ мчалъ лошадей, сколько было силы, и наконецъ до-

скакиваетъ до оврага, гдѣ строился мостъ подъ присмотромъ капитана Кафки (этотъ Кафка жилъ въ Грузинѣ и былъ употребленъ при собственныхъ работахъ графа). Увидавъ его, графъ остановилъ коляску и закричалъ: «Что̀, Кафка, говори!»—«Что́ дѣлать, ваше сіятельство, несчастіе! Зарѣзали!» На эти слова графъ не отвѣчалъ ни слова, тихо вышелъ изъ коляски и, обращаясь къ Далеру, который сидѣлъ съ нимъ, сказалъ: «Ну, теперь мнѣ ничего не надо; поѣзжайте, куда хотите, оставьте меня; я пойду пѣшкомъ» (это было въ 6 верстахъ отъ Грузина). Графъ шелъ, не говоря ни слова, и всѣ слѣдовали за нимъ, не смѣя нарушить его молчанія. Пришедъ въ Грузино, графъ тотчасъ пошелъ въ комнату, гдѣ было тѣло Настасьи, кинулся обнимать ее, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ рыданія, снялъ съ ея шеи окровавленный платокъ, надѣлъ на себя и, вышедъ на крыльцо, разорвалъ свой сюртукъ и закричалъ окружавшимъ его людямъ: «Злодѣи, зачѣмъ меня не зарѣзали; мнѣ бы легче было!» Первое время положеніе графа было ужасно: онъ все молчалъ, почти не ѣлъ, спалъ сидя и не иначе, какъ подъ тихій разговоръ его окружающихъ; страхъ преслѣдовалъ его ежеминутно. Настасья была зарѣзана молодымъ поваромъ за то, что она обѣщала высѣчь сестру его, которая, будучи у нея въ услуженіи, переносила нестерпимыя звѣрства. Подробности изслѣдованія сего дѣла и послѣдовавшія наказанія мнѣ не довольно вѣрно извѣстны, чтобы ихъ описывать, ибо я былъ уже въ Петербургѣ и ни съ кѣмъ не видался, подавъ рапортъ о болѣзни. Знаю только, что звѣрскіе поступки и жесточайшія наказанія со ссылкою въ Сибирь довершили намѣреніе Государя Николая Павловича удалить графа и, наконецъ, въѣздъ въ столицы ему былъ воспрещенъ. Во время случившагося злодѣянія Государь Александръ Павловичъ находился въ Таганрогѣ; всѣмъ извѣстно довѣріе, какимъ пользовался графъ Аракчеевъ, и въ доказательство того внесу здѣсь два письма, которыя Государь писалъ ему, получивъ извѣстіе о семъ происшествіи.

„22 Сентября 1825 г. Таганрогъ. Любезный другъ! Нѣсколько часовъ „какъ я получилъ твое письмо и печальное извѣстіе объ ужасномъ проис„шествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ, что̀ твое должно ощу„щать; но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо „Его святой волѣ! Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ „несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ по моему убѣжде„нію. Истинно раздѣляю я твою печаль. Я живо воображаю себѣ все, что̀ въ „тебѣ, мой любезный другъ, должно было произойти. Твое огорченіе, твоя „печаль крайне меня поразили; даже мое собственное здоровье сильно оное „почувствовало. Но еще разъ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ

„тебѣ: отчаяніе есть грѣхъ и сильный грѣхъ. Покорность совершенная волѣ „Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе „должны мы преклонять главы наши съ умиленіемъ и повиновеніемъ Его свя„той волѣ. Покорись ей, и Богъ Самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ. Ты „мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать? „Пріѣзжай ко мнѣ; у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. „Мѣсто здѣсь уединенное; будешь жить, какъ ты самъ расположишь; бесѣда „съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но закли„наю тебя всѣмъ, чтó есть святаго: вспомни отечество, сколь служба твоя „ему полезна, могу сказать, необходима; а съ отечествомъ и я неразлученъ. „Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія „твоихъ трудовъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время „на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ твоихъ силъ. Вспомни, „сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я „Бога усердно прошу, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье, и все„лилъ бы въ тебя необходимую твердость съ повиновеніемъ Его святой волѣ. „Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показанія пре„ступниковъ и твое по всему оному предположеніе. Объяви губернатору мою „волю, чтобы старался дойти всѣми мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ на„правленій или подущеній. Любезный другъ! Жаль мнѣ, свыше всякаго изре„ченія, твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, чтò оно должно „чувствовать и скорблю съ нимъ искренно. Прощай, любезный Алексѣй Анд„реевичъ! Не покидай друга и вѣрнаго тебѣ друга. Александръ“.

„3-го Октября 1825 г. Таганрогъ. Твое здоровье, любезный другъ, ду„шевное и тѣлесное, послѣ такого несчастія, крайне меня безпокоитъ. Я на„рочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человѣка тебѣ предан„наго, дабы съ нимъ посовѣтоваться на счетъ твоего положенія и, по до„вольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить до другаго „времени осмотръ войскъ находящихся подъ начальствомъ графа Витта, „дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ. А я буду имѣть „возможность получать подробныя свѣдѣнія, какъ о твоемъ здоровьѣ, такъ „и о подробностяхъ сего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ „крайне прискорбно, что Далеръ ни одной строчки о тебѣ не пишетъ, когда „прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьѣ. Неужели тебѣ „не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ на„ходиться о тебѣ, въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ за„быть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно, и еще грѣшнѣе „сомнѣваться въ его участіи о твоей печали! Убѣдительно тебя прошу, лю„безный другъ: если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣ„щать на свой счетъ; я въ сильномъ безпокойствіи. На вѣкъ искренно тебя „любящій Александръ“.

Сихъ двухъ писемъ достаточно, чтобы судить, какою довѣренностію пользовался графъ Аракчеевъ и какъ былъ любимъ Государемъ. Не менѣе того, Аракчеевъ въ Таганрогъ не поѣхалъ и вслѣдъ за симъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти Государя...

Испросивъ себѣ увольненіе въ отпускъ за границу, графъ Аракчеевъ, передъ отъѣздомъ, отдалъ по военному поселенію слѣдующій приказъ.

С.-Петербургъ, Мая 1-го дня 1826 г. № 153.

„Господа генералы и офицеры войскъ поселенныхъ"!

„Къ удовольствію моему, многіе изъ васъ, почтенные мои сотоварищи, находятся въ сихъ войскахъ съ самаго открытія военныхъ поселеній, и я не могу имѣть справедливѣйшихъ цѣнителей трудовъ моихъ по сей части, какъ васъ, достойные мои сотрудники, и особенно васъ гг., генералы и командиры полковъ 1-й гренадерской дивизіи, принимавшихъ дѣятельное участіе въ образованіи округовъ, отъ первоначальнаго плана до настоящаго ихъ положенія. Сіе новое, никогда нигдѣ на принятыхъ основаніяхъ небывалое, великое государственное предпріятіе, справедливо обратившее на себя вниманіе цѣлой Европы, обязано своимъ началомъ и существованіемъ величайшему изъ царей, въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Благословенному. Въ его всеобъемлющемъ умѣ родилась счастливая мысль о военныхъ поселеніяхъ; его мудрыми соображеніями получила свою зрѣлость, и ему только одному въ началѣ извѣстны были тѣ основанія, на коихъ надлежало сію великую мысль произвести въ дѣйство" *).

„Мнѣ первому, и единому мнѣ, она была открыта; удостоенный довѣренностію Его Величества, я одинъ имѣлъ счастіе принимать приказанія его и руководствоваться его наставленіями. Приводя въ исполненіе священную волю Его Величества, я самъ былъ новъ въ семъ важномъ дѣлѣ и долженъ былъ дѣйствовать людьми совершенно новыми. Я долженъ былъ въ одно время учить и учиться, объяснять, растолковывать каждому благую, но еще никому тогда неизвѣстную цѣль военныхъ поселеній и защищать устройство оныхъ противъ несправедливыхъ разглашеній, устрашавшихъ не только нижнихъ чиновъ, но, можетъ быть, нѣкоторыхъ и изъ самихъ васъ. Сего уже довольно, чтобъ истощить силы человѣка, въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ, съ слабымъ моимъ здоровьемъ. Но вы были свидѣтели, какихъ трудовъ мнѣ стоилъ одинъ выборъ для военныхъ поселеній мѣстъ, кои бы по своему

*) Нынѣ извѣстно, что первоначально графъ Аракчеевъ, въ бесѣдахъ своихъ съ Государемъ, долго противился учрежденію военныхъ поселеній. Говорятъ, сохранилось его частное письмо къ Государю, гдѣ онъ пишетъ, что все ненавистное въ этомъ дѣлѣ придется ему принять на себя и что онъ на то готовъ изъ личной приверженности. П. Б.

положенію соединяли въ себѣ всѣ удобства для жительства предназначаемаго числа людей и достаточно обезпечивали будущее ихъ положеніе. Вы часто видѣли меня, съ сею цѣлью ѣдущаго въ телѣгѣ и верхомъ, видѣли пробирающагося пѣшкомъ по мѣстамъ до того непроходимымъ, и въ грязи и въ лѣсахъ назначающаго сіи самыя мѣста, столь хорошо съ Божіею помощію обработанныя нынѣ поля и застроенныя мѣста, которыя составляютъ предметъ хвалы пріѣзжающихъ видѣть настоящее положеніе военныхъ поселеній".

„Постоянство такихъ трудовъ могло поддерживаться единымъ только моимъ усердіемъ и безпредѣльною приверженностію моею къ блаженной памяти Государю, отцу и благодѣтелю моему, на служеніе которому посвятилъ я 30 лучшихъ лѣтъ моей жизни. Его милостивый взоръ награждалъ меня за все, его отеческое вниманіе облегчало бремя трудовъ и заботъ моихъ и укрѣпляло слабыя мои силы. Но судьбамъ Всевышняго угодно было возвать отъ насъ къ Себѣ сего Отца-Монарха. Внезапная, горестная для всего свѣта кончина Его Величества поразила мой духъ и сердце и до того разстроила мое здоровье, что я ни днемъ, ни ночью не имѣю спокойствія. По совѣту врачей мнѣ осталось одно средство: испытать Карлсбадскія воды. Съ душевнымъ прискорбіемъ я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго нашего Государя Николая Павловича объ увольненіи меня за границу для пользованія минеральными водами. Его Величество, всемилостивѣйше снисходя на просьбу мою, изволилъ пожаловать мнѣ увольненіе высочайшимъ рескриптомъ, 30-го Апрѣля на имя мое послѣдовавшимъ и при семъ въ копіи прилагаемомъ, повелѣвая управленіе отдѣльнымъ Корпусомъ Военныхъ Поселеній, на время отсутствія моего, оставить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніи начальника штаба Военныхъ Поселеній".

„Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, при увольненіи меня, высочайше изволилъ прислать мнѣ на собственные мои расходы 50 т. рублей. Принимая сію царскую награду милостивымъ его ко мнѣ благоволеніемъ, я долгомъ моимъ считаю о сей высочайшей милости объявить по Корпусу Военныхъ Поселеній. Прилагаемая же при семъ копія всеподданнѣйшаго письма моего къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ покажетъ моимъ сослуживцамъ сдѣланное изъ оной употребленіе *)".

„Оставляя такимъ образомъ васъ, почтенные мои сотоварищи, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ принесть вамъ истинную и совершенную мою благодарность за тѣ опыты вашего усердія къ службѣ, которые оказывали вы во все время бытія подъ моимъ начальствомъ. Ваша вѣрность обязанностямъ вашего званія имѣетъ уже лестную награду. Она ознаменована

---

*) Графъ Аракчеевъ пожертвовалъ эти деньги въ капиталъ Военно-сиротскаго Дома, для воспитанія пяти дѣвицъ, отцы которыхъ служатъ въ военныхъ поселеніяхъ, или же Новгородскихъ дворянокъ.

особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ ко всѣмъ войскамъ поселеннымъ: ибо ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ не причастенъ извѣстному гнусному заговору, объявленному отъ правительства во всенародное извѣстіе. Сіе дѣлаетъ честь Корпусу Военныхъ Поселеній и конечно будетъ отличительною чертою въ исторіи государства Россійскаго".

„Теперь къ вамъ обращаюсь, добрые солдаты войскъ поселенныхъ! Я благодарю васъ за ту довѣренность, которую вы ко мнѣ имѣли съ самаго начала вашего поселенія. Вы мнѣ повѣрили, что поселеніе будетъ источникомъ вашего благополучія, и видите на дѣлѣ событіе сей истины. Служа Царю, вы наслаждаетесь всѣми удовольствіями жизни семейной; вы неразлучны съ вашими женами и дѣтьми, съ своими родными, пріятелями и друзьями; вы не обязаны уже разлучаться съ ними и переходить на квартиры изъ одной страны въ другую. Благодарю васъ также за усердіе ваше при всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ Бозѣ почившаго Государя. Особенно благодарю васъ, солдаты 1-й поселенной гренадерской дивизіи и всего Новгородскаго отряда. Удостоиваясь ежегодно счастія быть представленными сему Отцу-Монарху, вы доставляли своимъ устройствомъ истинное ему удовольствіе, и время высочайшаго Его Величества смотра было всегда временемъ вашего торжества, временемъ особеннаго къ вамъ благоволенія, что̀ всякому извѣстно изъ печатныхъ моихъ приказовъ. Награды, кои отъ него вы ежегодно получали и которыя составляютъ значительную печатную книгу, будутъ вѣчнымъ памятникомъ его къ вамъ милостей".

„Наконецъ, прошу васъ, добрые солдаты, молите Бога объ успокоеніи души великаго основателя вашихъ поселеній и общаго нашего благодѣтеля и отца Государя Александра, который, по благочестивой, праведной здѣсь жизни, предстоя навѣрное тамъ на небеси у престола славы Божіей, молитъ Его всемогущество, да сохранитъ васъ отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ и да будемъ мы, въ нашемъ служеніи великому его преемнику Государю Императору Николаю Павловичу, одушевлены тѣмъ же усердіемъ и вѣрностію, которыя всегда отличали Русскаго воина. Прошу гг. полковыхъ, баталіонныхъ командировъ и командировъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, сей приказъ прочитать въ каждой ротѣ и въ каждомъ эскадронѣ и раздать въ оные печатные его экземпляры. Генералъ графъ Аракчеевъ".

„Государь изволилъ читать 30 Апрѣля 1826 г. въ Аничковскомъ дворцѣ".

По возвращеніи въ Россію графъ Аракчеевъ жилъ безвыѣздно въ Грузинѣ. Сколько прежде всякій поступокъ, всякое слово его занимало всѣхъ, столько тутъ никто не помышлялъ о его существованіи. Могущество его изчезло совершенно, и въ доказательство того приведу случившійся со мною примѣръ. Въ 1833 г. получилъ я отъ графа два письма, которыми онъ проситъ моего ходатайства на про-

изводство въ офицеры унтеръ-офицера Кіевской жандармской команды Андреева. Я доложилъ объ этомъ графу Бенкендорфу, и онъ сказалъ мнѣ: «Когда графъ Аракчеевъ былъ во всей силѣ и могъ дѣлать, что хотѣлъ, моя нога у него не бывала, потому что никогда до него настоящаго дѣла не имѣлъ; но теперь я готовъ все сдѣлать, что отъ меня зависитъ для удовлетворенія его желанія». Онъ приказалъ написать тотчасъ докладъ, въ которомъ, подтвердивъ о добрыхъ качествахъ Андреева, онъ испрашивалъ ему производство въ офицеры, присовокупивъ, что о томъ ходатайствуетъ графъ Аракчеевъ. Каково было наше удивленіе, когда докладъ отъ Государя возвратился съ надписью: «рано». Резолюцію эту я сообщилъ графу и воображалъ, что должно было ощущать его самолюбіе! Въ отвѣтъ я получилъ отъ графа письмо собственноручное, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ и доказывающее, до какой степени онъ былъ бережливъ во всемъ.

Нельзя не обратить вниманія на ужасный конецъ этого могущественнаго человѣка. Даже докторъ Далеръ и архитекторъ Минутъ, прожившіе съ нимъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, его оставили и изъ Грузина выѣхали; и графъ Аракчеевъ остался одинъ, совершенно одинъ, потерявъ все и всѣхъ. Онъ съ горемъ и подавленнымъ самолюбіемъ доживалъ въ Грузинѣ послѣдніе дни жизни и умеръ въ 1834 г.

Прошеніе мое объ отставкѣ пошло, какъ я сказалъ по начальству Путей Сообщенія. Я пріѣхалъ въ Петербургъ, сказался больнымъ и никуда не выѣзжалъ. Въ это время начали говорить о какомъ-то заговорѣ, о нежеланіи присягать Государю Николаю Павловичу. Не принадлежа ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, ни я, ни братья, мы понятія не имѣли объ ужасныхъ замыслахъ сихъ обществъ, имѣвшихъ въ предметѣ ниспровергнуть власть царскую. Междуцарствіе, отреченіе великаго князя Константина Павловича, медленность великодушная на вступленіе на престолъ Николая Павловича подали еще болѣе возможности злоумышленникамъ ввести къ заблужденіе солдатъ и завлечь множество офицеровъ гвардейскаго корпуса. 14 Декабря 1825 года, въ день назначенный для присяги всѣхъ полковъ, батюшка благословилъ брата Илью, служившаго тогда ротнымъ командиромъ въ Измайловскомъ полку, и сказалъ: «Богъ съ тобой, иди и исполняй свой долгъ, какъ честному человѣку надлежитъ».—При этомъ надо сказать, что до 14 числа товарищи брата Ильи Ѳедоровича не однократно присылали за нимъ по вечерамъ; нѣкоторые и сами приходили, все съ намѣреніемъ завлечь его въ ихъ общество; но особеннымъ милосердіемъ Божіимъ и попеченіями добрыхъ родителей, которые предвидѣли ужасныя послѣдствія, Илья Ѳедоровичъ всегда находилъ средство оставаться дома и въ ихъ совѣщательныя собранія

не ходить. Прибывъ къ полку, братъ Илья Өедоровичъ былъ передъ своею ротою, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, какъ, за нѣсколько минутъ до присяги, нѣкоторые офицеры другихъ ротъ вышли изъ фронта и съ обнаженными саблями кричали солдатамъ, чтобы они не присягали, что они обмануты и должны защищать законнаго государя, т.-е. Константина Павловича. Офицеровъ этихъ взяли подъ арестъ, а полкъ пошелъ на Сенатскую площадь, гдѣ собрались мятежники. Вечеромъ, видя заботу батюшки на счетъ Ильи Өедоровича, я рѣшился, въ партикулярной бекешѣ и круглой шляпѣ, пойти отыскать Измайловскій полкъ и узнать, здоровъ ли онъ. Сдѣлалъ же я это единственно для того, что, рапортовавшись больнымъ, я боялся, чтобы меня не узнали, а между тѣмъ не сообразилъ, какой я подвергался опасности: имѣя подъ бекешею форменный сюртукъ безъ эполетъ, небритый и въ цвѣтномъ галстукѣ, я могъ быть взятъ съ мятежниками, которые по большей части были въ подобныхъ костюмахъ. На ночь полки окружили бивуаками Зимній дворецъ, и братъ Илья Өедоровичъ отпросился къ сестрѣ Аннѣ Өедоровнѣ Скалонъ, жившей тогда въ домѣ Главнаго Штаба. Тутъ встрѣтилъ онъ Корниловича (офицера Генеральнаго Штаба), который просилъ Илью Өедоровича передать поручику Измайловскаго полка Кожевникову, дальнему нашему родственнику, нѣсколько тысячъ рублей; но и тутъ Богъ предохранилъ его: онъ денегъ не взялъ, а въ послѣдствіи, какъ Корниловичъ, такъ и Кожевниковъ, оказались причастными къ ужасному заговору, были взяты въ крѣпость и, наконецъ, погибли.

Мы были довольно спокойны, огорчаясь только, вмѣстѣ съ другими, что безпрестанно привозили въ крѣпость изъ разныхъ странъ Россіи множество молодыхъ людей лучшихъ дворянскихъ фамилій, причастныхъ къ сему заговору. Однажды вечеромъ, въ экстраординарное собраніе Государственнаго Совѣта, батюшка, служившій въ ономъ, по окончаніи засѣданія, слышитъ, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ членъ слѣдственной коммиссіи, которая была учреждена надъ злоумышленниками, спрашиваетъ: «послали за Львовымъ?» Въ первую минуту батюшка подумалъ, что ему послышалось; но, къ несчастію, это была правда. Въ отсутствіе батюшки генералъ Симанскій (бывшій командиромъ Измайловскаго полка) пріѣзжаетъ къ намъ и объявляетъ, что Илью Өедоровича приказано, арестовавъ, представить въ слѣдственную коммиссію, а бумаги его запечатать. Невозможно выразить, что́ сдѣлалось съ другомъ нашимъ маменькой и всѣми нами. Горе неизъяснимое! Лишь братъ уѣхалъ, батюшка возвращается изъ Совѣта и спрашиваетъ, дома ли Илья. Какъ маменька ни искала представить разныя причины его отсутствія, но батюшка

догадался и разсказалъ намъ, что́ онъ слышалъ въ Совѣтѣ. Сколько мы ни были увѣрены въ непринадлежности Ильи Ѳедоровича къ тайнымъ обществамъ и въ томъ, что онъ ни къ какому злому замыслу причастенъ быть не можетъ, но знали также, что въ этихъ случаяхъ одна неосторожность, одно слово, одно присутствіе при разговорѣ могутъ погубить человѣка безвозвратно. Всю ночь провели мы въ слезахъ. Два дня, не смотря на всѣ наши старанія, мы ничего не могли узнать объ Ильѣ. На третій получаемъ отъ него записку: «Слава Богу! Я въ полку, и вы можете меня видѣть». Я бросился къ милому другу и истинно объятъ былъ страхомъ, увидя, какое дѣйствіе произвело на добраго и честнаго этого человѣка двухдневное его пребываніе въ коммиссіи. Его честность не могла перенести стыда быть между злоумышленниками: онъ похудѣлъ, какъ послѣ сильной горячки! Тутъ узнаю я, что милостивый Императоръ, зная лично Илью и не полагая возможнымъ, чтобы онъ былъ причастенъ заговору, сказалъ: «Что́ ему дѣлать въ крѣпости? Отпустите его въ полкъ подъ надзоръ полковаго адъютанта и съ дозволеніемъ роднымъ его видѣть». Будучи безъ службы, я въ 7 часовъ утра отправился къ Ильѣ; въ 12 часовъ приходили батюшка и матушка, и всѣ вмѣстѣ старались его успокоивать и поддерживать упадающій духъ его. Ровно черезъ мѣсяцъ Илью потребовали въ коммиссію, гдѣ ему объявили, что онъ найденъ невиннымъ, въ чемъ и дали ему аттестатъ; онъ былъ оговоренъ злоумышленниками, которые старались увеличивать число преступниковъ, полагая, что чрезъ то будетъ облегчена участь ихъ самихъ. По возвращеніи домой добрый Илья не вѣрилъ своему счастію, не вѣрилъ что онъ до́ма, съ нами, ходилъ по всѣмъ комнатамъ, цѣловалъ насъ, людей; однимъ словомъ, весь домъ былъ въ счастіи неизъяснимомъ!

У насъ снова водворилась тишина, и мы было принялись за музыку, какъ чрезъ нѣсколько дней вечеромъ пріѣзжаетъ къ намъ офицеръ Измайловскаго полка Гудимъ и въ страшномъ испугѣ объясняетъ Ильѣ и мнѣ, что его берутъ въ коммиссію и что онъ не знаетъ, за что́. Мы стали увѣрять Гудима, что коммиссія ищетъ болѣе оправдывать, чѣмъ обвинять. Илья разсказывалъ Гудиму, какъ дѣйствуетъ милостиво коммиссія, спрашивалъ Гудима, не принадлежитъ-ли онъ какому тайному обществу, или не былъ-ли на ихъ совѣщаніяхъ, и когда Гудимъ рѣшительно сказалъ, что ничего не знаетъ и ни къ чему не причастенъ, то Илья ободрялъ его и увѣрялъ, что коммиссія его немедленно отпуститъ. На другой день вечеромъ полковой адъютантъ Батуринъ пріѣзжаетъ и объявляетъ, что коммисія требуетъ Илью, но не арестованнаго. Илья тотчасъ поѣхалъ. Черезъ часъ пріѣзжаютъ за Васильемъ и также увозятъ. До другаго дня мы ничего узнать не могли. Какъ я ни искалъ братьевъ, могъ только увидѣть Василія у

окошка въ третьемъ этажѣ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ, но говорить съ нимъ возможности не имѣлъ. Въ ночь съ другаго дня на третій, часу въ четвертомъ, братья возвратились; мы подбѣгаемъ, спрашиваемъ, и что̀ же? Тотъ-же Гудимъ, который пріѣзжалъ и такъ говорилъ съ нами, былъ взятъ, потому что, случась въ одномъ изъ совѣщаній, у офицеровъ морскаго гвардейскаго экипажа, онъ сказалъ имъ, что будто наканунѣ 14 числа былъ у насъ и что при немъ пріѣхалъ адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ и будто сказалъ: «Завтра наступаетъ рѣшительный день, я въ Совѣтѣ буду отстаивать права Константина Павловича, а вы молодые люди обязаны защищать его до послѣдней капли крови». Въ коммиссіи Гудимъ сказалъ, что самъ этого не слыхалъ, а что слова эти были ему переданы которымъ-то изъ братьевъ Львовыхъ. Послѣ очныхъ ставокъ Гудима съ братьями поочереди, оказалось, что онъ все это выдумалъ, чтобы придать себѣ болѣе важности въ обществѣ, въ которомъ былъ членомъ. Братьевъ отпустили съ строгимъ запрещеніемъ говорить о семъ обстоятельствѣ съ кѣмъ-бы то ни было.

Казалось, что горе миновало, и мы благодарили Бога, что братья спасены были Его милосердіемъ! Но жестокое это испытаніе должно было еще возвратиться, хотя въ другомъ видѣ. Недѣли три или мѣсяцъ послѣ этого, сестра Дарья Өедоровна присылаетъ сказать намъ, что мужа ея, Алексѣя Васильевича Семенова, берутъ подъ арестъ и что полицеймейстеръ у нихъ и печатаетъ его бумаги. Мы съ маменькой *) побѣжали и дѣйствительно застали тутъ полицеймейстера полковника Дершау, который въ мѣшокъ собиралъ все, что̀ въ ящикахъ находилъ. Жестокая эта минута никогда не изгладится изъ моей памяти; это было на шестомъ мѣсяцѣ Дашинаго замужества; она не плакала и сама подавала бумаги Дершау. Семеновъ потерялся совершенно, безпрестанно хотѣлъ мнѣ говорить наединѣ и ничего сказать не могъ; наконецъ, онъ простился съ Дашей, съ нами и уѣхалъ съ полицеймейстеромъ. Мы остались одни, двери въ домѣ и ящики въ шкапахъ, комодахъ отворены; въ столовой люди, собравшись въ углу, рыдали; Даша была почти безъ памяти. Мы потащили ее къ намъ въ домъ; она едва могла идти. Увидѣвъ папеньку, она горько заплакала; слезы ее облегчили. Я обѣщалъ ей узнать, гдѣ Алексѣй Васильевичъ, и, послѣ двухъ дней спросовъ и исканій, увидѣлъ я съ бульвара въ окно, что онъ посаженъ подъ самый строгій караулъ на главной гаубтвахтѣ во дворцѣ; жандармы его окружали, кормили рубленой говядиной, не давая ни вилки, ни ножа. Алексѣй Васильевичъ тоже меня увидѣлъ стоящаго на бульварѣ; глядя другъ на друга, мы оба плакали, не

---

*) Такъ называлъ А. Ө. Львовъ свою мачиху. П. Б.

предвидя возможности сообщить что-либо другъ другу: мы не смѣли сдѣлать малѣйшаго движенія руками или головой въ боязни, что замѣтятъ и лишатъ насъ послѣдняго наслажденія. Зная всѣ сношенія Алексѣя Васильевича съ злоумышленниками и дружескую его связь со многими изъ нихъ, чего могли мы ожидать? На какой жребій должна была готовиться бѣдная Дарья Ѳедоровна, едва оставившая домъ родительскій? Однако я уже обрадовалъ ее, сказавъ, что издалека видѣлъ ея мужа. Дней чрезъ нѣсколько я и съ ней ходилъ по бульвару, и мы видали Алексѣя Васильевича. По знакомству моему съ офицерами, стоявшими въ караулѣ, я находилъ средство приносить самъ бѣлье ему, а въ бѣльѣ записочку отъ Дарьи Ѳедоровны; отъ него же получалъ черное бѣлье и съ отвѣтомъ. Потомъ, выбравъ офицера, мнѣ короткаго знакомаго, я упросилъ его позволить провесть Дарью Ѳедоровну. Какой добрый и честный человѣкъ былъ капитанъ, который, изъ состраданія къ несчастнымъ, рѣшился на такой поступокъ, за что́ могъ-бы строго отвѣчать. Не назову его, потому что далъ ему въ томъ честное слово. Дарья Ѳедоровна была у мужа, и радость ея превосходила мѣру. Чрезъ нѣсколько времени Алексѣй Васильевичъ предупреждаетъ меня, что на другой день будетъ на очной ставкѣ съ княземъ Оболенскимъ и Пущинымъ (оба изъ числа главнѣйшихъ преступниковъ и крайніе его пріятели) и что тутъ должна участь его рѣшиться. Никому не говоря объ этомъ, я пришелъ на другой день и узналъ, что Оболенскій въ глазахъ Алексѣя Васильевича подтверждалъ всѣ показанія, какія на него дѣлалъ и вторично подписалъ ихъ. Пущинъ, лишь вошелъ, спросилъ у Семенова, здорова ли его жена, и тотчасъ объявилъ, что все имъ сказанное на его счетъ было вымышленно и отреченіе свое подписалъ. Благородный поступокъ несчастнаго Пущина спасъ Алексѣя Васильевича; князю Оболенскому не повѣрили и Семенова возвратили на гаубтвахту. Дней чрезъ нѣсколько, вечеромъ, мы были съ Дарьей Ѳедоровной у ея друга, какъ прибѣгаетъ плацъ-маіоръ съ объявленіемъ, что онъ свободенъ...

Этимъ кончились заботы наши по этому ужасному происшествію, въ которомъ Богу угодно было сберечь всѣхъ, но всѣмъ показать, что мы могли быть спасены единственно Его милосердіемъ....... Все утихло, и дворъ отправился въ Москву на коронацію. Батюшка, какъ директоръ придворной пѣвческой капеллы, поѣхалъ также и взялъ съ собою матушку, сестеръ и меня, еще свободного отъ службы. Тутъ познакомился я съ генераломъ Бенкендорфомъ, который еще графомъ не былъ, но сдѣланъ былъ шефомъ Корпуса Жандармовъ. Онъ предложилъ мнѣ быть его адъютантомъ, я согласился и, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, опредѣленъ былъ въ Корпусъ Жандармовъ капи-

таномъ съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ. Въ отставкѣ пробылъ я 9 мѣсяцевъ, опредѣлился же вновь въ 1826 году Ноября 18.

Съ этого времени перемѣнились совершенно моя служба и родъ моихъ занятій; часть инженерную, которая столько меня занимала, столько требовала трудовъ, надо было отложить въ сторону и навсегда, хотя пріобрѣтенныя мною познанія впослѣдствіи неоднократно были для меня полезны, если не по обязанностямъ служебнымъ, то въ дѣлахъ частныхъ. Тутъ увидѣлъ я, сколько мнѣ принесла пользы служба у графа Аракчеева. Мнѣ все казалось легко, все пріятно. Надо было писать штаты Корпуса Жандармовъ на новыхъ основаніяхъ, новыхъ условіяхъ; возникла огромная переписка со всѣми властями; и какъ Бенкендорфъ былъ также сдѣланъ управляющимъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, которое было тогда частью отдѣльною въ вѣдѣніи д. с. с. Фонъ-Фока, то сколько нужно было соображеній, чтобы части сіи, дѣйствуя за одно, содержались отдѣльно и одна другой не противорѣчили. Всѣ бумаги долженъ былъ писать почти я одинъ, потому что товарищи мои были люди неопытные и весьма по части письменной необразованные. Но вскорѣ почувствовалъ я то, что́ писалъ вамъ выше о достоинствахъ хотя строгаго, но толковаго начальника. Я замѣтилъ, что Бенкендорфъ былъ совершенно чуждъ производству дѣлъ. Онъ не постигалъ, что каждая бумага требуетъ времени для соображенія, времени, чтобы сочинить ее, времени, чтобы переписать и провѣрить. Приказывалъ онъ всегда въ полслова, потому что подробно и обстоятельно приказать не могъ и не умѣлъ. Не менѣе того онъ почувствовалъ во мнѣ надобность, меня къ себѣ приблизилъ болѣе прочихъ, и чрезъ годъ, т. е. въ 1827 г., перевелъ меня въ гвардейскій жандармскій полуэскадронъ тѣмъ же чиномъ капитана.

Въ 1828 году объявлена была война съ Турками, и я отправился съ главною квартирою въ походъ за Дунай въ Булгарію. 8, 9 и 16 Іюля былъ я въ сраженіяхъ при крѣпости Шумлѣ; 16 посланъ былъ въ отрядъ генерала Симанскаго для открытія непріятельскихъ партій. Въ это время случилось обстоятельство, которое вамъ для примѣра описать хочу. Одинъ изъ товарищей моихъ, адъютантъ Бенкендорфа С. находился также въ походѣ. Онъ былъ дежурнымъ; генералъ ночью посылаетъ его узнать о причинѣ перестрѣлки въ передовыхъ войскахъ. С. поѣхалъ, но будучи близорукъ, а можетъ боясь удостовѣриться о причинѣ своими глазами, онъ повѣрилъ ѣхавшему за нимъ козаку и, не доѣхавъ самъ до передовыхъ войскъ, воротился и донесъ генералу, что Турки сдѣлали внезапное нападеніе, что онъ самъ слышалъ ихъ крики Алла, но что наши войска, бывъ въ ружьѣ, отразили

ихъ и съ крикомъ ура прогнали гораздо далѣе за передовую линію. Между тѣмъ генералъ, не дождавшись возвращенія С—а, посылаетъ меня съ тѣмъ же порученіемъ. Какъ мы съ нимъ разъѣхались, я не знаю; но только я, проѣхавъ до мѣста, нашелъ общее смятеніе и отъ самихъ начальниковъ узналъ, что вся тревога произошла отъ ошибки. Съ симъ извѣстіемъ пріѣхалъ я тотчасъ послѣ С—ва. Государь приказалъ было его за фальшивое донесеніе арестовать, и это было бы ничего, еслибы С—въ симъ поступкомъ не показалъ своей неосновательности и трусости. Общее объ немъ заключеніе было таково, что онъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, принужденъ былъ подать въ отставку и съ тѣхъ поръ болѣе не служилъ......

......По невозможности взять Шумлу, Государь и вся свита отправились подъ Варну. Изъ Варны два раза слѣдовалъ я моремъ въ Одессу съ Бенкендорфомъ. При возвращеніи изъ Одессы въ первый разъ мнѣ приказано было съ полковникомъ Вуичемъ слѣдовать на пароходѣ. Ночью застала насъ буря; парусный фрегатъ, на которомъ ѣхалъ Государь, пропадалъ изъ виду; пароходъ нашъ, будучи въ самомъ дурномъ положеніи, почти не могъ сопротивляться волненію, и руль едва можно было скрѣпить веревками; однимъ словомъ, мы съ Вуичемъ видѣли минуту погибели. Командиръ нашего парохода посредствомъ трубки увидѣлъ, что фрегатъ воротился въ Одессу; тогда и мы повернули съ большимъ рискомъ и попутнымъ вѣтромъ полетѣли стрѣлой обратно. По прибытіи въ Одессу мы увидѣли, что руль парохода совершенно былъ испорченъ и котелъ лопнулъ, и что еслибы мы долѣе пробыли въ морѣ, то непремѣнно бы погибли...

Въ теченіе кампаніи я еще болѣе увидѣлъ, какъ тягостно служить у начальника несвѣдущаго и неумѣющаго дать дѣламъ того порядочнаго направленія, которое столько приноситъ пользы и столько облегчаетъ трудъ подчиненныхъ. Бенкендорфъ во всемъ хваталъ одни вершки, съ подчиненными былъ, какъ безтолковый кучеръ, который, взявъ всѣ возжи въ одну руку, погоняетъ лошадей безъ разбору, и ретивую, и лѣнивую, да и не замѣчаетъ, что отъ его ѣзды одна лошадь жирѣетъ, а другая изнемогаетъ. Такъ было со мной. Онъ меня употреблялъ, потому что я былъ способнѣе другихъ, и за секретаря, и за собственнаго адъютанта, и очень былъ радъ, что я трудился и молчалъ. По окончаніи кампаніи я непремѣнно вышелъ бы изъ службы, еслибы отличныя качества благородной души Бенкендорфа меня къ нему не привязывали болѣе и болѣе. Онъ былъ храбръ, уменъ, въ обращеніи простъ и прямъ; сдѣлать зло съ умысломъ было для него невозможность, съ подчиненными хорошъ, но вспыльчивъ, въ дѣлахъ совершенно несвѣдущъ, болѣе скажу, къ производству дѣлъ совер-

шенно неспособенъ, разсѣянъ и легокъ на все; безъ причины наградить по ходатайству другаго никогда не останавливался, также дать отличный аттестатъ всякому, у него служившему. Награждать же самъ большой неохотникъ, и потому хорошую карьеру у него сдѣлали тѣ, которымъ случай благопріятствовалъ. Собственной настойчивости никакой. Государь любилъ его какъ друга.

За эту кампанію я получилъ бантъ на Владимирскій крестъ и Анну на шею. Признаюсь, послѣ перенесенныхъ мною опасностей и трудовъ награды эти получилъ я съ большимъ удовольствіемъ. Но болѣе всего пріобрѣлъ я ту выгоду, что генералъ узналъ меня гораздо ближе, и самъ Государь, который приказалъ, чтобы впредъ во всѣхъ путешествіяхъ Его Величества я находился въ свитѣ для производства дѣлъ, до вояжей относящихся. Съ этого времени я сопутствовалъ Государю во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи и за границей. Описывать всѣ подробности этихъ путешествій было бы слишкомъ пространно и часто недовольно интересно; а потому я и буду разсказывать вамъ, милые друзья мои, лишь тѣ обстоятельства, которыя покажутся мнѣ для васъ занимательными.

Въ 1829 г. 24 Апрѣля Государь, Императрица и Наслѣдникъ, предпринявъ путешествіе въ Варшаву для коронованія, предъ отъѣздомъ были въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ отслужили краткое молебствіе, прикладывались ко святымъ иконамъ и затѣмъ, сопровождаемые молитвами и благословеніями людей всякаго сословія, наполнявшихъ соборъ, отправились въ путь. Торжественный въѣздъ въ Варшаву былъ 5 Мая, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ; въ предмѣстьи Прагѣ приготовленъ былъ домъ. Гвардейскія войска начинали шествіе, за ними слѣдовали придворные и государственные чиновники. Государь, Наслѣдникъ и великіе князья Михаилъ и Константинъ ѣхали верхомъ предъ Государыней Императрицей, слѣдовавшею въ каретѣ, запряженной 8 лошадьми въ драгоцѣнной сбруѣ. Примасъ, окруженный духовенствомъ, ожидалъ Ихъ Величества на паперти церкви Францискановъ. Ихъ Величества, принявъ привѣтствіе духовенства, продолжали шествіе ко дворцу, гдѣ были встрѣчены Сенатомъ и главными начальствами царства; потомъ отправились въ Греко-Россійскую церковь для молебствія. 7 Мая генералы, штабъ и оберъ-офицеры, духовенство, дипломатическое сословіе, нунціи и депутаты представлялись Ихъ Величествамъ. 8 Мая представлялись дамы. Народъ при всякомъ случаѣ, когда видѣлъ Ихъ Величества, изъявлялъ живѣйшую радость. Герольды разъѣзжали по главнымъ улицамъ и провозглашали народу прокламаціи о короновании Ихъ Величествъ. Коронованіе совершилось 12 Мая. Отъ дворца до собора устроенъ былъ по-

мостъ покрытый алымъ сукномъ, по сторонамъ коего стояли ряды войска. Въ 10 часовъ утра, министры, сенаторы, нунціи и депутаты воеводствъ, военные, придворные и гражданскіе чины собрались во дворцѣ. Примасъ Царства Польскаго, предшествуемый крестоносцемъ на бѣлой лошади и сопровождаемый епископами, сенаторами, отправился въ соборъ Св. Іоанна, уже наполненный народомъ. Въ 11 часовъ регаліи перенесены были въ каѳедральную церковь въ слѣдующемъ порядкѣ: орденъ Бѣлаго Орла, палатиномъ Грабовскимъ; государственная печать министромъ статсъ-секретаремъ гр. Грабовскимъ, государственный панирь генераломъ отъ инфантеріи Красинскимъ, царскій мечъ генераломъ отъ артиллеріи Гаукомъ, царская порфира кастеланами Сѣраковскимъ, Глищинскимъ, держава палатиномъ Черницкимъ, скипетръ палатиномъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, корона президентомъ сената графомъ Замойскимъ. Регаліи, встрѣченныя у дверей церкви примасомъ, многочисленнымъ духовенствомъ и десятью епископами въ полномъ облаченіи, возложены были на приготовленный для сего столъ, покрытый бархатомъ. Примасъ отслужилъ обѣдню Св. Духа, въ продолженіе которой играли 300 человѣкъ музыкантовъ, послѣ чего регалии были перенесены во дворецъ и положены въ тронной залѣ, куда прибыли Государь въ орденѣ Бѣлаго Орла и Императрица съ короною на главѣ и порфирою. Торжественный обрядъ совершился, когда Его Величество надѣлъ на свою главу корону и возложилъ цѣпь ордена Бѣлаго Орла на Императрицу и когда примасъ, вручивъ Государю скипетръ и державу, трижды возгласилъ: «Vivat rex in aeternum!» За симъ Государь произнесъ молитву голосомъ твердымъ, выразительнымъ и, наконецъ, прочиталъ молитву примасъ. Въ часъ пополудни Ихъ Величества, въ коронахъ и порфирахъ, Государь со скипетромъ и державою въ рукахъ, въ сопровожденіи ихъ высочествъ, отправились съ тою же процессіею въ церковь Св. Іоанна при громѣ пушекъ. Тутъ примасъ возгласилъ: «Тебя Бога хвалимъ», и потомъ Ихъ Величества возвратились во дворецъ. Въ соборъ и обратно Ихъ Величества шли подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Народъ вездѣ изъявлялъ особенную радость, и каждый хотѣлъ имѣть кусокъ сукна, которымъ былъ покрытъ помостъ, устроенный для шествія Ихъ Величествъ. Въ этотъ торжественный день былъ при дворѣ обѣдъ, за которымъ пили за здоровье всего царскаго дома, вѣрноподданныхъ и за благоденствіе царства при пушечныхъ выстрѣлахъ и звукѣ трубъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и Ихъ Величества ѣздили въ открытой каретѣ по главнѣйшимъ улицамъ и всюду были сопровождаемы радостными восклицаніями народа. 14 числа было общее поздравленіе, а 16 народный праздникъ, на который собра-

лось до 80 т. человѣкъ; послѣ общаго угощенія начались увеселенія, карусели и гимнастическія игры, вездѣ разставлены были кушанья и напитки. Послѣ этого были еще разныя увеселенія, балы и обѣды.21 Мая Ихъ Величества и ихъ высочества отправились въ Берлинъ, гдѣ присутствовали при бракосочетаніи принцессы Августы Саксенъ-Веймарской (младшей дочери ея высочества Маріи Павловны) со вторымъ сыномъ Прусскаго короля Вильгельмомъ. Въ Петербургъ возвратились 16 Іюля.

Въ 1830 г. ѣздилъ я также въ Варшаву. Государь былъ тамъ для открытія четвертаго сейма Царства Польскаго. 16 Мая сенаторы, нунціи и депутаты, выслушавъ молебствіе въ соборной церкви, собрались въ залѣ Сената, въ которую Государь и Императрица прибыли въ сопровожденіи министровъ, членовъ Совѣта, свиты своей, со всѣми придворными чинами, и Государь открылъ засѣданіе сейма. Послѣ всего этого кто могъ бы вообразить, что тѣже знатные Поляки, которые подъ личиною преданности съ такимъ усердіемъ участвовали въ этихъ пышныхъ церемоніяхъ, они-же возбудятъ народъ къ бунту и сами примутъ управленіе царствомъ и командованіе войсками?

......Въ 1833 году я сопутствовалъ Государю въ Австрію и Пруссію. По возвращеніи въ Россію графъ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что Государь, сожалѣя, что мы не имѣемъ своего народнаго гимна и скучая слышать музыку Англійскую, столько лѣтъ употребляемую, поручаетъ мнѣ попробовать написать гимнъ Русскій. Задача эта показалась мнѣ весьма трудною, когда я вспоминалъ о величественномъ гимнѣ Англійскомъ: God save the King, объ оригинальномъ гимнѣ Французовъ и умилительномъ гимнѣ Австрійскомъ. Нѣсколько времени мысль эта бродила у меня въ головѣ. Я чувствовалъ надобность написать гимнъ величественный, сильный, чувствительный, для всякаго понятный, имѣющій отпечатокъ національности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа отъ ученаго до невѣжи. Всѣ эти условія меня пугали, и я ничего написать не могъ. Въ одинъ вечеръ, возвратясь домой поздно, я сѣлъ къ столу, и въ нѣсколько минутъ гимнъ былъ написанъ.

Написавъ эту мелодію я пошелъ къ Жуковскому, который сочинилъ слова, но какъ не музыкантъ, не приноровилъ словъ къ минору окончанія перваго колѣна. Однако, положивъ гармонію простую, но твердую, я просилъ графа Бенкендорфа гимнъ послушать. Онъ сказалъ Государю, который вмѣстѣ съ Императрицей и Великимъ Княземъ Михаиломъ пріѣхали слушать гимнъ въ пѣвческій корпусъ, гдѣ я приготовилъ весь хоръ и два оркестра военной музыки. Государь, прослушавъ нѣсколько разъ, сказалъ мнѣ: c'est superbe, и 25 Декабря,

въ день изгнанія враговъ изъ Россіи, приказалъ мой гимнъ играть во всѣхъ залахъ Зимняго дворца. Ни интриги, ни зависть не могли опрокинуть это сочиненіе: мигомъ музыка гимна разнеслась по всѣмъ полкамъ, по всей Россіи и, наконецъ, по всей Европѣ.

Такъ состоялось это важное для меня событіе, какъ музыканта. Въ послѣдствіи Государь прислалъ мнѣ табакерку съ бриліантами, изъ которыхъ лучшій камень, по совѣту доброй вашей бабушки, помѣщенъ въ образъ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ.

Въ этомъ же году былъ я у графа Бенкендорфа въ его помѣстьи близъ Ревеля, Фалль. Гуляя со мною въ саду, онъ сталъ просить меня построить мостъ чрезъ рѣку, проходящую въ его саду, шириною 100 футъ. Мѣстоположеніе и быстрота рѣки требовали моста на цѣпяхъ; но графъ никакъ не хотѣлъ, чтобы на берегахъ были поставлены какія-либо возвышенія, необходимыя для цѣпей, говоря, что они скроятъ лучшіе виды изъ дома. Я ничего не обѣщалъ, потому что условіе это исключало собою самое необходимое при цѣпныхъ мостахъ. Но задавъ себѣ задачу, я имѣю привычку безпрестанно объ ней думать, доколѣ чѣмъ-нибудь не разрѣшу, или вовсе не откину. Я искалъ изобрѣсть способъ помѣстить цѣпи подъ мостомъ, и чтобъ испытать первое мое соображеніе, я взялъ прутикъ, согнутый отъ природы столько, сколько я предполагалъ бы дать возвышенія мосту, концы этого прутика связалъ ниткой довольно слабо, а по протяженіи нитки, поставилъ вертикально въ равныхъ разстояніяхъ четыре стоечки, которыхъ верхи подпирали прутикъ, и когда я сталъ давить прутикъ сверху, то замѣтилъ, что концы его расходились и потому натягивали нитку, которая чрезъ то подымала стойки, и слѣдовательно самый мостъ, и мнѣ казалось, что доколѣ нитка и прутикъ останутся цѣлы, до того, не смотря на давленіе сверху, машинка моя будетъ въ равновѣсіи. Мысль эта болѣе и болѣе во мнѣ утверждалась, такъ что я рѣшился сдѣлать опытъ здѣсь въ Петербургѣ, построивъ мостъ въ натуральную величину на платформѣ. Тутъ я старался вспоминать чему учился, когда былъ инженеромъ и всё, что пріобрѣлъ опытомъ при построеніи въ военныхъ поселеніяхъ огромныхъ мостовъ и стропилъ экзерциргаузовъ. Съ этимъ мнѣ легко было опредѣлить всѣ мѣры и подробности при составленіи плановъ. Мостъ я построилъ на чугунномъ заводѣ, чтобъ имѣть средство дѣлать пробы силы желѣза, и съ радостью увидѣлъ, что удачно привелъ въ исполненіе родившуюся во мнѣ совершенно новую мысль цѣпныхъ мостовъ. Модель моя была совершенно удовлетворительна, такъ что я за лучшее счелъ ее собрать и отправить въ Фалль, куда и самъ поѣхалъ. Въ нѣсколько дней мостъ былъ поставленъ на мѣстѣ, и когда, снявъ подмостки,

я увидѣлъ его на крутыхъ берегахъ, какъ ленточку переброшенную съ одного берега на другой, я былъ въ восторгѣ и какой-то неизъяснимой боязни. Графиня Бенкендорфъ и ея дочери, которыя были тогда въ Фаллѣ, не рѣшались идти по мосту, доколѣ не увидѣли, что толпы мужиковъ переходили чрезъ него безъ всякой опасности. На срединѣ моста я прибилъ мѣдную доску съ надписью: «отъ преданнаго и благодарнаго Львова, 30 Августа 1833 г. (т. е. день имянинъ графа Александра Христофоровича)». Въ какомъ былъ восторгѣ добрый мой начальникъ, когда онъ увидѣлъ мостъ! Онъ не зналъ, какъ благодарить меня, всѣмъ разсказывалъ, что я сдѣлалъ чудо, всѣхъ изъ Ревеля созывалъ смотрѣть мостъ; и я, видя его искреннее удовольствіе, душевно радовался *). Въ 1845 г. я построилъ такой же мостъ, но гораздо меньшаго размѣра, на дачѣ Е. В. Маріи Николаевны, Сергіевской, чтó за Петергофомъ......

......Въ 1834 г. я сопутствовалъ Государю по Россіи. 22 Апрѣля, т. е. къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенья, я былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ (въ чинѣ ротмистра). Тутъ я догадался, зачѣмъ милостивый Императоръ перевелъ меня за годъ предъ тѣмъ въ кавалергарды. Назначеніе это было совершеннымъ сюрпризомъ для графа Бенкендорфа, а на меня сдѣлало самое странное вліяніе: я не только не обрадовался, а напротивъ сожалѣлъ, что столь значительное отличіе сдѣлано мнѣ, чувствуя въ полной мѣрѣ, что придворная жизнь и служба будутъ для меня всегда тягостію, что всѣ мои склонности противны тѣмъ, которыя имѣть должно для службы при дворѣ. Однако дѣлать было нечего, надо было начать придворную службу притворствомъ и показывать, что я совершенно счастливъ и доволенъ. Дорогіе мои друзья, батюшка и матушка, также не приняли этого съ особенною радостью, предвидя, какъ мнѣ тяжело будетъ, особенно при началѣ.

На представленіи Государю и Императрицѣ они мнѣ столько наговорили пріятнаго, что я съ душевнымъ огорченіемъ моимъ помирился и опрокинулся, такъ сказать, въ число придворной челяди, и, принявъ благодѣтельный совѣтъ несравненнаго друга моего батюшки, я въ тоже время опредѣлилъ, какъ мнѣ должно будетъ вести себя, чтó при дворѣ дѣлать и отъ чего отклоняться и пр. Вотъ что мысленно себѣ предназначилъ я и въ точности исполнилъ: 1) Продолжать служить съ тѣмъ же усердіемъ, какъ прежде, давая дѣламъ служебнымъ всегда

*) Мостъ этотъ до сихъ поръ въ совершенной исправности. Николай Павловичъ выразился про него: „Это Львовъ перекинулъ свой смычекъ“. П. Б.

перевѣсъ надъ всѣми прочими, т. е. пользоваться удовольствіями не прежде окончанія дѣлъ службы. 2) Никогда не дѣлать разныхъ шутокъ въ присутствіи Государя и Императрицы, хотя бы это ихъ и повеселило въ первую минуту; даже не танцовать, не смотря на то, что въ то время, для угожденія Императрицѣ, танцовали и всѣ министры. 3) Никогда не позволять себѣ малѣйшей забывчивости и при всѣхъ шуткахъ кого-либо изъ царскаго дома всегда помнить, что тутъ ни дружбы, ни товарищества быть не можетъ. 4) Никогда не набиваться на участвованіе въ какихъ бы то ни было придворныхъ удовольствіяхъ или назначеніяхъ. 5) Всякому давать дорогу, за столомъ садиться къ послѣднимъ приборамъ. 6) Никогда не забѣгать въ ту или другую комнату дворца для встрѣчи съ Государемъ или Императрицей. 7) Съ знатными придворными быть всегда учтивымъ, не замѣчая, какъ они эту учтивость примутъ. 8) Съ камердинерами и гоффурьерами не шутить и въ особенности не подавать имъ руки, какъ многіе въ глазахъ моихъ дѣлывали и потомъ оглядывались, не видалъ ли кто, и 9) никакого дѣла не подвергать несправедливому вліянію для угожденія кому-либо изъ приближенныхъ Царя, а дѣйствовать, какъ приказываетъ совѣсть, хотя бы это было съ собственною потерею.

Съ этими правилами, которыя изучилъ я по мѣрѣ продолженія придворной моей службы, я всегда держался въ одномъ положеніи, не былъ въ числѣ перемѣнчивыхъ любимцевъ, ни въ числѣ послѣднихъ, и въ послѣдствіи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, имѣлъ я ясныя и неоспоримыя доказательства въ положительномъ и постоянномъ ко мнѣ благоволеніи Государя, Императрицы и всего ихъ семейства.

По зимамъ, неоднократно бывали у Императрицы концерты, въ которыхъ я участвовалъ всегда съ большимъ успѣхомъ. Въ одинъ изъ этихъ концертовъ, Государь подзываетъ меня и говоритъ: «Что если бы ты попробовалъ составить изъ насъ домашній оркестръ и сочинилъ для насъ музыку? Мы могли бы кое-что сыграть, Императрица играетъ на фортепіано, я на трубѣ, Матвѣй Вьельгорскій на віолончели, Апраксинъ на басу, ты на скрипкѣ, Михаилъ Вьельгорскій, Волконскій Григорій, Бартенева, Бороздина могутъ пѣть, и дѣти могли бы участвовать на чемъ-нибудь. Право, можно бы что-нибудь составить; попробуй». На другой же день я написалъ маленькую пьеску для этихъ голосовъ и инструментовъ и, собравъ у себя музыкантовъ, попробовалъ. Показалось не дурно, и я, предупредивъ графа Бенкендорфа, явился во дворецъ съ моимъ оркестромъ въ 7 часовъ вечера. Меня приняли, и вся фамилія сбѣжалась слушать, и лишь сыграли сочиненную пьеску, Государь пошелъ за трубой, Императрица сѣла за фортепіано, стали пробовать каждый свою партію, и тотчасъ назна-

чили день для перваго домашняго концерта. Это было 10-го Марта 1834 года, и съ тѣхъ поръ занятіе это такъ понравилось, что всякій мѣсяцъ, раза два или три, концерты эти возобновлялись, я долженъ былъ сочинять и перекладывать новыя пьесы, которыя получили общее названіе «штучки»...... Всегда за полчаса до начала концерта, къ которому никогда никто приглашаемъ не былъ, кромѣ участвующихъ, я обязанъ былъ быть у Государя и въ его кабинетѣ проходить съ нимъ его партію. Онъ нотъ не зналъ, но, имѣя отличный слухъ и embouchure, всегда игралъ безъ ошибки и весьма хорошо. Императрица въ простомъ платьѣ, Государь въ сюртукѣ безъ эполетъ, часто для шутки садились на полъ, пѣли изъ-подъ фортепіано. Любезность всей семьи царской была такова, что можно было забыть, что находишься въ ихъ кругу. Занятія эти продолжались по зимамъ до 1837 года, когда ужасный пожаръ поглотилъ весь Зимній дворецъ. При этомъ пожарѣ пропали тетрадки съ нотами, пюпитры, однимъ словомъ, все, что̀ я для этихъ концертовъ составилъ, и съ тѣхъ поръ они болѣе не возобновлялись.

Одинъ разъ я былъ приглашенъ на вечеръ къ Императрицѣ, и меня провели въ ея купальню. Это маленькая комната, прекрасно убранная, низкій диванъ, комелекъ, мраморная ванна, пушистый коверъ, нѣсколько низкихъ табуретокъ, одно окно и двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ на круглую лѣстницу и прямо въ кабинетъ Государя. Вошедъ я увидалъ на диванѣ Императрицу, у ногъ сидѣли три ея дочери и Наслѣдникъ; графъ Вельегорскій и фл.-адъютантъ Толстой стояли у комелька. Слабый свѣтъ покрытой лампы освѣщалъ комнату. Послѣ нѣсколькихъ минутъ Императрица предложила всѣмъ пѣть гимнъ «Боже Царя храни» въ полголоса, и сама начала первая. Въ самое это время Государь спускался по лѣстницѣ. Услышавъ пѣніе, онъ остановился, слезы покатились изъ глазъ его; наконецъ, онъ вошелъ, кинулся цѣловать жену, дѣтей, и легко можно вообразить, какъ мы всѣ были тронуты до глубины сердца, видя истинное счастіе семейное въ домѣ царскомъ; а я, конечно, болѣе другихъ, былъ счастливъ, что сочинилъ музыку, которая при подобныхъ минутахъ была пѣта. Конечно, друзья мои милые, душевному артисту, какъ вашъ отецъ, можно почитать счастіемъ удачное сочиненіе гимна, который если не достоинствомъ, то по назначенію своему, переживетъ бездну другихъ музыкальныхъ сочиненій несравненно обширнѣе, котораго достоинство и цѣнность увеличивается по мѣрѣ умноженія числа лѣтъ его существованія, и, наконецъ, который послѣ 10 лѣтъ сдѣлался народнымъ въ Россіи и принятъ съ особеннымъ одобреніемъ во всей Европѣ; потому-то я счелъ нужнымъ сохранить для васъ нѣ-

сколько экземпляровъ книжекъ съ портретами автора и сочинителя, сохраню и самыя мѣдныя доски для возобновленія гравированія, и надѣюсь, что въ фамильномъ гербѣ вашемъ повелѣно будетъ помѣстить девизъ: «Боже Царя храни».

Въ этомъ году получилъ я Шведскій орденъ меча за посланные наслѣдному принцу костюмы горскаго полу-эскадрона. Забылъ я вамъ сказать, что, когда состоялся приказъ объ опредѣленіи меня адъютантомъ къ графу Бенкендорфу, онъ предложилъ мнѣ быть старшимъ адъютантомъ Штаба Корпуса Жандармовъ, говоря, что люди умѣющіе писать ему нужны. Я на это отвѣчалъ ему, что готовъ исполнять всякое его приказаніе, но прошу, для пользы самой службы, чтобы онъ не употреблялъ меня по секретной части, что я совершенно къ тому не способенъ. Благородный мой начальникъ понялъ меня, взялъ за руку и сказалъ: «будь спокоенъ, ты будешь имѣть часть отдѣльную», и съ тѣхъ поръ мнѣ поручены были всѣ дѣла главной императорской квартиры и собственнаго Его Величества конвоя. Съ тѣмъ вмѣстѣ я обязанъ былъ слѣдовать во всѣхъ путешествіяхъ Государя и исполнять должность секретаря собственной канцеляріи графа. Государь, чтобы сблизить горцевъ съ Русскими, приказалъ составить конвой изъ народовъ Кавказскаго и Закавказскаго края. Первые прибыли горцы въ числѣ 56 человѣкъ въ 1829 году. Потомъ въ разное время поступили въ составъ конвоя Лезгины, мусульмане и линейные казаки. Общее число людей конвоя составилось изъ 138 человѣкъ, и именно: горцевъ 56, Лезгинъ 27, мусульманъ 30 и казаковъ 25. Всѣ эти народы съ самаго начала поступили въ мое вѣдѣніе, и хотя эта часть и дѣла главной квартиры сначала входили въ составъ Штаба Корпуса Жандармовъ, не менѣе того я управлялъ ихъ дѣлами, и эта обязанность особенно пріятна тѣмъ, что невѣжество этихъ полудикихъ народовъ отстраняетъ отъ меня почти всякую отвѣтственность по части фронтовой и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ мнѣ случай быть часто на глазахъ Государя. Чтобы оставить вамъ память многолѣтнихъ моихъ занятій съ этими народами, я заказалъ живописцу Ладюрнеру картину, въ которой вы будете видѣть ихъ костюмы и меня съ ними.

Въ 1835 году Государь Императоръ и король Прусскій предположили каждый собрать свои войска въ Калишѣ, гдѣ произвести общій большой маневръ.

Бывъ въ свитѣ Государя, я опишу это замѣчательное и небывалое происшествіе, которое было сдѣлано съ цѣлью сблизить войска этихъ двухъ націй. Ожиданія эти не сбылись, и блестящій этотъ сборъ войскъ стоилъ множество денегъ, произвелъ множество шума и никакой пользы. Русскіе съ Нѣмцами въ тѣсной дружбѣ быть не могутъ

никогда; ихъ образъ мыслей, ихъ характеръ, ихъ обычаи, ихъ вкусы совершенно различны; они для исполненія воли старшихъ сыграютъ комедію, но тутъ же украдкой другъ надъ другомъ посмѣются. Это можно замѣтить не токмо въ людяхъ взрослыхъ, но и въ малолѣтнихъ. Такъ было и въ Калишѣ и, можетъ быть, этотъ сборъ уничтожилъ заочную дружбу, какая была до того между Русскимъ и Прусскимъ солдатомъ. Какъ бы то ни было, опишу самое дѣло. Въ Августѣ мѣсяцѣ, Государь, Императрица, Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ прибыли въ Калишъ, гдѣ были уже Россійскія войска. Въ скоромъ времени потомъ прибыли эрцгерцоги Францъ и Іоаннъ и, наконецъ, прибылъ самъ король Прусскій. Въ тотъ же день, 30-го Августа, предъ вечернею зарею, собраны были 1500 музыкантовъ всѣхъ полковъ и сыграли маршъ, сочиненный королемъ до восшествія его на престолъ, и потомъ нашъ гимнъ: «Боже Царя храни». 31 Августа была встрѣча Прусскихъ войскъ и вступленіе ихъ въ Калишъ. Въ 11 часовъ утра Государь, Императрица и король, верхами проѣхали по линіи Прусскихъ войскъ. Потомъ Государь подъѣхалъ къ флангу Русской пѣхоты, встрѣтилъ короля, который, въ главѣ своихъ войскъ, велъ ихъ на присоединеніе къ Русскимъ. Во время прохожденія Прусскихъ войскъ между Русскою пѣхотою и артиллеріею, пѣхота отдавала честь и кричала «ура», а артиллерія стрѣляла во все время шествія. Потомъ Прусскія войска были остановлены, и король, Государь и Императрица, проѣхавъ по линіи кавалеріи, возвратились къ устроенному на срединѣ лагеря бельведеру. Здѣсь Прусскій отрядъ прошелъ мимо Государя и Императрицы церемоніальнымъ маршемъ. Король ѣхалъ на флангѣ перваго взвода. Послѣ этого Прусская пѣхота выстроилась впереди своего лагеря, а кавалерія къ ней лицемъ; тогда наши войска прошли мимо короля церемоніальнымъ маршемъ, и между Прусскою пѣхотою и кавалеріею, которая отдавала нашимъ войскамъ честь и кричала «ура»! Государь лично велъ свои войска, а Императрица проѣхала мимо своего родителя на правомъ флангѣ кавалергардскаго Ея Величества полка.

Потомъ Государь подозвалъ къ себѣ нашихъ и Прусскихъ солдатъ, чтобы ознакомить однихъ съ другими; въ два часа былъ въ лагерѣ обѣдъ на 250 человѣкъ, а вечеромъ спектакль. 2-го Сентября былъ большой парадъ всѣмъ войскамъ. Они построены были въ четыре линіи: въ первыхъ двухъ 60 баталіоновъ пѣхоты, въ третьей линіи 68 эскадроновъ кавалеріи, а въ четвертой 136 орудій артиллеріи. Государь самъ командовалъ всѣми войсками; наслѣдный принцъ Прусскій командовалъ Калишскимъ резервнымъ корпусомъ; Великій Князь Михаилъ пѣхотою, а принцъ Вильгельмъ Прусскій кавалеріею;

принцъ Карлъ Прусскій 2-ю пѣхотною бригадою, а принцъ Альбертъ Прусскій 1-ю кавалерійскою бригадой этого корпуса. 4-го Сентября былъ маневръ резервнаго Калишскаго корпуса, состоящаго подъ начальствомъ наслѣднаго принца Прусскаго изъ Прусскихъ и Россійскихъ войскъ, 5-го другой маневръ подъ командованіемъ Государя. Онъ начался въ шести верстахъ отъ города и кончился аттакою на оной. 60 баталіоновъ пѣхоты и 70 эскадроновъ кавалеріи окружали городъ съ сѣверной стороны, а 136 орудій обстрѣливали оный въ самое то время, когда пѣхота, составленная изъ Прусскихъ и Русскихъ войскъ, прошла сквозь линію артиллеріи съ барабаннымъ боемъ и музыкою, и потомъ аттаковала предмѣстіе города на штыки. Тутъ Государь остановилъ ее, и всѣ войска, по командѣ Его Величества, отдали честь королю при крикахъ «ура!» Въ этотъ же день, по случаю полковаго праздника Кавалергардскаго полка, былъ въ саду церковный парадъ взводу этого полка, находившемуся въ Калишѣ, и обѣдъ, къ которому были приглашены какъ офицеры, такъ и всѣ нижніе чины Прусскаго полка «гардъ-дю-коръ». Послѣ молебна и окропленія людей святою водой, кавалергарды наши сѣли за столъ между Прусскими лейбъ-кирасирами и угощали ихъ. Ихъ Величества и Высочества ходили около столовъ и милостиво разговаривали съ офицерами и нижними чинами. Во время обѣда Государь, взявъ бокалъ шампанскаго, выпилъ за здоровье Прусскаго полка и короля; король за здоровье кавалергардскаго полка и Государя. Потомъ офицеры пили за здоровье короля, Императора и Императрицы, при чемъ трубачи играли тушъ, а люди кричали «ура!» 6-го Сентября былъ поутру отдыхъ для войскъ, а вечеромъ военный праздникъ въ лагерѣ; въ 7 часовъ король, Государь, Императрица и весь дворъ прибыли въ бельведеръ. При входѣ ихъ на балконъ, 2000 музыкантовъ заиграли тотъ же маршъ, сочиненный королемъ, а потомъ пѣсенники пропѣли куплеты, сочиненные музыкантомъ Егерскаго полка Малышевымъ, причемъ 18 орудій выстрѣлами въ тактъ сопровождали музыку; а послѣ сего былъ фейерверкъ.

Гораздо до выступленія войскъ въ Калишъ, фельдмаршалъ князь Паскевичъ Варшавскій призвалъ меня и сказалъ, что Государю угодно, чтобы я сочинилъ музыку для военнаго хора на слова, нарочно написанныя по случаю съѣзда Государя, Императрицы и короля, и чтобы хоръ этотъ былъ составленъ изъ мотивовъ солдатскихъ пѣсенъ. Желая лучшимъ образомъ исполнить данное мнѣ порученіе, я потребовалъ себѣ полковыхъ пѣсенниковъ и, заставивъ ихъ пѣть разныя пѣсни, вслушивался, которая изъ нихъ можетъ быть годною къ даннымъ мнѣ стихамъ. Весьма удачно стихи подошли къ двумъ кореннымъ пѣснямъ, изъ которыхъ первая, по преданіямъ, сочинена Пе-

тромъ Великимъ на собственныя его слова: «Какъ на матушкѣ, на Невѣ-рѣкѣ, молодой матросъ корабли снастилъ». Обрадованный этою удачею, я началъ работать и написалъ военный хоръ. Для большаго эффекта я употребилъ въ концѣ хора выстрѣлы изъ орудій, которыя, по моему командованію, стрѣляли въ тактъ. Окончивъ хоръ, я самъ чувствовалъ, что пьеса была удачна. Государь прослушалъ ее, на воздухѣ исполненную всѣми музыкантами гвардейскаго корпуса, по окончаніи подозвалъ меня и сказалъ: «нѣтъ, не то». Генералъ Бистромъ, командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ, подошелъ къ Государю и сказалъ: «не угодно ли Вашему Величеству прослушать пѣсню, которую сочинилъ на тотъ же случай одинъ изъ егерскихъ музыкантовъ, Малышевъ»? Государь согласился, пришли трое полковыхъ пѣвчихъ и спѣли куплеты, ничтожные словами и еще гораздо ничтожнѣе музыкою. Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «вотъ это хорошо, и эта музыка, положенная на большой оркестръ, будетъ именно то, чего я желаю». Вы можете представить, какъ больно было мнѣ это предпочтеніе; не менѣе того я вздохнулъ и далъ себѣ слово исполнить лучшимъ образомъ желаніе Государя, и вы увидите, какъ я былъ за то вдвойнѣ вознагражденъ. Куплеты Малышева я положилъ на весь военный хоръ и также употребилъ пушки, потомъ молчалъ, доколѣ Государь не пріѣхалъ въ Калишъ; тутъ я дѣлалъ репетиціи и доложилъ Государю, что куплеты готовы. «Какіе куплеты?» спросилъ Государь.— «Тѣ, что Вы изволили приказать положить на музыку вмѣсто моего хора». Государь подошелъ ко мнѣ и нѣсколько разъ цѣловалъ меня, потомъ пожелалъ слышать и еще благодарилъ. Это была первая мнѣ награда. Нѣсколько лѣтъ потомъ, вздумалъ я поднести мой хоръ знаменитому Мендельсону-Бартольди; этотъ былъ въ восхищеніи и тотчасъ отдалъ его напечатать въ Лейпцигѣ. Это одобреніе дало мнѣ мысль предложить исполненіе моего хора въ инвалидномъ концертѣ. Со страхомъ ожидалъ я вечера и передъ моей пьесой изъ театра уѣхалъ: такъ боялся я, чтобы Государь не разсердился, что я, какъ бы ему на перекоръ, хотѣлъ выставлять пьесу, которую онъ нашелъ негодною. Родные мои, возвратясь изъ театра, разсказали, что мой хоръ сдѣлалъ эффектъ огромный, что его повторяли и что вся публика была въ совершенномъ удовольствіи. На другой день графъ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ: «Mon cher ami, vous avez enlevé tout le théâtre par votre choeur».— «Et c'est pourtant celui, que l'Empereur et vous-même avez trouvé indigne d'être exécuté à Kalich», *)

*) Любезный другъ, весь театръ восхищался вашимъ хоромъ.—А вѣдь это тотъ самый, который въ Калишѣ признали недостойнымъ исполненія Государь и вы сами.

отвѣчалъ я ему, и съ тѣхъ поръ хоръ мой ежегодно исполняется въ инвалидномъ концертѣ и считается любимою пьесою публики; куплеты же Малышева исчезли, какъ дымъ. Это была вторая мнѣ награда. Государь никогда болѣе мнѣ объ этой пьесѣ не говорилъ, но въ послѣдствіи самъ всегда много ей апплодировалъ.

7 Сентября былъ большой маневръ, послѣ котораго, по приказанію Государя, всѣ знамена Прусской гвардіи и полка короля Прусскаго отнесены были въ покои короля, а штандартъ Прусскаго кирасирскаго Государя полка, по приказанію короля, отнесенъ былъ въ покои Его Величества. 9 числа, въ день рожденія Его Высочества Константина Николаевича, 2400 музыкантовъ предъ вечернею зарею заиграли гимнъ: «Боже Царя храни». Эффектъ этой пьесы, сыгранной такою массою, истинно безподобный, и вы поймете, какое глубокое удовольствіе ощущалъ я всякій разъ, видя общее восхищеніе.

10 Сентября поутру король уѣхалъ въ Бреславль, а Государь, проводивъ его до границы, возвратился въ лагерь, гдѣ построены были, около налоя, гвардейскій отрядъ и Прусскія войска для молебствія предъ выступленіемъ въ походъ. Послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, гвардейскій отрядъ отдалъ честь Прусскимъ войскамъ, которыя, пройдя мимо Государя и Императрицы, отправились въ походъ. По выступленіи Прусскихъ войскъ, Государь объѣхалъ полки гвардейскаго отряда и благодарилъ ихъ за стараніе и отличное поведеніе. Подозвавъ къ себѣ офицеровъ, Государь за примѣрное ихъ поведеніе изъявилъ имъ свое удовольствіе въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Растроганные офицеры, со слезами на глазахъ, бросились обнимать колѣна своего Государя, такъ что лошадь его должна была остановиться, и Государь, бросивъ поводья, самъ пролилъ слезы. 12 Сентября Государь и Императрица въ 8 часовъ утра выѣхали изъ Калиша въ Теплицъ.

17 число Сентября останется навсегда незабвеннымъ всякому Русскому. Покойный императоръ Австрійскій, въ чувствахъ признательности къ Россійскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ знаменитомъ сраженіи при Кульмѣ, предположилъ воздвигнуть памятникъ близъ Теплица, на тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ четыре полка Русской гвардіи противустали 40-тысячному непріятельскому корпусу и подвигами неимовѣрнаго мужества остановили стремленіе непріятеля, который чрезъ то, на другой день былъ совершенно истребленъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ этого мѣста сооружены памятники Австрійскимъ войскамъ, предводительствовавшему ими генералу графу Колоредо и Прусскимъ королемъ воинамъ, павшимъ въ этомъ сраженіи. Императоръ Австрійскій поспѣшилъ исполнить обѣтъ родителя своего и из-

бралъ для заложенія памятника время присутствія въ Теплицѣ Государя и короля Прусскаго. Рано утромъ жители Теплица начали собираться на мѣсто, предназначенное для сооруженія памятника. Въ 10 часовъ прибыли Государь, Императрица, императоръ Австрійскій и императрица, король Прусскій и эрцгерцоги, герцоги, принцы, принцессы и всѣ особы, принадлежавшія къ свитамъ Ихъ Величествъ. На пьедесталѣ памятника устроенъ былъ амвонъ, для отправленія божественной службы; вблизи пьедестала воздвигнута была модель памятника, съ трехъ сторонъ расположены были войска; у самыхъ ступеней пьедестала были поставлены нашихъ дворцовыхъ гренадеръ капитанъ роты Лаврентьевъ, два унтеръ-офицера и четыре человѣка рядовыхъ. Сіи ветераны подвизались на поляхъ Кульмскихъ и теперь, въ тишинѣ мира, явились съ береговъ Невы на мѣсто, окропленное Русскою кровью, пролитою за вѣру и отечество, чтобы быть свидѣтелями торжества военной славы Русскихъ и высокаго чувства признательности августѣйшаго союзника. Немедленно по прибытіи высокихъ посѣтителей, началась божественная служба, по чину Римско-Католической церкви. По совершеніи богослуженія Государь, императоръ Австрійскій и король Прусскій, взошедъ на пьедесталъ памятника, подписали приготовленный актъ заложенія онаго, и съ чувствомъ умиленія привѣтствовали другъ друга съ совершеніемъ этого незабвеннаго торжества. Въ продолженіе этого, пѣхота троекратно производила ружейную пальбу, и этому воинственному привѣту отвѣтствовали выстрѣлы изъ орудій, поставленныхъ у памятниковъ Австрійскаго и Прусскаго. Военная музыка, поставленная между войскомъ и пьедесталомъ, прежде и послѣ богослуженія играла гимнъ Австрійскій; но кто изъ Русскихъ не былъ тронутъ до глубины сердца, когда раздался нашъ отечественный гимнъ: «Боже Царя храни»! Какой разительный отпечатокъ нравовъ Австрійцевъ и Русскихъ! Сочиненіе мое никогда мнѣ такъ хорошо не казалось; отъ восторга у меня лились слезы; я видѣлъ, что самые иностранцы были увлечены силою и чувствомъ нашего гимна и сопровождали музыку пѣніемъ на Русскомъ языкѣ. Вотъ минуты артистическаго восторга, которыя заставляютъ забыть и трудъ, и время, и самыя несправедливости!

Послѣ заключенія этого торжества, Государь и Императрица, императоръ Австрійскій, король Прусскій и прочіе, посѣтивъ памятники, воздвигнутые Австрійцамъ и Прусакамъ, возвратились въ городъ. Въ этотъ же день Государь пожаловалъ кавалерами Св. Андрея Первозваннаго генераловъ отъ инфантеріи графа Остермана-Толстаго и Ермолова, командовавшихъ въ этомъ сраженіи. Равномѣрно

капитанъ, унтеръ-офицеры и рядовые дворцовыхъ гренадеръ были произведены въ слѣдующіе чины.

Во время этого путешествія я получилъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и Австрійскаго Св. Леопольда командорскіе кресты.

1836 года 1-го Генваря я произведенъ былъ въ полковники, прослуживъ въ чинѣ ротмистра 9 лѣтъ. Въ Августѣ отправился я за Государемъ въ путешествіе по Россіи. Все проходило благополучно, доколѣ мы не поѣхали изъ Пензы; тутъ, проѣзжая ночью, въ 3-хъ верстахъ отъ города Чембара, кучеръ на коляскѣ Государя не управилъ лошадьми, наѣхалъ на большой бугоръ, коляска на всемъ скаку была опрокинута, и отъ сильнаго удара Государь переломилъ лѣвую ключицу. Я ѣхалъ вслѣдъ за коляскою Государя въ нѣкоторомъ разстояніи; вдругъ вижу скачущаго фельдъегеря мнѣ на встрѣчу, который на вопросъ мой: «куда»? только отвѣтилъ мнѣ: «За Арендтомъ, Государь ушибся». Испуганный я подскакиваю ближе и нахожу Государя сидящаго на насыпи дороги; возлѣ него отставной солдатъ, проходившій по дорогѣ въ это время. Графъ Бенкендорфъ, оставшійся безъ вреда, суетился около кучера и лакея, которые лежали на землѣ безъ чувствъ, двѣ лошади лежали и коляска на боку. Вслѣдъ за мной подъѣхалъ Арендтъ, и какъ ночное время не позволяло ему осмотрѣть ушиба Государя, то надо было оставшіяся 3 версты до Чембара идти пѣшкомъ. Шествіе это имѣло мрачность чрезвычайную: впереди шли два человѣка съ факелами для освѣщенія дороги, потомъ шелъ Государь и за нимъ вся свита, позади насъ везли коляску съ больными лакеемъ и кучеромъ; шли весьма тихо, и отъ насъ ложилась по дорогѣ длинная тѣнь красноватаго цвѣта. Лишь пришли въ Чембаръ и Государь вошелъ въ приготовленный для него домъ, тотчасъ запѣлъ вмѣстѣ съ слѣдовавшимъ въ свитѣ придворнымъ пѣвчимъ Михаловскимъ: «Спаси, Господи, люди Твоя» и проч.; но послѣ съ нимъ сдѣлался обморокъ, и Государь упалъ на диванъ безъ чувствъ. Лишь пришелъ въ себя, спросилъ онъ чернильницу и бумаги и написалъ длинное письмо Императрицѣ. Тутъ я имѣлъ случай удостовѣриться, какъ всѣ приближенные мало любятъ Государя, ограничиваясь притворствомъ и исполненіемъ своего дѣла, за которое имъ платятъ деньги. Графъ * приказалъ мнѣ посмотрѣть, гдѣ бы ему помѣститься поближе къ Государю. Вышедъ на дворъ, я увидѣлъ рядомъ домъ, приготовленный для свиты; мнѣ казалось, что для * и это было не довольно близко отъ страждущаго Государя, и я удивлялся, какъ онъ не пожелалъ остаться въ томъ же домѣ, помѣститься возлѣ его кровати, если возможно. Возвращаюсь и съ видомъ сожалѣнія говорю графу, что ближе помѣщенія нѣтъ.—Voilà, par exemple, j'irais bien me placer là, pour

n'avoir pas un moment de repos, merci! Tâchez de me trouver une maison dans une autre rue, отвѣчалъ мнѣ графъ; я вздохнулъ, мысленно пожалѣлъ царей, и любимецъ Государя очень былъ доволенъ, что ему отыскали домъ чрезъ двѣ улицы отъ него. Въ послѣдствіи я имѣлъ случаи видѣть, что всѣ знатные господа таковы; они дѣлаютъ, доколѣ въ томъ видятъ собственныя выгоды, чувствъ-же возвышенной привязанности, искренней къ ихъ Государю они не понимаютъ. Какъ объяснить это, я не знаю. Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Чембарѣ, Государь, хотя съ большимъ усиліемъ, отправился въ Петербургъ чрезъ Москву, куда и прибылъ благополучно 17 Сентября.

Не предвидѣлъ я, что въ Петербургѣ ожидаетъ меня не радость, а великое горе,—горе, какого я до 37 лѣтъ не испыталъ; пріѣхавъ домой, я нашелъ батюшку нездоровымъ, онъ ѣздилъ съ дачи въ холодной шинели хлопотать о помѣщеніи одной сироты и простудился. Съ каждымъ днемъ болѣзнь его увеличивалась, съ каждымъ днемъ горе къ намъ приближалось и уничтожало надежду!...

..... 14 Декабря батюшка скончался, и отъ сердца моего отпало то, что́ не возвращалось и не возвратится никогда... По кончинѣ батюшки переѣхали мы въ домъ прабабушки вашей Дарьи Алексѣевны Державиной. Потомъ, отыскавъ небольшой домикъ въ Галерной улицѣ, мы перебрались туда...

..... Въ Августѣ отправился я въ путешествіе за Государемъ въ Вознесенскъ и потомъ въ Крымъ, Грузію и Кавказскую область.

12 числа Октября Государь отправился изъ Тифлиса въ Ставрополь; при выѣздѣ по этому тракту должно спускаться по весьма крутой горѣ, по которой дорога устроена спиралью. При переѣздѣ чрезъ нее, кучеръ на коляскѣ Государя не могъ удержать лошадей, и бѣда была бы неминучая, еслибы коренныя лошади не запутались въ постромкахъ переднихъ лошадей; не менѣе того толчекъ былъ такъ силенъ, что Государь и графъ Орловъ были выброшены изъ коляски, которой станокъ весь изломался. Подъѣхавъ къ Государю, я уже нашелъ его ѣдущимъ верхомъ, а графа стоящимъ близъ коляски. Успокоясь насчетъ здоровья Государя, я вспомнилъ, что какимъ-то счастливымъ предчувствіемъ я еще изъ Вознесенска послалъ запасный станокъ въ Тифлисъ: это спасло меня отъ большой непріятности. Сѣвъ верхомъ, я подъѣхалъ ближе къ Государю, который съ гнѣвомъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Спасибо, спасибо, теперь мнѣ достается ѣхать верхомъ Богъ знаетъ сколько».—«Коляска сейчасъ подъѣдетъ, Государь», отвѣчалъ я.—«Да, какъ же? Она вся изломана», сказалъ Государь и, пожавъ плечами, продолжалъ ѣхать. Черезъ четверть часа я слышу издалека стукъ коляски, она подъѣзжаетъ, и въ ней сидитъ

графъ Орловъ. Государь спрашиваетъ меня: «Чтó это?»—«Ваша коляска, Государь».—«Не можетъ быть». Оглянулся и дѣйствительно увидѣлъ свой экипажъ въ совершенной исправности, какъ бы ничего не случилось; онъ посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и сѣлъ въ коляску. Отъ Редутъ-Кале до Тифлиса я ѣхалъ верхомъ; но какъ Государь ѣхалъ весьма тихо, по причинѣ тяжелой дороги, то мнѣ это не было затруднительно. Тутъ же, посадивъ Государя въ экипажъ и замѣтивъ, что кучеръ, выбранный барономъ Розеномъ, не весьма ловокъ, я далъ себѣ слово продолжать ѣхать верхомъ передъ коляской и останавливать кучера всякій разъ, что достанется переѣзжать гору. Такимъ образомъ я ѣхалъ отъ 100 до 120 верстъ въ день рысью на казачьихъ лошадяхъ, перемѣняя ихъ на каждой станціи. Первый переѣздъ отъ Тифлиса до Квишета былъ для меня весьма тягостенъ: пріѣхавъ на ночлегъ, со мною сдѣлалась лихорадка, и я очнулся только на другое утро и чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ.

Изъ Квишета надо было переѣзжать главный перевалъ Кавказскаго хребта; Государь поѣхалъ верхомъ. Путь этотъ тѣмъ болѣе былъ затруднителенъ, что вершины Гутъ-горы и Крестовой были занесены снѣгомъ, и самая дорога отъ бывшаго тогда до 5 градусовъ мороза была покрыта льдомъ. Переѣхавъ черезъ горы благополучно, Государь остановился въ небольшомъ домикѣ, устроенномъ для проѣзжающихъ. Онъ спросилъ, нѣтъ ли чего позавтракать; экипажи еще не подъѣхали, домъ былъ пустой. Вышедъ на дорогу, я увидѣлъ въ близкомъ разстояніи еще домикъ, побѣжалъ туда, нашелъ хозяина и спросилъ, нѣтъ ли у него чего позавтракать, не говоря, что это для Государя. Хозяинъ вынесъ мнѣ ржанаго хлѣба и сливочнаго свѣжаго масла; я тотчасъ намазалъ большой ломоть и понесъ въ рукахъ Государю. Онъ очень обрадовался и началъ кушать съ большимъ аппетитомъ; между тѣмъ графъ Орловъ и прочіе путешественники послѣдовали моему примѣру и такъ же отправились къ дорогому хозяину, у котораго нашли жареную индѣйку и гуся. Государь, узнавъ объ этомъ и видя, что я одинъ остался съ нимъ, говоритъ мнѣ: «Поди, покушай, а то они тебѣ ничего не оставятъ». Я пошелъ, но для того, чтобы ему принесть кусокъ жаркого. Графъ Орловъ, увидя, что я отложилъ кусокъ на особую тарелку, спросилъ: «кому это?»—«Государю», отвѣчалъ я. Онъ тотчасъ схватилъ у меня тарелку и понесъ ее самъ. Тутъ коляска подъѣхала, Государь сѣлъ въ нее, а я верхомъ поскакалъ далѣе.

Въ Маѣ 1838 года отправился я снова въ путешествіе за границу. Пріѣхавъ въ Берлинъ, узналъ я, что тутъ находится извѣстный скрипачъ Беріо. Я имѣлъ по вечерамъ нѣсколько свободнаго времени,

и мнѣ вздумалось поиграть съ нимъ квартеты, и для того я попросилъ его къ себѣ и двухъ братьевъ Ганцъ для альта и віолончеля; слушателями пригласилъ къ себѣ знаменитаго Спонтини и еще двухъ или трехъ настоящихъ охотниковъ. Беріо не слыхалъ меня никогда, и какъ я просилъ его позволить мнѣ играть ему секунду, онъ согласился, но видно было, что болѣе изъ учтивости, чѣмъ изъ убѣжденія въ исправной игрѣ моей. Онъ сыгралъ квартетъ очень хорошо и сказалъ мнѣ, какъ былъ доволенъ моимъ акомпаниментомъ. Потомъ я просилъ его сыграть извѣстный квартетъ Бетховена E-mol. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ играть аллегровъ, потому что давно не просматривалъ этотъ трудный квартетъ, а согласился сыграть адажіо. Такъ и сдѣлали; онъ игралъ исправно, но не съ тою душою, какую я бы желалъ въ глубокой музыкѣ этого знаменитаго, безсмертнаго композитора. Любя особенно этотъ квартетъ, я, по окончаніи адажіо, просилъ Беріо позволить мнѣ сыграть аллегро. Онъ тотчасъ всталъ: удивленіе отпечаталось на лицѣ его; самъ сѣлъ на мое мѣсто, а меня просилъ взять его. Увлеченный красотою этого великаго сочиненія, я забылъ, что взялся играть то, чего не хотѣлъ играть Европейскій талантъ, и сыгралъ первое и послѣднее аллегро и скерцо, съ жаромъ, силою и чувствомъ. По окончаніи Беріо всталъ, взялъ меня за обѣ руки и сказалъ: «Jamais je n'aurais cru qu'un amateur, occupé comme vous par tant d'affaires, ait pu pousser son talent à un tel degré; vous êtes un artiste consommé, vous jouez admirablement du violon et vous avez un instrument magnifique *)». Послѣ этого я еще игралъ любимый мой квартетъ Моцарта A-dur, и Беріо былъ въ восхищеніи. Старикъ Спонтини цѣловалъ меня, какъ сына, и съ тѣхъ поръ мы остались съ нимъ большими пріятелями. Не смотря на малое число посѣтителей, слухъ объ этихъ квартетахъ разнесся по всей Берлинской музыкальной братіи, и съ другаго утра я не могъ отбиться отъ безпрестанныхъ визитовъ всѣхъ лучшихъ артистовъ.

Говоря объ артистахъ, я вспоминаю, что, описывая 1830 годъ, я забылъ упомянуть, что въ Варшавѣ слышалъ я въ первый разъ знаменитаго скрипача Паганини и несравненную пѣвицу Зонтагъ: я изучалъ это искусство на правилахъ основательныхъ, прошедъ всѣ школы древнихъ великихъ артистовъ. Игра Паганини, имѣвшаго репутацію перваго скрипача въ мірѣ, не сдѣлала на меня ожидаемаго впечатлѣнія; но съ тѣмъ вмѣстѣ я былъ до крайности удивленъ не-

---

*) Никогда не повѣрилъ бы я, что любитель, занятый, подобно вамъ, столькими дѣлами, могъ возвысить свое дарованіе до такой степени. Вы настоящій художникъ; вы играете на скрипкѣ удивительно, и инструментъ у васъ великолѣпный.

слыханными трудностями, которыя онъ дѣлалъ съ неимовѣрною чистотою и вѣрностію: скрипка его представляла то флейту, то гитару, то, наконецъ, въ «Carnaval de Venise» утокъ, гусей, ословъ, свиней и пр. По мнѣнію моему, онъ никакъ не могъ быть поставленъ на ряду съ великимъ Віотти, музыку котораго онъ игралъ слабо, мелко и безъ выраженія. Все что̀ Віотти оставилъ намъ, доказываетъ высокое его достоинство. Сочиненія Віотти были играны 50 лѣтъ послѣ его смерти, а нѣкоторые концерты и гораздо долѣе; всѣ ученики его были знаменитые скрипачи: Роде, Баліотъ, Крейцеръ и проч; ни въ сочиненіяхъ его, ни въ методѣ игры не найдете вы никакого шарлатанства, ничего, что́ бы унижало искусство. Паганини, напротивъ: сочиненія его ничтожны совершенно, и теперь уже исчезли; послѣдователи его сдѣлались музыкантами презрительными; ибо, не имѣя дарованія ихъ учителя, они всячески старались дѣлать тѣже трудности, которыя въ меньшемъ совершенствѣ представились слушателямъ въ безобразной ихъ наготѣ. Однимъ словомъ, Віотти былъ великій скрипачъ и оставилъ по себѣ память незабвенную; Паганини былъ великій штукарь и оставилъ по себѣ сожалѣніе, что явилось такъ много малодушныхъ и жадныхъ къ деньгамъ артистовъ, которые, желая ему уподобиться, уничтожали свои врожденные таланты и дѣлали великій вредъ искусству.

Зонтагъ, по мнѣнію моему великая и неподражаемая пѣвица, поразила меня до высшей степени. Голосъ ея чистый сопрано, сила, мягкость и обработка неимовѣрныя, къ тому-же чувства бездна, и сама наружности самой привлекательной. Она соединяетъ школы Италіанскую съ Нѣмецкой, поетъ на разныхъ языкахъ, и все прекрасно; я былъ внѣ себя отъ ея великаго таланта и до сихъ поръ лучше ея пѣнія не слыхалъ. Впослѣдствіи судьба извлекла ее изъ круга артистовъ; она вышла замужъ за графа Росси, который весьма долго былъ у насъ посланникомъ отъ Сардинскаго двора.

Изъ Берлина поѣхали мы въ Стокгольмъ, оттуда на короткое время въ Петербургъ и потомъ въ Силезію, въ мѣстечко Фюрстенштейнъ, гдѣ находилась Императрица. Тутъ провели мы время весьма пріятно. $^{1}/_{12}$ Іюня, въ день рожденія Государыни, тамошніе минеры пожелали поздравить ее съ пѣніемъ и музыкою. Я тотчасъ сочинилъ маленькую пьесу на слова, для этого случая написанныя, и минеры, пришедъ вечеромъ съ факелами въ рукахъ къ дому Императрицы, пѣли сочиненную мною пьеску съ военной музыкой. Эта пьеска была потомъ напечатана въ Берлинѣ подъ названіемъ Bergmans-Gruss. Императрицу сопровождала фрейлина Нелидова. Отецъ и мать ея были почтеннѣйшіе люди и очень знакомы съ моими родителями; это подало поводъ и намъ весьма сблизиться. Изъ Фюрстенштей-

на поѣхали мы въ Теплицъ, гдѣ Государь долженъ былъ пить воды. Тутъ собирались ко мнѣ всѣ артисты, которые съѣхались въ Теплицъ, и вся знать проводила вечера въ маленькихъ моихъ комнатахъ и молча просиживала по нѣскольку часовъ сряду. Государь самъ прохаживаясь по вечерамъ, нерѣдко останавливался у моихъ окошекъ и слушалъ мою музыку съ удовольствіемъ.

Здѣсь случилось со мной обстоятельство, весьма необыкновенное, которое вамъ описать хочу. Приходитъ ко мнѣ женщина, весьма просто, но чисто одѣтая, по имени Мальцъ, и проситъ, нельзя ли представить Государю, что Русскій графъ С., во время бытности за границей, взялъ у покойнаго ея мужа товаровъ на 1700 гульденовъ что, не смотря на всѣ ея старанія, она денегъ этихъ получить не можетъ, и что оставшись вдовою съ дѣтьми и въ крайней бѣдности, она проситъ объ уплатѣ. Сказавъ это, она хотѣла изъ ридикюля достать счетъ и вмѣстѣ съ нимъ вытащила другую бумагу, которая упала; я ее поднялъ, чтобы ей отдать, какъ замѣтилъ, что къ листу этому привязано что-то тяжелое и, развернувъ, увидалъ Русскій солдатскій крестъ. «Что это»? спросилъ я у Мальцъ.—«Эту бумагу я нарочно принесла съ собою, потому что она свидѣтельствуетъ объ обстоятельствѣ, которое и вамъ знать будетъ интересно». Это еще болѣе возбудило во мнѣ любопытство, и я просилъ ее разсказать мнѣ всѣ подробности. Вотъ ея разсказъ.

«Мужъ мой былъ Дрезденскимъ купцомъ и во время кампаніи «1814 года находился въ общей милиціи. Послѣ сраженія подъ Дрез«деномъ, онъ принесъ на плечахъ къ намъ въ домъ тяжко раненаго «Русскаго солдата, приказалъ мнѣ имѣть о немъ всевозможное попе«ченіе, а самъ возвратился къ своему мѣсту. Я дѣлала чтó могла для «облегченія страданій добраго солдата; но всѣ медицинскія пособія «были безуспѣшны, и чрезъ 10 дней солдатъ началъ чувствовать при«ближеніе смерти. У насъ въ домѣ былъ человѣкъ изъ Поляковъ, ко«торый зналъ Русскій языкъ и за больнымъ ходилъ. Солдатъ прика«зываетъ ему позвать меня и говоритъ мнѣ: Я умираю, нечѣмъ мнѣ «заплатить тебѣ; все мое богатство состоитъ въ крестѣ, который я за«служилъ кровію моею и который ты найдешь на моей шинели. Возьми «его и будь увѣрена, что онъ отплатитъ тебѣ за все, чтó ты для меня «дѣлала. Потомъ, поцѣловалъ мою руку, перекрестился и скончался! «Родственники мои, слышавъ это, записали все это для памяти, за«свидѣтельствовали, и я дѣйствительно, нашедъ крестъ на шинели «умершаго, пришила его къ этому свидѣтельству. Съ тѣхъ поръ прошло «24 года, и я сохраняю эту бумагу, какъ пріятное воспоминаніе при«мѣрной благодарности храбраго солдата». Разсказъ этотъ меня тро-

нулъ, я посмотрѣлъ свидѣтельство, нашелъ его совершенно удовлетворительнымъ и доложилъ графу Орлову. Онъ въ тотъ же день разсказалъ все Государю, который приказалъ тотчасъ деньги вдовѣ отдать, а крестъ послать въ Инспекторскій Департаментъ съ запросомъ, кому онъ принадлежалъ. Чрезъ короткое время получено было донесеніе, что крестъ этотъ принадлежалъ солдату такого-то полка (не помню), безъ вѣсти пропавшему послѣ Дрезденскаго сраженія.... Женщина Мальцъ чрезъ нѣсколько времени возвратилась, и какова была ея радость, когда я, не сказавъ ей ни слова, сталъ отсчитывать ей 1700 гульденовъ. Чтó далѣе считалъ я, то женщина приходила въ большее смятеніе; наконецъ, слезы покатились у ней градомъ, она стала на колѣни и цѣловала оставшееся у ней безъ креста свидѣтельство.—«Эту бумагу я еще бережнѣе сохраню теперь», сказала она сквозь слезы, «передамъ дѣтямъ, какъ виновницу ихъ благосостоянія и въ память милосердія Божія и великодушія Россійскаго Государя». Изъ окошка я видѣлъ, какъ она шла и въ восторгѣ говорила сама съ собою. Я благодарилъ Бога, подавшаго мнѣ случай быть участникомъ въ дѣлѣ столь необыкновенномъ, которое счастливымъ окончаніемъ упрочило будущность цѣлаго семейства, и это за оказанное благодѣяніе Русскому солдату.

Въ Петербургъ возвратились мы 26 Сентября. Во время этого путешествія получилъ я ордена: Прусскаго Краснаго Орла 4-й степени, командорскіе кресты: Баварскаго Михаила, Виртембергскаго Короны, Веймарскаго Бѣлаго Сокола и къ Шведскому мечу брилліантовыя украшенія. Забылъ сказать въ своемъ мѣстѣ, что въ 1837 году 2-го Генваря Государю угодно было дать мнѣ обязанность директора придворной пѣвческой капеллы, т.-е. приказано было принять должность, которою мой дорогой батюшка столь достойно занимался въ теченіе 10 лѣтъ. 1837 года Февраля 7-го получилъ я орденъ св. Владимира 3-й степени.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о женитьбѣ А. Ѳ. Львова на Прасковьѣ Агѣевнѣ Абазѣ.

(Продолженіе будетъ).

А. С. ХОМЯКОВЪ О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНѢ.

(Изъ письма къ пріятелю).

Писано около 1849 года.

Ты обратилъ вниманіе на вопросъ, который есть безспорно самый важный изо всѣхъ не только Русскихъ, но и вообще современныхъ вопросовъ, хотя его важность далеко не вполнѣ понята у насъ и, можетъ быть, совсѣмъ не понята въ чужихъ краяхъ. Разборъ этого вопроса непремѣнно дѣлится на двѣ части: общую и мѣстную. Первая важнѣе въ теоріи, но вторая также важна и едва ли даже не важнѣе на практикѣ.

Однакоже, прежде чѣмъ я коснусь главнаго содержанія твоего письма и своихъ объясненій, я долженъ хоть мимоходомъ сдѣлать возраженіе на сомнѣніе, которое ты также выражаешь мимоходомъ, именно на то, что общность земель противна усовершенствованію хлѣбопашества по ненадежности и непродолжительности владѣнія. Разумѣется, владѣніе, даже продолжительное, хуже собственности въ этомъ отношеніи. Такъ кажется; но опытъ говоритъ другое. Ты самъ былъ въ чужихъ краяхъ; скажи по совѣсти, гдѣ нашелъ ты самую низкую степень хлѣбопашества? Безспорно во Франціи, гдѣ все — собственники. Гдѣ высшую? Безспорно въ Англіи, гдѣ все — владѣльцы (ибо собственники, занимающіеся хлѣбопашествомъ, тамъ исключеніе). И такъ, владѣніе повидимому не мѣшаетъ развитію хозяйства, точно также какъ собственность невсегда бываетъ полезною для его развитія.

Мнѣ кажется поэтому, что общность владѣнія не можетъ считаться важною преградою въ этомъ дѣлѣ. Исторически я сказалъ бы тебѣ, что первые слѣды усовершенствованія хозяйства находятся въ разсказахъ о Помераніи, гдѣ владѣніе было общинное, и въ современномъ мірѣ могъ бы съ большою похвалою указать на сѣверную Россію и особенно на Пермь; но я вообще спрошу у тебя: если 25-ти-лѣтнее фермерство (сроки часто гораздо короче) благопріятству-

етъ землепашеству, отчего 25-ти-лѣтнее владѣніе изъ общинныхъ земель должно быть ему гибельнымъ? А сроки нераздѣльнаго владѣнія бываютъ очень часто гораздо продолжительнѣе: часто отъ дѣда переходитъ участокъ ко внуку и даже далѣе. Вѣроятно, при полнѣйшемъ развитіи общины, 20-ти или 30-ти-лѣтнее владѣніе будетъ поставлено условіемъ общимъ и кореннымъ, и тогда главное затрудненіе будетъ устранено.

Еще долженъ я тебѣ отвѣчать на твой собственный опытъ. Объясненіе его очень просто, но нисколько не противно нашей системѣ. Очевидно, еслибы опытъ, тобою сдѣланный, доказывалъ что нибудь, то онъ бы доказалъ или совершенное равнодушіе крестьянъ къ мірової сходкѣ, какъ при первомъ выборѣ, или невозможность единогласія, какъ при второмъ. Но ни равнодушія нельзя предположить во множествѣ деревень, гдѣ изстари міръ рѣшаетъ всѣ дѣла и даже самовластно распоряжается судьбою своихъ членовъ (отдавая въ батрачество, въ рекрутство и даже на поселеніе), ни невозможности единогласія, которое изстари также ведется въ этихъ же деревняхъ. Чтó же доказываетъ твой опытъ? Ничего противъ общины или противъ единогласія, но къ несчастію весьма много противъ вреда, приносимаго нами землѣ Русской. Твои предшественники во владѣніи перервали сходку и отучили крестьянъ отъ права обычнаго, замѣнивъ его произволомъ своимъ или управительскимъ. Тебѣ трудно было возстановить нить перерваннаго обычая и отучить отъ помочей ребенка, котораго водили на нихъ слишкомъ долго; но мнѣ кажется, или лучше сказать, я увѣренъ, что ты слишкомъ скоро отсталъ. Потребовалъ бы отъ міра рѣшенія, и очень скоро память стараго обычая, чувство нравственной правды и примѣръ другихъ міровъ (если есть сходки въ сосѣдствѣ) привели бы опять дѣло въ порядокъ. Надобно всѣмъ намъ помнить пословицу, которую пріятель А. всегда забываетъ: болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками.

Теперь посмотримъ на мѣстную сторону вопроса, т. е. на отношеніе его къ Россіи. Признàемъ сперва міровое устройство чѣмъ-то прекраснымъ и драгоцѣннымъ для всего человѣчества, и ты конечно уже въ томъ не поспоришь, что оно по преимуществу возможно для той земли, гдѣ оно существуетъ доселѣ и гдѣ не нужно его создавать или вводить, а только расширить или, лучше сказать, допустить до расширенія. Эту организацію долго очень старались *подавлять* систематически и не могли подавить; значитъ, она очень крѣпко срослась съ Русскою жизнію, и всякое вырываніе такого сросшагося элемента непремѣнно сопровождается болью и страданіемъ во всемъ организмѣ. Есть ли явная польза въ этомъ страданіи? Кажется, никто

не рѣшится это утвердить. Прибавь еще слѣдующее. Община хлѣбопашественная очевидно всѣхъ легче устроивается и повидимому всѣхъ полезнѣе; Россія же земля, и теперь, и надолго, по преимуществу хлѣбопашественная. Далѣе: общинное устройство, будучи ограничено, замѣнится у насъ по необходимости расширеніемъ административности. Тебѣ извѣстна болѣе чѣмъ многимъ вся мерзость административности въ Россіи. Пошатавшись по святой Руси и наглядѣвшись на всѣ ея слои, ты знаешь, какъ хороша наша чиновность отъ грошевой уѣздной до милліонной столичной. Я думаю, что даже Киселевщина не столько еще ужасна для народа увеличеніемъ податей (хотя и это бѣдствіе немалое и слѣдствіе усиленной административности), сколько размноженіемъ чиновничества, которое народъ такъ вѣрно и живописно называетъ *крапивнымъ сѣменемъ*. Наконецъ, и это всего важнѣе, всякое государство или общество гражданское состоитъ изъ двухъ началъ: изъ живаго историческаго, въ которомъ заключается вся жизненность общества, и изъ разсудочнаго, умозрительнаго, которое само по себѣ ничего создать не можетъ, но мало по малу приводитъ въ порядокъ, иногда отстраняетъ, иногда развиваетъ основное, т. е. живое начало. Это Англичане назвали, впрочемъ безъ сознанія, торіизмомъ и вигизмомъ. Бѣда, когда земля дѣлаетъ изъ себя tabula rasa и выкидываетъ всѣ корни и отпрыски своего историческаго дерева: она приходитъ къ тому неисцѣлимому шатанію, къ которому пришла Франція, дающая теперь всему міру великій, но мало понимаемый урокъ. Бѣда и то, когда начало умозрительное вздумаетъ создавать. Эта работа постояннаго умничанья идетъ у насъ со временъ Петра безостановочно и беззапиночно. Какого она вздора насоздала! Теперь оглянись у насъ, и ты увидишь, что все у насъ ново и безкоренно: мы съ тобою, т. е. дворяне, цѣхи, городовое устройство, чиновничество во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, выборы наши, просвѣщеніе наше съ его прививнымъ характеромъ, наши привычки, все отъ альфы до омеги. Корень и основа—Кремль, Кіевъ, Саровская пустынь, народный бытъ съ его пѣснями и обрядами, и по преимуществу община сельская. Признавъ основы, можно понять ихъ развитіе и, такъ сказать, разработку. Безъ нихъ мы, какъ Франція, tabula rasa; но хуже чѣмъ Франція—мы предаемся умничанью своего мало-просвѣщеннаго общества. Община есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей Русской исторіи. Отними его, не остается ничего; изъ его же развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ.

Вотъ мѣстная сторона вопроса объ общинѣ; она имѣетъ важность въ теоріи и безконечно важна на практикѣ. Сдѣлай одолженіе, отстрани всякую мысль о томъ, будто возвращеніе къ старинѣ сдѣла-

лось нашею мечтою. Одно дѣло: совѣтовать, чтобы корней не отрубать отъ дерева и чтобы залѣчить неосторожно сдѣланные нарубы, и другое дѣло: совѣтовать оставить только корни и, такъ сказать, снова вколотить дерево въ землю. Исторія свѣтитъ назадъ, а не впередъ, говоришь ты; но путь пройденный долженъ опредѣлить и будущее направленіе. Если съ дороги сбились, первая задача — воротиться на дорогу.

Сторона общая вопроса труднѣе (какъ и всякое общее положеніе болѣе подвергается спору), чѣмъ мѣстная; но думаю, что и она представляетъ довольно убѣдительные доводы въ пользу нашего мнѣнія. Вопервыхъ, мнѣ кажется, ты не совсѣмъ правъ, когда отстраняешь западный пролетаріатъ отъ западнаго индивидуалистскаго устройства общества. Не довольно этого, что ты находишь причину пролетаріата въ излишнемъ расширеніи правъ и привилегій классовъ нѣкогда властвовавшихъ; я въ этомъ не спорю и, думаю, рѣдко кто не согласится съ тобою. Но этого, какъ я сказалъ, не довольно; надобно бы было отвѣчать на вопросъ: «былъ ли бы однако пролетаріатъ возможенъ, еслибы сельская община существовала по нашему?» Ты на этотъ вопросъ не отвѣчаешь, а отвѣтъ былъ бы по необходимости отрицательнымъ и слѣдовательно въ нашу пользу. Вовторыхъ, ты немножко согрѣшилъ противъ логики; ибо въ одно время ты отрицаешь благодѣтельное вліяніе общинности на ограниченіе бѣдности, и говоришь опять противъ общины, что не слѣдуетъ выгодъ общества отдавать въ жертву выгодамъ нищаго, который не можетъ считаться законнымъ представителемъ общества. Съ этимъ положеніемъ я согласенъ; но вижу, что ты самъ чувствуешь благодѣтельное вліяніе общины съ одной стороны, хотя и не признаешься въ немъ, а съ другой стороны вижу, что ты приписываешь общинѣ какіе-то интересы, противные интересу общества, весьма произвольно. Все, что̀ можно было утверждать это то, что общинѣ приносятся въ жертву не выгоды общества, а нѣкоторая часть неограниченныхъ правъ лица индивидуальнаго, что̀ по моему не можетъ считаться убыткомъ, ибо вознаграждается съ лихвою, о чемъ скажу послѣ. Впрочемъ, дѣлая этотъ попрекъ тебѣ, издавна извѣстному мнѣ строгому логику, я знаю, что письмо не диссертація и напередъ самъ прошу нѣкотораго снисхожденія за промахи, которые ты встрѣтить можешь у меня, и сверхъ того помню, что твои возраженія имѣютъ болѣе характеръ вопросительный, чѣмъ отрицательный.

Мнѣ извѣстны до сихъ поръ въ не-Русской Европѣ только двѣ формы сельскаго быта: одна Англійская, сосредоточеніе собственности въ немногихъ рукахъ, другая Французская послѣ революціи, безко-

нечное дробленіе собственности. Всѣ прочія формы относятся къ этимъ двумъ какъ степени переходныя, еще не дошедшія до своего крайняго развитія. Первая очень выгодна для сельскаго хозяйства и усиливаетъ до невѣроятности массу богатства, напрягая умственныя способности селянина посредствомъ конкурренціи въ наймѣ и бросая сильные капиталы на опытное усовершенствованіе земледѣльческой практики. Вотъ ея достоинство; но за то самая конкурренція, безземеліе большинства и антогонизмъ капитала и труда доводятъ въ ней по необходимости язву пролетарства до безчеловѣчной и непремѣнно разрушительной крайности. Въ ней страшныя страданія и революція впереди.

Вторая форма, Французская, дробленіе собственности, невыгодна для хозяйства, замедляетъ его развитіе и во многихъ случаяхъ (именно тамъ, гдѣ нужны значительныя силы для побѣжденія какой нибудь преграды) дѣлаетъ его совершенно невозможнымъ; но это неудобство считаю я не слишкомъ значительнымъ въ сравненіи съ выгодами дробной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе этой системы во Франціи удаляетъ, а можетъ быть даже отстраняетъ навсегда нашествіе пролетарства, ибо оно мало извѣстно въ сельскомъ быту Франціи и является только въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ слишкомъ неблагодарныхъ мѣстностяхъ. Нищета есть принадлежность городовъ Французскихъ, а не селъ. Но за то эта форма имѣетъ другой существенный недостатокъ, который въ государственномъ отношеніи не лучше пролетарства: это полная разъединенность. Таковъ результатъ во Франціи современной по свидѣтельству самихъ Французовъ; таковъ будетъ онъ непремѣнно вездѣ. Разъединенность же есть полное оскудѣніе нравственныхъ началъ; а замѣть, что оскуденіе нравственныхъ началъ есть въ тоже время и оскудѣніе силъ умственныхъ. Отъ этого въ нищенствующихъ селахъ Англіи возстаютъ безпрестанно сильные умы, которыхъ дѣятельность отзывается на всю Англію; а въ поляхъ (селами ихъ назвать нельзя) Франціи человѣкъ такъ слабъ и глупъ, что отъ него не добьется общество ни одной мысли. Онъ просто нѣмой: отъ него ни слуха, ни послушанія, по Русской поговоркѣ. Конечно я не возстаю противъ собственности, ни противъ ея эгоизма; но говорю, что, если кромѣ эгоизма собственности ничто недоступно человѣку съ дѣтства, онъ будетъ окончательно не то, чтобы дурной человѣкъ, а безнравственно-тупой человѣкъ, онъ одурѣетъ. Слышать только объ дѣлѣ общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ человѣка становится безпрестанно лицемъ къ лицу съ нравственною мыслію объ общемъ, о совѣсти, законѣ обычномъ, вѣрѣ, и подчиняться этимъ высшимъ на-

чаламъ, это—истинно-нравственное воспитаніе, это—просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ, это—развитіе не только нравственности, но и ума.

И такъ община столько же выше Англійской формы, которой бѣдствія она устраняетъ, сколько и Французской, которая, избѣгая бобыльства физическаго, вводитъ бобыльство духовное и даетъ городамъ такой огромный и гибельный перевѣсъ надъ селомъ.

Но ты допускаешь общину какъ судящую, какъ правящую, но не какъ хозяйствующую. Это, такъ сказать, введеніе городскаго права въ село, ибо таковы основанія такъ называемаго городоваго общества, весьма далекаго отъ сельской общины. Мнѣ кажется это было бы обманомъ, дѣломъ начатымъ, но неконченнымъ. Странное дѣло—общность расхода безъ всякаго общенія въ приходѣ. Я говорю это, предполагая, что ты допускаешь нѣчто похожее на общинный бюджетъ; даже скажу—странное дѣло судъ, принадлежность всего общества, дѣлать зависимымъ отъ мѣстности. Такая зависимость имѣетъ смыслъ при измѣненіи отношеній между людьми, т. е. при переходѣ теперешняго Европейскаго *сожительства* въ *общинное товарищество*; безъ того она и смысла не имѣетъ. Такимъ образомъ довершенное городовое начало есть ничто иное какъ наше сельское. Но эти доказательства имѣютъ въ себѣ что-то слишкомъ теоретическое или отвлеченное.

Вотъ доказательство другое, болѣе практическое и по моему мнѣнію рѣшительное. Ты признаешь (да и кто же въ наше время можетъ не признавать?), что общество должно пещись о своихъ бѣдныхъ, также и всякая община. Естественное послѣдствіе такого признанія: больницы, богадѣльни, налогъ въ пользу неимущихъ и проч., весь Англійскій *poor taxe* и все устройство Англійскихъ приходскихъ пріютовъ. Объ ихъ недостаткахъ много говорено, но говорено только односторонне, и надежда на лучшее устройство не оставлена. Эту надежду должно оставить; она противна разуму. Вопервыхъ, въ пользу нашей общины должно замѣтить, что она почти не нуждается въ средствахъ противу-нищенственныхъ, ибо сама отстраняетъ нищенство почти совершенно; а предварять зло всегда лучше, чѣмъ исправлять зло. Вовторыхъ, всѣ другія противунищенственныя средства не годятся никуда. Налагая налогъ на имущихъ въ пользу неимущихъ, что́ мы дѣлаемъ? Даемъ однимъ право безъ обязанности, другимъ — обязанность безъ права. Право—неимущимъ, обязанность—имущимъ. Вторымъ слишкомъ тяжело, и они должны естественно стремиться къ тому, чтобы обязанность свою облегчать и неимущихъ держать въ черномъ тѣлѣ. Да и неимущимъ нелегко: они имѣютъ право на кормъ; но это право есть въ тоже время страшное угнетеніе, ибо имъ ни-

когда уже или почти никогда не будетъ возможности выбиться изъ нищеты, они осуждены на вѣчное пролетарство. И такъ учреждается борьба, въ которой обѣ стороны должны роптать и страдать. Отношеніе крайне безнравственное. Иначе вы съ обязанностію соедините право, т. е. прокормленіе покроете работою. Это уже будетъ учрежденіе въ родѣ тюремномъ: неимущій проданъ имущему. Тягость для имущаго нѣсколько облегчается, но за то вражда усиливается, отношенія становятся еще безнравственнѣе, и язва пролетарства неисцѣльнѣе.

Таковы неизбѣжныя послѣдствія всякаго учрежденія въ пользу бѣдныхъ мимо общины; при общинѣ же нѣтъ ничего и похожаго на это. При ней возможна только временная нищета, ибо всѣ члены общины суть товарищи и пайщики. Взаимное вспоможеніе имѣетъ уже характеръ не милостыни (которая истекаетъ изъ чувства христіанскаго и слѣдовательно не можетъ быть предписана закономъ), не подаянія невольнаго, которое кладетъ скудный кусокъ нищему въ ротъ для того только, чтобъ онъ не вздумалъ взять себѣ пищу насильно, но обязанности общественной, истекающей изъ самаго отношенія товарищей другъ къ другу и обусловленной взаимною и общею пользою. Русская поговорка говоритъ: «кормится сирота, растетъ міру работникъ». Это слово важное; въ немъ разрѣшается задача, надъ которою трудятся безполезно лучшія головы Запада. Нищета же безъисходная при общинѣ дѣлится на два случая: на нищету, происходящую отъ разврата и на нищету отъ сиротства и несчастія (вдова или старикъ совершенно безродные). Въ первомъ случаѣ община очищаетъ себя исключеніемъ виновнаго, какъ неисправнаго и негоднаго товарища; а второй случай, встрѣчающійся весьма рѣдко, достаточно покрывается чувствомъ братскаго состраданія и никогда не можетъ служить источникомъ общественнаго зла. Разумѣется, что безъ ослѣпленія фанатическаго нельзя предполагать, чтобы такое устройство совершенно отстранило всѣ бѣдствія и всѣ злоупотребленія, и чтобы богатый общинникъ не могъ иногда разработывать случайную бѣдность товарищей, особенно въ областяхъ промышленныхъ; но такое явленіе по необходимости будетъ имѣть только непродолжительныя слѣдствія и уступитъ силѣ товарищественнаго начала. Я называю общинное товарищественнымъ въ его частномъ приложеніи къ хозяйству; но не должно забывать, что, по своей многосторонности и особенно по своей нравственной основѣ, оно несравненно шире и плодотворнѣе.

До сихъ поръ я говорилъ только о хлѣбопашественной общинѣ. Довольно бы было признать ея важность и пользу для того, чтобъ

оправдать наше стремленіе; но ты требуешь бо́льшаго: ты хочешь, чтобы начало общинное для полнаго своего оправданія доказало свою удобоприлагаемость во всѣхъ случаяхъ и по преимуществу въ развитіи промышленности фабричной. Отвѣтъ положительный и опредѣленный мнѣ кажется невозможнымъ въ наше время; возможна только догадка, основанная на вѣроятностяхъ; а вѣроятности будутъ опять въ нашу пользу. Всеобщее стремленіе во всей Европѣ свидѣтельствуетъ объ одномъ, о борьбѣ капитала и труда и о необходимости помирить этихъ двухъ соперниковъ или слить ихъ выгоды. Стремленіе всеобщее и разумное встрѣчаетъ вездѣ неудачу; неудача же происходитъ не отъ какой нибудь теоретической невозможности, но отъ невозможности практической, именно отъ нравовъ рабочаго класса. Эти нравы—плодъ жизни, убившей всю старину съ ея обычаями (т. е. плодъ развитія въ смыслѣ вигизма), не допускаютъ ничего истинно-общаго, ибо не хотятъ уступить ничего изъ правъ личнаго произвола. Для нихъ недоступно убѣжденіе, что эта уступка есть уже сама по себѣ выгода для лица; ибо, уступая часть своего произвола, оно становится выше, какъ лицо нравственное, прямо дѣйствующее на всю массу общественную посредствомъ живаго, а не просто-отвлеченнаго или словеснаго общенія. Это убѣжденіе будетъ доступно или, лучше сказать, необходимо присуще человѣку, выросшему на общинной почвѣ. Община промышленная есть или будетъ развитіемъ общины земледѣльческой.

Учрежденіе артелей въ Россіи довольно извѣстно; оно оцѣнено иностранцами; оно имѣетъ кругъ дѣйствія шире всѣхъ подобныхъ учрежденій въ другихъ земляхъ. Отчего? Оттого, что въ артель собираются люди, которые съ малыхъ лѣтъ уже жили по своимъ деревнямъ жизнію общинною. Въ артеляхъ мало, почти нѣтъ мѣщанъ, мало дворовыхъ. Вся основа—крестьяне или вышедшіе изъ крестьянства. Это не случайность, а слѣдствіе нравственнаго закона и жизненныхъ привычекъ. Конечно я не знаю ни одного примѣра совершенно-промышленной общины въ Россіи, такъ сказать фаланстера, но много есть похожаго; напримѣръ, есть мельницы, эксплуатируемыя на паяхъ, есть общія деревенскія ремесла и что́ еще ближе, есть деревни, которыя у купцовъ снимаютъ работу и раздаютъ ее у себя по домамъ. Все это не развито; да у насъ вся промышленность не развита. Народъ не познакомился съ машинами; естественная жизнь торговли нарушена. Когда простѣе устроится нашъ общій бытъ, всѣ начала разовьются, и торговая или лучше сказать промышленная община образуется сама собою.

Объ насъ и объ нашемъ отношеніи къ общинѣ покуда я не говорю. Со временемъ мы сростемся съ нею. Но какъ? Этого рѣшать нельзя. Смѣшно было бы взять на себя все предвидѣть. Право пріобрѣтать собственность, данное крестьянину, не нарушаетъ общины. Личная дѣятельность и предпріимчивость должны имѣть свои права и свой кругъ дѣйствія; довольно того, что они будутъ всегда находить точку опоры въ сельскомъ мірѣ и что въ немъ же или черезъ него они будутъ мириться съ общественностью, не выростая никогда до эгоистической разъединенности. Тоже вѣроятно будетъ и съ нами. Но это еще впереди и какъ Богъ дастъ. Допустимъ начало, а оно само себѣ создастъ просторъ.

Вотъ, любезный, другъ, мои объясненія. Отвѣчай и опровергай то, что́ тебѣ покажется ложнымъ или темнымъ; съ остальнымъ соглашайся. Твое согласіе намъ дорого. Статей никакихъ не посылаю и не назначаю; во всѣхъ только намеки.

Печатается съ подлинника, сохранившагося у Д. А. Хомякова, которому приносимъ великую благодарность за сообщеніе въ Русскій Архивъ этихъ превосходныхъ страницъ приснопамятнаго отца его. Все что̀ потомъ писалось у насъ про общину (т. е. многіе томы) есть только сравнительно-слабое изложеніе и развитіе сказаннаго Хомяковымъ. Слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ написанная статья его и теперь еще сохраняетъ всю свою цѣнность, свѣжесть и, такъ сказать, неисчерпаемость. Не говоримъ уже про широту и всеобщность взглядовъ, про стальную логику доводовъ.... П. Б.

О ДРОБЛЕНІИ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО КЪ КНЯЗЮ С. Н. УРУСОВУ.

1870.

Милостивый государь князь Сергій Николаевичъ!

Вамъ угодно было, въ концѣ нынѣшней зимы передать мнѣ составленную во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи печатную записку по вопросу, слѣдуетъ ли и какія именно мѣры принять по ограниченію дробленія поземельной собственности, и вы выразили мнѣ при этомъ желаніе знать мое мнѣніе по этому предмету.

Не удосужившись исполнить это ранѣе, спѣшу нынѣ сообщить вамъ нѣкоторыя соображенія, возникшія въ моемъ умѣ при чтеніи вашей записки въ деревнѣ, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней и откуда недавно возвратился. Прошу извинить меня, если окажется, что, значительно отставъ отъ современнаго хода Петербургскихъ дѣлъ, я не отгадалъ въ точности тѣхъ руководныхъ нитей, коихъ въ настоящее время придерживаются въ высшихъ сферахъ.

Записка ваша, сколько мнѣ кажется, представляетъ весьма подробную, полную и добросовѣстно-составленную справку по разсматриваемому вопросу. Въ сущности она сводится къ свѣдущимъ окончательнымъ и вполнѣ-вѣрнымъ результатамъ.

1) Ни размѣры надѣла, которые установлены Положеніями 19-го Февраля 1861 года для губерній Великорусскихъ, ниже тѣ, которые приняты послѣдующимъ законодательствомъ для крестьянъ казенныхъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ послужить основаніемъ для установленія закономъ на будущее время наименьшаго размѣра дробимости крестьянской поземельной собственности; 2) въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ не общинное, а участковое пользованіе, размѣры крестьянскихъ участковъ не опредѣлены вовсе положеніями 19-го Февраля

(кромѣ одного случая—для губерній Виленскаго генералъ-губернаторства); крестьянскіе участки въ этихъ мѣстностяхъ образовались въ 1861 году преимущественно въ тѣхъ размѣрахъ, какіе оказались въ дѣйствительности, безъ всякаго соотношенія къ какому-либо размѣру нормальному; слѣдовательно и здѣсь законодатель также не можетъ почерпнуть надлежащихъ для себя указаній.

3) Дѣйствительное владѣніе крестьянъ землею, которое въ 1861 г. послужило главнымъ основаніемъ для законодательнаго опредѣленія размѣра душевныхъ надѣловъ Великорусскихъ, а равно и участковаго крестьянскаго владѣнія въ нѣкоторыхъ особенныхъ мѣстностяхъ Россіи, но которое само образовалось искусственнымъ образомъ, подъ вліяніемъ ненормальныхъ явленій прежняго крѣпостнаго быта, не можетъ также по этому самому служить правильнымъ основаніемъ для опредѣленія нормальныхъ (въ истинномъ смыслѣ этого слова) размѣровъ крестьянской поземельной собственности.

4) Сравнительно немногочисленный разрядъ крестьянъ-собственниковъ (около 560.000 душъ), которые получили $^1/_4$ часть надѣла въ даръ отъ помѣщиковъ, пользуется такимъ ограниченнымъ количествомъ земли, что размѣръ ихъ владѣнія не можетъ ни въ какомъ случаѣ служить полезнымъ указаніемъ для законодательства.

5) Въ самыхъ свѣдѣніяхъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ крестьянскихъ поземельныхъ участковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи ощущается совершенный недостатокъ.

За тѣмъ, 6-е) если бы въ настоящее время и былъ установленъ закономъ какой-либо нормальный предѣлъ дробленія участковъ крестьянскихъ земель: то законъ этотъ не могъ бы имѣть примѣненія къ крестьянскимъ землямъ, выкупленнымъ съ помощію правительства, такъ какъ и безъ того положеніями 19-го Февраля установлена вообще недробимость такихъ земель, коль скоро они перешли изъ общиннаго владѣнія въ подворные участки. Между тѣмъ крестьяне, выкупившіе свои земли съ помощію правительства, составляютъ нынѣ уже около $^7/_{10}$ общаго числа всѣхъ крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и число ихъ безъ сомнѣнія еще болѣе возрастетъ.

Наконецъ, въ 7-хъ) если принять въ соображеніе, что значительнѣйшая часть Русскаго крестьянства еще донынѣ пребываетъ въ общинномъ владѣніи землею и еще не перешла къ участковому владѣнію, и что новый законъ могъ бы исключительно касаться лишь этого послѣдняго вида поземельнаго владѣнія, еще мало развитаго въ нашемъ крестьянскомъ быту: то, при настоящемъ положеніи крестьянской поземельной собственности, едва-ли не преждевременно было-бы

постановлять какія-либо законодательныя правила по вопросу о предѣлахъ дробленія этой собственности.

Соглашаясь вполнѣ съ этими выводами, можно было бы дополнить ихъ еще слѣдущими общими соображеніями.

Издавая новый законъ, полезно имѣть всегда въ виду, во 1-хъ, дозволяютъ ли мѣстныя и временныя обстоятельства надѣяться, чтобы законъ этотъ могъ бы въ дѣйствительности, на практикѣ, осуществиться и принести ожидаемые отъ него плоды, хотя бы въ тѣхъ тѣсныхъ предѣлахъ, въ коихъ онъ оказывается по существу своему примѣнимымъ (ибо, если такой надежды питать невозможно, въ такомъ случаѣ полезнѣйшимъ казалось бы не издавать вовсе новаго законоположенія), и во 2-хъ, не сопряжено ли строгое примѣненіе новаго закона съ какими-либо существенными неудобствами, далеко быть можетъ превосходящими то самое зло, противъ коего законъ направляется.

Обращаясь къ предмету настоящей записки, нельзя не сказать, что и въ томъ и въ другомъ отношеніи изданіе новаго закона, имѣющаго опредѣлить низшій размѣръ дробленія крестьянской собственности, представляетъ впереди немало затрудненій.

Во 1-хъ, позволительно ли надѣяться, чтобы такой законъ былъ бы въ дѣйствительности соблюдаемъ и не остался бы мертвою буквою лишь на бумагѣ? Опытъ указываетъ, что такого закона въ Европѣ почти нигдѣ не существуетъ, не взирая на то, что въ западной литературѣ есть цѣлая политико-экономическая школа, неустанно ратующая противъ измельчанія поземельной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что практическія затрудненія, съ коими сопряжено изданіе и соблюденіе такого закона, были одною изъ существенныхъ причинъ, почему отвлеченныя теоретическія начала почти нигдѣ не облеклись въ форму закона.

Но если такого рода опасенія могли родиться въ западной Европѣ, то чего же слѣдуетъ ожидать у насъ? Извѣстно всѣмъ, что педантическимъ уваженіемъ къ закону (потому только что законъ существуетъ) нашъ Русскій бытъ вообще не отличается. Историческій опытъ многократно доказывалъ намъ, далѣе, что всего менѣе уступаютъ закону отношенія имущественныя, если они имъ стѣсняются или нарушаются. Такимъ образомъ Петровскій законъ о маіоратахъ не просуществовалъ и двадцати лѣтъ, хотя онъ касался одной лишь крупной дворянской собственности, и даже нынѣ на уклоненія отъ новѣйшихъ правилъ маіоратныхъ и заповѣдныхъ имѣній испрашиваются часто особыя разрѣшенія. На нарушеніе правилъ о дробимости крестьянской поземельной собственности не будетъ конечно ни отъ кого испрашиваться и разрѣшеній. Крестьяне частію не будутъ знать но-

ваго закона; а соблюдать его едвали станутъ тѣ, кто о немъ случайно узнаетъ. При отсутствіи въ крестьянскомъ быту грамотности, а слѣдовательно и привычки къ юридическимъ актамъ, при всеобщемъ и почти суевѣрномъ отвращеніи крестьянъ къ соблюденію юридическихъ формальностей, мелкая поземельная собственность будетъ дробиться не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, то-есть способомъ самымъ неуловимымъ для закона и притомъ самымъ неисправимымъ. Наконецъ, едва ли какая-либо полиція въ силахъ гдѣ-либо усмотрѣть и предотвратить подобныя нарушенія закона; а всего менѣе на то способна наша Русская полиція и администрація при извѣстномъ ея навыкѣ къ благодушному бездѣйствію. Слѣдуетъ опасаться развѣ лишь того, что новый законъ и частыя его негласныя нарушенія могутъ сдѣлаться источникомъ легкихъ и незаконныхъ прибытковъ, по крайней мѣрѣ для волостной и сельской полицій, которыя будутъ конечно усердно и успѣшно покрывать нарушенія закона, противнаго всѣмъ доселѣ существовавшимъ въ народѣ порядкамъ и обычаямъ.

Наше законодательство въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ два раза пыталось провести въ жизнь новое начало недробимости крестьянскихъ участковъ. Первая попытка, указанная въ запискѣ II-го Отдѣленія, была сдѣлана въ положеніи 19 Февраля 1861 года для губерній Сѣверо-Западныхъ, гдѣ, при переходѣ по наслѣдству участковъ, въ потомственномъ пользованіи крестьянъ состоящихъ, установленъ низшій размѣръ дробимости этихъ участковъ въ полъ-уволока или въ 10 десятинъ. Второй опытъ касался Царства Польскаго, для коего указомъ 19 Февраля 1864 года, статьею 19-ю, было предоставлено Учредительному Комитету составить временныя правила относительно того, на какомъ основаніи можетъ быть допущено дробленіе крестьянскихъ усадебъ, и опредѣлить самый срокъ, въ продолженіе котораго можетъ быть допущено такое ограниченіе права собственности крестьянъ на ихъ усадьбы.

Участвовавъ довольно близко въ подготовленіи матеріаловъ для того и другаго законоположенія, я могу присовокупить, что и то и другое ограниченіе позаимствованы Русскимъ закономъ: первое изъ проектовъ положеній мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ Сѣверо-Западныхъ губерній и личныхъ настояній членовъ избранныхъ отъ этихъ комитетовъ по вызовѣ ихъ въ Редакціонныя Коммиссіи, второе же изъ предшествующаго крестьянскаго чиншеваго законодательства въ Царствѣ Польскомъ и изъ постановленія Совѣта Царства Польскаго отъ 25 Октября (6-го Ноября) 1852 года, установившаго для казенныхъ селеній недробимость крестьянскихъ усадебъ ниже 6 морговъ.

Ограниченіе дробимости крестьянскихъ участковъ, установленное положеніемъ 19 Февраля 1861 года для губерній Сѣверо-Западныхъ, было очевидно вызвано желаніемъ Сѣверо-Западныхъ Польскихъ помѣщиковъ сохранить крестьянскіе участки многосемейные, болѣе способные къ отбыванію собственно-барщинской повинности, взысканіе коей становится гораздо затруднительнѣе, коль скоро семьи и участки крестьянскіе подвергаются дѣлежу и дробленію. Поэтому, ст. 85-я Положенія связываетъ правило о недробимости этихъ участковъ съ постояннымъ надзоромъ за этимъ помѣщика. Во всякомъ случаѣ правило это дѣйствовало въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ недолго и очевидно должно было оказаться несовмѣстнымъ съ тѣмъ полнымъ правомъ собственности, которое вскорѣ, съ установленіемъ обязательнаго выкупа, было высочайше даровано Сѣверо-Западнымъ крестьянамъ на ихъ земли.

Въ Царствѣ Польскомъ (какъ видно изъ вышеприведенной статьи 19-й закона 19 Февраля 1864 года) правительство предполагало установить недробимость крестьянскихъ усадебъ и участковъ, лишь какъ мѣру временную, постоянное сохраненіе коей на вѣчное время казалось несовмѣстнымъ съ полнымъ правомъ собственности крестьянъ на дарованныя имъ земли. Сколько мнѣ извѣстно, Учредительный Комитетъ находился въ большомъ затрудненіи на счетъ того, какимъ образомъ привести въ дѣйствительное исполненіе, а не на одной лишь бумагѣ, требованіе закона, даже въ видѣ той временной и переходной мѣры, въ какой она Положеніемъ была предположена. Наконецъ, постановленіями 20, 25 и 27 Ноября и 30 Декабря 1865 года, Учредительный Комитетъ, принялъ шестиморговый размѣръ за низшій предѣлъ дробимости крестьянскихъ усадебъ, обставивъ это правило цѣлою сѣтью предохранительныхъ распоряженій. Не могу сказать опредѣлительно, насколько въ настоящее время привилось въ краѣ это постановленіе. Помню однако, что нѣкогда, во время службы моей въ Варшавѣ, внимательно слѣдя за результатами крестьянскаго дѣла, я часто допытывался у мѣстныхъ коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ о томъ, соблюдается ли дѣйствительно въ крестьянскомъ быту недробимость участковъ, и изъ показаній ихъ убѣждался въ то время, что правило это въ жизни, на практикѣ, ежедневно обходится крестьянами. Помню даже, что я часто въ разговорахъ съ коммиссарами упорно настаивалъ на необходимости соблюденія этого правила, но получалъ обыкновенно довольно безнадежные отзывы. Любопытно было бы въ настоящее время положительно разъяснить исходъ этого вопроса въ Привислянскомъ краѣ.

Обращаясь къ Россіи, необходимо, во вторыхъ, еще, какъ сказано выше, удостовѣриться въ томъ, что строгое примѣненіе новаго закона у насъ, если оно возможно, не будетъ сопряжено съ существенными неудобствами.

Не отвергая въ существѣ важности образованія у насъ, буде возможно, твердой поземельной единицы, которая служила бы по преимуществу единицею податною, я считаю долгомъ указать однако на то обстоятельство, что слишкомъ упорное стремленіе законодательства къ искусственному образованію у насъ такой единицы посредствомъ стѣсненія права на дробленіе едва образовавшей и еще образующейся крестьянской поземельной собственности могло бы невольно затормозить другое, по моему мнѣнію, еще важнѣйшее дѣло—дѣло постепеннаго образованія самаго участковаго или подворнаго крестьянскаго владѣнія; въ другихъ словахъ, дѣло постепеннаго распаденія общиннаго крестьянскаго владѣнія на подворные или семейные участки владѣемые крестьянами на правѣ полной частной собственности, хотя бы и въ большей или меньшей съ другими крестьянами чрезполосности.

Процессъ распаденія общины на семейные или подворные участки есть конечно одна изъ важнѣйшихъ задачъ настоящаго періода. Редакціонныя Коммиссіи, на долю которыхъ выпала нѣкогда неблагодарная роль возможнаго примиренія самыхъ разнородныхъ интересовъ, были и въ этомъ отношеніи поставлены въ самое затруднительное положеніе. Вѣрныя началу развитія постепеннаго и осторожнаго, онѣ совѣтывали правительству не нарушать немедленно и произвольно древнихъ общинныхъ отношеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, въ числѣ прочихъ задачъ наступающаго времени, указали и на законность постепеннаго распаденія общины и предложили внести въ Положеніе и самыя условія и формы, при соблюденіи коихъ община могла бы свободно распадаться на подворные и семейные участки. Къ сожалѣнію неизвѣстно, почему прошло девять лѣтъ прежде чѣмъ Положеніе 19 Февраля получило въ этомъ отношеніи хотя бы самое первоначальное и необходимое развитіе, къ чему доселѣ сдѣланъ лишь самый первый и скромный шагъ посредствомъ нѣкотораго облегченія продажи съ аукціоннаго торга подворныхъ участковъ крестьянскихъ, на коихъ накопились недоимки.

Въ настоящее время всѣ правительственныя заботы должны быть рѣшительно направлены къ облегченію образованія изъ общинъ подворныхъ участковъ, въ видахъ преуспѣянія крестьянскаго хозяйства и болѣе прочнаго устройства самой податной системы. Но для достиженія этой цѣли полезно убѣдить самихъ крестьянъ въ превосходствѣ этой новой формы землевладѣнія; а этого едвали можно достиг-

нуть, если, единовременно со введеніемъ ея, она будетъ опутана, стѣснена и осложнена формальностями и условіями, народу непонятными или даже ему противными, какъ напримѣръ условіемъ безусловнаго запрета дробленія участковъ. Казалось бы, что, имѣя въ настоящее время въ виду двѣ цѣли—установленіе подворной крестьянской собственности и опредѣленіе низшаго размѣра ея дробленія, изъ коихъ первая далеко превосходитъ вторую по своей важности и сравнительной безспорности, правительству предстоитъ прежде всего обезпечить успѣхъ перваго преобразованія всѣми отъ него зависящими мѣрами, а второе слѣдуетъ во всякомъ случаѣ отложить, подвергнувъ еще касающіеся его факты тщательной и всесторонней разработкѣ и изученію. Такой способъ дѣйствій будетъ вполнѣ согласенъ и съ логикою дѣла: ибо, прежде чѣмъ думать объ установленіи недробимости крестьянской подворной собственности, нужно предварительно создать эту самую подворную собственность изъ нынѣшняго общиннаго владѣнія. Прежде созданія ея излишне было бы правительству утруждать себя подробною ея регламентаціею особенно въ такое время, когда ему по всѣмъ отраслямъ управленія предстоитъ столько неотложной работы и тяжелаго труда.

Неужели однако изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что правительство должно остаться вполнѣ безучастнымъ къ вопросу о дробленіи крестьянской поземельной собственности, равнодушно махнувъ рукою на это дѣло?

Я смѣю думать, что и здѣсь, какъ вездѣ, можетъ легко быть отыскана золотая середина, чуждая одностороннихъ крайностей. Правительство, и не издавая закона о размѣрѣ дробленія крестьянскихъ участковъ, можетъ содѣйствовать косвенно, цѣлымъ рядомъ другихъ параллельныхъ мѣръ, той же самой имъ признаваемой полезною цѣли. Такихъ мѣръ можно насчитать довольно; всѣ онѣ должны имѣть въ виду не искусственное образованіе какой-либо новой единицы крестьянскаго владѣнія, но онѣ должны содѣйствовать, и притомъ естественнымъ, непринудительнымъ для крестьянина путемъ, простому по мѣрѣ возможности сохраненію въ крестьянскомъ быту болѣе или менѣе крупной единицы, какова бы ни была эта единица, поземельная, подворная или семейная; ибо возможнымъ сохраненіемъ каждой изъ таковыхъ единицъ въ крестьянскомъ быту достигается болѣе или менѣе близко та главная цѣль неизмельчанія крестьянской поземельной собственности, которую законодатель имѣетъ нынѣ въ виду. Здѣсь достаточно будетъ указать на слѣдующія, главнѣйшія мѣры, которыя, какъ кажется, не должны быть упущены изъ виду:

1) Крестьянамъ должна быть всѣми мѣрами облегчаема возможность завѣщать свои не только благопріобрѣтенные, но и родовые подворные участки, въ видахъ избѣжанія обязательнаго дробленія сихъ участковъ по закону между наслѣдниками въ тѣхъ случаяхъ, когда не будетъ сдѣлано крестьяниномъ завѣщанія. Въ 1866 году, Марта 9-го, крестьянамъ разрѣшено свидѣтельствовать свои духовныя завѣщанія, упрощеннымъ порядкомъ, въ волостныхъ правленіяхъ; но такія завѣщанія, хотя бы они касались недвижимости, не могутъ простираться на имущество цѣною свыше ста рублей, а слѣдовательно подъ правило 1866 года едва ли подойдетъ хотя одинъ крестьянскій подворный участокъ. Если же участокъ этотъ будетъ родовой, унаслѣдованный крестьяниномъ отъ отца или близкаго родственника, въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть завѣщаемъ крестьяниномъ лишь крѣпостнымъ или нотаріальнымъ порядкомъ или съ соблюденіемъ другихъ сложныхъ формальностей, установленныхъ Сводомъ Законовъ. Понятно, что рѣдкій крестьянинъ догадается, съумѣетъ или сможетъ прибѣгнуть къ такой сложной и дорогой процедурѣ въ явкѣ завѣщанія даже въ такомъ случаѣ, когда въ его умѣ возникла бы сама собою мысль, въ видахъ сохраненія своего хозяйства въ будущемъ, оставить его въ полномъ составѣ одному изъ своихъ родственниковъ. Между тѣмъ такой обычай, какъ обычай, не былъ чуждъ древней Россіи, гдѣ домъ отца переходилъ обыкновенно въ видѣ майората одному младшему сыну,остававшемуся при матери; и нынѣ онъ еще встрѣчается въ народной жизни. Но обычай этотъ во всякомъ случаѣ несовмѣстимъ съ нынѣшними гражданскими нашими законами объ обязательномъ дробленіи имѣнія между сыновьями и дочерьми умершаго; а условія и формальности, коими (имѣя при этомъ въ виду исключительно дворянское сословіе) законъ нѣкогда окружилъ завѣщанія родоваго имущества, условія эти, если они будутъ примѣняться и къ крестьянской поземельной собственности, не могутъ не имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ постоянную недѣйствительность крестьянскихъ духовныхъ зивѣщаній, касающихся родовыхъ подворныхъ участковъ, а слѣдовательно и постоянно возрастающее дробленіе крестьянской поземельной собственности между наслѣдниками. Желательно было бы, конечно, чтобы существующій законъ не шелъ по крайней мѣрѣ въ разрѣзъ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ правительство желало-бы достигнуть изданіемъ новыхъ законовъ, для которыхъ трудно пріискать удобную формулу.

2) Далѣе, требуется полная радикальная переработка дѣйствующихъ рекрутскихъ уставовъ. Уставы эти въ нынѣшнемъ ихъ видѣ составляютъ замѣтное и печальное пятно въ нашемъ новѣйшемъ законодательствѣ. Они уже давно требуютъ совершенной замѣны своей

новымъ законоположенiемъ, и такую переработку, какъ видно даже изъ примѣчанiя 2-го къ статьѣ 194-й общаго Положенiя 19-го Февраля 1861 года, уже въ то время предполагалось не откладывать далѣе какъ на три года. Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе девяти лѣтъ, и рекрутское законодательство наше не только не улучшилось, но частными измѣненiями оно лишь еще болѣе осложнилось и ухудшилось, сдѣлавшись истиннымъ бѣдствiемъ для всѣхъ податныхъ сословiй въ то самое время, когда въ 1864 и 1865 годахъ, безъ всякихъ затрудненiй, Учредительнымъ Комитетомъ, по представленiю бывшей коммиссiи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, введена въ дѣйствiе съ высочайшаго соизволенiя довольно удовлетворительная и совершенно новая для края конскрипцiонная система. Такимъ образомъ, податныя сословiя въ Имперiи лишены доселѣ, безъ всякой съ своей стороны вины, благодѣянiй доставшихся въ удѣлъ Польскому народу. Измѣненiя въ дѣйствующихъ въ Имперiи рекрутскихъ уставахъ должны между прочимъ имѣть въ виду ограниченiе непомѣрнаго числа изъятiй, благопрiятствующихъ малосемейнымъ и одинокимъ, и служащихъ самымъ дѣйствительнымъ поощренiемъ къ дѣлежу и дробленiю семействъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ. Не понятно, какимъ образомъ доселѣ не только сохраняются, но почти съ каждымъ наборомъ все болѣе и болѣе развиваются подобныя вредныя изъятiя, не только затрудняющiя податнымъ сословiямъ правильное отправленiе рекрутской повинности, отбываемой за круговою порукою обществъ, но еще подрывающiя семейство въ самомъ его корнѣ и искусственно, силою закона, поощряющiя распаденiе семьи. Такое явное противорѣчiе дѣйствующаго закона не только съ фискальными выгодами правительства, но еще съ общественною нравственностiю и съ началами, изложенными въ памятномъ для всѣхъ высочайшемъ рескриптѣ 10 Мая 1866 года, настоятельно требуетъ скорѣйшаго исправленiя. И по отношенiю къ настоящему частному вопросу такое исправленiе закона принесетъ косвеннымъ образомъ весьма полезные плоды: ибо устраненiе изъ рекрутскихъ уставовъ поощренiя къ дробленiю семействъ будетъ постепенно содѣйствовать ограниченiю семейныхъ дѣлежей; а съ сохраненiемъ въ семействѣ рабочей силы отчасти, косвеннымъ путемъ, достигается и сохраненiе въ общей, нераздробленной совокупности, самихъ подворныхъ крестьянскихъ участковъ, обрабатываемыхъ этою рабочею силою.

3) Наконецъ, та же цѣль и тѣмъ же косвеннымъ путемъ можетъ быть достигнута отчасти черезъ введенiе подворной подати, при предстоящемъ преобразованiи подушной системы; ибо нѣтъ сомнѣнiя, что

обложеніе каждаго двора специальною податью можетъ въ разсчетливомъ крестьянскомъ сословіи служить весьма могущественнымъ орудіемъ къ предотвращенію семейныхъ раздѣловъ въ той мѣрѣ, въ какой избѣжаніе такихъ раздѣловъ на самомъ дѣлѣ возможно и полезно; а сохраненіе нераздѣльности крестьянскаго двора и семейства естественно влечетъ за собою вообще, какъ выше указано, также въ извѣстной мѣрѣ, недробимость подворнаго поземельнаго участка.

Таковы, многоуважаемый князь, общія соображенія, внушенныя мнѣ чтеніемъ вашей записки. Передаю ихъ вамъ въ надеждѣ, что вы не посѣтуете на меня за ихъ недостаточность, неполноту или излишнія длинноты въ изложеніи. Прошу васъ вѣрить лишь тому, что замѣчанія эти писаны съ полною искренностію и безъ предвзятыхъ цѣлей.

Примите увѣреніе и пр.

Августа 1-го дня 1870 г.

Князь В. Черкаскій.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. С. ХОМЯКОВА КЪ А. Н. ПОПОВУ.

Печатается съ подлинниковъ, полученныхъ отъ Д. А. Хомякова.

А. Н. Поповъ († 16 Ноября 1877), пережившій своего наставника и друга семнадцатью годами, самъ намѣревался обнародовать въ Русскомъ Архивѣ эти письма (для чего и передалъ ихъ старшему его сыну). Разныя помѣхи лишали насъ до сихъ поръ возможности представить читателямъ драгоцѣнныя дружескія повѣренія необыкновеннаго человѣка, историческое значеніе котораго съ годами растетъ все болѣе и болѣе и не умалится въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ.

Люди знавшіе Алексѣя Степановича Хомякова (1804—1860) помнятъ, что, при всей энергіи ума своего и непрерывности мысленной работы, былъ онъ тугъ на писаніе и охотно довольствовался словеснымъ выраженіемъ того, что̀ накоплялось въ удивительной лабораторіи головы его. Бесѣда съ пріятелями, оживленные споры, длившіеся по многу часовъ сряду, замѣняли ему не только аудиторію, но и рабочій письменный столъ. Жившій у него въ домѣ племянникъ его жены, Д. А. Валуевъ (товарищъ А. Н. Попова и В. А. Елагина) прибѣгалъ ко всякимъ уловкамъ, чтобы привлечь его къ письменной работѣ. Валуеву собственно мы и обязаны тѣмъ, что Хомяковъ началъ обработывать для печати свои большія прозаическія произведенія. Валуевскій „Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и о народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ" (1845) былъ первымъ изданіемъ, въ которомъ Хомяковъ началъ выражать свои самобытныя историческія, политическія и бытовыя воззрѣнія. Затѣмъ, по кончинѣ Валуева и, такъ сказать, въ память о немъ, принялъ онъ дѣятельное участіе въ трехъ „Московскихъ Сборникахъ" (1846, 1847 и 1852). Въ Петербургѣ отнеслись къ нему съ отмѣнною строгостью: его статьи подвергались всевозможнымъ цензурамъ, и наконецъ ему совсѣмъ было запрещено печататься. Хомяковъ добродушно сно-

силъ гоненіе, и когда уже въ новое царствованіе, запрещеніе писать сняли и разрѣшена была „Русская Бесѣда", Алексѣй Степановичъ шутя говорилъ, что теперь его письменной лѣни больше нельзя ссылаться на цензуру (и онъ, дѣйствительно, принялся работать усердно).—Хомяковъ, кромѣ необыкновенныхъ дарованій, имѣлъ и всѣ внѣшнія средства для независимой дѣятельности.

Александръ Николаевичъ Поповъ, напротивъ, былъ человѣкъ привычный къ письму и, по условіямъ своей жизненной обстановки почти не покидавшій пера. Сынъ бѣднаго помѣщика изъ подъ Ряжска, онъ долженъ былъ пробиваться на жизненномъ пути непрестаннымъ трудомъ. Правовѣдѣніе было его любимымъ предметомъ, которому старался придать онъ историческую основу. Его магистерская диссертація о Русской Правдѣ, защищенная въ Московскомъ университетѣ (1841), обратила на него вниманіе Хомякова, который въ окружавшихъ его друзьяхъ и почитателяхъ любилъ по преимуществу самостоятельную работу мысли. Путешествіе Попова въ Черногорію (1845) чуть ли не было совершено на средства Хомякова. Его опредѣлившееся въ то время направленіе помѣшало ему занять профессорское мѣсто въ Москвѣ, и съ 1846 года служилъ онъ въ Петербургѣ, гдѣ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ лучшими тамошними силами. Своими письмами къ нему Хомяковъ сносился съ Петербургомъ, во сколько чувствовалъ къ тому потребность.

Здѣсь опущены въ печати частности и мелочи, которыя со временемъ найдутъ мѣсто въ жизнеописаніяхъ какъ Хомякова, такъ и Попова. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ отвѣтныхъ писемъ сего послѣдняго. Большая часть Хомяковскихъ писемъ писаны безъ означенія времени, и приходится размѣщать ихъ по соображеніямъ иногда, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрнымъ. П. Б.

1.

4 Марта (1847 г.).

У насъ все по старому, по прежнему; только и новаго что вышелъ Сборникъ. Что-то о немъ будутъ говорить? По моему всего въ немъ замѣчательнѣе конецъ (Аксаковская З. Д.). Странный финалъ и производящій, какъ мнѣ кажется, самое тяжелое впечатлѣніе. Не говорю обо всей пьесѣ, въ которой много художественнаго достоинства, но объ концѣ. Столько-то съ тысячи, и это послѣднее слово этого толстаго изданія (1). Имѣяй очи да видитъ, но никто не увидитъ урока. Объ моей статьѣ (2) только слышу, что ее Шевыревъ обвиняетъ въ какой-то Англійской гордости. Этого я просто не понимаю. Гдѣ онъ находитъ гордость! Перечитывая нахожу только строгое и послѣдовательное изложеніе началъ. Положимъ, что въ своемъ дѣлѣ судьею я быть не могу, и что тутъ невольное самообольщеніе; но все, кажется, я могъ бы по крайней мѣрѣ придумать, на чемъ основано обвиненіе,

даже считая его ложнымъ. Я и придумать не могу. Кавелинъ, какъ слышно, очень разгнѣвался; но мнѣ досадно то, что я, стрѣлявъ по Кавелину, попалъ еще въ другаго противника, котораго конечно я оскорбить не хотѣлъ, въ Грановскаго. Повидимому, фактъ-то историческій данъ Кавелину имъ. По крайней мѣрѣ онъ отвѣчаетъ статьею, которую обѣщалъ мнѣ прочесть. Я буду его уговаривать не отвѣчать. Промахъ дать не бѣда. Статья же безъ подписи, а факты несомнѣнны. Если мнѣ придется опровергать (что́ я конечно сдѣлаю на какой нибудь полстраницѣ), я буду уже принужденъ поднять обвиненіе не въ незнаніи только, а въ недобросовѣстности, что̀ было бы мнѣ крайне непріятно. Вообще я ничьихъ мнѣній о Сборникѣ не слыхалъ, потому что на Страстной никого не видалъ; поэтому и объ вашемъ Шлёцерѣ скажу только свое мнѣніе. Статья превосходная по безпристрастію, по добросовѣстности и по логической строгости разбора. Она, какъ мнѣ кажется, должна оскорбить многихъ (разумѣется не какъ личность, а какъ улика) и въ тоже время освѣжить взглядъ на первую эпоху нашей исторіи, а это не шутка: первыя стихіи непремѣнно отражаются во всемъ послѣдующемъ развитіи. Ложное понятіе (если даже не ложное, то безъ сомнѣнія одностороннее), внесенное Шлёцеромъ, содержитъ въ себѣ причину безконечнаго множества ошибокъ во всѣхъ частяхъ и періодахъ Русской Исторіи. Вы это выразили. Конечно объ этомъ уже догадывались многіе; но догадка, покуда Шлёцеровскій авторитетъ не былъ потрясенъ и его изслѣдованія не были уличены въ односторонности, оставалась на степени догадки и не могла дать полной свободы, которая въ наукѣ пріобрѣтается только вами избраннымъ наукообразнымъ путемъ. Трудъ вашъ имѣетъ характеръ собственно-отрицательный; но это-то логическое отрицаніе и будетъ нужно.

Соловьева статья (3) очень хороша. Она, по правдѣ, содержитъ только то (или почти только) что̀ сказано было Валуевымъ; но въ ней достоинство ясности, которой у Валуева не всѣ могли доискаться, и для меня это важное достоинство, что Соловьевъ отдалъ полную справедливость труду Валуева, чего не сдѣлали тѣ, которымъ давно слѣдовало это сдѣлать.

Вообще «Московскій Сборникъ» хорошая и полезная вещь.

Послѣ вашего отъѣзда ровно ничего новаго нѣтъ. Одна только новость, болѣзнь бѣднаго Чаадаева. Я у него не былъ, но по слухамъ это нервическое разстройство, которое очень близко къ сумасшествію.

Забылъ прибавить объ вашей статьѣ, что въ ней есть одно слово, за которое я вамъ тысячу поклоновъ отвѣшиваю. Это: «оторвавшись

отъ прошлаго и *фантастически* вѣруя въ силу будущаго». Славно и глубоко!

Преосвященный (4) въ большой дружбѣ съ Аксаковымъ.

*

(1) Говорится о сценахъ, въ стихахъ и прозѣ, И. С. Аксакова, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Сборникѣ" 1847 года и писанныхъ въ Мартѣ 1845 (какъ на нихъ означено), подъ заглавіемъ „Зимняя дорога". Два молодыхъ барина ѣдутъ куда-то на имянины: одинъ, самодовольный космополитъ, съ полупрезрѣніемъ относящійся къ Русской природѣ и къ Русской жизни; другой — восторженный искатель жизненной правды, сочувственно относящійся къ простонародью. Въ дымную избу, гдѣ они останавливаются и пьютъ чай, входитъ возвратившійся домой хозяйскій сынъ Петръ и сообщаетъ страшное извѣстіе: „черезъ мѣсяцъ по пяти душъ съ тысячи наборъ!" Въ читателѣ остается разительная противоположность между праздными толками и мечтаніями двухъ господъ и трудовою жизнью бѣднаго крестьянства. „Зимняя Дорога", одно изъ первыхъ произведеній И. С. Аксакова, запечатлѣно свѣжестью его превосходнаго дарованія. Тутъ уже встрѣчаются стихи, какъ напр.

Роскошный неба сводъ,
И въ бѣломъ образѣ прекрасная природа,
И лица свѣжія и бодрыя народа,
Все веселитъ меня. Какъ радъ я, Боже мой,
Что отъ искусственной, условной жизни нашей,
Могу прибѣжище, свободнѣе и краше,
Найти въ природѣ Русской и простой!

Или: Услышь, Господь, усердный зовъ,
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ,
И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя презрѣнное сорвало!

—

Кто имѣетъ слухъ да слышитъ,
Кто имѣетъ очи зритъ;
Въ комъ живое чувство дышетъ,
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Возражать не буду я:
Блескомъ внутренняго свѣта,
Жаромъ тайнаго огня,
Вѣчной истиной согрѣта
Жизнь народа для меня.

(2) Говорится про статью „О возможности Русской художественной школы". Не задолго передъ тѣмъ основалось въ Москвѣ, на Мясницкой, извѣстное Училище Живописи и Ваянія, и въ числѣ учредителей были Хомяковъ и Шевыревъ.

3) „О мѣстничествѣ“. Эта статья посвящена памяти Д. А. Валуева, которому С. М. Соловьевъ былъ товарищемъ. Какъ скоро Хомяковъ и ближайшіе друзья его очутились въ подозрѣніи у правительства, С. М. Соловьевъ нашелъ невозможнымъ продолжать съ ними свиданія. Московская цензура находилась въ вѣдѣніи попечителя учебнаго округа, т. е. графа С. Г. Строганова, который собственно для того и былъ назначенъ въ эту должность на мѣсто добродушнѣйшаго князя С. М. Голицына, чтобы строже слѣдить за умственнымъ Московскимъ движеніемъ.

(4) Вѣроятно Тульскій преосвященный (недавно скончавшійся на Одесской каѳедрѣ) архіепископъ Димитрій.

2.

28 Іюля (1847 года, изъ деревни).

Не знаю, чтó говорятъ объ М. Сборникѣ журналы Петербургскіе. Слышу, что О. З. (1) бранятъ его, и не умно; впрочемъ это очень неважно. Важнѣе и досаднѣе то, что строгость цензуры вѣроятно будетъ пробуждена статьями Аксакова (2). Его неосторожность, которую можно уважать потому, что она отчасти происходитъ отъ его смѣлой откровенности, пріобрѣтаетъ ему безконечныя похвалы нашихъ западниковъ. Еслибы было въ немъ поболѣе разсужденія, онъ понялъ бы, что его хвалятъ особенно за тотъ вредъ, который онъ намъ дѣлаетъ, или сдѣлать можетъ, и за то, что онъ дѣйствуетъ въ смыслѣ современности страстной (разумѣется почти безсознательно), а не въ смыслѣ безстрастной истины и добраго нашего дѣла. Я съ этого началъ письмо, потому что это меня очень за сердце задѣваетъ. Я готовлю послѣднюю свою статью. Въ предпослѣдней я уже сказалъ, кажется, почти все: теперь хочу досказать остальное и указать не только на болѣзнь, но и на единственное средство къ ея лѣченію; но боюсь, чтобъ напуганная цензура не положила препятствій; а я говорилъ съ безтолковою публикою только для того, чтобы все высказать. Глупо съ нашей стороны давать себѣ видъ политическихъ дѣйствователей. По сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше соціализма, который есть ничто иное какъ выводъ, и выводъ односторонній, изъ общаго воспитанія человѣческаго духа. Признаюсь, я, всегда равнодушный не только къ успѣху, но даже и къ тому, прочтетъ ли меня публика и увидитъ ли мое произведеніе, я безпокоюсь теперь мыслью, что цензура остановитъ мою послѣднюю статью, тѣмъ болѣе, что, не смотря на ловкость пріобрѣтенную мною въ осторож-

номъ выраженіи своихъ мнѣній, многое изъ основныхъ принциповъ будетъ по необходимости не только смѣло думано, но и смѣло выражено, безъ чего оно осталось бы совершенно непонятымъ. А если статью кончу и статью пропустятъ, я буду очень счастливъ: прощусь съ публикою надолго, если не навсегда и посвящу себя вполнѣ одному своему дѣлу, моей милой и слишкомъ долго оставленной Семирамидѣ (3).

Живу я теперь въ деревнѣ; купаюсь, ѣзжу съ собаками, стрѣляю, обыгрываю Василья Александровича Трубникова на билліардѣ, и отпускаю бороду, съ которою не хочется разставаться. Что-то вы подѣлываете? Самаринъ, какъ слышно, уѣхалъ въ Ригу. Если уѣхалъ и будетъ тамъ жить, то, пожалуйста, пришлите адресъ его; также напишите, не извѣстенъ ли маршрутъ меньшаго Самарина по чужимъ краямъ. Пановъ (4) по неосторожности заперъ у себя рукопись, которую Самаринъ брался напечатать за границею (5). Это было намѣреніе Валуева, и надобно его исполнить тѣмъ болѣе, что рукопись очень важная и въ Россіи не можетъ быть напечатана, хотя содержитъ исповѣданіе вѣры православной на Греческомъ языкѣ. Еслибы знать повѣрнѣе маршрутъ Самарина, то можно бы было рукопись къ нему переслать или по почтѣ, или съ путешественниками за границу. Впрочемъ признаюсь, на это мало надежды, и едвали не придется ждать путешествія другаго какого-нибудь изъ благонамѣренной братіи.

Прощайте покуда, любезный Александръ Николаевичъ; я отъ васъ писемъ не прошу, будучи самъ лѣнивый корреспондентъ, но давайте почаще о себѣ знать намъ вообще и не забывайте въ своихъ частныхъ трудахъ общаго труда.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Стыдно, что вы браните Петербургъ, куда почти собрался было уже мой мужъ. Мнѣ бы очень хотѣлось куда нибудь съѣздить, и всего лучше ѣхать въ Петербургъ, потому что тамъ вы и Самаринъ, для которыхъ, кажется, не стыдно Алексѣю Степановичу сдѣлать 700 верстъ.

*

(1) Отечественныя Записки.

(2) Здѣсь говорится о Константинѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. Въ первомъ Московскомъ Сборникѣ (дозволеніе тогдашней предварительной цензуры означено 13 Мая 1846) находимъ только одну статью К. С. Аксакова: „Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи“, и въ ней между прочимъ слѣдующія въ то время страшныя строки: „Слово, оканчивающееся на *бургъ*, сохраняетъ весь свой иностранный характеръ; *бургъ* такъ чуждъ,

такъ противенъ Русскому уху. Чтó дѣлать? *Петербуржанинъ*—всѣ засмѣются, *Петербуржакъ*—еще смѣшнѣе. *Петербургецъ* или *Петербуржецъ* или *Петербурецъ*, какъ употребляютъ—точно также чуждо и неловко, особенно въ женскомъ: *Петербурка* или *Петербуржка*. *Петербуржичъ* тоже смѣшно. Чтó дѣлать. Какъ-то совѣстно къ имени иностранному придѣлывать Русское окончаніе. Нѣтъ видно, какъ ни бейся, а отъ иностраннаго имени не получишь Русскаго окончанія!"—Во второмъ „Московскомъ Сборникѣ" (дважды цензурованномъ, въ Петербургѣ 16 Августа 1846 и въ Москвѣ 21 Февраля 1847), про который говорится въ этомъ письмѣ, К. С. Аксаковъ помѣстилъ, надъ псевдонимомъ *Имрекъ*, три превосходныхъ критическихъ разбора на „Вчера и Сегодня" графа Соллогуба, на исторію „Русской литературы" Никитенки и на „Петербургскій Сборникъ" Некрасова. Въ первомъ разборѣ особенно досталось князю В. Ѳ. Одоевскому за его космополитство и И. С. Тургеневу. По поводу выраженій Никитенки про „звѣрское, брадатое лицо" стрѣльцовъ, „владѣвшихъ пищалью не какъ благороднымъ орудіемъ, а какъ дреколіемъ", Аксаковъ замѣчаетъ: „Развѣ не случается, что дреколіе подымается за правое дѣло, какъ напр. въ 1812 году, а пищаль, напротивъ, служитъ дѣлу ложному?"—Въ разборѣ „Петербургскаго Сборника" читаемъ: „Апатіею и эгоизмомъ казнятся Русскіе люди за презрѣніе къ народной жизни, за оторванность отъ Русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права называть себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Спѣсивое невѣжество противополагаютъ они всей древней, всей остальной, и прежней и нынѣшней, Руси,—гордость учениковъ, ставящихъ себя, въ свою очередь, въ учители".

(3) Т.-е. Запискамъ о Всемірной Исторіи.

(4) Василій Алексѣевичъ Пановъ, родственникъ Валуева и издатель двухъ первыхъ „Московскихъ Сборниковъ" 1846 и 1847 годовъ. Онъ умеръ также юношей.

(5) Говорится о Катехизисѣ („Церковь одна"), которымъ начинается второй (богословскій) томъ сочиненій Хомякова. Кто переводилъ его по-гречески и сохранился ли этотъ переводъ, намъ неизвѣстно. Хомяковъ даже и отъ близкихъ друзей скрывалъ, что Катехизисъ этотъ писанъ имъ: къ выраженію общаго церковнаго ученія считалъ онъ лишнимъ присоединять частное имя.

3.

(Весна 1847 года).

Насилу насилу собрались мы изъ Москвы, послѣ страшныхъ споровъ и толковъ и, такъ сказать, междоусобій. Авось и вправду мы выѣдемъ и попадемъ за границу. По причинамъ, которыя я вамъ разскажу въ Петербургѣ, мнѣ не хочется быть публикованнымъ въ Москвѣ, а такъ какъ дѣло возможно въ Петербургѣ, то хорошо бы было,

еслибы вы сдѣлали мнѣ одолженіе и напечатали бы про нашъ отъѣздъ за границу: въ Германію, Англію, Францію и Италію (ибо я и самъ не знаю, куда доктора пошлютъ) ѣдутъ отставной штабсъ-ротмистръ А. С. Хомяковъ, жена его Катерина М. Х., дѣти Марья и Дмитрій, иностранка Эмма Гатфильдъ и вольноотпущенная Арина Артемьева. Да еще вы сами предложили, то я и могу васъ просить: похлопочите, нельзя ли въ послѣднихъ числахъ Мая отъ 25-го имѣть мѣста на Штеттинскомъ пароходѣ. Число ѣдущихъ вамъ извѣстно. Надобно, чтобы всѣмъ мѣсто было. Я думаю, надобно взять каюту; но какъ знаете. Больше ничего не пишу. Надѣюсь скоро съ вами потолковать обо всемъ въ Питерѣ, гдѣ пробуду дней 12 или 14.

Хомяковъ уѣхалъ за границу изъ Петербурга 31 Мая 1847.

4.

(4 Іюня 1848 г.).

Порученіе ваше я исполнилъ; до сихъ поръ не писалъ къ вамъ потому, что ждалъ отъ васъ вѣсти. Чтò вамъ сказать? Люди которые должны бы дать отвѣтъ, народъ самый нерѣшительный въ цѣломъ мірѣ. Онъ васъ любитъ и уважаетъ и ничего не говоритъ. «Надобно спросить у Сони». Да совсѣмъ ненадобно; до нея еще дѣла нѣтъ. Она не могла еще узнать порядочно Алекс. Никол.: вы скажите свое мнѣніе. «Да если мы скажемъ, то это будетъ уже рѣшительное согласіе, и послѣ того, если Соня не захочетъ подтвердить наше рѣшеніе, то мы будемъ обвиняемы въ двуличности». Да совсѣмъ нѣтъ. Ваше согласіе только предварительное, и послѣдняя инстанція рѣшитъ независимо отъ васъ. «Такъ спросимъ у нея». Разумѣется, на это я не согласенъ и думаю, что не долженъ согласиться, а другаго отвѣта не могу добиться. Но по моему одно дѣло ясно: если С. рѣшитъ въ вашу пользу, когда поближе васъ узнаетъ, старшіе будутъ согласны; въ этомъ я убѣжденъ. Ваше дѣло устроить себя или приготовить свой путь такъ, чтобы это было не безразсудно; а съ своей стороны я могу сказать, что васъ тамъ любятъ и цѣнятъ, что, кажется, все можетъ устроиться къ добру. Надобно только, чтобы С. узнала васъ и рѣшила вопросъ. Я бы счелъ это великимъ счастіемъ для себя. Покуда болѣе сказать не могу; разсудите сами, чтó нужно далѣе, а мнѣ поручайте, и знайте, что ваши порученія мнѣ очень дороги (1).

Скажите пожалуста Веневит., что я его посылку получилъ въ исправности и ему буду на дняхъ писать; также хотѣлось бы написать и Самарину; если онъ уже въ Питерѣ, поклонитесь ему отъ меня.

Вчера былъ диспутъ Буслаева, не очень интересный, хотя и довольно живой (2). Сильные были пріемы Санскритскихъ корней, за что Аксаковъ нѣсколько сердится. Я ратоборствовалъ, но немного, потому что публика была уже крайне утомлена. Прощайте покуда.

(1) А. Н. Поповъ искалъ руки Софьи Петровны Бестужевой (вышедшей впослѣдствіи замужъ за Н. Д. Давыдова), которая по матери своей была родная племянница женѣ А. С. Хомякова.

(2) Ѳ. И. Буслаевъ защищалъ свою магистерскую диссертацію „О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ" 3 Іюня 1848 года. Диспутъ продолжался слишкомъ три часа.

5.

(1848).

Кажется, Мамоновъ (1) берется доказать вамъ, что вы несовсѣмъ были къ нему справедливы. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ эскизъ, который, будетъ ли конченъ или нѣтъ (ибо это дѣло сомнительное), есть уже самъ по себѣ прекрасное художественное произведеніе, стиля совершенно новаго и высокаго. Это еще не икона, но стѣнная живопись церковная, доведенная до необычайной красоты. Предметъ былъ ему заданъ мною—Путники въ Эммаусъ; но онъ взялъ не тотъ моментъ, за который берутся обыкновенно живописцы, моментъ преломленія хлѣба. Онъ взялъ самое шествіе. Лука молодой, а Клеопа уже старикъ, шли и говорили; къ нимъ съ лѣвой руки присоединился путникъ, выше ихъ ростомъ—Христосъ. Они идутъ. Онъ говоритъ, а они слушаютъ. Много красоты и власти въ Христѣ, но апостолы просто удивительны. Горѣніе сердецъ и слѣпота выражены превосходно. Пейзажъ бѣдный, какъ въ первой школѣ Рафаэля. Вдали Іерусалимъ, очень похожій на Русскій городъ. Тишина и какая-то святость наполняютъ картину и передаются зрителю на долго. Картина уже начерчена на холстѣ и будетъ скоро отдѣлываться красками. Не знаю, какъ-то тутъ справится художникъ, но у меня большая надежда на успѣхъ. Далѣе онъ хочетъ прослѣдить учениковъ въ слѣдующіе два момента: они уговариваютъ Христа отдохнуть съ ними и потомъ узнаютъ Его. Вы видите, что задача полная и прекрасная. На меня это подѣйствовало благотворно, порадовало, оживило и заставило работать усерднѣе. Если ужъ и Мамоновъ работаетъ, то кому же еще позволено лѣниться? Впрочемъ вы не ждете добраго примѣра, а трудитесь вдоволь. Предпринятая вами статья трудъ не малый. Кончите ее; но удастся ли вамъ въ видѣ непротивномъ цензурѣ представить христіан-

скую истину Европейскаго требованія на Западѣ при невозможности удовлетворенія этому требованію безъ Христіанства?—Благодарю васъ за хлопоты объ моей статьѣ: я ею дѣйствительно дорожу именно какъ заключительною, кромѣ послѣсловія, которое будетъ нѣсколько въ стилѣ проповѣди. Нельзя ли ее пропустить прямо черезъ негласный комитетъ, т.-е. получить напередъ одобреніе Бутурлина или какъ-нибудь косвенно, выказавъ всю подлую ложь Давыдовскаго сужденія? (1) Впрочемъ, какъ знаете. Разумѣется, вы очень справедливо догадываетесь, что одобреніе моего Исповѣданія было бы для меня гораздо дороже всѣхъ моихъ статей; но вотъ теперь и объ немъ затрудненіе. Протасовъ черезъ Веневитинова посылаетъ мнѣ на пересмотръ экземпляръ съ своими отмѣтками, вообще неважными, но справедливыми (вѣроятно синодскими) и желаетъ, чтобы я объ этомъ самъ у Филарета похлопоталъ. Это дѣло крайне трудное съ такимъ человѣкомъ; я у него побываю и за дѣло примусь, разумѣется очень осторожно, чтобы не испортить всего. Но не лучше ли бы было, и даже не нужно ли, чтобы къ Филарету пришелъ экземпляръ съ запросомъ, разумѣется не отъ Синода или отъ Протасова, а отъ кого-нибудь изъ безцвѣтныхъ членовъ Синода, къ которымъ здѣшній митрополитъ равнодушенъ, безъ упоминанія моего имени? Подумайте объ этомъ и поговорите, а я покуда слегка толкнусь къ самому. Хотѣлъ было это сдѣлать черезъ барынь (напр. Наталью Петр. Кир.), да всѣхъ ихъ боюсь, а ея болѣе всѣхъ. Какъ-то это удастся? А меня это сильно тревожитъ. Кромѣ того, что я крѣпко дорожу этою работою и по совѣсти считаю ее весьма доброю и полезною, я еще гляжу на нее какъ на завѣщаніе Валуева, который меня понудилъ этимъ заняться въ надеждѣ добраго дѣйствія на Англію, и никогда съ нею не разставался и перечитывалъ ее часто, особенно когда на него нападала болѣзненная тоска.

Правда ли, что Австрія доводитъ Елачича до отчаянія и отдаетъ Славянъ и даже Хорватовъ связанныхъ Мадьярамъ? Если правда, то грустно. Уступить стыдъ и грѣхъ: возстать—кровопролитіе сильное, буря страшная, но разумѣется, все лучше уступки. Видно, безъ грозы не прочистится. Чтó за подлецы эти Австрійцы! Что за слѣпота въ мнимой мудрости политики Меттерниховой!—Въ Англіи вышла странная, но, говорятъ, весьма неглупая книга, подъ названіемъ *Славянская реакція* противъ современнаго безвѣрія. Какъ странна эта внутренняя симпатія! И въ одной только Англіи! Я туда пишу объ Окружномъ Посланіи и прочемъ.

Въ скоромъ времени пошлю вамъ (т.-е. недѣли черезъ четыре) ряду свою съ крестьянами. Она почти совершена, но еще кое о чемъ торгуемся. По моему, это величайшій знакъ ихъ добросовѣстности.

(1) Эммануилъ Александровичъ Мамоновъ (старшій сынъ извѣстнаго масона и основателя Петербургскаго Общества Поощренія Художниковъ, Александра Ивановича Мамонова) принадлежалъ къ многому числу высокодаровитыхъ Русскихъ людей, которые берутся за дѣло черезъ чуръ свысока и сгоряча и потомъ кончаютъ, можно сказать, ничѣмъ. Это былъ художникъ и мыслитель замѣчательный, но къ сожалѣнію почти ничего не произведшій. У него не доставало воли для исполненія широко задуманныхъ созданій. Между прочимъ, владѣлъ онъ необыкновеннымъ искусствомъ рисовать портретные очерки съ памяти, и въ альбомахъ у его пріятелей сохранились нѣкоторые прекрасные его рисунки этого рода. Друзья его, въ бесѣдахъ съ которыми расточалъ онъ необыкновенныя дарованія ума и тонкаго художественнаго вкуса, никогда его не позабудутъ. Изъ недоконченныхъ портретовъ писанныхъ имъ на полотнѣ, замѣчателенъ особенно портретъ Хомякова, находящійся у Д. А. Хомякова. Надо замѣтить, что Алексѣй Степановичъ былъ большой знатокъ въ живописи и самъ иногда рисовалъ.

(2) Извѣстный Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, деканъ Словеснаго факультета въ Московскомъ университетѣ. Бутурлинскій комитетъ, носившійся съ мыслію, не процензировать ли самую Библію, слишкомъ памятенъ, чтобъ о немъ говорить.

6.

(17 Марта 1848).

Правы вы были, когда писали, что дѣла есть на свѣтѣ еще и поважнѣе Парижскихъ. Паденіе Австріи или, лучше сказать, распаденіе ея, совершилось или совершается. Для иныхъ это дѣло чисто-политическое, для насъ дѣло историческое. Исчезаетъ слѣдъ Карловской Имперіи. Первенство Германской стихіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вещественномъ, миновалось. Папа, раскачавъ Италію и пустивъ въ ходъ силы неподвѣдомственныя ему, сидитъ себѣ въ уголкѣ Рима грустненькій и слабенькій. Папство Григорія идетъ туда же, куда Карлова Имперія, въ историческій архивъ. Туда же за ними Протестантство и Католицизмъ. Поле чисто. Православіе на міровомъ череду. Славянскія племена на міровомъ череду. Минута великая, предугаданная, но не приготовленная нами. Теперь вопросъ, сумѣемъ ли мы воспользоваться ею? Можемъ ли воспользоваться ею? Грустно, а должно признаться, что опасеній должно быть у насъ столько же, сколько и надеждъ. У большей части Славянъ порча Германо-Римская (Богемія и Польша) прошла до костей и мозга. У другихъ, менѣе испорченныхъ (Словаки, Краинцы и др.) была и есть склонность къ намъ; но первая ра-

дость, первое опьяненіе свободы вѣроятно увлекутъ ихъ къ той области, изъ которой исходитъ видимое движеніе, т.-е. къ Западу. Чистѣйшіе народы, наименѣе подвергшіеся вліянію Запада во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ религіозномъ (Сербскіе), вѣроятно подпадутъ двойному соблазну политическаго построенія и вещественнаго просвѣщенія, которое насъ увлекло съ Петровской эпохи. Вотъ опасности вѣроятныя и едва ли не вѣрныя, которыя предстоятъ намъ; вотъ съ чѣмъ намъ приходится бороться. Силъ потребуется немало, силъ сознательныхъ, многостороннихъ и соотвѣтствующихъ требованіямъ современнымъ. Такова наша общественная задача, общественная, а не правительственная; ибо правительство только направляетъ употребленіе силы, а не создаетъ силъ. Безнаказанно нельзя смѣшивать общественную задачу съ политической; на это можетъ только рѣшиться революціонная Франція, и разумѣется она и пожнетъ плоды своего безумія. Германія склонна къ той же ошибкѣ, но есть еще надежда, что она нѣсколько позамедлитъ и надоумится примѣромъ сосѣдки. Со временъ революціи торжествуетъ (хотя, разумѣется, существуетъ издавна) нелѣпое ученіе, смѣшивающее жизнь общества государственнаго съ его формальнымъ образомъ. Это ученіе такъ глубоко пустило свои корни, что оно служитъ основаніемъ самому протестантству политическому (коммунизму или соціализму), разрѣшающему задачу общества только новою формою, враждебною прежнимъ формамъ, но въ сущности тождественною съ ними. Можно еще прибавить, что оно пустило такъ глубоко корни, что человѣкъ съ здравою логикой ясно понимаетъ необходимый *Сѣверно-Американизмъ* (такова общая формула) самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Западнаго движенія и можетъ также легко прослѣдить его въ неподвижности Голохвастова и моихъ тетушекъ, какъ и въ любомъ горячемъ студентѣ, мечтающемъ о перемѣнахъ и переворотахъ цѣлаго міра. Перевоспитать общество, оторвать его совершенно отъ вопроса политическаго и заставить его заняться самимъ собою, понять свою пустоту, свой эгоизмъ и свою слабость: вотъ дѣло истиннаго просвѣщенія, которымъ наша Русская земля можетъ и должна стать впереди другихъ народовъ. Корень и начало дѣла—религія, и только явное, сознательное и полное торжество Православія откроетъ возможность всякаго другаго развитія. Паденіе Папства откроетъ путь, ибо Протестантство уже пало; но этого мало. Поле чисто, да его надобно вспахать анализомъ науки и засѣять сѣменемъ живымъ. Хватитъ ли у насъ силъ и ревности? Будетъ ли свобода добру или смѣшаютъ его со зломъ, потому только, что оба похожи другъ на друга способностью жить и двигаться?

Объ Москвѣ мнѣ вамъ писать новаго нечего кромѣ того, что по случаю поэмы *Двойная Жизнь* и Шевыревскаго разбора произошли опять смуты между Шевыревымъ, Павловымъ и Аксаковыми; да вотъ чудесный анекдотъ. Смутные слухи объ епископѣ раскольничьемъ въ *Галиціи* прошли въ общество, и вотъ какъ они формулировались въ немъ. Сцена Англійскій клубъ. «Вотъ каковы мы! Знаемъ все, что̀ дѣлается во Франціи, а что́ въ Россіи—не знаемъ и не слышимъ». Да что же въ Россіи? «А вотъ что: въ *Галицкихъ* лѣсахъ поймали *дикаго архіерея*». Кажется уже лучше этого и не придумаете. Пожалуйста пустите въ ходъ.

М. 17 д.

7.

(1848).

Завтра, любезный Александръ Николаевичъ, выѣзжаемъ мы изъ Москвы. Пора, давно пора! Жары смертельныя, холера сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, всѣ перепуганы, и даже тѣ, которые къ испугу не очень способны тревожатся невольно отъ безпрестанныхъ толковъ, отъ которыхъ отбиться невозможно. Медицина отвратительна, по какому-то грубому равнодушію медиковъ, въ одно время трусливыхъ и беззаботныхъ. Опытовъ не дѣлаютъ, и дѣлать не хотятъ, а тащатся безсмысленно въ колеѣ уже проторенной. Я не могу добиться, чтобы кто-нибудь изъ нихъ рѣшился хоть испытать простое леченіе слѣдующимъ средствомъ: Morphii Acetici съ водою лавровишневой или съ разведенною амигдалиною и въ тоже время кл. изъ крахмала съ опіумомъ. Если, чего Боже избави, у васъ тоже есть въ Питерѣ слѣдъ холеры, поищите медика, который бы рѣшился на такой опытъ, и уговорите его. Вѣдь кромѣ пользы, доктору была бы Европейская слава. Что̀ до меня касается, впрочемъ, я держусь одного, говорю тоже безпрестанно всѣмъ знакомымъ, и вамъ, и Веневитинову, и Муханову: имѣйте всегда при себѣ стекляночку *Ipecacuana* и стекляночку *Veratrum Album*. Тысяча человѣкъ этимъ лечены въ Мценскѣ, и никто не умеръ; но доктора не хотятъ про это и слушать.

Въ общей бѣдѣ есть у меня и частная досада, хотя впрочемъ эта частная досада есть также отзывъ другой общей заразы, хотя и не холеры. Мою статью объ Англіи не пропустила цензура. Еслибы вы только могли видѣть, что́ именно не пропущено, вы бы едва повѣрили своимъ глазамъ; а замѣтьте, что это не особенная строгость ко мнѣ, а просто страхъ принятый за правило здѣшними цензорами, которыхъ будто бы пугаютъ изъ вашихъ сторонъ. Да гдѣ же тутъ толкъ? Неужели генералы и даже адмиралы разные, какъ говоритъ Гоголь,

не понимаютъ уже ровно ничего въ теперешнемъ положеніи дѣлъ? Неужели не понимаютъ, что налагать молчаніе на самодѣльную мысль все тоже, чтó готовиться къ войнѣ и запретить всякую выдѣлку пороха для того, чтобы онъ не сдѣлался орудіемъ мятежа; тоже, чтó обезоружить страну для того, чтобы она не употребила оружія во зло? Вы кое-кого видите людей умныхъ, благомыслящихъ и отчасти небезсильныхъ. Пожалуйста поговорите, попросите ихъ объ томъ, чтобы была дана хоть малая свобода Московской цензурѣ. Вы меня знаете; вы знаете, что мнѣ статья журнальная не можетъ быть дорогà по славѣ или самолюбію. Но видѣть, что нѣтъ никакой возможности принести хоть какую-нибудь пользу, это несносно; а еще несноснѣе видѣть, что этотъ слѣпой страхъ, которымъ проникнута цензура, ведетъ къ бѣдѣ. Москва съ своимъ Кремлемъ и тройнымъ оцѣпленіемъ святыхъ мѣстъ, охватывающихъ ее со всѣхъ сторòнъ, это Оксфордъ Россіи, но Оксфордъ огромный, много сильнѣе Англійскаго. Въ ней сосредоточивается и выражается сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной; но этой силѣ нужно выраженіе, этому выраженію нужна свобода, хотя бы въ свободѣ и проглядывало какое-нибудь повидимому оппозиціонное начало. Эта мнимая оппозиція есть истинное и единственное консерваторство. Пусть этому началу положатъ совершенную преграду, пусть отнимутъ всякую возможность выраженія у этой силы преданія и общественной устойчивости; пусть заморятъ ее совершеннымъ молчаніемъ (ибо молчаніе есть смерть силы духовной), и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ пусть поищутъ съ фонаремъ живой силы охранной—и не найдутъ. Теперь не только можно, но должно поощрить, развязать умственное движеніе въ центрѣ жизни нашей, въ Москвѣ, а цензура дѣлается неслыханнымъ бичемъ. Просто повѣрить нельзя, до чего она доходитъ. Я не стану ничего цитовать, потому что пришлось бы цитовать цѣлыя статьи; но одно слово можетъ вамъ дать нѣкоторое понятіе объ этомъ сумашествіи. Слова *низшіе классы*, *рабочій народъ* или *классъ* запрещаютъ рѣшительно въ статьѣ объ Англіи. Довольно ли этого? Разумѣется, нельзя и думать, чтобы такія наставленія были даны цензорамъ; но они до того напуганы, что у нихъ просто умъ помутился; а между тѣмъ словесность должна замолкнуть, всякая жизнь умственная должна замолкнуть въ Москвѣ, и тогда я желалъ бы посмотрѣть, чтó положитъ преграды умственной контрабандѣ. Это дѣло не шуточное; надобно, чтобы объ немъ подумали; надобно, чтобы цензорамъ и властямъ цензурнымъ здѣшнимъ было объяснено, что этотъ нелѣпый страхъ вреденъ и крайне вреденъ, что онъ не къ добру. Я знаю, кто радуется этому молчанію словесности нашей, кто съ насмѣшкой гово-

ритъ: tu l'as voulu *), какой духъ торжествуетъ въ безсилiи доброй мысли; и вы это можете знать и всякiй разумный и благомыслящiй долженъ это знать. А въ тоже время въ обществѣ, которое ничего не знаетъ, но досадуетъ на молчанiе, слышно: «Вотъ, видите ли, никто добраго слова не хочетъ сказать» или, какъ я слышалъ: «La conspiration de la parole est remplacée par la conspiration du silence **)». Очень забавное положенiе.

8.

Эврека! Холера меня такъ задѣла за живо опустошенiями, которыхъ полный размѣръ еще не извѣстенъ (я его полагаю слишкомъ въ миллiонъ убылыхъ), что я ополчился на нее рѣшительно. Не всякая болѣзнь имѣетъ спецификъ; большая часть болѣзней зависитъ вполнѣ отъ организма, и сколько пацiентовъ, столько же и спецификовъ. Но заразительная или мiазматическая непремѣнно имѣетъ одинъ спецификъ, потому что всегда происходитъ отъ одной и той же причины. Отъ этой мысли я отправился и сталъ добиваться лѣкарства. Гомеопатiя мнѣ не измѣняла *ни раза*; но я чувствовалъ, что ея употребленiе въ большомъ видѣ невозможно и не можетъ еще быть средствомъ къ прекращенiю холеры. Наблюденiе и опытъ дали мнѣ это средство. Я бью теперь холеру на лету: не только у себя, но у сосѣдей я ее совершенно прекращаю въ два-три дня и теперь смѣло утверждаю, что изъ всѣхъ заразительныхъ болѣзней (какъ скарлатинъ, тифусъ и пр.) холера едва ли не всѣхъ менѣе опасна. Спецификъ самый простой— чистый деготь. Я испыталъ его въ разныхъ видахъ, и отдѣльно, и съ разными примѣсями, и по опыту остановился на слѣдующемъ составѣ: чистый деготь и конопляное масло пополамъ, начиная отъ стакана смѣси до полурюмки по возрасту больнаго. Замѣтьте, что холерины я не признаю за холеру; не признаю холерою даже рвоты и поноса соединенныхъ, хотя бы они сопровождались значительнымъ охлажденiемъ членовъ; эти случаи (а ихъ у меня перебывало до тысячи) отстраняются легко смѣсью вина съ масломъ пополамъ и другими тому подобными средствами. Холерою признаю я только корчевую, и этихъ пацiентовъ перебывало у меня до полутораста. Смертныхъ случаевъ было только четыре или пять, и тѣ или изъ весьма старыхъ, или изъ родильницъ. Лѣченiе слѣдующее: прiемъ по возрасту дегтярной смѣси,

*) Ты этого хотѣлъ.

**) Заговоръ слова замѣненъ заговоромъ молчанiя.

растираніе тѣла перцовкой съ крапивою или другимъ жгучимъ составомъ; горчичникъ или хрѣнъ на желудкѣ; питье парнаго молока или, по недостатку, его тепловатой отварной воды или миндальнаго молока, и строжайшее запрещеніе воды холодной или кваса на нѣсколько дней. У всѣхъ больныхъ проявляется послѣ холеры, въ первые дни, такая страсть къ холодному питью, что многихъ крестьянъ я былъ принужденъ связывать или пеленать. Холодное питье—совершенный ядъ: оно убиваетъ иногда мгновенно и почти никогда не проходитъ даромъ. Дѣйствіе лѣкарства—мгновенное прекращеніе рвоты, согрѣваніе тѣла, теплый и часто сильный потъ и тихій сонъ. Поносъ уменьшается мало-по-малу, чему разумѣется способствуютъ другія простыя средства; корчи перестаютъ очень скоро при растираніи. Были два или три случая, что рвота не вдругъ уступила; повторенный, но уже уменьшенный, пріемъ той же дегтярной смѣси или дегтя съ уксусомъ перервалъ ее. Впрочемъ эти случаи по рѣдкости своей почти не заслуживаютъ упоминанія. Мнѣ попадались въ чужихъ деревняхъ многіе уже запущенные больные, и никто не умиралъ. Въ сухой холерѣ я употреблялъ тоже средство съ тѣмъ же успѣхомъ; напередъ давалъ нѣсколько стакановъ теплой воды для произведенія рвоты *). Успѣхъ этого лѣченія несомнѣненъ; ибо, какъ я уже сказалъ, я не признавалъ холерою болѣзнь только въ началѣ, а лѣчилъ ее въ полномъ и сильномъ развитіи съ постояннымъ и полнымъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ такъ великъ, что я смѣло взялся бы прекратить холеру въ недѣлю въ любой столицѣ, будь она величиною и людностью съ Лондонъ. Но для прекращенія ея еще одно правило необходимо: какъ скоро кто-нибудь заболѣлъ, лѣчить его или дома, или въ больницѣ и тотчасъ всему дому отъ перваго до послѣдняго жильца давать три дня предохранительное средство. Я объ немъ уже писалъ вамъ: это ежедневный пріемъ въ ложкѣ воды трехъ или пяти капель спирта, въ которомъ распущены три грана камфоры на штофъ спирта. Это также вѣрно какъ *Belladonna* въ скарлатинѣ, если не вѣрнѣе. Съ этими мѣрами я отвѣчалъ бы за любой городъ.

Вы видите, что это дѣло не шуточное: милліона народа или около того уже не досчитывается Россія; скольких еще похититъ болѣзнь у насъ и въ Европѣ, неизвѣстно. Опытъ долженъ быть на совѣсти всѣхъ тѣхъ, кому есть возможность произвесть этотъ опытъ. Я самъ бы пріѣхалъ для этого въ Петербургъ; но вы можете представить себѣ,

---

*) Тифозныхъ послѣдствій не бываетъ никогда; но я нахожу, что повтореніе пріема уменьшеннаго въ половину черезъ сутки значительно ускоряетъ выздоровленіе. Впрочемъ это еще требуетъ повѣрки.

что теперь не таково время, чтобы мнѣ оставить своихъ и матушку, которая, разумѣется, не можетъ быть покойна, когда холера едва прекращена въ нашемъ сосѣдствѣ, а все еще валитъ народъ верстахъ въ 15-ти и даже ближе. Хочется мнѣ объ этомъ лѣченіи публиковать въ Г. Вѣдомостяхъ, только не знаю, помѣстятъ ли публикацію; а васъ я попросилъ бы похлопотать, чтобы въ Питерѣ испытали мое лѣченіе. Пусть нарядятъ добросовѣстнаго и смышленаго чиновника; пусть отведутъ теплую палату въ больницѣ и пусть въ этой палатѣ другаго уже лѣченія не дѣлаютъ. Какіе бы ни поступали трудные больные, если только они не испорчены уже другимъ лѣченіемъ, я убѣжденъ, что смертность будетъ совершенно ничтожна. Жизнь тысячъ и тысячъ людей можетъ зависѣть отъ добросовѣстнаго изслѣдованія предлагаемаго мною способа, и отказать въ этомъ изслѣдованіи было бы просто преступленіемъ. Быть можетъ, я ошибаюсь и принимаю за общій спецификъ лекарство, котораго успѣхъ зависѣлъ отъ мѣстныхъ причинъ; но множество обстоятельствъ заставляютъ меня вѣрить въ совершенно специфическую силу этого лѣченія. При этомъ оно доступно всѣмъ, всюду можетъ быть употребляемо самими жителями по простой инструкціи отъ правительства, и если я правъ, то холера перестаетъ бить бичемъ, также какъ оспа. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Я увѣренъ, что вы этого не оставите безъ вниманія и надѣюсь, что вамъ удастся пробудить совѣсть въ комъ-нибудь изъ имѣющихъ власть и начальство. Я не боюсь холеры нисколько: я съ нею боролся и вездѣ искалъ случая съ ней бороться; но ужасъ беретъ при видѣ и слухѣ ея опустошеній. Мелкія начальства тупы и робки: въ одномъ только Питерѣ возможенъ опытъ рѣшительный и общеполезный; въ немъ только еще можно найти людей, которые на это посмотрятъ какъ на дѣло долга и совѣсти. Только прибавлю, что на докторовъ полагаться нельзя, а необходимо присутствіе ревностнаго и добросовѣстнаго чиновника въ самой больницѣ.

На дняхъ у меня былъ случай, котораго я не могу вспомнить безъ нѣкотораго ужаса и въ тоже время благодарности Богу. Жена моя пошла съ маленькою Катенькой и съ дѣвушкой гулять въ лѣсъ; тамъ встрѣтилась имъ крупная дворная собака, подбѣжала къ нимъ и пошла за ними; такъ проводила она ихъ почти до дому, около версты, потомъ бросилась отъ нихъ въ сторону, перекусала всѣхъ собакъ, кидалась на людей и на скотину; она было въ полномъ разгарѣ бѣшенства и, еще прежде чѣмъ попалась на встрѣчу къ женѣ моей, перекусала многихъ. Признайтесь, что это счастіе почти невѣроятное. Богъ помиловалъ.

Статью мою, наконецъ, пропустили. Не знаю какъ, ибо цензура рѣшительно сперва отказала; но знаю, что Погодинъ и Шевыревъ лѣзли изъ кожи. Кажется, безъ самолюбія могу сказать, что она того стоитъ. Англичане, которымъ она читана была, говорятъ, что она была бы подаркомъ для Англіи. Не знаю, читали ли вы ее; на дняхъ пошлю вамъ два экземпляра съ вставкою, выпущенною цензоромъ, а потомъ и остальныя. Выпусковъ немного, но жаль ихъ. Думаю о послѣдней статьѣ. Не все же холера будетъ поглощать людскія мысли и вниманіе. На дняхъ получилъ я изъ Лондона большое письмо: много хорошаго и радостнаго. Въ газетахъ вижу молодечество Сербовъ и Хорватовъ: не все же одно горе: есть и утѣшеніе.

Будьте сами бодры. Устроивайте себя удобно и разумно. Что вы не хотите перерѣзывать дороги Кавелину, за это, кажется, васъ нельзя не похвалить. Совѣтовъ же дать я не могу. Вамъ виднѣе дѣла Петербургскія. Объ васъ у насъ разговоръ очень часто; но какъ бы ни были дружественны расположенія всѣхъ, невозможно ничего сказáть, когда главное лицо въ дѣлѣ остается въ сторонѣ; а отъ него отвѣтъ м. б. только при свиданіи, и я стараюсь избѣгать всего, чтó могло бы испортить или дать дурное направленіе дѣлу. Правъ ли я? Если не правъ, то конечно не изъ равнодушія.

Прощайте покуда. Дай вамъ Богъ всякаго счастія. Кланяйтесь Самарину отъ меня; слышу, что онъ писалъ ко мнѣ, но письма еще не получалъ.

I. 28 д. Боучарово.

9.

(16 Августа 1848).

Вы очень были неправы ко мнѣ, полагая, что я на васъ сердитъ или покрайней мѣрѣ досадую за содержаніе и строй вашихъ писемъ. Теперь вы уже увѣрились въ противномъ. Я бы могъ самъ на васъ сердиться за это мнѣніе; но знаю по опыту довольно грустному, что вообще люди, которые даже очень коротко меня знаютъ (напр. Валуевъ, которому я былъ повидимому совершенно знакòмъ) всегда меня подозрѣваютъ въ какомъ-то эгоизмѣ, не въ отношеніи можетъ быть дѣлъ общихъ, но въ отношеніи дѣлъ пріятелей и друзей. Видно есть что-нибудь необходимо вводящее въ эту ошибку; слѣдовательно и не на кого пѣнять. Я очень живо принимаю къ сердцу ваше тревожное состояніе, ясно вижу положеніе дѣла: съ вашей стороны неизвѣстность о томъ, какъ будетъ расположена С., со стороны ея стар-

шихъ необходимость думать объ ея будущемъ; наконецъ, то важнѣйшее обстоятельство, что у васъ чувство не дѣтское, не безразсудное, а истинное и серьезное. Я всею душею желаю, чтобы все кончилось хорошо; но понимаю также, что, какъ бы я ни сочувствовалъ, это все не то какъ вы чувствуете, слѣдовательно тревога ваша есть состояніе неизбѣжное. Одинъ мой совѣтъ (удобоисполнимъ или нѣтъ, вамъ лучше знать) сказать себѣ: не я хотѣлъ бы, но я хочу. Тогда тревога упадаетъ передъ рѣшимостью и, какія бы ни были приготовленія къ бою и его рѣшеніе, судьба беретъ съ души только законную подать, а лишней не возметъ. Дѣятельность человѣка получаетъ твердость и опредѣлительность только при естественномъ или самопредписанномъ спокойствіи его духа. Вообще я очень знаю, что легче все это сказать, чѣмъ сдѣлать. Не забудьте однако: С. молода, да и вы не стары (это я сказалъ просто для разнообразія слога, а слѣдовало просто сказать молоды). Время есть, была бы воля и сочувствіе.

Послѣ моего послѣдняго письма опыты мои надъ холерой продолжались и вполнѣ подтвердили мое убѣжденіе. Нѣкоторыя усовершенствованія сдѣланы мною еще. Пріемъ уменьшенъ первоначальный до полустакана, за то повторяется черезъ четыре или шесть часовъ, разумѣется въ уменьшенномъ видѣ и черезъ сутки также уменьшенный. Питье изобрѣтено отличное: молоко, въ которое вливается нѣсколько уксусу. Творогъ осѣдаетъ быстро, и свѣжая сыворотка утоляетъ жажду и возстановляетъ силы съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы это леченіе приняли, и я по совѣсти убѣжденъ, что холера, какъ бичъ, сдѣлается просто рококо. Лекарство найдено эмпиризмомъ крестьянъ; я же имѣю только ту заслугу, что сознательно его изучилъ и усовершилъ, именно примѣсью масла и распредѣленіемъ пріемовъ. Вѣрьте мнѣ впрочемъ, что это мнѣ далось не даромъ: я рѣшительно вступилъ въ бой съ холерой, и эта двухмѣсячная борьба не случайная, а веденная съ намѣреніемъ и рѣшительностью, отозвалась порядкомъ на моемъ здоровьѣ. Я въ продолженіе всего этого времени испыталъ все волненіе битвы.

Вы не можете представить, какъ ваше письмо мнѣ было полезно. Ваше слово было для меня тоже самое, чтó слово подсказанное человѣку, который роется въ своей памяти, перелистываетъ ее всю и не можетъ дорыться до какого-нибудь воспоминанія близкаго и знакомаго, которое именно теперь-то и не дается. Въ головѣ моей былъ узелъ или, лучше сказать, развязка моихъ статей, а я ходилъ, ходилъ и отыскать его не могъ. Вы мнѣ его подсказали и по истинѣ оживили меня. Мнѣ яснѣе сталъ весь объемъ работы моей; а безъ васъ онъ, можетъ быть, долго еще ускользалъ бы отъ меня.

На счетъ статьи объ Англіи *) я скажу вамъ, что я многаго не сказалъ, потому только, что боялся излишняго многопредметства. Я хотѣлъ удержать вниманіе читателей только на томъ, что́ нужно. Отъ того-то я не говорилъ объ отношеніяхъ Англичанъ къ пластикѣ и музыкѣ. Слабость ихъ въ первой зависитъ отъ двухъ противоположныхъ причинъ: отъ Протестантства, которое ведетъ къ genre и отъ высокихъ требованій, которыя имъ удовлетворяться не могутъ. Это оправдывается высокими достоинствами Англійскихъ каррикатуръ. Вопросъ о музыкѣ труднѣе и многосложнѣе; въ моемъ мнѣніи объ немъ много гадательнаго. Поэтому мнѣ не приходилось говорить объ немъ. Прилаю при семъ два экземпляра уже поправленной статьи т.-е. такой, какая она была у меня. Выпущено мало и неважное, но кое-что затемнено и ослаблено выпусками. Скоро получите еще нѣсколько экземпляровъ. Если почтете нужнымъ, выправьте и тѣ. Я бы очень хотѣлъ послать одинъ графинѣ Антуанетѣ Дмитріевнѣ, да какъ-то боюсь, чтобы не было смѣшно послать журнальную статью.

А. 16 дня.

10.

Посылаю вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, посылочку для графини Блудовой. Это Англія и моя послѣдняя рукописная статья, разумѣется при письмѣ. Пожалуйста скажите ей, что мнѣ стыдно взглянуть на бумагу, на которой напечатана Англія: я просилъ Погодина лишніе экз. для меня напечатать на порядочной бумагѣ, а онъ по своей привычной экономіи употребилъ на это бракованную.—Прочтите мою статью и скажите свое мнѣніе. Понялъ ли я вашу мысль и исполнилъ ли ее? Пополняетъ ли эта статья мои прежнія? Строга ли и порядочна ли? Я отдѣлался и радъ радехонекъ. Желаю душевно, чтобы цензура милостиво поступила со мною; но боюсь крѣпко, что ей все покажется Манихейскою ересью отъ перваго слова до послѣдняго. Во всякомъ случаѣ рукопись можетъ замѣнить печать, или по ней можно будетъ выхлопотать позволеніе. Этой статьи, кажется, нельзя обвинить въ темнотѣ. Авось поймутъ люди сѣдящіе во тмѣ; имъ объяснится также и то, что̀ прежде смущало ихъ, революціонерство Голохвастова и моихъ тетушекъ.

Сто лѣтъ прошло какъ я вамъ не писалъ; все собирался писать. У меня въ это время побывалъ Самаринъ. Можете вообразить, какъ я ему былъ радъ. Рига на него подѣйствовала во многомъ очень хо-

*) Появилась въ Іюльской книгѣ Москвитянина 1848 года.

рошо, знакомствомъ съ жизнью практическою, знакомствомъ съ нашимъ духовенствомъ даже въ его лучшихъ образцахъ, борьбою упорною, хоть и не совсѣмъ удачною, но не лишившею его бодрости, наконецъ какимъ-то внутреннимъ, весьма замѣтнымъ окрѣпчаніемъ. Одно мнѣ было грустно: въ немъ до нѣкоторой степени подавлена прежняя веселость; а очевидно это происходитъ не отъ недавней потери брата, а отъ житейской борьбы. Быть можетъ, такая перемѣна неизбѣжна, а все таки грустно ее видѣть. У насъ постоянно должно быть болѣе надеждъ чѣмъ сомнѣній и слѣдовательно нѣкоторый запасъ веселости. Передъ нами живой примѣръ, который долженъ поощрять даже слабыхъ духомъ: это теперешнее дѣло Хорватовъ и всѣхъ Славянъ. Давно ли все это было мечтою, а теперь уже историческимъ фактомъ, котораго никто въ мірѣ уничтожить не можетъ? Конечно труднѣе передѣлка общественной мысли, чѣмъ насильственная революція; но когда тамъ совершилось несбыточное, почему не совершиться и у насъ несбыточному, нашему (хоть разумѣется половинному) обрусѣнію? Впрочемъ, я не обвиняю Самарина въ безнадежности: напротивъ, онъ очень бодръ; но жалко, что серьезность жизненнаго труда наложила какой-то характеръ грусти на его мысли и чувства. Авось это пройдетъ! Мнѣ тяжело видѣть въ комъ бы то ни было изъ нашихъ душевныхъ друзей что̀ бы то ни было напоминающее мнѣ духовное состояніе Ивана Васильевича *).

Еще недѣли двѣ съ небольшимъ приходится мнѣ прожить въ деревнѣ. Пора въ Москву. Надобно только еще побывать въ трехъ деревняхъ и предложить въ двухъ деревняхъ *ряду* крестьянамъ. Разумѣется, на заключеніе ея положится годовой срокъ, а предложеніе будетъ сдѣлано непремѣнно нынѣшній годъ. За это нужно взяться уже не на словахъ, а на дѣлѣ. Я увѣренъ, что если къ нему приступить путемъ обычая, оно не представитъ тѣхъ великихъ трудностей, которыя пугаютъ наше воображеніе, налаженное на идею формальныхъ сдѣлокъ. Надобно надѣяться на совѣсть. Впрочемъ, поѣздка при теперешнихъ трескучихъ морозахъ и совершенномъ безснѣжіи, съ повѣркою счетовъ и бранью со старостами, не представляетъ мнѣ ничего особенно веселаго, и не будь этой *ряды*, я бы предпочелъ моей двухнедѣльной поѣздкѣ цѣлый мѣсяцъ ѣзды по Англіи и Италіи. Аксаковъ не простилъ бы такой ереси; я надѣюсь, что вы будете снисходительнѣе.

Не знаю, совершенно ли ясно я выразилъ свою мысль объ иконѣ. Вотъ вкратцѣ ея объясненіе. Вы, я и третій, мы имѣемъ какое-ни-

*) Кирѣевскаго, страдавшаго подъ гнетомъ семейныхъ обстоятельствъ.

будь понятіе или представленіе, положимъ, о Павлѣ Апостолѣ. Выразимъ это, и выдетъ религіозная картина; но вся церковь, т.-е. все общество православныхъ, въ своемъ историческомъ существованіи, имѣетъ еще свое общее понятіе или представленіе объ Апостолѣ Павлѣ, можетъ быть даже еще тайное и никѣмъ не выраженное на холстѣ. Выразите это: будетъ икона. Согласны ли вы со мною? Это новое опредѣленіе иконы, которое впрочемъ не разногласитъ съ общепринятымъ, но еще объясняетъ его.

11.

(1848).

Вы уже моихъ писемъ вѣроятно боитесь какъ огня; но теперешнее не таково, чтобъ оно вамъ надѣлало хлопотъ. Мнѣ бы писать не должно по глазамъ; но ваше письмо къ женѣ таково, что мнѣ стыдно бъ было откладывать отвѣтъ. Ваши пѣни мнѣ напрасны и очень напрасны, если я что нибудь понимаю въ дѣлѣ. Хозяйственныя дѣла держатъ Б. въ Симбирской губерніи, а они всякую почту писали мнѣ пріискать имъ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню, потому что они такъ и рвутся сюда. Не будь такой поздней осени, С. П. хотѣла пріѣхать даже къ намъ гостить безъ матери. Нѣтъ (я это говорю отъ чистаго сердца, но разумѣется, по моему крайнему разумѣнію), нѣтъ никакой, ни самомалѣйшей причины къ вашему унынію. Вотъ какъ я дѣло вижу: прочее покажетъ время. Мнѣ за васъ больно и тяжело; но вѣрьте мнѣ, я столько видѣлъ въ васъ въ этомъ дѣлѣ искренняго и глубокаго чувства, что я за грѣхъ бы себѣ поставилъ и прошлаго года вамъ подавать надежды, которыхъ бы я не имѣлъ, и теперь продолжать ваше душевное волненіе, еслибъ я полагалъ, что все должно кончиться грустной неудачей. Вѣрьте мнѣ въ томъ, что все это близко и очень близко мнѣ къ сердцу и скажу прямо, не только потому, что вы въ этомъ видите свое счастіе, но и потому, что я вижу тутъ возможность двойнаго счастія, которое было бы мнѣ дорого. Объ одномъ прошу, не болѣйте душою преждевременно. Зима все скажетъ. Если я ошибаюсь и увижу свою ошибку, я сейчасъ къ вамъ объ этомъ напишу. Прощайте, глаза горятъ.

12.

22 Октября (1848 г.).

Пространно и многословно было написалъ я введеніе къ рукописи; но дошелъ до половины и нашелъ, что все лишнее можетъ вредить, а необходимаго мало, и это малое написалъ я въ немногихъ словахъ. Мнѣ кажется, болѣе не нужно. Вотъ вамъ, л. А. Н., и отвѣтъ на вашъ вопросъ о томъ, что̀ я дѣлаю въ деревнѣ. Не знаю, какъ вы будете довольны предисловіемъ и введеніемъ; а по совѣсти скажу вамъ, что я доволенъ. Дай Богъ, чтобы это пошло въ ходъ! Для меня это дѣло совѣсти. Я говорю тутъ не какъ христіанинъ, а какъ работникъ науки. Стыдно, что Богословіе, какъ наука, такъ далеко отстала или такъ страшно запутана. Когда предстоитъ средство ее выдвинуть изъ темноты, этому дѣлу способствовать обязанъ всякій кто можетъ. Поэтому я постарался вкратцѣ въ предисловіи опредѣлить характеръ рукописи, безъ чего пожалуй его бы и не замѣтили, а въ введеніи постарался, такъ сказать *паѳосомъ* (говоря слогомъ новой школы) обратить вниманіе читателей на предстоящій вопросъ. Есть, можетъ быть, въ концѣ и нѣчто раздражающее или гордое; но безъ нѣкоторой обличительной смѣлости едва ли можетъ выходить истина на поприще міровое. Помните пожалуйста, какъ я написалъ; сами же скажите мнѣ свое мнѣніе откровенно и если вы недовольны или придумали лучше, то пошлите и свое введеніе къ Жуковскому. Пусть онъ выберетъ. Дѣло общее. Къ Жуковскому пишу на дняхъ. Правда ваша: надобно спѣшить, а не то отцы напутаютъ. Макарій провонялъ схоластикой. Она во всемъ высказывается, въ безпрестанномъ цитованіи Августина, истиннаго отца схоластики церковной, въ страсти все дробить и все живое обращать къ мертвому, наконецъ въ самомъ пристрастіи къ словамъ Латинскимъ, какъ напр.: основное для него слово *религія*, или уморительно-смѣшное выраженіе *фамилія* патріарховъ. Я бы могъ его назвать восхитительно-глупымъ, если бы онъ писалъ не о такомъ великомъ и важномъ предметѣ. Я радъ, что онъ, такъ сказать, по образу деревенскихъ барынь, въ контрѣ и пикѣ съ Филаретомъ. Авось хоть со злости что нибудь да осмѣлятся сказать или изъ Академіи, или изъ духовенства Московскаго или Кіевскаго. Но, увы! страхъ такъ великъ, что и личная досада, пожалуй, смолкнетъ или будетъ только работать подспудно, если не совсѣмъ безъ пользы, то по крайней мѣрѣ безъ чести. Стыдно будетъ, если иностранцы примутъ такую жалкую дребедень за выраженіе нашего православнаго Богословія, хотя бы даже въ современномъ его состояніи.

Теперь объ другомъ. Я не могу никакъ отъискать Тульскаго Комитета: онъ, говорятъ, съ тѣмъ только допущенъ, чтобы ему не собираться. Не думайте, чтобы я шутилъ. Право, не только такъ говорятъ, но утверждаютъ, что объ этомъ было трактовано властями оффиціально и положено: быть Комитету по домамъ и сноситься письменно, а съѣздовъ не имѣть. Не знаю, правда ли это; но то вѣрно, что я не могъ сыскать Комитетъ, а то бъ вѣроятно я попросился бы туда, хоть и безъ большой надежды на пользу. Нельзя ли похлопотать, чтобы печатать позволялось объ условіяхъ и ихъ разныхъ формахъ и возможностяхъ? Вѣдь печатается же и хуже. Посмотрите Огарева въ М. В. Прямое отверженіе всякаго общиннаго отношенія и прямая похвала чистой контрактности. Неужели ни у кого не найдется смысла? Или вси обуяша до единаго? Наконецъ, еще третье дѣло: нельзя ли узнать, не возмутся ли у Берда и Кларка сдѣлать мнѣ маленькій мѣдный паровой котелъ со всѣми принадлежностями, какъ будто на желѣзную дорогу, съ печью, но только безъ двигательнаго механизма, и что́ бы за это взяли? Сила всего на все въ $^{1}/_{6}$ конской силы. Пожалуйста узнайте. Очень этимъ меня одолжите. Механизмъ я здѣсь самъ заказалъ, и будутъ точить при мнѣ; но котла со всѣми принадлежностями, запасными клапанами, мѣрки для паровъ и пр., здѣсь сдѣлать не сумѣютъ. Если машина удастся, въ чемъ я увѣренъ, я явлюсь съ нею къ вамъ въ Питеръ весною.

Живу въ деревнѣ тихохонько. Погода гадкая, но для полеванія удобная. Одна бѣда: собаки съ чумы не могутъ оправиться, да другая бѣда: зайцевъ нѣтъ. Какъ вы видите, для полнаго удовольствія на охотѣ не достаетъ самой малости.

Прощайте, будьте здоровы. Скажите мои поклоны моему милому Алексѣю *) и его женѣ, которую я даже не могу себѣ представить какъ новую знакомую, Комаровскимъ, Герке, Мухановымъ, князю Вяземскому и всѣмъ добрымъ людямъ во градѣ Вавилонѣ.

22 Октября.

13.

15 Декабря (1848).

О невѣрующій! Это говорится вамъ по случаю изъявленныхъ вами сомнѣній насчетъ рукописи. Когда нибудь при свиданіи мы поговоримъ объ ней яснѣе и обстоятельнѣе. Теперь мнѣ остается васъ поблагодарить за ея отправку къ Жуковскому, къ которому я писалъ

---

*) Алексѣю Владимировичу Веневитинову.

объ этомъ. Но я долженъ также вамъ попенять за то, что вы ни слова не сказали мнѣ объ введеніи (не предисловіи). Мнѣ бы очень хотѣлось знать ваше мнѣніе объ немъ. Введеніе много значитъ: оно ставитъ читателей на ту точку или въ то расположеніе, которыя нужны для данной книги и слѣдовательно имѣетъ великое вліяніе на первоначальный успѣхъ. Мнѣ бы также очень хотѣлось знать, какъ переслана рукопись. Жуковскій въ своемъ письмѣ изъявилъ сомнѣніе на счетъ вѣрности доставки. Я ему отвѣчалъ глухо, что черезъ Вяземскаго. Такъ ли?

Мы все еще въ деревнѣ. Держитъ насъ безснѣжіе и Московская холера, которая плохо уменьшается, несмотря на увѣреніе вѣдомостей. Впрочемъ, все таки она становится полегче. Для Университета, думаю, отставка Строгонова и особенно назначеніе его преемника мало чѣмъ легче холеры. Жаль мнѣ *alma mater*. Плохо ей придется отъ новаго опекуна. Выместитъ онъ на ней долгое пренебреженіе, въ которомъ онъ находился. Говорятъ тоже объ отставкѣ Грановскаго, Рѣдкина и Кавелина. Впрочемъ слышно, что эти отставки не имѣютъ ничего общаго съ назначеніемъ попечителя, а происходятъ отъ Крыловскаго дѣла. Jus Romanum одержалъ, какъ кажется, полную побѣду, и я этому бы очень радовался, если бы ученый не былъ такой ужасный взяточникъ.

Я здоровъ и веселъ, потому что съ нѣкотораго времени опять принялся за свои тетради и работаю ежедневно, хоть все еще не такъ какъ слѣдуетъ. Втянусь и опять пойдетъ живѣе. Ежедневность великое дѣло: она дѣйствуетъ какъ-то благодѣтельно на совѣсть, заставляя ее принять участіе въ трудѣ. Мнѣ совѣсть была не нужна при Валуевѣ; теперь долженъ за нее взяться.

Объ Московскихъ ничего или почти ничего не знаю. Гнѣвъ Аксакова на васъ объясняется неудачею статьи и, какъ видно, выражается довольно забавно. Впрочемъ, кто тамъ съ кѣмъ мирится или ссорится (ибо въ этомъ состоитъ, кажется, вся дѣятельность нашихъ пріятелей), не могу вамъ сказать. Узнаю, когда пріѣду.

*

Графъ С. Г. Строгановъ такъ и оставилъ Московское попечительство, не узнавъ ближе Хомякова и друзей его и предубѣжденный противъ нихъ не столько лично, какъ по навѣтамъ литературныхъ противниковъ Хомяковскаго ученія. Весною слѣдующаго 1849 года, находясь въ Москвѣ во время празднествъ по случаю освященія Кремлевскаго дворца (передъ Венгерскою войною), онъ не скрывалъ своего неодобренія къ ихъ дѣятельности. Во дворцѣ, на вечерѣ у Государя, за чаемъ, къ которому были приглашены немногіе, въ томъ числѣ графъ Д. Н. Блудовъ, императрица Александра Өедоровна спро-

сила: „Что это такое Славянофилы? Я бы желала увидать ихъ".—„Вашему Величеству не слѣдуетъ ихъ видѣть", замѣтилъ графъ Строгановъ: „это люди опасные".—„Ну опасность-то не очень велика", возразилъ графъ Блудовъ, „такъ какъ всѣ они могли бы помѣститься на одномъ этомъ диванѣ". Разговоръ шелъ при Государѣ. Позднѣе, графъ Блудовъ спрашивалъ Хомякова, что за причина нерасположенія къ нему бывшаго попечителя. Хомяковъ, въ отвѣтъ на это, повинился въ невоздержности языка своего и разсказалъ, что однажды случилось ему поспорить съ графомъ Строгановымъ, который, на замѣчаніе Хомякова, почему онъ не хочетъ чего-то сдѣлать, отвѣчалъ: Noblesse oblige (благородное происхожденіе заставляетъ). Хомяковъ возразилъ ему слѣдующимъ аполовгомъ. Въ Парижѣ воспитывались два друга-островитянина съ Отаити и очень усердно учились. Обстоятельства потребовали одного изъ нихъ домой, и на своемъ островѣ онъ сдѣлался виднымъ дѣятелемъ. Прошли года. Другой островитянинъ докончилъ ученіе и тоже возвратился на родину. Бывшій Парижскій пріятель очень ему обрадовался, но перервалъ первое же свиданіе, отозвавшись, что на этотъ разъ ему недосужно и что онъ непремѣнно долженъ отправиться на жертвоприношеніе, что будетъ заколоно нѣсколько человѣкъ плѣнниковъ и что его отсутствіе на такомъ торжествѣ невозможно.—„Помилуй!", говоритъ ему его другъ: „ты ли это? Какъ же ты можешь участвовать въ людоѣдствѣ?"—„Что дѣлать, мой милый! Noblesse oblige".

Позднѣе графъ Строгановъ (пережившій Хомякова слишкомъ на двадцать лѣтъ) значительно измѣнилъ свое мнѣніе о такъ называемыхъ Славянофилахъ. Пишущему эти строки случилось слышать отъ него такой отзывъ про К. С. Аксакова: „Это былъ святой человѣкъ".

14.

(13 Февраля 1849. Москва).

Въ концѣ Января перебрался я, любезный Александръ Николаевичъ, въ Москву по безснѣжному пути, съ трудомъ немалымъ. Только что въѣхалъ я въ городъ, т. е. черезъ день, вдругъ матушка сдѣлалась больна. Въ первый разъ въ жизнь свою видѣлъ я ее больною. Обыкновенную ея рожу считаю я страданіемъ нѣсколько посерьознѣе флюса или зубной боли, и только; а тутъ она была точно больна и тяжело больна. Открылась плёрези съ горячкою. Два дня болѣзнь все усиливалась, не смотря на лѣченіе. Докторъ говорилъ о консиліумѣ и о духовникѣ. Я струсилъ порядкомъ, но не захотѣлъ консиліума, къ которому я столько же имѣю довѣренности, сколько къ комитетамъ въ Россіи, и не послалъ за духовникомъ, чтобы испугомъ не усилить болѣзни. На третій день стало лучше, на четвертый опасность прошла, т. е. опасность отъ болѣзни. Осталась еще опасность самаго выздо-

ровленія, всегда тяжелаго въ такихъ лѣтахъ. Слава Богу, все прошло какъ нельзя лучше; нужна теперь только осторожность. Скажу даже, что я радъ этой болѣзни: она (въ добрый часъ молвить) показала, что натура еще крѣпка и здорова, и мнѣ пережитая опасность какъ-то оставила особенно легкое чувство на сердцѣ.

Москва!... Точь въ точь прежняя, съ тѣми же рѣчами, съ тѣми же ухватками и только что нѣсколько усиленными сплетнями. Аксаковъ [1]) печатаетъ свою драмму (между прочимъ онъ сознается, что не право оподозрилъ васъ по поводу статьи; самъ же онъ теперь не подлежитъ суду, потому что рѣшительно боленъ). К. Карловна [2]) по прежнему меня ненавидитъ, но звала со многими на слушаніе ея новаго еще неконченнаго романа. Ив. Аксаковъ началъ поэму необыкновенно смѣлую по замыслу [3]), ибо она взята прямо изъ простѣйшаго быта, съ героями Алешкой да Парашкой, и необыкновенно-поэтическую по выраженію, если только продолженіе будетъ отвѣчать началу. Что̀ бы впрочемъ изъ поэмы ни вышло, самая работа надъ нею должна его самаго много подвинуть въ художественномъ навыкѣ и въ простотѣ слова, котораго нѣтъ ни у него, ни у нашей поэзіи вообще. (Простота пріобрѣтенная ею въ послѣднее время есть, по правдѣ, только салонная вялость и не должна считаться пріобрѣтеніемъ). Наконецъ, обѣщаютъ намъ еще газету въ добромъ духѣ. На повѣрку-то выходитъ, что я дурно началъ отчетъ и что у насъ не безъ дѣятельности.

Причина дурнаго начала въ томъ, что меня разсердили безпрестанныя сплетни, очень удобныя для праздныхъ и очень тревожныя для дѣльныхъ, трудящихъ людей, каковъ напр. Шевыревъ, котораго вѣчно заваливаютъ болѣе или менѣе злонамѣренными сплетнями. Западъ промышляетъ этимъ шибко. Также сердитъ меня и дурной пріемъ сдѣланный обществомъ Самарину [4]). Его встрѣтили холодностію и шутками, весьма недоброжелательными, и все это потому, что общество во первыхъ переполнено Нѣмецкими сочувствіями, а во вторыхъ потому, что оно ставитъ какое-то глупое либеральство въ глупой оппозиціи правительству. Что же еще, если и самое правительство отступится отъ самаго себя и отъ своихъ началъ (какъ полагаютъ по назначенію Суворова), каково положеніе добросовѣстнаго дѣлателя? Умно и очень умно вы сдѣлали, не ввязываясь въ дѣло. Практическое приложеніе началъ, нами защищаемыхъ, покуда еще невозможно: оно

---

[1]) Драмма К. С. Аксакова „Освобожденная Москва“.

[2]) Павлова, Каролина Карловна.

[3]) Говорится про „Бродягу“.

[4]) Пріѣзжавшему въ Москву изъ Риги и вслѣдъ за возвращеніемъ въ Петербургъ посаженному въ Петропавловскую крѣпость.

производитъ только минутную тревогу, не принося плода. Воспитаніе общества только что начинается, а покуда оно не подвинулось сколько нибудь, никакого пути ни въ чемъ быть не можетъ. Изъ нашихъ многіе начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣ самаго этого воспитанія: они говорятъ и, по видимому справедливо, что число Западниковъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ, а наши пріобрѣтенія ничтожны. Это видимая правда и дѣйствительная ложь. Вотъ мое объясненіе. Мысль распространяется какъ мода. Начинается съ десяти герцогинь, идетъ къ тысячѣ дамъ салонныхъ и падаетъ въ удѣлъ сотнѣ тысячъ горничныхъ и гризетокъ. Числительное пріобрѣтеніе и дѣйствительный упадокъ. Тоже и съ мыслію: она переходитъ отъ десятка душъ герцогинь къ сотнѣ тысячъ горничныхъ душъ. Безъ слѣпоты нельзя не признать, что старая Западная мысль сдѣлалась нарядомъ всего горничнаго міра; но безъ пристрастія нельзя отрицать и того, что мы много выиграли мѣста въ душевной аристократіи. Кстати, вы начали завоеваніе одного ума, въ которомъ я уже почти отчаявался, А. И. Кошелева. Онъ васъ очень полюбилъ, отдѣляетъ васъ отъ насъ, это не бѣда, но уже говоритъ почти наше и съ убѣжденіемъ. Свербѣевъ чуть чуть не плачетъ, утѣшаясь только тѣмъ, что это кратковременное затмѣніе ума въ Кошелевѣ. Если онъ будетъ въ Петербургѣ, пожалуйста займитесь имъ и докончите начатое. Это пріобрѣтеніе было бы важно не только по уму, но и по характеру серьозной воли въ Кошелевѣ. По случаю Кошелева могу вамъ сказать о другомъ обращеніи: Пальмеръ (къ которому я на дняхъ пишу), кажется, рѣшительно переходитъ въ Православіе и по положенію его въ Англійскомъ обществѣ, я думаю, что примѣръ его будетъ не безплоденъ.

Такъ-то идетъ серіозное дѣло, а покуда здѣсь à l'ordre du jour [1]) важные вопросы: какъ принять статью Аксакова въ М. В. о дѣтскихъ и полудѣтскихъ балахъ? Ѣхать или не ѣхать на горы постомъ? [2]) И тому подобное.

Скажите пожалуйста мой дружескій поклонъ всѣмъ пріятелямъ и по преимуществу Веневитинову, котораго поблагодарите за его хлопоты; да спросите отъ меня по просьбѣ Герке [3]), не сердитъ ли онъ за что нибудь на старичка. Онъ писалъ къ Алексѣю В. и не получилъ отвѣта и боится, не сердится ли на него Веневитиновъ, чего, разумѣется, я нисколько не предполагаю. Поклонъ особенный и Мухановымъ. Хорошо сдѣлалъ Н. А., что вышелъ въ отставку, а и досад-

[1]) На текущемъ счету.

[2]) Въ ходившихъ тогда стихахъ говорилось про К. С. Аксакова:

Ты въ ревности святой предалъ проклятью горы.
На нихъ катались въ постъ земли Московской воры!

[3]) Учитель поэта-Веневитинова.

но. Мнѣ, не знаю почему, очень хотѣлось видѣть его сенаторомъ, почти столько же сколько женатымъ, хотя признаюсь, что послѣднее желаніе разумнѣе перваго.

Гоголь ѣдетъ въ Іерусалимъ и теперь уже въ морѣ. Онъ писалъ изъ Мальты.

13 Ф.

15.

Сейчасъ получилъ ваше: объ устройствѣ уголовныхъ судовъ, еще не прочелъ и потому и сказать ничего не могу.

Мы всѣ ходимъ уже бритые. Аксаковы получили предписаніе отъ полиціи, но впрочемъ весьма вѣжливое. К. С. крайне некрасивъ безъ бороды въ Нѣмецкомъ платьѣ. Трубниковъ пишетъ очень забавно: «Велѣно бриться. Чтожъ? И бриться станемъ, коли въ томъ общая польза». Это слово получило великій успѣхъ.

Объ Венгерской войнѣ толки въ обществѣ весьма невыгодные. Фрондеры не понимаютъ ея необходимости, а по моему эта необходимость ясна. Къ несчастью, изложеніе причинъ въ толкованіи на манифестъ очень неудовлетворительно, а статья въ Сѣв. Пчелѣ изъ рукъ вонъ плоха и неловка.

О Петербургскомъ заговорѣ [1]) толкуютъ много, кто съ негодованіемъ, кто съ состраданіемъ; мое мнѣніе увидите въ прилагаемомъ при семъ письмѣ къ графинѣ Блудовой, которое запечатайте. Дѣло важное и урокъ великій. Кто-то пойметъ этотъ урокъ?

Разсказываютъ великолѣпное слово, сказанное гр. Закревскимъ одному изъ его пріятелей: «Чтò, братъ, видишь изъ Московскихъ Славянъ никого не нашли въ этомъ заговорѣ. Чтó это значитъ по твоему?»—«Не знаю, в. сіятельство».—«*Значитъ* всѣ тутъ; да хитры, не поймаешь слѣда». Это *значитъ* просто геніальное слово!

16.

(Генварь 1850).

Я къ вамъ уже Богъ знаетъ какъ давно не писалъ:. у меня все еще глаза не поправлялись, а секретарь мой [2]) былъ не въ состояніи писать по собственнымъ недугамъ, кончившимся тому десять дней прибавленіемъ къ семьѣ новаго лица, Николая Алексѣевича. Впрочемъ, все идетъ, слава Богу, хорошо. Глазамъ моимъ также становится лучше, и я пишу къ вамъ нѣсколько словъ, первыя письмена послѣ моего воспаленія.

---

[1]) Исторія Петрашевскаго.

[2]) Т.-е. жена Хомякова, Екатерина Михаиловна. Н. А. Хомяковъ родился 19 Генваря 1850.

Что это вы-то вздумали хворать? Если еще не поправились, возьмитесь за гомеопатію. Вамъ, кажется, нужны *Sulphur* дѣленіе XXX каждые два дня и послѣ, вѣроятно, *Silicca* тоже дѣленіе и такой же пріемъ.

У насъ здѣсь ровно ничего нѣтъ новаго. Все по прежнему; только Сверб. стали давать балы, а Аксаковъ пишетъ грамматику. Мамоновъ также, кажется, сильно трудится по живописи. Бодянскій, вступивъ снова въ университетъ, грызется неприличнымъ образомъ съ Шевыр. Ученость дремлетъ, словесность пишетъ дребедень, за исключеніемъ комедіи Островскаго, о которой вы уже знаете и которая, говорятъ, превосходное твореніе, и продолженія «Бродяги», не уступающаго началу, да Гоголя, который очень веселъ и слѣд. трудится. Выходитъ на повѣрку, что хоть нечѣмъ хвастаться, да и нѣтъ причинъ слишкомъ хандрить.

Видите ли Ѳ. И. Тютчева? Разумѣется, видите. Скажите ему мой поклонъ и досаду многихъ за его стихи. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и въ негодованіи на него. Не стыдно ли молчать, когда Богъ далъ такой голосъ? Если онъ вздумаетъ оправдываться и ссылаться, пожалуй, на меня, скажите ему, что это не дѣло. Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задушить стихотворца. Онъ же насквозь поэтъ (durch und durch). У него не можетъ изсякнуть источникъ поэтическій. Въ немъ, какъ въ Пушкинѣ, какъ въ Языковѣ, натура античная въ отношеніи къ художеству. Пристыдите его молчаніемъ. Статья его въ Revue des d. M. *) вещь превосходная, хотя я и не думаю, чтобы ее поняли и у васъ въ Питерѣ, и въ чужихъ краяхъ. Она заграничной публикѣ не по плечу. За одно попеняйте ему, за нападеніе на *souveraineté du peuple.* Въ немъ дѣйствительно *souveraineté suprême.* Иначе что же 1612 годъ? И что́ дѣлать Мадегасамъ, если волею Божіею холера унесетъ семью короля Раваны? Я имѣю право это говорить, потому именно, что я анти-республиканецъ, анти-конституціоналистъ и проч. Самое повиновеніе народа есть *un acte de souveraineté*! А все таки статья Ѳ. И. Т. есть не только лучшее, но единственное дѣльное сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ, гдѣ бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многихъ.

Добрый и славный Шевыревъ! Онъ хлопоталъ какъ могъ и теперь хлопочетъ для Коссовича: я слышалъ, что онъ что-то другое

---

*) Въ первой книгѣ Revue des deux Mondes 1850 появилась безъ имени статья Тютчева: La question romaine, доселѣ неизвѣстная Русскимъ читателямъ.

ему пріискалъ. Знаетъ ли про это Коссовичъ и правда ли это? Шевыревъ ко мнѣ почти не ѣздитъ: боится Закревскаго. Это смѣшная сторона отличнаго человѣка. Мнѣ, кажется, не нужно прибавлять, что я буду пріискивать всякое средство быть полезнымъ для Каэтана Андреевича. Что-то Богъ дастъ?

17.

(Боучарово) 6 Ноября 1850.

Послѣ многихъ и неутѣшительныхъ странствованій по такъ-называемымъ степнымъ уѣздамъ, т.-е. за-Тульскимъ, въ которыхъ совсѣмъ хлѣбъ не родился нынѣшняго года, возвратившись во свояси, кончилъ я статейку, которой вы требовали, и нынѣ посылаю ее вамъ. Графиня найдетъ ее, я надѣюсь, довольно понятною. Вó время ли она придетъ, не знаю; будетъ ли полезна, также; но знаю то, что всѣ ея основы рѣшительно противуположны направленію господствовавшему въ недавнее время. Дѣльна ли она, судить не могу; кажется мнѣ, что она предметъ охватываетъ, раздѣляя потребности воспитанія на потребности мѣстныя, т.-е. Русскія, и на потребности общечеловѣческія, т.-е. на потребности самой науки. Надѣюсь, что я указалъ на многіе еще не довольно замѣченные промахи нашего общественнаго образованія въ обоихъ отдѣлахъ, на причины, почему желаніе сдѣлать воспитаніе Русскимъ не исполняется, и желаніе сдѣлать его ученымъ исполняется точно также мало. Усиленіе кадетскихъ корпусовъ въ Москвѣ, не смотря на мою нелюбовь къ кадетскимъ корпусамъ, считаю отчасти признакомъ того, что начинаютъ замѣчать необходимость помѣщать училища ближе къ центру народной жизни и поэтому надѣюсь, что нѣкоторыя мысли могутъ найти сочувствіе. Сочувствія же къ большей части своихъ мнѣній не ожидаю; но думаю, что вы съ большею частью моихъ замѣчаній будете согласны. Нападенія мои въ иныхъ случаяхъ не совсѣмъ мягки, но кажется иначе и выразиться было невозможно: сильное нападеніе только и можетъ быть понято, особенно иными читателями. Кончая статью о воспитаніи, я не могъ не коснуться и книгопечатанія, потому что полагаю печатаніе главнымъ воспитателемъ народа. Не знаю, одобрите ли вы это окончаніе статьи и особенно довольно рѣзкую форму нападенія на современную цензуру. Я хотѣлъ бы, но не рѣшился примѣрами доказать, что теперешняя цензура вредна и религіи, и даже правительству. Это бы было дурно принято и возставило бы противъ меня и Ширинскаго и, можетъ быть, Протасова. Поэтому я держался общихъ доводовъ. Вообще,

прочитавъ то что́ я написалъ, скажите мнѣ свое мнѣніе откровенно. Вы понимаете, что если я самолюбивъ (хоть я и не сильно падокъ къ этому пороку), во всякомъ случаѣ я совсѣмъ не самолюбивъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ пишу какъ теперь, болѣе по чувству обязанности, чѣмъ по влеченію внутреннему, и гдѣ даже имени моему не должно являться. Я бы очень желалъ знать, не замѣтите ли какихъ пропусковъ или даже просто неосновательныхъ или недоказанныхъ мыслей. Въ статьѣ, которую я писалъ бы для публики, я бы, разумѣется, искалъ доводовъ болѣе глубокихъ и основанныхъ на внутреннихъ законахъ разума; тутъ я старался только быть понятнымъ. Удалось ли мнѣ это? Вы знаете, что по мнѣнію многихъ это удается мнѣ рѣдко *).

Что́ вамъ сказать о себѣ? Боль во лбу прошла: охочусь на славу. Отрадка скачетъ во удивленіе всѣхъ, и только? Не совсѣмъ. Вообразите себѣ, что привычка въ продолженіи нѣсколькихъ вечеровъ писать статейку такъ меня втянула въ писаніе, что рука и перо перешли какъ-то естественно къ болѣе серьозному предмету, Семирамидѣ, и я за нее принялся опять не на шутку. При этомъ учу дѣтей и очень радуюсь, видя, какъ мало-по-малу головка М.... зрѣетъ и свѣтлѣетъ. Онъ начинаетъ входить въ разумъ. М... нарисовала сама, безъ всякой помощи, и почти кончила Христа Тиціанова Alla Moneta и очень удовлетворительно. Но вотъ случай любопытный и которому я едва бы повѣрилъ, если бы это не случилось при мнѣ. Онъ доказываетъ, какъ слова Вѣры и Христіанства непонятнымъ образомъ даютъ серьезное и глубокое направленіе дѣтской мысли. С...., которой минуло четыре года, на дняхъ при мнѣ, въ прошлое Воскресенье, озадачила свою няню. «Няня, что́ это въ церкви говорили: примите, ѣдите тѣло мое. Чье это тѣло?» Няня, отвѣчала, что Христово. С...., помолчавъ, сказала: «Няня, какъ же это тѣло Христово? Вѣдь Христосъ Богъ, а у Бога тѣла нѣтъ». Говорятъ о томъ, какъ можетъ быть, чтобы народъ интересовался отвлеченностями; а вотъ вопросъ четырехлѣтняго ребенка. Няня не умѣла, разумѣется, отвѣчать, и очень мило было смотрѣть, какъ М... взялась за объясненіе, и право очень удовлетворительно. Этотъ маленькій случай въ дѣтской жизни очень заинтересовалъ меня. Ясно, что дѣтямъ можно преподавать Христіанство гораздо серьезнѣе, чѣмъ вообще полагаютъ.

---

*) Рѣчь идетъ о статьѣ, которую Хомяковъ писалъ по желанію графа Блудова для представленія покойному Государю (тогда еще Великому Князю), которому подчинены были военно-учебныя заведенія. Эта статья напечатана въ Русскомъ Архивѣ 1879 года (кн. 1-я), гдѣ не вѣрно означено время ея написанія, опредѣлившееся теперь этимъ письмомъ. Статья эта полна великаго значенія и для настоящаго времени. Примѣнить ее къ дѣлу было бы гораздо важнѣе университетскаго устава.

Что-то вы подѣлываете? Что Коссовичъ? Ѣдетъ-ли? Ни отъ васъ, ни отъ него нѣтъ слуха давно.

Я познакомился съ нашимъ губернаторомъ. Человѣкъ неглупый и образованный, и довольно пріятный. И того у насъ отнимаютъ. Говорятъ, что будетъ Толстой Егоръ Петровичъ; что-то не вѣрится. Попросите черезъ кого-нибудь Перовскаго, чтобы онъ сжалился надъ Тулою, да далъ бы кого-нибудь хорошаго. Вѣдь просто бѣдствуемъ губернаторами. Здѣсь безъ меня былъ у насъ Аксаковъ. Жена говоритъ, что Малороссію бранитъ. Я этого ждалъ.

18.

(1-го Декабря 1850).

Письмо ваше очень насъ огорчило не потому, чтобы мы думали, что вы перестали имѣть къ намъ дружбу или долго могли сердиться, когда съ нашей стороны не было намѣренія вамъ сказать непріятное, но потому, что грустно было угадывать и, такъ сказать, видѣть заглазно волненіе ваше и тяжелое состояніе, въ которомъ вы находитесь. Впрочемъ, жена моя объ этомъ уже вѣроятно писала, а слѣдовательно говорить болѣе объ этомъ не стану. Вы легко повѣрите, что мы все тѣже для васъ, какъ и были, и будемъ все также васъ душевно любить и искренне и отъ всего сердца желаемъ вамъ всего, всего добраго. Объ себѣ скажу вамъ покуда только то доброе, что я давнымъ давно не работалъ такъ много и такъ аккуратно. Все въ Исторіи принимаетъ какой-то новый видъ и живой смыслъ. Такъ напр. теперь пишу время Оттоновъ и первыхъ Салійцевъ. Какъ ясно выступаетъ взаимная зависимость двухъ властей, свѣтской и духовной, и ихъ истеченіе изъ одной идеи Римской державы въ ея новой формѣ Всехристіанства, Tota Christianitas. Какъ ясна впереди роль Франціи, чисто-отрицательная. Когда общая идея, которую воплощали въ себѣ Германія и Италія, была уже уличена во лжи, когда все великое и поэтическое, что̀ заключалось въ этой идеѣ, было признано мечтою, тогда на сцену выдвигается Франція съ жизнью чисто-мѣстною и условною, съ адвокатской сухостью мысли, съ взглядами и требованіями крайне ограниченными, но за то крайне практическими. Когда Французъ Ногаре, посланникъ Французскаго короля, далъ Папѣ оплеуху, какъ чудно выразилось отношеніе жизни реальной къ самымъ высокимъ мечтамъ! Что за чудная вещь простая истина Исторіи! Какъ удивительно, и съ какою стройною логикой развивается вся эта цѣпь заблужденій неизбѣжныхъ, принимаемыхъ временно за истину и потомъ обличаемыхъ истиною дѣйствительной! Вы видите, что я въ духѣ труда дѣльнаго.

Къ Коссовичу писалъ я на дняхъ. Мнѣ и досадно на него потому, что чувствуется, что онъ могъ бы дѣло отъѣзда своего уладить, и жаль его потому, что вижу, что у него не охоты не достаетъ, а ловкости и практическаго толка. Не знаю, съумѣетъ ли онъ наконецъ доѣхать до Англіи. Кажется, онъ даже не рѣшился еще объяснить Корфу, чего именно онъ желаетъ. Ужъ я хочу писать Боппу или Лассену, чтобы они вступились и посанскритски написали пояснительное письмо къ барону.

Прощайте покуда, любезный Алекс. Николаевичъ. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что нынѣшній годъ мнѣ удалось сдѣлать въ одной деревнѣ *ряду* съ крестьянами. Минута была очень пріятная по той ясности, съ которою въ нихъ выражался совокупный смыслъ, явленіе рѣдкое вездѣ, а у насъ какъ будто неугадываемое.

1 Дек.

19.

(1851)

Душевно благодарю васъ, любезный А. Н., за дружескую присылку издаваемыхъ вами памятниковъ. Всѣ экземпляры разосланы мною по принадлежности, но еще кажется никто за чтеніе ихъ не принимался кромѣ страстнаго дипломата Д. Н. Свербеева, который сейчасъ принялся за книгу, привлекаемый дипломатическимъ ея благоуханіемъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что Ливонскихъ бумагъ нѣтъ и спрашивалъ, извѣстно ли вамъ, что во время ихъ подвига по Архиву его трудами и трудами П. Вас. Кирѣевскаго были приведены въ порядокъ и переписаны многія бумаги по дѣламъ Ливонскимъ, которыхъ копіи при Архивѣ, а реестръ находится въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

У меня къ вамъ просьба: знаете ли Микуцкаго или слыхали про него? Студентъ бѣдный въ полномъ смыслѣ этого слова, лѣтъ подъ сорокъ, бывшій солдатомъ, великій филологъ, извѣстный нашей Академіи, одобренный Шафарикомъ, страстный къ своему дѣлу едвали не болѣе Коссовича. Теперь кончаются его студенческіе года, и ему предстоитъ заглохнуть въ какомъ-нибудь училищѣ. Чтобы спастись отъ этого, ему нужно магистерство. Теперь онъ стипендіатъ Царства Польскаго; нужно продлить стипендію еще на годъ, чтобы онъ могъ оставаться при университетѣ. Университетъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе, которое на прошлой недѣлѣ пошло; но дѣло можетъ затянуться. Вы не безъ знакомства при министерствѣ и знакомы съ Норовымъ. Пожалуйста ускорите это дѣло; я увѣренъ, что вы не откажетесь отъ

случая быть полезнымъ великому труженику и хорошему, много страдавшему человѣку.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ кромѣ весьма удачнаго пира въ честь Іордана и Айвазовскаго, винигрета изъ разнородныхъ лекцій, въ которомъ Грановскій отличился изяществомъ изложенія и былъ всѣми восхваленъ, а Шевыревъ отличается дѣльностью и никѣмъ почти не признанъ, да еще великаго оскорбленія бонтоннаго общества по случаю стиховъ, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Я стихамъ очень радъ, а оплеухѣ полученной обществомъ вдвое.

20.

Послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы, гдѣ и я недолго оставался по неудачѣ въ своей спекуляціи, у меня было прошла боль во лбу, но потомъ ни съ того ни съ сего возвратилась втрое сильнѣе и мучила меня недѣли двѣ до нельзя. Наконецъ, отъ времени или отъ Belladonna не знаю, стала проходить и вотъ уже недѣля какъ меня посѣщаетъ только изрѣдка, т.-е. дня черезъ два, и то довольно легко; но все еще не совсѣмъ я отъ нея отдѣлался. Догадалась же она посѣщать меня по вечерамъ или передъ вечеромъ, въ самое мое разумное время, такъ что жаръ дневной, да эта вечерняя гостья совсѣмъ отъ всего отбили меня. Что-то будетъ на будущей недѣлѣ? Здѣсь проѣзжалъ Самаринъ съ Бибиковымъ и отъ этого не могъ ко мнѣ завернуть; звалъ меня въ Москву, и я охотно бы съ нимъ съѣздилъ повидаться, да у меня вдругъ навернулась куча дѣлъ, такъ что отлучиться не было никакой возможности. Теперь же Самаринъ вѣроятно давно уѣхалъ, и мнѣ крайне жаль, что я его не видалъ. Главное мое дѣло, разумѣется, счетъ хозяйственный при сдачѣ дѣлъ В. Александровичемъ. Чѣмъ ближе его отъѣздъ, тѣмъ болѣе жалѣю я о необходимости разставанія; думаю, что и ему это тяжело. Какъ бы радъ я былъ, если бы ему удалось найти хорошее мѣсто. Едва-ли я не виноватъ самъ во многомъ, что́ безспорно имъ упущено. При его характерѣ ему необходимъ былъ помощникъ-исполнитель, а этого-то и не было. Я же съ своей стороны всегда буду любить Василья Александровича.

Коссовичъ мнѣ пишетъ о библіотекѣ и спрашиваетъ моихъ мыслей; скажите ему, что средства Московскія мало мнѣ извѣстны, но на будущей почтѣ я ему напишу, что́ знаю или лучше сказать, что́ предполагаю.

Отъ графини Блудовой получилъ я письмо. Бѣдная больна. Еслибы она вѣрила гомеопатіи, это прошло бы скоро; но за всѣхъ леча-

щихся аллопатіею я всегда боюсь, какъ бы не затянулась болѣзнь. Посовѣтуйте ей полечиться у гомеопата. Нашимъ общимъ друзьямъ Славянамъ по моему очень нехорошо приходится въ Австріи. Великое счастіе, если въ Булгаріи учредится господарство; это даже радость, которой я вѣрить не смѣю, но планы колонизаціи въ Венгріи представляютъ великую опасность. По характеру народовъ сомнѣнія нѣтъ, что эта колонизація сильнѣе пойдетъ въ округахъ Славянскихъ, чѣмъ между драчунами Мадьярами; а колонизація Штиріи имѣетъ явную цѣль окончательно въ ней убить Славянскую стихію. А все таки вѣрится, что Богъ поможетъ.

Коссовичъ пишетъ также, что нашъ Лондонскій священникъ въ Петербургѣ. Пожалуста познакомьтесь съ нимъ. Онъ отличнѣйшій человѣкъ. Если чтó отъ него узнаете о церковныхъ дѣлахъ въ Англіи, увѣдомьте.

Августа 28 дня
Боучарово (1851).

21.

Живу покуда еще въ Боучаровѣ: пишу. Написалъ статью для Аксаковскаго сборника и посылаю ее. Главное же воюю съ Губ. Правленіемъ. Хуже всякаго Бема и Кошута! Отбили навозъ у ямщиковъ на станціи, не только противъ всѣхъ правъ, но еще и противъ словъ контракта, заключеннаго съ казною за семь мѣсяцовъ. И какъ вы думаете, какую бы причину нашли они для этого разбоя? «Ямщики-де», говоритъ Правленіе, «не могутъ и не умѣютъ пользоваться навозомъ, и сверхъ того свободнѣе будутъ заниматься гоньбою почтовою, когда избавятся отъ хлопотъ по очищенію двора». Это невѣроятно, но именно таковы отвѣты Правленія и его достойнаго представителя, Барановича. Дѣло любопытное по наглости нарушенія правъ собственности и контрактныхъ условій. Въ скорости думаю довести его до гр. Перовскаго или до 1-го департамента Сената, а между тѣмъ еще здѣсь вожусь съ нимъ и забавляюсь толками Тульскими объ моей неуступчивости. Вотъ сельскія занятія.

Гдѣ Коссовичъ? Живъ ли? Пріѣхалъ ли? Ни слова отъ него съ самаго пріѣзда Кошелева. Въ Москву ѣду на дняхъ. Странно будетъ, что ни Свербѣевой, ни Аксак. тамъ не будетъ зимою. Хочу поналечь на труды въ свободное время.

Прощайте, любезный Александръ Николаевичъ. Будьте здоровы и дайте о себѣ вѣсть.

Д. 3-го (1851).

22.

(Февраль 1852).

Только что ударъ палъ мнѣ на голову, новый ударъ тяжелый для всѣхъ, послѣдовалъ за нимъ: Николинькинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: все для меня кончено. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ какомъ-то нервномъ разстройствѣ, которое приняло характеръ религіознаго помѣшательства. Онъ говѣлъ и сталъ себя морить голодомъ, попрекая себѣ въ обжорствѣ. Иноземцовъ не понялъ его болѣзни и тѣмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ Субботу на Масляницѣ Гоголь былъ еще у меня и ласкалъ своего крестника. Въ Субботу или Воскресенье на первой недѣлѣ онъ былъ уже безъ надежды, а въ Четвергъ на нынѣшней недѣли кончилъ. Ночью съ Понедѣльника на Вторникъ первой недѣли онъ сжегъ въ минуту безумія все что̀ написалъ. Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка. Очевидно судьба. Я бы могъ написать объ этомъ психологическую студію; да кто пойметъ, или кто захочетъ понять? А сверхъ того и печатать будетъ нельзя. Послѣ смерти его вышла распря. Друзья его хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви, которую онъ очень любилъ, и всегда посѣщалъ, Симеона Столпника. Университетъ же спохватился, что когда-то далъ ему дипломъ почетнаго члена и потребовалъ къ себѣ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотѣли, рѣшили участь его тѣла, противъ воли его друзей и духовныхъ братій, и приходъ, общее всѣхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовой церкви, почти салону, куда не входитъ ни нищій, ни простолюдинъ. Многознаменательное дѣло. Эти сожженныя произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь посвящалъ себя, борьба рѣшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ: все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умѣла быть довольно строгою, и строгость свою обратила на себя и убила тѣло. Бѣдный Гоголь! Для его направленія нужны были нервы желѣзные.

Ляжетъ онъ все-таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и со временемъ со мною, въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было.

У меня другое грозитъ горе: кажется, матушка не надолго у насъ загостится!

23.

Досадно мнѣ, любезный Александръ Николаевичъ, что не удалось мнѣ встрѣтить васъ въ Боучаровѣ. Меня въ это время судьба загнала въ Донковъ, на несказанную скуку. Ѣхалъ я на двѣ недѣли, а прожилъ слишкомъ мѣсяцъ въ самыхъ непріятныхъ хлопотахъ, безпрестанно ожидая, что заводъ нынче или завтра будетъ пущенъ въ ходъ и безпрестанно обманываясь въ своихъ надеждахъ по милости неакуратности или плутни Россійскихъ негоціянтовъ, какъ себя называютъ Тульскіе плуты и алтынники-купцы. А потомъ, то сахароваръ боленъ, то льетъ такой дождь, что матеріаловъ нельзя подвозить и трубъ класть нельзя, наконецъ всѣ возможныя неудачи. Въ пустынѣ и безъ сношенія съ просвѣщеннымъ міромъ, даже безъ Московскихъ Вѣдомостей, съ горя я сталъ изучать сахареваренiе, искать новыхъ путей, выдумалъ славныя и крайне-удобныя печи, и наконецъ собираюсь уже просить привилегіи на усовершенствованіе въ добываніи сахара, хотя, по правдѣ, я еще ни фунта не добылъ, а свекловицы попортилъ довольно. Вотъ какъ прошла моя осень. Теперь опять я на нѣсколько времени возвратился къ своимъ. Но, отдѣлавшись отъ своей трудной и скучной работы, вспоминаю объ ней не безъ удовольствія и живо чувствую то утѣшеніе, которое мнѣ доставили полный успѣхъ моихъ сдѣлокъ съ крестьянами, ихъ благодарность и одобреніе многихъ помѣщиковъ, которые готовы, кажется, послѣдовать моему примѣру. Одинъ даже принялся за дѣло. Если это пойдетъ, то не даромъ я трудился, и думаю, что пользу я принесъ бо́льшую, чѣмъ всѣми возможными писанными мною статьями.

24.

(1852).

Вы не отвѣчали мнѣ, любезный Александръ Николаевичъ, на мое письмо: неужели еще сердитесь? Какъ бы то ни было, я къ вамъ съ двойною просьбою. Одна не моя и изложена въ прилагаемомъ письмѣ отъ дочери Аграфены Климовны. Предоставляю дѣло вашему расположенію и ея женскому краснорѣчію; а другая просьба моя. Вы знаете, что я писалъ къ архіепископу Казанскому Григорію объ дѣлѣ Пальмера. Получилъ отъ него живой и теплый отвѣтъ; другое письмо мое къ нему тоже осталось не безъ отвѣта, но на этотъ разъ это было кусокъ льда *). Я на него не пеняю. Вѣроятно его добрые люди обдѣ-

*) Оба письма см. въ Р. Архивѣ 1881, кн. 2-й.

лали и напугали. За всѣмъ тѣмъ я его благодарю письмомъ, которое посылаю и посылаю также «М. Сборникъ» ради статьи Кирѣевскаго и для того, чтобъ не совсѣмъ перервать знакомство. Но книгу (хотя въ письмѣ я сказалъ, что посылаю) я къ нему прямо послать не хочу. Пожалуйста возьмите на себя трудъ доставить ему книгу, которую адресую на ваше имя. Быть можетъ, вы захотите при случаѣ и человѣка узнать. Кажется, не совсѣмъ безъ пользы было письмо. По слухамъ дѣло пошло нѣсколько поживѣе, вѣрнаго же ничего не знаю. Пальмеру я писалъ, но отвѣта еще нѣтъ. Не пеняйте на меня за порученіе: можетъ быть, исполненіе его будетъ вамъ не непріятно, если сведетъ оно васъ съ человѣкомъ хорошимъ какъ говорятъ о Григоріѣ и дастъ случай узнать повѣрнѣе, какъ идутъ дѣла Англійскихъ катехуменовъ.

Объ себѣ скажу, что тружусь гораздо болѣе прежняго и вообще веду жизнь почти какъ назначалъ, но все таки ранняго отхода ко сну не могу устроить. Это, видно, до деревни. Я много въ душѣ перемѣнился. Дѣтство и молодость ушли разомъ. Жизнь для меня въ трудѣ, а прочее все какъ будто во снѣ. Два портрета *) я сдѣлалъ: одинъ уже кончилъ, и оба очень хорошіе и очень похожіе. У васъ, кажется, есть какая-то старая, но довольно подробная карта Европы древней, гдѣ старыя имена городовъ въ Италіи. Если есть, пришлите.

25.

(1852).

Вы меня столько знаете, любезный Александръ Николаевичъ, что вполнѣ можете быть увѣреннымъ, что я никогда и никакъ не могу заслужить справедливаго упрека по своимъ дѣйствіямъ и мыслямъ общественнымъ. Много имѣлъ я пріятелей, которые были или скептики, или вовсе невѣрующіе (съ двадцатилѣтняго возраста) и почти всѣ сдѣлались людьми искренно вѣрующими. Много было либераловъ даже въ крайней степени (такова была эпоха), и они сдѣлались монархистами. До какой степени я имѣлъ на это вліяніе, не могу сказать; но кажется, это могло бы служить мнѣ достаточною похвалою. Теперь здѣсь ходитъ слухъ о какомъ-то негодованіи на «Московскій Сборникъ». Я статей другихъ не знаю кромѣ своей, а въ ней я сохраняю и отчасти развиваю свое всегдашнее убѣжденіе, что истинное просвѣщеніе имѣетъ по преимуществу характеръ консерваторства, которое есть постоянное усовершенствованіе, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка не возможна, а разрывъ гибеленъ. Мысль и жизнь моя, кажется, всегда были согласны между собою, и изъ нихъ я никогда не скрывалъ и не имѣлъ

*) Портреты покойной Екатерины Михайловны.

нужды скрывать ничего. Всѣ прежнія мои статьи того же содержанія, всѣ бесѣды того же смысла. Есть противъ переворотовъ ненависть политическая, она можетъ имѣть свою пользу; но она по моему низка и безсильна, ибо она принадлежитъ только богатымъ міра сего. У меня всегда была, какъ вы знаете, противъ тѣхъ же революцій ненависть нравственная, которая не только благороднѣе, но и сильнѣе, ибо она также возможна въ бѣдномъ, какъ и въ богатомъ. Это убѣжденіе не мѣшаетъ жизни мысли. Какъ этого не умѣютъ прочесть во всѣхъ моихъ статьяхъ, не знаю. Впрочемъ, тѣ умѣли, которые меня съизмолода величали *сервилистомъ*. Впрочемъ, вѣроятно этотъ слухъ Московскій пустъ; ибо въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, полученномъ на дняхъ, нѣтъ ничего подобнаго. Я вамъ очень за него благодаренъ и за вашу дружбу. Искренно благодарю за совѣтъ быть въ одно время дѣятельнымъ и сильно наблюдать за своею внутреннею дѣятельностью. Я, кажется, что-то еще хотѣлъ сказать вамъ объ этомъ письмѣ; но выронилъ его на ухабѣ въ лужу, которыми изобилуетъ Москва донельзя.

У меня здѣсь возни хозяйственной пропасть. Купилъ деревню, завожу сахарный заводъ, безпрестанно, толкусь въ хозяйственномъ обществѣ, и только? Какъ же не такъ? Разбираю Шведскія древности, выдумалъ сѣяльницу—просто чудо, улучшаю жатвенную машину и спорю съ И. С. Аксаковымъ объ устройствѣ и внутреннемъ смыслѣ третейскаго суда. Это мало изучено, а могло бы упростить судопроизводство до невѣроятной степени. Объ этомъ заставило меня думать насильное похищеніе телѣги у моего крестьянина.

26.

(19 Марта 1853).

Я къ вамъ съ просьбою, любезный Александръ Николаевичъ, которая для меня важна, а вамъ, надѣюсь, никакихъ хлопотъ не сдѣлаетъ. Вотъ дѣло въ чемъ. Послѣ шестимѣсячныхъ трудовъ и опытовъ, я наконецъ попалъ на особенное производство для свекловично-сахарныхъ заводовъ, которое, если не ошибаюсь, должно дать несравненно бóльшіе выходы, а именно до 35 фунтовъ кристаллическаго сахара изъ 10 пудовъ свекловицы (густоты сока 8° по Бомѐ). Эта вещь и для меня крайне-важная и для хозяйства Русскаго вообще, и можетъ быть теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Разумѣется, я хочу взять на это привилегію, но не знаю, куда сунуться и какъ за это взяться. Пожалуйста узнайте, куда надобно обратиться и по какимъ формамъ и процедурамъ, и напишите мнѣ, потóму что я не хотѣлъ бы медлить. Если вы знаете какого-нибудь сахаровара, онъ вамъ скажетъ, какова важность

этого открытія (если оно только подтвердится опытомъ) и, спрашивая, не забудьте сказать, что это результатъ при щелочневомъ выпариваніи и гущеніи.

О нашемъ житьѣ-бытьѣ Московскомъ вы знаете, и новаго писать нечего; но о себѣ скажу, что не даромъ присылала къ намъ графиня Антонина Дмитріевна рѣчь Сибура. Она, разумѣется, не стоитъ возраженія, а еще менѣе стоитъ возражать, какъ возражали у насъ съ колѣнопреклоненіемъ предъ Папою, который просто нагло плутуетъ; но она мнѣ подала поводъ къ вступленію въ статью полемико-религіозную, которая (если только будетъ напечатана) заставитъ его покаяться въ своихъ словахъ. Иные думаютъ, что теперь не время для такихъ вопросовъ. Чистый вздоръ! Борьба наша имѣетъ видъ, какъ и всякая борьба, чисто матеріальной схватки, чисто матеріальныхъ интересовъ; но это только видъ. Истинная-то борьба идетъ между началами духовными, логически развивающимися, и на этой почвѣ возможна побѣда; прибавлю еще, только на этой почвѣ возможна прочная побѣда. Надобно пробудить сочувствіе къ нашимъ началамъ или доказать ихъ превосходство, ихъ бо́льшую строгость логическую, ихъ бо́льшую человѣчность и бо́льшее согласіе съ требованіями души человѣческой, и тогда будетъ поле наше. Безъ этого, безъ нѣкотораго перелома въ общемъ Европейскомъ мышленіи, борьба будетъ нескончаема, не смотря на возможные успѣхи, которые все таки достанутся не легко. Величайшая бѣда то, что у насъ въ Европѣ нѣтъ органовъ. Умная газета за границею, особенно Французская, была бы машиною въ пять тысячъ паровыхъ силъ и стоила бы двухъ-сотъ-тысячнаго войска. Неужели она невозможна? Какъ бы то ни было, я теперь въ религіозной полемикѣ. Какъ-то Богъ дастъ совладать съ предметомъ.

27.

(Конецъ 1853).

Искренно благодарю васъ за присланное вами сочиненіе о сношеніяхъ нашихъ съ Хивою, а за любезное посланіе вдвое. Весь разсказъ о Бековичѣ, также какъ и о посольствѣ Итальянца, и тотъ страхъ, который внушала Россія всей Закаспійской области, доказываютъ, по моему мнѣнію, великое и вѣковое наше ослѣпленіе. Все вниманіе наше постоянно было обращаемо на дѣла Европы; истинныя выгоды наши призывали насъ на сильнѣйшее дѣйствіе на Востокѣ, который достался бы намъ очень легко. Туда бы должно было, и можно было, отодвинуть казачество, совершенно неумѣстное на Дону. Разумѣется, это было бы дѣйствіемъ тихимъ и *почти* непринудительнымъ.

Персія была бы у насъ постоянно въ рукахъ и т. д. Нравственность такого распространенія точно также явна, какъ справедливость завоеванія Алжиріи, и въ продолженіе почти вѣка у насъ въ Каспійской области наросли бы силы собственно Русскія, которыя конечно помогли бы намъ не только справиться, но еще и легко справиться съ Кавказомъ, особенно съ его лѣвымъ флангомъ, отъ котораго намъ столько хлопотъ. Петръ, кажется, понималъ дѣло; но его система насъ втянула слишкомъ глубоко въ междоусобія Европы и подавила наши *естественные инстинкты*.

Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ дальнѣйшихъ трудовъ, большаго историческаго и современнаго; но думаю, что въ этомъ послѣднемъ вамъ не совсѣмъ можно свободно двигаться, а эта несвобода сильно повредитъ убѣдительности такого писанія, которое могло бы и должно бы дать вамъ мѣсто между Европейскими публицистами. Если вы, хоть не вполнѣ, а отчасти избѣгли трудностей, представляемыхъ не столько самимъ предметомъ, сколько современными отношеніями, вы совершили дѣло весьма немалотрудное. Впрочемъ, я какъ-то убѣжденъ, что вы это сдѣлали, хотя и не видалъ и не знаю какими путями. Разумѣется, что вы, писавъ о Восточномъ вопросѣ, не могли не имѣть въ виду читателя заграничнаго; скажу болѣе, имѣли его въ виду по преимуществу (все равно, будетъ ли напечатано или нѣтъ): ибо, не обманывайте себя, въ Россіи нѣтъ Восточнаго вопроса. Такого полнаго равнодушія, какое питаютъ всѣ къ нему, нельзя вообразить. Равнодушіе объясняется очень просто. Общественное мнѣніе было совершенно оставлено въ невѣдѣніи обо всемъ дѣлѣ. Объявлено одно, что мы ничего брать у Турка не хотимъ: изъ чего же общественному мнѣнію и горячиться? Я такъ дѣло объясняю, но въ тоже время признаюсь, не могу и не удивляться. Просто никто и говорить не хочетъ. Должно однако сказать, что побѣда Бебутова и Синопское дѣло очень всѣхъ порадовали. Что-то впередъ Богъ дастъ? А по моему узелъ дѣла въ Сербіи, и въ томъ, какъ Сербы и Черногорцы объявятъ свое отношеніе не къ тому вопросу, который мы поставили, а къ вопросу объ огражденіи христіанъ вообще отъ разбоя и убійства. Слово Сербіи можетъ связать Англійское министерство по рукамъ и ногамъ, или поднять на него жесточайшую бурю въ парламентѣ.

Я замедлилъ вамъ отвѣчать, потому что опять ѣздилъ въ Ивановское, а оттуда никому не пишу, потому что, по моимъ замѣчаніямъ, Донковская почта, по всей вѣроятности, совершаетъ кругосвѣтное путешествіе, прежде чѣмъ доходитъ до своего назначенія. Я предлагаю имя города перемѣнить и назвать *Завальемъ*: туда попадешь, словно куда завалился. У меня все идетъ кое-какъ. Къ несчастью, мой

учитель Греческаго и Русскаго, Казаковъ, которымъ я былъ очень доволенъ, заболѣлъ бѣлою горячкою, и теперь это дѣло лежитъ на мнѣ, и мы съ дѣтьми вмѣстѣ учимся по-гречески, и идетъ ничего себѣ. По крайней мѣрѣ я дѣлаю большіе успѣхи. Отправилъ на дняхъ большой трудъ о Санскритскомъ и Русскомъ языкахъ къ Гильфердингу, и горжусь имъ. Кстати, узнайте, нѣтъ ли возраженій противъ брошюрки написанной въ отвѣтъ Laurentie? Она въ Парижѣ, кажется, уже вышла. Это и вамъ интересно будетъ, а мнѣ кольми паче.

28.

(31 Января 1854).

Какъ благодаренъ я, и разумѣется не я одинъ, любезный Александръ Николаевичъ, за ваше доброе дѣло, которое вы назвали статьею. Это дѣло. Оно было не для всѣхъ писано, и поэтому не подлежитъ критикѣ литературы или науки въ томъ смыслѣ, въ которомъ подлежатъ ему другія статьи. Оно имѣетъ форму диссертаціонную, но оно собственно имѣетъ характеръ рѣчи апологетической передъ судомъ или судьею. Точки отправленія во многихъ мѣстахъ, напр. о покорности и присягѣ, взяты не изъ отвлеченныхъ законовъ мысли, а изъ права признаннаго за законъ положительный. Такъ и должно было быть. Вы принимаете такую-то норму и пр., слѣдовательно вы должны принять такія-то послѣдствія и пр. Это непремѣнно подразумѣвается во всякомъ практическомъ употребленіи слова, хотя наука, разумѣется, должна идти другимъ путемъ. Мнѣ пріятно было, что не я одинъ это почувствовалъ, но признали люди гораздо болѣе склонные къ отвлеченности, напр. Аксаковъ. Такъ-то сочувствіе даетъ даже людямъ повидимому отвлеченнымъ сознаніе необходимаго въ дѣлѣ прямо-жизненномъ. Лишнимъ считаю говорить объ ясности изложенія, о своевременности и важности оцѣнки отношеній Австріи къ намъ и другихъ прекрасныхъ сторонахъ статьи. Вы сами ихъ знаете, и только одно скажу: ихъ оцѣнили всѣ. Болѣе же всего я хвалю (извините гордое *я*, но вѣдь оно всегда, скрывается во всякомъ мнѣніи) воздержность тона при мужествѣ поступка: оно свидѣтельствуетъ о мужествѣ не страстномъ и порывномъ, но тихомъ и упорномъ, т. е. о томъ, которое всегда нужно, а теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, и намъ болѣе чѣмъ кому нибудь. Благодаримъ и благодаримъ душевно. Инструкціи ваши соблюдены въ точности, и къ моему великому прискорбію даже въ отношеніи къ С. Онъ дѣйствительно задалъ себѣ ролю вреднаго человѣка, а какъ жаль! Онъ такой истинно-славный человѣкъ: между нами, лучшій въ домѣ, развѣ за исключеніемъ К. Дм.

Статья, говорятъ, принята была хорошо; но увы! однѣ статьи не рѣшатъ дѣла. Ихъ огромная заслуга въ томъ, что онѣ раздираютъ туманную завѣсу и даютъ людямъ большій просторъ и свободу. Рѣшеніе же будетъ зависѣть отъ хода дѣла, на которыя ни мы, никто дѣйствовать не можетъ, именно отъ мѣры оскорбленія; но по правдѣ сказать, неужели эта мѣра не переполнена? Чтò мнѣ вамъ сказать? Вы знаете, что я не сентименталенъ; но мнѣ *его* жаль [1]). Я бы радъ былъ сказать слово, какъ умѣю, не для Руси только, а и для него. Но гдѣ доступъ слову? Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12-му году. И такъ будетъ опять, ибо мы мыслію выше. А впрочемъ, можетъ быть, Богъ избавитъ отъ Тильзита. Одно страшно: пять лѣтъ, увы! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу.

Ну да довольно объ этомъ. А объ чемъ же еще? Развѣ только о томъ, что, говорятъ, брошюрка запрещена. Можно было ждать этого, а все таки досадно въ теперешнюю минуту. Видно, система не хочетъ измѣниться, а при ней плохо и очень плохо.

Сказать ли о себѣ и объ насъ? Да что? У насъ все какъ всегда, и слава Богу!

31 Января.

Я кончилъ письмо спокойно, а приписываю въ тревогѣ. Сей часъ говорятъ мнѣ, что графъ Дм. Николаевичъ умеръ. Не вѣрю, но очень взволновался. Какъ горько было бы мнѣ, если бы это была правда [2]).

*

Письмо это относится къ 1854 году, когда предстоялъ намъ разрывъ съ Франціею и Англіею, вслѣдъ за которымъ Хомяковъ написалъ свои стихи къ Россіи, гдѣ она призывается къ покаянію и говорится про нее, что она

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Они напечатаны были гораздо послѣ войны, но тогда же, въ 1854 году, облетѣли всю Россію, не смотря на преслѣдованія полицейскія, отъ кото-

---

[1]) Т. е. Государя Николая Павловича, тогда еще жившаго.

[2]) Извѣстіе неоправдавшееся: графъ Д. Н. Блудовъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ († 19 Февраля 1864) и успѣлъ еще многое сдѣлать на пользу отечества, между прочимъ своимъ живымъ участіемъ въ рѣшеніи вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ.

рыхъ доставалось не одному только сочинителю, но и нѣкоторымъ восторженнымъ читателямъ. Чтó касается до Николая Павловича лично, то Хомяковъ высоко цѣнилъ его еще съ ранней своей молодости. Онъ передавалъ (конечно очень немногимъ), что, еще въ царствованіе Александра Павловича, служа въ гвардіи, случилось ему стоять поздно вечеромъ на караулѣ, и мимо его проходила стройная фигура тогдашняго великаго князя, оставляя впечатлѣніе строгаго благородства. Слова Хомякова о „самохваленіи“ напоминаютъ намъ, какъ въ 1849 году, въ Варшавѣ, по окончаніи Венгерской войны, графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ вышелъ отъ Государя встревоженный, съ заплаканными глазами и сказалъ находившемуся въ пріемной пріятелю своему князю М. С. Воронцову: „Все кончено. Съ такими понятіями, съ такою увѣренностью въ собственную непогрѣшимость можно вести свою державу только къ погибели“. (Слышано отъ князя С. М. Воронцова).

Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ.

Современники помнятъ тяготу тогдашняго положенія, тѣмъ болѣе трагическую, что видимый виновникъ не сознавалъ творимыхъ бѣдъ. Хомяковъ, тогда и позже, утверждалъ, что виноваты всѣ мы, т. е. образованное сословіе.

29.

(Осень 1854).

Я покуда кончилъ многотрудное дѣло: написалъ и переписалъ вторую статью, которую отчасти вамъ читалъ. Вскорѣ перешлю ее въ Петербургъ для пріисканія ей пути. Разумѣется, она будетъ тотчасъ же вамъ сообщена подъ великимъ молчаніемъ до времени. Я ею очень доволенъ; кажется, ею также очень довольны всѣ тѣ, которымъ я ее читалъ. Кирѣевскій одинъ только какъ будто находитъ вопросы слишкомъ упрощенными; но этимъ-то, мнѣ кажется, я и могу похвалиться, потому что въ этомъ именно состояла и цѣль моя и вся трудность задачи. Болѣе всего меня обрадовалъ опытъ, сдѣланный мною надъ двумя сельскими неглупыми попами. Я имъ прочелъ въ переводѣ *) часть о таинствахъ, и они мнѣ откровенно сказали, что только при этомъ чтеніи они поняли нѣкоторыя таинства, особенно

*) Вотъ этотъ переводъ нужно отыскать; помѣщенный во 2-мъ томѣ сочиненій Хомякова, мѣстами, очень неудовлетворителенъ.

муропомазаніе, «а то въ Семинаріяхъ да и въ книгѣ Евсевія никакого яснаго смысла мы не получили». Это почти ихъ слова. Вообще я долженъ замѣтить, что я почти всегда въ простомъ и нѣсколько туповатомъ смыслѣ бѣлаго духовенства замѣчалъ больше способности понимать истину церковную, чѣмъ въ многозаучившихся чернецахъ и іерархахъ, или въ тѣхъ набожныхъ міряхахъ, которые слишкомъ много водятся съ монастырскими свѣтилами и пастырями.

Не слыхали ли чего о первой статьѣ? Вотъ что между прочимъ было со мною по ея поводу. Получаю я отъ Олсуфьева письмо: искалъ дескать я книги такой-то, для представленія Цесаревнѣ; у книгопродавцевъ нѣтъ. Нѣтъ ли у васъ или не знаете ли, гдѣ достать? Я отвѣчалъ: книгу по рукописи знаю, а печатной не видалъ, и въ Москвѣ ни у кого нѣтъ. Черезъ двѣ недѣли получаю прелюбезное письмо отъ него и экземпляръ. Признаюсь, я этотъ поступокъ нашелъ любезнымъ въ высшей степени. Олсуфьева благодарилъ, но кому дѣйствительно подобаетъ отъ меня благодарность, не знаю. Не знаете ли вы?

Много у меня всякихъ заботъ, а не терпится, чтобы не сердиться на беззаботность тѣхъ, кому слѣдовало бы заботиться, именно теперь, по военному дѣлу. Дѣлаю нынѣшнею зимою опытъ ружья моего изобрѣтенья, а между прочимъ прошу васъ, такъ какъ вы у источниковъ и случается видѣться со всякими властями военными и прочими, поговорите съ кѣмъ нибудь поумнѣе (если бы можно съ Константиномъ), не выгодно ли будетъ дѣлать гранаты конусообразными, очень толстыми къ носку, удлиненными и урѣзанными къ хвосту? Вамъ покажется смѣшно, что я поручаю вамъ или прошу васъ говорить о дѣлѣ совершенно и вамъ, и мнѣ постороннемъ; но что же дѣлать! Вѣдь у меня никакихъ нѣтъ сношеній съ Питеромъ; вы же видите и знаете многихъ. Хороша мысль, пригодится; пустая, никому не помѣшаетъ; а время нужное. Насъ бьетъ не сила (она у насъ есть) и не храбрость (намъ ея не искать), насъ бьетъ и рѣшительно бьетъ мысль и умъ. Если вы сами не видите никого изъ людей этого Fach'а, не возмется ли гр. Віельгорскій или Веневитиновъ имъ предложить мое предположеніе; тогда оторвите отъ письма осьмушку и отдайте имъ *). Не терпится глядѣть на нашъ сонъ. Развѣ что придетъ изъ за моря, спохватимся перенять, и то поздно. Я даже въ Крымъ писалъ къ Шеншину и бранился за ихъ тамошнюю глупость. Досадно мнѣ на Блудовыхъ. Такіе добрые и не могутъ понять, какая въ каждомъ не - Питерцѣ должна быть праведная злость, не на того или другого, а на все и всѣхъ. Вы это понимаете. Вотъ, мой

*) Въ подлинномъ письмѣ рисунокъ, съ техническимъ описаніемъ.

любезный Александръ Николаевичъ, въ этомъ письмѣ довольно вѣрная картина моего внутренняго быта: къ этому прибавьте кое-какіе уроки дѣтямъ, чтó впрочемъ я нѣсколько запустилъ, и возню съ измѣненіемъ или лучше сказать уничтоженіемъ барщины и, елико возможно, укрѣпленіемъ общины сельской, и вы подумаете, что я не совсѣмъ безъ дѣла и хлопотъ. Но что за жалкая дѣятельность въ сравненіи съ тою, которая могла бы и должна бы быть у насъ!

30.

(Февраль 1855 года).

Есть у васъ мое изображеніе, которое сильно похоже на Чижова; не прислать ли вамъ новой фотографіи, которая рѣшительно похожа на меня? Не приписывайте такого вопроса излишнему самолюбію. Ужъ коли портретъ, такъ едвали не лучше, когда онъ похожъ [1]. Благодарю васъ душевно за ваши книжныя посылки; разумѣется, болѣе всѣхъ за одну: Тяпкина [2]. Но не прогнѣвайтесь: вамъ немножко стыдно, и вы съ собою поступаете не хорошо. Мало книгъ такихъ интересныхъ по выбору предмета; мало такихъ прекрасныхъ по художественному строенію и по характеристической групировкѣ происшествій: лица выпуклы, дѣла говорятъ сами за себя; чтеніе въ одно время увлекательное и поучительное. Но какъ же такъ небрежно издавать? Вѣдь опечатокъ больше, чѣмъ въ какой-либо мнѣ извѣстной книгѣ, и кое-гдѣ слогъ требовалъ бы отдѣлки. Неужели вы сами этой работой не столько дорожите, сколько слѣдуетъ? Не сердитесь, если на васъ за это сердимся. Не знай я васъ, я и тогда бы сердился, а теперь разумѣется вдвое. Впрочемъ скажу правду: даже изъ вашихъ недоброжелателей (а вы не безъ оныхъ) всѣ почти отдаютъ вамъ справедливость и говорятъ, что это великій подарокъ нашей исторической словесности. Ждемъ другихъ.

Важная миновалась эпоха. Чтó бы ни было, а будетъ уже не то. Эта эпоха въ высшей степени наставительна. Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете, и винилъ не лице, а систему и насъ всѣхъ. Съумѣемъ ли мы оправдать себя теперь, или наша бездѣйственность докажетъ, что мы даже не заслуживаемъ возможности дѣйствовать? Скорыхъ перемѣнъ я не жду,

---

[1]) Это тотъ фотографическій портретъ, работы Бергнера, съ котораго гравюра приложена къ XI-й тетради Р. Архива 1879.

[2]) Статейный списокъ Тяпкина, изданный А. Н. Поповымъ.

но характеръ будущаго царствованія будетъ непремѣнно зависѣть отъ того, кто первые подадутъ голосъ: честные или бездушные? Это рѣшитъ отчасти вопросъ: можно ли или нѣтъ уважать эту землю; можно ли или нѣтъ довѣрять ей и позволять мыслить вслухъ и жить общительно? Велика отвѣтственность на всѣхъ и на каждомъ. Дай Богъ намъ того, чего недостаетъ у многихъ, истинной любви къ добру, правдѣ и Россіи. Вы-то, я знаю, не будете сидѣть сложивши руки; во многихъ я не увѣренъ. А какая вѣроятно идетъ фабрикація клеветъ? Какъ стараются напугать, заподозрить и пр.? Должно-быть просто любо! *Здѣсь* всѣ радуются Русской одеждѣ или стремленію къ ней. Такъ ли у васъ въ Питерѣ? Даже прежніе враги Русскаго платья повеселѣли, какъ будто они сами его желали, да желать не смѣли. Дай Богъ лучшаго!

31.

(Лѣто 1855 г.).

Я у Кошелева провелъ три дня очень хорошо и весело; но о журналѣ почти рѣчи не было, да и быть не могло. Запрета съ насъ снимать и не думаютъ; а безъ этого какъ же приступиться? Отъ Норова ни слова, также какъ и отъ Блудовыхъ, хотя я къ нимъ писалъ. Еслибъ знать навѣрное, что они въ Москвѣ, я бы, можетъ быть, къ нимъ съѣздилъ. Впрочемъ, еслибъ удалось мое ружье, то я имѣлъ бы не только предлогъ, но и причину съѣздить даже въ Питеръ; только оружейники тянутъ дѣло и все еще не кончаютъ. Обѣщаютъ на дняхъ сдѣлать и надѣются, что результаты будутъ блистательны. Что-то будетъ?

Мнѣ нынѣшній годъ изъ рукъ вонъ плохъ: свекловицу червь съѣлъ, яровыя почти пропали, въ оброкѣ остановка отъ войны. Просто скверно. Вторая моя брошюра напечатана въ Лейпцигѣ, о чемъ я получилъ на дняхъ извѣстіе; но какъ она принята въ Питерѣ, не знаю. Еще пишутъ, что мнѣ какое-то очень пріятное извѣстіе изъ чужихъ краевъ, но какое? Не пишутъ. Вѣдь почта не оказія.

Весело, что вы своего «Стеньку» *) кончаете. Многое въ немъ не по сердцу придется *старолюбцамъ*; но эту эпоху необходимо понять, чтобы оцѣнить послѣдовавшую и яснѣе разумѣть предыдущія. Посылаю вамъ

*) Бунтъ Стеньки Разина, изслѣдованіе А. Н. Попова, появившееся потомъ въ „Русской Бесѣдѣ“.

экземпляръ своего лексикончика. Мало кто за него спасибо скажетъ: оцѣнить не оцѣнятъ журналы; а вѣдь такого еще не имѣетъ, да и не можетъ имѣть, ни одинъ Европейскій языкъ. Я послалъ экземпляры къ Ганкѣ, Шафарику и Штуру.

32.

(Вторая половина 1855).

Жаль мнѣ васъ, любезный Александръ Николаевичъ, что вы по нездоровью не могли или не рѣшились къ намъ ѣхать. У меня на дорогѣ украли гомеопатическую аптечку, и я купилъ новую, полнѣйшую, довольно щеголеватую. Какъ бы я васъ проворно вылечилъ! Шутки въ сторону, мнѣ и жаль, что вы захворали и досадно, что я васъ не видалъ. О многомъ нужно бы было переговорить. Я ѣду въ Москву не для свиданія съ Блудовыми, которыхъ жалѣю, что не видалъ (они всего пробыли тамъ дня съ три), но по вызову Кошелева. Западникамъ дано позволеніе на *журналъ съ обзоромъ политическихъ событій*. Редакторомъ, говорятъ, Катковъ *). Кошелевъ воспламенился и повелъ дѣло рѣшительно. Беретъ Москвитянина, котораго названіе хочетъ перемѣнить и дѣлаетъ кличъ. Я ѣду дня на два къ нему. Славный человѣкъ! Такихъ дѣятельныхъ людей намъ очень нужно, а мы немножко вяленьки. При свиданіи разскажу что́ у насъ въ Москвѣ было положено. Отъ Норова объ насъ ни слова. А между тѣмъ я получилъ отъ Олсуфьева еще письмо съ посылкою: переводъ моей первой брошюрки на Нѣмецкій языкъ, сдѣланный по заказу королевы Ольги Николаевны и посланъ ко мнѣ отъ Императрицы. Все это вмѣстѣ составляетъ нѣчто довольно комическое. Переводъ сдѣланъ священникомъ нашимъ и слабенекъ, но меня радуетъ невольная солидарность духовенства и слѣдовательно вѣроятное позволеніе книжки. Вторая также отпечатана уже въ Лейпцигѣ. Ее молодой Гильфердингъ видѣлъ и купилъ. Онъ хотѣлъ и той переслать нѣсколько экз. въ Россію; не знаю, исполнитъ ли. Я всячески постараюсь достать и той и другой нѣсколько экземпляровъ и тотчасъ же доставлю одинъ

---

*) Это былъ „Русскій Вѣстникъ“. При Николаѣ Павловичѣ новые журналы вовсе не разрѣшались съ самаго 1836 г. т.-е. съ уничтоженія „Телескопа“. Даже Пушкину разрѣшены были только четыре книги „Современника“, и послѣ его кончины, по особому ходатайству Великой Княгини Маріи Николаевны—П. А. Плетневу. Начавшіяся съ 1839 г. „Отечественныя Записки“ считались возобновленіемъ прежняго, Свиньинскаго изданія этого имени. „Русскій Вѣстникъ“ дозволенъ къ изданію покойнымъ Государемъ, во время его бытности въ Николаевѣ, въ 1855 году.

въ Оптино, а другіе перешлю въ Смирну и Аѳины: тамъ хорошо знаютъ Французскій языкъ и легко могутъ перевести и пустить въ ходъ (теперь же пожалуй обрадуются и по причинамъ политическимъ); но Блудовыхъ или кого-нибудь въ Питерѣ объ этомъ (т.-е. пересылкѣ въ Грецію) просить не хочу: и тутъ, пожалуй, встрѣтятся дипломатическія затрудненія. Вы знаете вѣроятно, что князь Вяземскій назначенъ въ товарищи Норову; едвали можно было лучше выбрать. Также знаете вѣроятно и о горячемъ дѣлѣ подъ Севастополемъ. Оно, кажется, было неудачно (подробности не знаю); но хорошо то, что атаковали мы отъ Черной. Значитъ, духъ бодръ. Что-то будетъ, а пора бы двору нашему пріосамиться; мнѣніе въ Европѣ, кажется, поворачиваетъ въ нашу пользу, и этимъ надобно бы пользоваться, показавъ въ одно время и величайшее миролюбіе и рѣшительное намѣреніе не мириться, покуда хоть одинъ непріятель въ землѣ Русской. Слухи есть, что Карсъ взятъ.

33.

(Конецъ 1855).

Вы меня зовете въ Питеръ; признаюсь, мало жду я пользы отъ этой поѣздки, но ѣду и даже скоро. Теперь говѣю въ деревнѣ, а потомъ дѣтей въ Москву, а себя на желѣзную дорогу. Не говорите этого никому; лучше пусть не знаютъ и не говорятъ. Я сказалъ, что мало жду пользы; видите, мнѣ кажется, что именно противъ меня больше вражды, чѣмъ я прежде думалъ. Напримѣръ, кромѣ меня и Кирѣевскаго, въ Катковскомъ объявленіи стоятъ же тѣ имена, которыя министръ объявляетъ негодными, а журналъ позволенъ. И такъ или моя личность, или что́ еще вѣроятнѣе, наше направленіе крайне оподозрѣно, потому что статья въ чужомъ журналѣ не имѣетъ той силы, что́ въ своемъ. А все-таки я ѣду, чтобы меня не винили. Отзывъ Норова (А. С.) показываетъ, какая страшная слѣпота въ Петербургѣ. Какое слово, какое лекарство можетъ снять такую катаракту? Это наростъ на зрачкахъ въ слоновую кожу толщиною. Вѣдь это человѣкъ и вѣрующій, и душою искренній, и что́ дѣлаетъ и что́ говоритъ! Скажу опять: ѣду, но безъ большой надежды.

Что-то Богъ дастъ въ другой области, въ области политики? Мнѣ кажется, что война Америки съ Франко-англійскимъ союзомъ неизбѣжна, и что Наполеонъ желаетъ ее ускорить. Иначе трудно объяснить дерзкое объявленіе его консула о корабляхъ купленныхъ Американцами у Русскихъ. Кажется, Америка менѣе всего можетъ это стерпѣть, такъ какъ это касается не только ея флага, но и собственности ея гражданъ. Или у него пошла голова кругомъ? Дай-то Богъ!

Намъ нуженъ отдыхъ; очень становится тяжело. Боюсь только, какъ бы у насъ не обрадовались безъ мѣры этой ссорѣ. Надобно помнить, что Американцы могутъ разорить торговлю Англо-французскую, а флотъ все-таки можетъ сжечь и думаю сожжетъ Кронштадтъ, если мы задремлемъ, какъ дремали до сихъ поръ. Если мы не введемъ коническихъ ядеръ, которыя пробивали бы желѣзную обшивку пловучихъ батарей, если не придумаемъ пловучихъ минъ, Кронштадтъ долженъ горѣть, а тутъ потеря будетъ поважнѣе Свеаборга. Если бы воздухъ освѣжился внутри Россіи, если бы перестали бояться правды, то конечно не было бы такой дорогой цѣны, которую нельзя бы было заплатить; но все-таки дай Богъ, чтобы и физическія наши потери не возрастали безъ нужды. Я боюсь, чтобы не напала на насъ безпечность и умственный сонъ, къ которому мы привыкли, когда увидимъ, что въ нашу пользу совершается диверсія на Западѣ. Правда, что, слава Богу, во многомъ становится легче, и что всѣ до сихъ поръ перемѣны служатъ добрымъ предзнаменованіемъ для будущаго (и какъ всѣ благодарны!), но какъ еще много впереди! И какъ сильна дружина людей находящихъ свои выгоды въ духотѣ земли и въ темнотѣ! Вотъ по моему разгадка отношеній Норова къ намъ; разумѣется, я не говорю о немъ лично. Вы меня зовете; не боитесь ли, что я еще напорчу? Вѣдь мнѣ оправдываться нельзя: я по неволѣ буду обвинителемъ; а вы сами знаете, хорошо ли это средство для пріобрѣтенія друзей? Не безъ страха поѣду я, конечно не за себя, но за друзей и за дѣло правды, которое есть дѣло Божіе.

Кажется, я нашелъ гомеопатическое лекарство отъ бѣшенства. Тогда (если это удастся) будутъ бѣситься только алопаты.

Въ эту поѣздку Хомякова въ Петербургъ, императрица Марья Александровна пожелала его видѣть. Онъ, какъ извѣстно, ходилъ въ Русскомъ платьѣ, въ то время опальномъ и для многихъ представителей высшаго общества отвратительномъ. Въ тогдашней Французской газетѣ „Le Nord“ была даже статья изъ Петербурга, въ которой описывался Хомяковъ, показавшійся въ поддевкѣ въ Петербургскихъ гостинныхъ. Пріѣхать въ такомъ нарядѣ образованному человѣку во дворецъ считалось невозможнымъ, и Хомяковъ на этотъ случай заказалъ себѣ иноземное платье. Кажется, даже и день представленія былъ назначенъ; но случилось вотъ какое обстоятельство. У графа Блудова встрѣтилъ его графъ Киселевъ, и разумѣется за словомъ Алексѣй Степановичъ въ карманъ не лѣзъ. Потомъ графъ Киселевъ былъ у Государя и мимоходомъ выразилъ удивленіе, какихъ людей принимаетъ у себя старикъ Блудовъ, при чемъ комически описалъ, въ какомъ платьѣ и какого гостя тамъ онъ встрѣтилъ. Немедленно выражена была воля, вслѣдствіе которой

представленіе не состоялось. Надо вспомнить, что въ это время покойная Государыня, ко благу Россіи, еще имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла, и потому нельзя не пожалѣть, что она не бесѣдовала съ Хомяковымъ.

34.

(Лѣто 1856 г.).

Какой жестокой ударъ для насъ всѣхъ, любезный Александръ Николаевичъ, въ смерти Ивана Васильевича! Какая невознаградимая потеря для нашей бѣдной науки! Его спеціальность была философія, которой другіе отдаютъ только короткіе досуги, и эта спеціальность строилась у него такъ своеобразно, что мы могли надѣяться видѣть когда нибудь у себя начало новой философской эры, которой позавидовали бы другіе народы. Судьбы Божіи въ отношеніи къ нашему просвѣщенію имѣютъ какой-то характеръ особенной строгости: какъ будто бы въ наказаніе за долгую нашу ложь падаютъ удары на немногихъ стремящихся возвратиться къ истинѣ, испытывая ихъ терпѣніе. Авось Богъ же дастъ, что поле не опустѣетъ, и что новые будутъ возникать дѣятели, какъ вѣтви на священномъ деревѣ: uno avulso non deficit alter *). Но для друзей, для семьи (т. е. матери и братьевъ) замѣны конечно нѣтъ. Вынесетъ ли слабое здоровіе Авдотьи Петровны? Да и Петръ Васильевичъ не очень-то надеженъ. Вотъ два года все хвораетъ. На другой день послѣ Петрова я хочу къ нимъ съѣздить дня на два. И какъ Кирѣевскій было славно пошелъ! Теперь у меня корректурные листы его статьи. Нужно объ немъ сказать нѣсколько словъ и указать на его значеніе и на путь, который онъ отчасти проложилъ.

Говорятъ, онъ вамъ разсказалъ весь планъ и содержаніе второй половины [2]). Если такъ, пожалуйста передайте мнѣ что́ вы помните, чтобъ я на дняхъ могъ составить для Русской Бесѣды нѣчто въ родѣ примѣчанія съ объясненіемъ его мысли. Не откажитесь отъ этого добраго труда.

35.

Поздравляю васъ и поздравляю отъ всей души, любезный Александръ Николаевичъ: дай Богъ вамъ счастія въ жизни семейной! Оно одно только на землѣ и заслуживаетъ имя счастія. Благодарю васъ

---

[1]) Если упала одна, то нѣтъ недостатка въ другой.

[2]) И. В. Кирѣевскій скончался въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ на короткое время и гдѣ видался съ А. Н. Поповымъ.

за то что поспѣшили меня извѣстить (хотя это извѣщеніе было не совсѣмъ для меня неожиданнымъ, слухомъ земля полнится). Еще болѣе благодарю за приглашеніе быть у васъ посаженнымъ отцемъ. Въ этомъ вижу я доказательство вашей дружбы и принимаю приглашеніе ваше безотговорочно; но васъ самихъ прошу, подумайте: хорошъ ли будетъ посаженный отецъ, у котораго веселое выраженіе лица почти невозможно? Не будетъ ли онъ казаться пятномъ въ самую веселую минуту жизни? Любезная и добрая семья, съ которой вы соединяетесь, давно намъ знакома, и Катенька искренно любила Анну Климовну и ея дочерей. По этому судите, какъ мнѣ пріятна была вѣсть, которую вы мнѣ дали. Вчера вечеромъ пріѣхалъ вашъ посланный и нынче я я уже былъ бы въ Дугнѣ, но не пеняйте на меня за то, что пріѣду только послѣ завтра: завтра у меня имянинница, которой я огорчить не могу отсутствіемъ. Матушка поздравляетъ съ радостью. Прощайте до послѣ завтрашняго дня [1]).

21 Іюля.

36.

Писалъ я къ вамъ, любезный Александръ Николаевичъ изъ Богучарова и послалъ письмо съ своимъ кучеромъ тому около мѣсяца. Сказалъ онъ мнѣ по пріѣздѣ, что васъ не засталъ, а письмо оставилъ. Тогда же мнѣ кое-что въ его разсказѣ показалось сомнительнымъ, а теперь сомнѣніе мое усилилось. Я васъ просилъ сказать мнѣ, не слыхали ли вы чего отъ нашего незабвеннаго Ивана Васильевича объ его второй статьѣ, что̀ бы могло послужить къ уясненію записокъ, оставшихся послѣ него, а еще болѣе, не сдѣлаете ли вы намъ великое удовольствіе и не пріѣдете ли къ намъ въ Москву съ Марьею Петровною и ея сестрицею на коронацію. Домъ просторенъ: вамъ бы было удобно, а намъ большая радость. Отвѣта отъ васъ не имѣлъ, но коронація будетъ только 26; подумайте, не пріѣдете ли? Благодарю васъ за надписанную на мое имя статью о Царскихъ соколахъ. Ни къ какому царю такъ охотно не прицѣпилъ бы я своего родоваго имени, какъ къ Алексѣю Михайловичу, и весьма охотно посредствомъ дорогой мнѣ, по наслѣдственному преданію, охоты. Благодарю за эту дружескую память. Бартеневъ спрашивалъ меня, можетъ ли онъ вашъ соколиной списокъ перепечатать въ своемъ изданіи. Я сказалъ, что думаю, что можетъ; правъ ли я или нѣтъ? Онъ въ сомнѣніи [2]).

---

[1]) А. Н. Поповъ женился на Марьѣ Петровнѣ Мосоловой.

[2]) Въ Августѣ 1856 г. пишущій эти строки отпечаталъ первое свое книжное изданіе „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“, гдѣ помѣщены и письма къ ловчему Хомякову, прямому предку Алексѣя Степановича.

Сказать новаго нечего кромѣ того, что мнѣ здѣсь видъ посланниковъ и ихъ свиты просто оплеуха, а ухаживанье за ними нашихъ сановниковъ и военныхъ просто нестерпимо.

37.

(Москва, 21 Января 1860).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ. Сто лѣтъ какъ я васъ не видалъ и безъ малаго сто какъ ничего объ васъ не знаю, кромѣ какъ косвенными путями. Лѣтомъ думалъ, не увижу ли васъ, и не сбылось. Осень пролежалъ я съ разбитою ляжкою, послѣ жесткаго прикосновенія къ матери сырой земли *Гѣ*, утѣшаяся только тѣмъ, что подобный случай приключился съ Иракломъ послѣ борьбы съ Юпитеромъ, и впрочемъ вовсе отчужденный отъ міра; а теперь обращаюсь къ вамъ съ величайшею просьбою.

Есть у меня крестникъ, сынъ вамъ извѣстнаго В. И. Х., Дмитрій, добрый тихій и на видъ спаржеобразный юноша, нѣсколько смахивающій на юношескій образъ Донъ Кихота. Впрочемъ, дѣйствительно хорошій юноша, не безъ познаній, изъ первыхъ кандидатовъ юридическаго факультета, нрава нѣсколько дѣтскаго, какъ всѣ плотно сидѣвшіе дома, но готовый на трудъ и способный полюбить его. Этотъ юноша, и особенно по желанію отца, хотѣлъ бы служить въ Питерѣ. Вотъ мнѣ, какъ крестному отцу, обязанному нѣсколько пещися о немъ, и пришла мысль обратиться къ вамъ съ просьбою великою. Вы теперь начальникомъ канцеляріи у графа Блудова: не только тутъ служба очень хороша, но особенно хорошо было бы для молодаго человѣка быть подъ вашимъ вѣдѣніемъ и направленіемъ. Кромѣ труда служебнаго онъ не отсталъ бы и отъ другихъ умственныхъ трудовъ, а это-то и желательно. Скажите, возможно ли бы было его помѣщеніе и какъ? Я увѣренъ, что если возможно, вы не откажете, а если скажете нельзя, значитъ точно нельзя.

Въ послѣднемъ случаѣ пожалуйста дайте совѣтъ, гдѣ полагаете вы лучшій путь для такого молодаго человѣка, какого я вамъ описалъ и какія двери, чтобы на этотъ путь попасть. Восемь мѣсяцевъ, какъ онъ экзаменъ выдержалъ, и я боюсь для него Московской праздности: ее не всякій выноситъ безъ вреда. Вотъ, любезный Александръ Николаевичъ, моя великая просьба. Пожалуйста, во сколько возможно, исполните ее.

Объ васъ, какъ я уже сказалъ, вѣсти у насъ только косвенныя. Правда ли нѣтъ ли, говорятъ, что вы готовите любопытнѣйшія изданія, напр. всѣ документы о княжнѣ Таракановой и еще много дру-

гаго. Все это весело слушать, хотя мнѣ бы не того хотѣлось для васъ. Для себя хотѣлось было, чтобы вы были у насъ въ Москвѣ, но для васъ нѣтъ, развѣ бы на мѣстѣ князя Оболенскаго *). А впрочемъ вамъ слѣдовало бы быть не издателемъ только даже самыхъ любопытныхъ памятниковъ, а либо дѣятелемъ, либо творцемъ. Знаю я, что въ этомъ случаѣ все таки нельзя ждать себѣ оцѣнки скорой у насъ; но правда возьметъ свое, а отъ васъ немалаго можно и должно ждать. Не порадуете ли какою-нибудь доброю вѣстію о какомъ-нибудь вашемъ трудѣ?—О себѣ скажу, что, какъ только пріѣхалъ изъ деревни, я какъ будто растерялся; тамъ дѣлалъ мало, потому что болѣлъ, и здѣсь сначала хворалъ, но пишу нѣчто о переводѣ Бунзена Библіи для заграничнаго изданія, и новую теорію правъ наказаній для будущаго нашего сборника. Думаю еще о философской статьѣ, хотя ихъ никто и не читаетъ. Вотъ покуда дѣло. Что̀ дальше, не знаю.

Января 21.

---

*) Т.-е. начальникомъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

А. С. Хомяковъ и его пріятели.

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Свербеевъ, Валуевъ, Пановъ, И. В. Кирѣевскій, Хомяковъ, Елагинъ-отецъ, К. С. Аксаковъ, Шевыревъ, Поповъ, Елагинъ-сынъ, П. В. Кирѣевскій.

Объясненіе приложеннаго рисунка.

А. С. ХОМЯКОВЪ И ЕГО ПРІЯТЕЛИ.

(1845)

Приложенный къ этой книгѣ Русскаго Архива рисунокъ полученъ нами въ геліографическомъ снимкѣ отъ Степана Васильевича Хомякова и воспроизведенъ въ фотографіи Шерера и Набгольца. Онъ сдѣланъ не позже 1845 года, такъ какъ на немъ изображенъ Д. А. Валуевъ, скончавшійся въ концѣ этого года. Это гостиная Алексѣя Андреевича и Авдотьи Петровны Елагиныхъ, о которыхъ читатели наши знаютъ по статьѣ объ А. П. Елагиной, напечатанной въ Русскомъ Архивѣ 1877 года (тетрадь 8-я). Елагины жили въ собственномъ домѣ, за церковью Трехъ Святителей у Красныхъ воротъ. Прекрасный и обширный домъ этотъ (нынѣ принадлежащій г-ну Громову), съ большимъ тѣнистымъ садомъ, находится въ такъ называемомъ „тупикѣ“, т.-е. въ переулкѣ, въ который можно въѣхать только съ одного конца, а другой упирается въ строенія. Это цѣлая усадьба, какихъ въ старину было въ Москвѣ много. Елагины купили ее у Дмитрія Борисовича Мертваго (его Записки въ Р. Архивѣ 1867), и тутъ помѣщалась не только ихъ многолюдная семья, но почти всегда живали родственники и пріятели, какъ напр. поэтъ Языковъ, написавшій къ Елагинымъ прекрасное посланіе, гдѣ говорится о

Республикѣ привольной
У Красныхъ у воротъ.

Теперь нѣтъ уже никого въ живыхъ изъ людей, собиравшихся (обыкновенно по Воскресеньямъ) въ этомъ гостепріимномъ и достопамятномъ домѣ. Душою этихъ собраній бывалъ Хомяковъ, „золоторазсыпчатый“, какъ звалъ его Погодинъ. И дѣйствительно, въ своихъ бесѣдахъ онъ, можно сказать, такъ и сыпалъ сокровищами многосторонняго знанія, мѣткой наблюдательности, высокой поэзіи, политической мудрости, духовнаго отрезвленія. Онъ изображенъ по срединѣ, что-то читающій вслухъ. Влѣво, на диванѣ, съ сигарою въ

рукѣ, недовѣрчиво слушаетъ его Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ († 1875), отмѣнно имъ любимый, не смотря на постоянное несогласіе во мнѣніяхъ. Съ Свербеевымъ рядомъ, но черезъ рѣшетку дивана, незабвенный юноша Дмитрій Александровичъ Валуевъ; а спиною къ зрителю, съ чашкою въ рукѣ, Василій Алексѣевичъ Пановъ. На диванѣ, положивъ правую руку на столъ, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій († 1856). На креслахъ сидитъ хозяинъ дома А. А. Елагинъ († 1846). За нимъ, поднявъ кулакъ, молодой К. С. Аксаковъ († 1860), котораго Хомяковъ въ шутку называлъ „свирѣпымъ агнцемъ". Въ то время онъ еще не примкнулъ окончательно къ Хомяковскому ученію. С. П. Шевыревъ († 1865), прослушавъ рѣчи черезчуръ, по его мнѣнію, вольныя, и опасаясь засидѣться, спѣшитъ домой и встрѣчаетъ входящаго Василья Алексѣевича Елагина († 1879). А. Н. Поповъ, заложивъ руки въ карманы, стоитъ въ обычномъ ему разсудительномъ обособленіи. Любимый бульдогъ Ѳомка тоже какъ будто прислушивается. Послѣднее съ правой стороны лице—Петръ Васильевичъ Кирѣевскій († 1856), собиратель Русскихъ пѣсенъ. Художникъ не безъ умыслу помѣстилъ его и Д. Н. Свербеева съ двухъ краевъ: одинъ—представитель критическаго недовѣрія къ заявляемымъ идеямъ, другой исполненъ твердой вѣры въ ихъ правоту.

*

Вѣчная вамъ память, добрые, честные, истинно-Русскіе люди, незабвенные пробудители нашего народнаго самосознанія! И теперь имена ваши дороги всякому, въ комъ не потухаетъ живой Русскій смыслъ и бьется Русское сердце. Слѣдующія поколѣнія еще полнѣе оцѣнятъ великую заслугу вашу, и въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ не умретъ ваша похвала. П. Б.

ПАМЯТЬ О 1812 ГОДѢ

въ Обсерваторіи Московскаго Университета.

На дворѣ Московской Университетской Обсерваторіи (у такъ называемой Трехгорной заставы) вдѣлана въ стѣну чугунная доска, на которой находится слѣдующая надпись выпуклыми буквами, любезно сообщенная въ Русскій Архивъ профессоромъ Ѳ. А. Бредихинымъ. П. Б.

*

«На этой горкѣ, 1812 года, въ бытность Наполеона съ войсками въ Москвѣ, Московскій фабрикантъ Василій Ивановичъ и сынъ его Иванъ Васильевичъ Прохоровы спасались отъ пламени, объявшаго Москву, и грабежа непріятелей. Во всѣхъ неистовыхъ поступкахъ преимуществовали предъ другими націями Поляки и Италіянцы. Французской же гвардіи полковникъ не допустилъ до разграбленія послѣдній запасъ муки и картофеля, и тѣмъ запасомъ Прохоровы продовольствовались до конца Сентября мѣсяца, выхода своего изъ Москвы въ Зарайскъ, куда его супруга Екатерина Никифоровна, съ сыновьями, Константиномъ и Яковомъ и дочерью Анною В., выѣхала 25-го Августа. Этотъ же добрый Французскій полковникъ, выѣзжая отсюда въ помѣстье Островъ, графини Орловой-Чесменской, заходилъ проститься съ хозяиномъ Василіемъ Ивановичемъ и подарилъ сыну его Ивану В. подзорную трубку. Вѣчная ему память!»

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХЪ СЦЕНЪ.

1812—1814.

Записки князя Николая Борисовича Голицына.

...Et quorum pars *minima* fui *).

Справедливо говорятъ, что воспоминанія молодости услаждаютъ старость, въ особенности когда они относятся къ важнымъ событіямъ исторіи. Но какая эпоха можетъ представить болѣе такихъ событій, чѣмъ краткій промежутокъ времени, который отдѣлилъ лѣто 1812 г. отъ весны 1814? Много вѣковъ потонуло въ прешедшемъ, много потонетъ въ будущемъ, но вѣрно ни въ одномъ изъ нихъ не было и не будетъ двухъ лѣтъ такихъ полныхъ и чудныхъ. Они заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ цѣлую сокровищницу наставленій, открытую для каждаго мыслящаго человѣка, который захочетъ изучить уроки, данные тогда Провидѣніемъ человѣчеству. Счастливый въ моемъ ничтожествѣ сознаніемъ, что я самъ былъ пылинкою въ составѣ огромныхъ орудій, которыми дѣйствовало Провидѣніе для достиженія своей цѣли, я всегда съ неизъяснимымъ удовольствіемъ переношусь мыслію къ тому времени, когда минутныя бѣдствія отечества уступили мѣсто торжествамъ и славѣ, тѣмъ болѣе чистой, что мы великодушно отплатили за покушеніе завоевать насъ освобожденіемъ народовъ, упадавшихъ подъ тягостью владычества ихъ вождя. Александръ былъ достоинъ своего высокаго назначенія: онъ показалъ міру, что въ борьбѣ патріотизма, проникнутаго глубокимъ религіознымъ чувствомъ и довѣріемъ къ правотѣ своего дѣла, съ всемогуществомъ человѣческаго генія, располагающаго безчисленными средствами, побѣда всегда принадлежитъ первому. Такой патріотизмъ одушевлялъ всѣхъ

---

*) Въ чемъ былъ я самымъ малымъ участникомъ.

Русскихъ воиновъ, которые имѣли счастіе участвовать въ незабвенныхъ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, и сообщилъ нашимъ подвигамъ совершенно особливый характеръ; но для полнаго уразумѣнія этого характера необходимо прислушаться къ біеніямъ Русскаго сердца при каждомъ переворотѣ столь занимательной политической драмы, которой театромъ была Европа. Я берусь за перо именно съ намѣреніемъ передать читателямъ впечатлѣнія, возбужденныя во мнѣ достопамятными событіями, которыхъ былъ свидѣтелемъ, et quorum pars *minima* fui. Въ моихъ очеркахъ не должно искать ни ученыхъ стратегическихъ разборовъ, ни картинъ общихъ военныхъ дѣйствій. Другіе съ отличнымъ успѣхомъ совершили этотъ трудъ; я хочу разсказать только то, что̀ видѣлъ подлѣ себя, въ двухъ шагахъ отъ себя—не далѣе; изобразить только тѣ обстоятельства, въ которыхъ принималъ какое-нибудь участіе, обрисовать ихъ физіогномію и дать отчетъ въ чувствахъ, которыя они во мнѣ возбуждали.

Когда вѣсть о вторженіи несмѣтныхъ полчищъ Наполеона разнеслась по Россіи, можно сказать, что одно чувство одушевило всѣ сердца, приверженныя къ царю и отечеству. Нельзя было скрывать отъ себя опасности, которою грозили многочисленныя арміи подъ начальствомъ самаго знаменитаго и опытнаго полководца; передъ нимъ уже со страхомъ пали многія Европейскія державы, и каждый изъ насъ желалъ только принести въ жертву родинѣ свою жизнь и достояніе, предоставляя Богу обратить этотъ порывъ священнаго чувства къ торжеству правосудія. Проникнутый такимъ же чувствованіемъ, я оставилъ деревню, гдѣ жилъ, и поспѣшилъ въ Петербургъ просить о назначеніи себя въ дѣйствующую армію, вовсе не думая о выгодахъ и невыгодахъ, которыя мнѣ предстояли при опредѣленіи въ службу.

Я выѣхалъ изъ этой столицы 12 Іюля. Назначеніе мое было въ главную квартиру второй арміи, которою тогда командовалъ генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ. Въ то время первая армія, подъ начальствомъ генерала Барклая-де-Толли, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ; а вторая, выступивъ изъ своихъ крартиръ въ Волынской губерніи, подвигалась для соединенія съ нею. Такое расположеніе обѣихъ армій поставило меня въ необходимость примкнуть къ первой и слѣдовать за нею до предполагаемаго соединенія. Я сначала направилъ путь на Дриссу, но, узнавъ дорогою, что армія двинулась оттуда къ Витебску, своротилъ на Плоцкъ и нагналъ ее въ то самое время, когда происходила кровавая битва подъ Островнымъ.

Изъ всѣхъ впечатлѣній, поражающихъ неопытнаго молодаго человѣка при вступленіи его на военное поприще, я не думаю, чтобы какое-либо могло сравниться съ тѣмъ, которое ожидало меня при моемъ пріѣздѣ въ главную квартиру. Чтобы не сбиться съ дороги, я ѣхалъ по направленію пушечной пальбы, и первая картина, которая представилась моимъ глазамъ, были раненые, принужденные оставить поле сраженія и искать врачебной помощи. Разрубленные черепы, отрѣзанныя руки и ноги, вопль страждущихъ, смерть грозившая этимъ несчастнымъ, которые за минуту до того были здоровы и не ожидали такой участи, все это такъ меня взволновало, что слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ, и я долженъ былъ удалиться отъ зрѣлища, нестерпимаго для семнадцатилѣтняго юноши. Впослѣдствіи, мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ гораздо ужаснѣйшихъ картинъ разрушенія, но никогда уже не чувствовалъ я того, что̀ ощутилъ въ это время.

Два брата мои служили въ лейбъ-гвардіи конномъ полку; я присоединился къ нимъ до встрѣчи со второю арміею. Жаръ былъ нестерпимый; войска шли день и ночь, отдыхали на привалахъ по два или по три часа и потомъ снова продолжали свой путь. Такимъ образомъ дошли мы до Смоленска, подъ стѣнами котораго явились въ концѣ Іюля. Князь Багратіонъ прибылъ туда еще наканунѣ. Соединеніе Русскихъ армій не могло совершиться съ бо́льшимъ успѣхомъ: одинъ день разницы могъ бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія.

Я тотчасъ явился къ князю Багратіону, который принялъ меня съ особенною ласкою и оставилъ при себѣ на ординарцахъ. Дивизія генерала Невѣровскаго, сбитая превосходными силами изъ-подъ Краснаго, предвѣщала, что Смоленскъ скоро будетъ предметомъ всѣхъ непріятельскихъ усилій. Главнокомандующій Барклай-де-Толли не хотѣлъ, какъ извѣстно, дать генеральнаго страженія; но ему необходимо было удержать на нѣсколько времени за собою Смоленскъ, для того, чтобы армія могла совершить свое дальнѣйшее отступленіе. Это дѣло поручено было генералу Раевскому.

Во время пребыванія нашего въ Смоленскѣ, я былъ свидѣтелемъ одной сцены, о которой упоминаю только для того, чтобы показать, что кромѣ внѣшнихъ враговъ у насъ были еще другіе. Офицеръ, присланный отъ генерала Невѣровскаго съ извѣстіемъ объ его пораженіи, привезъ съ собою шкатулку, сначала разбитую, потомъ запечатанную. Съ нимъ пріѣхали пожилой мужчина въ губернскомъ мундирѣ, съ Аннинскимъ крестомъ на шеѣ, и его семнадцатилѣтній сынъ. Шкатулку отнесли въ кабинетъ главнокомандующаго, а два незнакомца остались съ нами въ пріемной залѣ. Черезъ четверть часа

дверь кабинета отворяется; князь Багратіонъ съ грознымъ видомъ подходитъ къ старшему изъ пріѣзжихъ и, не говоря ни слова, срываетъ съ него Аннинскій крестъ. Они съ воплемъ бросились ему въ ноги; но дѣло кончилось тѣмъ, что князь приказалъ взять ихъ обоихъ подъ стражу. Я не имѣлъ впослѣдствіи случая узнать, чѣмъ рѣшилась участь этихъ несчастныхъ; но это обстоятельство уже тогда убѣдило насъ въ существованіи измѣнниковъ въ провинціяхъ, которыя мы только что оставили.

Подъ Смоленскомъ, 4 и 5 Августа, происходила упорная битва, между тѣмъ какъ обѣ арміи отступали къ Дорогобужу; 6 числа городъ былъ очищенъ, причемъ увезена и икона Смоленской Божіей Матери; а 7 первая армія выдержала жаркое сраженіе у Валутиной Горы. Вторая шла параллельно съ нею въ направленіи къ Вязьмѣ.

Приближаясь къ Гжатску, мы узнали о прибытіи новаго главнокомандующаго, и всѣ съ нетерпѣніемъ стали готовиться къ битвѣ. Кутузовъ чувствовалъ необходимость дать генеральное сраженіе не доходя до Москвы, тѣмъ болѣе, что Французская армія во всякомъ случаѣ должна была претерпѣть большой уронъ, котораго ей невозможно было замѣнить, тогда какъ мы ежедневно усиливались подкрѣпленіями, подходившими со всѣхъ сторонъ государства. Мѣстомъ для битвы было избрано Бородинское поле, въ девяти верстахъ отъ Можайска.

Аріергардныя дѣла съ нѣкотораго времени сдѣлались гораздо упорнѣе. Двадцать четвертаго числа, въ направленіи отъ Колоцкаго монастыря къ деревнѣ Шевардиной, большая часть арміи князя Багратіона вступила въ бой. Битва была кровопролитная и продолжалась до поздней ночи. Мы отбили у непріятеля нѣсколько орудій, уступили ему часть своихъ, но самая кровавая схватка завязалась у деревни Шевардиной. Здѣсь мнѣ представилась ужаснѣйшая картина обоюднаго ожесточенія, какой я не встрѣчалъ послѣ въ продолженіе цѣлой кампаніи. Сражавшіеся баталіоны, Русскіе и Французскіе, съ растянутымъ фронтомъ, раздѣленные только крутымъ, но узкимъ оврагомъ, который не позволялъ имъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, подходили на самое близкое разстояніе, открывали одинъ по другому бѣглый огонь, и продолжали эту убійственную перестрѣлку до тѣхъ поръ, пока смерть не разметала рядовъ съ обѣихъ сторонъ. Еще разительнѣе стало это зрѣлище подъ вечеръ, когда ружейные выстрѣлы сверкали въ темнотѣ какъ молніи, сначала очень густо, потомъ рѣже и рѣже, покуда все утихло по недостатку сражающихся. То было первое дѣйствительно жаркое дѣло, въ которомъ мнѣ случилось участвовать, и я счастливо отдѣлался отъ такой опасности только кон-

тузіею въ лобъ. Вечеромъ поздно, послѣ этой жестокой схватки, я провожалъ князя Багратіона на квартиру, отведенную въ деревнѣ Семеновской; онъ оставилъ меня ужинать съ собою и съ начальникомъ штаба графомъ Сенъ-При. За ужиномъ князь замѣтилъ, что у меня окровавленъ лобъ и, узнавъ причину, желалъ сохранить мнѣ навсегда память этого случая.

Двадцать пятое число прошло въ приготовленіяхъ къ генеральному сраженію. По всей линіи провозили икону Смоленской Божіей Матери; глубокая тишина, которая царствовала повсюду, была предвѣстницею грозы. На другой день, въ пять часовъ утра, перестрѣлка послышалась у лѣваго фланга, который занимала вторая армія, и въ одно мгновеніе распространилась по всей линіи. Раздался громъ двухъ тысячъ пушекъ и двухъ сотъ тысячъ ружей, которыя извергали смерть съ такою адскою быстротою, что всякое спасеніе казалось невозможнымъ. Это заставило князя Багратіона сказать намъ: «Здѣсь и трусъ не найдетъ мѣста!» Въ одиннадцать часовъ, обломокъ гранаты ударилъ нашего возлюбленнаго генерала въ ногу и сбросилъ его съ коня. Здѣсь суждено ему было кончить блистательное военное служеніе, въ продолженіе котораго онъ вышелъ невредимъ изъ пятидесяти битвъ. Его отличные подвиги подъ начальствомъ безсмертнаго Суворова и собственныя распоряженія, когда онъ командовалъ арміями противъ Шведовъ и Турокъ, увѣнчали его заслуженными лаврами. Быстрое и искусное движеніе, которому мы обязаны соединеніемъ Русскихъ армій подъ Смоленскомъ, ставитъ его въ число избавителей Россіи въ 1812 году. Къ сожалѣнію, блистательный успѣхъ этой кампаніи не усладилъ послѣднихъ минутъ князя Багратіона; онъ скончался въ имѣніи моего отца, селѣ Симѣ, Владимирской губерніи, 12 Сентября, въ самое горькое время для сердца, пылавшаго любовью къ отечеству. Прахъ его покоится тамъ понынѣ *). На надгробномъ памятникѣ его можно было написать: Hic cinis, ubique fama (Прахъ здѣсь, слава вездѣ). Когда его ранили, онъ, несмотря на свои страданія, хотѣлъ дождаться послѣдствій скомандованной имъ атаки второй кирасирской дивизіи и собственными глазами удостовѣриться въ ея успѣхѣ; послѣ этого онъ почувствовалъ облегченіе и оставилъ поле битвы. При послѣднемъ прощаньи со мною, онъ, по высочайше предоставленной ему власти, произвелъ меня въ офицерскій чинъ и посовѣтовалъ явиться въ Кіевскій драгунскій полкъ, куда онъ меня опредѣлилъ, потому что чрезвычайно уважалъ храбраго командира

*) Императоръ Николай Павловичъ въ 1839 году приказалъ перенести гробъ Багратіоновъ на Бородинское поле, подъ самый воздвигнутый тамъ памятникъ. П. Б.

этого полка, полковника Эммануеля, о которомъ я часто буду имѣть случай говорить въ продолженіе этихъ очерковъ.

Бородинскаго сраженія никто уже не называетъ проиграннымъ: оно стоило ужаснаго множества людей, и ни одна сторона не пріобрѣла рѣшительнаго перевѣса. Извѣстно, что Французская армія отступила ночью за двѣнадцать верстъ, и что съ нашей стороны было предпринято на другой день наступательное движеніе; но главнокомандующій, получая со всѣхъ сторонъ донесенія о невозможности опредѣлить настоящую убыль и число людей могущихъ быть въ строю, рѣшился отступить.

Сильная боль отъ контузіи, полученной 24 числа въ голову, и усталость принудили меня отправиться въ Москву, куда я прибылъ 31 Августа. Видъ этой величественной столицы въ то время совершенно измѣнился. На улицахъ почти не было экипажей; дворянство и множество жителей другихъ сословій выѣхали изъ города. Люди, которые изрѣдка попадались на встрѣчу, походили на безпріютныхъ сиротъ, ожидающихъ неизбѣжнаго бѣдствія. Стоило только выйти на улицу, въ военномъ мундирѣ, чтобы привлечь къ себѣ толпы любопытныхъ: тотчасъ начинались распросы—идетъ ли непріятель, какъ кончилось Бородинское сраженіе, будетъ ли сраженіе подъ Москвою, бѣжать ли изъ города? Эти вопросы ставили меня въ большое затрудненіе; однако я успокоивалъ тѣхъ, которые собирались оставить столицу, увѣряя ихъ въ невозможности сдачи Москвы непріятелю безъ упорнаго сопротивленія. Признаюсь откровенно, я былъ увѣренъ въ истинѣ моихъ словъ, и никакъ не представлялъ себѣ, чтобы столица Россіи могла быть отдана Французамъ безъ выстрѣла. Я раздѣлялъ это убѣжденіе со всѣми моими сослуживцами, которые не имѣли свѣдѣнія о планѣ, принятомъ военнымъ совѣтомъ въ деревнѣ Филяхъ.

Въ Воскресенье, 1 Сентября, я отправился къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ. Преосвященный Августинъ служилъ въ послѣдній разъ, но никто этого не могъ предвидѣть. Толпа народа наполняла храмъ Божій. На всѣхъ лицахъ изображалась глубокая горесть и вмѣстѣ покорность волѣ Всевышняго. Никогда не видалъ я такого всеобщаго благочестія; всѣ сердца единодушно были расположены къ молитвѣ. Воспоминаніе объ этой достопамятной обѣднѣ не изгладится изъ моей памяти. Преосвященный служилъ съ глубокимъ чувствомъ умиленія, и когда, поднимая взоры къ Небу, онъ трогательнымъ голосомъ произнесъ слова:—«Горѣ имѣемъ сердца», всѣ присутствующіе устремили глаза, омоченные слезами, къ единому Утѣшителю въ скорбяхъ нашихъ. Богъ услышалъ моленія этого собранія вѣрующихъ; Онъ дозво-

лилъ разрушеніе и поруганіе Своего храма для того, чтобы истребить поругателей и возвести его въ новомъ великолѣпіи изъ развалинъ [1]).

На другой день я всталъ рано поутру, сѣлъ на коня и поскакалъ къ Смоленской заставѣ съ намѣреніемъ узнать что-нибудь о дѣйствіяхъ арміи и, въ случаѣ новой битвы, спѣшить къ своему мѣсту, чтобы вмѣстѣ съ другими жертвовать собою за древнюю столицу отечества. Недалеко отъ заставы я встрѣтилъ главнокомандующаго, который со всѣмъ своимъ штабомъ въѣзжалъ въ городъ [2]). Случай былъ превосходный для разрѣшенія моихъ недоразумѣній. Я нашелъ тутъ же роднаго брата моего, незадолго передъ тѣмъ поступившаго въ адъютанты къ генералу Кутузову и, присоединившись къ многочисленной свитѣ, ѣхалъ съ нею черезъ всю Москву, что продолжалось болѣе двухъ часовъ. Всѣ казались углубленными въ размышленія, ничѣмъ непрерываемыя тишина и молчаніе царствовали въ продолженіе нашего таинственнаго шествія, котораго цѣль и направленіе не были никому извѣстны. Изрѣдка встрѣчались толпы жителей, на лицахъ которыхъ выражалось безпокойство. Ихъ вопросы оставались безъ отвѣта. Наконецъ, вдали мелькнули два бѣлые столба. Застава! Но какая? Говорятъ, Коломенская.—Да куда же мы идемъ?—Богъ знаетъ!—Вотъ единственныя восклицанія и вопросы, которые прерывали молчаніе. У этой заставы мы нашли Московскаго военнаго губернатора графа Растопчина; онъ, не слѣзая съ лошади, переговорилъ шопотомъ съ главнокомандующимъ и возвратился въ Москву, которую мы покидали. Здѣсь только открылась намъ истина. Я не изъ числа людей, которые послѣ развязки увѣряютъ, что еще заранѣе предвидѣли послѣдствія сдачи Москвы непріятелю: неизъяснимая горесть сдавила мое сердце, когда сомнѣнія наши исчезли. Могу сказать, что я раздѣлялъ это чувство со всѣми товарищами, которые подобно мнѣ судили по своимъ впечатлѣніямъ и не имѣли дальновидности, увѣнчавшей такимъ блистательнымъ успѣхомъ соображенія генераловъ Голенищева-Кутузова и Барклая-де-Толли. На третій день, когда зарево пылающей

---

[1]) Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ въ этотъ самый храмъ, ограбленный и оскверненный, Наполеонъ приказалъ принести мебелей изъ дворца и, вмѣстѣ съ своими приближенными, смотрѣлъ на наше архіерейское служеніе, которое, по его приказанію, представлялъ несчастный, оставшійся въ Москвѣ монахъ Михаилъ Пылай. (Снегирева, жизнь преосв. Августина). Есть преданіе, что въ алтарѣ Архангельскаго собора мадамъ Оберъ-Шальме, содержательница богатаго магазина въ нынѣшнемъ домѣ Обидина (въ Глинищенскомъ переулкѣ, между Тверской и Большой Дмитровкой) устроила для Наполеона кухню.

[2]) Это было почти что на разсвѣтѣ. Кутузовъ проѣзжалъ Москву не главными улицами, а по Садовой и отъ Покровскихъ воротъ выбрался къ Яузскому мосту, гдѣ его встрѣтилъ Растопчинъ. П. Б.

Москвы озарило насъ своимъ свѣтомъ, слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ. Но скоро сердце мое оживилось; я почувствовалъ внутреннюю отраду при мысли, что, вмѣсто ожидаемыхъ наслажденій и покоя, врагъ найдетъ въ Москвѣ угощеніе, достойное Русскаго народа. Есть минуты въ жизни, которыя оставляютъ по себѣ неизгладимыя впечатлѣнія: я никогда не подъѣзжаю къ Москвѣ безъ внутренняго содроганія отъ мысли о бѣдствіяхъ, которыхъ я былъ очевидцемъ. Этотъ городъ является мнѣ книгою, въ которой я читаю чудесную повѣсть страданій и торжества нашего отечества.

Имѣя намѣреніе отправиться къ своему полку, я освѣдомился объ его назначеніи и узналъ, что полковникъ Эммануель раненъ подъ Бородинымъ и находится въ отсутствіи. Между тѣмъ я представился нашему дивизіонному командиру графу Сиверсу, который предложилъ мнѣ остаться при немъ въ должности адъютанта. Отступивъ верстъ тридцать по Коломенской дорогѣ, мы поворотили проселкомъ на городъ Подольскъ. Пятнадцатаго числа, подъ селеніемъ Красною Пахрою мы имѣли кавалерійскую стычку съ непріятелемъ; день спустя, завязалось аріергардное дѣло при селѣ Чириковѣ. Въ тотъ же день мы прошли черезъ Вороново, богатое помѣстье графа Растопчина, гдѣ этотъ великій гражданинъ, вполнѣ достойный своей славы, предалъ огню свой собственный домъ, осуществляя въ маломъ видѣ мысль, которая превратила нашу древнюю столицу въ груду пепла и развалинъ. Не доходя до Тарутина, 22 Сентября мы опять имѣли аріергардное дѣло; но можно было замѣтить, что непріятель не предполагалъ найти здѣсь главныя наши силы, потому что онъ прекратилъ преслѣдованіе. Къ тому жъ занятіе Москвы, отъ котораго Наполеонъ ожидалъ конца войны, ослабило его обыкновенную дѣятельность: онъ былъ увѣренъ, что мы первые вступимъ въ переговоры, и почиталъ второстепеннымъ дѣломъ распоряженія, нужныя для дальнѣйшаго хода кампаніи. Такимъ образомъ онъ упустилъ насъ изъ виду; между тѣмъ Кутузовъ, пожалованный за Бородинское сраженіе въ фельдмаршалы, укрѣплялъ Тарутинское мѣстоположеніе и сосредоточивалъ на этомъ пунктѣ всѣ свои силы. Эта позиція была выгодна тѣмъ, что прикрывала наши южныя губерніи и давала намъ возможность ударить непріятелю во флангъ или въ тылъ, куда бы онъ ни направилъ свои дальнѣйшія дѣйствія. Мы простояли здѣсь въ совершенномъ бездѣйствіи отъ 22 Сентября до 5 Октября. Можно себѣ представить, что, въ продолженіе длинныхъ осеннихъ вечеровъ, единственными предметами разговоровъ въ нашихъ товарищескихъ бесѣдахъ были Россія и послѣдствія будущихъ военныхъ дѣйствій. Каждый, какъ обыкновенно водится, разсуждалъ по своему; но уныніе, овладѣвшее всѣми послѣ

сдачи Москвы, очевидно уступало мѣсто надеждѣ, особливо когда мы удостовѣрились, что ни въ какомъ случаѣ миръ не будетъ заключенъ въ предѣлахъ нашего отечества. Часъ, назначенный Провидѣніемъ для нашего торжества, приближался: съ 6 Октября начинается для Французовъ рядъ безпрерывныхъ неудачъ и пораженій, которыя черезъ три года приковали гордаго завоевателя къ скаламъ Св. Елены.

Я долженъ сказать мимоходомъ, что, при вступленіи въ Тарутинскій лагерь, корпусный командиръ, графъ Остерманъ-Толстой, потребовалъ меня къ себѣ для исполненія при немъ должности адъютанта. Въ этомъ качествѣ я присутствовалъ при остальныхъ событіяхъ 1812 года. Фельдмаршалъ Кутузовъ, получивъ достовѣрное извѣстіе, что Французская конница и многочисленный корпусъ подъ предводительствомъ Неаполитанскаго короля сосредоточились у деревни Винковой, передъ нашею позиціею нѣсколько вправо, рѣшился возобновить военныя дѣйствія. Вечеромъ, 5 Октября, мы выступили изъ Тарутина и, сдѣлавъ ночной переходъ, на разсвѣтѣ очутились передъ Французами, которыхъ наше неожиданное появленіе привело въ замѣшательство. Послѣдовало Тарутинское дѣло. Черезъ недѣлю мы уже были подъ стѣнами Малоярославца. Наполеонъ употребилъ послѣднія усилія: Малоярославецъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но къ вечеру наша армія успѣла построиться позади города. Ночь прекратила сраженіе. На другой день, 13 Октября, мы заняли выгодную позицію въ увѣренности, что непріятель возобновитъ атаку. Удивленіе наше было чрезвычайно, когда мы узнали, что Наполеонъ рѣшился отступить и направилъ свой путь на Смоленскую дорогу, столько разъ опустошенную. Часъ освобожденія насталъ: сердца наши исполнились радости и надеждъ. «Великъ Русскій Богъ!» восклицали мы въ восторгѣ. Всякій, кто носитъ военный мундиръ и любитъ свою родину, пойметъ наши страданія при видѣ бѣдствій Россіи; но въ эту минуту, когда надежда побѣды и освобожденія превратилась въ увѣренность, мы всѣ ожили сердцемъ. По вступленіи въ Малоярославецъ, желая воздать Богу благодарное молебствіе за избавленіе отечества отъ опасности и за явное его покровительство, я поспѣшилъ къ тамошнему собору. Но какъ выразить чувство крайняго негодованія, когда, приготовивъ умъ и сердце къ молитвѣ, спѣша въ церковь съ мыслію о благости Всевышняго, я прочиталъ на дверяхъ его храма надпись—Écuries du général Guilleminot! *) Я заглянулъ въ церковь и увидѣлъ, что гнусная надпись не обманывала. Я долго не

---

*) Конюшни генерала Гильеминó.

могъ опомниться отъ волненія, произведеннаго во мнѣ этимъ поруганіемъ святыни. Въ то время я вполнѣ понялъ и испыталъ жажду мщенія. Впрочемъ, это горестное зрѣлище возобновлялось потомъ при каждой церкви, мимо которой проходилъ непріятель.

Для предупрежденія непріятеля на большой Смоленской дорогѣ, намъ предписано было идти на Вязьму, черезъ городъ Медынь. Удивительно, что Наполеонъ не избралъ этой дороги, кратчайшей и неразоренной. Октября 22 мы явились въ четырехъ верстахъ отъ Вязьмы. Корпусъ генерала Милорадовича сильно тѣснилъ Французскаго маршала Даву; мы ударили ему во флангъ и довершили его пораженіе. Вечеромъ мы заняли Вязьму, объятую пламенемъ. Непріятель набросалъ гранатъ въ дома; ихъ трескъ былъ слышенъ во всѣхъ частяхъ города, въ продолженіе цѣлой ночи. Здѣсь представляется одно замѣчательное обстоятельство, которое ясно показываетъ, что перстъ Божій назначилъ Французскую армію къ истребленію. Сраженіе подъ Вязьмою происходило 22 Октября, въ прекрасную теплую погоду, при яркомъ солнцѣ. Мы даже досадовали, что такое благопріятное время дозволитъ Наполеону уйти отъ Русскихъ морозовъ. Но въ ночи того же самаго числа, вдругъ поднялась сильная мятель, и морозъ въ восемнадцать градусовъ (у моего генерала, графа Остермана, былъ термометръ) неожиданно установилъ жестокую зиму, которая послѣ того не прекращалась. Мы продолжали преслѣдованіе, при которомъ безпрестанно встрѣчали ужаснѣйшія картины смерти. На каждомъ шагу намъ попадались несчастные, остолбенѣвшіе отъ холода; они сначала шатались какъ пьяные, потому что морозъ добирался до мозга, и потомъ падали мертвые. Другіе сидѣли около огня въ страшномъ оцѣпенѣніи, не замѣчая, что ихъ ноги, которыя они хотѣли отогрѣть, превратились въ уголь. Многіе съ жадностью ѣли сырую падалину. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, дотащившись до мертваго тѣла, терзали его зубами и старались утолить этою отвратительною пищею голодъ, который ихъ мучилъ. Мы не могли подать помощи этимъ несчастнымъ, потому что сами имѣли нужду въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, идучи по дорогѣ, опустошаемой каждый день съ начала кампаніи. Я цѣлую недѣлю довольствовался простыми сухарями и хлѣбною водкою, которая нечаянно случилась у маркитанта: мой генералъ никогда не держалъ у себя стола во время похода. Ночь 26 Октября была для меня самая ужасная. Мы цѣлый день дрались подъ Дорогобужемъ, вытѣснили непріятеля изъ занятаго имъ укрѣпленія и отбили многихъ нашихъ плѣнныхъ въ томъ числѣ конной гвардіи полковника Соковнина и поручика князя Петра Голицына; а на ночь я расположился на бивакахъ, въ снѣгу, въ двадцать шесть

градусовъ мороза, при сильномъ вѣтрѣ, безъ соломы, безъ дровъ и безъ пищи. У меня не было даже теплой одежды, потому что, находясь всегда въ передовыхъ войскахъ, я не имѣлъ даже возможности запастись вещами нужными для зимы. Труды этой кампаніи разстроили мое здоровье и оставили въ немъ слѣды, которые не исчезли до сихъ поръ. Но кто могъ жаловаться на свои страданія при видѣ страданій Французской арміи! Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ былъ причиною, что, не доходя до Смоленска, насъ поворотили въ Кобызёво, проселочною дорогою, по которой мы продолжали путь безъ важныхъ происшествій. Однако въ это время мнѣ случалось дѣлать такія утомительныя поѣздки по приказанію моего генерала, что однажды я проскакалъ около восьмидесяти верстъ верхомъ на одной и той же лошади и наконецъ заѣхалъ въ глубокій снѣгъ, откуда не могъ уже ея вытащить. Я былъ одинъ, въ необозримой снѣжной пустынѣ. Къ счастію моему, отставшій фургонъ изъ главной квартиры заблудившись, проѣзжалъ этимъ мѣстомъ, и вывелъ, меня изъ ужаснаго положенія, гдѣ мнѣ оставалось только замерзнуть.

Нашъ корпусъ не участвовалъ въ прочихъ событіяхъ кампаніи 1812 года. Фельдмаршалъ, желая дать арміи время успокоиться послѣ такихъ великихъ трудовъ, предоставилъ адмиралу Чичагову и графу Витгенштейну довершать пораженіе непріятеля при переходѣ черезъ Березину. Но это не входитъ въ составъ моего повѣствованія: я не былъ въ Березинскомъ дѣлѣ. Проводивъ армію до Минской губерніи и удостовѣрившись, что намъ уже не будетъ случая пріобрѣсти славы, я отпросился въ отпускъ въ Москву, куда вступилъ мой отецъ съ ополченіемъ Владимирской губерніи, которымъ онъ командовалъ. Я ѣхалъ въ Москву по той же усѣянной трупами дорогѣ, черезъ Смоленскъ, опустошенный пожарами и взрывомъ укрѣпленій, черезъ Дорогобужъ, Вязьму, Гжатскъ и Можайскъ. Каждый шагъ по, этой огромной могилѣ возобновлялъ во мнѣ воспоминанія, еще свѣжія и живыя. Вездѣ встрѣчалъ я тысячи подводъ, нагруженныхъ мертвыми тѣлами къ сожженію. Это горестное зрѣлище подавало поводъ къ размышленіямъ, не слишкомъ выгоднымъ для чести человѣческаго рода.

Я пріѣхалъ въ Москву 4 Декабря. Но Москва ли это была? Деревянные дома, которыхъ было такъ много, исчезли; на мѣстѣ ихъ торчали высокія, голыя трубы. Каменныя строенія превращены въ безобразныя, закоптѣлыя стѣны; Кремль взорванъ, церкви сожжены, или разграблены и осквернены. Въ такомъ видѣ предстала глазамъ моимъ Москва-Бѣлокаменная въ Декабрѣ 1812 года. Но мы должны благословлять Провидѣніе: Оно устроило все къ лучшему; изъ развалинъ Москвы Россія возникла могущественнѣе всѣхъ державъ Евро-

пейскихъ. Эта мысль руководила и императора Александра, когда онъ избралъ для медали, выбитой въ память кампаніи 1812 года, надпись, которая была лозунгомъ всей отечественной войны: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему!»

Я узналъ въ Москвѣ объ изгнаніи изъ Россіи послѣднихъ остатковъ Французской арміи, уцѣлѣвшихъ отъ общаго истребленія: этотъ результатъ давно уже предвидѣли. Но переправа Наполеона черезъ Березину не удовлетворила нашихъ ожиданій.

Кампанія 1813 года не могла открыться прежде весны, слѣдовательно у меня было довольно времени. Но такъ какъ я рѣшился ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ только до границы, а оттуда продолжать путь на своихъ, то я оставилъ Москву около половины Февраля съ намѣреніемъ явиться прямо въ свой полкъ. Для этого я поѣхалъ на Бѣлостокъ, Варшаву и Дрезденъ. Перемѣны, совершенныя успѣхами нашего оружія, казались мнѣ сновидѣніемъ. Въ шесть мѣсяцевъ мы перешли изъ затруднительнаго положенія, которому я никакъ не могъ предвидѣть такой скорой и блистательной развязки, въ самое сердце Германіи. Съ какимъ уваженіемъ и даже восторгомъ, принимали тогда Русскихъ офицеровъ жители этой Германіи, которые послѣ долгаго угнетенія подъ игомъ Наполеона видѣли въ насъ будущихъ избавителей и людей, показавшихъ первый примѣръ сопротивленія непобѣдимому. Впрочемъ должно отдать справедливость побѣдителямъ: они были достойны такого лестнаго пріема; въ нихъ вовсе не было того хвастовства, которое даже извинительно послѣ подобныхъ торжествъ; Русскій офицеръ и солдатъ умѣютъ воздавать Богу то, что̀ принадлежитъ Богу, и Кесарю то, что̀ принадлежитъ Кесарю.

Узнавъ въ Дрезденѣ, что Кіевскій драгунскій полкъ, въ которомъ я служилъ, стоитъ въ Цвикау, Саксонскомъ городѣ, лежащемъ за четырнадцать миль, я прямо туда отправился и явился къ моему начальнику, генералъ-майору Эммануелю, который принялъ меня чрезвычайно ласково и предложилъ остаться при немъ. Я не могъ пожелать ничего лучшаго, и почиталъ счастіемъ учиться военному дѣлу подъ руководствомъ такого опытнаго наставника. Я поспѣлъ къ самому началу военныхъ дѣйствій: черезъ нѣсколько дней произошла Люценская битва, которая не имѣла для нашего отряда никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ отступленія къ Дрездену, куда шла вся Прусско-Россійская армія.

Для яснѣйшаго уразумѣнія событій необходимо бросить взглядъ назадъ. Наполеонъ, избѣгнувъ участи, которая ожидала его при переправѣ черезъ Березину и видя, что его присутствіе болѣе не нуж-

но для погибающей арміи, оставилъ ее на произволъ бѣдственной судьбы и поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы употребить всѣ средства для образованія войска и отразить наши покушенія, неизбѣжныя послѣ тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые мы получили. Его дѣятельность и снисходительность Сената, который по его волѣ издавалъ законы о наборѣ нужнаго числа конскриптовъ, создали въ непродолжительное время новую армію, впрочемъ бѣдную конницей: кавалериста труднѣе выправить чѣмъ пѣхотинца; притомъ же легче было замѣнить выбывшихъ изъ строя людей, нежели лошадей. Зима съ 1812 на 1813 г. была употреблена на образованіе и сосредоточеніе новой арміи; въ Апрѣлѣ она уже была готова къ выступленію въ походъ подъ личнымъ предводительствомъ своего императора. Въ это время Пруссія присоединилась къ Россіи для общихъ усилій въ войнѣ противъ честолюбія одного человѣка. Начало кампаніи, ознаменованное сраженіемъ при Люценѣ, послѣ котораго послѣдовало отступленіе союзныхъ войскъ къ Дрездену, должно было сообщить болѣе увѣренности въ самихъ себѣ Французскимъ конскриптамъ и возвысить надежды Наполеона: онъ снова видѣлъ себя побѣдителемъ и начальникомъ арміи, созданной какъ бы волшебствомъ.

Вмѣстѣ съ приказаніемъ ретироваться на Дрезденъ, генералу Эммануелю дано было порученіе прикрывать съ своимъ отрядомъ переправу войскъ, которыя должны были переходить черезъ Эльбу по лодочному мосту, составленному нарочно для этой цѣли нѣсколько повыше города. По ту сторону Дрездена, внизъ по теченію, былъ устроенъ такой же мостъ. Непріятель направилъ всѣ свои усилія на этотъ послѣдній пунктъ для овладѣнія переправою. Наша позиція съ лѣвой стороны была очень крѣпка, и оттого Французы не слишкомъ на нее нападали; но здѣсь случилось одно замѣчательное происшествіе, которое представляетъ такое странное соединеніе счастія съ несчастіемъ, что я не могу устоять противъ желанія передать его читателямъ. Я думаю, что въ лѣтописяхъ войны нельзя встрѣтить другаго столь же необыкновеннаго событія.

Когда войска перешли черезъ мостъ, котораго защита была намъ ввѣрена, на той сторонѣ рѣки остался еще баталіонъ Шлиссельбургскаго полка въ редутѣ, служившемъ къ прикрытію переправы. Въ то самое время какъ я отвезъ ему приказъ оставить укрѣпленіе, штабъ-офицеръ, который по должности своей обязанъ былъ разрушить переправу по прекращеніи въ ней надобности, обратился къ генералу Эммануелю и просилъ разрѣшенія подрубить канаты и зажечь мостъ. Баталіонъ Шлиссельбургскаго полка, вышедши изъ редута, вступалъ въ это мгновеніе на доски. Генералъ сдѣлалъ замѣча-

ніе, что на мосту находится еще цѣлый баталіонъ; но офицеръ отвѣчалъ, что онъ успѣетъ перейти, пока будутъ зажигать, и отдалъ приказаніе приступить къ дѣлу. Пусть себѣ представятъ зрѣлище, которое вдругъ явилось нашимъ взорамъ. Я не въ состояніи выразить нашего ужаса! Какъ скоро по зажженіи канаты были подрублены, сила теченія Эльбы привела плашкоуты въ безпорядокъ, доски переломались и разошлись сами собою, огонь мигомъ охватилъ горючія вещества, расположенныя вдоль по мосту, и баталіонъ Шлиссельбургскаго полка былъ окруженъ пламенемъ. Положеніе несчастныхъ воиновъ, осужденныхъ на неминуемую погибель отъ огня или воды, было тѣмъ ужаснѣе, что никакъ нельзя было подать имъ помощи. Спасеніе казалось невозможнымъ; но чего не можетъ совершить Богъ тамъ, гдѣ силы человѣка ничтожны? Въ этой роковой крайности одинъ солдатъ, болѣе другихъ предпріимчивый, бросается съ моста въ воду, не оставляя ни ружья, ни сумки. Всѣ думали, что онъ исчезнетъ въ волнахъ, но къ общему удивленію вода дошла ему только до плечъ. Неужели на этомъ самомъ мѣстѣ Эльбы, столь быстрой и глубокой, есть бродъ? Видъ солдата, который шелъ въ водѣ и безпрепятственно приближался къ берегу, перемѣнилъ вопли ужаса въ радостныя восклицанія. Въ одно мгновеніе цѣлый баталіонъ бросился въ рѣку, и мы имѣли счастіе быть свидѣтелями его спасенія: не только люди, но и самая аммуниція уцѣлѣли вся безъ исключенія. Чѣмъ болѣе я размышляю объ обстоятельствахъ этого происшествія, тѣмъ болѣе желаю уподобить его тому чуду, силою котораго волны Чермнаго моря разверзлись нѣкогда для избраннаго народа. Даже окрестные жители не знали, что въ этомъ мѣстѣ есть бродъ; піонеры, которые наводили мостъ, никакъ не подозрѣвали его существованія; имъ однакожъ нельзя было бы не замѣтить его, еслибъ онъ прежде находился здѣсь подъ ихъ ногами. Для чего было наводить мостъ тамъ, гдѣ въ немъ не предстояло никакой надобности, гдѣ можно переходить въ бродъ, и гдѣ само разрушеніе устроенной переправы не остановило бы непріятеля, преслѣдующаго насъ въ случаѣ отступленія? Сверхъ того, это было весною, когда снѣга, тающіе на горахъ Саксонской Швейцаріи и Богеміи, подымаютъ воду во всѣхъ рѣкахъ, и особенно въ Эльбѣ. Въ другія времена года дѣти должны были бы переходить безопасно въ этомъ мѣстѣ. Пусть толкуютъ чудесное спасеніе нашихъ товарищей какъ хотятъ; все-таки, по крайней мѣрѣ для меня, въ этомъ происшествіи таится что-то сверхъестественное, чего я не могу объяснить себѣ безъ предположенія особенной милости Божіей. Я сожалѣю, что мнѣ не удалось узнать впослѣдствіи, существуетъ ли этотъ бродъ по сю пору, или исчезъ послѣ нашего пере-

хода, какъ явился неожиданно для сохраненія горсти храбрыхъ защитниковъ праваго дѣла и для одушевленія остальныхъ упованіемъ на помощь Неба.

Послѣ этого событія, которое глубоко насъ поразило, мы продолжали отступать къ Бишофсвердену. Дорóгою генералъ Эммануель замѣтилъ мнѣ, что въ военномъ дѣлѣ нельзя имѣть слишкомъ много опытности, и что излишнее довѣріе къ другимъ можетъ быть источникомъ событій, самыхъ непредвидимыхъ и самыхъ гибельныхъ по своимъ слѣдствіямъ. На другой день генералъ получилъ приказаніе образовать летучій отрядъ и идти съ нимъ къ горной цѣпи, замыкающей равнину, которая простирается отъ Дрездена до Силезіи. Съ высоты этихъ горъ мы должны были наблюдать за движеніями непріятеля и каждый день доносить главнокомандующему. Назначеніе было очень важно, потому что оно ставило нашъ отрядъ съ боку Французской арміи и давало намъ возможность слѣдить за малѣйшими ея дѣйствіями. Недостатокъ кавалеріи не позволялъ непріятелю дѣлать рекогносцировку на своемъ правомъ флангѣ и открыть новыхъ аргусовъ, которые были отъ него такъ близко. Мы продолжали наблюденія до самой Бауценской битвы; но присутствіе наше въ горахъ не могло вовсе остаться неизвѣстнымъ, и Французы выслали отрядъ, которому поручено было принудить насъ къ отступленію. Мы имѣли съ нимъ жаркія схватки 29 Апрѣля при Вессигѣ, 30-го при Этолпенѣ, 6 и 7 Мая подъ Нейкирхеномъ. Несмотря на эти встрѣчи, цѣль наша была достигнута: мы собирали достовѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ Французской арміи и доставляли ихъ въ главную квартиру. 8 и 9 произошло сраженіе на поляхъ Бауценскихъ, и нашему отряду удалось сдѣлать счастливую диверсію противъ праваго непріятельскаго фланга, которая содѣйствовала къ уничтоженію его усилій съ этой стороны. Во время нахожденія моего въ летучемъ отрядѣ, я неоднократно имѣлъ случай удивляться вѣрности взгляда и воинской смѣтливости генерала Эммануеля *). Съ возвышеній, которыя мы занимали, можно было обозрѣть всю обширную долину, покрытую Французскими войсками. Ни одно ихъ движеніе не избѣгало отъ нашего начальника: онъ не выпускалъ изъ рукъ зрительной трубы и ни разу не ошибся въ предположеніяхъ своихъ относительно цѣли переходовъ. Гонцы отправлялись по нѣскольку разъ въ день въ главную квартиру съ подробными донесеніями о томъ, чтó происходило у непріятеля. Генералъ Довре, въ то время начальникъ штаба арміи, говорилъ мнѣ

---

*) Князь Н. Б. Голицынъ издалъ впослѣдствіи отдѣльною книгою біографію своего начальника, съ портретомъ.

впослѣдствіи, что свѣдѣнія, доставленныя нами, принесли великую пользу. Такимъ образомъ мы шли съ боку Наполеоновой арміи до Силезіи.

Провидѣнію, безъ сомнѣнія, было угодно ослѣпить Наполеона на счетъ опасности его положенія: Оно дозволило ему пожать новые лавры, и битва при Бауценѣ заставила нѣсколько времени думать, что звѣзда его, затмившаяся въ кампаніи 1812 года, взойдетъ съ новымъ блескомъ въ 1813. Союзники отступили черезъ Рейхенбахъ, Гёрлицъ на Силезію, гдѣ мы узнали, что идутъ переговоры о заключеніи перемирія. Офиціальное извѣстіе пришло къ намъ между Стригау и Яцеромъ. Отряду генерала Эммануеля поручено было охранять передовыя линіи, такъ что мы не воспользовались даже тѣми удобствами, которыя имѣла цѣлая армія, расположенная на хорошихъ квартирахъ. Намъ пришлось стоять на бивакахъ, на пограничной чертѣ, въ продолженіе всего перемирія.

Мы находились въ странѣ, богатой превосходными мѣстоположеніями, и притомъ въ самое лучшее время года. Съ согласія моего генерала, я сдѣлалъ небольшое путешествіе къ Исполинскимъ Горамъ, Riesen-Gebierge, которыхъ тишина и романтическіе виды внушали задумчивость и поражали меня разительной противоположностью съ бурнымъ образомъ нашей военной жизни. Я посѣтилъ Гиршбергъ, Грейфенбергъ, Швейдницъ, Гланецъ, Рейхенбахъ и проѣхалъ даже до Ландекскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ въ то время были Ихъ Величества Императоръ Александръ и король Прусскій. Множество офицеровъ всѣхъ чиновъ пріумножили блистательное общество, собравшееся на водахъ. Мы сходились всякій вечеръ въ танцовальной залѣ. На одномъ изъ этихъ вечеровъ я имѣлъ счастіе въ первый разъ видѣть юную принцессу, дочь Его Величества Прусскаго короля, нынѣшнюю Императрицу Всероссійскую. Она ослѣпляла своей красотою. Императоръ Александръ сдѣлалъ съ ней нѣсколько круговъ вальса. Тайное предчувствіе говорило намъ, что родственный союзъ царствующихъ домовъ Россіи и Пруссіи скрѣпитъ связи, соединявшія въ то время двѣ великія державы. Я имѣлъ счастіе, наравнѣ съ прочими Русскими офицерами, обратить на себя вниманіе его величества короля Прусскаго, который нѣсколько разъ удостоивалъ меня своего разговора и спрашивалъ объ участіи, какое я принималъ въ войнѣ 1812 года и въ новой кампаніи, прерванной перемиріемъ.

Эта прогулка по веселой и прекрасной Силезіи будетъ всегда въ числѣ моихъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Но труба войны уже призывала насъ къ новымъ битвамъ, и я поспѣшилъ къ своему храброму и достойному начальнику. Между тѣмъ, послѣ прекращенія пе-

реговоровъ въ Прагѣ, Австрія положила на вѣсы свое могущественное содѣйствіе. Такимъ образомъ всѣ народы, желавшіе свергнуть съ себя иго Наполеона, соединялись съ Русскими.

Когда срокъ перемирія кончился, мы перешли черезъ обширную черту, и первая наша встрѣча съ непріятелемъ была при Цобтенѣ на р. Бобрѣ, 7 Августа. Сраженіе нашего авангарда съ корпусомъ Макдональда принадлежитъ къ числу самыхъ упорныхъ дѣлъ, въ которыхъ мнѣ случилось находиться. (Я забылъ упомянуть, что со времени возобновленія военныхъ дѣйствій нашъ отрядъ составлялъ авангардъ корпуса графа Ланжерона, котораго войска принадлежали къ Силезской арміи, бывшей подъ командою Блюхера). Послѣ Цобтенскаго дѣла мы приблизились къ главнымъ силамъ союзной арміи, которыя оставались въ значительномъ разстояніи назади; для этой цѣли мы отступили къ Гольдбергу, гдѣ имѣли 11 Августа жаркую схватку съ непріятелемъ, который и здѣсь, какъ при Цобтенѣ, превосходилъ насъ числомъ. Но день генеральной битвы былъ близокъ, и мы снова отретировались къ Кацбаху, рѣчкѣ, которая сходитъ съ горъ и омываетъ долину того же имени. Съ самаго возобновленія войны погода дѣлалась часъ отъ часу хуже; дождь лилъ не переставая, мы всѣ были промочены до костей, но сушиться было некогда. Отъ 7 до 14 Августа всѣ усилія непріятеля были исключительно направлены противъ нашего аріергарда, состоявшаго изъ двухъ полковъ егерей, трехъ полковъ кавалеріи и двѣнадцати пушекъ. Эти войска, въ особенности пѣхота, были чрезвычайно утомлены не столько переходами, сколько отъ дурной погоды, при которой они безпрерывно должны были отражать превосходныя силы непріятеля. Въ такомъ состояніи находились они 14 Августа. На разсвѣтѣ этого дня, несмотря на дождь, который шелъ сильнѣе обыкновеннаго, мы завязали съ непріятелемъ дѣло, превратившееся къ вечеру въ общее сраженіе. Отступая понемногу, мы довели Французовъ до самыхъ линій Силезской арміи, состоявшей изъ корпусовъ Іорка, Ланжерона и Сакена, и расположенной на Кацбахской равнинѣ. Нашъ отрядъ занималъ крайнюю оконечность лѣваго крыла, которая прислонена была къ горѣ, покрытой лѣсомъ. Перемокшія ружья отказались служить союзникамъ; вся честь битвы принадлежала пушкамъ и холодному оружію. Кавалерія генерала Васильчикова разбивала цѣлыя карре на правомъ крылѣ и отняла у непріятеля сто орудій. Но положеніе лѣваго становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Я уже сказалъ, что защита этого важнаго пункта была ввѣрена войскамъ аріергарда, измученнымъ усталостью и битвами, которыя они выдержали въ теченіе недѣли. Къ вечеру Французы повели съ этой стороны атаку съ такою стремительностью, что наша

пѣхота пришла въ замѣшательство и подалась назадъ. Все зависѣло отъ одного рѣшительнаго мгновенія; непріятель, овладѣвъ холмами, которые съ лѣвой стороны господствовали надъ всею нашею позиціею, могъ поставить на нихъ батареи, стрѣлять вдоль нашей линіи и принудить ее къ отступленію, несмотря на успѣхи праваго крыла. Надобно было удержать эти холмы за нами, чего бы то ни стоило. Не имѣя ни подкрѣпленій, ни резервовъ, генералъ Эммануель замѣнилъ ихъ своимъ мужествомъ и рѣшительностью. Онъ приказалъ Украинскому казацкому полку, подъ начальствомъ князя Щербатова, занять лѣсъ позади нашей пѣхоты и рубить всякаго пѣхотинца, который покусится пробираться сквозь эту цѣпь. Въ тоже время, съ своими офицерами, бросается онъ долой съ коня, собираетъ утомленныхъ стрѣлковъ, ободряетъ своимъ примѣромъ войска, при крикахъ «ура» стремительно атакуетъ непріятеля въ штыки и принуждаетъ его къ отступленію. Надобно было видѣть этотъ прекрасный подвигъ для того, чтобы судить объ его чудесномъ дѣйствіи и о вліяніи, какое имѣлъ на солдатъ примѣръ начальника. При этомъ случаѣ подо мною была убита лошадь. Наконецъ, усилія наши увѣнчались успѣхомъ; но критическое положеніе лѣваго фланга союзной арміи въ самую рѣшительную минуту битвы и способъ, которымъ оно было исправлено, остались неизвѣстными, потому что генералъ Эммануель соединялъ съ мужествомъ скромность, дѣлалъ свое дѣло и не хвасталъ.

Принужденная къ отступленію, Французская армія съ трудомъ могла совершить его въ порядкѣ, по причинѣ разлива рѣчки, поднятой безпрерывными дождями. Это обстоятельство доставило намъ на другой день новый успѣхъ при Пильграмсдорфѣ, гдѣ Кіевскій драгунскій полкъ отбилъ у непріятеля семь орудій. Я долженъ здѣсь принести дань уваженія памяти полковника Парадовскаго, командира Финляндскаго драгунскаго полка, одного изъ храбрыхъ, падшихъ на поляхъ Кацбаха. Казалось, само Небо остерегало этого неустрашимаго офицера отъ участи, которая его ожидала. Въ Цобтенскомъ дѣлѣ ядро упало у самыхъ ногъ его и совершенно покрыло его землею; при Гольдбергѣ надъ головою его лопнула граната, которая сильно его оконтузила и обезобразила. Въ Кацбахскомъ сраженіи ядро оторвало у него голову. Миръ его славному праху!

Отступленіе Французской арміи становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ отъ разлива рѣкъ и дурнаго состоянія дорогъ, испорченныхъ дождями. Переправа ея черезъ Бобръ обѣщала намъ новую побѣду. Въ самомъ дѣлѣ, 17 Августа нашъ авангардъ, въ соединеніи съ восемнадцатою дивизіею князя Щербатова, заставилъ Французскую дивизію генерала Пюто положить оружіе и уступить намъ всю свою

артиллерію и обозъ. Мы продолжали преслѣдованіе до Рейхенбаха, но здѣсь непріятель началъ вдругъ дѣйствовать наступательно. Это служило признакомъ присутствія Наполеона, который, негодуя на Кацбахское пораженіе, спѣшилъ лично сразиться съ нами. Уничтоженіе корпуса Вандама при Кульмѣ случилось въ это самое время и принудило его возвратиться снова туда, гдѣ его дѣла настоятельно требовали его присутствія.

Я много пострадалъ отъ дурной погоды и, наконецъ, заболѣлъ лихорадкою, которая заставила меня отказаться на нѣсколько времени отъ участія въ трудахъ моихъ сослуживцевъ. Получивъ позволеніе остаться для поправленія здоровья, я поселился до совершеннаго выздоровленія въ Яурѣ, небольшомъ Силезскомъ городѣ. Горячка удержала меня въ постели цѣлый мѣсяцъ. Оправившись отъ недуга и предвидя великія событія, я поспѣшилъ возвратиться къ моему мѣсту, но по невозможности пробраться черезъ Дрезденъ, занятый непріятелемъ, долженъ былъ сдѣлать большой объѣздъ на Высшую Лузацію. Къ величайшей досадѣ, я прибылъ въ армію въ ночь, которая послѣдовала за знаменитою Лейпцигскою битвою; однако я успѣлъ еще принять участіе въ подвигѣ, безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ войны и котораго вся честь принадлежитъ генералу Эммануелю.

Въ качествѣ начальника авангарда, генералъ нашъ имѣлъ обыкновеніе лично обозрѣвать положеніе непріятеля. На другой день послѣ Лейпцигскаго сраженія, онъ, исполняя эту добровольную обязанность, отправился за аванпосты, имѣя при себѣ только капитана Кнобеля, поручика Зельмица, меня и восемь кавалеристовъ для прикрытія. Мы проѣхали вдоль по берегамъ Эльстера, сколько было нужно нашему начальнику для его наблюденій, и уже поворотили назадъ, когда замѣтили двухъ человѣкъ, которые старались пробраться на противоположный берегъ по обломкамъ разрушеннаго моста, состоящаго изъ поперечныхъ перекладинъ; одинъ изъ нихъ старался провести съ собою лошадь, которая поскользнулась, упала и исчезла въ волнахъ. Генералъ Эммануель подскакалъ къ мосту и угрозами принудилъ незнакомцевъ перейти снова на нашу сторону и сдаться. Одинъ изъ плѣнниковъ разстегнулъ шинель, показалъ намъ свои знаки отличія и объявилъ, что онъ генералъ Лористонъ. Мы поскорѣе взяли его съ собою. Недалеко оттуда намъ представилась довольно широкая улица Лейпцигскаго предмѣстья, которая пересѣкала нашу дорогу. Въ то самое время, какъ мы собирались черезъ нее переѣхать, мы увидѣли Французскій баталіонъ, который шелъ въ величайшемъ порядкѣ, съ заряженными ружьями. Впереди находилось человѣкъ двадцать офицеровъ. Когда мы взаимно усмотрѣли другъ друга, мы остановились.

Извилины тропинки, по которой мы ѣхали, и деревья, бывшія по ея сторонамъ, скрывали нашу малочисленность. Генералъ Эммануель, чувствуя, что здѣсь нельзя долго размышлять, и замѣтивъ нѣкоторое замѣшательство между Французами, закричалъ имъ стенторовымъ голосъ: Bas les armes! «Кладите оружіе!» Изумленные офицеры начали совѣтоваться между собою; но нашъ неустрашимый начальникъ, видя ихъ колебаніе, закричалъ имъ снова: Bas les armes ou point de quartier! «Кладите оружіе, не то вамъ не будетъ пощады!» И въ то же мгновеніе, махая саблею, обратился онъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа къ своему отряду, какъ-будто для того, чтобы скомандовать атаку. Но тутъ всѣ Французскія ружья упали на землю какъ по волшебству, и двадцать офицеровъ, предводимые майоромъ Ожерò, братомъ маршала, поднесли намъ свои шпаги. Генералъ сказалъ имъ съ благородствомъ, что онъ вѣритъ ихъ чести, и велѣлъ всему отряду плѣнныхъ идти впереди насъ. Офицеры, благодарные за этотъ знакъ довѣренности, повинуются ему и идутъ передъ нами къ аванпостамъ, отъ которыхъ мы удалились было на значительное разстояніе. Достигнувъ до лагеря, мы могли подумать на досугѣ объ опасности, отъ которой насъ чудеснымъ образомъ избавили присутствіе духа и отвага генерала. Если бы одному изъ нашихъ плѣнниковъ вздумалось насъ пересчитать, мы бы погибли. Лористонъ, углубленный въ размышленіи во время страннаго шествія слишкомъ четырехъ сотъ человѣкъ, положившихъ оружіе предъ двѣнадцатью Русскими, обратился къ нашему начальнику съ вопросомъ: «Кому я имѣлъ честь отдать свою шпагу?»— «Вы имѣли честь сдаться», отвѣчалъ онъ, «Русскому генералъ-маіору Эммануелю, командиру трехъ офицеровъ и восьми козаковъ». Надобно было видѣть досаду и отчаяніе Лористона и всѣхъ Французовъ.

Взятые нами плѣнные приводили въ большое затрудненіе нашего генерала, которому надобно было идти далѣе. Узнавъ, что Ихъ Величества Императоръ Россійскій и Пруссскій король находятся со всѣмъ своимъ штабомъ на большой Лейпцигской площади, онъ представилъ самому Императору бывшаго Французскаго посланника въ Россіи. Но побѣда, одержанная наканунѣ, была ознаменована такимъ множествомъ трофеевъ, что наши не были замѣчены, и этотъ прекрасный подвигъ долго оставался въ неизвѣстности.

Преслѣдованіе непріятеля отъ Лейпцига до Франкфурта не представляетъ ничего замѣчательнаго: Французская армія была въ совершенномъ разстройствѣ. Баварцы, соединившіеся въ то время съ нами, готовили своимъ прежнимъ союзникамъ въ Ганау пріемъ, который долженъ былъ напомнить имъ Березину. Но Наполеонъ прошелъ не-

вредимо, и потому намъ суждено было завѣщать нашимъ внукамъ еще кампанію 1814 года.

Франкфуртъ-на-Майнѣ представилъ въ эту эпоху такое блистательное собраніе монарховъ, принцевъ крови, военныхъ и дипломатическихъ знаменитостей, какого до тѣхъ поръ нигдѣ не бывало. Однажды, прохаживаясь съ генераломъ Эммануелемъ по улицамъ города, мы встрѣтили Прусскаго короля. Его величество, сказавъ нѣсколько словъ генералу, пристально посмотрѣлъ на меня и удостоилъ спросить, не тотъ ли я офицеръ, котораго онъ видѣлъ въ Ландекѣ. Услышавъ отъ генерала Эммануеля, что я служу подъ его начальствомъ, король поздравилъ меня съ этимъ.

Такъ какъ всѣ были увѣрены, что открытые тогда переговоры о мирѣ не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій, то переправа Русской арміи черезъ Рейнъ была назначена 1 Января. Въ ожиданіи этого дня мы заняли квартиры въ городѣ Гохгеймѣ, который сообщилъ свое имя знаменитому вину. Такимъ образомъ кончилась для меня кампанія 1813 года. Въ сравненіи съ кампаніею 1812 года, она была не что иное какъ прогулка, предпринятая для удовольствія.

Мы перешли Рейнъ 1 Января 1814, между Кобленцомъ и Майнцомъ, въ Каукѣ, самомъ живописномъ краю, какой только можно себѣ представить.

Восхитительные берега Рейна, гдѣ мы обитали уже нѣсколько времени, заставили насъ забыть прежнія страданія; и когда мы сравнивали эту спокойную жизнь среди виноградниковъ и сельскихъ картинъ съ тѣмъ, что́ мы вынесли за годъ въ родныхъ снѣгахъ, въ страшную эпоху истребленія Французской арміи, невозможно было не возблагодарить Небо за всѣ милости, которыя оно излило на насъ, и за то, что мы родились въ вѣкѣ, породившемъ такія чудеса, въ вѣкѣ, который, кромѣ разнообразія дивныхъ происшествій, представлялъ намъ спасительный урокъ, показывающій, что Провидѣніе управляетъ всѣмъ на свѣтѣ, и что должно благоговѣть передъ Нимъ, хотя пути Его для насъ непостижимы.

Нашъ отрядъ былъ причисленъ къ корпусу генерала графа Сенъ-При, назначенному для блокады Майнца.

Такая будущность не очень намъ нравилась; она представляла мало славы и много скуки, между тѣмъ какъ остальная часть арміи шла пожинать лавры въ самомъ сердцѣ Франціи. Но на войнѣ ни за что отвѣчать нельзя: сегодня не знаешь, что́ будетъ завтра, и событія располагаются иногда такимъ образомъ, что производятъ результаты, совершенно противные тѣмъ, которыхъ ожидаешь. Мы перешли Рейнъ въ одно время съ корпусомъ генерала Олсуфьева, который

шелъ принять участіе въ событіяхъ, приготовлявшихся во Франціи, между тѣмъ какъ мы должны были оставаться почти въ бездѣйствіи, блокируя крѣпость перваго ранга, которую даже и не намѣревались осаждать. Отъ этого различнаго положенія происходили, съ одной стороны радость, съ другой—сожалѣнія. Отправляющіеся обь насъ жалѣли, а мы имъ завидовали. Но происшествія войны скоро измѣнили наши роли: этотъ самый генералъ Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнъ съ цѣлою дивизіею въ Шанъ-Оберѣ, а мы одни изъ первыхъ приблизились къ Парижу и я, между прочимъ, выдержалъ первые выстрѣлы, раздавшіеся на стѣнахъ его вечеромъ 17 Марта.

Блокада Майнца занимала насъ до конца Января, и во все это время не случилось ничего такого, что̀ бы стоило разсказывать: непріятель даже не пытался безпокоить насъ вылазками. Зима была довольно сурова для той страны, и по Рейну шло много льду.

Во Франціи дѣла шли съ перемѣнными успѣхами. Наполеонъ, въ критическомъ своемъ положеніи, истощалъ всѣ средства воинскаго своего генія, что́ бы нейтрализировать дѣйствія союзныхъ армій, предводимыхъ княземъ Шварценбергомъ и Блюхеромъ и, пользуясь искусно нашими ошибками, прервалъ всѣ сообщенія между ними. Чтобы возстановить эти сообщенія, необходимъ былъ отдѣльный корпусъ, который бы содержалъ связь между той и другою. Для этого назначили корпусъ генерала графа Сенъ-При, усиленный одною Прусскою дивизіею, съ артиллеріею, подъ командою генерала Ягова.

Въ концѣ Января мы сняли блокаду Майнца и пошли на Нанси, Туль, Сенъ-Дизіѐ, Витри и Шалонъ-на-Марнѣ, куда явились въ половинѣ Февраля. Въ Сенъ-Дизіе́ мы сдѣлали растагъ, чтобы собрать свѣдѣнія о положеніи обѣихъ армій. Я былъ посланъ въ Монтіерандѐ, чтобы получить нужныя намъ извѣстія въ находившейся тамъ главной квартирѣ одного Прусскаго корпуса, и здѣсь-то узналъ я слѣдствія Бріенскаго сраженія, столь благопріятныя для нашего оружія. По положенію союзныхъ армій всего нужнѣе было овладѣть Реймсомъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ занятъ Французскимъ гарнизономъ. Остановившись на день въ Шалонѣ для отдыха, мы воспользовались этимъ, чтобы посѣтить тамошній театръ, потомъ пошли къ Реймсу, и достигли Силлери, деревни, знаменитой по своему вину и отстоящей на восемь верстъ отъ города.

Главная квартира генерала графа Сенъ-При должна была оставаться тутъ до сдачи Реймса. Мы начинали замѣчать непріязненное расположеніе въ жителяхъ той страны, и вооруженные мужики не разъ уже нападали на офицеровъ, отправленныхъ съ приказаніями. Между прочимъ, офицеръ главнаго штаба князь Андрей Голицынъ,

состоявшій въ то время при графѣ Сенъ-При, былъ спасенъ только приближеніемъ нашихъ войскъ изъ весьма затруднительнаго положенія. На другой день по прибытіи нашемъ въ Силлери, 21 Февраля с. ст., положено было произвести сильную рекогносцировку къ Реймсу. Между тѣмъ графъ Сенъ-При хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ не иначе, какъ истощивъ всѣ миролюбивыя средства, чтобы избавить городъ отъ всегда пагубныхъ слѣдствій сраженія. Выступивъ рано утромъ, мы часа черезъ два были подъ стѣнами этого города, прославившагося тѣмъ, что въ немъ короновались Французскіе короли. Ничто не предвѣщало намъ упорнаго сопротивленія: мы подошли уже почти къ самымъ стѣнамъ города, не встрѣтивъ никого съ кѣмъ бы поговорить; пушки на укрѣпленіяхъ молчали. Графъ Сенъ-При приказалъ расположить Прусскую батарею на пригоркѣ, на малый пушечный выстрѣлъ отъ города, и поставилъ подлѣ нея свою палатку. Тутъ онъ написалъ прокламацію къ Реймскимъ начальствамъ, въ которой приглашалъ ихъ не дѣлать сопротивленія, чтобы не навлечь на городъ ужасовъ приступа, котораго послѣдствія падутъ на ихъ отвѣтственность. Генералъ Эммануэль и я были въ это время въ палаткѣ графа, и тотъ отдалъ ему прокламацію, чтобы тотчасъ отправить съ парламентеромъ; это порученіе дали мнѣ, и оно было довольно затруднительно, потому что, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, генералъ Корбинó, командовавшій въ Реймсѣ, зная всю важность ввѣреннаго ему пункта, рѣшился не принимать никакихъ предложеній. Чтобы быть увѣреннымъ, что прокламація дойдетъ куда слѣдуетъ, еслибъ меня и не приняли, я взялъ съ собою мужика, который долженъ былъ отнести ее въ городъ въ случаѣ, когда бы мнѣ не удалось самому вручить ее коменданту. Такимъ образомъ, предшествуемый трубачемъ и ведя за собой мужика, я отправился въ путь, прошелъ полуулуніе, совершенно пустое, спустился къ потернѣ и только оттуда увидѣлъ на стѣнахъ множество людей всякаго званія, которые говорили и кричали всѣ вмѣстѣ, такъ что я не могъ разобрать ни слова во всемъ этомъ шумѣ. Трубачъ мой надрывался, подавая парламентерскіе сигналы, а я махалъ надъ головою своей бумагою, чтобы показать, въ чемъ дѣло; но это не помогало. Я не зналъ, чтó мнѣ дѣлать, какъ вдругъ раздался, посреди этого шуму, голосъ, который кричалъ мнѣ: «Удалитесь, не то по васъ будутъ стрѣлять». Мнѣ не хотѣлось однакожъ уступить этой угрозѣ и не исполнить своего порученія: я нагнулся, чтобы отдать бумагу мужику и показалъ ему знàкомъ, чтобы онъ снесъ ее къ людямъ, стоящимъ на стѣнахъ. Но какъ скоро это движеніе было замѣчено съ укрѣпленій, огонь мелькнулъ изъ пушки. стоявшей прямо противъ меня, и ядро пролетѣло надъ моею головою.

При этомъ сигналѣ началась всеобщая канонада, и черезъ четверть часа у офицера, командовавшаго Прусскою батареею, оторвало ногу. Графъ Сенъ-При, послѣ этой тщетной попытки, показавшей непреклонное намѣреніе непріятеля, рѣшился возвратиться въ Силлери, чтобы постановить дальнѣйшія дѣйствія.

Прежде всего надобно было обозрѣть всѣ окрестныя мѣста, чтобы увѣриться, что намъ не придется сражаться съ другими непріятелями кромѣ тѣхъ, которые находились въ Реймсѣ. Для этого, мнѣ съ сотнею драгунъ и казаковъ, поручено было произвести рекогносцировку къ сторонѣ Фимѐ и Соассона, но я не встрѣтилъ никого кромѣ вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ принужденъ былъ усмирить силою. Партіи, посланныя въ другія стороны, также нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Такимъ образомъ казалось, что мы будемъ имѣть дѣло только съ однимъ Реймскимъ гарнизономъ, который, несмотря на свою рѣшительность, не могъ быть многочисленъ. Однакожъ, чтобы обознать слабую сторону крѣпости, мы еще четыре дня сряду производили сильныя рекогносцировки, которыя не обходились безъ стычекъ, потому что непріятель всякій разъ высылалъ отряды къ намъ на встрѣчу и дѣйствовалъ своей артиллеріею. Наконецъ, положено было произвести атаку 28 Февраля на разсвѣтѣ. Прусаки должны были сдѣлать фальшивую аттаку на Шалонскіе ворота, и такимъ образомъ, во время сраженія, они были бы отдѣлены отъ насъ рѣкою Велею, текущею по направленію отъ Силлери къ Реймсу и обходящею городъ. Генералъ Эммануэль долженъ былъ обойти крѣпость съ праваго нашего фланга и стараться проникнуть въ нее черезъ ворота Berry-au-bac, составлявшіе самую слабую сторону. Графъ Сенъ-При, съ главнымъ отрядомъ, хотѣлъ дѣйствовать на другихъ пунктахъ, смотря по обстоятельствамъ. Положено было выступить изъ Силлери ровно въ полночь и соразмѣрять маршъ такимъ образомъ, чтобъ быть въ состояніи начать атаку на самомъ разсвѣтѣ; а чтобы не возбуждать вниманія дурно расположенныхъ къ намъ жителей, велѣно было идти съ правой стороны дороги полями для занятія назначенныхъ каждому корпусу позицій. Такъ какъ мы уже цѣлую недѣлю расхаживали во всѣхъ направленіяхъ по странѣ, лежащей между Силлери и Реймсомъ, и эти мѣста были мнѣ совершенно знакомы, то генералъ Эммануэль поручилъ мнѣ вести первую колонну, за которою должны были слѣдовать всѣ другія. Ночь была темна, такъ что въ двухъ шагахъ ничего не видно; но какъ на этомъ походѣ распознать мѣста было не трудно, то я и не боялся сбиться съ дороги. Съ часъ уже были мы на маршѣ, и все шло какъ нельзя лучше, какъ корпусный квартирмейстеръ, капитанъ М***, подошелъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я уступилъ ему

обязанность вести колонну. Я дѣйствительно исполнялъ его должность, и потому мнѣ странно было бы оспаривать ее у него; я возвратился къ генералу и сказалъ ему, что капитанъ М*** пожелалъ самъ вести колонну. Вскорѣ я замѣчаю, что насъ ведутъ вправо, а это необходимо удаляло насъ отъ настоящаго направленія; я сообщилъ мое замѣчаніе капитану М***, но онъ упорно утверждалъ, что мы слѣдуемъ настоящему пути. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько времени, мы опять принимаемъ косвенное движеніе, потомъ еще разъ, и въ третій разъ, и наконецъ дѣлаемъ столько изворотовъ, что я самъ не могъ уже распознать гдѣ мы. Колонна остановилась, и капитанъ М***, казалось, не зналъ, какое направленіе надобно принять. Никто не могъ бы навести его на настоящій путь, потому что, со всѣми маршами и контрмаршами, которые мы три часа дѣлали, невозможно было распознать мѣста въ такой темнотѣ. Въ этой нерѣшимости оставалось только идти на удачу впередъ. Вскорѣ мы вышли на большую дорогу: опять новое затрудненіе, потому что на нашемъ пути не было никакой большой дороги. Какая жъ это могла быть дорога? Допустить можно было только одно предположеніе, именно, что мы прошли уже мимо Реймса и находимся на одной изъ дорогъ, ведущихъ оттуда въ Ретель или Берри-о-бакъ: въ такомъ случаѣ надобно было принять влѣво, чтобы приближаться къ Реймсу, и это было общее мнѣніе; но едва только сдѣлали мы нѣсколько сотъ шаговъ въ этомъ направленіи, какъ вдругъ встрѣтились лицемъ къ лицу съ отрядомъ, который шелъ прямо на насъ. Велико было наше удивленіе и даже ужасъ: потому что кто можетъ предвидѣть слѣдствія ночнаго сраженія, посреди глубочайшей тьмы! Надобно было предполагать, что это непріятель; что заранѣе предувѣдомленный о нашей аттакѣ, онъ спѣшитъ очистить городъ, чтобы избавить его отъ бѣдствій приступа. Предположеніе наше было тотчасъ подтверждено криками: «Москаль», раздавшимися въ противоположныхъ рядахъ. Мы поспѣшно сняли пушки съ лафетовъ и зарядили картечью, потому что при подобныхъ встрѣчахъ поверхность остается обыкновенно на сторонѣ того, кто первый началъ аттаку. Фитили были уже готовы бросить смерть; еще минута, и картечь вылетѣла бы изъ пушекъ, какъ вдругъ со стороны предполагаемаго непріятеля послышался голосъ нашего корпуснаго командира, графа Сенъ-При, который прискакалъ къ намъ, чтобы узнать чтó все это значитъ. Дѣло въ томъ, что, проводивъ насъ часа четыре по полямъ, капитанъ М*** привелъ насъ назадъ въ Силлери; а графъ Сенъ-При въ это самое время выходилъ оттуда, чтобы на разсвѣтѣ принять начальство надъ своими войсками, которымъ уже давно слѣдовало быть на назначенныхъ мѣстахъ. Еще минута, и наша картечь поразила бы нашего

корпуснаго командира. Я и теперь не могу безъ ужаса подумать о томъ, что это едва-едва не случилось. Не было никакихъ средствъ вознаградить потерянныхъ часовъ, потому что не представлялось даже возможности поспѣть на мѣсто ко времени, назначенному для произведенія общей атаки. Притомъ Прусаки шли по другому пути, и какъ они были отдѣлены отъ насъ рѣкою, то нельзя было предувѣдомить ихъ вовремя, и они начали бы свою фальшивую атаку прежде нашего прибытія, чтó необходимо разстроило бы всѣ наши планы. Намъ оставалось только идти какъ можно скорѣе впередъ, хотя день уже занимался, потому что несчастная эта прогулка продолжалась пять часовъ и набатъ, который мы слышали издали, показывалъ намъ, что Прусаковъ увидѣли. Вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, и мы уже не могли болѣе сомнѣваться, что со стороны Прусаковъ завязалось жаркое дѣло. Генералъ Эммануель тотчасъ пошелъ съ кавалеріею впередъ на рысяхъ, и мы, поспѣшно обогнувъ городъ, выступили на долину, по которой идетъ дорога, ведущая въ Берри-о-бакъ, въ ту самую минуту, какъ непріятельскій баталіонъ въ полсотни человѣкъ выходилъ изъ города для прикрытія такого же числа кавалеріи. Этотъ небольшой баталіонъ держался превосходно, и ни одинъ изъ нашихъ семи эскадроновъ не могъ разстроить его, несмотря на многія поочередныя атаки; артиллерія наша была еще далеко назади, и такимъ образомъ батальонъ ушелъ отъ насъ; но за то мы ударили на кавалерію, загнали ее въ Велю и совершенно истребили. Между тѣмъ Прусаки, производя фальшивую атаку, овладѣли городомъ, и это счастливое происшествіе вполнѣ вознаградило насъ за непріятности прошедшей ночи. Взятіемъ этого важнаго пункта, порученіе, данное графу Сенъ-При, было исполнено, потому что, разославъ въ разныя стороны отдѣльные отряды, мы могли содержать сообщеніе между обѣими арміями. Графъ Сенъ-При рѣшился остаться въ Реймсѣ, приказавъ войскамъ расположиться въ окрестностяхъ города: такъ онъ увѣренъ былъ, что нападенія ожидать не откуда. На другой день, 1 Марта, назначено было отслужить благодарственный молебенъ за одержанную наканунѣ побѣду. Но въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ утра, тотчасъ послѣ божественной службы, мы съ величайшимъ изумленіемъ услышали у воротъ Реймса пушечные выстрѣлы. Весь главный штабъ былъ въ минуту на конѣ, чтобъ посмотрѣть, чтó значатъ эти выстрѣлы въ такомъ близкомъ разстояніи отъ насъ. Прискакавъ къ Соассонскимъ воротамъ, мы услышали, что непріятельскій отрядъ въ нѣсколько эскадроновъ, съ двумя пушками, производя рекогносцировку, подошелъ къ самымъ воротамъ, увидѣлъ нашу пѣхоту, бросилъ нѣсколько ядеръ и поспѣшно отступилъ. Плѣнный, взятый нашими

летучими отрядами, объявилъ, что передъ нами самъ Наполеонъ, и мы убѣдились, что день не пройдетъ безъ какого-нибудь важнаго происшествія. И дѣйствительно, въ четыре часа пополудни, мы вдругъ видимъ, что изъ-за холма, скрывавшаго отъ насъ настоящія силы непріятеля, выступаютъ огромныя массы кавалеріи и передъ ними идетъ артиллерія, которая поспѣшно направляетъ противъ насъ свои пушки, что на этомъ тѣсномъ пространствѣ начинается ужаснѣйшая канонада. Реймсъ былъ живо защищаемъ, и особенно у моста на Велѣ происходила жестокая сшибка, гдѣ нашихъ было одинъ противъ десяти. Въ самомъ пылу боя, графъ Сенъ-При получилъ смертельную рану въ плечо и принужденъ былъ оставить команду въ такое время, когда присутствіе его было всего нужнѣе. Была критическая минута, но искусныя распоряженія генерала Эммануеля, который тотчасъ принялъ команду, и счастливая диверсія, произведенная въ тылу непріятеля Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ подъ командою храбраго полковника Скобелева, поправили наше положеніе, и мы всю ночь удерживали за собою Реймсъ, хотя имѣли дѣло съ самимъ Наполеономъ и съ силами, несравненно превосходнѣйшими нашихъ.

На другой день мы, не будучи преслѣдуемы, отступили въ направленіи къ Берри-о-бакъ и примкнули къ арміи фельдмаршала Блюхера, который въ то время занималъ Ланъ.

Графъ Сенъ-При былъ также потихоньку перевезенъ туда, и недѣли черезъ двѣ скончался; но передъ смертію онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что заслуги его признаны и награждены: Государь Императоръ пожаловалъ ему за взятіе Реймса орденъ Св. Георгія второй степени.

Но кратковременные успѣхи, которые Наполеонъ одерживалъ въ теченіе этой кампаніи, только воздымали его гордость и внушали ему новыя требованія на конгрессѣ, происходившемъ въ то время въ Шатильонѣ. Такимъ образомъ всѣ эти частные успѣхи обращались къ его пагубѣ, и даже взятіе Реймса, открывъ ему путь, по которому онъ потомъ пошелъ черезъ Витри на Сенъ-Дизіе (въ надеждѣ стать на линіи нашихъ сообщеній и между тѣмъ только открылъ намъ дорогу въ Парижъ) послужило къ его гибели.

Въ Ланѣ положено было, чтобы генералъ Эммануель снова принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса графа Ланжерона, и тамъ мы получили извѣстіе, что Императоръ Александръ повелѣлъ идти прямо на Парижъ, какъ скоро убѣдился, что Наполеонъ вознамѣрился утвердиться въ тылу нашихъ армій.

Изъ Лана мы пошли по самой прямой дорогѣ къ Эпернé, чтобы достичь большой Парижской дороги, которая пролегаетъ чрезъ Шато-

Тіерри и Мо. Мнѣ приказано было обозрѣвать страну съ шестидесятью казаками и сорока драгунами. Такимъ образомъ я пролагалъ дорогу отряду генерала Эммануеля до самаго Дормана, нигдѣ не встрѣчая непріятеля; на пути мы овладѣли городомъ Эпернè, знаменитымъ по своему шампанскому, и люди въ Русскихъ мундирахъ въ первый разъ посѣтили тамошніе погреба. Многочисленные любители этого отраднаго вина съ наслажденіемъ пили за успѣхи нашего оружія. Продолжая идти впередъ и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, мы пришли 14 Марта въ Этожъ. Здѣсь генералъ Эммануель получилъ приказаніе взять съ собою роту піонеровъ, два пѣхотныхъ полка, Архангельскій и Староингерманландскій, Кіевскій драгунскій полкъ, казачій полкъ, двадцать четыре пушки и отправиться съ этимъ отрядомъ въ Трильпоръ близъ Мо, чтобы тамъ навести на Марнѣ мостъ. Бригада Прусской пѣхоты, подъ командою генерала Горне, должна была прійти по другой дорогѣ туда же, чтобы въ случаѣ нужды подкрѣпить насъ. Это порученіе было весьма важно, и его слѣдовало исполнить съ величайшею быстротою. Какъ переходъ былъ великъ, то генералъ Эммануель выступилъ въ туже ночь. Чтобы прикрыть лѣвый свой флангъ, онъ отправилъ меня съ моимъ отрядомъ къ Ребè, для обозрѣнія всей страны, лежащей между этимъ мѣстечкомъ и Трильпоромъ, гдѣ я долженъ былъ присоединиться къ нему. Въ Ребè я узналъ результаты побѣды, одержанной Россійскою гвардіею при Феръ-Шампенуазѣ и поспѣшилъ донести объ этомъ генералу.

Я продолжалъ путь свой безъ всякихъ примѣчательныхъ происшествій и, дойдя до Трильпора, увидѣлъ, что мостъ уже наведенъ, несмотря на сопротивленіе непріятеля, и что часть нашихъ войскъ была уже на томъ берегу Марны.

На походѣ отъ Этожа къ Трильпору, генералъ Эммануэль, производя рекогносцировку на Фертесъ-Жуарръ, лежащій на Марнѣ, нашелъ тамъ непріятеля въ большихъ силахъ. Онъ расчислилъ, что, пользуясь извилинами этой рѣки, можно предупредить въ Трильпорѣ эти войска, и оставилъ тамъ небольшой отрядъ, чтобы занимать непріятеля фальшивою демонстраціею, а самъ пошелъ форсированнымъ маршемъ, чтобы достичь мѣста, назначеннаго для наведенія моста. Прибывъ въ Трильпоръ, онъ увидѣлъ, что бригада генерала Венсана съ орудіями защищаетъ переправу. Устроены батареи, и войска наши приступили къ наведенію моста, который, несмотря на картечные выстрѣлы непріятеля, былъ наведенъ съ такою быстротою, что произвелъ изумленіе въ Прусской бригадѣ, подоспѣвшей какъ бы нарочно для того, чтобы быть свидѣтельницею подвига. Пока мостъ строился, баталіонъ Архангельскаго пѣхотнаго полка переправили черезъ

рѣку на судахъ, найденныхъ въ Трильпорѣ: онъ былъ встрѣченъ картечью, но опрокинулъ штыками все, что ему противилось.

Вслѣдъ за тѣмъ, по окончаніи моста, наша пѣхота и Прусская бригада перешли его скорымъ маршемъ и продолжали гнать непріятеля къ Мо. Въ то время, я, съ небольшимъ моимъ отрядомъ, прибылъ къ Трильпору и также поспѣшилъ переправиться на другой берегъ. Я вскорѣ обогналъ нашу пѣхоту и, встрѣтивъ отрядъ непріятельской кавалеріи, преслѣдовалъ его до самыхъ воротъ Мо; на возвратномъ пути я очутился въ тылу Французской пѣхоты, и какъ было уже довольно поздно, то я воспользовался этимъ и пронесся по интерваламъ непріятельскихъ баталіоновъ, испуская побѣдные крики, которые не могли не устрашить непріятеля неожиданнымъ появленіемъ кавалеріи посреди рядовъ его; но все это было произведено такъ быстро, что когда Французская пѣхота вздумала сдѣлать по насъ нѣсколько выстрѣловъ, я былъ уже далеко и присоединился со своимъ отрядомъ къ генералу.

Быстрое и удачное наведеніе моста на Марнѣ было чрезвычайно важно для послѣдующихъ происшествій, потому что на другой же день Силезская армія фельдмаршала Блюхера переправилась по немъ, чтобы идти на Парижъ, а извѣстно, какъ важна была въ это время каждая минута, потому что Наполеонъ едва не подоспѣлъ для обороны Парижа. И кто знаетъ, что бы тогда случилось? Мы провели ночь съ 15 на 16 число въ виду Мо, и другой тревоги не было кромѣ той, которую произвелъ взрывъ пороховаго магазина, взлетѣвшаго на воздухъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Марта 16 мы продолжали идти къ Парижу; я по прежнему открывалъ маршъ съ сотнею кавалеристовъ, дѣлая разъѣзды вправо и влѣво, но нигдѣ не встрѣчая непріятеля. На другой день приказано было продолжать походъ, но не предпринимать непріязненныхъ дѣйствій до двухъ часовъ пополудни. Надобно думать, что тогда ожидали предложеній о сдачѣ Парижа и старались доказать, что желаютъ избѣжать кровопролитія. Къ несчастію, въ тотъ же день, когда я проходилъ съ своимъ отрядомъ черезъ одну деревню, на насъ стали стрѣлять изъ-за плетней и заборовъ, и убили у меня нѣсколькихъ казаковъ: это заставило меня отражать силу силою и стоило жизни многимъ изъ этихъ заблужденныхъ поселянъ. Генералъ Іоркъ, проходившій тутъ въ тотъ же вечеръ, замѣтивъ слѣды недавней стычки, приказалъ разыскать, кто осмѣлился преступить приказаніе не предпринимать до двухъ часовъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій; но когда узнали, какъ это произошло, оказалось, что я не могъ поступить иначе.

Дорогою я получилъ приказаніе стараться проникнуть въ мѣстечко Гонессъ, лежащее въ восьми верстахъ отъ Парижа, нѣсколько вправо отъ большой дороги, и объявить мѣстному начальству, что вечеромъ того же дня корпусъ генерала Іорка расположится на бивуакахъ въ окрестностяхъ этого мѣстечка и чтобы жители приготовили съѣстныхъ припасовъ, дровъ и соломы на сорокъ тысячъ человѣкъ.

Я отправился въ Гонессъ, который, какъ говорятъ, славится глупостію своихъ жителей и лежитъ въ углубленіи неподалеку отъ большой дороги. Я оставилъ офицера съ половиною моего отряда въ наблюдательномъ положеніи на шоссе, а остальную половину взялъ съ собою. Издали можно было видѣть, какъ я спускался по горѣ съ небольшимъ своимъ отрядомъ, и это зрѣлище, столь новое для жителей, привлекло ко мнѣ на встрѣчу почти все народонаселеніе мѣстечка, такъ что я вступилъ туда посреди двухъ рядовъ зѣвакъ. Между тѣмъ, замѣчая на лицахъ болѣе безпокойства чѣмъ любопытства, я обратился къ этой толпѣ, просилъ показать мнѣ гдѣ живетъ меръ, и прибавилъ, что мнѣ велѣно предувѣдомить мѣстныя начальства, что вечеромъ того же дня Прусскій корпусъ расположится близъ мѣстечка на бивуакахъ; что надобно приготовить для него съѣстныхъ припасовъ; что Императоръ Россійскій, всемилостивѣйшій Государь мой, запретилъ солдатамъ подъ строжайшими наказаніями входить, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, въ жилища и требовать чего бы то ни было; что мы принесли имъ миръ; что по всей вѣроятности, союзныя арміи завтра же вступятъ въ Парижъ. Эта рѣчь, столь новая и почти непостижимая для большей части моихъ слушателей, навлекла на меня цѣлый градъ вопросовъ, на которые я отвѣчалъ какъ можно короче, и какъ времени терять было некогда, то я велѣлъ проводить себя въ муниципалитетъ. Я нашелъ тамъ мера и его помощниковъ, и объявилъ имъ, чего отъ нихъ требуютъ, не забывъ прибавить, что право собственности будетъ свято уважаемо. Они, казалось, были весьма расположены угождать намъ и обѣщали исполнить все, чего отъ нихъ потребуютъ. При прощаніи, эти добрые люди просили меня вписать имя мое въ муниципальную книгу, и удивленіе ихъ было истинно забавно, когда они узнали, что я не Французъ, не сынъ какого-нибудь эмигранта; что казакъ можетъ свободно объясняться на ихъ языкѣ. По исполненіи такимъ образомъ даннаго мнѣ порученія, я былъ провожаемъ, можно сказать, съ торжествомъ. Жители Гонесса показались мнѣ очень добрыми людьми, и поэтому-то, можетъ быть, Парижане прославили ихъ глупцами. Признаюсь, что послѣ явленій происходившихъ утромъ, я думалъ, что найду въ Гонессѣ

по крайней мѣрѣ баррикады на улицахъ; я даже отдалъ сообразныя съ этимъ приказанія и той части отряда, которая была со мною, и той, которая оставалась на шоссе и должна была, при первомъ выстрѣлѣ, который услышатъ, показаться на горѣ, чтобы устрашить зрителей видомъ неожиданнаго подкрѣпленія. Но къ счастію, все происходило какъ нельзя лучше. Я присоединился къ моему офицеру, остававшемуся на шоссе, и вскорѣ Парижъ разостлался передъ нами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дороги изъ Соассона и Мо сходятся, казаки мои остановили дилижансъ, ѣхавшій въ Парижъ. Зная склонность ихъ къ добычѣ, я далъ лошади шпоры и прискакалъ къ дилижансу въ самое время, чтобы успокоить нѣсколькихъ путешественницъ, которыя расплакались при неожиданномъ появленіи казаковъ. Я утѣшалъ ихъ по французски, и онѣ осыпали меня благословеніями. Всѣ эти путешественники совершенно не знали, что мы были такъ близко и что союзная армія приближилась уже къ Парижу и готова была вступить туда. Я просилъ ихъ сообщить эту добрую вѣсть всѣмъ знакомымъ Парижанамъ. Мущины, бывшіе въ дилижансѣ, отдали мнѣ свои карточки и предлагали мнѣ свои услуги въ Парижѣ, убѣждая меня посѣтить ихъ, чтобы они могли изъявить мнѣ свою признательность. Дилижансъ отправился, и утѣшенныя мной Парижанки махали платками въ знакъ радости, которая замѣнила ихъ ужасъ; но вскорѣ я перешелъ къ другой сценѣ. Приближеніе моего отряда заставило нѣсколькихъ застрѣльщиковъ выйти въ поле. Они слишкомъ отдалились отъ города, казаки мои отрѣзали имъ отступленіе и нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ. Въ это самое время Императоръ Александръ приближался съ большою арміею къ Парижу по Бондійской дорогѣ и, не ожидая видѣть такъ рано войска наши съ той стороны, гдѣ онъ находился, прислалъ спросить, къ какому корпусу мы принадлежимъ. Его Величество еще не зналъ о переходѣ черезъ Марну. Между тѣмъ генералъ Эммануэль явился со всѣми своими отрядами и весьма кстати произвелъ счастливую диверсію, атаковавъ флангъ войска, съ которымъ большая армія должна была сражаться. Императоръ Александръ, бывъ свидѣтелемъ этого дѣйствія, прислалъ объявить нашему генералу свое благоволеніе.

Ночь съ 17 на 18 Марта мы провели близъ деревни Обервиллье въ виду Парижа, и всю эту ночь я не могъ сомкнуть глазъ, хоть имѣлъ большую нужду въ покоѣ. Трудно было увѣриться, что видѣлось все это на яву, что мы находимся у самыхъ воротъ Парижа, котораго одно имя уже такъ много говоритъ; что послѣ лагерной жизни, исполненной опасностей, тревогъ и лишеній, мы погрузимся во всѣ наслажденія новаго Вавилона; но вдругъ мнѣ при-

ходило въ голову, что Французы, подходя къ Москвѣ, льстили себя тѣми же надеждами, и мечты мои смѣнялись заботами. Но я говорилъ самъ себѣ: «Французы не Русскіе; они не способны пожертвовать своею столицею; да и мы не Французы, чтобы хотѣть поработить Францію, какъ они хотѣли поработить нашу отчизну». Эти различныя размышленія всю ночь не давали мнѣ уснуть. На другой день, рано утромъ, всѣ были въ самыхъ блестящихъ мундирахъ, воображая, что ворота Парижа тотчасъ отворятся и намъ останется только вступить туда церемоніальнымъ маршемъ.

Восемнадцатаго Марта на разсвѣтѣ мы пошли къ Монмартру, и пѣхота наша завязала перестрѣлку съ войсками, которыя занимали Ла-Вилльетъ и защищали окрестности Парижа. Съ Монмартра безпрерывно сыпались на насъ ядра; на лѣвомъ флангѣ, гдѣ находилась главная императорская квартира, происходила упорная борьба, особенно на холмѣ Шамонскомъ; но всѣ высоты съ этой стороны, часа въ два пополудни, были взяты. Монмартръ еще держался и, по своему положенію, казалось, долженъ былъ стоить большихъ пожертвованій. Въ три часа графъ Ланжеронъ получилъ повелѣніе Государя Императора овладѣть этою высотою, во что бы то ни стало, и отрядилъ генерала Эммануэля съ двумя тысячами кавалеріи къ Нёльи, чтобы обойти Парижъ и дѣйствовать отъ заставы de l'Étoile, ведущей въ Елисейскія Поля. Надобно было опасаться, что Монмартръ, съ котораго огонь не прекращался цѣлое утро, окажетъ упорное сопротивленіе, что было бы весьма легко, по причинѣ быстрины покатости и множества плетней и заборовъ, которыми испещренъ во всѣхъ направленіяхъ хребетъ его. Генералъ Рудзевичъ, которому поручено было овладѣть этою высотою, устроивъ свои колонны къ атакѣ, простился съ нами, какъ человѣкъ идущій на вѣрную смерть. Но, къ величайшему нашему удивленію, непріятель сдѣлалъ только нѣсколько залповъ изъ своей артиллеріи, и войска наши овладѣли Монмартромъ такъ скоро, какъ можно было войти на гору. Съ той минуты Парижъ былъ уже нашъ. Между тѣмъ, еще до успѣха этой атаки, мы отправились исполнить данное намъ порученіе, и я по обыкновенію шелъ впереди съ моимъ летучимъ отрядомъ. Когда мы дошли до аллеи ведущей въ Нёльи, вокругъ ушей моихъ засвистали пули: нѣсколько человѣкъ стрѣляли изъ-за баррикады на мосту, которымъ оканчивается эта аллея. Такъ какъ небольшой отрядъ, засѣвшій за баррикадою, могъ бы безпокоить насъ своими выстрѣлами, я велѣлъ своимъ драгунамъ спѣшиться, и они быстрою атакою опрокинули преграду, разогнавъ человѣкъ тридцать, которые ее защищали: это были отставные солдаты императорской гвардіи, жившіе въ Нёльи. При этой

сшибкѣ у меня былъ раненъ одинъ офицеръ, и нѣсколько солдатъ выбыло изъ фронта.

Въ это время прибылъ генералъ Эммануель со своей пѣхотою и артиллеріей и, направивъ пушки противъ отряда, защищавшаго заставу de l'Étoile, бросилъ туда множество ядеръ. Вскорѣ съ этой стороны появился парламентеръ и сказалъ намъ, что капитуляція Парижа уже подписана. И дѣйствительно, мы вслѣдъ за тѣмъ получили оффиціальное извѣстіе о сдачѣ. Тогда было шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ мы провели ночь съ 18 на 19 Марта въ Нёльи, исполненные энтузіазма, который необходимо должно было возбуждать въ насъ такое знаменитое завоеваніе. Взятіе Парижа казалось намъ событіемъ баснословнымъ.

На другой день, 19 Марта, мы заняли Булонь, пройдя сначала черезъ лѣсъ того же имени, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ. Мы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія и, хотя насъ увѣряли, что подъ Сенъ-Клудскимъ мостомъ устроена мина, однако мы перешли его благополучно и съ удовольствіемъ осмотрѣли тамошній зàмокъ. Найдя флигель Маріи Луизы еще открытымъ, мы не упустили случая поиграть на инструментѣ, по которому бѣгали нѣжные пальчики императрицы Французовъ. Теперь жилистыя, почернѣвшія отъ пороху руки людей, прибывшихъ изъ Москвы, сквозь тысячи сраженій и опасностей, оглашали удивленныя стѣны зàмка звуками гимна God save the King въ честь нашего великодушнаго и обожаемаго Монарха. О, какія это были прекрасныя минуты для Русскаго сердца! Онѣ вполнѣ вознаграждали насъ за всѣ опасности и лишенія, черезъ которыя надобно было пройти, чтобы достичь до такого дивнаго событія. Въ тотъ же день союзные монархи торжественно вступили въ Парижъ въ головѣ Русской гвардіи.

На другой день, 20 Марта стараго стиля, я получилъ позволеніе съѣздить въ Парижъ, котораго еще никогда не видалъ. Тѣмъ, которые спросили бы меня, чтó мнѣ казалось всего удивительнѣе, я бы, еще съ бóльшимъ основаніемъ чѣмъ Венеціянскій дожъ, могъ отвѣчать: «То, что я здѣсь», разумѣется, побѣдителемъ. И дѣйствительно, видъ всѣхъ этихъ Калмыковъ и Башкирцевъ, которые бродили по улицамъ щеголеватаго Парижа, составляя совершенную противоположность съ лицами и костюмомъ Парижанъ, стоилъ, по своей странности, появленія гордаго дожа при дворѣ Французскомъ. Я посѣтилъ въ этотъ день все, чтò успѣлъ,—Тюилери, Пале-Рояль, большой Оперный Театръ, гдѣ скромность нашего Государя не позволила представить «Торжество Траяна». Давали «Весталку», и публика заставила актера Лаша, закоренѣлаго республиканца, затянуть противъ воли

пѣсню Vive Henri IV! Послѣ представленія Императоръ Александръ только что вышелъ изъ театра, какъ толпа бросилась въ ложу Наполеона и изломала въ куски бывшаго на ней орла, разбивъ такимъ образомъ кумиръ, который еще наканунѣ обожала. Престрашная черта человѣческаго сердца, сцена, достойная Парижанъ! Таже участь предоставлена была колоссальной статуѣ, стоявшей на Вандомской колоннѣ; но, къ счастію, она была бронзовая и устояла противъ усилій новорожденныхъ энтузіастовъ, а потомъ съ нашей стороны приняты были мѣры для предупрежденія дѣйствій Парижскаго сумасбродства. Императоръ Александръ, глядя на эту колонну, произнесъ слова, заключающія въ себѣ глубокій смыслъ. «Еслибъ я стоялъ такъ высоко», сказалъ онъ, «у меня бы голова закружилась». Августѣйшій, достойный его преемникъ воздвигнулъ ему монументъ безсмертный; но что̀ возвышается на вершинѣ этого монумента?.... Эмблема вѣры и смиренія! Et nunc discite, gentes....*) Но для меня кампанія была еще не кончена, и я могъ только мелькомъ взглянуть на Парижъ; по крайней мѣрѣ я получилъ понятіе о видѣ этой столицы, старой грѣшницы, оставленной Богомъ и пользовавшейся въ теченіе пятидесяти лѣтъ почти исключительною, незавидною привиллегіею надѣлять Европу войнами и смутами. Я присоединился къ моему генералу въ Арпажонѣ.

Мы получили приказаніе продолжать военныя дѣйствія къ сторонѣ Фонтенбло̀, потому что союзные монархи не хотѣли подражать безпечности Наполеона въ Москвѣ, стоившей ему такъ дорого. Пока онъ былъ на ногахъ, мы должны были дѣйствовать. Мы прошли Монлери, Лимуръ, и 28 Марта встрѣтили непріятеля близъ городка Лафертѐ-Аллѐ, въ шестнадцати верстахъ отъ Фонтенбло́. Мы бросили нѣсколько ядеръ и съ удивленіемъ увидѣли, что наша атака произвела въ непріятельскомъ лагерѣ величайшій безпорядокъ. Вслѣдъ за тѣмъ является парламентеръ и протестуетъ противъ того, что онъ называлъ нарушеніемъ права народовъ, потому что Наполеонъ отказался отъ престола и между воюющими сторонами заключено перемиріе. Мы въ первый разъ объ этомъ услышали, и какъ подобное извѣстіе мы должны были получить не отъ Французскаго парламентера, то и отвѣчали, что еще не имѣемъ никакихъ предписаній на этотъ случай и можемъ только позволить непріятельскому генералу отступить, не тревожа его, но что городъ долженъ быть намъ сданъ. Такимъ образомъ этотъ городъ достался въ наши руки, и вечеромъ того же дня мы получили предписаніе генерала Васильчикова, кото-

*) И теперь говорите, люди...

рый въ то время сдѣлался нашимъ командиромъ, прекратить военныя дѣйствія и остановиться тамъ, гдѣ это предписаніе насъ застанетъ. Вслѣдствіе этихъ новыхъ распоряженій, согласовавшихся съ увѣреніями Французскаго парламентера, генералъ Эммануель послалъ сказать непріятельскому генералу, что, получивъ приказаніе прекратить военныя дѣйствія, онъ готовъ сдать ему городъ Лафертѐ-Аллѐ. Само собою разумѣется, что Французскій генералъ долженъ былъ скорѣе насъ получить извѣстіе о перемиріи, которое было слѣдствіемъ отреченія Наполеона, подписаннаго въ Фонтенбло́, отъ котораго войска его были такъ близко, между тѣмъ какъ мы получали приказанія изъ Парижа. Однако, не принимая этого въ уваженіе, онъ отвѣчалъ, что, послѣ вчерашняго происшествія, онъ хочетъ имѣть заложника, чтобы быть увѣреннымъ въ своей безопасности. Объ этомъ не стоило и спорить, и я назначенъ былъ служить господамъ Французамъ аманатомъ впредъ до опредѣленнаго перемиріемъ разграниченія. Здѣсь представляется довольно замѣчательный эпизодъ военной моей жизни.

Я отправился во Французскій лагерь. Въ немъ командовалъ генералъ Пикѐ, и войско его состояло изъ одной кавалеріи, принадлежащей большею частію къ почетной стражѣ, garde d'honneur и составлявшей часть корпуса генерала Бордесу. Такимъ образомъ я провелъ три дня въ обществѣ Французскихъ офицеровъ и жилъ у ихъ генерала. Они съ величайшимъ раздраженіемъ видѣли злополучіе своего императора, котораго обожали. Одинъ только рокъ, который уже нѣсколько времени тяготѣетъ надъ нимъ, заставилъ его отречься отъ престола, когда онъ еще имѣетъ въ рукахъ столько средствъ для продолженія войны. И тутъ они начинали исчислять эти средства, которыя, по ихъ мнѣнію, состояли въ томъ, чтобы Наполеонъ удалился въ Вожскій департаментъ: тамъ, окруженный неприступными крѣпостями, онъ могъ бы собрать всѣ остающіяся во Франціи войска, призвать вице-короля Итальянскаго съ его арміею, вытребовать Даву съ его корпусомъ изъ Гамбурга, что́ составило бы тотчасъ армію въ полтораста тысячъ человѣкъ; потомъ сдѣлать воззваніе по всей Франціи, провозгласить, что отечество въ опасности, уничтожить декреты Сената и членовъ его объявить измѣнниками. Вотъ что, по словамъ этихъ господъ, могъ сдѣлать Наполеонъ, но одинъ рокъ помѣшалъ ему. Я отвѣчалъ только, что въ нашей арміи не знаютъ, что́ такое рокъ и все относятъ къ Провидѣнію. Въ числѣ этихъ говоруновъ особенно отличался довольно увлекательною болтовнею Пиго́-Лебрень, сынъ автора нѣсколькихъ безнравственныхъ романовъ. Мнѣ любопытно было встрѣтить тутъ тѣхъ самыхъ кавалерійскихъ офицеровъ, которые дрались съ нами въ Реймсѣ, и съ удовольствіемъ я слышалъ,

что они называютъ это настоящею западнею, потому что совершенно неожиданно были осыпаны градомъ пуль съ тылу. Они разумѣли диверсію, сдѣланную полковникомъ Скобелевымъ съ Рязанскимъ полкомъ, который обратилъ ихъ въ бѣгство.

Въ числѣ офицеровъ, бывшихъ у генерала Пикѐ, я замѣтилъ одного полковника, командира десятаго гусарскаго полка, человѣка съ пасмурнымъ лицемъ, который вѣчно смотрѣлъ на меня искоса и никогда не говорилъ со мною; въ физіономіи его было что-то отвратительное; онъ былъ смуглъ, плѣшивъ, и вообще голова его походила на голову мертвеца. Однажды генералъ Пикѐ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что этотъ полковникъ безпрерывно старается возбуждать въ немъ безпокойство, увѣряя, что въ слѣдующую ночь мы намѣрены напасть врасплохъ на его войско, и что я присланъ былъ только для того чтобъ подговаривать дезертировъ. При этомъ неожиданномъ объявленіи, я спросилъ генерала Пикѐ: «Вѣрите-ли вы, сударь, бреднямъ вашего полковника?» Генералъ, нѣсколько смущенный моимъ вопросомъ и тономъ, съ которымъ я его произнесъ, отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны не можетъ полагать, чтобы въ Русской арміи были люди, способные къ поступку столь недобросовѣстному; что между тѣмъ я долженъ былъ извинить подозрительность полковника, потому что въ послѣднее время въ полку его было много дезертировъ; что притомъ наша атака въ такое время, когда надобно было предполагать, что мы уже получили извѣстіе о перемиріи, могла питать подобныя подозрѣнія въ человѣкѣ, подавленномъ столькими злополучіями; а что́ касается до ночнаго нападенія, которымъ ему угрожали, то это основано единственно на словахъ мужиковъ, пришедшихъ изъ нашего лагеря. «Въ такомъ случаѣ, генералъ», сказалъ я съ нѣкоторою живостью, «я долженъ объявить вамъ, что, будучи единственнымъ здѣсь «представителемъ Русской арміи, не могу унизиться до того, чтобы «опровергать вѣсти, придуманныя г. полковникомъ десятаго гусар«скаго полка; но позволяю себѣ замѣтить вамъ, что онъ долженъ бы «былъ помнить благородный поступокъ нашъ съ вами не далѣе какъ «третьяго дня, когда, заставъ васъ врасплохъ, мы, по всѣмъ правамъ «войны, могли истребить отрядъ вашъ и между тѣмъ, по первому ва«шему возраженію, позволили вамъ спокойно отступить, не хотя «сражаться съ непріятелемъ, который не приготовился къ оборонѣ. «Позвольте еще прибавить, что если кто можетъ жаловаться на «явное нарушеніе права народовъ, то именно я, потому что съ «мѣсяцъ тому назадъ я былъ посланъ парламентеромъ въ Реймсъ съ «предложеніемъ сдачи и былъ принятъ пушечнымъ выстрѣломъ по «мнѣ». Не желая продолжать этого разговора, я поклонился генералу

и не сталъ дожидаться отвѣта. Въ остальную часть дня обхожденіе наше было довольно холодно, не потому чтобы холодность происходила со стороны генерала, но потому что, послѣ оказанныхъ мнѣ подозрѣній, я уже не могъ свободно предаваться откровенному разговору. Этотъ случай напомнилъ мнѣ, что утромъ того же дня я игралъ у генерала на бильярдѣ съ однимъ офицеромъ и, когда мы остались одни, тотъ таинственно подошелъ ко мнѣ, признался, что хотѣлъ бы перейти въ нашу армію и просилъ меня помочь ему. Я бросилъ на него взглядъ, изъ котораго онъ, конечно, увидѣлъ, какъ поразило меня подобное признаніе, и предложилъ ему доиграть нашу партію. Я уже забылъ это приключеніе, какъ разговоръ съ генераломъ напомнилъ мнѣ его, и я догадался, что офицеръ подосланъ былъ полковникомъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ изъ его полка. Между тѣмъ подозрительный полковникъ продолжалъ хлопотать, и я послѣ узналъ, что его тревожила измѣна Мармона, случившаяся въ тоже время. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ полковникъ застрѣлился послѣ Стодневнаго Правленія. На другой день, рано утромъ, вставъ съ постели, тотчасъ сошелъ я въ гостинную генерала Пике́ и къ удивленію моему нашелъ тамъ множество офицеровъ всѣхъ чиновъ, за исключеніемъ одного только полковника: они всѣ были въ мундирахъ и, казалось провели всю ночь безъ сна. Генералъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Извините, что мы оскор«били васъ нашимъ подозрѣніемъ, думая, что ночь не пройдетъ безъ «нападенія съ вашей стороны; но полковникъ грозилъ мнѣ такою «отвѣтственностью, что я принужденъ былъ принять всѣ нужныя «мѣры противъ назначеннаго нападенія; вотъ почему мы построили «баррикады при всѣхъ входахъ въ городъ и всю ночь не спали».

— Жаль мнѣ, господа, что вы провели такую безпокойную ночь; а я, между тѣмъ, спалъ какъ-нельзя лучше.

Часовъ въ десять утра пріѣхалъ генералъ Эммануэль, чтобы окончательно опредѣлить границы; само собою разумѣется, что я не говорилъ ему, при этихъ господахъ, какое прекрасное мнѣніе они объ насъ имѣютъ. Положеніе мое было бы слишкомъ выгодно, и притомъ надобно извинить людей въ несчастіи.

Война такимъ образомъ кончилась. Я просилъ позволенія отдохнуть въ Парижѣ, и пріѣхалъ туда въ началѣ Апрѣля. Я видѣлъ, какъ графъ Дартуа въѣзжалъ въ Парижъ. Его возносили до небесъ, цѣловали полы его платья; это было невообразимое упоеніе. Окружающіе его вырывали другъ у друга бѣлыя ленточки, которыя онъ бросалъ въ народъ и тотчасъ вздѣвали въ петлицу. Невозможно было не тронуться, и эта сцена заставила меня прослезиться...

А. С. ПУШКИНЪ.

(1816—1837).

По документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ.

Статья князя П. П. Вяземскаго *).

Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ извлечены изъ писемъ Н. М. и Е. А. Карамзиныхъ къ князю Вяземскому; князя П. А. Вяземскаго къ В. А. Жуковскому и А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому. Скудныя свѣдѣнія дополнены выдержками изъ біографіи сестры поэта, О. С. Павлищевой, написанной ея сыномъ, Л. Н. Павлищевымъ, и изъ записки графа М. А. Корфа съ примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго въ защиту памяти поэта. Защиту его памяти мы считаемъ дѣломъ излишнимъ, но дорожимъ каждымъ свѣдѣніемъ о геніальномъ Русскомъ поэтѣ, хотя бы ему и въ укоръ передаваемымъ людьми ему близкими. А. С. Пушкинъ не могъ не знать всѣхъ сплетень, свивавшихся около его славнаго имени родными его, друзьями, завистниками и недругами. Въ письмѣ изъ Одессы 1824 года къ князю Вяземскому, Пушкинъ, говоря о безполезности утраченныхъ Записокъ Байрона, съ изумительнымъ краснорѣчіемъ обращается къ людямъ, потѣшающимся надъ слабостями великихъ людей. Конецъ обращенія его къ глумителямъ въ высшей степени краснорѣчивъ. Слово «*иначе*» поражаетъ блескомъ своего цинизма.

---

*) Богатствомъ содержанія и широтою воззрѣній статья эта такъ замѣчательна, что, съ дозволенія многоуважаемаго автора, мы считаемъ за нужное перепечатать ее изъ Іюньскихъ листовъ газеты „Берегъ" 1880 года. Она появилась въ дни Московскихъ праздниковъ по случаю открытія памятника Пушкину. П. Б.

„Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо, а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ геніемъ. Поступокъ Мура лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона,—довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на с...ѣ! Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки, etc, потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. *Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы!* Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ не такъ какъ вы — иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно: никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью на томъ, что̀ посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно“.

*

Н. М. Карамзинъ въ письмѣ отъ 2-го Іюня 1816 года пишетъ изъ Царскаго Села, съ своего новоселья:

„...О себѣ скажемъ, что мы живемъ по здѣшнему въ пріятномъ мѣстѣ. Домикъ изрядный, садъ прелестный; ѣзжу верхомъ, ходимъ пѣшкомъ, и можемъ *наслаждаться* уединеніемъ. Государя я не видалъ, могу и не увидать. Ему докладывали о моемъ пріѣздѣ. Онъ спрашивалъ, по словамъ Ожаровскаго *), довольны ли мы домомъ, и проч. Въ Павловскомъ я былъ два раза: Императрица довольно привѣтлива. Осмотрѣвъ Петербургскія типографіи, *почти* могу быть увѣреннымъ, что здѣсь нельзя печатать мнѣ исторіи; слѣдственно ждите насъ въ Августѣ. Жить дорого до крайности. Арзамасцы любезны по старому. Насъ посѣщаютъ питомцы Лицея: поэтъ Пушкинъ, *историкъ* Ломоносовъ, и смѣшатъ своимъ добрымъ простосердечіемъ. Пушкинъ остроуменъ“.

Вотъ любопытное письмо Е. А. Карамзиной, отъ 13-го Іюля того же года. Мы печатаемъ его вполнѣ ради его исторической важности,

---

*) Графъ Ожаровскій, генералъ-адъютантъ, лицо близкое Императору Александру и другъ Карамзина.

и хотя Пушкинъ упоминается въ немъ лишь вскользь, какъ школьникъ, но однако уже какъ одно изъ малочисленныхъ лицъ, близкихъ князю Петру Андреевичу и проживавшихъ въ Царскомъ Селѣ. Всѣ письма и приписки Екатерины Андреевны писаны пофранцузски:

„Тому уже нѣсколько дней чтó мы не писали вамъ, дорогіе друзья, но придворные вечера и утомительныя прогулки лишали насъ этого удовольствія. Вы требуете подробностей. Я опишу вамъ день, проведенный въ Царскомъ Селѣ у Государя. Въ одинъ изъ Четверговъ, день въ который я встрѣчаюсь съ Государемъ въ саду, онъ ко мнѣ подошелъ; мы очень пріятно ведемъ бесѣду цѣлую четверть часа; разстаемся; каждый уходитъ въ свою сторону. Я о немъ перестала уже и думать, какъ вдругъ я снова вижу его передъ собой; я начинаю извиняться за мою неловкость, что я прерываю его царскія думы, онъ же мнѣ отвѣчаетъ любезностями. Эта вторая четверть часа оканчивается любезнымъ приглашеніемъ къ нему на обѣдъ на слѣдующій день. Вы понимаете, что приглашеніе принято съ благодарностію и приведено въ исполненіе въ Пятницу съ удовольствіемъ. Вотъ мы въ первый разъ запросто при большомъ дворѣ. Дворъ и свита Императрицы-матери, нѣсколько генераловъ, князь Голицынъ, Каподистріа и ваши покорнѣйшіе слуги составляли все общество, не считая хозяевъ дома и трехъ фрейлинъ. По окончаніи обхода, во время котораго все семейство было со мной весьма любезно, и въ особенности хозяева, мы пошли обѣдать. За столомъ Государь нѣсколько разъ ко мнѣ обращался; затѣмъ мы перешли пить кофе на колоннаду, при страшномъ вѣтрѣ, надувавшемъ наши юпки какъ паруса; это однако не помѣшало находить погоду прелестной, хотя всѣ отъ холода дрожали, и кататься въ линейкахъ по Александровскому парку (мы и обѣдали не въ большомъ дворцѣ, а въ Александровскомъ, который восхитителенъ). Гулянье наше окончилось около шести часовъ; въ семь часовъ мы собрались на колоннаду въ большомъ дворцѣ, а оттуда пошли пѣшкомъ на большое озеро въ саду; здѣсь насъ ожидали лодки, и мы совершили восхитительную прогулку, такъ какъ погода совсѣмъ стихла; гулявшіе въ саду, собиравшіеся въ кучки, представляли оживленное зрѣлище; надо знать садъ, чтобъ имѣть вѣрное понятіе объ этой прекрасной подвижной картинѣ. Мы вышли на пустынный островъ; здѣсь насъ ожидало угощеніе. Хозяинъ и хозяйка превзошли себя въ искусствѣ чествовать своихъ гостей. Я разскажу вамъ самыя выдающіяся черты относительно меня самой. Государь, послѣ того что подходилъ много разъ ко мнѣ, чтобы говорить мнѣ весьма любезныя вещи, въ то время какъ подавали чай — подозвалъ подававшаго, предложилъ мнѣ чаю, самъ налилъ и самъ поднесъ мнѣ самымъ любезнѣйшимъ образомъ и все время продолжая разговоръ. Какъ скоро онъ удалился, императрица Елисавета замѣнила его, нашла, что я сижу непокойно, поднесла мнѣ стулъ, на-

ставивала, чтобы я сидѣла пока она стоитъ; я ее умоляю, чтобы она позволила мнѣ также стоять; тогда она приказываетъ поставить стулъ рядомъ съ моимъ, и тутъ я начинаю совершенно дружески съ нею разговаривать. Десять минутъ послѣ нашего разговора засѣданіе окончено, садятся снова въ шлюпки, причаливаемъ къ пристани, и счастливый день заканчивается счастливо. По окончаніи всего этого всѣ пошли спать—одни съ своими женами, а другіе одинешеньки. Мы же не легли спать, потому что Каподистріа съ Севериными пришли къ намъ пить чай, и часъ съ ними проведенный былъ не изъ менѣе пріятныхъ всего дня. Изо всего этого вы можете заключить, что съ нами обращаются отлично, и ваше заключеніе будетъ совершенно основательно; также безспорно и то, что все семейство привлекательной доброты, особенно Государь, который къ этому присоединяетъ необыкновенную любезность, преисполненную очарованія. Жена его — Грація, но уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, сохранившая въ голосѣ прелесть, проникающую прямо въ сердце, и ангельскую чувствительность, и нѣжность во взорѣ. Не смотря на все это, не смотря на блестящую и чарующую прелесть, меня окружающую, взоры мои, мысли, чувства влекутъ меня въ Москву, спокойное убѣжище, гдѣ лѣнь моя имѣла возможность отдыхать въ покоѣ. Я до сихъ поръ не сжилась съ окружающимъ меня туманомъ, и вздыхаю по моей спокойной ничтожности. Напослѣдокъ, я передаю мою участь въ руки того, кто ею управитъ лучше меня и который самъ будетъ направляемъ тѣмъ Всеблагимъ Существомъ, Которое видитъ души насъ обоихъ чистыми и непорочными.

„Возвращаюсь снова къ празднествамъ. Мы собираемся на Петергофскій. Государь былъ такъ добръ, что подумалъ о насъ, и мы будемъ имѣть комнаты, а не то трудно было бы удовлетворить наше любопытство; по возвращеніи сообщу вамъ описаніе. Письмо это и сообщаемое описаніе навѣрно не имѣютъ такой пикантности, какъ письмо отъ 29-го Іюня, вчера полученное; оно очень насмѣшило насъ, благодаря тому, что страшная опасность такъ хорошо обошлась, но въ другой разъ подражайте Государю, который, катая своихъ гостей въ лодкахъ, никого не топитъ [1]). Излишне вамъ говорить, что 29 и 12 мы праздновали елико было возможно, и пили за ваше здоровье, захвативъ всѣхъ кто принимаетъ въ васъ участіе: г-жу Огареву и маленькаго Пушкина, пившаго отъ всего сердца за ваше здоровье. Что́ касается до меня, дорогой мой другъ, мнѣ пріятно говорить и повторять, какъ я васъ нѣжно люблю; одно ваше слово сказанное съ чувствомъ запечатлѣвается въ моемъ сердцѣ. *Это письмо запоздалое. Вы удивляетесь, откуда оно взялось* [2]). Я хотѣла угодить княгинѣ Вѣрѣ [3]); она меня просила подробно-

---

[1]) См. Переписку княжны Туркестановой съ Кристиномъ, стр. 362, въ 6-й книгѣ Р. Архива 1882.

[2]) Напечатанное курсивомъ—и въ письмѣ порусски. Екат. Андр. объясняетъ князю Петру Андреевичу свою необычную сообщительность.

[3]) Княгиня В. Ѳ. Вяземская, супруга поэта.

стей, но онѣ только для васъ и для Рябинина, которому вы ихъ сообщите. Вы видите, что я не измѣняю моихъ привычекъ: все тѣже каракули, но я не церемонюсь съ друзьями; вы ихъ никому не показывайте".

Отъ 30 Сентября 1818 года Н. М. Карамзинъ пишетъ изъ Царскаго Села:

„Думаемъ къ 7 Октября переѣхать въ городъ, читать корректуры, дѣлать визиты, большею частію пустые, пить чай съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ; одинъ разъ въ недѣлю кричать съ глухимъ канцлеромъ, etc."

Онъ же отъ 12 Мая 1819 года изъ Царскаго Села:

„Очень благодарю за Mem. d'un homme célèbre, etc.; немедленно отправлю все къ Пушкину черезъ Тургенева".

Письмо Е. А. Карамзиной, отъ 23 Марта 1820, заключаетъ характеристическія свѣдѣнія объ А. С. Пушкинѣ и о тѣсномъ кружкѣ друзей Н. М. Карамзина:

„Чтó касается до насъ, то я полагаю, что праздники мы проведемъ какъ и Великій постъ, т. е. въ совершенномъ одиночествѣ. Александръ Тургеневъ съ своимъ братомъ Сергѣемъ уѣхалъ въ Москву. Повидимому, послѣднему не очень понравились сношенія съ моимъ мужемъ: уѣзжая на неопредѣленное время въ Константинополь, онъ даже не далъ себѣ труда зайти къ намъ проститься. Кто знаетъ, милый князь Петръ, кто знаетъ, можетъ быть настанетъ время, когда, живя въ одномъ съ нами городѣ, вы насъ также не будете посѣщать, потому что ваша братья хоть и либералы, тѣмъ не менѣе весьма нетерпимы; надобно имѣть одни и тѣже взгляды, а не то не только нельзя другъ друга любить, не даже и видѣться нельзя. Я шучу, помѣщая васъ въ это число: характеръ моего мужа мнѣ порука, что мы останемся братьями, не смотря на политическія мнѣнія. Жуковскій навѣщаетъ насъ разъ въ мѣсяцъ. У Пушкина всякій день дуэли; благодаря Бога, онѣ не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы. Муравьевъ печатаетъ свою критику на исторію моего мужа. Вы видите изъ этого краткаго обзора, что наше положеніе плохо въ томъ обществѣ, которое навѣщало насъ съ большимъ постоянствомъ; но, увы, надо находить утѣшеніе и, благодаря Бога, мы не слишкомъ унываемъ. Мой мужъ занимается своей исторіей съ большей усидчивостью чѣмъ когда либо, а я (какъ муха на возу) ее переписываю. Мы уже помышляемъ о Царскомъ Селѣ; намъ приготовляютъ уже нашъ домикъ. Семейство наше здравствуетъ, и мы хóромъ благодаримъ за то Бога. Тѣже молитвы приношу за всѣхъ васъ, мои друзья, какъ за себя и за моихъ; цѣлую васъ съ большой нѣжностью и предоставляю себѣ въ слѣдующую Середу сказать вамъ: Христосъ воскресе!"

Къ этому письму, писанному Екатериной Андреевной, по обычаю, пофранцузски, Николай Михайловичъ приписалъ, какъ и всегда, порусски:

„Обнимаю васъ, любезнѣйшіе друзья, прочитавъ не безъ улыбки что̀ пишетъ къ вамъ жена о либералахъ, которые нелиберальны даже и въ разговорахъ, а я стараюсь быть либеральнымъ и на дѣлѣ, и въ такихъ случаяхъ... Но теперь не имѣю времени болтать. Скажу только, что люблю васъ, и нѣжно. Будьте, милые, здоровы и благополучны! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ“.

О дуэляхъ Пушкина упоминается и въ выдержкахъ изъ біографіи Павлищевой и въ запискѣ графа М. А. Корфа.

Въ письмахъ Н. М. Карамзина и Екатерины Андреевны весьма ясно звучитъ строгій наставническій тонъ, съ значительной примѣсью высокомѣрія. Тонъ этотъ даже изумительно напоминаетъ тѣ письма, которыя князь Андрей Ивановичъ писалъ моему отцу въ послѣдніе годы жизни. Немудрено, что и Пушкинъ съ горечью вспоминалъ объ отношеніяхъ къ нему Карамзина.

Такъ, въ письмѣ изъ Михайловскаго, отъ 10-го Іюня 1826 года, онъ пишетъ князю Петру Андреевичу:

„Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, что̀ ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышать обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшить: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій—такъ что̀ же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю“.

Двѣ эпиграммы Пушкина (1818 года) на Карамзина напечатаны въ первомъ томѣ его сочиненій (изд. 1880, стр. 212).

Двѣ эпиграммы на Аракчеева (1820 года, въ томъ же изданіи) несомнѣнно были, и даже на первомъ планѣ, въ числѣ эпиграммъ, упоминаемыхъ Н. М. Карамзинымъ. (См. ниже).

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 17 Мая 1820 года Карамзинъ вкратцѣ упоминаетъ объ исходѣ перваго акта Пушкинской драмы въ связи съ политическими событіями того времени въ Европѣ: 1-го (13) Февраля 1820 года былъ убитъ въ Парижѣ герцогъ Беррійскій.

„Богъ знаетъ какъ долго не получали ни строки изъ Варшавы. Даже и Тургеневъ жаловался на ваше молчаніе. Впредъ не желаемъ имѣть такого безпокойства. Готовитесь ли къ сейму и что сочиняете: рѣчи ли, конституцію ли? Гишпанцамъ желаю добра, а едва ли придется мнѣ и съ вами идти къ нимъ пѣшкомъ. Клобами и журналами не прельщаюсь. И у насъ проявились смѣльчаки: графъ Хвостовъ *дерзнулъ* сказать (въ стихахъ на убіеніе Берри), что не должно рѣзать людей. Онъ ждетъ великодушно смерти отъ руки какого-нибудь Занда! Не выдумываю, а слышалъ отъ него самого. Между тѣмъ А. Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ. Далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ къ своей поэмкѣ! Простите, милые друзья, родители и дѣтки! Будьте всѣ здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ“.

Поэмка эта—«Русланъ и Людмила», а эпилогъ, напечатанный въ «Сынѣ Отечества« того же года, помѣченъ: «26 Іюня 1820 года. Кавказъ».

Хожденіе пѣшкомъ въ Испанію объясняется предшествовавшимъ письмомъ отъ 12 Апрѣля: „Исторія Гишпаніи очень любопытна, боюсь только фразъ и крови. Конституція кортесовъ есть чистая демократія à quelque chose près *). Если они устроятъ государство, то обѣщаюсь идти пѣшкомъ въ Мадритъ, а на дорогу возьму Донъ-Кишота или Кихота.

Письма Карамзиныхъ, характеризующія первый актъ драматической жизни Пушкина, недостаточно выражаютъ почти сыновнія отношенія Пушкина къ Карамзинымъ. Въ письмѣ В. А. Жуковскаго къ отцу Пушкина, отъ 15 Февраля 1837 года, отношенія эти ярко обрисовываются при прощаніи Пушкина съ жизнію:

„Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой земной разсчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: *Смерть идетъ.* Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, что хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: *Карамзину*! Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Сви-

*) За малымъ исключеніемъ.

данiе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: «*Перекрестите меня*», и потомъ поцѣловалъ у нея руку".

Въ письмахъ Карамзина замѣтно строгое, родительское и даже высокомѣрное отношенiе къ генiальному юношѣ. Это замѣтно изъ двухъ писемъ Карамзина 1820 года, напечатанныхъ Гротомъ и Пекарскимъ въ 1865 году. Нѣтъ сомнѣнiя, что увлеченiя первой молодости Пушкина должны были производить сильное впечатлѣнiе въ пуританской атмосферѣ, въ которой жилъ Карамзинъ, а генiальность Пушкина привлекала всѣ взоры на такiя шалости, которыя изъ года въ годъ повторяются среди столичнаго юношества, оканчивающаго свое школьное образованiе или уже выступившаго на дѣятельное поприще. Въ запискѣ Павлищева, племянника А. С. Пушкина, упоминается о двухъ дуэляхъ, которыя только доказываютъ, что генiальный юноша долго оставался задорнымъ ребенкомъ.

Прежде однако чѣмъ передавать подробности объ отроческихъ годахъ Пушкина, сохранившiяся въ запискѣ Павлищева, помѣщаемъ здѣсь, вслѣдъ за строгими отзывами Карамзина о Пушкинѣ, отзывы князя П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева.

Талантъ Пушкина весьма рано возбудилъ восторгъ князя Вяземскаго. Въ письмѣ къ Жуковскому изъ Варшавы, отъ 25 Апрѣля 1818 года, князь Петръ Андреевичъ пишетъ:

„Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши. Въ *дыму столѣтiй*! Это выраженiе—городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестiя! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то, этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь ли, что Державинъ испугался бы *дыма столѣтiй*? О прочихъ и говорить нечего"!

Князь Вяземскiй, не смотря на восторгъ, все-таки видитъ въ Пушкинѣ только племянника Василья Львовича. Тургеневъ же, помѣстившiй Пушкина въ Лицей, и по окончанiи въ немъ курса поэта, не зналъ что̀ дѣлать съ нимъ, точно курица высидѣвшая утенятъ. Въ письмѣ отъ 25 Февраля по поводу «Руслана и Людмилы» высказываетъ онъ свои заботы о Пушкинѣ:

„Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него. Увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и слѣдовательно уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепе-

пится. Теперь его знают только по мелким стихам и крупным шалостям; но по выходѣ въ печать его поэмы—будутъ видѣть на немъ если не парикъ академическій, то по крайней мѣрѣ не первостепеннаго повѣсу; а кто знаетъ? можетъ быть схватятъ и въ Академію. Тогда и поминай какъ звали! И Жуковскій сталъ не тотъ съ тѣхъ поръ, какъ завербованъ".

Достаточно видно, какъ много бѣдный Пушкинъ настрадался смолоду отъ своихъ родныхъ и друзей. Не даромъ онъ любилъ повторять слова Французскаго героя: «Защити меня, Господи, отъ моихъ друзей, а враговъ я беру на себя».

—

Въ дополненіе къ тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ о первой молодости А. С. Пушкина, которыя сохранились въ перепискѣ князя П. А. Вяземскаго, помѣщаю здѣсь выписки изъ воспоминаній Павлищева о матери своей, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, родной сестрѣ Александра Сергѣевича. Списокъ съ помѣтами князя П. А. Вяземскаго сохранился въ бумагахъ покойнаго. Предсказаніе о насильственной смерти поэта приписывается Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, занимавшейся хиромантіею. Біографическій очеркъ переполненъ разсказами о видѣніяхъ, галлюцинаціяхъ и столоверченіяхъ. Въ запискѣ Павлищева упоминаются двѣ дуэли, доказывающія только, что геніальный юноша долго оставался задорнымъ ребенкомъ, и едва ли не до конца жизни. Если бы Пушкинъ озабоченъ былъ сдерживаніемъ своихъ порывовъ и методическимъ пользованіемъ своими способностями, то онъ не могъ бы быть тѣмъ Пушкинымъ, которому Россія поставила памятникъ.

*

Записка Л. Н. Павлищева.

Сергѣй Львовичъ, получивъ современное Французское образованіе, предавался главнымъ образомъ изученію Французской литературы, писалъ превосходные Французскіе стихи, даже цѣлыя повѣсти въ стихахъ, уцѣлѣвшія въ альбомѣ г-жи Воловской въ Варшавѣ. Дѣдъ мой замѣчателенъ былъ какъ искусный актеръ-любитель, каламбуристъ и вообще какъ свѣтскій человѣкъ. Но Сергѣй Львовичъ въ бесѣдахъ своихъ не любилъ касаться ни политическихъ, ни экономическихъ вопросовъ, хотя не лишенъ былъ знаній въ этомъ отношеніи. Не любилъ тоже пускаться въ философскія пренія; помимо того,

что перечиталъ у себя въ кабинетѣ всѣ произведенія энциклопедистовъ Вольтеровской эпохи, онъ имѣлъ особенное расположеніе къ стихотворству. И не мудрено, что всѣ въ его домѣ занимались писаніемъ стиховъ: даже въ передней Пушкиныхъ водились доморощенные стихотворцы изъ многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, камердинеръ Никита Тимоѳеевичъ, сострипалъ даже нѣчто въ родѣ баллады, передѣланной изъ сказокъ о Соловьѣ-разбойникѣ, богатырѣ Еруланѣ Лазаревичѣ и царевнѣ Милитрисѣ Кирбитьевнѣ. Рукопись Тимоѳеича, какъ курьезъ, долгое время хранилась у моей матери, и затерялась во время переѣзда нашего изъ Варшавы въ Петербургъ въ 1851 году.

Въ Петербургѣ Сергѣй Львовичъ вошелъ, чрезъ своего брата Василья Львовича, въ дружескія связи съ первоклассными тогдашними литераторами. Батюшковъ, Дмитріевъ, Жуковскій и князь Вяземскій сдѣлались обычными посѣтителями его дома. Впослѣдствіи, съ выпускомъ Александра Сергѣевича изъ Лицея, а Льва Сергѣевича изъ Университетскаго Пансіона, литературный кружокъ Пушкиныхъ увеличился друзьями молодаго поэта—барономъ М. А. Корфомъ, барономъ А. А. Дельвигомъ, В. В. Кюхельбекеромъ, А. С. Грибоѣдовымъ, П. А. Плетневымъ, Е. А. Баратынскимъ и С. А. Соболевскимъ. Ольга Сергѣевна превосходно очертила каждаго изъ нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Всѣ эти и другія болѣе или менѣе замѣчательныя личности не могли не имѣть вліянія на развитіе умственной дѣятельности моей покойной матери.

Кромѣ того, обычными посѣтителями дѣда моего были Французскіе эмигранты. Изъ нихъ назовемъ графа Бурдибура, Камара, виконта Сентъ-Обена, а главное графа Ксавье де-Местра, автора: Voyage autour de ma chambre....

Гувернеровъ и гувернантокъ изъ иностранцевъ у молодыхъ Пушкиныхъ перебывало множество до вступленія Александра Сергѣевича въ Лицей. Всѣ почти науки преподавались Ольгѣ Сергѣевнѣ и Александру Сергѣевичу этими господами. Первымъ воспитателемъ обоихъ дѣтей былъ графъ Монфоръ, затѣмъ Русло, котораго смѣнилъ Шедель. Эти два послѣдніе Француза стояли въ педагогическомъ отношеніи ниже всякой критики. Несносный, капризный самодуръ Русло, имѣвшій претензію писать Французскіе стихи не хуже Корнеля и Расина, изливалъ свою злобу на Александра Сергѣевича всякій разъ, когда заставалъ его въ дѣтской за подобными же упражненіями въ стихотворствѣ. Тогда онъ жаловался Надеждѣ Осиповнѣ, въ глазахъ которой дѣти всегда были виноваты, а самодуръ правъ. Гувернантки были сноснѣе.

Такимъ образомъ первоначальное воспитаніе моей матери и брата ея находилось въ рукахъ этихъ господъ и госпожъ. Къ счастью, господамъ иностранцамъ не отдали въ распоряженіе Русскій языкъ и православный катехизисъ.

Бабка дѣтей, Марья Алексѣевна—изящнымъ слогомъ которой любовались всѣ читавшіе ея письма—обучала своихъ внуковъ отечественному язы-

ку, а священникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ преподавалъ имъ Законъ Божій. Обладая въ совершенствѣ Французскимъ языкомъ, онъ перевелъ „Духъ Массильона“, и какъ проповѣдникъ отличался силою своего краснорѣчія. Въ гостиной Пушкиныхъ бесѣдовалъ онъ съ Французскими эмигрантами на ихъ же языкѣ, опровергая остроумно философскія убѣжденія этихъ господъ. Съ нимъ только и съ Марьей Алексѣевной дѣти разговаривали по-русски. Сергѣй Львовичъ по вечерамъ занималъ ихъ мастерскимъ чтеніемъ Французскихъ классиковъ, въ особенности Мольера.

Отношенія матери моей къ своему брату, поэту, были самыя дружественныя. Она въ дѣтствѣ еще критиковала его комедію: „L'Escamoteur“, а онъ, будучи въ Лицеѣ, въ 1814 году, написалъ ей извѣстное посланіе.

По Воскресеньямъ и праздникамъ родные посѣщали Царскосельскихъ питомцевъ. Тутъ Александръ Сергѣевичъ читывалъ сестрѣ свои поэтическія произведенія и спрашивалъ ея совѣтовъ, сознавая всю тонкость ея вкуса и мѣткость ея замѣчаній. Она съ своей стороны обмѣнивалась съ нимъ мыслями и сама старалась развивать свое нравственное образованіе.

Весну и лѣто Пушкины проводили въ Михайловскомъ, въ сосѣдствѣ съ многочисленной семьей Ганибаловъ, представителями которыхъ были неисчерпаемые въ веселости своей и хлѣбосольствѣ трое дядей Ольги Сергѣевны Петръ, Павелъ и Семенъ Исааковичи, сыновья Исаака Абрамовича. Изъ нихъ отставной подполковникъ Семенъ Исааковичъ придумывалъ всевозможныя увеселенія, среди которыхъ и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ его, помимо того что однажды (это было вскорѣ послѣ его выпуска изъ Лицея) чуть было не вызвалъ его на дуэль за то, что С. И. въ одной изъ фигуръ мазурки завладѣлъ его дамой, дѣвицею Л—вой, къ которой Александръ Сергѣевичъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ. Дѣло между дядей и племянникомъ кончилось, разумѣется, мировой и новыми увеселеніями.

Ольга Сергѣевна разлучилась съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ въ 1820 году, когда онъ, какъ извѣстно, былъ удаленъ изъ Петербурга; возвратился онъ въ Михайловское только лѣтомъ 1824 года. Въ 1826 году младшій ея братъ, Левъ Сергѣевичъ, записался, втайнѣ отъ родителей, прочившихъ его въ гражданскую службу, въ Нижегородскій драгунскій полкъ и уѣхалъ изъ Петербурга.

И Александръ Сергѣевичъ и Левъ Сергѣевичъ бѣжали, можно сказать, изъ дома. Первый чуть ли не нарочно провинился стихами, чтобы его выслали изъ Петербурга, а второй тайкомъ записался въ Нижегородскій драгунскій полкъ, какъ о томъ выше сказано. Мать моя выдержала ярмо дольше всѣхъ.

Въ альбомѣ списаны Ольгою Сергѣевной лучшія Русскія стихотворенія ея брата и другихъ писателей, а также ея собственныя. Къ сожалѣнію, мать

моя не подъ каждымъ изъ нихъ подписывала фамилію авторовъ. Но въ числѣ этихъ поэтическихъ произведеній помѣщено два, которыя приписываются Ольгѣ Сергѣевнѣ ея друзьями. Мать моя, по скромности своей, на мои вопросы, кто ихъ сочинилъ, отвѣчала улыбаясь: „Отгадай, не скажу". Первая изъ этихъ пьесъ: „Пушкинъ" сочинена, когда братъ ея, высланный изъ Петербурга, плѣнялъ своею лирою Бессарабію и Кавказъ. Вотъ какъ онъ былъ воспѣтъ, по всей вѣроятности сестрою:

Пушкинъ.

Еще въ младенческія лѣта
Являлъ онъ къ пѣснямъ дивный даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ,
И вѣрный тайному влеченью
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Въ печальной участи изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Златое сѣмя дарованья,
Какъ пышный цвѣтъ созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ подъ игомъ скуки,
Влача свой страннический вѣкъ,
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ;
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли,
И въ упоеньи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

Вторая пьеса: „*Разувѣреніе*", въ которой Ольга Сергѣевна говоритъ отъ имени Царскосельскаго товарища Александра Сергѣевича, В. В. Кюхельбекера, написана по случаю упрека, сдѣланнаго Кюхельбекеру моимъ дядей за обидчивый характеръ, причемъ Александръ Сергѣевичъ сказалъ ему: „Тяжелый у тебя нравъ, братъ Кюхля! Вспомни мое слово: ни любовницы, ни друга не познать тебѣ во вѣкъ". Пушкинъ, впрочемъ, надо замѣтить, очень любилъ *брата Кюхлю* (такъ онъ всегда называлъ его), и только разъ повздорилъ съ нимъ изъ за какихъ-то пустяковъ, вслѣдствіе чего, разсказывала мнѣ Ольга Сергѣевна, секунданты повздорившихъ, ихъ же закадычные друзья, поставивъ поединщиковъ на дистанію въ десяти шагахъ, вручили имъ по карманному пистолетику, не бившему и на пять шаговъ. Результатомъ поединка было, конечно, искреннее примиреніе друзей и смѣхъ немалый.

Вотъ стихи „*Разувѣреніе*“.

Не мани меня, надежда,
Не прельщай меня мечта!
Ужъ нельзя мнѣ всей душою
Вдаться въ сладостный обманъ.
Ужъ унесся предо мною
Съ жизни жизненный туманъ.
и пр.

Послѣдній выписываемый нами эпизодъ изъ біографіи О. С. Павлищевой, не принадлежитъ той же эпохѣ; но мы приводимъ эту характеристическую черту, такъ какъ весьма вѣроятно намъ не придется болѣе возвращаться къ этому біографическому очерку.

27 Января 1828 года, въ часъ пополуночи, Ольга Сергѣевна вышла изъ дому; у воротъ ждалъ ея отецъ мой. Они сѣли въ сани и поскакали въ церковь Св. Троицы Измайловскаго полка, гдѣ и обвѣнчались въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, друзей жениха, а именно: двухъ офицеровъ Измайловскаго (В. и Б.) и двухъ Конноегерскаго полка (В. и Т.).

Послѣ вѣнца Николай Ивановичъ отвезъ свою супругу назадъ къ родителямъ, а самъ отправился къ себѣ домой. Ольга Сергѣевна рано утромъ послала за братомъ, Александромъ Сергѣевичемъ, жившимъ тогда особо въ Демутовой гостинницѣ. Онъ тотчасъ прискакалъ, и послѣ переговоровъ съ родителями далъ знать Николаю Ивановичу, чтобы тотъ немедленно явился. Новобрачные пали къ ногамъ родителей и получили прощеніе. Но прощеніе Надежды Осиповны было неполное: она до самой своей смерти дулась на зятя. Сергѣй же Львовичъ, напротивъ того, полюбилъ его какъ роднаго сына.

Когда объ этомъ происшествіи доложено было Государю Императору С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, то Его Величество спросилъ, нѣтъ ли жалобы съ чьей-либо стороны, и на отрицательный отвѣтъ оберъ-полицеймейстера, соизволилъ сказать: „Такъ оставить безъ послѣдствій“, чему былъ очень радъ Николай Ивановичъ, и въ особенности его свидѣтели.

По этому же случаю Александръ Сергѣевичъ сказалъ сестрѣ: „Ты мнѣ испортила моего Онѣгина: онъ долженъ былъ увезти Татьяну, а теперь... этого не сдѣлаетъ“.

*

Записка графа Корфа *).

Въ 1872 году Н. П. Барсуковъ сообщилъ князю П. А. Вяземскому копію съ записки графа М. А. Корфа объ А. С. Пушкинѣ съ просьбой сдѣлать на нее замѣчанія. Сообщаемъ этотъ важный доку-

*) Эту записку авторъ передалъ въ спискѣ на храненіе и въ Чертковскую Библіотеку. П. Б.

ментъ, не смотря на его строгую оцѣнку характера Пушкина, ссылаясь въ оправданіе на письмо поэта о Байронѣ, помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ къ нашей статьѣ. Излишне защищать и память Сергѣя Львовича Пушкина, жившаго подобно всѣмъ нашимъ дѣдамъ, пробавляясь Вольтеромъ и одолжаясь другъ у друга посудой во всѣхъ случаяхъ, выходящихъ изъ обыденнаго порядка.

Жизнь Пушкина была двоякая [1]): жизнь поэта и жизнь человѣка. Біографическіе отрывки, которые мы о немъ имѣемъ, вышли всѣ изъ рукъ или его друзей, или слѣпыхъ поклонниковъ, или такихъ людей, которые смотрѣли на Пушкина черезъ призму его славы и даже если и знали что нибудь о моральной его жизни, то побоялись бы раскрыть ее передъ публикою, чтобы не быть побіенну литературными каменьями. Я не только воспитывался съ Пушкинымъ въ Лицеѣ, но и жилъ еще съ нимъ лѣтъ пять подъ одною кровлею, въ томъ самомъ домѣ Трофимова, о которомъ говоритъ г. Бартеневъ, каждый при своихъ родителяхъ; потому зналъ его такъ коротко, какъ мало кто другой, хотя связь наша никогда не переходила за обыкновенную пріятельскую.

Начну съ того, что все семейство Пушкиныхъ было какое-то взбалмошное. Отецъ его былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ, на манеръ старинной Французской школы, съ анекдотами и каламбурами, но въ существѣ человѣкомъ самымъ пустымъ, безтолковымъ, безполезнымъ и особенно безмолвнымъ рабомъ своей жены. Послѣдняя была женщина не глупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности разсѣянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Домъ ихъ представлялъ всегда какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана: когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами. Все это перешло и на дѣтей. Въ Лицеѣ Пушкинъ рѣшительно ничему не учился [2]), но и тогда уже блисталъ своимъ дивнымъ талантомъ. Особенный кружокъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ свои досуги, состоялъ вполнѣ изъ л.-гусарскаго полка [3]). Вечеромъ, послѣ класныхъ часовъ, когда прочіе бывали или у директора или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидѣвшій всякое стѣсненіе, пировалъ съ этими господами на распашку.

---

[1]) Какъ то обыкновенно бываетъ со всѣми: здѣсь нѣтъ двоякости, исключительно или особенно Пушкину принадлежащей.

[2]) Кажется, учился неосновательно, непослѣдовательно, а *рѣшительно ничему*— ужъ слишкомъ сильно сказано. Онъ и тогда много читалъ, стало быть про себя все-таки учился.

[3]) И въ гусарскомъ полку Пушкинъ не только *пировалъ на распашку*, но сблизился и съ Чаадаевымъ, который вовсе не былъ гулякою; не знаю что̀ бывало прежде, но, со времени переѣзда семейства Карамзиныхъ въ Царское Село, онъ бывалъ у нихъ ежедневно по вечерамъ. А дружба его съ Ив. Пущинымъ?

По окончаніи курса выпустили его изъ Лицея коллежскимъ секретаремъ—чинъ, который остался при немъ до могилы. Между товарищами, кромѣ стихотворцевъ, онъ не пользовался особенною пріязнію. Въ Лицеѣ его называли Французомъ [4]); а если вспомнить, что онъ получилъ это прозваніе въ эпоху „нашествія Галловъ", то ясно, что этотъ титулъ заключалъ въ себѣ мало лестнаго. Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными Африканскими страстями, избалованный издѣтства похвалою и льстецами [5]), Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды ровной, систематической, сколько нибудь связной у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова; были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это лишь урывками, иногда, въ добрую минуту; большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе [6]). Въ Лицеѣ онъ превосходилъ всѣхъ въ чувственности, а послѣ въ свѣтѣ предался распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій [7]). Должно дивиться, какъ и здоровье и талантъ его выдержали такой образъ жизни, съ которымъ естественно сопрягались и частыя гнусныя болѣзни, низводившія его не разъ на край могилы. Пушкинъ не былъ созданъ ни для свѣта, ни для общественныхъ обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только двѣ стихіи: удовлетвореніе плотскимъ страстямъ и поэзія, и въ обоихъ онъ ушелъ далеко. Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ, и онъ полагалъ даже какое-то хвастовство

---

[4]) Если слылъ онъ *Французомъ*, то вѣроятно потому, что по первоначальному домашнему воспитанію своему лучше другихъ товарищей своихъ говорилъ по французски лучше зналъ Французскую литературу, болѣе читалъ Французскія книги, самъ писалъ Французскіе стихи, и проч.; но видѣть тутъ какое-нибудь политическое значеніе—есть предположеніе совершенно произвольное и которое въ Лицеѣ вѣроятно никому въ голову не приходило.

[5]) Не думаю, чтобы Пушкинъ былъ издѣтства избалованъ *льстецами*. Какіе могли быть тутъ льстецы?

[6]) Былъ онъ *вспыльчивъ*, легко раздраженъ—это правда; но совсѣмъ тѣмъ, онъ, напротивъ, въ общемъ *обращеніи* своемъ, когда самолюбіе его не было задѣто, былъ особенно *любезенъ* и *привлекателенъ*, что̀ и доказывается многочисленными пріятелями его. Бесѣды *систематической*, можетъ быть, и не было, но все прочее сказанное о разговорѣ его—несправедливо или преувеличено. Во всякомъ случаѣ не было *тривіальныхъ общихъ мѣстъ*: умъ его вообще былъ здравый и свѣтлый.

[7]) Сколько мнѣ извѣстно, онъ вовсе не былъ *преданъ распутствамъ всѣхъ родовъ*. Не былъ монахомъ, а былъ грѣшенъ какъ и всѣ въ молодые года. Въ любви его преобладала вовсе не *чувственность*, а скорѣе поэтическое увлеченіе, что̀ впрочемъ и отразилось въ поэзіи его.

въ отъявленномъ цинизмѣ по этой части: злыя насмѣшки—часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ родственными привязанностями, надъ всѣми отношеніями общественными и семейными: это было ему ни почемъ. Ни несчастіе, ни благотвореніе императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары монарха, онъ другою омокалъ перо для злобной эпиграммы [8])! Вѣчно безъ копѣйки, вѣчно въ долгахъ, иногда почти безъ порядочнаго фрака, съ безпрестанными исторіями, съ частыми дуэлями, въ близкомъ знакомствѣ со всѣми трактирами, непотребными домами и прелестницами Петербургскими, Пушкинъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата. Было время, когда онъ получалъ отъ Смирдина по червонцу за стихъ; но эти червонцы скоро укатывались, а стихи, подъ которыми не стыдно бы было подписать имя Пушкина—единственная вещь, которою онъ дорожилъ въ мірѣ—сочинялись не всегда и нелегко. Онъ писалъ только въ минуты вдохновенія. Женитьба нѣсколько его остепенила, но была пагубна для его генія. Прелестная жена, которая любила славу своего мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзіи въ мірѣ, и—по странному противорѣчію—пользуясь всѣми плодами литературной извѣстности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тѣмъ, что она, свѣтская женщина par excellence, привязана къ мужу homme de lettres. Эта жена съ семейными и хозяйственными хлопотами привела къ Пушкину ревность и отогнала его Музу [9]).

*

Время съ 1822 по 1825 годъ.

Князь П. А. Вяземскій пишетъ Тургеневу отъ 30 Мая 1822 г. изъ Москвы (дуэли съ полковникомъ Старовымъ и Молдаваниномъ Бальшемъ относятся къ 1822 г., см. Рус. Арх. 1866 г.):

Вручитель этихъ строкъ Malcolm, Шотландскій путешественникъ; онъ былъ мнѣ рекомендованъ изъ Варшавы и подтвердилъ собою хорошую реко-

---

[8]) Императору Николаю былъ онъ душевно преданъ.

[9]) Никакого особеннаго знакомства съ трактирами не было, и ничего трактирнаго въ немъ не было, а еще менѣе *грязнаго разврата*. Всѣ эти обвиненія не только несправедливая строгость, но и клевета. Жена его любила мужа вовсе *не для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ* и нимало не *гнушалась* тѣмъ, что была женою d'un homme de lettres. Въ ней вовсе не было чванства, да и по рожденію своему принадлежала она высшему аристократическому кругу. Худо вѣрится, чтобы эта записка была составлена Корфомъ, а если его, то нельзя не дивиться, что при подобной оцѣнкѣ Пушкина взялся онъ за предсѣдательство въ комитетѣ о сооруженіи ему памятника.

мендацію. Приласкай его и познакомь въ Петербургѣ. Ты меня совсѣмъ забылъ. Сдѣлай милость, высылай скорѣе красную книжку. Кишиневскій Пушкинъ ударилъ въ рожу одного боярина и дрался на пистолетахъ съ однимъ полковникомъ, но безъ кровопролитія. Въ послѣднемъ случаѣ велъ онъ себя, сказываютъ, хорошо. Написалъ кучу прелестей; денегъ у него ни гроша. Кто въ Петербургѣ заботился о печатаніи его Людмилы? Вся-ли она распродана и нельзя ли подумать о второмъ изданіи? Онъ, сказываютъ, пропадаетъ отъ тоски, скуки и нищеты. Прости.

Братъ твой здоровъ. Получилъ-ли портретъ и грамматику и пустилъ-ли въ ходъ то и другое?

На письмѣ черная печать съ припиской:

Не пугайся чернаго сургучу: другаго не попалось подъ руки, да и Пушкинъ такъ натвердилъ „Черную Шаль".

Помѣщаемъ здѣсь письмо Михаила Ѳедоровича Орлова къ князю П. А. Вяземскому изъ Кіева, отъ 9 Ноября 1822 года, характеризующее Орлова и опредѣляющее въ его глазахъ значеніе Пушкина:

Любезный другъ, письмо твое съ изображеніемъ прелестной твоей жены я получилъ исправно и спѣшу тебѣ отвѣчать. Ждалъ тебя въ Крыму, въ Одессѣ, во всей Южной Россіи, а ты рыскалъ по Сѣверу. Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ успѣю тебя захватить въ Москвѣ, когда нынѣшній годъ туда явлюсь. Между тѣмъ посылаю женѣ твоей, у коей цѣлую ручку, нѣсколько банокъ варенья Кіевскаго, уплачивая тѣмъ старый мой долгъ и замазывая тебѣ сахаромъ ротъ за всѣ твои упреки.

При семъ слѣдуетъ также большое письмо отъ Пушкина, разбраненнаго тобою. Я не знаю, что̀ онъ къ тебѣ пишетъ; но этотъ молодой человѣкъ сдѣлаетъ много чести Русской словесности. Кавказскій Плѣнникъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прелестенъ, и даже послѣдніе стихи похожи нѣсколько на сочиненіе поэта лауреата (lauréat), и можно ихъ простить за красоты общаго.

Дѣло мое идетъ и продолжается. Чужіе краи и отечество наполнились странными слухами, и посреди общаго вранья трудно постичь настоящій ходъ дѣла. Объ ономъ я распространяться не буду, но вообрази себѣ собраніе глупой черни, смотрящей на воздушный шаръ. Одни говорятъ—это чортъ летитъ, другіе—это явленіе въ небѣ, третьи—чудеса, и пр., и пр. Спускается балонъ, и чтожъ? Холстина надутая газомъ. Вотъ все мое дѣло. Когда шаръ спустится, вы сами удивитесь, что такъ много обо мнѣ говорили. Впрочемъ, все сіе дѣло меня крѣпко ожесточило и тронуло до крайности. Ежели я достигъ равнодушія, то черезъ сильную борьбу. Теперь я спокоенъ и надѣюсь, что тѣ, кои съ перваго маха хотѣли меня сбить съ ногъ, ушиб-

лись сами о меня и кусаютъ себѣ пальцы. Прощай, любезный Асмодей, до свиданья.

Характеристично для исторіи развитія нашего журнализма письмо князя Петра Андреевича, писанное 25-го Февраля 1824 г. должно быть къ Воейкову и сохранившееся въ копіи въ бумагахъ Жуковскаго:

Еще до полученія твоего письма собирался я взнести тебѣ часть оброчной суммы на текущій годъ. О первыхъ двухъ письмахъ твоихъ слышу въ первый разъ. За что мнѣ на тебя гнѣваться? По неволѣ скуплюсь стихами своими: будешь скупъ, какъ ничего нѣтъ, а цензура и послѣднее отнимаетъ. Спасибо за описаніе литературнаго вашего миролюбія. Дайте срокъ! „C'est de Moscou aujourd'hui que vous viendra la lumière" [1]). „Фонтанъ" брызнетъ на васъ поэзіею! Я готовлю къ нему родъ предисловія, разговора, facétie; не знаю, удастся ли? Послѣ будетъ мнѣ можно; а болѣе всего дожидаю прока отъ журнала Раича, если позволятъ ему издавать его. Ваша Петербургская проза тоща до крайности. Да и какъ вы всѣ лѣнивы! Скажемъ правду: будто Гречъ и ты журналисты! Вы компиляторы текущихъ бездѣлокъ. Вы не даете насущнаго хлѣба, а кормите сухарями. Кажется Ривароль говоритъ о Мирабо, что главное въ немъ достоинство было, qu'il écrivait et parlait sur des objets palpitants de l'intérêt du moment [2]). Вотъ правило, коему долженъ слѣдовать журналистъ. А у васъ никогда не дождемся этого трепетанія. Одинъ Измайловъ иногда захватываетъ природу на дѣлѣ, да и то когда ее проноситъ съ верха и низа. Конечно, времена не благопріятствуютъ большей живости, но послѣдуемъ первому, который и въ навозѣ копышется. Надобно напугать Красовскаго съ братіею дѣятельностію и рваться передъ ними, и что ихъ дураковъ тѣшить и добровольно засыпать подъ ихъ баюканье? Вода хлещетъ и подмываетъ съ ревомъ и яростію плотину, преграждающую ея естественное теченіе, а не цѣлуетъ ее покорными и безголосными струями. Плотину поставили, за то и держись плотина!... Ужъ если пошло дѣло на брань, то побраню тебя и за твое шарлатанство и гостинодворничество. Чтó за охота выставлять старый товаръ за новый? Кого обманешь? Да и на что подставлять бедро справедливымъ уликамъ? Мало ли говорено было о томъ, что ты перепечатываешь старье, а ты все не уймешься. Ужъ, изъ Дамскаго Журнала вытаскиваешь ты меня! Пожалуй, подумаютъ иные что я самъ, какъ Хвостовъ, суюсь изъ угла въ уголъ. Воля твоя, не хоро-

---

[1]) Теперь изъ Москвы придетъ къ вамъ свѣтъ.

[2]) Что онъ писалъ и говорилъ о предметахъ, животрепещущихъ занимательностью минуты.

шо! Зачѣмъ не выдаешь ты листковъ своихъ въ книжкахъ? Все бы лучше, а теперь какъ ни дѣлай, но не убережешься, чтобъ ихъ не расхватали на завитки, на закуриваніе трубокъ и еще....

Но Боже упаси того!

Что за подогрѣтый разборъ Дмитріева? И меня также отрѣзалъ ты, какъ часть телятины, да и выставилъ цѣликомъ! Охота тѣшить Булгариныхъ, Каченовскихъ и напрашиваться на ихъ тупое остріе.

У меня болѣе мѣсяца лежитъ на столѣ это письмо и листъ стиховъ для тебя, но иные стихи хочется исправить, а въ этомъ и запятая. Сдѣланный стихъ никакъ въ переработку нейдетъ. Пока посылаю кое-что на зубокъ.

Прости. Можетъ-быть со временемъ буду присылать тебѣ изрядныя статьи, подъ названіемъ: *Сыщикъ*, въ коихъ буду выводить на свѣжую воду наши глупости журнальныя, нравственныя, и проч. и проч.

Скажи Жуковскому, что его виды Павловска мало-по-малу идутъ въ ходъ. Палеологовъ его также снаряжаю. Обнимаю его.

Отъ 9-го Сентября 1824 года князь П. А. Вяземскій пишетъ Жуковскому по издательскимъ дѣламъ своихъ друзей.

Ты вѣроятно знаешь, что Ольдекопъ перепечаталъ беззаконно поэму Кавказскаго Плѣнника, что Сергѣй Львовичъ протестовалъ, что продажа была остановлена, и проч. Теперь прислали въ Москву на продажу. Я писалъ о томъ Шаликову, который говорилъ Ширяеву, который сказалъ, что Сергѣй Львовичъ сдѣлался съ Ольдекопомъ и позволилъ ему продавать свое изданіе. Узнай, сдѣлай милость, сейчасъ отъ Сергѣя Львовича, правда ли это? Если же нѣтъ, то пусть онъ немедленно напишетъ мнѣ предъявительное письмо, которымъ я воспользуюсь для удержанія продажи. Не надобно же дать грабить Пушкина. Довольно и того, что его давятъ. Если Сергѣя Львовича нѣтъ въ Петербургѣ, ни сына его Льва, то ты можешь узнать о дѣлѣ отъ Гнѣдича или Плетнева, и тотчасъ отписалъ (бы) мнѣ, а я черезъ Оболенскаго *) все могу предварительно остановить продажу. Такъ какъ это дѣло не мое и не твое, то надѣюсь, что нечего погонять тебя, и я увѣренъ, что ты тотчасъ все сдѣлаешь исправно. Не забудь, что почта ходитъ теперь ежедневно въ Москву. Тебѣ Тургеневъ далъ 1200 р. отъ меня. Вотъ наши съ тобою счеты: слушай! Отъ тебя прислано мнѣ 50 Павловскихъ видовъ по 15 р. тетрадка; продано 39 экземпляровъ, выручено 515 р. (между прочимъ гр. Бобринская за 5 экземпляровъ дала 150 р.), слѣдовательно у меня остается

*) Тогдашняго попечителя Московскаго университета князя Андрея Петровича. П. Б.

11 экземпляровъ. Твоихъ сочиненій прислано мнѣ 270 экземпляровъ, продано мною 31 экземпляръ, выручено 775 р., остальные 239 экземпляровъ отданы Ширяеву въ лавку. У меня твоихъ денегъ

515 Павловскіе виды.
775 Сочиненія.
Всего 1.290

Стало, за мною еще твоихъ 90 р., которые отдамъ Тургеневу, или кому хочешь, или пришлю, или что куплю, табаку Турецкаго, чаю, дѣвку; только тогда вышли мнѣ еще рублей 60: потому что менѣе 150 р. здѣсь не достанешь, и то уже поѣзжанную, а если съ иголочки, то 200 рублей.

Что̀ ты дѣлаешь, злодѣй? Я не могу простить тебѣ твое молчаніе о Байронѣ? За то мнѣ на дняхъ показывали несчастные стихи на смерть Кутузовой, увѣряя, что они твои. Я промолчалъ. Ничто тебѣ! Я получилъ отъ Гагарина изъ Парижа новую Messenienne Делавинья на смерть Байрона. Отдалъ ее переписывать и пришлю Карамзину. Прелесть! Есть два-три мѣста восхитительныя. А у насъ одинъ Кюхельбекеръ провылъ на его могилѣ. А отъ тебя и Пушкина не могъ добиться. Странные вы люди! Да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, то я почти обрадовался бы смерти Байрона, какъ поэтическому кладу, брошенному съ неба на прозаическую лощину нашего сухаго вѣка. Байронъ владѣлъ не только умозрительною поэзіею, но онъ осуществилъ и практическую поэзію. Наполеонъ на скалѣ святой Елены и Байронъ въ Миссолунги! Вотъ два поэтическіе фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинственность, т.-е. религіи не поповской, а той, которая была составлена изъ философіи и поэзіи. Въ ихъ смерти отзывается что-то такое смертію Эдипа. Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ былъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что̀ можетъ назваться *гнилью Европейскою*, въ виду натуры еще *неупраздненной*. Кстати! Кажется, стихъ Шиллера можно бы выразить порусски такъ: *упраздненныя небеса*. Воля ваша, нашъ языкъ совсѣмъ не смѣлъ. Не говоря уже о Нѣмецкомъ, который своеволенъ, но и самый Французскій дерзаетъ болѣе нашего. Оставь Французскихъ романтиковъ, какъ воспитателей еще не обдержавшихся, возьми въ одномъ родѣ Монтаня, въ другомъ Боссюета avec sa voix qui tombe *), Расина съ своими собаками; да у насъ затравятъ собаками, т.-е. Каченовскими, да по несчастію и Карамзины и Блудовы къ нимъ пристанутъ, чтобы заѣсть смѣльчака, который позволитъ себѣ такія дерзости и дебоширства.

---

*) Съ его упадающимъ голосомъ.

Пишете-ли вы-съ что-нибудь новенькое, Василій Андреевичъ? Муза ваша давно молчитъ. Что́ ты даешь въ Полярную? Что́ въ Сѣверные Цвѣты? Скажите Дельвигу, что я на дняхъ ему пришлю свой оброкъ.

Прости. Обнимаю всею душею. Ожидаю на дняхъ жену и дѣтей *). Пришли же мнѣ скорѣе отвѣтъ о Кавказскомъ Плѣнникѣ.

Въ то время какъ князь Вяземскій съ усердіемъ и самоотверженіемъ занимался поэмами Пушкина и сплоченіемъ разсѣянныхъ публицистическихъ силъ подъ знаменемъ Карамзина и Пушкина, послѣдній продолжалъ поднимать исторіи, принуждая людей уважать его какъ геніальнаго поэта, родовитаго дворянина и утонченнаго свѣтскаго человѣка, или клеймя высокомѣрныхъ недоброжелателей язвительными эпиграммами и сарказмами. Глубоко оскорбленъ былъ Пушкинъ предложеніемъ принять участіе въ экспедиціи противъ саранчи. Въ этомъ предложеніи Новороссійскаго генералъ-губернатора онъ увидалъ злѣйшую иронію надъ поэтомъ-сатирикомъ, приниженіе честолюбиваго дворянина, и вѣроятно паче всего одураченіе Ловеласа, под готовившаго свое торжество. Разстройство любовныхъ плановъ Пушкина долго отзывалось черченіемъ на черновыхъ бумагахъ женскаго изящнаго Римскаго профиля въ элегантномъ классическомъ головномъ уборѣ, съ представительной рюшью на шеѣ.

Отъ 7-го Іюня 1824 г. князь Вяземскій пишетъ Жуковскому, что онъ получилъ извѣстія изъ Одессы о дѣлѣ Пушкина, не совсѣмъ однако согласныя съ сообщаемыми имъ извѣстіями:

„Пишутъ, что Пушкинъ снова напроказничалъ, вслѣдствіе чего проситъ объ отставкѣ, но навѣрное ея не получитъ. Пишутъ, что нельзя не сожалѣть Пушкина, но что онъ кругомъ виноватъ: рѣдко встрѣтишь такую вѣтренность и такую наклонность къ злословію; сердце у него доброе, но онъ очень склоненъ къ мизантропіи; онъ избѣгаетъ не общества, а людей, которыхъ боится; это объясняютъ его несчастіями и отношеніями къ нему родителей".—Передавая эти извѣстія, князь Вяземскій присовокупляетъ: „Разумѣется, будь остороженъ съ этими выписками; но видно дѣло такъ повернули, что онъ не просится: это не ясно! Грѣшно, если и надъ нимъ уже промышляютъ и лукавятъ. Сдѣлай одолженіе, попроси Северина устроить, что̀ можно къ лучшему. Онъ его, кажется, не очень любитъ, тѣмъ болѣе долженъ стараться спасти его; къ тому же вѣрно уважаетъ его дарованіе, а дарованіе не только держава, но и добродѣтель".

Л. С. Пушкинъ, по пріѣздѣ изъ Михайловскаго, видимо пораженный распространенными даже въ дружескихъ кружкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ неблогопріятными для брата слухами объ удаленіи бра-

*) Изъ Одессы. П. Б.

та изъ Одессы, пишетъ князю Вяземскому въ Январѣ 1825 г., нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя по заточеніи Пушкина въ Михайловское. Вѣроятно Левъ Сергѣевичъ замѣтилъ у Карамзиныхъ (гдѣ онъ читалъ наизустъ стихи брата въ концѣ 1824 года), что свѣдѣнія имѣющіяся у моего отца не вполнѣ благопріятны для его брата по Одесскимъ дѣламъ и могутъ повліять на друзей и въ отношеніи столкновенія Пушкина съ отцемъ его, что̀ онъ и подразумѣваетъ подъ прочими ложными слухами, которые могли бы и не расходиться.

Не зная адреса Кюхельбекера—пишетъ Левъ Сергѣевичъ—я осмѣливаюсь обезпокоить васъ, почтеннѣйшій князь, просьбою доставить ему приложенное письмо, и воспользоваться симъ случаемъ, чтобы поговорить съ вами о братѣ. Я не считаю сіе лишнимъ, ибо по Москвѣ ходятъ о томъ извѣстія, дошедшія и къ намъ, которыя столь же ложны, сколько могутъ быть для него вредны. Причина его ссылки, довольно жестокой и несправедливой мѣры правительства, вамъ, можетъ быть, не совершенно извѣстна. Вотъ она. Вслѣдствіе мелочныхъ, частныхъ неудовольствій и дѣлъ съ братомъ, Воронцовъ требовалъ его удаленія, какъ человѣка вреднаго для общества (не говорю о прижимкахъ—vexations, которыя онъ дѣлалъ брату въ Одессѣ). Въ то время братъ подалъ въ отставку, но бумага Воронцова его предупредила [1])—сослать его въ деревню подъ надзоръ правительства съ запрещеніемъ въѣзжать даже и въ уѣздные города, говоря, что онъ для того такъ поступаетъ, чтобы не быть принужденнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строжайшимъ (?). Вотъ его исторія, безъ подробностей, но вѣрная. Я видѣлъ всѣ предписанія и бумаги начальства. Оставляю вамъ, князь, судить о его положеніи. Что̀ же касается до прочихъ слуховъ, которые могли бы и не расходиться, то вѣрьте, что они большею частію совершенно ложны или по крайней мѣрѣ увеличены. Одна только обида осталась у насъ еще на сердцѣ: *Шаликовъ осквернилъ могилу моей бѣдной тетки* [2]).

Вы скоро увидите печатанную первую главу Онѣгина, которую цензура, сверхъ всякаго чаянія, пропустила. Въ одномъ изъ примѣчаній, присоединенныхъ къ Онѣгину, было мѣсто убійственное для Василья Львовича; мнѣ очень хотѣлось сохранить его, но братъ, какъ добрый племянникъ, его выпустилъ. А жаль!

Простите меня, почтеннѣйшій князь, если я отнялъ у васъ нѣсколько минутъ моею болтливостію, и вѣрьте искренной преданности вашего покорнаго слуги.

---

[1]) Письмо подмочено, вслѣдствіе чего нѣсколько словъ нельзя прочитать.

[2]) Подчеркнутыя слова выражены пофранцузски и съ неприличной опредѣленностью.

Къ заступничеству Карамзина князь Вяземскій, кажется, не обращался. Карамзинъ долженъ былъ быть раздраженъ на Пушкина за то, что онъ скомпрометировалъ его заступничество въ двадцатомъ году, хотя самъ Карамзинъ пишетъ, что Пушкинъ ему тогда далъ обѣщаніе вести себя хорошо въ теченіе двухъ лѣтъ. Карамзинъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву положительно говоритъ, что Пушкинъ былъ прощенъ до отправленія къ Инзову, что̀ видно и изъ разрѣшенія Пушкину ѣхать съ Раевскими на Кавказъ.

Отъ 2-го Декабря 1824 года Н. М. Карамзинъ пишетъ къ Вяземскому:

Вчера молодой Пушкинъ читалъ намъ наизустъ *Цыганскую* поэмку брата и нѣчто изъ Онѣгина: живо, остроумно, но не совсѣмъ зрѣло. Отъ Пушкина къ Байрону: его Донъ-Жуанъ выпалъ у меня изъ рукъ. Что̀ за мерзость! И даже сколько глупостей!

Это единственное упоминаніе о Пушкинѣ въ письмахъ Н. М. Карамзина въ теченіе 1824 года, сохранявшихся моимъ покойнымъ отцомъ.

В. А. Жуковскій пишетъ Тургеневу изъ Петербурга отъ 22-го Ноября по 1824 поводу столкновенія въ Михайловскомъ между отцомъ и сыномъ, вслѣдствіе порученія Александра Сергѣевича родительскому надзору.

Слухи дошедшіе до васъ о Сверчкѣ *) пустые: онъ въ деревнѣ по прежнему; но едва не надѣлалъ групостей, которыя, кажется, имѣть слѣдствій не будутъ. Я получилъ отъ него письмо, которое было меня очень взбудоражило; но братъ его пріѣздомъ своимъ меня успокоилъ. Я отвѣчалъ ему и жду отъ него увѣдомленія. Отецъ пріѣхалъ въ Петербургъ вчера. Я еще съ нимъ не видался; но и онъ съ своей стороны, кажется, дѣлаетъ ребяческія глупости. Хочу ему прочитать проповѣдь, на которую я приглашу его къ себѣ. Бѣдъ никакихъ не случилось, но могли бы случиться. Разскажу при свиданіи. У меня деньги есть въ сборѣ, но еще не сдѣлалъ изъ нихъ употребленія: жду хорошаго случая; по мелочамъ не намѣренъ раздавать. Обними брата, Вяземскаго и Жихарева.

25. Нынче буду у С. Л.; знаю только навѣрное, что ничего не случилось. Скажи объ этомъ Вяземскому.

---

*) Прозвище Пушкина въ „Арзамасѣ“.

Князь Петръ Андреевичъ пишетъ отъ 10 Іюля 1825 изъ Ревеля:

Иду обѣдать къ Пушкинымъ, дочь (Ольга Сергѣевна) имянинница и нездорова. Она очень мила и напоминаетъ брата, отъ котораго получилъ я вчера письмо. Онъ отпущенъ въ Псковъ для лѣченія своего аневризма, но не знаютъ, поѣдетъ ли; мать, кажется, еще просила Государя, чтобы отпустили его въ Ригу, гдѣ есть хорошій докторъ.

Отъ 1-го Августа того же года изъ Ревеля:

Я получилъ письмо отъ ссылочнаго Пушкина; онъ, кажется, довольно доволенъ позволеніемъ ѣхать въ Псковъ, и имѣетъ уже тамъ на примѣтѣ оператора.

Отъ 28-го того же мѣсяца, изъ Царскаго Села:

Жуковскій получилъ письмо отъ ея брата, гораздо въ лучшемъ духѣ, чѣмъ то, которое она (Ольга Сергѣевна) получила. Онъ соглашается ѣхать въ Псковъ и, кажется, все будетъ устроено. Покажи ей мое письмо, но на всякій случай не при родителяхъ, которые, можетъ быть, не знали, что Пушкинъ не хочетъ ѣхать въ Псковъ.

Въ бумагахъ князя Вяземскаго сохранилась первоначальная редакція посланія къ Ольгѣ Сергѣевнѣ Пушкиной, 12 Августа 1825 года, во время ея пребыванія въ Ревелѣ. Двѣ послѣднія строфы представляютъ нѣсколько варіантовъ отъ текста, напечатаннаго въ изд. 1880, и въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» 1826 года:

Его удѣлъ: блескъ славы горделивой.
Сіяющей изъ лона бурныхъ тучъ,
И отъ нея падетъ блестящій лучъ
На жребій твой смиренной, но счастливой.
Но ты ему спасительнѣе будь (еще полезнѣй).

Свѣти ему звѣздою безмятежной!
И въ бурной мглѣ участьемъ дружбы нѣжной
Вливай покой въ растерзанную грудь
(тоскующую, томящуюся).

Варіанты въ скобкахъ помѣщены также въ скобкахъ и въ подлинникѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ исторіи, возбуждаемыя раздражительнымъ характеромъ Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы изъ ряда весьма обыкновенныхъ, если бы не было вокругъ него столько людей, горячо заботившихся о его участи. Свѣдѣнія о каждомъ его шагѣ сообщались во всѣ концы Россіи. Пушкинъ такъ умѣлъ обстанавливать свои выходки, что на первыхъ порахъ самые лучшіе его друзья приходили въ ужасъ и распускали вѣсти подъ этимъ пер-

вымъ впечатлѣніемъ. Благодаря таланту своему, Пушкинъ смолоду былъ близокъ людямъ состарившимся: Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Тургеневъ всѣ весьма склонные строго судить шалости, особенно имѣвшія ухарскій характеръ. Среда эта, по своимъ вкусамъ, традиціямъ и убѣжденіямъ, была вполнѣ буржуазная: порядочность, законность были высшими идеалами Карамзинскаго кружка.

Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ производилъ и смолоду впечатлѣніе на Россію не однимъ своимъ поэтическимъ талантомъ. Его выходки много содѣйствовали его популярности, и самая загадочность его характера обращала вниманіе на человѣка, отъ котораго всегда можно было ожидать неожиданное. Помѣщаемъ здѣсь протестъ князя П. А. Вяземскаго на имя А. И. Тургенева, протестъ, писав..ый въ эту эпоху и который слѣдовало бы скорѣе ожидать отъ Пушкина:

Гдѣ имѣетъ засѣданія свои комитетъ попеченія о Цыганахъ и тѣхъ, кои ихъ слушаютъ? На одномъ ли основаніи устроенъ этотъ комитетъ, какъ тотъ, который нѣкогда образованъ былъ въ пользу Жидовъ, и въ такомъ случаѣ можно ли ожидать, что послѣдній принесетъ столько же пользы, какъ и первый?

При семъ желается узнать, какое понятіе имѣютъ господа засѣдающіе о бѣдственномъ вліяніи Цыганскаго голоса на нравственность людей? Гдѣ гнѣздо, гдѣ улей сплетней, составляемыхъ на мой счетъ въ столичномъ городѣ Петра? Кто пл..ица, кто матка пчелка, которая разноситъ обо мнѣ сей дружественный медъ?

Хорошо ли вмѣшиваться въ дѣла семейныя? По чистому побужденію — согласенъ, но не по толкамъ городскимъ, сужденіямъ старыхъ бабъ обоего пола? Хорошо ли было встревожить Карамзиныхъ на счетъ человѣка, коего они любятъ горячо, не предваривъ прежде этого человѣка, уже не малолѣтнаго? Дружба хороша, но если она при слабоуміи, то можетъ въ иной часъ накутить болѣе непріятностей, чѣмъ сама непріязнь. Зная мой характеръ крутой, малосносный, не должно ли было предположить и ту возможность, что укоризны Карамзиныхъ по дѣлу *несправедливому* и во всякомъ случаѣ *пустому*, хотя бы и справедливому, подѣйствуютъ на меня однимъ раздражительнымъ образомъ? Что̀ тогда сказали бы эти попечительные друзья?

Позволительно ли изъ шалостей случайныхъ, не имѣющихъ никакой связи съ жизнію, не имѣющихъ на нее и на все, что̀ есть въ ней высокаго никакого обратнаго дѣйствія, составить себѣ о человѣкѣ мнѣніе постоянное, исключительное? Одно изъ двухъ или человѣкъ этотъ пошлый, и всякое заблужденіе, всякое отступленіе отъ казенной дороги оффиціальной морали можетъ вовлечь его въ бездну гибели и разврата — и тогда не стоитъ онъ, чтобы о немъ заботились, и туда ему и дорога! Или этотъ человѣкъ не со-

всѣмъ *дюжинный*, и тогда зачѣмъ же добровольнымъ судьямъ его присвоивать себѣ права какихъ нибудь *тріумвировъ* и безъ аппеляціи осуждать его, ставить себя его выше и выставлять свои мнѣнія за приговоры мудрости воплощенной? Положимъ, что иные поступки, иныя слабости въ пріятеляхъ моихъ и кажутся мнѣ предосудительными; но хорошо ли сдѣлаю, если пойду трезвонить о нихъ на городскихъ колокольняхъ, и составлю хоръ, единогласный съ городскими кумами и за одно буду ругать изъ дружбы того, котораго другіе ругаютъ изъ злости? Можно ли нѣкоторымъ моральнымъ б. нд. л . . . мъ судить безпристрастно о положеніяхъ того, который еще въ цвѣтѣ силы и въ пылу? Не будетъ ли для нихъ всякая примѣта въ немъ доказательствомъ пріанизма? Да откуда выскочилъ этотъ консиліумъ? Не всѣ ли мы изъ одного *гошпиталя неизлѣчимыхъ*, хотя подверженные различнымъ болѣзнямъ? Кто изъ насъ не тронутъ недугомъ? Что̀ даетъ право считать себя здоровѣе сосѣда?

Тутъ право нѣтъ личности; ибо точно не могу придумать, кто могъ наблевать обо мнѣ столько вздорэ; знаю только, что это отрыжка пріятельская. Не сержусь на слабый желудокъ того, который не могъ переварить пищи ему несвойственной; но прошу его, тебя и всѣхъ васъ впередъ изъясниться сперва со мною, а не бить тревоги на мой счетъ у Карамзиныхъ. Право, это не дѣло, а все таки сплетни. Вообще не люблю опекунства и не имѣю въ немъ нужды: я прошелъ уже лѣта испытаній. Бытіе мое, характеръ, получили свой образъ. Если вамъ этотъ образъ не нравится, то между нами дружбы быть не можетъ, ибо не будетъ съ вашей стороны уваженія ко мнѣ: если вы думаете, что нѣкоторыя черты этого образа стереться могутъ и дать мѣсто дикимъ наростамъ, то опять нѣтъ уваженія, или есть въ васъ большое легкомысліе. Впрочемъ, не знаю по чести, о чемъ тутъ говорить. Съ тѣхъ поръ, что знаю себя, велъ я всегда одинъ родъ жизни. Не веду себя всегда по казенному образцу, позволяю себѣ иное, можетъ быть и многое, но не въ ущербъ чести и совѣсти. Не думаю отступать отъ обязанностей своихъ, ибо не всюду сую своихъ обязанностей. Кончу тѣмъ, что друзьямъ не должно надоѣдать, а мнѣ вы опекунствомъ своимъ надоѣдите. Разумѣется, бываютъ случаи, въ которые другъ долженъ сказать истину другу, горькую и рѣзкую, не смотря на то какъ онъ ее приметъ; но эти заговоры дружбы по поводу пѣсней Цыганскихъ—нелѣпы и смѣшны. Досадны мнѣ они только потому, что ваши голоса сливаются въ слухѣ моемъ съ голосами Московскихъ бригадиръ-бригадиршъ, и что мнѣніе ихъ вмѣсто того, чтобы пересилено быть вашимъ обо мнѣ—напротивъ, перетянуло и васъ.

Сдѣлай милость, давай знать что дѣлается съ моею бумагою въ Г. У. П. Право, за это можно мнѣ извинить, что я въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выслушалъ разъ пять или шесть Цыганскія пѣсни. За то отъ меня пробилъ Цыганскій потъ у другихъ.

Прости. Я нарочно давно не писалъ къ тебѣ ибо во мнѣ еще кипѣла, право, не досада на васъ, а скука отъ васъ. Теперь она начинаетъ остывать, и обнимаю тебя по старому.

*

Пріѣздъ Пушкина въ Москву въ 1826 году произвелъ сильное впечатлѣніе, не изгладившееся изъ моей памяти и до сихъ поръ.

Вызванный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, вскорѣ послѣ коронаціи, изъ заточенія въ Михайловскомъ, Пушкинъ какъ метеоръ промелькнулъ въ моихъ глазахъ. «Пушкинъ, Пушкинъ пріѣхалъ», раздалось по нашимъ дѣтскимъ, и всѣ, дѣти, учителя, гувернантки— все бросилось въ верхній этажъ, въ пріемныя комнаты взглянуть на героя дня.

Литературныя знаменитости были намъ не въ диковинку: Дмитріевъ, Жуковскій, Баратынскій вращались въ нашей дѣтской средѣ; даже Рылѣевъ, котораго я прозвалъ «voilà la chose *)» по его обычному присловью, подмѣченному мною, всѣ они, повторяю, были и намъ дѣтямъ люди довольно близкіе. Одинъ лишь Карамзинъ являлся дѣтскому воображенію какъ непостижимая и недостижимая величина. Однажды я провелъ цѣлое лѣто у Карамзиныхъ въ Царскомъ Селѣ въ 1825 году и помню то благоговѣйное чувство, которымъ проникнуты были къ нему всѣ члены семейства.

Сильному впечатлѣнію, произведенному пріѣздомъ Пушкина, не говоря о магическомъ дѣйствіи его стиховъ, появленіе которыхъ всегда составляло событіе въ домѣ, несомнѣнно много содѣйствовала дружба Пушкина съ моею матушкой, въ Одессѣ, гдѣ часть нашего семейства провела лѣто въ 1824 году. И дѣтскія комнаты, и дѣвичья съ 1824 года были неувядающимъ разсадникомъ легендъ о похожденіяхъ поэта на берегахъ Чернаго моря. Мы жили тогда въ Грузинахъ, Цыганскомъ предмѣстьи Москвы, на сельско-хозяйственномъ подворьѣ П. А. Кологривова, вотчина моей матушки. Позже, зимой 1826—1827, по переѣздѣ въ нашъ домъ въ Чернышевскомъ переулкѣ, я рѣшился, по тогдашней модѣ, поднести Пушкину, вслѣдъ за прочими членами семейства, и мой альбомъ недавно подаренный мнѣ. То была небольшая книжка въ 32 долю листа, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ; я просилъ Пушкина написать мнѣ стихи.

---

*) Вотъ въ чемъ дѣло.

Дня три спустя, Пушкинъ возвратилъ мнѣ альбомъ, вписавъ въ него:

Душа моя Павелъ!
Держись моихъ правилъ:
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прости, мой прекрасный!

Альбомъ этотъ попался мнѣ весьма недавно въ Остафьевской библіотекѣ, но съ вырѣзаннымъ листкомъ. Вырѣзалъ же этотъ листокъ я самъ, получивъ впослѣдствіи въ подарокъ альбомъ болѣе значительнаго размѣра, куда я и переклеилъ стихи Пушкина. Альбомъ хранился у меня нѣсколько лѣтъ, и въ него занесли свои имена мои учителя, Викторъ Праховъ и Ѳ. С. Толмачевъ; но въ 1831 году онъ взятъ у меня послѣднимъ моимъ Московскимъ преподавателемъ, сколько помнится, Недремскимъ, служившимъ секретаремъ совѣта Московскаго университета, и имъ возвращенъ не былъ. Всѣ эти обстоятельства весьма памятны мнѣ, потому что и по переѣздѣ въ Петербургъ я долго питалъ надежду возвратить похищенное сокровище.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ позже я по поводу этихъ стиховъ производилъ дознаніе въ «Русскомъ Архивѣ»; они были напечатаны въ одной изъ первыхъ его книжекъ, и П. И. Бартеневъ съ обычной обязательностью отыскалъ въ своихъ бумагахъ стихи, довольно ветхій клочекъ, на которомъ переписаны были, сколько помнится, ошибочно, разыскиваемые мною утраченные стихи.

Я уже упоминалъ выше, что каждое появленіе стихотвореній Пушкина было событіемъ и въ нашемъ дѣтскомъ мірѣ: каждая глава «Онѣгина», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыгане», ежегодные альманахи царили въ нашихъ дѣтскихъ комнатахъ и растрепывались пуще любаго учебника.

Со времени написанія стиховъ въ мой альбомъ кличка моя въ семействѣ стала: «душа мой Павелъ»; до стиховъ же Пушкина я пользовался нелестнымъ прозвищемъ:

Павлушка, мѣдный лобъ, приличное прозванье,
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.

Прозвище это взято было изъ эпиграммы Измайлова на Павла Свиньина и навлекло на моихъ сестеръ строгій нагоняй со стороны Пушкина за предосудительную, вредную шутку.

Въ перепискѣ отца моего съ Пушкинымъ я нашелъ любопытные слѣды отраженія на дѣтскій умъ литературной официны двадцатыхъ

годовъ. Вотъ что между прочимъ князь П. А. Вяземскій пишетъ Пушкину отъ 26-го Іюля 1827 года изъ села Мещерскаго въ Саратовской губерніи:

Я у Павлуши нашелъ въ тетради: „Критика на Евгенія Онѣгина", и по началу можно надѣяться, что онъ нашимъ критикамъ не уступитъ. Вотъ она: „И какой тутъ смыслъ: завѣтный вензель О да Е?" Въ другомъ же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: „Какія глупыя мѣста". L'enfant promet *) Булгаринъ и теперь былъ бы радъ усыновить его Пчелѣ.

Оба приведенные стиха изъ Онѣгина (гл. III).

На это въ Сентябрѣ 1827 года Пушкинъ отвѣчаетъ:

„Критика Павлуши меня веселитъ, какъ прелестный цвѣтъ, обѣщающій плоды; проси его прислать свои замѣчанія на Онѣгина: будетъ отвѣтъ".

Духъ критики воспитанъ былъ въ насъ отцомъ моимъ съ дѣтства несправедливымъ предпочтеніемъ Дмитріева въ ущербъ Крылову, безспорно господствовавшему въ нашей дѣтской средѣ. Насъ заставляли учить наизусть апологи Дмитріева, чтеніе же басень Крылова едва допускалось. И. И. Дмитріевъ, другъ моего дѣда, былъ пѣстуномъ отца моего и законодателемъ и верховнымъ судіей литературнаго приличія и вкуса. Пушкинъ въ своей перепискѣ упрекаетъ отца моего въ несправедливости по отношенію къ Крылову и пристрастіи. Нѣтъ сомнѣнія, что изо всѣхъ членовъ Арзамаса отецъ мой былъ болѣе прочихъ человѣкомъ партіи, и почти онъ одинъ таковымъ былъ даже и тогда, когда онъ пережилъ всѣхъ своихъ друзей.

Въ 1827—1828 годахъ вокругъ меня болѣе другихъ стихотвореній Пушкина звучали стихи изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Цыганъ». Я помню, какъ мой наставникъ, Ѳеодосій Сидоровичъ Толмачевъ, въ зиму 1827—1828, обращая мое вниманіе на значеніе «Цыганъ», объяснялъ, что Пушкинъ писалъ съ натуры, что онъ кочевалъ съ Цыганскими таборами по Бессарабіи, что его даже упрекали за безнравственный родъ жизни весьма несправедливо, потому что писатель и художникъ имѣютъ полное право жить въ самой развратной и преступной средѣ для ея изученія.

Легенда эта, поясняющая мнимую съ натуры передачу Цыганской жизни, въ воображеніи ребенка рисовала лишь высшія таинственныя наслажденія внѣ условій и тѣсныхъ рамокъ семейной жизни: о пре-

*) Дитя съ будущностью.

досудительности посѣщенія Цыганъ я уже довольно наслышался въ родственныхъ кружкахъ «Московскихъ бригадиршъ обоего пола».

Въ 1827 году Пушкинъ училъ меня боксировать по англійски, и я такъ пристрастился къ этому упражненію, что на дѣтскихъ балахъ вызывалъ желающихъ и нежелающихъ боксировать; послѣднихъ вызывалъ даже дѣйствіемъ во время самыхъ танцевъ. Всеобщее негодованіе не могло поколебать во мнѣ сознаніе поэтическаго геройства, изъ рукъ въ руки переданнаго мнѣ поэтомъ-героемъ Пушкинымъ. Послѣдствія геройства были однако для меня тягостны: изо всего семейства меня одного перестали возить даже на семейные праздники въ подмосковныя ближайшихъ друзей моего отца.

Пушкинъ научилъ меня еще и другой игрѣ. Мать моя запрещала мнѣ даже касаться картъ, опасаясь развитія въ будущемъ наслѣдственной страсти къ игрѣ. Пушкинъ во время моей болѣзни научилъ меня играть въ дурачки, употребивъ для того визитныя карточки, накопившіяся въ новый 1827 годъ. Тузы, короли, дамы и валеты козырные опредѣлялись Пушкинымъ; значеніе остальныхъ не было опредѣлено, и эта-то неопредѣленность и составляла всю потѣху: завязывались споры, чья визитная карточка бьетъ ходы противника. Мои настойчивые споры и приводимыя цитаты въ пользу первенства попавшихся въ мои руки козырей потѣшали Пушкина какъ ребенка.

Эти непедагогическія забавы поэта объясняются и оправдываются его всегдашнимъ взглядомъ на приличіе. Пушкинъ неизмѣнно въ теченіе всей своей жизни утверждалъ, что все что̀ возбуждаетъ смѣхъ — позволительно и здорово, все что̀ разжигаетъ страсти — преступно и пагубно. Года два спустя, именно на этомъ основаніи онъ настаивалъ, чтобы мнѣ дали читать Донъ-Кихота, хотя бы и въ переводѣ Жуковскаго.

Пушкина обвиняли даже друзья въ заискиваніи у молодежи для упроченія и распространенія популярности. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ также искренно сочувствовалъ юношескому пылу страстей и юношескому броженію впечатлѣній, какъ и чистосердечно, ребячески забавлялся съ ребенкомъ.

Князь П. А. Вяземскій пишетъ Пушкину изъ Москвы отъ 22 Ноября 1827 года:

Въ концѣ Января думаю быть у васъ. Что̀ нашъ „Современникъ", пойдетъ ли со временемъ? У насъ здѣсь Аксаковъ, глупѣйшій изъ современниковъ, съ которымъ ничего писать нельзя. Онъ поступаетъ съ нами, какъ поступилъ съ Филоктетомъ Лагарпа, то-есть бьетъ лежачихъ. Ты счастливъ: твой цензоръ даетъ тебѣ дышать и рѣжетъ только Аббасъ-Мирзу въ горахъ

и жжетъ Ибрагима на морѣ. Мнѣ хочется иногда просить тебя подпустить въ свой жемчугъ мои буски для свободнаго пропуска. Я вчера обѣдалъ у дяди твоего. Онъ умиленнымъ и потѣющимъ взоромъ указывалъ намъ на Маргариточку свою, играющую на фортепіано. Кстати! Часто-ли обѣдаешь дома, то-есть въ нѣдрахъ Авраама? Сдѣлай милость, обѣдай чаще. Сергѣй Львовичъ вѣрно въ брата, хлѣбосолъ и любитъ кормить. Извини мнѣ, что даю тебѣ совѣтъ; но ты знаешь, какъ я люблю тебя. Мой сердечный поклонъ и лобзаніе въ руку Ольгѣ Сергѣевнѣ. Жива ли наслѣдственная шаль ея? А что̀ дѣлаетъ „наша“ другъ? Ольга Сергѣевна видно разбогатѣла: она хотѣла быть въ перепискѣ со мною, когда не имѣла денегъ для абонированія въ библіотекѣ чтенія, а нынѣ уже не добивается переписки со мною. Кланяйся отъ меня Дельвигу, Плетневу. Не стыдно ли тебѣ, пакостнику, обѣдать у Булгарина? Не лучше ли обѣдать въ нѣдрахъ Авраама? Обнимаю тебя.

8-го Ноября 1827 года князь Вяземскій пишетъ Жуковскому:

... Ради Бога, воспрянь! Неужели не набрался ты духа въ чужихъ краяхъ? Полно сидѣть мамою Василисою съ чулкомъ въ рукахъ! Твое положеніе прекрасно, но озари, раздвинь кругъ своего дѣйствія. Не засыпай въ нѣгѣ поэзіи жизни, поэзіи, которой вѣрю въ тебѣ, потому что душа твоя зажжена не у площаднаго фонаря; но не отрекайся и отъ прозы, которая также въ своихъ послѣдствіяхъ есть поэзія. Вотъ разница: боюсь, что твоя поэзія родитъ одну прозу; а проза, которую предлагаю тебѣ, неминуемо отзовется когда нибудь поэзіею, то есть чѣмъ нибудь возвышеннымъ. Сдѣлай милость, подумай о моей „библіотекѣ иностранныхъ книгъ“. Ты можешь это сдѣлать и будешь истинно благодѣтелемъ литературы нашей. Радуюсь, что мой „Современникъ“ пришелъ тебѣ на вкусъ; но жалѣю, что мои современники мнѣ не подъ стать. Кому же какъ не тебѣ быть главою такого предпріятія? По крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ. Васъ посовѣстятся; но я не Булгаринъ и не будочникъ, слѣдовательно какъ мнѣ журналъ издавать? Самъ Блудовъ скорѣе будетъ покровительствовать Булгарину, чѣмъ мнѣ, или журналу, выходящему подъ моимъ содѣйствіемъ, что̀ между прочимъ уже и было. Надѣюсь быть въ Январѣ у васъ, и тогда увидимъ. Я радъ содѣйствовать, а другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной или даже журнальной, потому что Богъ размѣнялъ мое приданое на мелочь. Признайся, мерзавецъ, что ты съ тѣмъ только и написалъ ко мнѣ, чтобы влѣпить мнѣ инвалидный листокъ! Богъ тебѣ судья! А между тѣмъ сдѣлаю, что̀ можно. Кажется въ „Телеграфѣ“ разъ уже отзывались съ похвалою о „Славянинѣ“ *). Да зачѣмъ онъ „Славянинъ?“

*) „Славянинъ“ издавался Воейковымъ при „Инвалидѣ“.

Пришлю тебѣ на дняхъ книжки „Телеграфа“ и „Москов. Вѣстника“, тебѣ принадлежащія, а первыя книжки ищутъ тебя по Европѣ. Будешь ли имѣть случай пересылать безденежно журналы къ Тургеневу? Разложи же свой ящикъ съ книгами и дай мнѣ все что̀ можешь. И старое хорошо, когда нѣтъ новаго.—Стихи, за которые ты сердишься, даны мнѣ Перовскимъ для напечатанія. Вѣдайся съ нимъ. Письма твои имѣли цѣну что̀ ни говори, и забракованныя тобою лучше по моему избранныхъ: въ нихъ болѣе мыслей, сужденій и дѣла. Обнимаю тебя“.

Оба эти письма важны по отношенію къ готовившейся журнальной дѣятельности Пушкина и его друзей.

Въ 1828 году Пушкинъ и князь Вяземскій просили разрѣшенія отправиться на театръ войны. Отказъ сообщенъ графомъ Бенкендорфомъ отъ 22-го Апрѣля 1828 года, и мотивированъ тѣмъ, что просятся многіе и что всѣмъ отказываютъ. Тогда же было отказано и Пушкину.

Здѣсь, можетъ быть, кстати помѣстить замѣтку касательно сообщенныхъ П. А. Мухановымъ въ Русской Старинѣ «Воспоминаній тайнаго совѣтника». Въ воспоминаніяхъ этихъ разсказывается, что поѣздка Пушкина на Кавказъ устроена была игроками. Поѣздка его на Кавказъ въ 1820 году устроена была Раевскими, взявшими съ собой заболѣвшаго Пушкина въ Екатеринославѣ. Поѣздка его въ 1829 году на Кавказъ и въ Малую Азію могла быть устроена дѣйствительно игроками. Они, по связямъ въ штабѣ Паскевича, могли выхлопотать ему разрѣшеніе отправиться въ дѣйствующую армію, угощать его живыми стерлядями и замороженнымъ шампанскимъ, проигравъ ему безрасчетно деньги на его путевыя издержки. Устройство поѣздки могло быть придумано игроками въ простомъ разсчетѣ, что они на Кавказѣ и въ Закавказьи встрѣтятъ скучающихъ богатыхъ людей, которые съ игроками не сѣли бы играть и которые охотно будутъ цѣлыми днями играть съ Пушкинымъ, а съ нимъ вмѣстѣ и со встрѣчными и поперечными его спутниками.

Разсказъ безъ подробностей, безъ комментаріевъ—есть тяжелое согрѣшеніе противъ памяти Пушкина; потому что въ голомъ намекѣ, можетъ быть имѣющемъ и офиціальную достовѣрность, слышится какъ будто заподозриваніе сообщничества Пушкина въ игрецкомъ планѣ. Пушкинъ до кончины своей былъ ребенкомъ въ игрѣ, и въ послѣдніе дни жизни проигрывалъ даже такимъ людямъ, которыхъ кромѣ его обыгрывали всѣ. Нигдѣ не видно, чтобы Пушкинъ похвалился выигрышемъ, между тѣмъ какъ изъ его писемъ нерѣдко видно, что онъ проигрывалъ, напр. въ Псковѣ четвертую главу Онѣгина, вмѣсто того

чтобы написать седьмую. Въ Петербургѣ онъ проигралъ Никитѣ Всеволожскому цѣлый томъ стихотвореній. Впрочемъ Пушкинъ не всегда проигрывался. Между письмами отца моего къ Булгакову сохранилось письмо къ другому лицу. Это письмо относится къ 1828 году.

Я почти укралъ у Пушкина Онѣгина, который еще не совсѣмъ вышелъ въ свѣтъ. Онъ все собирается писать тебѣ, а между тѣмъ все играетъ, по крайней мѣрѣ, кажется, не проигрываетъ.

Отъ 17 Мая 1828 года князь Вяземскій пишетъ Тургеневу изъ Петербурга:

Вчера Пушкинъ читалъ свою трагедію у Лаваль; въ слушателяхъ были двѣ княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоѣдовъ, Мицкевичъ, юноши, Балкъ, который слушалъ трагически. Кажется, всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало понимая. Въ трагедіи есть красоты первостепенныя. Я нѣсколько разъ слушалъ ее со вниманіемъ, и всегда съ новымъ, то есть свѣжимъ удовольствіемъ. Иныя сцены, въ особенности изъ послѣднихъ, недостаточно развиты, и только развѣ des sommaires de scènes *). Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствіе. Автора почти нигдѣ не видишь. Передъ тобою не куклы на проволкѣ, дѣйствующія по манію закулиснаго фокусника. Но за то можетъ быть мало созданія; Вальтеръ-Скоттъ также историченъ, но все болѣе соображеній въ его картинахъ. Читая его, угадываешь, что человѣкъ этотъ могъ бы и выдумать событія, создать свою исторію: въ Борисѣ Годуновѣ не находишь того убѣжденія. За то сравните климатъ, въ которомъ родился, развился, созрѣлъ одинъ и другой. Вся Англія, прошедшая и нынѣшняя, приготовила Вальтеръ-Скотта, напитала его соками своими. У насъ Пушкинъ послѣ Карамзина выродокъ. Русская природа не могла выразить его. А старуха Michel **) безподобная: мало знаетъ по-русски, вовсе не знаетъ Русской исторіи, а слушала какъ умница.

Осенью 1828 года князь Вяземскій пишетъ Тургеневу:

О литературѣ сказать нечего. Она вся заключается въ двухъ или трехъ журналахъ и въ альманахахъ. Пушкинъ, сказываютъ, поѣхалъ въ деревню: теперь самое время случки его съ Музою, глубокая осень. Цѣлое лѣто кружился онъ въ вихрѣ Петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую. Вотъ четыре стиха, которые дошли до меня:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разчисленномъ свѣтилъ.

---

*) Оглавленіе сценъ.

**) Княгиня Голицына.

Еще написалъ онъ народную балладу: „Утопленникъ“, гдѣ много силы:

И въ опухнувшее тѣло
Раки черные впились.

Вѣроятно, все это будетъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“; будетъ много и моего, и прекрасно разсказанная сказка Баратынскаго, который кончилъ также и свой „Бальный вечеръ“. Чѣмъ болѣе вижусь съ Баратынскимъ, тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокій, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь, вездѣ и всегда найдешь его съ новою, своею мыслью, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ. Сегодня разговорились мы съ нимъ о Филаретѣ, къ которому возитъ его тесть, Энгельгардтъ. Онъ говоритъ, что наши монахи сановные напоминаютъ ему всегда что-то женское: ряса какъ юпка и въ обращеніи какое-то кокетство, игра затверженной роли, и проч. Мнѣ кажется это замѣчаніе удивительно вѣрно. Филаретъ критиковалъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ сцену кельи о. Пимена, въ которой лежитъ Гришка Отрепьевъ, во первыхъ потому, что въ монастыряхъ монахи не спятъ по двое. Положимъ это такъ; но далѣе: зачѣмъ заставлять Отрепьева валяться на полу? Взойдите, говоритъ онъ, въ любой монастырь, въ любую келью, вы найдете у каждаго монаха какую ни есть постелишку, не богатую, но по крайней мѣрѣ чистую. Каково это тебѣ покажется, господинъ филофиларетъ?...

Въ письмѣ къ Пушкину отъ 25 Сентября 1828 года князь Вяземскій говоритъ:

Какіе твои стихи, гдѣ ты сравниваешь мѣдную Грацію (а не мѣдную Венеру) съ беззаконною кометою? Покажи ихъ. Я изъ нихъ знаю, и то ошибочно, только четыре стиха.

Къ А. И. Тургеневу князь Вяземскій пишетъ изъ Москвы отъ 12 Декабря 1828 года:

Здѣсь Александръ Пушкинъ, я его совсѣмъ не ожидалъ. Онъ привезъ славную новую поэму „Мазепу“, но не Байроновскаго, а своего. Пріѣхалъ онъ недѣли на три, какъ сказываетъ; еще ни въ кого не влюбился, а старыя любви его немного отшатнулись. Вчера долженъ онъ былъ быть у Корсаковой; не знаю еще, какъ была встрѣча. Я его все подзываю съ собою въ Пензу; онъ не прочь, но не надѣюсь, тѣмъ болѣе, что къ тому времени вѣроятно онъ влюбится. Онъ очень тебѣ кланяется. Онъ вовсе не перемѣнился, хоть кажется не такъ веселъ. Кончилъ онъ также и седьмую пѣсню Онѣгина, но я еще не слыхалъ.

Къ нему же Вяземскій пишетъ отъ 9-го Января 1829 года:

Онъ что-то во все время былъ не совсѣмъ по себѣ. Не умѣю объяснить, ни угадать что̀ съ нимъ было, или чего не было, mais il n'était pas en verve *). Постояннѣйшія его посѣщенія были у Корсаковыхъ и у Цыганокъ; и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ видѣлъ я его рѣдко, но видалъ съ тѣми и другими, и все не узнавалъ прежняго Пушкина.

А. С. Пушкинъ пишетъ къ князю Вяземскому въ началѣ весны 1830 года:

Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, надорванный, вѣроятно въ присутствіи и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ „Лит. Газ." Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь что̀ тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Е...., то сдѣлай мнѣ эту божескую милость... Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефріихи. Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою: сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно; но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т.-е. всякой день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ. Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба. Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ tables des matières **) исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать; поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству. Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

Въ этомъ письмѣ Пушкина, уже напечатанномъ въ «Русскомъ Архивѣ», мы выпускаемъ одну грубую шутку, совершенно непонятную за неимѣніемъ на нее комментарія. Въ прямомъ своемъ значеніи она положительно не можетъ быть принята и даже не имѣетъ смысла. Письмо это весьма важно, такъ какъ Пушкинъ намекаетъ слишкомъ прозрачно на происходившій въ немъ переворотъ весной 1830 года:

*) Но онъ не былъ въ ударѣ.

**) Предметную роспись.

Пушкинъ рѣшился влюбиться не на шутку, а шутки бросить въ сторону, торопясь очистить свою сцену отъ всякаго скоморошества.

Любопытно по сопостановленію чиселъ то, что письмо Пушкина изъ Москвы, написанное въ Мартѣ 1830 года, служитъ въ перепискѣ отвѣтомъ на письмо, написанное княземъ Вяземскимъ изъ Москвы же въ Петербургъ Пушкину, отъ 2 Февраля того же года, и заканчивающееся словами: «А что за картина была въ картинахъ Гончарова!»

Пушкинъ пораженъ былъ красотой Н. Н. Гончаровой съ зимы 1828—1829 года. Онъ, какъ самъ говорилъ, началъ помышлять о женитьбѣ, желая покончить жизнь молодаго человѣка и выйти изъ того положенія, при которомъ какой нибудь юноша могъ трепать его по плечу на балѣ и звать въ неприличное общество. Почти тѣже выраженія, которыя приходилось впослѣдствіи слышать отъ Пушкина, встрѣчаются и въ письмѣ его къ женѣ отъ 17 Апрѣля 1834 года («Вѣстникъ Европы» 1878), когда онъ говоритъ о своей временной холостой жизни въ Петербургѣ.

Потомъ, пишетъ Пушкинъ, явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселье: „Холостой, холостой Пушкинъ!“ Стали потчивать меня шампанскимъ и пуншемъ и спрашивать, не поѣду ли къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться уже болѣе не буду“. Въ концѣ Мая Пушкинъ пишетъ: „Обѣдаю у Дюме въ два часа, чтобы не встрѣтить холостой шайки“.

Холостая жизнь и несоотвѣтствующее лѣтамъ положеніе въ свѣтѣ надоѣли Пушкину съ зимы 1828 — 1829 года. Устраняя напускной цинизмъ самаго Пушкина и судя почеловѣчески, слѣдуетъ полагать, что Пушкинъ влюбился не на шутку около начала 1829 года. Напускной же цинизмъ Пушкина доходилъ до того, что онъ хвалился тѣмъ, что стихи имъ посвященные Н. Н. Гончаровой 8 Іюля 1830 года,

Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ...

—что эти стихи были сочинены имъ для другой женщины...

Елисавета Михайловна Хитрова, дочь знаменитаго фельдмаршала Кутузова (род. 1783, сконч. 1838), питала къ Пушкину самую нѣжную, страстную дружбу. Между потомками знаменитаго полководца въ женской линіи сохранялись и сохраняются многія доблестныя Кутузовскія традиціи: большое уваженіе къ проявленіямъ общественной дѣятельности и горячая любовь ко всему чтó составляетъ славу Русскаго имени. И Пушкинъ и отецъ мой сохраняли по смерть самыя

дружескія отношенія ко внукамъ Кутузова, недавно скончавшемуся Николаю Матвѣевичу Толстому, Павлу Матвѣевичу Толстому-Кутузову, княгинѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Голицыной и графинѣ Тизенгаузенъ.

Елисавета Михайловна Хитрова пишетъ князю П. А. Вяземскому весной 1830 года:

Я только что узнала съ большимъ огорченіемъ, любезный князь, что статья о Видокѣ такого свойства, что она можетъ повредить нашему общему другу. Перовскій, который только что отъ меня вышелъ, человѣкъ благоразумный, мнѣ говорилъ, что по дружбѣ къ Пушкину онъ весьма бы желалъ, чтобы статья не появлялась въ печати: самое незначительное послѣдствіе было бы, если бы Булгаринъ отвѣчалъ напечатаніемъ новыхъ писемъ. Я вамъ замѣчу, дорогой князь, что я во всемъ этомъ не понимаю равнодушія литературныхъ друзей Пушкина. По крайней мѣрѣ необходимо посовѣтоваться съ Жуковскимъ: Пушкинъ любитъ его, а на его мнѣнія рѣдко можно опереться въ пользу перебранокъ. Это первое движеніе еще старая закваска. Нельзя ли отложить статью въ ожиданіи отвѣта Жуковскаго. Я совершенно убита тѣмъ, чтó сказалъ мнѣ Перовскій.

Статья, о которой говоритъ Е. М. Хитрова, напечатана въ V т. сочиненій Пушкина (изд. 1859 г., стр. 163). Статья, написанная рукой Пушкина безъ помарокъ, сохранилась въ бумагахъ князя Вяземскаго. Комментарій на эту статью находимъ въ письмѣ князя Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 25 Апрѣля 1830 года.

Посылаю тебѣ, любезный другъ, отъ Дельвига его газету и 7-ю пѣсню Онѣгина. Въ газетѣ означилъ я имена авторовъ надъ нѣкоторыми статьями. Ты удивишься на страницѣ 94 стихамъ Пушкина къ Филарету: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ, или лучше сказать, палинодировалъ стихи Пушкина о жизни (Даръ Напрасный), которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы Елизы Хитровой, пылающей къ одному христіанскою, а къ другому языческою любовью. Въ статьѣ о Видокѣ на страницѣ 162 ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкинымъ въ отвѣтъ на пакостную статейку Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ", гдѣ Пушкинъ (подъ видомъ Французскаго писателя, а Булгаринъ Гофмано-французскаго) названъ картежникомъ, пьяницею, вольнодумцемъ предъ чернью и подлецомъ предъ сильными, и все это потому, что Булгаринъ принялъ критику Дельвига на романъ его за критику Пушкина, и разсердился, что его называютъ Полякомъ, а вѣроятно еще болѣе за то, что обвиняютъ его въ напрасной клеветѣ на Самозванца, котораго онъ представляетъ шпіономъ. Вотъ еще отвѣтъ Пушкина:

Не то бѣда, что ты Полякъ—
Косцюшко Ляхъ, Мицкевичъ Ляхъ;
Пожалуй будь себѣ Татаринъ—
И тутъ не вижу я стыда;
Будь Жидъ, и это не бѣда:
Бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ.

Къ пріятельской перепискѣ также служитъ коментаріемъ письмо Е. М. Хитровой къ Пушкину отъ 18-го Марта съ припиской отъ 20-го и 21-го того же мѣсяца. Всѣ письма ея писаны по французски.

Я только что начинала успокоиваться относительно вашего пребыванія въ Москвѣ, какъ опять должна дрожать за ваше здоровье; меня увѣряютъ, что вы больны въ Торжкѣ. Ваша блѣдность одно изъ послѣднихъ впечатлѣній оставленныхъ вами. Я безпрестанно вижу васъ у этой двери, близь которой на васъ смотрѣла съ блаженствомъ, полагая васъ можетъ-быть увидать на другой день,—а вы блѣдный, разстроенный, несомнѣнно сознающій ту горесть, которая мнѣ предстояла. Я въ тотъ же вечеръ трепетала за ваше здоровье. Не знаю, къ кому обратиться, чтобы узнать правду. Вотъ уже четвертый разъ, что вамъ пишу; завтра пятнадцатый день какъ вы уѣхали; совершенно непонятно, что вы не написали ни одного словечка; вы слишкомъ хорошо знаете всю мою нѣжность, столь для меня тревожную и раздирающую; это не въ вашемъ великодушномъ характерѣ оставлять меня безъ извѣстій о васъ. Запрещайте мнѣ говорить вамъ о себѣ, но не лишайте меня счастія быть вашимъ коммиссіонеромъ. Я буду говорить вамъ о большомъ свѣтѣ, иностранной литературѣ, о предположеніяхъ относительно перемѣны министерства во Франціи. Увы, я у источника всякаго рода вещей; но я одного лишена—это счастія. Я сообщу вамъ, что радость третьяго дня вечеромъ была у меня полная. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ провести вечеръ съ нами, и при видѣ вашего или правильнѣе вашихъ портретовъ онъ сказалъ мнѣ: „Знаете ли, что я никогда не видалъ Пушкина очень близко; у меня были противъ него большія предубѣжденія; но по всему что̀ до меня доходитъ я весьма желаю его узнать, и особенно желаю имѣть съ нимъ продолжительный разговоръ“. Онъ кончилъ тѣмъ, что попросилъ у меня „Полтаву“. Какъ я люблю, чтобы васъ любили!

Хотя я съ вами (зная, какъ вы того не терпите) и тиха, и безобидна, и безропотна, однако увѣдомляйте меня время отъ времени о полученіи моихъ писемъ. Я буду въ восторгѣ при видѣ вашего почерка! Я также желала бы узнать отъ васъ самаго, мой дорогой Пушкинъ, осуждена ли я свидѣться съ вами лишь по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Сколько тягостнаго, раздирающаго въ этой мысли! Вотъ видите, однако, я внутренно убѣждена, если вы узнаете до какой степени я чувствую необходимость видѣть васъ, вы

умилосердитесь и вернетесь ко мнѣ, хотя бы на нѣсколько дней. Откровенно говоря, я ужасно утомлена".

От 20-го Марта она же пишетъ Пушкину:

Я только что вернулась отъ Филарета; онъ разсказалъ мнѣ о недавнемъ происшествіи въ Москвѣ, о которомъ ему нынѣ доносятъ; онъ присовокупилъ: разскажите это Пушкину. Я написала это на моемъ плохомъ Русскомъ языкѣ, точно такъ какъ эта исторія была мнѣ расказана, и посылаю вамъ ее, не смѣя его ослушаться.

Благодарю Бога: говорятъ, что вы благополучно прибыли въ Москву; позаботьтесь о себѣ, будьте благоразумны. Какъ можно такую прекрасную жизнь бросать за окошко!

21-го. Вчера вечеромъ, на репетиціи каруселя, много говорили о вашей седьмой пѣсни; эта глава имѣла всеобщій успѣхъ. Императрица перестала верхомъ ѣздить.

Итакъ пишите мнѣ правду, какъ бы она ни была прискорбна. Увижу ли я васъ къ Пасхѣ?

Князь П. А. Вяземскій пишетъ къ Пушкину отъ 26-го Апрѣля 1830 года изъ Петербурга въ Москву:

Я сейчасъ съ обѣда Сергѣя Львовича, и твои письма, которыя я тамъ прочелъ, убѣдили меня, что жена меня не мистифируетъ и что ты точно женихъ. Гряди, женихъ, въ мои объятія! А болѣе всего убѣдила меня въ истинѣ женитьбы твоей вторая, экстренная бутылка шампанскаго, которую отецъ твой розлилъ намъ при полученіи твоего послѣдняго письма. Я тутъ ясно увидалъ, что дѣло не на шутку. Я могъ не вѣрить письмамъ твоимъ, слезамъ его, но не могъ не повѣрить его шампанскому. Поздравляю тебя отъ всей души. Дай Богъ тебѣ счатья, и засіяй отъ нынѣ въ жизни твоей новая эра! Я слышалъ, что ты будто писалъ къ Государю о женитьбѣ. Правда-ли? Мнѣ кажется, что тебѣ въ твоемъ положеніи и въ твоихъ отношеніяхъ съ Царемъ необходимо просить у него позволенія жениться. Жуковскій думаетъ, что хорошо бы тебѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы просить о разрѣшеніи печатать „Бориса", представивъ, что ты небогатъ, невѣста небогата, а напечатаніе трагедіи обезпечитъ на нѣсколько времени твое благосостояніе. Можетъ быть Царь и вздумаетъ дать приданое невѣстѣ твоей. Я также со вчерашняго дня женился на Канкринѣ. Твоя невѣста красивѣе. Гдѣ ты будешь жить? Я вѣроятно, по крайней мѣрѣ на годъ, останусь въ Петербургѣ. Что́ впередъ будетъ—Богъ вѣсть. Надобно бы намъ затѣять что-нибудь литературное въ прокъ. Тебѣ съ женою, мнѣ безъ жены, а съ Канкринымъ, въ Петербургѣ предстоятъ новыя издержки. Должно ихъ

прикрыть. На „Литературную Газету“ надежды мало: Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только sur sa bête de somme ou de Somoff *). Въ Маѣ пріѣду на нѣсколько времени въ Москву: тогда переговоримъ. Когда твоя свадьба? Скажи, я постараюсь къ ней пріѣхать. Прости, обнимаю тебя отъ всего сердца. Прошу рекомендовать меня невѣстѣ, какъ бывшаго поклонника ея на балахъ, а нынѣ преданнаго ей дружескою преданностью моею къ тебѣ. Я помню, что, говоря съ старшею сестрою, сравнивалъ я Алябьеву avec une beauté classique, а невѣсту твою avec une beauté romantique**). Тебѣ, первому нашему романтическому поэту, и слѣдовало жениться на первой романтической красавицѣ нынѣшняго поколѣнія. Признаюсь, хотѣлъ бы хоть въ щелочку посмотрѣть на тебя въ качечтвѣ жениха“.

И Пушкинъ въ посланіи къ князю Юсупову ставитъ ему въ заслугу, что онъ высоко цѣнилъ:

„Блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой“.

Елисавета Михайловна Хитрова по объявленіи женитьбы Пушкина пишетъ ему

9-го (Мая) вечеромъ. Я нахожу совершенно необходимымъ, чтобы вы увѣдомили меня о полученіи этого письма. На будущее время вы не можете оправдываться—я для васъ болѣе никакого значенія не имѣю. Говорите мнѣ о вашей женитьбѣ и о вашихъ будущихъ намѣреніяхъ. Всѣ исчезаютъ, а хорошая погода не появляется. И Долли, и Катерина просятъ васъ расчитывать на нихъ, чтобы быть путеводительницами вашей Натали. Г* даетъ уроки послу и его женѣ, а я перевожу на Русскій языкъ: Marriage in the high Life; я буду продавать его въ пользу бѣдныхъ.

Она же пишетъ Пушкину вскорѣ послѣ предъидущаго письма:

Я опасаюсь для васъ прозаической стороны супружества. Я всегда думала, что геній можетъ устоять только среди совершенной независимости и развиваться только среди повторяющихся бѣдствій; что совершенное благополучіе—положительное, безпрерывное и со временемъ довольно однообразное—убиваетъ способности, располагаетъ къ разжиренію, скорѣе способно создать добряка, чѣмъ великаго поэта... И можетъ быть, послѣ личнаго горя, въ первую минуту это меня болѣе всего укололо. Благодаря Бога, я вовсе въ сердце не имѣю себялюбія. Я обдумала, я боролась, страдала, и наконецъ я достигла того, что я желаю, чтобы вы поскорѣе женились. Устройтесь же съ вашей красивой и прелестной женой въ хорошенькомъ, маленькомъ, опрят-

*) Непереводимая игра словъ: на своемъ вьючномъ животномъ или на Сомовѣ.
**) Съ красотою классическою. Съ красотою романтическою.

нენькомъ деревянномъ домѣ; по вечерамъ ходите къ тетушкамъ составлять имъ партію, и возвращайтесь счастливымъ и спокойнымъ домой, благодаря Провидѣніе за ввѣренное вамъ сокровище; забудьте прошедшее, и пусть ваше будущее принадлежитъ исключительно вашей женѣ и вашимъ дѣтямъ!

Я увѣрена, такъ какъ мнѣ извѣстны мысли Государя на вашъ счетъ, если вы только пожелаете какое-либо мѣсто при немъ, вамъ дадутъ его. Этимъ, можетъ-быть, и не слѣдовало бы пренебрегать, ибо оно кончится тѣмъ, что доставитъ вамъ независимость со стороны денежной и со стороны правительственной. Государь такъ хорошо расположенъ, что вамъ никого не нужно; но ваши друзья конечно ради васъ разсыпятся на 46000, и родственники вашей жены могутъ быть вамъ также полезны. Я полагаю, что вы уже получили мое очень коротенькое письмо. Въ сущности между нами ничего не измѣнилось—я буду видѣть васъ еще чаще... (если Богъ дастъ, я еще увижу васъ). Отнынѣ навсегда мое сердце, мои задушевныя мысли останутся для васъ непроницаемой тайной, а мои письма будутъ вполнѣ какъ должно быть. Океанъ будетъ между мною и вами. Но и прежде и послѣ вы всегда найдете во мнѣ и для васъ, и для жены вашей, и для дѣтей—друга непоколебимаго, какъ скала, о которую все разбивается. Расчитывайте на это по жизнь и смерть. Располагайте мною на все и безъ разбора. Я создана природою, чтобы на все рѣшаться для другихъ. Я драгоцѣнное созданіе для моихъ друзей. Мнѣ ничего не стоитъ; я хожу говорить съ важными лицами, и ничто не можетъ меня сбить: я снова возвращаюсь. Ни время, ни обстоятельства, ничто не можетъ лишить меня бодрости; на тѣло мое не дѣйствуетъ утомленіе сердца. Я ничего не боюсь, и я много постигаю, и моя дѣятельность чтобы услужить есть столько же дарованіе Неба, сколько и послѣдствіе положенія моего отца въ свѣтѣ и горячаго воспитанія, гдѣ все было основано на необходимости быть полезной другимъ.

Когда я утолю мою любовь къ вамъ въ слезахъ моихъ, я все-таки останусь тѣмъ же существомъ, страстнымъ, смирнымъ и безобиднымъ, которое за васъ готово идти и въ ледъ, потому что такъ я люблю, и тѣхъ которыхъ я люблю немного.

Холера задержала Пушкина въ деревнѣ до конца 1830 года. Немедленно по снятіи карантиновъ, въ Декабрѣ или Январѣ 1831 года, онъ навѣстилъ насъ въ Остафьевѣ. Я живо помню, какъ онъ во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ и, потирая руки, декламировалъ сильно, напирая на: «я мѣщанинъ, я мѣщанинъ», «я просто Русскій мѣщанинъ». Съ особеннымъ наслажденіемъ Пушкинъ прочелъ врѣзавшіеся въ мою память четыре стиха:

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросахъ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ.

Распространеніе этихъ стиховъ, несмотря на увѣщаніе моего отца, несомнѣнно вооружило противъ Пушкина много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него при его кончинѣ цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ. Хуже всего для Пушкина было то, что онъ игралъ честью предковъ (хотя въ сущности эти выходки были вполнѣ безобидны), будучи увлеченъ и подвинутъ на то исключительно полемикой съ Булгаринымъ. Самолюбіе поэтовъ ставитъ ихъ въ нелогичное положеніе: они не уважаютъ ничтожностей и требуютъ отъ этихъ ничтожностей, чтобы онѣ уважали и цѣнили достоинство поэта.

Пушкинъ женился 18 Февраля 1831 года. Я принималъ участіе въ свадьбѣ и, по совершеніи брака въ церкви, отправился вмѣстѣ съ Павломъ Войновичемъ Нащокинымъ на квартиру поэта для встрѣчи новобрачныхъ съ образомъ. Въ щегольской, уютной гостиной Пушкина, окленной диковинными для меня обоями подъ лиловый бархатъ съ рельефными набивными цвѣточками, я нашелъ на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана, никогда мною невиданное и неслыханное собраніе стихотвореній Кирши Данилова. Былины эти, напечатанныя въ важномъ форматѣ и переданныя на дивномъ языкѣ, приковали мое вниманіе на весь вечеръ. Мнѣ хорошо были извѣстны лубочныя копѣечныя изданія сказокъ, жадно мною скупаемыя. Тогда въ Москвѣ они также легко покупались какъ изюмъ, орѣхи и моченыя яблоки; насыщенъ я былъ изустно этими сказками отъ нянекъ и горничныхъ дѣвушекъ, между которыми встрѣчались большія мастерицы. Перечиталъ я уже тогда и собраніе сказокъ Чулкова и другія болѣе или менѣе литературныя передѣлки старинныхъ народныхъ сказокъ. Взглядъ мой на народную передачу сказокъ тогда уже вполнѣ установился. Съ жадностію слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и звучности народнаго Русскаго стиха. Тутъ же я услыхалъ, что Пушкинъ обратилъ свое вниманіе на народное сокровище, коего только часть сохранилась въ сборникѣ Кирши Данилова, что имѣется много чудныхъ, поэтическихъ пѣсенъ доселѣ неизданныхъ и что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Кирѣевскаго. Среди послѣдователей Вольтера, Мармонтеля, Блэра и лё-Батё, я, быть можетъ, былъ единственное лицо, подготовленное понимать и сочувствовать восторженной оцѣнкѣ Пушкинымъ нашей народной поэзіи. Мой отецъ, лю-

бившій и понимавшій поэзію въ устахъ самого народа, всегда недовѣрчиво и враждебно относился къ письменной народной поэзіи, обрабатываемой и выпускаемой въ свѣтъ литературными людьми. Еще въ 1827 году, когда мнѣ было семь лѣтъ, я напугалъ мою бабушку, Прасковью Юрьевну Кологривову, проживавшую въ Саратовской губерніи, въ селѣ Мещерскомъ, моею начитанностью въ сказочной литературѣ. Въ зиму 1827—1828 бабушка моя каждый вечеръ брала меня къ себѣ и читала мнѣ житія изъ Пролога, чтобы противодѣйствовать миѳическому пресыщенію моего воображенія. Одинъ изъ моихъ наставниковъ, г. Роберъ, въ 1830 году, въ письмѣ къ отцу изъ Остафьева сѣтуетъ, что его предшественникъ видимо употреблялъ всѣ усилія, дабы развивать воображеніе въ ущербъ болѣе положительнымъ качествамъ.

Теперь мнѣ становится понятно, что Пушкинъ могъ наслаждаться своимъ дѣйствіемъ на впечатлительную, сочувствующую ему натуру и вызывать звуки чувствительнаго и на его ладъ настроеннаго инструмента. Объясненіе потраченнаго со мною времени Пушкинымъ во время моего дѣтства донынѣ составляло для меня загадку. Недавно мнѣ пришлось уяснить себѣ такое личное отношеніе сильной, самобытной натуры Пушкина къ дѣтямъ. Пушкинъ поздравлялъ меня съ тѣмъ, что я вошелъ въ дружескія отношенія съ однимъ моимъ ровесникомъ, предсказывая мнѣ, что свѣтлый умъ и энергическій характеръ моего товарища непремѣнно выдвинутъ его въ грядущихъ событіяхъ. Недавно я обращался къ этому старому товарищу, дѣйствительно занимавшему важныя и высшія государственныя должности, съ просьбой сообщить мнѣ, какія у него были сношенія съ Пушкинымъ. На это онъ объяснилъ мнѣ, что, до встрѣчи въ нашемъ домѣ, онъ какъ-то разъ встрѣтился съ Пушкинымъ въ ново-открытомъ книжномъ магазинѣ Исакова въ 1834 году, гдѣ настаивалъ, чтобы ему дано было именно то изданіе «Бахчисарайскаго Фонтана», которое онъ требовалъ, а не то которое ему было доставлено. Пушкинъ подошелъ къ нему, распросилъ его о причинахъ предпочтенія одного изданія передъ другимъ, и очень обласкалъ его.

Отъ 21-го Мая (1831) таже старая пріятельница Пушкина пишетъ князю П. А. Вяземскому:

Письмо ваше, чрезъ посредство Свистунова, мнѣ доказало, что вы умѣете любить вашихъ друзей, даже когда они виноваты. Но можно ли писать той, кто устала страдать? А крови сколько пролито, сколько интересовъ въ застоѣ! Съ разстроенными нервами можно разговаривать, двигаться; но пи-

сать—убійственно: это приводитъ слишкомъ въ движеніе сердце и душу. Да и что же говорить? Всякій день наканунѣ рѣшительныхъ событій, и мы болѣе чѣмъ когда-либо все болѣе отъ нихъ отдаляемы. Я была однако очень счастлива свидѣться съ нашимъ общимъ другомъ. Я нахожу, что онъ много выигралъ въ умственномъ отношеніи и относительно разговора. Жена очень хороша и кажется безобидной. Нѣтъ, я не могу восхищаться „Наложницей", и я въ томъ покаялась Пушкину. Впрочемъ я прочла ее въ два часа утра и съ головой наполненной Эсмеральдой—милѣйшей, прелестнѣйшей и очаровательнѣйшей изо всѣхъ Цыганокъ, этимъ созданіемъ Виктора Гюго и украшеніемъ Notre-Dame de Paris. Я даже вовсе не нашла въ ней автора (Баратынскаго) „Бала". Все это безцвѣтно, холодно, безъ энергіи, и особенно безъ всякаго воображенія. Герой—дуракъ, никогда не покидавшій Москвы. Я не могу его себѣ иначе представить какъ въ дрянномъ экипажѣ или въ грязной передней. Впрочемъ, въ то время, въ которое намъ приходится жить, и среди той драмы, которая разыгрывается около насъ, можно выносить только одну порочную Французскую литературу.

Графиня Фикельмонъ *), жена Австрійскаго посла, внучка фельдмаршала Кутузова, въ письмѣ изъ Петербурга къ князю Вяземскому въ Москву, отъ 25-го Мая 1831 года, высказываетъ весьма замѣчательное предвидѣніе судьбы Пушкина:

Пушкинъ къ намъ пріѣхалъ, къ нашей большой радости. Я нахожу, что онъ въ этотъ разъ еще любезнѣе. Мнѣ кажется, что я въ умѣ его отмѣчаю серьезный оттѣнокъ, который ему и подходящъ. Жена его прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастія. Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ: у Пушкина видны всѣ порывы страстей; у жены вся меланхолія отреченія отъ себя. Впрочемъ, я видѣла эту красивую женщину всего только одинъ разъ.

Помѣщаемое ниже письмо той же замѣчательной Петербургской красавицы (отъ 12-го Декабря 1831 года) во многомъ служитъ комментаріемъ къ предыдущимъ и даетъ правильное мѣрило для опредѣ-

---

*) Здѣсь кстати замѣтить, что Dolly и Dolly Fiquelmont—подписи на письмахъ графини Фикельмонъ, и Долли упоминаемая въ письмахъ князя Вяземскаго и Пушкина—есть дочь Елисаветы Михайловны Хитровой, жена Австрійскаго посла, а не дочь ея Дарья Ѳедоровна Опочинина, какъ сказано въ одномъ изъ примѣчаній „Русскаго Архива" (1879, кн. VIII, стр. 486, примѣч. 33). Нелишне прибавить для исторической точности, что у Елисаветы Михайловны не было дочери за Опочининымъ, а была сестра Дарья Михайловна Опочинина.

ленія тѣхъ отношеній, которыя существовали въ ту эпоху между великосвѣтскими модными женщинами и княземъ Вяземскимъ и Пушкинымъ.

Тысячу разъ благодарю васъ, дорогой Вяземскій, за всѣ милыя и добрыя вещи мнѣ вами сказанныя. Хотя я и вполнѣ сознаю, что вы цѣните меня сквозь снисходительную призму дружбы, и что я далеко не то чтò вы думаете, тѣмъ не менѣе мнѣ весьма отрадно читать васъ. Не думайте же, что я инстинктивно направлена была къ сближенію съ вами и искала въ васъ друга. Это мой добрый геній: я всегда смотрѣла какъ на даръ Провидѣнія быть другомъ замѣчательнаго человѣка. Затѣмъ я разрѣшаю вамъ предпочитать мнѣ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, волочиться за всѣми, даже и не замѣчать меня въ гостиной; потому что я расчитываю на хорошій уголокъ въ вашемъ сердцѣ, откуда я не хочу, чтобы меня выжили и гдѣ я останусь вопреки васъ самого.

Я пишу вамъ мое письмо съ тайной надеждой, что оно уже не застанетъ васъ въ Москвѣ. Вы увидите Петербургъ веселымъ, танцующимъ, не сохранившимъ даже воспоминанія объ истекшемъ роковомъ годѣ; несмотря на всѣ грустныя, мрачныя, черныя мысли, возбужденныя истекшимъ годомъ, вы услышите только звуки музыки и пустѣйшіе разговоры. Какъ я ненавижу это суетное, легкомысленное, несправедливое, равнодушное созданіе, которое называютъ обществомъ! Какъ Адольфъ (вашъ пріемышъ) правъ, когда онъ говоритъ, что обществу нечего насъ опасаться:. оно такъ тяготѣетъ надъ нами, его глухое вліяніе такъ могуче, что оно не медля перерабатываетъ насъ въ общую форму.

Знаете ли вы, что Викторъ Гюго написалъ премилые стихи, гармоническіе, прочувствованные, религіозные? Это молитва обращенная къ его ребенку; въ немъ глубокая набожность какъ у Ламартина, но съ оттѣнкомъ горести земной и свѣтской, почему они еще трогательнѣе. Я бы переслала ихъ вамъ, если бы не надѣялась скоро увидаться съ вами. Удивительно, что авторъ излюбленный юною Франціей говоритъ о Богѣ какъ слѣдуетъ говорить о Немъ.

Пушкинъ у васъ въ Москвѣ; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выраженіе ея лба заставляетъ меня трепетать за ея будущность.

Чтобы дать вамъ понятіе о нашихъ балахъ, я скажу лишь, что мы пляшемъ мазурку на всѣ революціонныя аріи послѣдняго времени, и повѣрите ли вы мнѣ, что я не нашла ни единой особы, которая бы остановилась на этой мысли? Ожидаю васъ, чтобы сообщить мои размышленія по этому поводу. Прощайте, дорогой Вяземскій; съ нетерпѣніемъ жду времени поболтать съ вами. Я ожидаю этого какъ праздника: оно мнѣ право необходимо. Матушка хворала; она очень возбуждена, встревожена, но однако ей лучше. До свиданія, и привезите съ собою всю вашу добрую дружбу.

Пушкинъ и друзья его давно замышляли издавать ежедневный журналъ. Слѣды этой затѣи восходятъ къ 1818 году, когда М. Ѳ. Орловъ сдѣлалъ о томъ предложеніе въ Арзамаскомъ обществѣ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Пушкинъ какъ будто серьозно задумалъ положить конецъ ненавистной монополіи Греча и Булгарина. Онъ выхлопоталъ даже разрѣшеніе, и какъ будто успокоился побѣдой въ принципѣ: ни въ бесѣдахъ Пушкина, ни въ его перепискѣ съ княземъ Вяземскимъ ни въ 1831-мъ, ни въ послѣдующихъ годахъ, намѣреніе это не отражается.

Семейство наше переѣхало на житье въ Петербургъ въ Октябрѣ 1832 года. Я живо помню прощальный, литературный вечеръ отца моего, съ его холостой Петербургской жизнью на квартирѣ въ домѣ Мижуева у Симеоновскаго моста. Въ этотъ вечеръ происходилъ самый оживленный разговоръ о необходимости положить предѣлъ монополіи Греча и Булгарина и защитить честь Русской литературы, униженной подъ гнетомъ Булгарина, возбуждавшаго ненависть всего Пушкинскаго кружка болѣе, чѣмъ его пріятель: за Греча прорывались изрѣдка и сочувственные отзывы. И въ этотъ вечеръ рѣчь шла о серьозномъ литературномъ предпріятіи, а не о ежедневной политической газетѣ.

Въ зиму 1832—1833 года особенно замѣтенъ былъ разгаръ ненависти противъ Булгарина. На сомнѣнія мои относительно законности вражды противъ Булгарина, довѣрчиво высказанныя мною Пушкину, Александръ Сергѣевичъ разсказалъ мнѣ, что Булгаринъ, привлеченный къ слѣдствію по 14-му Декабря 1825 года, выпутался изъ возбужденныхъ противъ него обвиненій съ тріумфомъ, настаивая на томъ, что онъ никогда и никакимъ довѣріемъ со стороны подсудимыхъ не пользовался. Въ доказательство же преданности своей онъ указалъ на сношенія племянника своего (имя коего въ памяти моей не сохранилось) съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ, и такъ опуталъ своего племянника, что несчастный пострадалъ и, по мнѣнію Пушкина, пострадалъ невинно.

Вообще всѣ нападки на Булгарина вертѣлись на его сношеніяхъ съ полиціей.

Я помню, какъ отецъ мой потѣшался, увидавъ въ «Новосельи» или въ сборникѣ «Сто Русскихъ литераторовъ» повѣсть Булгарина оканчивающуюся словами: «Я тогда служилъ въ полиціи», и затѣмъ подпись: «Ѳаддей Булгаринъ». И впослѣдствіи, когда къ именамъ Греча и Булгарина присоединилось имя Сенковскаго, я доискивался настоящей причины негодованія на этихъ трехъ публицистовъ, и единственное разъясненіе, котораго я могъ добиться это то, что Гречъ, Булгаринъ и въ особенности Сенковскій издѣваются и закидываютъ

грязью всѣ тѣ высшіе, политическіе и нравственные идеалы, которымъ служили Пушкинъ и его друзья.

Не можетъ быть сомнѣнія, что источникъ негодованія на Булгарина и Сенковскаго заключается въ томъ, что эти публицисты заподозрѣны были въ намѣреніи нравственно и умственно развращать читающую публику. Негодованіе разжигалось убѣжденіемъ, что цензура и графъ Уваровъ во главѣ ея поощряютъ Греча, Булгарина и Сенковскаго. Объясненіе это подтверждается любопытнымъ документомъ, многими непонятымъ: это письмо князя Вяземскаго графу Уварову, содержащее обвиненіе, возводимое противъ профессора Русской исторіи Устрялова, напечатанное во второмъ томѣ полнаго собранія сочиненій князя Вяземскаго. Въ нашемъ архивѣ сохранилось это письмо вмѣстѣ съ письмомъ А. С. Пушкина, разъясняющимъ дѣйствительное значеніе этого обвиненія, какъ памфлета, направленнаго противъ стараго Арзамасца графа Уварова.

Пушкинъ пишетъ:

„Письмо твое прекрасно. Форма „М. г." или „О", и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ же быть? Думаю оставить статью, какова она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все чтó будетъ можно выбрать, какъ нѣкогда дѣлалъ и ты въ „Лит. Газетѣ" со статьями не пропущенными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формулѣ изобрѣтенной Воейковымъ для Полеваго, а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю".

Изъ слѣдующаго письма можно догадываться, что одно время Пушкинъ замышлялъ дѣйствовать посредствомъ своего журнала на Русскихъ женщинъ, которыхъ онъ уважалъ несравненно болѣе чѣмъ мужчинъ, признавая нашихъ женщинъ несравненно просвѣщеннѣе.

Отъ 11 Сентября 1831 года князь Вяземскій пишетъ Пушкину:

„Какимъ же быть модамъ, когда ты помышляешь о четырехмѣсячномъ или третейскомъ журналѣ? Куда же поспѣютъ наши моды, развѣ—въ Камчатку? А о мѣсячномъ журналѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни".

Слѣдующее письмо также заключаетъ данныя о замышлявшемся Пушкинымъ противодѣйствіи Булгарину. Здѣсь, кажется, имѣется въ виду ежедневный журналъ, на который Пушкинъ получилъ разрѣшеніе.

Князь Вяземскій пишетъ А. И. Тургеневу изъ С.-Петербурга отъ 24 Ноября 1832 года:

Пушкинъ единогласно избранъ членомъ Академіи, но чтобы не слишкомъ возгордился сею честью, вмѣстѣ съ нимъ избранъ и Загоскинъ. Журналъ его рѣшительно не состоится, по крайней мѣрѣ на будущій годъ. Жаль! Литературная канальская шайка Грече-Булгаринская остается въ прежней силѣ.

Письмо оканчивается сообщеніемъ одной изъ тѣхъ многочисленныхъ эпиграммъ на Булгарина, которыя въ то время служили какъ будто для перевода духа... Эпиграмма напечатана въ полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго.

Любопытное письмо князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 9 Февраля 1833, кажется, не напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ», упоминаетъ мимоходомъ о Пушкинѣ. Для насъ дорога каждая, едва замѣтная, черта обрисовывающая въ данную минуту хотя бы только свѣтское положеніе геніальнаго поэта. Маскарадъ, о которомъ говорится въ письмѣ, былъ, сколько помнится, въ Австрійскомъ посольствѣ, на который Императоръ Николай Павловичъ явился въ Венгерскомъ гусарскомъ мундирѣ.

Вчерашній маскарадъ былъ великолѣпный, блестящій, разнообразный, жаркій, душный, восхитительный, томительный, продолжительный. Для маскарада нужна большая зала, а особенно для маскарада съ репрезентаціею. Кадрили Царицы были прекрасны, начиная съ нея и съ великой княгини. Много совершенныхъ красавицъ: Завадовская, Радзивилова-Урусова, Долгорукая-Апраксина, пріѣзжая изъ Москвы дѣвица Булгакова длинноухая (дочь А. Я.), Суворова-Ярцова, милыя крошки—Дубенская, Бѣлосельская, Шереметева и много другихъ. Старофранцузскій кадриль графини Фикельмонъ былъ также очень хорошъ, совершенно въ духѣ того времени, и могъ дать понятіе, какъ дѣды влюблялись въ нашихъ бабушекъ съ пудрою, мушками, фижмами, и проч. Очень хороши были въ этомъ кадрилѣ сама графиня Долли и Толстая, фрейлина великой княгини. Балъ продолжался до шестаго часа. Впрочемъ, жена и дочь тебѣ все разскажутъ лучше моего. Женщины даромъ что заняты своимъ дѣломъ, а все успѣютъ высмотрѣть. Мы заглядимся на какія нибудь, то есть на чьи нибудь, плечи, на чью нибудь ножку, да вотъ-те и весь балъ, хоть тамъ звѣзды съ неба хватай. Хороша очень была Пушкина-поэтша, но сама по себѣ, не въ кадриляхъ, по причинѣ что Пушкинъ задалъ ей стишокъ свой, который съ помощію Божіей не пропадетъ также для потомства.—Что̀ твои уши? Пошли тпруши, то-есть здѣшнія уши, а твои самородныя, то-есть что̀ любовь твоя къ Карадори? Того и смотри что завербуете ее на великій постъ. Что̀ писалъ Шаликовъ о концертахъ ея? Вотъ

ужъ я думаю изгибался, извивался и завивался въ фразахъ своихъ. Пока прощай. Воля твоя, нѣтъ мочи, ни времени писать. Департаментъ, блины, балы такъ и заѣдаютъ. Дай заговѣться, и тогда будетъ коту масляница, если хочешь почитать письма мои грешневыми (или просто грѣшными) блинами. Что́ вашъ карнавалъ? Поклонись ему, старому дружку, отъ меня. Право, пѣшкомъ побѣжалъ бы на субботній утренній маскарадъ. Я здѣсь никуда не гожусь: тамъ такъ я и разсыпался какъ бѣсъ передъ заутренею, а здѣсь того и смотри что песокъ..... посыплется. Обнимаю.

Помѣщаемъ здѣсь во многихъ отношеніяхъ любопытный документъ, изданный и автографически къ открытію памятника Пушкина: это шуточное посланіе отца моего и Пушкина за границу Жуковскому, отъ 26-го Марта 1833 года. Письмо и стихи писаны рукой князя Вяземскаго за исключеніемъ двадцати пяти стиховъ, начиная съ «Г. Шафонскаго» по стихъ: «Да Англичанина Варнта», писанныхъ рукой Пушкина.

Что̀, совершилъ свой Геркулесовскій подвигъ, очинилъ свою палицу, написалъ письмо, да и баста! Окаянный лѣнивецъ, хоть бы ради великаго поста сдѣлалъ богоугодное дѣло; но не даромъ Булгаринъ говоритъ, что ты безбожникъ и вольнодумецъ, все что хочешь только не вольнописецъ. Слава Богу, Николинькѣ Карамзину гораздо лучше. Сейчасъ получаю изъ Дерпта письмо, утверждающее или подтверждающее добрую вѣсть. Но вотъ открытое письмо, которое тебя обо всемъ увѣдомитъ. Прочти и отошли. А не поговорить ли о словесности, то-есть о поэзіи, напримѣръ о нашей съ Пушкинымъ и Мятлевымъ, который въ этомъ случаѣ былъ notre chef d'école?

Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо
Трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ.
Помянуть надо и тѣхъ, которые напримѣръ:
Бывшаго поэта Панцербитера,
Нашего прихода честнаго пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славнаго Русскаго кондитера,
Всѣхъ православныхъ христіанъ города Санктъ-Питера,
Да покойнаго Юпагера.

Надо помянуть, непремѣнно надо:
Московскаго поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева
И двоюроднаго брата Вашева и Нашева.
Нашего Вальтера-Скотта Масальскаго,
Дона Мигуэля короля Португальскаго
И господина городничаго города Мосальскаго.

Надо помянуть, помянуть надо, непремѣнно надо:
Покойной Бесѣды члена Кикина,
Россійскаго дворянина Боборыкина
И извѣстнаго въ банкѣ члена Аникина.

Надобно помянуть и тѣхъ, которые напримѣръ между прочими:

Раба Божія Петрищева,
Извѣстнаго автора Радищева,
Русскаго лексикографа Татищева,
Сенатора съ жилою па лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина—не Мусина, не Онѣгинскаго, а Бобрищева,
Ярославскаго актера Канищева,
Нашего славнаго поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева,
И ради Христа всякова доброва нищева.

Надо еще помянуть, непремѣнно надо:
Бывшаго Французскаго короля Дизвитскаго [1]),
Бывшаго Варшавскаго коменданта Левицкаго
И полковника Квитскаго.
Американца Монрое,
Виконта Дарленкура и его Ипсибое
И всѣхъ спасшихся отъ потопа при Ноѣ.
Музыкальнаго Бетговена
И таможеннаго Овена,
Александра Михайловича Гедеонова,
Всѣхъ членовъ старшаго и младшаго дома Бурбонова,
И супруга Беррійской, неизвѣстнова онова [2]);
Каммеръ-юнкера Загряжскаго,
Уѣзднаго засѣдателя города Ряжскаго:
И отцовъ нашихъ, державшихся вина Фряжскаго:
Славнаго лирика Ломоносова,
Московскаго статистика Андросова
И Петра Андреича князя Вяземскаго курносова;
Оленина стереотипа
И Вигеля, Филипова сына, Филипа,
Бывшаго камергера Приклонскаго
„Господина Шафонскаго,
Карманный грошъ князя Григорія Волконскаго
И ужъ Александра Македонскаго:
Этого не обойдешь, не объѣдешь. Надо
Помянуть... Покойника Винценгеродс,
Саксонскаго министра Люцеродс,
Графиню вицеканцлершу Нессельродс.
Покойнаго скрыпача Родс
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.

Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего пріятеля Велегорскаго
(Что не любитъ вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго,
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,

---

[1]) Наши солдаты, стоя во Франціи, говорили про Людовика XVIII-го: „нашъ Дизвитовъ“; они слышали, какъ Французы называли его: dix-huit. П. Б.

[2]) Именно въ Февралѣ 1833 г. вдова герцога Беррійскаго (къ приверженцамъ которой принадлежалъ и будущій убійца Пушкина, бѣжавшій изъ-за нее въ Испанію) объявила себя беременною отъ одного Итальянца. Это была новость тогдашняго политическаго дня. П. Б.

Дершау, полицмейстера С.-Петербургскаго,
Почтмейстера города Васильсурскаго.

Надо помянуть парикмахера Эмè,
Ресторатора Dume,
Ланского, что̀ губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, умершаго въ чумѣ,
И полковника Бартоломе,
Повара али исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинетг, славнаго ташеншпилера.

Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта
Да Англичанина Warnta"
Извѣстнаго механика Молдуано,
Москетти, Московскаго сопрано
И всѣхъ тѣхъ, которые напиваются рано;
Натуралиста Кювье
И суконныхъ фабрикантовъ города Лувье,
Французскаго языка учителя Жиля,
Отставнаго Англійскаго министра Пиля
И живописца-аматера Киля.

Надо помянуть
Господъ: Чулкова,
Носкова,
Башмакова,
Сапожкова,
Да при нихъ и генерала Пяткина
И князя Ростовскаго-Касаткина.

Надобно помянуть
Жуковскаго балладника.
И Марса, Питерскаго помадника.

Довольно ли съ тебя, а у насъ уже набрано около тысячи. Это вольное подражаніе твоему Пѣвцу въ Русскомъ станѣ. Надѣюсь, что этотъ образецъ воспламенитъ твое вдохновеніе, и ты не оставишь по части Швейцарской составить значительное пополненіе. Теперь прости. Вотъ тебѣ Языкова. Всѣ мои тебѣ кланяются, и мы часто поминаемъ Василія Андреевича Жуковскаго и кума его Михаила Трофимовича Каченовскаго. Мердеръ далъ мнѣ копію съ портрета твоего стоячаго у окна. Ради Бога, напиши, что̀ здоровье твое. Христосъ воскресе, а пока верба хлестъ, бей до слезъ.

Единственный комментарій, который могу сообщить о происхожденіи этихъ стиховъ—это то, что авторство князя Вяземскаго и Мятлева не можетъ заключаться въ подборѣ фамилій: въ этомъ принималъ участіе и я, да и не я одинъ. Забава продолжалась недѣли двѣ.

За 1833—1834 годы встрѣчается довольно много шуточныхъ стихотвореній въ бумагахъ князя Вяземскаго, между ними и стихотворенія, которыя Мятлевъ называлъ „Poésies maternelles". Этому шу-

точному направленію князь Вяземскій и Пушкинъ съ особенно выдающимся рвеніемъ предавались какъ будто съ горя, что имъ не удавалось устроить серьозный органъ для пропагандированія своихъ мыслей.

Въ припискѣ князя Вяземскаго Пушкину къ письму Мятлева отъ 28-го Мая 1834 года упоминаются еще разъ стихотворныя упражненія Мятлева:

Пріѣзжай непремѣнно. Право, будетъ весело. Надобно быть тамъ въ четыре часа, то есть сегодня. Къ тому же Мятлевъ

Любезный родственникъ, поэтъ и камергеръ,
А ты ему родня, поэтъ и камеръ-юнкеръ:
Мы выпьемъ у него шампанскаго на клункеръ,
И будутъ намъ стихи на м...рный манеръ.

Друзья не щадили самолюбія Пушкина на счетъ его запоздалаго камеръ-юнкерства. Мнѣ помнится стихъ того времени, Соболевскаго:

Пушкинъ камеръ-юнкеръ
Раззолоченый какъ клюнкеръ.

Открытіе названія золотой монеты «клюнкеръ» также принадлежитъ Соболевскому, доказывавшему право на существованіе этой риѳмы на камеръ-юнкеръ.

Не смотря на задѣтое честолюбіе, Пушкинъ былъ постоянно веселъ и принималъ живое участіе по крайней мѣрѣ въ интимномъ кружкѣ. Что касается крайней раздражительности Пушкина въ сношеніяхъ съ пріятелями, то я въ теченіе десяти лѣтъ, видя его почти каждый день, былъ свидѣтелемъ одной только его неприличной выходки. Въ 1833 или 1834 году, послѣ обѣда у моего отца, много ораторствовалъ старый пріятель Пушкина, генералъ Раевскій, сколько помнится Николай, человѣкъ вовсе отцу моему не близкій и рѣдкій гость въ Петербургѣ. Пушкинъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ возражалъ Раевскому; выведенный какъ будто изъ терпѣнія, чтобы положить конецъ разговору, Пушкинъ сказалъ Раевскому:

На что Вяземскій снисходительный человѣкъ, а и онъ говоритъ, что ты невыносимо тяжелъ.

Отъ 2-го Января 1834 года князь Вяземскій пишетъ А. Я. Булгакову:

Александръ Пушкинъ, поэтъ Пушкинъ—теперь камеръ-юнкеръ Пушкинъ. Что̀ скажетъ о томъ Полевой?

Вѣрный взглядъ на ощущенія Пушкина при пожалованіи его въ камеръ-юнкеры сообщаетъ Софья Николаевна Карамзина въ письмѣ своемъ къ Ив. Ив. Дмитріеву:

Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящіе успѣхи въ свѣтѣ, часто и преискренно страдаетъ мученіемъ ревности, потому что посредственная красота и посредственный умъ другихъ женщинъ не перестаютъ кружить поэтическую голову ея мужа.

Пушкинъ оскорблялся, какъ видно и изъ его Записокъ и писемъ, тѣмъ, что камеръ-юнкерство ставило его на одинъ рядъ съ юношами весьма разнообразнаго достоинства.

Въ 1834 году отецъ мой уѣхалъ за границу со всѣмъ семействомъ, и Пушкинъ въ томъ же году осенью переѣхалъ въ домъ Баташева, по Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста, въ ту квартиру, которую занимали мы. Въ матеріалахъ Анненкова ошибочно названъ домъ Балашева отдѣльно отъ дома Баташева. Въ домѣ Балашева Пушкинъ никогда не жилъ, а жилъ съ осени 1834 по осень 1836 года въ домѣ Баташева. Въ это время я поступилъ въ Петропавловскую школу, и за зиму 1834 и 1835 Пушкинъ ускользаетъ изъ моей памяти: новый міръ, въ который я поступилъ, отчудилъ меня отъ роднаго очага. Впослѣдствіи товарищи мои, Мыльниковъ и Лонгиновы, расказывали, что они въ эти года встрѣчали меня на Невскомъ проспектѣ то со школьниками St.-Petri-Schule, то съ А. С. Пушкинымъ, то съ модной красавицей Н. Н. Пушкиной и ея сестрами, и прославляли меня за то, что я, прогуливаясь съ элегантными дамами, дружески раскланивался со встрѣчавшимися школьными товарищами, у которыхъ были связки книжекъ за спиной.

Прогулки мои съ Пушкинымъ и съ Пушкиною и ея сестрами относятся къ зимѣ 1835—1836 года, когда я еще посѣщалъ Петропавловское училище.

Въ перепискѣ моего отца за 1834—1835 годъ ничего о Пушкинѣ и о литературѣ не нахожу: въ то время отецъ мой былъ совершенно озабоченъ болѣзнію сестры моей, княжны Прасковьи Петровны, скончавшейся въ Римѣ въ 1835 году.

Въ 1836 году, по возвращеніи моемъ осенью съ морскихъ купаній на островѣ Нордернеи, я какъ-то разъ ѣхалъ съ каменнаго острова въ коляскѣ съ А. С. Пушкинымъ. На Троицкомъ мосту мы встрѣтились съ однимъ мнѣ незнакомымъ господиномъ, съ которымъ Пушкинъ дружески раскланялся. Я спросилъ имя господина.

— «Барковъ, ex-diplomat, habitué *) Воронцовыхъ», отвѣчалъ Пушкинъ и, замѣтивъ, что имя это мнѣ вовсе неизвѣстно, съ видимымъ удивленіемъ сказалъ мнѣ: «Вы не знаете стиховъ однофамильца Бар-

---

*) Бывшій дипломатъ, частый посѣтитель.

кова, вы не знаете знаменитаго четверостишія... (обращеннаго къ Савоськѣ) и собираетесь вступить въ университетъ? Это курьозно. Барковъ—это одно изъ знаменитѣйшихъ лицъ въ Русской литературѣ; стихотворенія его въ ближайшемъ будущемъ получатъ огромное значеніе. Въ прошломъ году я говорилъ Государю на балѣ, что царствованіе его будетъ ознаменовано свободою печати, что я въ этомъ не сомнѣваюсь. Императоръ разсмѣялся и отвѣчалъ, что онъ моего убѣжденія не раздѣляетъ. Для меня сомнѣнія нѣтъ—продолжалъ Пушкинъ—но также нѣтъ сомнѣнія, что первыя книги, которыя выйдутъ въ Россіи безъ цензуры будутъ полное собраніе стихотвореній Баркова».

Вообще въ это время Пушкинъ какъ будто систематически дѣйствовалъ на мое воображеніе, чтобы обратить мое вниманіе на прекрасный полъ и убѣдить меня въ важномъ значеніи для мущины способности приковывать вниманіе женщинъ. Пушкинъ поучалъ меня, что вся задача жизни заключается въ этомъ: все на землѣ творится, чтобы обратить на себя вниманіе женщинъ. Не довольствуясь поэтическою мыслію, онъ училъ меня, что въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ останавливаться на первомъ шагѣ, а идти впередъ, нагло, безъ оглядки, чтобы заставить женщинъ уважать васъ. Той мизантропической проповѣди, которая выражена въ напечатанномъ наставленіи, данномъ имъ брату Льву Сергѣевичу— мнѣ никогда не приходилось слышать. Онъ постоянно давалъ мнѣ наставленія объ обращеніи съ женщинами, приправляя свои нравоученія циническими цитатами изъ Шамфора. Было ли это слѣдъ прочтенія въ то время Шамфора или озлобленія противъ женщинъ; но дѣло въ томъ, что онъ возбуждалъ во мнѣ цѣлый рядъ размышленій о несправедливости и нелогичности людей въ отношеніи къ ихъ личности и къ постороннимъ. Въ тоже время Пушкинъ сильно отговаривалъ меня отъ поступленія въ университетъ, и утверждалъ, что я въ университетѣ ничему научиться не могу. Однажды, соглашаясь съ его враждебнымъ взглядомъ на высшее у насъ преподаваніе наукъ, я сказалъ Пушкину, что поступаю въ университетъ исключительно для изученія людей. Пушкинъ расхохотался и сказалъ: «Въ университетѣ людей не изучишь, да едва-ли ихъ можно изучить въ теченіи всей жизни. Все что̀ вы можете пріобрѣсти въ университетѣ—это то, что вы свыкнетесь жить съ людьми, и это много. Если вы такъ смотрите на вещи, то поступайте въ университетъ; но едва ли вы въ томъ не раскаетесь!»

Съ другой стороны Пушкинъ постоянно и настойчиво указывалъ мнѣ на недостаточное мое знакомство съ текстами Священнаго Писанія и убѣдительно настаивалъ на чтеніи книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Я позволяю себѣ откровенно передавать и сомнительныя нравоученія Пушкина, въ твердомъ убѣжденіи, что проповѣдь его не была слѣдствіемъ легкомыслія или разврата мысли, но коренилась въ его уваженіи природы, жизни и въ ненависти къ поддѣльной наукѣ и лицемѣрной нравственности. Я тѣмъ болѣе вѣрю въ чистоту стремленій Пушкина, что проповѣдь его пустила глубокіе корни въ моей юношеской головѣ, а Шамфора я и до сего дня не полюбопытствовалъ прочесть. Для нашего поколѣнія, воспитывавшагося въ царствованіе Николая Павловича, выходки Пушкина уже казались дикими. Пушкинъ и его друзья, воспитанные во время Наполеоновскихъ войнъ, подъ вліяніемъ героическаго разгула представителей этой эпохи, щеголяли воинскимъ удальствомъ и какимъ-то презрѣніемъ къ требованіямъ гражданскаго строя. Нынѣшнее поколѣніе можетъ понять подобныя физіологическія явленія развѣ только съ помощію романа графа Толстаго: «Война и Миръ». Пушкинъ какъ будто дорожилъ послѣдними отголосками беззавѣтнаго удальства, видя въ нихъ послѣднія проявленія заживо схороняемой самобытной жизни. Этотъ воинственный, удалой духъ Пушкина еще сильно звучитъ въ посланіи къ Денису Давыдову при посылкѣ ему Исторіи Пугачевскаго бунта. Стихотвореніе помѣчено 18-мъ Января 1836 года.

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!
Не удалось мнѣ за тобою,
При громѣ пушечномъ въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и на этой службѣ трудной,
И тутъ, о, мой наѣздникъ чудный,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ! При первомъ взглядѣ
Онъ видѣнъ: плутъ, казакъ, прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

Пушкинъ разсказывалъ, что въ молодости онъ старался подражать Денису Давыдову въ крученіи стиха, и усвоилъ себѣ его манеру навсегда.

Изъ сочиненій Пушкина за это время неизгладимое впечатлѣніе произвела прочитанная имъ самимъ «Капитанская дочка», и ненапечатанный монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ Мѣднымъ Всадникомъ. Монологъ этотъ, содержащій около тридцати стиховъ, произвелъ при чтеніи потрясающее впечатлѣніе, и не вѣрится, чтобы

онъ не сохранился въ цѣлости. Въ бумагахъ отца моего сохранились многія подлинныя стихотворенія Пушкина и копіи, но монолога не сохранилось, весьма можетъ быть потому, что въ монологѣ слишкомъ энергически звучала ненависть къ Европейской цивилизаціи. Мнѣ все кажется, что великолѣпный монологъ таится вслѣдствіе какихъ-либо тенденціозныхъ соображеній; ибо трудно допустить, чтобы изо всѣхъ людей, слышавшихъ проклятье, никто не попросилъ Пушкина дать списать эти тридцать-сорокъ стиховъ. Я думалъ объ этомъ, и не смѣлъ просить, вполнѣ сознавая, что мое юношество не внушаетъ довѣрія. Я помню впечатлѣніе, произведенное на одного изъ слушателей, Аркадія Осиповича Россети, и мнѣ какъ будто помнится, онъ увѣрялъ меня, что сниметъ копію для будущаго времени.

Въ печатаемыхъ отрывкахъ я обращалъ вниманіе на два предмета: личность поэта и его приготовленіе къ журнальной дѣятельности.

Помѣщаю здѣсь любопытное письмо о зачатіи «Современника». Сердечная, умная и неизмѣнная пріятельница Пушкина, Жуковскаго и князя Вяземскаго, А. О. Смирнова пишетъ изъ Берлина отъ 29-го Февраля 1836 года:

Я подписываюсь на „Современникъ" и прошу васъ высылать мнѣ его. Просите Пушкина начать постомъ или послѣ пасхи, чтобы не дѣлать, какъ наши литераторы, изготовляющіе подарки добрымъ дѣтямъ на праздники. Надѣюсь на его вкусъ: онъ не будетъ держаться формата „Библіотеки для чтенія", имъ громко осуждаемой; внѣшній видъ Blackwood's Magazine очень приличенъ—совершенно Европейскій. Вы видите, я совершенно матерински забочусь объ этомъ дитяти хорошаго общества: потому и надѣюсь получить извѣстіе немедленно по его появленіи. Опасаюсь, чтобы названіе „Современникъ" не щекотало цѣломудренныхъ ушей Греча, Булгарина и К°, и они отомстятъ, указывая на слишкомъ современную аллюру нашего изданія. Скажите Пушкину, что я могу ему сообщить все что̀ происходитъ въ литературномъ мірѣ Берлина, хотя я не вижу рецензентовъ и альманашниковъ. А вѣдь и здѣсь жалуются, какъ и у насъ, на застой въ изящной литературѣ; изрѣдка нѣсколько стихотвореній Шамиссо; въ настоящую минуту стихотворенія графа Платена, изданныя въ Ганноверѣ—вотъ почти все сколько нибудь замѣчательное изъ литературныхъ явленій; за то много классическихъ сочиненій, въ чемъ у насъ существенный недостатокъ.

Въ письмѣ отъ 4-го Мая 1836 года встрѣчаемъ первое впечатлѣніе, произведенное появленіемъ «Современника»:

Благодарю за „Современникъ": я его вкушаю съ чувствомъ и разстановкой, разомъ проглотивъ Чиновниковъ и Коляску Гоголя, смѣясь какъ

рѣдко смѣются, а я никогда. Вѣд, это однако Плетневъ открылъ это маленькое сокровище; у него чутье очень вѣрное, онъ его распозналъ съ первой встрѣчи. „Арзерумъ"—вылитый Пушкинъ, когда онъ расположенъ болтать и заинтересовать, такъ что всѣ эти исторіи мнѣ слишкомъ извѣстны, и потомъ зачѣмъ упоминать о тѣхъ Французахъ, которые о немъ говорили, худо ли хорошо ли? У насъ объ этомъ никто бы и не зналъ, не стоило и защищаться: о немъ говорили люди темные. Скажите ему, что ему надо путешествовать, чтобы познакомить съ собой Европу: это единственное средство, да вдобавокъ едва ли стоитъ того. Я сейчасъ узнала Тургенева въ его Парижскомъ дневникѣ: онъ нанизываетъ громкія имена и рекомендуетъ книги, которыхъ самъ не читаетъ; еще пожалуй такъ себѣ ничего, что онъ ходилъ смотрѣть на boeuf gras и съ визитомъ къ г-жѣ Тьеръ, урожденной Dosne; но бѣгать чтобы поглазѣть на Nina Lassave, на кривую, наглую, грязную Нину—это изъ рукъ вонъ; нравственное чувство Нѣмцевъ оскорбляется этимъ, и здѣсь не продаютъ ни одного портрета, а въ Парижѣ она собрала массу денегъ.— Тѣмъ не менѣе я сбираюсь писать „à l'homme de toutes sciences et de tout savoir" *): онъ добрый малый, и умный добрый малый.

Въ томъ же письмѣ остроумная корреспонденатка оговаривается:

...Я сожалѣю, что не хорошо отозвалась о Пушкинѣ; въ сущности „Арзерумъ" очень интересенъ.

Помѣщаемъ здѣсь письмо князя Вяземскаго изъ Петербурга, отъ 8-го Апрѣля 1836 года, невольному соучастнику въ изданіи «Современника» А. И. Тургеневу, сильно негодовавшему за напечатаніе писемъ, компрометирующихъ его въ глазахъ Парижскихъ друзей.

У тебя нѣсколько моихъ писемъ, сколько именно—не упомню, кажется два черезъ Берлинъ на имя Киселева, одно на имя Римской красавицы, одно черезъ Лондонъ на имя Бенкгаузена, и все это съ книгами, съ нотами и даже цѣлковиками тебѣ на водку. Ни на одно еще нѣтъ отвѣта. Послѣднее твое привезено Валладомъ. Пушкинъ проситъ тебя, Христа и публики ради, быть отцемъ-кормилицею его „Современника" и давать ему сосать твои новыя и млекоточивыя груди, которыя будутъ для него слаще птичьяго молока. Выставляй ихъ съ небрежностью и съ бл. . . . . откровенностью, какъ хочешь. Здѣсь будетъ наше дѣло сжимать ихъ въ корсетъ, завѣшивать платочкомъ, а ты только тѣшь молодцовъ и вываливай прелести свои, какъ вываливаетъ ихъ гр. Л...ль на народное позорище. Пушкинъ не пишетъ къ тебѣ теперь, потому что умерла мать его, что все это время былъ онъ въ печальныхъ заботахъ, а сегодня отправился въ Псковскую деревню, гдѣ будетъ погребена его мать. Жаль, что не успѣю отправить къ тебѣ первую книжку „Современника": она выйдетъ въ Субботу, а курьеръ ѣдетъ завтра, въ Четвергъ.

*) Человѣку всѣхъ наукъ и всякаго знанія

Твои титьки тутъ сидятъ нѣсколько сжатыя цензурнымъ корсетомъ, но все еще задора довольно. Разумѣется, пуще всего нужно литературности и невинной уличной и салонной жизни. Политика, то-есть газетная политика—не годится, или умѣренно, потому что дозволенъ только журналъ литературный; но историческую политику милости просимъ. Впрочемъ что́ тутъ толковать: давай что́ есть, а тамъ что̀ къ чтенію пригодится, то прочтется, что̀ къ напечатанію, то отпечатается. Поблагодари князя Мещерскаго за гостинецъ. Что́ за книги о Россіи du comte de Viel-Castel, Touvenel, Paul de Julvecourt, о коихъ онъ упоминаетъ. Не вѣрится мнѣ, чтобы онѣ были хороши. Лучшіе умы сбиваются съ пахвей, говоря о Россіи. Послушайте, что́ толкуютъ на Французскихъ и Англійскихъ трибунахъ. Уши вяпутъ, а у говоруновъ растутъ. Нѣтъ ни одного положительнаго свѣдѣнія, а все на угадъ, все хотятъ судить по аналогіи. Пріятели еще хуже враговъ. Берутся говорить о томъ, о чемъ говорить не слѣдуетъ. Мало ли дѣлается такого, чего объяснять не должно, потому что не можно?—9-го, вчера вечеромъ, думалъ я поболтать съ тобою. Жена и Машенька поѣхали въ Аничковъ, а я остался дома одинъ, но не тутъ-то было: пріѣхалъ ко мнѣ мой Варшавскій Нессельроде, тамъ съ бала въ первомъ часу явился Жуковскій, и мы за сигарами и за пріятными разговорами просидѣли до двухъ часовъ. А теперь нужно скоро отослать письмо. Да впрочемъ и сказать-то много нечего. Василій Кутузовъ женится на старшей Рибопьеръ, свадьба будетъ въ Берлинѣ. Кажется, онъ тамъ и останется; вѣдь онъ въ отставкѣ. Пушкинъ-Брюсъ умеръ. Ему отрѣзали ногу, и онъ умеръ отъ истощенія. И Гритти опасно боленъ. Странная игра Провидѣнія. Дрались за золото, которое, можетъ быть, никому изъ нихъ не достанется. Но по крайней мѣрѣ они дали доказательство, что у насъ есть правосудіе, не взирающее на лица. Этотъ процессъ очень замѣчателенъ въ семъ отношеніи. Андрей Карамзинъ ѣдетъ весною въ чужіе края года на полтора или на два. Я очень этому радъ. Путешествіе теперь въ самую пору, какъ мѣра въ запасъ и предохранительная.

Субботы Жуковскаго процвѣтаютъ, но давно безъ писемъ твоихъ. Одинъ Гоголь, котораго Жуковскій называетъ Гоголекъ (никто не равняется съ Жуковскимъ въ перековерканіи именъ: помнишь ли, когда онъ звалъ Дашкова Дашенькою?) оживляетъ ихъ своими разсказами. Въ послѣднюю Субботу читалъ онъ намъ повѣсть объ „Носѣ“, который пропалъ съ лица неожиданно у какого-то коллежскаго ассессора и очутился послѣ въ Казанскомъ соборѣ въ мундирѣ Министерства Просвѣщенія. Уморительно смѣшно. Много настоящаго humour. Коллежскій ассесоръ, встрѣтясь съ носомъ своимъ, говоритъ ему: „Удивляюсь, что нахожу васъ здѣсь; вамъ, кажется, должно бы знать свое мѣсто“. И чтобы и мое письмо не пропало, а попало къ своему мѣсту, то-есть тебѣ подъ носъ, а я не остался бы съ носомъ, кончаю и отправляю

письмо въ министерство иностранное. Обнимаю тебя. Нашимъ дамамъ мое сердечное колѣнопреклоненіе.

Таже умная, милая и искренняя пріятельница Жуковскаго, Пушкина, князя Вяземскаго и Гоголя, очи которой князь Вяземскій въ 1828 году привѣтствовалъ стихотвореніемъ:

Южныя звѣзды! Черныя очи!
Неба чужаго огни —

интересовавшаяся въ Берлинѣ въ 1836 году появленіемъ «Современника», пишетъ изъ Парижа въ 1837 году по поводу кончины Пушкина:

Вы меня забываете, хотя вы должны были бы сообщить мнѣ еще нѣсколько подробностей о горестномъ событіи; правда, для друзей Пушкина и для друзей Россіи все уже высказано. Въ сегодняшней „Revue de Paris" есть статья „Légendes des Poètes". Въ ней припоминаются всѣ великіе геніи: всѣ они несчастные, преслѣдуемые или обществомъ или правительствомъ, непризнанные, оклеветанные, умирающіе въ тюрьмахъ или въ нищетѣ. Въ статьѣ не упоминается Пушкинъ, а однако ничего нѣтъ болѣе раздирающе-поэтическаго какъ его жизнь и его смерть. Я также была здѣсь оскорблена, и глубоко оскорблена, какъ и вы, несправедливостію общества. А потому я о немъ не говорю. Я молчу съ тѣми, которые меня не понимаютъ; воспоминаніе о немъ сохраняется во мнѣ недостижимымъ и чистымъ. Много вещей имѣла бы я вамъ сообщить о Пушкинѣ, о людяхъ и дѣлахъ; но на словахъ, потому что я побаиваюсь письменныхъ сообщеній.

А. О. Смирнова занимала такое значительное мѣсто въ поэтическомъ кружкѣ Пушкина и въ другихъ блестящихъ Петербургскихъ сферахъ, что мы считаемъ почти за грѣхъ не подѣлиться съ читателями прелестнымъ посланіемъ къ ней князя Вяземскаго, много годовъ послѣ погрома, разсѣявшаго поэтическую общину. Письмо сохранилось въ бумагахъ Жуковскаго и вѣроятно писано къ Карамзинымъ:

1 Января 1845 года.

...Но пока живешь, все таки надобно заниматься пустяками. Вотъ въ чемъ дѣло. Смирнушка ужасно кашляетъ, и я на дняхъ писалъ ей:

Что̀ дѣлаетъ вашъ скучный ка̑шель?
Его я на душѣ ношу,
И какъ у сердца ни спрошу:
О чемъ грустишь ты? Не о Сашѣ-ль?
Оно въ отвѣтъ мнѣ: точно такъ!
И зарыдаешь какъ дуракъ.

Эти стихи ее ужасно растрогали, и она просила продолженія. Но я отказался за неспособностью и обѣщалъ ей просить Омира Андреевича докончить начатое мною.

А. И. Тургеневъ, сопровождавшій тѣло Пушкина, пишетъ Жуковскому:

Псковъ, 5-й часъ утра, 7 Февраля, Воскресенье. Мы предали землѣ земное вчера на разсвѣтѣ. Я провелъ около сутокъ въ Тригорскомъ, у вдовы Осиповой, гдѣ искренно оплакиваютъ поэта и человѣка въ Пушкинѣ. Милая дочь хозяйки показала мнѣ домикъ и садъ поэта; я говорилъ съ его дворнею. Прасковья Александровна Осипова дала мнѣ записку о дѣлахъ его, о деревнѣ, и я передамъ тебѣ на словахъ все что̀ отъ нея слышалъ о его имѣніи. Она все хорошо знаетъ, ибо покойникъ любилъ ее и довѣрялъ ей всѣ свои экономическія тайны. Подождите меня. Я уже отслушалъ здѣсь въ соборѣ заутреню, въ Благовѣщенскомъ новомъ соборѣ, отслушаю тамъ и обѣдню съ архіерейскимъ служеніемъ, осмотрю древности и развалины, кои, какъ весьма немногія въ Россіи, могутъ сказать о себѣ, благодаря Псковской осадѣ: fuimus!... Отобѣдаю у губернатора и ввечеру пущусь въ Петербургъ (ошибкою чуть не сказалъ во свояси). Въ Понедѣльникъ буду пить чай въ семействѣ историка Псковской осады. Обнимаю Велегурскаго и Вяземскаго, и проч. Везу вамъ сырой земли, сухихъ вѣтвей и только; нѣтъ—и нѣсколько неизвѣстныхъ вамъ стиховъ Пушкина.

О кончинѣ Пушкина намъ остается повторить слова А. О. Смирновой въ письмѣ 1836 года:

..."Для друзей Пушкина и для друзей Россіи все уже высказано".

Мы можемъ сообщить личное и общее впечатлѣніе, что дуэль не была вызвана какими либо обстоятельствами, которыя можно было бы опредѣлить или оправдать. Грязное анонимное письмо не могло дать повода; плохіе каламбуры свояка еще менѣе. Не ревность мутила Пушкина, а до глубины души пораженное самолюбіе. Пушкинъ зналъ, что сплетни о немъ расходятся по Россіи, и онъ палъ для Россіи. Вотъ его слова, сказанныя имъ князю П. А. Вяземскому и переданныя послѣднимъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу, и именно въ той части письма, которая въ «Русскомъ Архивѣ» не напечатана.

На увѣщеванія друзей Пушкинъ сказалъ: „Я принадлежу странѣ и хочу, чтобы имя мое было чисто вездѣ, гдѣ оно извѣстно" (qu'il appartenait au pays et qu'il voulait que son nom fût intact partout où il était connu).

Напечатанное въ «Рускомъ Архивѣ» письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову и другое письмо, приложенное въ копіи, сообщаютъ все, что̀ извѣстно о причинахъ поединка, о самомъ поединкѣ, о мѣстѣ поединка и о ранѣ, прекратившей жизнь поэта.

Князь П. А. Вяземскій и всѣ друзья Пушкина не понимали и не могли себѣ объяснить поведенія Пушкина въ этомъ дѣлѣ. Если между молодымъ Геккереномъ и женою Пушкина не прерывались въ гостиныхъ дружескія отношенія, то это было въ силу общечеловѣческаго, неизмѣннаго приличія, и сношенія эти не могли возбудить не только ревности, но даже и неудовольствія со стороны Пушкина. Самъ Пушкинъ говоритъ, что съ полученія безъименнаго письма онъ не имѣлъ ни минуты спокойствія. Оно такъ и должно было быть.

Въ зиму 1836—1837 года мнѣ какъ-то разъ случилось пройтись нѣсколько шаговъ по Невскому проспекту съ Н. Н. Пушкиной, сестрой ея Е. Н. Гончаровой и молодымъ Геккереномъ; въ эту самую минуту Пушкинъ промчался мимо насъ какъ вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчезъ въ толпѣ гуляющихъ. Выраженіе лица его было страшно. Для меня это былъ первый признакъ разразившейся драмы. Отношенія Пушкина къ женѣ были постоянно дружескія, довѣрчивыя до конца его жизни. Въ реляціяхъ отца моего къ друзьямъ видно, что это невозмутимое спокойствіе по отношенію къ женѣ и вселяло въ нее ту безпечность и беззаботность, съ которой она относилась къ молодому Геккерену послѣ его женитьбы.

25-го Ноября Пушкинъ и молодой Геккеренъ съ Натальей Николаевной и ея сестрою Екатериною (будущею женою Геккерена) провели у насъ вечеръ. И Геккеренъ и обѣ сестры были спокойны, веселы, принимая участіе въ общемъ разговорѣ. Въ этотъ самый день уже было отправлено Пушкинымъ барону Геккерену оскорбительное письмо. Смотря на жену, онъ сказалъ въ тотъ вечеръ: «Меня забавляетъ то, что этотъ господинъ забавляетъ мою жену, не зная, что̀ его ожидаетъ дома. Впрочемъ, съ этимъ молодымъ человѣкомъ мои счеты сведены».

Несмотря на приготовленія къ поступленію въ университетъ и увѣщанія отца уходить спать, я проводилъ ночи прислушиваясь къ неумолкаемымъ толкамъ и сообщеніямъ, возбужденнымъ кончиной Пушкина; и, несмотря на страстное желаніе уяснить себѣ причины и поводы къ дуэли, я рѣшительно ничего понять не могъ.

Много говорили, что въ дуэли Онѣгина и Ленскаго Пушкинъ пророчески описалъ свою собственную кончину. Пушкинъ художнически обрисовалъ это дѣло, какъ онъ понималъ его, сообразуясь съ своею собственною натурой. Для него минутное ощущеніе, пока оно не удо-

влетворено, становилось жизненною потребностью. Даже въ вымыслѣ Пушкинъ нашелъ излишнимъ обставить дѣло логически: Ленскій не могъ слышать нѣжностей, нашептанныхъ Онѣгинымъ его невѣстѣ, и вызвалъ друга безъ объясненій съ невѣстой. Здѣсь высказывается скептическій взглядъ Пушкина на женскую искренность. Чистосердечно сообщаемый женою разговоръ не заслуживалъ довѣрія въ его глазахъ и могъ только раздражить его самолюбіе. Въ послѣдніе два мѣсяца жизни Пушкинъ много говорилъ о своемъ дѣлѣ съ Геккереномъ, а отзывы его друзей и ихъ молчаніе – все должно было перевертывать въ немъ душу и убѣждать въ необходимости кровавой развязки.

Отецъ мой въ письмахъ своихъ употребляетъ неточное выраженіе, говоря, что Геккеренъ аффишировалъ страсть: Геккеренъ постоянно балагурилъ, и изъ этой роли не выходилъ до послѣдняго вечера въ жизни, проведеннаго съ Н. Н. Пушкиной. Единственное объясненіе раздраженію Пушкина слѣдуетъ видѣть не въ волокитствѣ молодаго Геккерена, а въ уговариваніи старикомъ бросить мужа. Этотъ шагъ старика и былъ тѣмъ убійственнымъ оскорбленіемъ для самолюбія Пушкина, которое должно было быть смыто кровью. Дружескія отношенія жены поэта къ свояку и къ сестрѣ вѣроятно питали раздраженную мнительность Пушкина.

Условія жизни не давали ему возможности и простора жить героемъ; за то, по свидѣтельству всѣхъ близкихъ Пушкина, онъ умеръ геройски, и своею смертью вселилъ въ друзей своихъ благоговѣніе къ его памяти.

Какъ трудно было друзьямъ Пушкина распознать тайныя пружины этого дѣла, видно изъ письма князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 10-го Февраля 1837. Дѣло не разъясняется и письмомъ отъ 8-го Апрѣля того же года, помѣщаемымъ нами въ концѣ статьи. «Адскія сѣти, адскія козни были устроены противъ Пушкина и жены его».

Впечатлѣнія этого нельзя не раздѣлять, видя происходившую драму; улики до сихъ поръ неизвѣстны, и даже нельзя опредѣлить перваго основанія для изобличенія «адскихъ козней».

Старикъ Геккеренъ былъ человѣкъ хитрый, расчетливый еще болѣе, чѣмъ развратный; молодой же Геккеренъ былъ человѣкъ практическій, дюжиный, добрый малый, балагуръ, вовсе не Ловеласъ, ни Донъ-Жуанъ, и пріѣхавшій въ Россію сдѣлать карьеру. Волокитство его не нарушало никакихъ великосвѣтскихъ Петербургскихъ приличій. Изъ писемъ Пушкина къ женѣ, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», можно даже заключить, что Пушкину претило волокитство слишкомъ ничтожнаго человѣка.

Дантесъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1833 году и обратилъ на себя презрительное вниманіе Пушкина. Принятый въ кавалергадскій полкъ, онъ до появленія приказа разъѣзжалъ на вечера въ черномъ фракѣ и сѣрыхъ рейтузахъ съ красной выпушкой, не желая на короткое время замѣнять изнoшенные черные штаны новыми.

Въ Запискахъ Пушкина, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», упоминается одновременно съ Дантесомъ маркизъ Пина. Послѣдній въ гвардіи не служилъ, а поступилъ офицеромъ въ армейскій пѣхотный полкъ, сколько помнится въ гренадерскій полкъ короля Прусскаго, и сколько помнится тотъ полкъ, въ который поступилъ Пинà былъ въ это время расположенъ въ Нарвѣ. Пинà недолго оставался въ полку: онъ обвиненъ былъ въ кражѣ серебряныхъ ложекъ и долженъ былъ выйти въ отставку.

Послѣ смерти Пушкина я находился при гробѣ его почти постоянно, до выноса тѣла въ церковь, чтó въ зданіи конюшеннаго вѣдомства.

Выносъ тѣла былъ совершонъ ночью, въ присутствіи родныхъ Н. Н. Пушкиной, графа Г. А. Строганова и его жены, Жуковскаго, Тургенева, графа Вельегорскаго, Аркадія О. Россети, офицера генеральнаго штаба Скалона и семействъ Карамзиной и князя Вяземскаго. Не запомню, присутствовала ли старая фрейлина Загряжская и секундантъ Пушкина, Данзасъ, лица мнѣ тогда незнакомыя. Внѣ этого списка пробрался по льду въ квартиру Пушкина отставной офицеръ путей сообщенія Веревкинъ, имѣвшій, по объясненію А. О. Россети, какія-то отношенія къ покойному. Никто изъ постороннихъ не допускался. На просьбы А. Н. Муравьева и старой пріятельницы покойника, графини Бобринской (жены графа Павла Бобринскаго), переданныя мною графу Строганову, мнѣ поручено было сообщить имъ, что никакихъ исключеній не допускается. Начальникъ штаба корпуса жандармовъ Дубельтъ, въ сопровожденіи около двадцати штабъ и оберъ-офицеровъ, присутствовалъ при выносѣ. По сосѣднимъ дворамъ были разставлены пикеты: все выражало предвидѣнье, что въ мирной средѣ друзей покойнаго можетъ произойти смута.

Слабая сторона предупредительныхъ мѣръ заключается въ томъ, что въ случаѣ полнаго успѣха онѣ не оправдываются событіями. Развернутыя вооруженныя силы вовсе не соотвѣтствовали малочисленнымъ и крайне смирнымъ друзьямъ Пушкина, собравшимся на выносъ тѣла. Но дѣло въ томъ, что назначенный день и мѣсто выноса были измѣнены; списокъ лицъ, допущенныхъ къ присутствованію въ печальной процессіи, былъ крайне ограниченъ, и самыя энергическія

и вполнѣ осязательныя мѣры были приняты для недопущенія лицъ неприглашенныхъ.

Затѣмъ остается загадочнымъ: имѣлись ли положительныя свѣдѣнія о задуманныхъ уличныхъ демонстраціяхъ противъ члена дипломатическаго корпуса? Съ нашей стороны, вполнѣ понимая, что сановные друзья Пушкина были поражены и оскорблены полицейской демонстраціей, мы не можемъ поручиться и по соображенію тогдашнихъ обстоятельствъ, что болѣе равнодушное отношеніе полиціи къ числу лицъ, могущихъ явиться на выносъ тѣла, не повлекло бы за собою дикой Персидской демонстраціи. Впослѣдствіи мы не рѣдко встрѣчали людей скорбѣвшихъ и тосковавшихъ, что не дали, для чести Русскаго имени, разыграться ненависти къ надменнымъ иноземцамъ.

Въ университетѣ положительно не обнаруживалось тогда ни малѣйшаго волненія, и если бы графъ Уваровъ не далъ наканунѣ знать, что онъ посѣтитъ аудиторіи въ самый день похоронъ, то едва ли пошло бы много студентовъ на Конюшенную площадь *). Графъ Уваровъ нашелъ въ университетѣ однихъ казенныхъ студентовъ. Вообще же впечатлѣніе кончины Пушкина на студентовъ было незначительное. Однако тогда сдѣлана была попытка для распущенія слуха о произведенной студентами оскорбительной демонстраціи въ квартирѣ вдовы. Поводъ къ этой выдумкѣ былъ слѣдующій. Графъ П. П. Ш., весьма почтенный человѣкъ, со студенческой скамьи, пріѣхалъ поклониться праху покойнаго поэта, и спросилъ меня, не можетъ ли онъ видѣть портретъ Пушкина, писанный знаменитымъ Кипренскимъ. Я отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и спросилъ почтенную даму, вошедшую въ сосѣднюю гостинную: можно ли показать такому-то портретъ Пушкина? Пожилая дама выпорхнула въ другую дверь и съ ужасомъ объявила, что шайка студентовъ ворвалась въ квартиру для оскорбленія вдовы. Матушка моя, находившаяся у вдовы, вышла посмотрѣть въ чемъ дѣло, и ввела насъ обоихъ въ гостинную.

Несмотря на разъясненіе дѣла, престарѣлая дама, ожидавшая бунта, въ тотъ же вечеръ отправилась къ матери студента для предупрежденія относительно нахожденія ея сына въ шайкѣ, произведшей утромъ демонстрацію.

---

*) И. И. Панаевъ и И. С. Тургеневъ говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ о впечатлѣніи, произведенномъ на студентовъ смертью Пушкина; вѣроятно они имѣли въ виду близкихъ товарищей, а не массу студентовъ.

Этотъ эпилогъ былъ разсказанъ въ 1838 году въ студенческой средѣ, какъ дополненіе и подтвержденіе воспоминаніямъ о кончинѣ Пушкина, передававшихся мною товарищамъ.

Извѣщенный передъ смертію, что Государь беретъ на себя заботы о семействѣ, Пушкинъ умеръ и долженъ былъ умереть въ спокойномъ состояніи духа. Великодушный, рыцарскій и крайне заботливый характеръ императора Николая Павловича былъ для поэта вѣрной порукой, что существованіе его семейства обезпечено. Болѣе долголѣтняя жизнь и въ глазахъ самаго Пушкина несомнѣнно не представляла той же гарантіи. Литературная и журнальная дѣятельность Пушкина оплачивалась читающей публикой далеко не въ томъ размѣрѣ, который могъ бы обезпечить существованіе его семейства. Чувство зависимости отъ правительственныхъ субсидій при его характерѣ не могло не возбуждать въ немъ предвидѣнія, что и этотъ источникъ можетъ изсякнуть. Безотрадный итогъ былъ несомнѣнно ясно выведенъ въ его свѣтлой головѣ. Безвыходность его положенія въ 1836 году, именно въ осуществленіи его мысли о журнальномъ предпріятіи, должна была вызвать то тяжкое, тревожное состояніе духа, которое дало свободный просторъ жаждѣ мести, возбужденной анонимными письмами и, внѣ ихъ, сплетнями пріятельницъ, заботившихся о чести и семейномъ счастіи поэта.

*

Сообщаю съ полной откровенностью мои воспоминанія и впечатлѣнія, можетъ быть иногда и ошибочныя, въ твердомъ убѣжденіи, что откровенность не можетъ вредить Пушкину и что приторныя и притворныя похвалы и умалчиванія недостойны памяти великаго человѣка. Заслуга Пушкина передъ Россіею такъ велика, что никакія темныя стороны его жизни не могутъ омрачить его великаго и добраго имени. Пушкинъ самъ указалъ, за что̀ мы должны ему ставить памятникъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ...

Государственная, народная заслуга Пушкина несомнѣнна. «Прелестью живой стиховъ» онъ даровалъ живой Русской рѣчи права гражданскія не только во всемірномъ образованномъ обществѣ, но что̀ еще важнѣе—онъ заставилъ офранцузившіеся и онѣмечившіеся культурные слои Русскаго общества уважать и любить живую Русскую рѣчь, живые Русскіе типы, обычаи и самую нашу природу.

Борьба противъ иноплеменнаго ига вызвала противъ почестей, оказываемыхъ его праху и памяти, взрывъ негодованія между тѣми Русскими людьми, которые съ невозмутимымъ, величавымъ спокойствіемъ отвергали достоинство Русскаго слова, возможность Русскаго искусства и даже право на Русскую самобытность.

Чувство это и тогдашняя обстановка самаго вопроса о правѣ нашемъ на самобытность проглядываютъ въ письмѣ князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 8-го Апрѣля 1837 года:

Геккеренъ, т.-е. министръ, отправился отсюда, не получивъ прощальной аудіенціи, но получивъ табакерку, что̀ значитъ на дипломатическомъ языкѣ: вотъ образъ, вотъ и дверь! т.-е. не возвращайся. По крайней мѣрѣ такъ толкуютъ это дипломаты; ибо подарки дѣлаются обыкновенно, когда министръ дворомъ своимъ рѣшительно отозванъ, а Геккеренъ объявилъ, что ѣдетъ только въ отпускъ. Спасибо Русскому Царю, который не принялъ человѣка, какъ бы то ни было, но посягнувшаго на Русскую славу. Подъ конецъ одна гр. Н. осталась при немъ, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста, и грудиста, и брюшиста.

Женщина, упоминаемая въ письмѣ, одаренная характеромъ независимымъ, непреклонная въ своихъ убѣжденіяхъ, вѣрный и горячій другъ своихъ друзей, руководимая личными убѣжденіями и порывами сердца, самовластно предсѣдательствовала въ высшемъ слоѣ Петербургскаго общества и была послѣдней, гордой, могущественной представительницей того интернаціональнаго ареопага, который свои засѣданія имѣлъ въ Сенжерменскомъ предмѣстьи Парижа, въ салонѣ княгини Меттернихъ въ Вѣнѣ и въ салонѣ графини Нессельроде въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ. Ненависть Пушкина къ этой послѣдней представительницѣ космополитнаго олигархическаго ареопага едва ли не превышала ненависть его къ Булгарину. Пушкинъ не пропускалъ случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умѣвшую говорить по-русски. Женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ея, графа Гурьева, бывшаго министромъ финансовъ въ царствованіе императора Александра I-го.

А. С. ПУШКИНЪ И С. С. ХЛЮСТИНЪ.

За годъ до роковаго поединка съ Дантесомъ-Геккереномъ, Пушкинъ имѣлъ столкновеніе, которое едва не привело его тоже къ поединку. Этотъ разъ поводъ былъ литературный. Исторія относится къ началу 1836 года. Въ это время Пушкинъ уже получилъ высочайшее разрѣшеніе издать четыре книги *литературнаго журнала* подъ заглавіемъ «Современникъ», которымъ разсчитывалъ онъ поправить вполнѣ разстроенныя денежныя дѣла свои. Онъ занятъ былъ составленіемъ первой книги (она дозволена къ печати 31 Марта 1836). Лучшія силы тогдашней словесности, Жуковскій, Гоголь, князь Вяземскій, князь Козловскій, А. И. Тургеневъ доставили ему свои произведенія; но не дремали и враги, которыхъ нажилъ онъ себѣ не въ высшемъ только обществѣ, но также и въ вѣдомствѣ цензурномъ, находившемся подъ управленіемъ графа Уварова, передъ тѣмъ жестоко оскорбленнаго извѣстною эпиграмою «Въ Академіи Наукъ» и помѣщеніемъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» великолѣпныхъ стиховъ «На выздоровленіе Лукулла». «Московскій Наблюдатель» былъ запрещенъ, и стѣсненія грозили только что нарождавшемуся «Современнику».

Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Въ это тревожное для Пушкина время явился къ нему неизвѣстный намъ писатель съ своимъ стихотворнымъ переводомъ Виландовой поэмы «Вастола». Пушкинъ былъ необыкновенно участливъ и сердоболенъ. Помогъ ли онъ переводчику «Вастолы» своими поправками или только имѣлъ слабость дать свое имя, мы не знаемъ; только въ самомъ началѣ 1836 года на заглавномъ листѣ плохой книженки появились магическія слова: «издалъ А. Пушкинъ». Заправитель

единственнаго тогда большаго журнала «Библіотеки для чтенія» Сенковскій, естественно опасавшійся отъ «Современника» убыли въ числѣ своихъ подписчиковъ, немедленно воспользовался неосторожностью поэта и въ первой же книгѣ «Библіотеки для чтенія» на 1836 годъ помѣстилъ сначала такую замѣтку:

„Важное событіе! А. С. Пушкинъ издалъ новую поэму подъ заглавіемъ „Вастола или желанія сердца, Виланда". Мы еще ея не читали и не могли достать; но, говорятъ, что стихъ ея удивителенъ. Кто не порадуется новой поэмѣ Пушкина? Истекшій годъ заключился общимъ восклицаніемъ: Пушкинъ воскресъ".

Вслѣдъ за этими строками, въ „Литературной Лѣтописи" журнала появился разборъ „Вастолы", который мы приводимъ вполнѣ, какъ образецъ умѣнья дразнить противника.

«Вастола или Желанія». Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда. Издалъ А. Пушкинъ. СП-.бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли 1836 въ 8., стр. 96.

Пѣвецъ Кавказскаго плѣнника сдѣлалъ въ новый годъ непостижимый подарокъ лучшей своей пріятельницѣ, доброй, честной Русской публикѣ. Та, которая любила его какъ своего первенца, любила такъ искренно, такъ благородно, такъ безкорыстно; та, для чьего сердца имя его было нераздѣльно съ драгоцѣннѣйшею вещію въ мірѣ,—славою своего отечества, та самая, въ возвратъ за всѣ свои нѣжныя чувства, заслуживающія всякаго уваженія, получила отъ него, при визитномъ билетѣ, „Вастолу", съ двусмысленнымъ заглавіемъ. Первымъ ея движеніемъ было посмотрѣть въ календарь, не пришлось ли въ нынѣшнемъ году въ новый годъ первое Апрѣля. Нѣтъ, первое Апрѣля будетъ перваго Апрѣля, а теперь начало Января, время изліянія дружескихъ чувствованій, время поклоновъ съ почтеніемъ и всякихъ маскарадовъ. Бѣдная Русская публика не знала что̀ дѣлать, — гнѣваться ли за эту мистификацію, или приказать „кланяться и благодарить и въ другой разъ къ себѣ просить".... Посланецъ отпущенъ былъ безъ отвѣта.

Для многихъ еще не рѣшенъ вопросъ о „Вастолѣ". Каждый толкуетъ по своему слово „издалъ", которое, какъ извѣстно, принимается въ Русскомъ языкѣ также въ значеніи—написалъ и напечаталъ. Одни утверждаютъ, что это дѣйствительно стихи А. С. Пушкина; другіе, что они не его, а онъ только ихъ издатель. Трудно повѣрить, чтобы Пушкинъ, вельможа Русской словесности, сдѣлался книгопродавцемъ и „издавалъ" книжки для спекуляцій. Мы сами сначала позволили себя увѣрить, что Александръ Сергѣевичъ играетъ здѣсь только скромную роль издателя; но одинъ почтенный „читатель" убѣдилъ насъ въ противномъ. Зашедши въ первыхъ числахъ Января, въ книжный магазинъ С***, чтобъ купить себѣ „Вастолу", мы застали тамъ одного депутата отъ публики, одного читателя, который пришелъ туда съ той же

цѣлію. Онъ держалъ въ одной рукѣ „Вастолу“ и пробѣгалъ ее глазами по неразрѣзаннымъ листамъ, а въ другой, протянутой къ прикащику магазина, красную ассигнацію. Совѣстливый книгопродавецъ, прежде чѣмъ взять деньги, спрашивалъ читателя, знаетъ ли онъ, что̀ такое покупаетъ. „Если вы хотите купить поэму Пушкина“, говорилъ благородный прикащикъ, котораго за это, въ нынѣшнемъ же году, надобно представить къ Монтіоновымъ преміямъ за добродѣтель, „то я долженъ предостеречь васъ, что вы ошибаетесь: это не Пушкина сочиненіе-съ!“ Читатель посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и вскричалъ:

— Какъ не Пушкина? Ба!.... будто-бы я Пушкина стиховъ не знаю!....

— Увѣряю васъ, что не Пушкина-съ.

— Подите, сударь! Да кто, кромѣ Пушкина, въ состояніи написать у насъ такіе стихи?

„И читатель сталъ тутъ же читать намъ въ слухъ слѣдующіе стихи изъ „Вастолы“, постепенно одушевляясь ихъ красотами.

„Мѣщанка мать его, вдова весьма честна̀я,
Ужъ нѣсколько годовъ пряденіемъ промышляя,
Кормила тѣмъ себя и милаго сынка.
Ея рабочая, проворная рука
Не знала никогда покоя, и въ присядку
Трескучую свою вертѣла самопрядку;
Вертѣла у окна при солнечномъ лучѣ,
Вертѣла при свѣчѣ,
Вертѣла при лучинѣ,
Не мысля о кручинѣ;
Но слезно и за то всегда благодаря
Небеснаго Царя,
Когда на очажкѣ для варева какого
Горѣло у нея обѣденной порой
Немного хворосту сухаго,
Отъ *коего* потомъ всѣ угли кочергой
Скорѣй вгребала въ печь, чтобъ въ бѣдности за дѣломъ
Хоть было ей тепло въ пріютѣ устарѣломъ.
При тихой жизни, толь святой,
Какъ нынѣ рѣдкія на свѣтѣ
Живутъ, оставшися вдовой,
Имѣя легкій трудъ въ предметѣ....
Одна гнела ее тоска,
Одна заботила кручина,
Что отъ Парѳентьюшки, любезнаго сынка,
Хоть онъ и дюжій былъ дѣтина,
Ни шерсти нѣтъ, ни молока.

— Кто у насъ въ состояніи, торжественно сказалъ читатель, произнесши послѣдніе стихи съ непритворнымъ энтузіазмомъ: кто у насъ въ состояніи такъ написать, кромѣ Пушкина?

Книгопродавецъ улыбался.

Читатель бросилъ съ гнѣвомъ ассигнацію на прилавокъ и, не дожидаясь сдачи, побѣжалъ изъ магазина. Я слышалъ еще, какъ онъ говорилъ у дверей: „Да я знаю навѣрное, что это Пушкина книга! Вотъ нашли, кого дурачить!“

Послѣ этого я не смѣлъ и сомнѣваться, чтобы „Вастола“ не была дѣйствительно произведеніемъ А. С. Пушкина. Не вдаваясь въ объясненія съ книгопродавцами, я важно потребовалъ для себя одного экземпляра, заплатилъ деньги и ушелъ.

Я читалъ „Вастолу“. Читалъ и вовсе не сомнѣваюсь, что это стихи Пушкина. Пушкинъ даритъ насъ всегда такими стихами, которымъ надобно удивляться, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи.

Нѣкоторые однако намекаютъ, будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ, что „Вастола“ переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что Александръ Сергѣевичъ только далъ ему на прокатъ свое имя, для того чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желалъ сдѣлать этимъ благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобные намеки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманывать публики двусмысленностями, чтобъ дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, чтó долженъ публикѣ и себѣ. Если бъ въ словѣ „издалъ“ и не было двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи, онъ знаетъ, что человѣкъ, пользующійся литературною славою, отвѣчаетъ передъ публикою за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени, и что, въ подобномъ случаѣ, выставленное имя напечатлѣвается всею святостью торжественно даннаго въ томъ слова. Онъ охотно вынетъ изъ своего кармана тысячу рублей для бѣднаго, но обманывать не станетъ,—ни васъ, ни меня. Дать свое имя книгѣ, какъ вы говорите, „плохой“, изъ благотворительности?.. Невозможно, невозможно! Не говорите мнѣ даже этого! Не повѣрю! Благотворительность предполагаетъ пожертвованіе труда или денегъ, чего бы ни было,—иначе она не благотворительность. Согласитесь, что позволить напечатать свое имя не стоитъ никакихъ хлопотъ. Александръ Сергѣевичъ, еслибъ пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ-три страницы стиховъ, и онѣ принесли бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта „Вастола“. Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого-нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лице бѣдному одно свое имя для продажи, чтó равнялось бы презрѣнію къ бѣдному и презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, это подлинные стихи Пушкина. И если бы они даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе какъ признать ихъ своими

и внести въ собраніе своихъ сочиненій. Между возможностью упрека въ томъ, что вы употребили уловку (рука дрожитъ, чертя эти слова) и чистосердечнымъ принятіемъ на свой счетъ стиховъ, которымъ дали свое имя для успѣшнѣйшей ихъ продажи, выборъ не можетъ быть сомнителенъ для благороднаго человѣка. Но этотъ выборъ не предстанетъ никогда Пушкину. „Вастола", мы увѣрены, дѣйствительно — его твореніе. Это его стихи. Удивительные стихи!

*

Эта злобная выходка достигла своей цѣли: она раздразнила Пушкина и сдѣлалась предметомъ толковъ и пересудовъ. Въ числѣ свѣтскихъ пріятелей Пушкина жилъ тогда въ Петербургѣ богатый молодой человѣкъ Семенъ Семеновичъ Хлюстинъ (род. 1811 † 28 Марта 1844), родной племянникъ извѣстнаго Ѳ. И. Толстаго (Американца), получившій за границею отличное образованіе, ученикъ извѣстнаго педагога Эванса, передъ тѣмъ (подобно И. И. Пушкину) служившій въ Москвѣ надворнымъ судьею *) и пользовавшійся блестящимъ положеніемъ въ обществѣ.

Раздосадованный Сенковскимъ Пушкинъ неосторожно поступилъ съ Хлюстинымъ и 4 Февраля 1836 г. получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Первое письмо С. С. Хлюстина къ А. С. Пушкину.

Monsieur.

J'ai répété, en forme de citation, des remarques de m-r Сеньковской dont le sens indiquait que vous aviez trompé le public. Au lieu de voir en cela, pour ce qui me regardait, une simple citation, vous avez trouvé lieu à me considérer comme l'écho de m-r Сеньковской; vous nous avez en quelque sorte confondus et vous avez cimenté notre alliance par les paroles suivantes: «Мнѣ всего досаднѣе, что эти люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ каковъ Сеньковской». J'étais personnifié dans «эти люди»: l'inflexion et la véhémence de votre ton n'admettaient aucun doute sur l'intention de vos paroles, quand même la logique en eut laissé la signification indécise. Mais la répétition des нелѣпости ne pouvait raisonnablement vous causer aucune impatience; c'est donc leur l'écho, que vous avez cru entendre

---

*) Поступленіе человѣка независимаго на такую должность считалось почти что гражданскимъ подвигомъ. Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ говаривалъ: „Настоящими судьями у меня были только Пущинъ да Хлюстинъ".

et trouver en moi. L'injure était assez prononcée: vous me faisiez prendre part aux нелѣпости свиней и мерзавценъ. Cependant, à ma honte ou à mon honneur, je n'ai point reconnu ou accepté l'injure et je me suis borné de vous répondre que, si vous vouliez absolument me faire prendre part aux expressions de «tromper le public», je les prenais entièrement sur mon compte, mais que je me refusais à l'association avec les свиньи и мерзавцы. En consentant ainsi et malgré moi à vous dire que «vous trompiez le public» (littérairement, car c'était toujours de littérature dont il s'agissait), je vous faisais tout au plus une injure littéraire, par laquelle je répondais et je me donnais satisfaction sur une injure personnelle. J'espère que je me ménageais un rôle assez bénin et assez paisible; car, même à parité d'insultes, la riposte n'équivaut jamais à l'initiative: cette dernière seule constitue le délit de l'offense.

C'est pourtant vous encore, qui, après une semblable conduite de ma part, m'avez fait entendre des paroles qui annonçaient une rencontre fashionable: «c'est trop fort», «cela ne peut pas se passer ainsi», «nous verrons» etc etc. J'ai attendu jusqu'à ce moment le résultat de ces menaces. Mais ne recevant aucune nouvelle de vous, c'est maintenant à moi à vous demander raison:

1) De m'avoir fait prende part aux нелѣпости свиней и мерзавцевъ.

2) De m'avoir adressé, sans leur donner suite, des menaces équivalentes à des provocations en duel.

3) De n'avoir pas rempli à mon égard les devoirs commandés par la politesse en ne me saluant pas, lorsque je me suis retiré de chez vous.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et obéissant serviteur

S. Khlustine.

S. P. B.
Wladimirskaiä № 75.
4 février 1836.

Monsieur, monsieur Alexandre Pouchkine.

Переводъ. М. г. Я только приводилъ въ разговорѣ замѣчанія г. Сеньковскаго, смыслъ которыхъ таковъ, что будто вы „обманули публику". Вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ съ моей стороны простое повтореніе или ссылку, вы нашли возможнымъ почесть меня за отголосокъ г. Сеньковскаго; вы въ нѣкоторомъ родѣ сдѣлали изъ насъ соединеніе, которое закрѣпили слѣдующими словами: „Мнѣ всего досаднѣе, что эти люди по-

вторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ, каковъ Сеньковскій". Въ выраженіи: эти люди—разумѣлся я. Тонъ и горячность вашего голоса не допускали никакого сомнѣнія въ вашемъ намѣреніи, даже еслибы логика допускала неопредѣленность значенія. Но то что повторялись нелѣпости не могло, разумно говоря, васъ безпокоить; слѣдовательно вамъ показалось, что вы нашли во мнѣ и слышали ихъ отголосокъ. Оскорбленіе было довольно ясное: вы дѣлали меня участникомъ „нелѣпостей свиней и мерзавцевъ". Впрочемъ, къ стыду моему или къ моей чести, я не призналъ или не принялъ оскорбленія и ограничился отвѣтомъ, что если вы непремѣнно хотите дать мнѣ участіе въ выраженіи: „обманывать публику", то его я вполнѣ принимаю на свой счетъ, но что я отказываюсь отъ пріобщенія меня къ „свиньямъ и мерзавцамъ". Соглашаясь такимъ образомъ, и противъ моей воли, сказать вамъ, что вы „обманываете публику" (литературно, потому что все время шелъ вопросъ о литературѣ), наибольшее, что я дѣлалъ—это только обиду литературную. Ею я отвѣчалъ и давалъ себѣ удовлетвореніе за обиду личную. Надѣюсь, что я предоставилъ себѣ роль достаточно добродушную и довольно миролюбивую, такъ какъ, даже при взаимности оскорбленій, отвѣтное никогда не равняется начальному, въ которомъ именно заключается сущность обиды. А между тѣмъ и послѣ этого вы все-таки обратились ко мнѣ съ словами, возвѣщавшими фешенабельную встрѣчу: „Это черезъ чуръ", „это не можетъ такъ окончиться", „мы увидимъ" и т. д. Я ждалъ доселѣ исхода этихъ угрозъ. Но такъ какъ я не получалъ отъ васъ никакихъ извѣстій, то теперь мнѣ слѣдуетъ просить отъ васъ удовлетворенія:

1) въ томъ, что вы сдѣлали меня участникомъ въ нелѣпостяхъ свиней и мерзавцевъ.

2) въ томъ, что вы обратились ко мнѣ съ угрозами (равнозначащими вызову на дуель), не давая имъ далѣе ходу.

3) въ неисполненіи относительно меня правилъ требуемыхъ вѣжливостью: вы не поклонились мнѣ, когда я уходилъ отъ васъ.

Имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою

С. Хлюстинъ.

С. П. Б. Владимирская, № 75,
4 Февраля (1836).

Отвѣтъ А. С. Пушкина С. С. Хлюстину.

Monsieur.

Permettez-moi de redresser quelques points où vous me paraissez dans l'erreur. Je ne me souviens pas de vous avoir entendu citer quelque chose de l'article en question. Ce qui m'a porté à m'expliquer, peut-être, avec trop de chaleur, c'est la rémarque que vous m'avez faite de ce que j'avais eu tort la veille de prendre au coeur les paroles de Senkovsky.

Je vous ai répondu: „Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ». Vous assimiler à des свиньи и мерзавцы est certes une absurdité, qui n'a pu ni m'entrer dans la tête, ni même m'échapper dans toute la pétulence d'une dispute.

A ma grande surprise, vous m'avez répliqué, que vous preniez entièrement pour votre compte l'article injurieux de S. et notamment l'expressson «обманывать публику».

J'étais d'autant moins préparé à une pareille assertation venant de votre part, *que ni la veille, ni à notre dernière entrevue, vous ne m'aviez absolument rien dit qui eut rapport à l'article du journal.* Je crus ne vous avoir pas compris et vous priais de vouloir bien vous expliquer, ce que vous fîtes dans les mêmes termes.

J'eus l'honneur alors de vous faire observer, que ce que vous veniez d'avancer devenait une toute autre question et je me tus. En vous quittant, je vous dis que je ne pouvais laisser cela ainsi. Cela peut être regardé comme une provocation, mais non comme une menace. Car enfin, je suis obligé de le répéter: je puis ne pas donner suite à des paroles d'un Senkovsky, mais je ne puis les mépriser dès qu'un homme comme vous les prende sur soi. En conséquence je chargeais m-r Sobolévsky de vous prier de ma part de vouloir bien vous rétracter purement et simplement, ou bien de m'accorder la réparation d'usage. La preuve combien ce dernier parti me répugnait, c'est que j'ai dit nommément à Sobolévsky, que je n'exigeai pas d'excuses. Je suis fâché que m-r Sobolévsky a mis dans tout cela sa negligence ordinaire.

Quant à l'impolitesse que j'ai eu de ne pas vous saluer, lorsque vous m'avez quitté, je vous prie de croire que c'était une distraction tout-à-fait involontaire et dont je vous demande excuse de tout mon coeur.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur

A. Pouchkine.

4 février.

Переводъ. М. г. Позвольте мнѣ возстановить нѣкоторые пункты, по которымъ, мнѣ кажется, вы ошибаетесь. Я не помню, чтобы вы приводили какую-либо ссылку изъ той статьи. Заставило же меня объясняться, можетъ-быть съ излишнею горячностью, ваше замѣчаніе, что я напрасно накакунѣ принялъ къ сердцу слова Сенковскаго. Я вамъ отвѣчалъ: „Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ". Васъ отожествлять съ свиньями и мерзавцами, несомнѣнно нелѣпость, которая не могла ни придти мнѣ въ голову, ни даже сорваться съ языка моего при всемъ жару спора. Къ моему великому удивленію вы мнѣ возразили, что вы вполнѣ принимаете за вашъ счетъ обидную статью С. и именно выраженіе „обманывать публику". Я тѣмъ менѣе былъ подготовленъ къ такому заявленію, исходящему отъ васъ, *что ни наканунѣ, ни при послѣднемъ нашемъ свиданіи вы ничего ровно не сказали мнѣ такого, что́ могло бы относиться къ статьѣ журнала.* Мнѣ показалось, что я васъ не понялъ и просилъ васъ объясниться, что́ вы и сдѣлали въ тѣхъ же выраженіяхъ. Тогда я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что то что́ вы вдругъ высказали совершенно измѣняетъ вопросъ, и я замолчалъ. Разставаясь съ вами, я вамъ сказалъ, что я не могу оставить это безъ послѣдствій. Это можетъ быть сочтено вызовомъ, но не угрозою. Ибо наконецъ, я вынужденъ повторить: я могу пренебречь словами какого-нибудь Сенковскаго, но я не могу презирать ихъ, какъ только человѣкъ подобный вамъ принимаетъ ихъ на себя. Вслѣдствіе сего я поручилъ г. Соболевскому просить васъ отъ моего имени просто на просто взять ваши слова назадъ, или же дать мнѣ обычное удовлетвореніе. Доказательствомъ тому, насколько мнѣ послѣднее рѣшеніе было противно, то, что я сказалъ именно Соболевскому, что я не требовалъ извиненій. Мнѣ прискорбно, что г. Соболевскій во всемъ этомъ поступилъ со свойственною ему небрежностью.

Что касается до того что я невѣжливо не поклонился вамъ, когда вы отъ меня уходили, прошу васъ вѣрить, что то была разсѣянность совершенно невольная и въ которой я отъ всего сердца прошу васъ меня извинить. Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою

А. Пушкинъ.

4 Февраля.

Второе письмо С. С. Хлюстина къ А. С. Пушкину.

Monsieur.

En réponse au message dont vous avez chargé m-r Sobolevsky et qui m'est parvenu presque en même temps que votre lettre, j'ai l'honneur de vous faire part, qu'il m'est impossible de rétracter rien de ce que j'ai dit, croyant avoir suffisamment établi dans ma première lettre la raison qui m'a fait agir comme je l'ai fait. Pour la satisfaction d'usage dont vous me parlez, je suis à vos ordres.

Pour ce qui me regarde personnellement, en vous priant de vouloir bien vous rappeler des trois points insertionnés dans ma lettre, par lesquels je me considérais comme offensé par vous, j'ai l'honneur de vous répondre, que pour ce qui est du troisième, je me trouve entièrement satisfait.

Quant au premier, l'assurance que vous me donnez pour ce qu'il n'était point dans votre pensée de m'assimiler aux et.... etc. ne me suffit pas. Tous mes souvenirs et tous mes raisonnements me font persister à trouver que vos paroles expriment une offense, quand même votre pensée y était étrangère. Sans cela, je ne saurais justifier à mes propres yeux la solidarité acceptée par moi de l'article injurieux: mouvement, qui de ma part n'a point été irréfléchi on emporté, mais parfaitement calme. J'aurais donc à demander des excuses explicites sur des manières, qui m'ont justement fait soupçonner une injure dont, à mon grand plaisir, vous faites le désaveu quant au fond.

Je reconnais avec vous, monsieur, qu'il y a eu dans le second point erreur de ma part et que j'ai vu des menaces dans des expressions qui ne pouvaient être regardées que comme une provocation (texte de votre lettre). C'est ainsi que je les accepte; mais si ce n'était point le sens que vous vouliez leur donner, j'aurais aussi à attendre des excuses pour ce fâcheux mésentendu; car je crois qu'une provocation énoncée, si ce n'est intentionnée et laissée sans suites, équivaut à une injure.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur.

S. Khlustine.

4 février.

Переводъ. М. г., въ отвѣтъ на порученіе, которое вы дали г. Соболевскому, дошедшее до меня почти одновременно съ вашимъ письмомъ, я имѣю честь сообщить вамъ, что мнѣ невозможно взять назадъ что либо изъ того что̀ я сказалъ, полагая, что я достаточно въ моемъ первомъ письмѣ объяснилъ причину, по которой я такъ дѣйствовалъ. По отношенію къ обычному удовлетворенію, о которомъ вы мнѣ говорите, я нахожусь въ вашемъ распоряженіи.

Что́ касается меня лично, прося васъ принять на себя трудъ припомнить включенные въ мое письмо три пункта, которыми я счелъ себя вами оскорбленнымъ, я имѣю честь отвѣчать вамъ, что по третьему я считаю себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Относительно же перваго, увѣренія, вами даваемаго, что у васъ не было въ мысли пріобщать меня къ св.... и проч. мнѣ недостаточно. Всѣ мои воспоминанія и всѣ мои разсужденія заставляютъ меня продолжать думать, что ваши слова выражаютъ обиду даже въ томъ случаѣ, если въ вашей мысли ея не было. Въ противномъ случаѣ я не могъ бы оправдать въ собственныхъ глазахъ взятую на себя солидарность съ оскорбительною статьею, побужденіе, которое съ моей стороны не было ни невольнымъ, ни пылкимъ, но совершенно спокойнымъ. Мнѣ предстоитъ, слѣдовательно, просить ясно выраженныхъ извиненій въ пріемахъ, которые справедливо я долженъ былъ счесть за оскорбленіе, вами (къ великому моему удовольствію) въ сущности отрицаемое.

Я признаю, какъ и вы, милостивый государь, что во второмъ пунктѣ была съ моей стороны ошибка и что я счелъ за угрозы выраженія, которыя могли быть приняты только за „вызовъ" (текстъ вашего письма). За таковый я ихъ принимаю. Но если смыслъ ихъ былъ не таковъ какой вамъ угодно придавать, то мнѣ также надо ожидать отъ васъ извиненій по поводу этого досаднаго недоразумѣнія, потому что я думаю, что вызовъ, хотя бы ненамѣренно заявленный и оставленный безъ послѣдствій, равнозначущъ оскорбленію. Имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою

С. Хлюстинъ.

4 Февраля.

Письма эти, прибавляющія новую черту къ біографіи Пушкина и къ разнообразной и поучительной исторіи его житейскихъ столкновеній, сохранились у дочери С. С. Хлюстина, Вѣры Семеновны Анненковой и ею любезно доставлены въ Русскій Архивъ.

*

Дѣло кончилось миромъ. Но Пушкинъ не забылъ „Вастолы", и въ первой книжкѣ своего „Современника" помѣстилъ слѣдующую замѣтку (стр. 303):

„Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставля свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое; печатать чужія произведенія, съ согласія или по просьбѣ автора, до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*. Слово ясно. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ другаго не придумано. Въ томъ же журналѣ сказано было, что „Вастола переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей“. Переводчикъ Валандовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было. Послѣ таковаго объясненія, не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ столь оскорбительнымъ“.

*

Подъ этою замѣткою не означено имени; но въ послѣдней книжкѣ „Современника“, вышедшей въ исходѣ Ноября, въ числѣ поправокъ сказано, что это произошло отъ того, что первая книжка печаталась въ отсутствіе издателя, и что замѣтка писана именно Пушкинымъ. Вѣроятно, переводчикъ „Вастолы“ пожелалъ такого заявленія. Кто онъ, намъ неизвѣстно. Вѣроятно Петербургскіе старожилы знаютъ. Просимъ о сообщеніи въ Русскій Архивъ. П. Б.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ П. Я. ЧАДАЕВУ.

По поводу его „Философическихъ писемъ“.

Найдено въ бумагахъ В. А. Жуковскаго и сообщено сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ. Письмо подлинное, своеручное. Изъ того, что оно нашлось въ бумагахъ Жуковскаго возникаетъ сомнѣніе, было ли оно послано по назначенію. Развѣ самъ Чадаевъ отдалъ его впослѣдствіи Жуковскому? Но поводовъ къ тому трудно сыскать. Можетъ быть, письмо это было черновое и, оставшись въ Пушкинскихъ бумагахъ, которыя на спѣхъ (передъ самымъ отъѣздомъ въ большое путешествіе по Россіи съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ) разбиралъ Жуковскій, было отложено симъ послѣднимъ по важности его содержанія и не пріобщено къ Пушкинскимъ бумагамъ, впослѣдствіи возвращенымъ его вдовѣ. Остается еще предположеніе. Письмо писано 19 Октября 1836 г. На другой же день Пушкинъ могъ узнать о начавшемся противъ Чадаева дѣлѣ и о строгости, съ котораго оно поведено. Можетъ быть, Пушкину стало жаль своего стараго друга и, не желая, такъ сказать, добивать его доводами ума, знаній и твердаго убѣжденія, онъ не послалъ къ нему своего опроверженія. То, что на послѣдней страницѣ записана Пушкинымъ Шотландская пословица, по видимому къ дѣлу не относящаяся, отчасти подтверждаетъ это предположеніе.

Читатели сами оцѣнятъ важное значеніе этихъ новыхъ страницъ великаго писателя. П. Б.

19 octobre (1836).

Je vous remercie de la brochure que vous m'avez envoyée. J'ai été charmé de la relire, quoique très-étonné de la voir traduite et imprimée. Je suis content de la traduction: elle a conservé de l'énergie et du laisser-aller de l'original. Quant aux idées, vous savez que je suis loin d'être tout-à-fait de votre avis. Il n'y a pas de doute que le schisme nous a séparé du reste de l'Europe et que nous n'avons pas participé à aucun des grands évènements qui l'ont remuée; mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie, c'est son immense éten-

que qui a absorbé la conquête des Mogoles. Les Tartares n'ont pas osé franchir nos frontières occidentales et nous laisser à dos. Ils se sont retirés vers leurs déserts, et la civilisation chrétienne a été sauvée. Pour cette fin, nous avons dû avoir une existence tout-à-fait à part, qui, en nous laissant chrétiens, nous laissait cependant tout-à-fait étrangers au monde chrétien, en sorte que notre martyre ne donnait aucune distraction à l'énergique développement de l'Europe catholique.

Vous dites que la source où nous sommes allés puiser le christianisme était impure, que Byzance était méprisable et méprisée etc. Hé, mon ami! Jésus Christ lui-même n'était-il pas né Juif et Jérusalem n'était-elle pas la fable des nations? L'Évangile en est-il moins admirable? Nous avons pris de Grecs l'Évangile et les traditions, et non l'esprit de puérilité et de controverse. Les moeurs de Byzance n'ont jamais été celles de Kiov. Le clergé Russe, jusqu'à Théophane, a été respectable; il ne s'est jamais soullié des infamies du papisme et certès n'aurait jamais provoqué la réformation au moment où l'humanité avait le plus besoin d'unité. Je conviens que notre clergé actuel est en retard. En voulez-vous savoir la raison? C'est qu'il est barbu, voilà tout. Il n'est pas de bonne compagnie.

Quant à notre nullité historique, décidément je ne puis être de votre avis. Les guerres d'Oleg et de Sviatoslav, et même les guerres d'apanage n'est-ce pas cette vie d'effervescence avantureuse et d'activité âpre et sans but qui caractérise la jeunesse de tous les peuples? L'invasion des Tartars est un triste et grand tableau. Le reveil de la Russie, le développement de sa puissance, sa marche vers l'unité (unité russe, bien entendu), les deux Ivan, le drame sublime commencé à Ouglitch et terminé au monastère d'Ipatief—quoi? Tout cela ne serait pas de l'histoire, mais un rêve pâle et à demi-oublié? Et Pierre-le-Grand, qui à lui seul est une histoire universelle? Et Catherine II, qui a placé la Russie sur le seuil de l'Europe? Et Alexandre, qui vous a mené à Paris? Et (la main sur le coeur), ne trouvez-vous pas quelque chose d'imposant dans la situation actuelle de la Russie, quelque chose qui frappera le futur historien? Croyez vous qu'il nous mettra hors de l'Europe?

Quoique personnellement attaché de coeur à l'E., je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi. Comme homme de lettres, je suis aigri; comme homme à-préjugés, je suis froissé. Mais je vous jure sur mon honneur que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.

Voici une bien longue lettre. Après vous avoir contredit, il faut bien que je vous dise que beaucoup de choses dans votre épître sont

profondément vraies. Il faut bien avouer que notre existence sociale est une triste chose, que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice et vérité, ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Vous avez bien fait de le dire tout haut; mais je crains que vos opinions historiques ne vous fassent du tort... Enfin, je suis fâché de ne pas m'être trouvé près de vous lorsque vous avez livré votre manuscript aux journalistes. Je ne vais nulle part et ne puis vous dire si l'article fait effet. J'espère qu'on ne le fera pas mousser.

Avez-vous lu le 3-me № du Современникъ? L'article Voltaire et John Tenner sont de moi. Козловскій serait ma providence, s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettre. Adieu, mon ami. Si vous voyez. . . . . *), dites leur bien des choses. Que disent-ils de vos lettres, eux qui sont si médiocrement chrétiens?

На послѣдней, четвертой страницѣ рукою Пушкина написано:

„Воронъ ворону глаза не выклюетъ,—Шотландская пословица, приведенная В. Ск. въ Woodstock“.

Переводъ. Благодарю васъ за брошюру, которую вы мнѣ прислали. Мнѣ было пріятно перечитать ее, хотя я удивился, что она переведена и напечатана. Я доволенъ переводомъ: въ немъ сохранилась и энергія, и непринужденность подлинника**). Чтó касается мыслей, вы знаете, что я далекъ отъ полнаго согласія съ вашимъ мнѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что «схизма» насъ отдѣлила отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали. Но у насъ было наше собственное призваніе. Россія, ея громадныя пространства поглотили Монгольское завоеваніе. Татары

---

*) Два собственныхъ имени густо зачеркнуты, такъ что нельзя ихъ прочесть. П. Б.

**) Пушкинъ, когда писалъ это, не имѣлъ въ рукахъ Французскаго подлинника „Философическихъ писемъ;“ иначе онъ не похвалилъ бы перевода, который очень произволенъ. Кромѣ пропусковъ, смягченій и искаженій ради цензуры, есть опущенія безпричинныя и неточности, обнаруживающія плохое пониманіе подлинника. Напр. trouble dans les idées переведено „возмущеніемъ въ мысляхъ“; слова chez nous опускаются тамъ, гдѣ въ нихъ вся суть дѣла; causer la peine „возбудить страданія“. Слогъ перевода тяжелый, семинарскій. Слово zèle передается „ревнительностью“, dissiper ne rosée „преобратиться въ росу“. Выраженіе à la face du monde непонято и переведено словами „на землѣ“ и пр. пр.—Напечатано только одно первое письмо и, по преданію, заготовлено къ печати второе. Всѣхъ писемъ четыре (четвертое о архитектурѣ); важны только первыя два. Обращены они къ пріятельницѣ Чадаева, Екатеринѣ Дмитріевнѣ Пановой, урожденной Улыбышевой (братъ которой извѣстенъ своими Французскими сочиненіями объ исторіи музыки). Чадаевъ охотно давалъ съ нихъ копіи. Напечатаны они уже по его кончины Іезуитомъ Гагаринымъ въ 1862 году.

не посмѣли перейдти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни, и христіанская цивилизація была спасена. Для этого намъ пришлось жить совершенно особою жизнью, которая оставила насъ христіанами, и между тѣмъ совершенно отчудила насъ отъ христіанскаго міра, такъ что, благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться.

Вы говорите, что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился Іудеемъ и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ Грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи никакъ не были нравами Кіева. Русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства, и конечно не вызвало бы реформаціи въ минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего въ единствѣ. Я соглашаюсь, что наше нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите знать причину? Оно носитъ бороду, вотъ и все. Оно не принадлежитъ къ хорошему обществу.

Что же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны, вѣдь это таже жизнь кипучей отваги и безцѣльной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе Татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ Русскому, конечно, единству), оба Ивана, величестсственная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатіевскомъ монастырѣ, какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ—цѣлая всемірная исторія? А Екатерина, II помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ васъ въ Парижъ, и (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, чтó должно поразить будущаго историка? Думаете ли, что онъ поставитъ насъ внѣ Европы?

Хотя я лично сердечно привязанъ къ Императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь чтò вижу вокругъ себя; какъ писатель я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую какъ намъ Богъ послалъ.

Вотъ предлинное письмо. Послѣ стольких возраженій я долженъ вамъ сказать, что въ вашемъ посланіи есть много вещей глубокой

правды. Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали. Но я боюсь, что мнѣнія ваши объ исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ. Я нигдѣ не бываю и не могу сказать вамъ, производитъ ли ваша статья впечатлѣніе. Надѣюсь, что изъ за нея не выйдетъ шуму. Читали ли вы 3-й номеръ Современника? Статья о Вольтерѣ и Джонъ Теннеръ мои. Козловскій былъ бы для меня провидѣніемъ, если бъ онъ захотѣлъ сдѣлаться разъ навсегда писателемъ. Прощайте, другъ мой. Если вы увидите N N, поклонитесь имъ отъ меня. Что̀ говорятъ они, столь плохіе христіане, о вашемъ письмѣ?

Опасенія Пушкина оправдались. Ф. Ф. Вигель (тогда директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій), прочитавъ статью Чадаева, немедленно написалъ о ней митрополиту Серафиму, тотъ оберъ-прокурору св. Синода Протасову, и сокрушительная машина тотчасъ пошла въ ходъ. Сообщаемъ выписки изъ возникшаго по этому поводу дѣла Указаніемъ на нихъ мы обязаны директору Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. П. Барсукову, а дозволеніемъ ими воспользоваться—Э. Е. Фонъ-Брадке.

Всеподданнѣйшая докладная записка министра народнаго просвѣщенія Уварова, отъ 20 Октября 1836 года, о статьѣ „Философическія письма“, въ журналѣ „Телескопъ“.

Усмотрѣвъ въ 15 № журнала «Телескопъ» статью *Философическія письма*, которая дышетъ нелѣпою ненавистію къ Отечеству и наполнена ложными и оскорбительными понятіями какъ на счетъ прошедшаго, такъ и на счетъ настоящаго и будущаго существованія государства, я предложилъ сіе обстоятельство на разсужденіе главнаго управленія цензуры.

Управленіе признало, что вся статья равно предосудительна въ религіозномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи, что издатель журнала нарушилъ данную подписку объ общей съ цензурою обязанности пещись о духѣ и направленіи періодическихъ изданій; также, что, не взирая на смыслъ цензурнаго устава и непрестанное взыскательное наблюденіе правительства, цензоръ поступилъ въ семъ случаѣ если не злоумышленно, то по крайней мѣрѣ съ непростительнымъ небреженіемъ къ должности и легкомысліемъ.

Вслѣдствіе сего главное управленіе цензуры предоставило мнѣ довести о семъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества и испросить Высочайшаго разрѣшенія на прекращеніе изданія журнала «Телескопъ» съ 1-го Января наступающаго года и на немедленное

удаленіе отъ должности цензора Болдырева, пропустившаго оную статью.

Имѣя счастіе испрашивать повелѣнія Вашего Величества по сему предмету, всеподданнѣйше представляю № 15 «Телескопа».

Сергій Уваровъ.

№ 151.
20 Октября 1836.

На этомъ докладѣ рукою Государя написано, что, прочитавъ статью, онъ находитъ содержаніе оной смѣсью дерзостной безсмыслицы достойной умалишеннаго; что по его мнѣнію не извинительны ни редакторъ журнала, ни цензоръ. Журналъ запретить, обоихъ виновныхъ отрѣшить отъ должности и вытребовать сюда къ отвѣту.

*

Изъ письма графа Бенкендорфа къ Уварову, отъ 4 Декабря 1836 года. Государь Императоръ, разсмотрѣвъ представленный мною Его Величеству всеподданнѣйшій докладъ коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія дѣла по статьѣ помѣщенной въ № 15 журнала «Телескопъ», высочайше повелѣть соизволилъ за сочинителемъ сей статьи Чадаевымъ имѣть медико-полицейскій надзоръ; Надеждина выслать на жительство въ Усть-Сысольскъ подъ присмотръ полиціи, а Болдырева отставить за нерадѣніе отъ службы. Графу же Строганову велѣть на его строгой отвѣтственности избрать надежнаго цензора. Вмѣстѣ съ симъ Его Величество высочайше соизволилъ утвердить заключеніе коммиссіи, чтобы Московскому военному генералъ-губернатору потребовать отъ содержателя типографіи Селивановскаго объясненіе, почему онъ выпустилъ въ свѣтъ и разослалъ 15 № «Телескопа» до полученія билета изъ цензурнаго комитета; и буде не представитъ достаточнаго оправданія, предоставить генералъ-губернатору поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи Свода Законовъ Устава Благочинія.

*

Въ другомъ письмѣ, отъ 30 Декабря 1836 года, графъ Бенкендорфъ сообщаетъ Уварову, что онъ «получилъ отзывъ отъ князя Димитрія Владимировича, въ коемъ онъ не считаетъ Селивановскаго виновнымъ въ отпускѣ № 15 «Телескопа» по одной дозволительной запискѣ цензора, такъ какъ сіе обыкновенно принято для выигрыша времени содержателями типографій. Селивановскій же, по отзыву Московскаго оберъ-полицеймейстера, «извѣстенъ до сихъ поръ въ Москвѣ за человѣка весьма хорошей нравственности».

(Извлечено изъ дѣлъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, отд. цензурный, № 147,934 (91) 1836 года).

„Телеграфа“ вышла еще только одна книжка (16-я), и затѣмъ онъ прекратился. Его запрещеніе было важнымъ событіемъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ начались и двадцать почти лѣтъ сряду продолжались всевозможныя стѣснительныя мѣры противъ печати, ознаменованныя гибельными послѣдствіями: къ концу царствованія Николая Павловича печатное слово наше изолгалось и развратилось до чрезвычайности. Какъ въ нашей исторіи самозванство и смутное время являются прямымъ слѣдствіемъ Іоанна Грознаго, такъ точно броженіе Русской печати, до сихъ поръ не прекратившееся, проистекло отъ страшныхъ насилій, которымъ она подвергалась при Николаѣ. Правые и виноватые были преслѣдуемы безъ разбору, и первые еще жесточе, по неумѣлости прибѣгать къ изворотамъ и увёрткамъ. Первоначальнымъ виновникомъ выходитъ Чадаевъ. Распространяться о немъ нечего, такъ какъ про него много писано.

Мы знали Чадаева лично въ послѣдніе три года его жизни. Онъ былъ человѣкъ мягкосердечный, многоначитанный, отмѣнно любезный, но въ тоже время необычайно суетный. Heureux à force de vanité (самодоволенъ въ суетности), говаривалъ про него тотъ же Пушкинъ, любившій его до конца, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ гораздо менѣе уважавшій, нежели по выходѣ своемъ изъ Лицея. Смѣшно было слышать, какъ этотъ старикъ неустанно твердилъ о своей исторіи съ „Философическими письмами“. Еще за нѣсколько дней до кончины, поглаживая свой почти совершенно голый черепъ, въ сотый разъ сказалъ онъ мнѣ, что по изслѣдованію докторовъ и френологовъ голова у него устроена такъ, что поврежденіе ума невозможно. Давыдовъ изобразилъ его въ своей „Современной пѣснѣ“; но только выраженіе *маленькій аббатикъ* не вѣрно: скорѣе бы сказать *худенькій*. Чадаевъ былъ сухощавъ и довольно высокаго роста. Всегда щегольски одѣтый, вѣчно охорашивался онъ и былъ рабомъ всевозможныхъ свѣтскихъ приличій. Это былъ настоящій представитель Александровскаго времени, когда преобладали съ одной стороны сантиментальные Маниловы, а съ другой люди изысканной рѣчи и напускной ходульности. Къ послѣднимъ вполнѣ принадлежалъ Чадаевъ.

Въ сущности Чадаевъ могъ быть доволенъ громкою исторіею „Телескопа“. Произведеніе его появилось въ журналѣ съ предисловіемъ издателя, усладительно щекотавшимъ его самолюбіе:

„Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ они писаны на Французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ

извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого ряда писемъ. *Изд.*"

Сердобольная Москва тотчасъ сдѣлала Чадаева своимъ героемъ. Такъ какъ Чадаевъ объявленъ сумасшедшимъ и былъ подъ нѣкотораго рода домашнимъ задержаніемъ, то посѣщать его считалось какъ бы обязанностью. Чуть ли не съ того же времени начались эти странствованія по Понедѣльникамъ въ отдаленную Басманную, въ тогдашній домъ Е. Г. Левашовой (потомъ Шульца, нынѣ Прохорова), гдѣ въ небольшомъ флигелѣ проживалъ опальный философъ. Онъ заказалъ фотографію своего кабинета съ изображеніемъ самого себя, охотно раздавалъ ее и любилъ показывать на стѣнѣ надъ диваномъ пятно, оставшееся будто отъ головы Пушкина, тогда какъ намъ теперь извѣстно, что въ немногіе пріѣзды свои въ Москву Пушкинъ навѣщалъ его весьма не часто. Даже И. И. Дмитріевъ увлекся общимъ настроеніемъ и, при всей своей важности, навѣстилъ Чадаева. Любопытно было бы сыскать донесенія извѣстнаго доктора Гульковскаго, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обязанъ былъ свидѣтельствовать умственное здравіе отшельника на Басманной.

Въ Петербургъ, какъ приказано было Государемъ, Чадаева, кажется, не возили, и съ Пушкинымъ онъ не видался послѣ напечатаннаго выше письма.

*

Теперь, по прошествіи почти полувѣка, должно къ сожалѣнію сказать, что Николай Павловичъ имѣлъ нравственное право опалиться гнѣвомъ на Чадаева, который потомъ самъ сознавалъ, что съ нимъ поступили еще снисходительно (Oeuvres choisies de P. Tchadaief, стр. 126, въ статьѣ Apologie d'un fou), вѣроятно благодаря заступничеству стариннаго его пріятеля и товарища по гвардейской службѣ, графа Бенкендорфа. „Философическія письма" содержатъ въ себѣ все что́ папство и слѣпое каинское братоненавидѣніе, подмѣченное еще Екатериною Великою, могли придумать противъ Россіи и Русской жизни. Чадаевъ идетъ много дальше Радищева: у того все таки слышится неподдѣльная любовь къ простонародью, и злобится онъ только на правительство и власть имущихъ. Чадаевъ же обнаруживаетъ полное „своей землѣ несвоеземство". Ему противно не только наше вѣроученіе, но и самыя внѣшнія лицевыя очертанія Русскихъ людей. Нынѣ дознано, что все это онъ позаимствовалъ отъ великаго ненавистника Россіи, ею облагодѣтельствованнаго, Сардинскаго графа Жозефа де Местра. Любопытные могутъ прочитать въ извѣстной книгѣ его „О Папѣ" (Du Pape, Ліонское изданіе 1836 г., стр. 205, 208 и др. втораго тома) тѣ самыя мѣста, которыя надѣлали столько тревоги и бѣдъ въ несчастной нашей словесности.

Грустно подумать, какъ много тутъ было напускнаго, чопорно-ходульнаго, и какое съ обѣихъ сторонъ господствовало донъ-кишотство. А еще Чадаевъ несомнѣнно былъ однимъ изъ лучшихъ Русскихъ людей!

Издатель „Телескопа“ и цензоръ потерпѣли несравненно больше элегантнаго отставнаго гвардейца. Типографщикъ Селивановскій спасенъ былъ великодушнымъ начальникомъ Москвы. Невредимъ остался только переводчикъ. Ссылка въ глухой городъ Вологодской губерніи разрушительно подѣйствовала на здоровье Надеждина, а бѣдный старикъ Болдыревъ совсѣмъ разоренъ и обездоленъ.

Профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ, бывшій въ то время студентомъ словеснаго факультета и вхожій въ домъ къ Болдыреву, уполномочилъ насъ передать въ печать слѣдующее обстоятельство. Болдыревъ въ званіи ректора жилъ на казенной квартирѣ въ Университетѣ въ одномъ домѣ съ Надеждинымъ (у котораго помѣщался и Бѣлинскій). Будучи человѣкомъ уже довольно преклонныхъ лѣтъ, онъ могъ работать только по утрамъ, и вечера свои обыкновенно проводилъ за копѣечной игрою въ карты. Надеждинъ приступалъ къ нему подписать разрѣшеніе корректурныхъ листовъ XV книги „Телескопа“. Болдыреву все было недосужно и нездоровилось. Торопя старика, Надеждинъ уговорилъ его не самому читать „Философическія письма“, а прослушать ихъ. Цензурное чтеніе происходило между роберами и во время самой игры, и Болдыревъ подписалъ свое дозволеніе, не проникнувъ сути дѣла и положившись на то, что товарищъ и ежедневный собесѣдникъ не подведетъ его. По свидѣтельству Ѳ. И. Буслаева, друзья Болдырева не могли простить Надеждину этого поступка. П. Б.

ПИСЬМО В. В. ГАНКИ КЪ АВРААМУ СЕРГѢЕВИЧУ НОРОВУ.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Я читалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что были въ Москвѣ, и радовался вашему здоровью. О моемъ изданіи Сазаво-Еммаузскаго Евангелія я не читалъ еще ни слова ни въ здѣшнихъ, ни въ заграничныхъ листахъ; и если взялся за это профессоръ Прейсъ, какъ вы изволили писать, то на несчастіе по причинѣ смерти, онъ того не укончилъ. Къ моему ободрѣнію оба Государя наградили щедро, спасибо, труды мои. Его величество императоръ Австрійскій перстнемъ и Его Величество Императоръ Всероссійскій орденомъ. Въ это самое время я имѣлъ тоже счастіе быть приглашеннымъ въ комнаты Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны, гдѣ по Чешски читали черезъ полтора часа. На другой день, въ минуту самаго отъѣзда Высочайшихъ гостей, я получилъ слѣдующій билетъ: «Въ память пріятной бесѣды и занимательныхъ книгъ, Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княжна Ольга Николаевна поручила мнѣ доставить вамъ прилагаемый при семъ перстень, что̀ исполняя остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ готовая къ услугамъ вашимъ Анна Окулова.

Прага 17 (29) Мая 1846 г.“

Путешествіе игумена Даніила я перечиталъ снова. У меня изданіе Н. Власова 1837 года; можетъ быть, что другое лучше. 1) *Мокачно* думаю нельзя иначе производить какъ отъ *мокъ*, что̀ у насъ значитъ *сырость, мокроту* и, кажется, вамъ наилучше возможно сказать, годится ли это значеніе къ этимъ мѣстамъ: вы въ этихъ мѣстахъ были. Значеніе *сыро* по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ смыслу во всѣхъ этихъ фразахъ. 2) *Голомя* значитъ пень, туловище дерева, ср. Чешское *hól, hůl,* der Stock; того же происхожденія и *голень, го-*

ленастый. 3) *Кроковатъ* изъ тогоже корня какъ Греческое κροκοβαπτος; въ древнихъ Чешскихъ рукописяхъ находится и *крокотъ*: owoce na štepich w *krokot* dospilo. W *krokot* aneb prostred žiwota isme smrti. 4) *Скалва* значитъ только *скала*, такъ *ланита* въ древнихъ Чешскихъ рукописяхъ почти всегда писано *ланитва*. 5) *Понорава* по Чешски *понрава*, der Engerling, Egerling, отъ *понориться* въ землѣ, до сихъ поръ у насъ *черь* (червякъ) Майскаго жука, larva scarabaei melalonchae. Въ этой фразѣ, кажется, должно также читать въ *блонѣ* вмѣсто въ *болѣ*. 6) *Стрій* родительный *стрія*: въ Моравіи такъ называютъ воздухъ; съ тѣмъ должно сравнить *Стрибогъ* въ пѣсни о Полку Игоревѣ.

Кромѣ того я нахожу необыкновенное *олны* въ значеніи Лат. usque, стр. 7 дважды, 10, 59, 63, 71, 83.

Вмѣсто *въ онь* должно кажется читать *вънь* или *вонь* чтó значитъ нынѣшнее *въ него*, ст. 18 тамже.

Сѣдеславъ, у насъ это имя обыкновенно *Сдеславъ*. Стр. 35, кажется, должно читать какъ достигательное *искуситъ* и *хотя*, нынѣшнее *искусити его хотя*. Стр. 61. *Изтурга* понимаю цистерна, но не знаю вполнѣ, не должно ли читать *иструга*; ибо struha значитъ у насъ *потокъ*. Тамже *отдыту* я бы хотѣлъ читать *оттуды*. Ск. о Даніилѣ игуменѣ.

Ваши ненадежныя слова я писалъ къ Михаилу Федоровичу *) въ Вѣну и просилъ его заняться усердно выкрытіемъ сей несчастной книги. Она была хорошо въ бумагу уложена и снабдѣна адресомъ вашего превосходительства; потому я думаю, что она такъ скоро не пропадетъ. Въ совершеннѣйшемъ уваженіи и таковой же преданности имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага, 1 (13) Іюня 1846 г.

Каталоги авкціональные я просматриваю, но не былъ такъ счастливъ для васъ замѣчательнаго найти.

Адресъ: Въ С-тъПетербургъ. Его превосходительству, милостивому государю Аврааму Сергѣевичу Норову.

(Сообщено М. А. Веневитиновымъ).

*) Священнику Раевскому. П. Б.

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

К. С. БЕЗНОСИКОВЪ

Біографическій очеркъ.

„Нѣсть пророкъ безславенъ токмо во отечествіи".

Изреченіе, которое поставилъ я эпиграфомъ къ настоящей статьѣ, вполнѣ подходитъ къ намъ Русскимъ. Сколько людей, которыми гордилась бы Европа, незамѣтно ни для кого, кромѣ дѣла, которому они служили, прошли у насъ свое поприще почти безъ огласки, и ни современники, ни потомство не отмѣтятъ этихъ вѣрныхъ слугъ Россіи доброй памятью. Вмѣстѣ съ тѣмъ сколько чуждыхъ намъ людей, служителей *своей* родины, восхвалялись не на одних на берегахъ Невы! Это явленіе само по себѣ намъ укоризна.

Съ цѣлію познакомить читателей съ однимъ изъ почтенныхъ тружениковъ на пользу нашей родины, я составилъ настоящій очеркъ. Для полноты его приходится повторить нѣкоторые эпизоды, разсказанные мною прежде *).

Константинъ Степановичъ Безносиковъ, сынъ наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска, родился въ 1811 году. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ. Восьмилѣтняго его помѣстили въ пансіонъ, куда обыкновенно онъ ѣздилъ въ каретѣ съ десятилѣтней дочерью протопресвитера арміи и флота (по тогдашнему оберъ-священника) Державина. Ежедневное путешествіе сблизило дѣтей, и восторженный мальчикъ однажды въ каретѣ сдѣлалъ предложеніе своей спутницѣ, по достиженіи возраста, выдти за него за мужъ. Предложеніе не было отвергнуто. И вотъ молодая чета, женихъ съ невѣстою, стали строить планы о предстоящей имъ жизни. Черезъ

---

*) См. Р. Архивъ 1882, I, 193 и 194.

годъ Безносиковъ былъ помѣщенъ въ первый кадетскій корпусъ. Разлука однако не измѣнила принятаго Безносиковымъ намѣренія, которому остался онъ вѣренъ до окончанія курса и производства въ офицеры. Въ 1829 году онъ былъ выпущенъ въ сапёры, и тогда только восемнадцатилѣтній юноша сказалъ о своемъ рѣшеніи роднымъ. Родные и отецъ были противъ этого брака. Видя, однако, что убѣжденія ихъ не дѣйствуютъ, они обратились къ военному министру, и молодому Безносикову дана была командировка на Китайскую границу. Оттуда, съ наступленіемъ зимы и прекращеніемъ работъ, онъ прибылъ въ Петербургъ безъ отпуска и явился къ военному министру. Хотя Безносиковъ и объяснилъ, что работы зимою нѣтъ и онъ свободенъ, что онъ, сдѣлавъ предложеніе дѣвушкѣ и получивъ ея согласіе, считаетъ себя обязаннымъ выполнить данное слово; но военный министръ, указавъ ему въ перспективѣ солдатскую шапку за самовольное оставленіе должности, доложилъ обо всемъ Государю Николаю Павловичу. Государь на это сказалъ: «во вниманіе къ заслугамъ отца и его молодости простить». Безносиковъ женился и уѣхалъ.

Константинъ Степановичъ всегда былъ человѣкомъ восторженнымъ, и всякое дѣло, за которое онъ брался по личному вчинанію, получало у него какой-то особенный оттѣнокъ. Чтобъ понять его характеръ, достаточно, напримѣръ, указать на слѣдующее: пробывъ два дня на пароходѣ передъ Константинополемъ, онъ нарочно не вышелъ на берегъ, чтобъ не ослабить себѣ впечатлѣнія мірового города.

При энергіи Безносикова и его дѣятельности, конечно, десятилѣтняя служба его въ Западной Сибири была небезплодною для дѣла; но свѣдѣній о ней у меня не имѣется. Извѣстнѣе слѣдующій десятилѣтній періодъ его службы въ Восточной Сибири. Въ 1839 году онъ назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ. Состоя въ этой должности, Безносиковъ хорошо ознакомился съ краемъ. «Нѣтъ лѣсной тропы, по которой я не проѣхалъ верхомъ», говаривалъ онъ. И вотъ, въ одно изъ такихъ путешествій, въ совершенной глуши, онъ напалъ на минеральные (горные) ключи. Имѣть въ этой отдаленной мѣстности цѣлебныя воды, дѣйствующія противъ распространенныхъ тамъ ревматизма и золотухи, это такое благодѣяніе для человѣчества, что находка привела въ восторгъ Безносикова. Немедленно сталъ онъ рубить просѣки, прокладывать дорогу, строить мосты, а возлѣ самыхъ ключей на слѣдующій годъ уже выстроилъ домъ для генералъ-губернатора и нѣсколько домиковъ для другихъ посѣтителей. Начали пользоваться водами. Источники находятся, кажется, въ разстояніи 250 верстъ отъ Иркутска. Уже старикомъ, Безносиковъ прочиталъ однажды описаніе

этихъ водъ и самой дороги, по которой теперь расположены села и деревни, и съ грустію замѣтилъ: «А обо мнѣ ни слова..... Ну, да не въ томъ дѣло».

Безносиковъ обратилъ вниманіе на рѣку Амуръ и При-амурскую область. Границу нашу составляла эта рѣка, лѣвый берегъ которой принадлежалъ намъ, а вся рѣка Китайцамъ. Безносиковъ указалъ генералъ-губернатору на ненормальность такого распредѣленія рѣки и просилъ дозволенія проплыть по Амуру, ознакомиться съ рѣкою и собрать свѣдѣнія о той области, въ которой весьма слабо выражалось владычество Китая. Получивъ согласіе своего начальника, Безносиковъ немедля отправился въ путь, взявъ съ собою нѣсколько казаковъ. На баркасѣ отправилась эта экспедиція внизъ по Амуру. Встрѣчались Безносикову Манджуры, встрѣчались Китайскіе чиновники. Выдавая себя и своихъ мужиковъ рыбаками, Безносиковъ за свободный пропускъ отдѣлывался иногда подарками. Между тѣмъ онъ промѣрялъ фарватеръ рѣки, составлялъ карту Амура, собиралъ свѣдѣнія отъ туземцевъ о прилегающей къ нему области. Но не удалось Безносикову доплыть до устья. Разъ, на разсвѣтѣ, онъ замѣтилъ на лѣвомъ берегу всадника съ флагомъ. Причаливъ къ берегу, онъ получилъ отъ него предписаніе генералъ-губернатора о немедленномъ возвращеніи въ Иркутскъ. При свиданіи съ генералъ-губернаторомъ, Безносиковъ узналъ отъ него, что объ его экспедиціи свѣдали въ Петербургѣ и были тѣмъ недовольны: графъ Нессельроде писалъ, что настоящій образъ дѣйствій можетъ сдѣлаться извѣстнымъ въ Англіи и вызвать осложненія въ нашихъ дипломатическихъ отношеніяхъ къ этой странѣ! Какъ ни казалась странною такая осмотрительность въ отношеніяхъ къ людямъ, нецеремонно захватывающимъ во всѣхъ частяхъ свѣта гдѣ-что попало для своихъ колоній, но Русскому человѣку пришлось сдавить въ себѣ народное чувство. Однако Безносиковъ, за составленное имъ описаніе Амура, получилъ Владимира 4-й степени.

Новый генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ, прибывъ въ Иркутскъ и узнавъ о неудавшемъ предпріятіи Безносикова, пригласилъ его къ себѣ и сказалъ: «А знаете ли, маіоръ, я думаю завернуть При-амурскую-то область къ намъ». Безносиковъ объяснилъ, что по поводу его экспедиціи была получена непріятная бумага отъ графа Нессельроде. Муравьевъ потребовалъ бумагу, прочелъ ее, подумалъ и, махнувъ рукою, сказалъ: «А пропади онъ пропастью; я на него не посмотрю». Время доказало, кто былъ правъ: первенствующій ли дипломатъ или правитель края, Русскій человѣкъ.

Въ слѣдующемъ году представился Безносикову случай отличиться на иномъ поприщѣ. Нельзя сказать, чтобъ случай шелъ ему на

встрѣчу; напротивъ, онъ самъ вызвался сослужить службу для нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Въ Енисейской губерніи 22 т. (мужескаго пола) раскольниковъ взбунтовались. Они привезли себѣ попа, бѣглаго солдата, и устроили часовню. Все это строго преслѣдовалось. Исправника, который хотѣлъ разобрать часовню, они чуть не убили. Губернаторъ тоже едва спасся отъ ихъ ярости. Генералъ-губернаторъ отнесся къ дѣлу формально и равнодушно и, не принявъ никакихъ мѣръ, сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ о случившемся. Когда доложили въ Петербургѣ, Государь былъ очень недоволенъ, повелѣлъ двинуть для усмиренія много войска, отобрать попа, разобрать часовню, примѣрно наказать виновныхъ, а главныхъ зачинщиковъ и подстрекателей посадить въ тюрьму впредъ до разрѣшенія о нихъ дѣла. Безносиковъ явился къ генералъ-губернатору съ предложеніемъ, чтобъ не вводить казну въ напрасные расходы и спасти населеніе отъ разоренія и наказанія, поручить ему испробовать силу убѣжденія и привести народъ къ повинной. Ему дано было 36 казаковъ при есаулѣ и чиновникѣ Губернскаго Правленія. Съ этимъ штатомъ и отрядомъ Безносиковъ отправился къ мятежникамъ.

За одинъ переѣздъ отъ центральнаго раскольничьяго села, состоявшаго изъ 12 тыс. душъ, онъ остановился на ночлегъ, тоже въ раскольничьемъ селеніи. Вечеромъ хозяинъ его квартиры пришелъ къ нему съ видомъ встревоженнымъ и объяснилъ, что противъ него злоумышляютъ, что дворъ и улица полны народомъ. При этомъ онъ предложилъ свои услуги для его спасенія. «Мой сынъ на лихой тройкѣ стоитъ за огородомъ и доставитъ васъ въ безопасное мѣсто», говорилъ услужливый хозяинъ. Безносикова рѣчь эта озадачила. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ ни одинъ изъ казаковъ не явился доложить о сборѣ народа, если это дѣйствительно такъ. Онъ вопросительно взглянулъ на есаула, который, понявъ этотъ взглядъ, сейчасъ же вышелъ на крыльцо. Когда есаулъ вернулся и шепнулъ Безносикову, «прикажите связать хозяина, онъ хотѣлъ устроить вамъ ловушку»,—хозяина и слѣдъ простылъ. Однако это обстоятельство не могло не смутить Безносикова, который тутъ только понялъ, гдѣ онъ и что̀ можетъ его встрѣтить. Легли спать, и только загасили свѣчу, Безносиковъ слышитъ, что кто-то къ нему подходитъ, наклоняется и говоритъ: «завтра до вечерни попостись, и все устроится благополучно». Безносиковъ вскочилъ, окликнулъ говорившаго. Но отвѣта не было. Незаснувшій еще есаулъ зажегъ свѣчу. Въ комнатѣ однако никого не оказалось. Безносиковъ принялъ это за предсказанную ему помощь свыше. Да и могло ли ея не быть, когда человѣкъ, ради любви къ ближнему, шелъ на явную опасность?

На слѣдующее утро прибыли они въ центральное селеніе. Весь народъ былъ уже отъ ранняго утра на ногахъ, улицы запружены, а гонцы летѣли въ разныя села собирать защитниковъ вѣры. Толпа, постоянно умножаемая притоками изъ другихъ селъ, гудѣла на улицахъ. Возраженій и словъ ихъ нельзя было разобрать, какъ не могли доходить до громады слова и убѣжденія молодаго человѣка, диктованныя ему любящимъ Русскимъ сердцемъ. Однимъ словомъ, готовились событія, омрачавшія времена царя Алексѣя Михайловича и протопопа Аввакума. Безносиковъ убѣждалъ мужиковъ выбрать двѣнадцать стариковъ уважаемыхъ народомъ, для разговора съ нимъ. Наконецъ, выбрали довѣренныхъ, но не 12, а 70 человѣкъ. Они введены были во дворъ, ворота заперты, и здѣсь началось состязаніе. Безносиковъ представлялъ имъ, какое несчастіе ожидаетъ ихъ въ случаѣ, если мѣра строгости будетъ приведена въ исполненіе. Онъ объяснялъ имъ, что царская воля во всякомъ случаѣ будетъ исполнена, но съ тяжкими, непоправимыми потерями для населенія; что еще есть время припасть къ стопамъ Государя съ раскаяніемъ и повинною, а Государемъ, онъ увѣренъ, все будетъ прощено. Раскольники и слушать не хотѣли. Тогда Безносиковъ велѣлъ ихъ запереть въ сарай и сказалъ сгоряча, что ему предоставлена власть неограниченная и онъ ихъ не выпуститъ живыми; а самъ онъ смерти не боится: еслибъ боялся, то и не принялъ бы такого порученія. Да и выигрыша отъ этого, добавилъ онъ, вамъ не будетъ, такъ какъ черезъ недѣлю-другую здѣсь все равно камня на камнѣ не останется. Пренія заняли все утро до обѣда. Когда Безносиковъ вошелъ въ комнату послѣ заключенія въ сарай выборныхъ, на столѣ стояла миска щей. Но никто не могъ и думать объ ѣдѣ: всѣ находились въ крайне-возбужденномъ состояніи и отказались отъ предложенной трапезы. Черезъ нѣсколько времени выборные прислали сказать, что они желали бы переговорить съ народомъ и просятъ 12 человѣкъ изъ среды ихъ отпустить къ громадѣ для переговоровъ. Не отпустить нельзя было: это значило оставить дѣло безъ конца. Отпустить тоже опасно: быть можетъ, нафанатизированная толпа придетъ еще въ бо́льшую ярость, узнавъ объ угрозѣ Безносикова, и тогда печальный для всѣхъ конецъ неизбѣженъ. Безносиковъ отпустилъ 6 человѣкъ. Въ томленіи неизвѣстности прошло часа два-три. Видитъ Безносиковъ, что по улицѣ несется тройка. Онъ предположилъ, что это исправникъ; но оказалось, что мчались двое неизвѣстныхъ ему людей. Они у воротъ его квартиры бросили что-то черное, какъ бы большой узелъ, который подхватили казаки и унесли во дворъ, заперевъ потомъ ворота. Это былъ раскольничій попъ. Толпа, внявъ убѣжденіямъ своихъ выборныхъ,

рѣшилась выдать его обманомъ. Вслѣдъ затѣмъ явились выборные съ повинною отъ громады и просили ходатайствовать о прощеніи передъ Государемъ. И сталъ народъ разбирать часовню и сносить къ Безносикову иконы и другіе церковные предметы. Безносиковъ, расчувствованный счастливымъ исходомъ дѣла, увѣрялъ всѣхъ въ прощеніи Царя и забвеніи прошлаго, одобрялъ ихъ рѣшимость и между прочимъ спросилъ о причинѣ ихъ упорства. Жалѣли, отвѣчалъ народъ, своихъ трудовъ и денегъ. Ты думаешь, батюшка, намъ дешево попъ-то стоитъ? И исправнику за него уплочено, и губернатору. Они за него съ насъ откупъ брали, и потомъ стали отбирать. Какъ же не обидно? Разумѣется, объ этомъ разговорѣ въ донесеніи Безносикова не было упомянуто.

Когда такимъ образомъ все кончилось, Безносиковъ со своимъ штатомъ вошелъ въ комнату и попросилъ себѣ обѣдать. Лишь принесли вторично мису щей, раздался благовѣстъ къ вечерни. И вспомнили всѣ таинственныя слова, слышанныя наканунѣ Безносиковымъ, и благоговѣйно перекрестились. Послѣ обѣда Безносиковъ распорядился при хозяинѣ, чтобъ попа и утварь, въ сопровожденіи двѣнадцати казаковъ, везли по указанной имъ дорогѣ. На самомъ же дѣлѣ казакамъ данъ былъ другой маршрутъ. Предусмотрительность оказалась умѣстною, такъ какъ по указанному пути раскольниками была устроена засада, и попъ преблагополучно былъ доставленъ въ Иркутскъ.

Государь, узнавъ объ замиреніи раскольниковъ силою убѣжденій, потребовалъ подлинное дѣло. Просмотрѣвъ его, онъ спросилъ: «А что за свой подвигъ получилъ маіоръ Безносиковъ?» Ему доложили, что Безносиковъ въ прошломъ году получилъ Владимирскій крестъ, а потому министръ не смѣлъ представить его къ наградѣ. Тогда Императоръ написалъ: «ротмистра Безносикова, въ примѣръ прочимъ, произвести въ слѣдующій чинъ».

Интересно въ этомъ дѣлѣ еще одно обстоятельство. Безносиковъ, во время слѣдованія команды, отпускалъ ей въ день по чаркѣ водки и дополнительную мясную порцію, находя это необходимымъ для ободренія и подкрѣпленія казаковъ, шедшихъ на тяжелый по возможнымъ послѣдствіямъ подвигъ. Провіантское вѣдомство нашло, что Безносиковъ не имѣлъ на то права и присудило его къ уплатѣ израсходованныхъ имъ на этотъ предметъ 300 рублей, которые и вычитались изъ его жалованья. Безносиковъ кромѣ жалованья ничего не имѣлъ, а потому такой вычетъ былъ для него весьма чувствителенъ, при существовавшихъ тогда малыхъ окладахъ. Диковинное дѣло!

Въ слѣдующемъ, кажется, году Безносиковъ прикомандированъ къ департаменту генеральнаго штаба, назначенъ въ распоряженіе ге-

нералъ-квартирмейстера главнаго штаба, участвовалъ въ сраженіяхъ противъ Венгерцевъ и въ чинѣ маіора получилъ Анну 2-й степени съ короною и мечами.

По окончаніи Венгерской кампаніи ему было поручено составить ея исторію. Для этого онъ былъ командированъ за границу и долженъ былъ для свиданія съ фельдмаршаломъ Радецкимъ ѣздить въ Венецію. На расходы ему была отпущена очень скромная сумма, 300 рублей. Изъ этихъ же денегъ пришлось ему купить себѣ партикулярное платье. На возвратномъ пути въ Ригѣ онъ его продалъ и едва добрелъ до Петербурга.

Въ 1852 году Безносиковъ назначенъ состоящимъ при главноуправляющемъ путями сообщенія Клейнмихелѣ. Четыре года онъ провелъ тяжелой трудовой жизни. Клейнмихель, возвратясь однажды отъ высочайшаго доклада раздосадованнымъ, призвалъ къ себѣ Безносикова и объявилъ, что отнынѣ всѣ доклады должны идти черезъ него: Безносиковъ долженъ былъ вскрывать пакеты, перечитывать, подбирать дѣла, знакомиться съ ними и тогда докладывать Клейнмихелю. У Безносикова не доставало времени для отдыха. Онъ не имѣлъ для того въ теченіе сутокъ и 6 часовъ. Наконецъ, изнуренный трудомъ, онъ убѣдился, что и 18 часовъ мало для его дѣла, да и голова стала отказываться. Онъ дошелъ до полнаго безсилія. Докладывая разъ Клейнмихелю, онъ объяснилъ, что дѣла просмотрѣть не имѣлъ физической возможности: просто не достало времени. А, такъ вамъ неугодно, отвѣчалъ Клейнмихель; въ такомъ случаѣ я васъ увольняю отъ вашей обязанности.

Съ этого времени Безносиковъ въ теченіе двухъ лѣтъ находился постоянно въ командировкахъ, никогда не оставаясь съ семьею болѣе двухъ дней. Когда онъ возвращался изъ командировки, другая была уже для него приготовлена.

Не тяготился Безносиковъ разъѣздами. Такъ, въ продолженіе десятилѣтней службы въ Восточной Сибири, онъ девять разъ ѣздилъ изъ Иркутска въ Петербургъ съ отчетами, и весь этотъ путь въ перекладной на курьерскихъ. Разъ полюбопытствовали узнать: сколько тысячъ верстъ онъ сдѣлалъ въ свою жизнь? Насчитали 380 т. А послѣ того Безносиковъ два раза ѣздилъ въ Ташкентъ и прошелъ въ Азіатскихъ степяхъ 12 т. верстъ. Если къ всему этому прибавить мелкія поѣздки, о которыхъ нельзя было и помнить, то составится неменѣе полумилліонна верстъ, а на каждый годъ службы 45 лѣтъ по 11 т. верстъ. Да принять надо во вниманіе, что большая часть пути совершена была на перекладной или верхомъ. Но служба при Главномъ Управленіи была очень безцвѣтною для Безносикова и когда А. А.

Катенинъ былъ назначенъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Безносиковъ, отчисленный по кавалеріи, въ чинѣ подполковника поступилъ къ нему въ 1857 году чиновникомъ особыхъ порученій, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ полковники. Безносиковъ обратилъ вниманіе на р. Бѣлую, по которой до того времени только весною сплавлялись барки съ хлѣбомъ и желѣзомъ и плоты. Сразу опредѣливъ важное значеніе этого воднаго пути для края, еслибъ по этой рѣкѣ было постоянное пароходное движеніе, и прельстившись красотою рѣки и прозрачностію ея воды, Безносиковъ, не долго думая, проплылъ въ лодкѣ по всей рѣкѣ, начиная отъ Стерлитамака до устья верстъ 600. Онъ измѣрилъ фарватеръ и нашелъ, что отъ самаго г. Уфы рѣка удобна для движенія пароходовъ. Этого конечно было недостаточно. Нужно было найдти предпріимчиваго человѣка, да еще увѣрить въ точности произведеннаго промѣра и выгодѣ предпріятія. Безносиковъ отправился въ Петербургъ и сталъ убѣждать И. Ѳ. Базилевскаго купить для этой цѣли пароходъ. Базилевскій, не думая о выгодѣ, но по любви къ родному городу, гдѣ протекла его молодость и началось его обогащеніе, рѣшился купить пароходъ и доставить его на Бѣлую. Тогда-то, увидѣвъ, что пароходъ дѣйствительно свободно совершаетъ путь отъ Уфы до Казани и обратно, общество «Самолетъ» сдѣлало предложеніе учредить правильное пароходное сообщеніе по Бѣлой, прося на то привилегію. Но Безносиковъ всѣми силами старался не допустить монополіи и убѣдилъ Катенина отказать въ привилегіи. Тогда общество «Самолетъ» рѣшилось отдѣлить три парохода для Бѣлой, да въ самой Уфѣ образовалось самостоятельное общество Бѣльскаго пароходства. И теперь ежедневно въ Уфу приходятъ пароходы. Нечего и говорить, какъ это оживило городъ и способствовало его матеріальному подъему. А многіе ли изъ Уфимскихъ житилей знаютъ, кому они тѣмъ обязаны?

Неизвѣстно, чтó именно сдѣлано Безносиковымъ въ слѣдующей затѣмъ должности товарища Семипалатинскаго военнаго губернатора и предсѣдателя областнаго управленія. При его неутомимой энергіи вѣроятно и тамъ она отмѣчалась проявленіемъ его усиленной дѣятельности. Знаемъ только, что въ 1869 году онъ за отличіе произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ 1870 году получилъ Станислава 1-й степени.

Всего рельефнѣе рисуется его дѣятельность во время службы при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

Безносиковъ составилъ планъ грандіозный—соединить Россію съ Индіею желѣзною дорогой, сдѣлавъ путь этотъ удобнымъ для колонизаціи, чѣмъ избавить государство отъ ежегоднаго дефицита по управ-

ленію краемъ. Мысль Безносикова была слѣдующая. Если мы проложимъ желѣзную дорогу черезъ наши владѣнія, это удешевитъ транспортъ, оживитъ, значитъ, и средне-Азіатскую торговлю, облегчитъ военныя операціи въ краѣ и обезпечитъ успѣхъ колонизаціи, а тѣмъ дастъ толчекъ промышленному и мануфактурному дѣлу въ краѣ. За тѣмъ, если мы придвинемъ нашу дорогу къ границѣ Индійской, Англія по необходимости должна будетъ протянуть дорогу къ нашей. Такимъ образомъ Индія будетъ соединена съ Европою желѣзною дорогою черезъ Россію. Путь этотъ долженъ сократить передвиженіе товаровъ для Англіи на 13 дней противъ существующаго воднаго пути, а для Европы и того болѣе. При колоссальныхъ размѣрахъ Индійской торговли такое сбереженіе во времени должно быть столь заманчивымъ для Англійскихъ капиталистовъ, что путь этотъ несомнѣнно предпочтется водному. Тогда Англо-Индійскій флотъ пріищетъ конечно себѣ другое дѣло. Когда такимъ образомъ путь въ Индію будетъ въ рукахъ Россіи, никакая коалиція противъ нея, гдѣ всегда дѣятельную роль играетъ Англія, немыслима: нѣтъ въ томъ выгоды Англіи, нѣтъ выгоды Европѣ, получающей скорѣе и дешевле Индійскіе колоніальные товары и добывающей громаднымъ транзитомъ изъ рукъ Россіи питаніе для своихъ дорогъ. Въ обоихъ случаяхъ положеніе Россіи еще благопріятнѣе. О выгодѣ же нашихъ внутреннихъ дорогъ, гарантированныхъ правительствомъ, и говорить нечего. Тогда Англіи представится возможность на дѣлѣ убѣдиться, какъ полезны дружественныя отношенія къ Россіи и къ ея миролюбивой политикѣ.

Создавъ этотъ планъ, Безносиковъ обратился съ просьбою дать возможность произвести изысканія къ Туркестанскому генералъ-губернатору Кауфману. Кауфманъ, не препятствуя ему дѣлать изысканія, отказалъ въ матеріальной поддержкѣ, такъ какъ на предметъ этотъ не было спеціальныхъ средствъ. Въ послѣдствіи онъ, кажется, выдалъ Безносикову 600 рублей.

И вотъ Безносиковъ, вмѣстѣ съ однимъ благонадежнымъ степнякомъ, сѣвъ на степныхъ коней, запасшись нѣсколькими банками Либиховскаго бульона, сухарями и т. п. припасами, сколько можно было навьючить на лошадь, необходимыми инструментами, одѣвшись въ солдатское рубище и благословясь, отправился въ путь. Такая одежда хотя была мучительна для Безносикова, но была необходимою, чтобъ не соблазнять нашихъ Азіатскихъ дикарей, передъ которыми Безносиковъ выдавалъ себя за бѣглаго солдата.

Что̀ влекло этого человѣка въ невѣдомыя степи, при всевозможныхъ лишеніяхъ, при ежеминутной опасности за жизнь? Ни жажда славы, ни мысль о наживѣ. Отъ всего этого онъ былъ далекъ, какъ

увидимъ ниже. Влекло его одно, одно воодушевляло и поддерживало его—это непреодолимое желаніе послужить родинѣ. Лишенія и неудобства были такъ велики, что, напримѣръ, Безносикову не удавалось спать одновременно болѣе двухъ часовъ, и онъ иначе не ложился спать какъ привязавъ своего аргамака къ ногѣ, чтобъ онъ, почуявъ звѣря или человѣка и рванувшись, разбудилъ его и тѣмъ далъ время спастись. Разъ лошадь сорвалась и убѣжала. Азіатъ отправился ее искать, а Безносиковъ три дня оставался одинъ въ степи, пока его вѣрный спутникъ не привелъ коня. А каково было идти двѣсти, если не болѣе, верстъ безводнымъ пескомъ, безъ палатки, безъ прикрытія отъ палящаго солнца? Безносиковъ, пройдя такимъ образомъ 6 т. верстъ, производилъ топографическую съемку, изслѣдовалъ почву. Онъ составилъ описаніе на 180 листахъ, а его карта была такъ подробна и обстоятельна, что въ Министерствѣ Путей Сообщенія изумлялись его труду. Съ этимъ матеріаломъ Безносиковъ прибылъ въ Петербургъ.

Я не сказалъ ничего о семейной жизни Безносикова. У него были два сына-близнеца. Одинъ изъ нихъ, Степанъ, былъ подполковникомъ, командиромъ казачьяго полка въ Сибири; другой, ротмистръ, Константинъ, былъ при отцѣ. Степанъ, объѣзжая съ начальникомъ свой полкъ и всякій разъ снимая на морозѣ шубу и холодную надѣвая ее опять, схватилъ скоротечную чахотку, и въ 3—4 масяца его не стало. Съ этого времени братъ его Константинъ сталъ чахнуть, лишился аппетита, сна, сдѣлался скученъ. Въ Петербургѣ доктора нашли дѣло непоправимымъ. Физіологическая связь близнецовъ - братьевъ была единственною причиною болѣзни. Вскорѣ и второй послѣдовалъ за братомъ. Мать не вынесла, помѣшалась и года черезъ два умерла. Во время службы въ Туркестанскомъ краѣ Безносиковъ былъ уже совершенно одинокимъ.

Проэктъ, составленный Безносиковымъ, однако не удовлетворилъ его. Путь изъ Оренбурга, которымъ шелъ онъ, представлялъ много неудобствъ, а безводная степь на 200 или болѣе верстъ очень его смущала. Безносиковъ рѣшился избрать путь другой и въ слѣдующемъ году отправился искать этого пути по направленію отъ Уфы чрезъ Троицкъ на Самаркандъ. Онъ прошелъ 12 т. верстъ, разумѣется, дѣлая побочные обходы для выбора мѣстности и ознакомленія съ нею. Здѣсь онъ вполнѣ былъ вознагражденъ отысканіемъ чрезвычайно удобнаго пути. Во первыхъ, по проекту его линія Азіатская до Троицка должна совпадать съ Сибирскою дорогою, чѣмъ вызывалось огромное сбереженіе въ капиталѣ на сооруженіе, а стало быть увеличивалась выгода эксплоатаціи. Во вторыхъ, Сибирь одновременно соединялась съ Россіей и Средней Азіей одною дорогою. Въ третьихъ, путь этотъ

шелъ по самымъ плодороднѣйшимъ мѣстамъ, съ дѣвственнымъ черноземомъ, орошаемымъ массою рѣчекъ и ручьевъ, обилующимъ лѣсною порослью и ископаемымъ топливомъ,—словомъ, вполнѣ удобнымъ для колонизаціи. Въ четвертыхъ, песчаный переходъ сокращался здѣсь до пятидесяти верстъ.

Передъ отъѣздомъ Безносиковъ женился на молодой дѣвицѣ Шольцъ и часть путешествія совершалъ съ нею.

Надо замѣтить, что, свѣдавъ о его изысканіи, Московскіе капиталисты просили его окончить дѣло, хлопотать объ утвержденіи линіи, а чтобъ она отнюдь не доставалась въ руки иностранцамъ, собрать предполагали 80 и болѣе милліоновъ. Это совершенно совпадало съ мыслью Безносикова, который находилъ необходимымъ, чтобъ дорога была если не правительственною, то безусловно-Русскою. На второе изысканіе тѣже капиталисты предложили Безносикову средства, что̀ дало ему возможность свободнѣе продолжать начатое предпріятіе.

О Безносиковѣ и его изысканіи стали говорить, но не у насъ, не въ отечествѣ, а въ Европѣ. Дальновидный Лессепсъ сразу понялъ значеніе проэкта Безносикова. Въ Россіи къ нему отнесся сочувственно только одинъ Русскій человѣкъ, бывшій тогда министромъ путей сообщенія, графъ Б.

Явился къ Безносикову вскорѣ полковникъ Б... съ предложеніемъ продать его трудъ Лессепсу, суля 50 т. руб. и долю въ паяхъ. Безносиковъ отвѣчалъ, что почти всю жизнь прожилъ безъ капиталовъ и не желаетъ заботиться о нихъ передъ смертію; что онъ работалъ для доброй памяти о себѣ въ отечествѣ, котораго былъ всегда вѣрнымъ сыномъ и слугою; наконецъ, что онъ, хотя не получилъ отъ казны средствъ на изысканіе, но произвелъ его, состоя на государственной службѣ и получая жалованье, а стало быть и не имѣетъ права распоряжаться своимъ проэктомъ. «Ничего изъ этого не выйдетъ», убѣждалъ его Б.: «повѣрьте, что всѣ газеты на нашей сторонѣ» (его и Лессепса).

Подкупить Безносикова было невозможно. При привычкѣ къ скромной, умѣренной жизни, деньги не соблазняли его. Такъ, мнѣ извѣстно, что одинъ господинъ предлагалъ взять концессію въ Россіи черезъ одну вліятельную особу. Безносиковъ, не задумавшись, отказался. «На что мнѣ деньги? Нѣтъ, я не согласенъ на такое предпріятіе». Безносиковъ, какъ сказалъ я, велъ жизнь умѣренную и правильную. Онъ рано вставалъ, никогда не засиживался позднѣе одиннадцати часовъ и въ двѣнадцать всегда былъ въ постели. Ѣлъ онъ немного и не изысканно, ничего не пилъ и даже не курилъ. Вообще онъ не былъ

требователенъ. Разъ его спросили: еслибъ можно было повторить жизнь, согласился бы онъ взять опять свою жизнь, какъ прошла она? «Цѣликомъ бы взялъ!» отвѣчалъ онъ, не задумавшись, — «за исключеніемъ».... Онъ закрылъ лицо и вздрогнулъ. Понятнымъ было для всѣхъ это исключеніе, и никто не рѣшался продолжать разговоръ на эту тему.

Когда подкупить Безносикова не удалось, рѣшились просто похитить его трудъ, и сдѣлано было это слѣдующимъ образомъ. Безносиковъ получилъ отъ генералъ-губернатора Кауфмана, жившаго тогда очень долго въ Петербургѣ, приглашеніе пожаловать къ нему вечеромъ съ проэктомъ и планомъ. Безносиковъ везетъ все къ Кауфману. Кауфманъ знакомитъ его съ Каттаромъ, помощникомъ Лессепса и проситъ показать планъ и объяснить свой проэктъ. Каттаръ пораженъ былъ солидностію труда и разсматривалъ все съ особеннымъ любопытствомъ. Кауфманъ дѣлаетъ предложеніе Безносикову дать на нѣсколько дней проэктъ его Каттару. Безносиковъ отвѣчалъ, что трудъ этотъ былъ имъ произведенъ во время состоянія его на государственной службѣ, стало-быть принадлежитъ государству, что онъ лично состоитъ на службѣ при его высокопревосходительствѣ, а потому не считаетъ себя вправѣ распоряжаться представленнымъ проэктомъ. Генералъ Кауфманъ изъ этого сдѣлалъ выводъ, что полноправнымъ распорядителемъ проэкта является онъ. Онъ велѣлъ Безносикову оставить проэктъ у него и передалъ его Каттару.

Огорченный такимъ распоряженіемъ, Безносиковъ отправился на другой или на третій день къ графу Б. и передалъ о случившемся. Графъ Б., кажется, не менѣе вознегодовалъ и сейчасъ же отнесся оффиціально къ Кауфману о доставленіи къ нему проэкта Безносикова. Графъ Б. держалъ уже проэктъ этотъ у себя въ кабинетѣ. Но дѣло было сдѣлано. Хотя плана снять не успѣли, но цифровую выборку сдѣлали. Воспользовавшись данными, какія давала записка Безносикова, но мѣстами усиливъ, мѣстами ослабивъ цифры Безносикова для сильнѣйшаго впечатлѣнія, Лессепсъ составилъ записку и въ бытность Государя на водахъ въ Эмсѣ подалъ ее. Въ запискѣ этой, указывая на выгоду его проэкта, Лессепсъ предложилъ поручить ему привести его къ исполненію. Для этого онъ просилъ гарантію, безмездный отводъ земли подъ полотно дороги и субсидію въ 8 милл. рублей. Сейчасъ же заговорили наши газеты о грандіозномъ проэктѣ Лессепса. Благородный графъ Б., не медля, напечаталъ опроверженіе, указывая въ немъ, что никакого проэкта Лессепса не существуетъ: проэктъ единственный есть, это проэктъ генерала Безносикова, производившаго изысканіе, а Лессепсъ сдѣлалъ только предложеніе поручить ему соору-

женіе дороги на извѣстныхъ условіяхъ. Это опровержені министра путей сообщенія не было даже перепечатано въ газетахъ, которыя съ неменьшимъ усердіемъ продолжали превозносить *идею Лессепса*. Явилась передовая статья и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». И въ нихъ говорилось, что одно имя Лессепса должно быть порукою въ успѣхѣ и выгодѣ предпріятія. Однако всѣ эти крики не ускорили рѣшимости Монарха. Тогда одинъ изъ Русскихъ людей, патріотическое чувство котораго оскорблялось такимъ позоромъ, составилъ статью, подкрѣпилъ ее ссылками и добытыми цифрами и отправился въ редакцію «Голоса». Не претендуя на литературное достоинство статьи, онъ предложилъ ее какъ матеріалъ, объяснивъ, что здѣсь дѣло наше, Русское, что необходимо его освѣтить. Ему сказали, что по этому предмету довольно уже было писано и что не желаютъ входить въ полемику съ «Московскими Вѣдомостями». Статью не приняли и не читали. Тогда Русскій человѣкъ отправился въ редакцію «Русскаго Міра»; тамъ молча взяли. Но прошло нѣсколько дней, въ газетѣ статья не появлялась. Онъ отправился въ редакцію, ему также молча возвратили статью. Тогда вспомнились слова, сказанныя Безносикову, когда его думали подкупить: «газеты всѣ на нашей сторонѣ», и дальнѣйшая попытка призвать на помощь Русскому національному дѣлу отечественную печать признана была напрасною.

И такъ проэктъ Безносикова погребенъ. Могила его въ Министерствѣ Путей Сообщенія. Лессепсъ теперь занятъ. А когда онъ будетъ свободенъ, можно надѣяться, что святотатственною рукою проэктъ Безносикова извлеченъ будетъ изъ его могилы. Но по крайней мѣрѣ многіе Русскіе люди узнаютъ дѣйствительнаго его творца и будутъ гордиться имъ, какъ своимъ соотечественникомъ.

Не безъинтересенъ взглядъ на трудъ Безносикова Оренбургскихъ властей. Тогда раздавали служащимъ участки Башкирскихъ земель. Обѣщали дать участокъ и Безносикову; а когда онъ умеръ и жена напомнила объ обѣщаніи, ей сказали: «Участка вы не получите, вашъ мужъ намъ измѣнилъ. Онъ предпочелъ дорогу на Уфу дорогѣ на Оренбургъ». По этому ученію государственный интересъ долженъ быть отодвинутъ на задній планъ.

Безносиковъ, по возвращеніи изъ Ташкента, осенью 1876 года сталъ хворать. Разъ ложится онъ на диванъ, жена его поддерживаетъ. Онъ вдругъ говоритъ: «О Сашенька! Что это? Неужто смерть? Господи! Если смерть, пусть безъ страданій». Съ этимъ послѣднимъ словомъ этотъ служитель родины и человѣчества предалъ свой духъ.

Разъ въ одномъ домѣ, служившій при посольствѣ иностранецъ встрѣтилъ Безносикова. Онъ говорилъ, что за границей такъ много

пишутъ и говорятъ о Безносиковѣ, что онъ встрѣчѣ съ нимъ обрадовался какъ дорогой находкѣ. Ѣхалъ однажды Безносиковъ въ Ораніенбаумъ со своимъ знакомымъ. Противъ него сидѣли двое молодыхъ людей и въ разговорѣ упоминали его фамилію. Безносиковъ ихъ спросилъ, что́ говорятъ они о Безносиковѣ. «Это одинъ Русскій генералъ», отвѣчали они, «которымъ очень интересуются за границей и много о немъ пишутъ; къ сожалѣнію, никто изъ насъ, Русскихъ, хотя и много насъ было въ Карлсбадѣ, не могъ удовлетворить любопытству иностранцевъ и дать какое-нибудь понятіе о своемъ соотечественникѣ». Безносиковъ улыбнулся. Когда затѣмъ они вышли, знакомый Безносикова сказалъ молодымъ людямъ: «Вотъ, молодые люди, вы выражаете соболѣзнованіе, что не знаете генерала Безносикова, а онъ сидѣлъ передъ вами». Молодые люди поспѣшили къ Безносикову и выразили ему свое глубокое уваженіе.

Можно быть увѣреннымъ, что многіе Русскіе, познакомившись съ трудовою жизнію Безносикова хотя по краткому этому очерку, подобно тѣмъ молодымъ людямъ отнесутся съ почтеніемъ къ имени радѣтеля родной земли и тѣмъ воздадутъ должную дань его памяти.

И. Листовскій.

ИЗЪ ШУТОЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

I.

Церемоніалъ погребенія поручика и кавалера Ѳаддея Кузьмина.

Программа составлена аудиторомъ, вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ, 22 Февраля 1821 года, Житомірской губерніи, близъ города Радзивилова. Утверждаю, полковникъ ***.

Впереди идутъ два горниста,
Играютъ отчетисто и чисто.

Идетъ прапорщикъ Густавъ Бауэръ,
На шляпѣ и фалдахъ несетъ трауеръ.

По обычаю, искони заведенному,
Идетъ майоръ пѣшій по конному.

Идетъ каптенармусъ во главѣ капральства,
Пожираетъ глазами начальство.

Два фурлейта ведутъ кобылу;
Она выступаетъ тяжело и уныло;

Это та самая кляча,
На которой ѣздилъ виновникъ плача.

Идетъ съ печальнымъ видомъ казначей,
Проливаетъ онъ слезный ручей.

Идутъ хлѣбопеки и квартирьеры,
Хвалятъ покойника маньеры.

Идетъ аудиторъ, надрывается,
Съ похвалою о немъ отзывается.

Ѣдетъ въ коляскѣ полковой врачъ,
Печальнымъ лицомъ умножаетъ плачъ.

На козлахъ сидитъ фершелъ изъ Севастополя,
Поетъ уныло: „Не одна во полѣ...“

Идетъ съ кострюлями квартирмейстеръ,
Несетъ для кутьи крахмальный клейстеръ.

Идетъ майорская Василиса,
Несетъ тарелку полную риса.

Идетъ съ блюдечкомъ отецъ Герасимъ,
Несетъ изюмцу гривенъ на семь.

Идетъ первой роты фельдфебель,
Несетъ необходимую мебель.

Три бабы съ флеромъ вокругъ повойника,
Несутъ лыбимыя блюда покойника:

Ножки, печонку и пупокъ подъ соусомъ;
Всѣ три онѣ вопятъ жалобнымъ голосомъ.

Идутъ Буренинъ и Суворинъ,
Ихъ плачъ о покойникѣ непритворенъ.

Идетъ, повѣся голову, Коршъ,
Рыдаетъ и фыркаетъ, какъ моржъ.

Идутъ гуси, индѣйки и утки,
Здѣсь помѣщенныя болѣе для шутки.

Идетъ мокрая отъ слёзъ курица,
Не то смѣется, не то хмурится.

Ѣдетъ сама траурная колесница;
На балдахинѣ поетъ райская птица.

Межъ двухъ прохвостовъ идетъ уѣздный зодчій,
Рыдаетъ изо всей мочи.

Идетъ слабосильная команда съ шанцевымъ инструментомъ,
За нею телѣга съ кирпичемъ и цементомъ.

Идутъ четыре ветеринара,
Съ клистирами, на случай пожара.

Господа юнкера несутъ регаліи:
Пряжку, темлякъ, репеёкъ, и такъ далѣе.

Идутъ господа офицеры по два въ рядъ,
О новой вакансіи говорятъ.

Идутъ славянофилы и нигилисты;
У тѣхъ и у другихъ ногти не чисты:

Ибо, если они не сходятся въ теоріи вѣроятности,
То сходятся въ неопрятности......

Съ этимъ отецъ Герасимъ соглашается,
И погребеніе совершается.

II.

Соболевскій про Гулака-Артемовскаго.

Писано во Флоренціи, гдѣ тогда находился извѣстный пѣвецъ нашей Петербургской оперы.

Артемовскій. Adornato d'un tuluppo
Di ovtchina o di lupo,
Me ne vado in luoghi ameni
Per mangear della batveni,
Nella qual ho messo un poco
Con del luc dello tchesnoko...
Per rigar in libertà.

Хоръ. Vadi, vadi, qual tu sia
Nella Piccola Rossia;
Sarai sempre, car'amico
Neotessanni mujicco.

JOURNAL

TENU

PAR LA PRINCESSE

BARBE TOURKESTANOW

DEMOISELLE D'HONNEUR DE SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE MARIA FEDOROWNA

1818.

(Lettres adressés au comte et à la comtesse de Litta)

„Archives Russes“

MOSCOU.
Imprimerie de l'Université Impériale (M. Katkoff),
Strastnoï Boulevard.
1884.

Jéva, le 28 août 1818.

Fidèle à l'engagement que j'ai pris avec vous, monsieur le comte, ne voilà à vous écrire du premier jour de notre voyage. Nous avons juitté Gatchina à 7 heures et demie, quoique tout le monde se fut trouvé ur pied à six. Les emballages de voiture n'en finissaient pas. Pendant jue les gens allaient et venaient, nous étions à faire la belle conver-ation dans le cabinet de l'Impératrice; enfin, m-r de Narischkine vint lire que tout était prêt, et nous voilà parties. Le chemin était superbe, e temps magnifique; nous avons été à Kascovo avant 9 heures. Mais a première nouvelle qu'on nous y donna fut celle que la calèche de ıos femmes, prise de la veille chez Forbellius et qui avait fait l'admi-'ation générale, avant qu'elle roulât, était cassée; la foule, qui était ıutour, assurait que le mal venait de la trop grosse charge. On déli-›érait sur ce qu'il y avait à faire, et tandis que chacun donnait son ıvis, je me donnais le plaisir de chanter pouille à nos deux péron-ıelles, qui avaient eu le talent d'arranger aussi bêtement leurs effets.)n lia fortement les parties qui étaient cassées, et tandis que Wassiliew 'en allait à Pétersbourg faire l'acquisition d'un nouvel équipage, celui-:i racommodé, tant bien que mal, se remit en route.—A Kascovo le ;rand-duc et sa femme nous firent leurs adieux. Alors m-lle de Sa-noïlow et moi nous entrâmes dans le carosse de Sa Majesté. Un dé-euner à la fourchette nous attendait à Opolia, d'où nous allâmes à [ambourg où l'on s'arrêta pour visiter une fabrique de toiles peintes, [ui est en activité depuis six mois. C'est un Suisse, nommé m-r Lippe, [ui la fait aller à merveille; nous avons vu imprimer des perses char-nantes dont quelques-unes imitent parfaitement les toiles de Jouï; à ›eu près tous les ouvriers sont étrangers, Allemands ou Suisses. L'Im-

pératrice y reconnut aussi quelques-unes des enfants trouvés, qui donnèrent un rapport très-avantageux du maître. On voulut offrir plusieurs pièces de toile à l'Impératrice qui préféra de les acheter, et véritablement ce sont des choses charmantes. On séche ces toiles au moyen d'une machine à vapeur. Ayant eu la curiosité de m'arrêter pour voir cela de plus près, je pensai étouffer, car la chaleur était là à 40 degrés.

Nous traversâmes Narva sans nous arrêter. Maintenant nous sommes à Jéva, dans la maison du général Inghelstrom, qui a 13 enfants plus beaux l'un que l'autre. Sa femme est une Douglas et descend de tous les Douglas de l'Écosse; toute son allure est cependant bien plus allemande qu'anglaise. Le vieux Benckendorff nous a reçu ici, il s'y est rendu exprès pour voir l'Impératrice. Aussitôt le souper fini, chacun s'est retiré chez soi. On nous a donné un trou au lieu d'une chambre, et comme il n'y a nul moyen d'y faire dresser un lit, j'ai abandonné tout le local à m-lle de Samoïlow et je suis venue écrire dans une autre pièce, bien décidée à passer une nuit blanche. La calèche de nos femmes, depuis qu'elle est cassée, est devenue un vélocifère: elle roule avec une légèreté merveilleuse et à notre arrivée ici elle y était déjà.

Le grand-chambellan se montre très-actif, très-soigneux, l'humeur agréable comme toujours. L'Impératrice le trouve fort bien. La comtesse Lieven répète: *cela va charmantement*, et moi je dis *in petto*: allons jusqu'au bout, et puis nous jugerons. J'oublie de vous dire qu'à Yambourg nous reçûmes une estafette de Varsovie. Le grand-duc Constantin engage beaucoup à y faire une entrée publique; nous voulons, au contraire, être modeste, si bien que voilà matière à discussion; il faudra voir cependant si cette disposition durera jusqu'à demain....

*

Dorpat, le 29 août.

Comme m-r Kozadawlew pourrait bien vous parler du commandant de Narva, qui est venu à notre rencontre à la tête de quelques militaires et de quelques coups de canon partis de la forteresse, j'aime tout autant vous ramener à Narva et vous parler moi-même d'un évènement fort simple assurément, mais que la *Сѣверная Почта*, avec le style emphatique, qui lui est propre, pourrait bien vous représenter comme plus important. Vous saurez donc que le commandant nous a reçu à quelques verstes de la ville et que le canon tira tout le temps que nous la traversâmes, et voilà tout. En trevanche, si la *Сѣверная*

Почта parle de nos triomphes de Dorpat, elle ne dira que la vérité. Le maître de police de la ville, un aide-de-camp de Paulucci, la gendarmerie, les cosaques avec des flambeaux à la main, une foule inombrable, des houras répétés depuis les fauxbourgs jusqu'à la maison Löwenstern où nous sommes descendues: voilà ce que nous avons vu ce soir à notre entrée. On avait eu le projet d'arrêter à l'Université; mais comme il faisait tard, on a remis cela à demain. Ce soir on a fait cercle pour les autorités de la ville, les principaux professeurs et quelques autres personnages; on en a retenu plusieurs à souper. Je me suis trouvée avoir pour voisin un certain vieux Liphardt, avec lequel j'ai causé botanique; il possède une terre dans les environs et s'occupe beaucoup de plantations. L'Impératrice, en l'entendant parler de *Camélia Japonica* et de *Bigonia Discolor*, a été toute charmée de sa science et a fini par l'engager à venir voir Pawlowsky, ce qu'il ne fera pas s'il est raisonnable.

Nous avons fait 127 verstes aujourd'hui, souvent dans du sable et par conséquent avançant à peine. L'Esthonie n'est certes pas un joli pays; mais depuis que nous sommes entrées dans la Livonie, j'ai observé quelques sites fort agréables; il me paraît, si je ne me trompe, que les champs sont plus soignés qu'aux environs de Pétersbourg; du moins ont-ils l'air plus propre. L'Impératrice, qui nous fait voyager, je crois, pour nous former l'esprit et le coeur, s'est mise en devoir de nous faire lire chaque matin un chapitre de la Bible et un autre du Nouveau Testament. Pour celui-ci s'est fort bien; mais s'il tenait à moi, je vous réponds que ma jeune compagne ne s'amuserait pas à lire l'Ancien. Je l'attend, un de ces jours, à quelque bon chapitre qui lui fera ouvrir de grands yeux, et nous verrons alors comment on le lui expliquera.

Ces Inghelstrom, chez qui nous avons passé la nuit dernière, je ne les oublierai de longtemps: il était impossible d'être plus mal logées que nous l'avons été, m-lle de Samoïlow et moi. Imaginez que, faute de lit, nous sommes restées à terre, elle sur son manteau, moi enveloppée d'un schall, et la mauvaise odeur qu'il y avait dans la chambre nous a obligée de tenir toute la nuit la fenêtre ouverte; j'y ai gagné un rhume affreux, et toute la journée je n'ai fait que tousser, moucher et cracher. L'Impératrice a lu ses journaux de Conseil, et Charlotte a dormi, et c'était une bénédiction. Soÿez tranquille, madame la comtesse, nous vous ramenerons saine et sauve. Elle supporte tout à merveille et mange en voyage comme un petit ogre. Adieu, je vais me coucher, car je me sens très-fatiguée.

Wolmarshoff, le 30 août.

La journée d'aujourd'hui a commencé par aller à messe à Dorpat. Un convoi de cosaques nous à escorté jusqu'à l'église; nos messieurs en grande tenue, nous autres le chiffre au côté. Après la messe et le Te-Deum nous avons été à l'Université. Les savants de toute espèce, rangés en haye, nous attendaient. On nous montra d'abord une belle salle d'étude au milieu de laquelle se voit une chaise, au dessus le portrait de l'Empereur en costume grec, ce qui nuit fort à la ressemblance. Ensuite, on nous fit voir le cabinet de médailles parmi lesquelles il s'en trouvent de très-antiques apportées de l'île Oesel. Dans la même chambre on fait voir différents dessins et de belles gravures. Le portrait du maréchal prince Barklaï, fait par *Senph*, est magnifique. J'avais bien cru qu'on l'offrirait à l'Impératrice, qui en paraissait enchantée; mais l'artiste, soit par timidité, soit qu'il ne se souvint pas de le donner, n'en fit rien. Du cabinet de médailles on nous conduisit dans celui de l'histoire naturelle; on nous fit passer rapidement les trois règnes; puis on nous montra le cabinet de physique, et à cetre occasion j'ai pu faire la connaissance du célèbre physicien *Parotte*, qui vient de découvrir le mode de fondre le cristal de roche; il en fit l'expérience en notre présence. Si je n'étais pas une bête, je vous parlerai du gaz hydrogène et du gaz oxigène qui procurent ce moyen; mais hélas! je n'ai rien compris à la savante dissertation de m-r Parotte, et je ne puis vous dire autre chose sinon qu'un morceau de cristal assez grand d'abord se trouva bientôt réduit à presque rien. J'ai vu aussi le professeur *Morgenstern*, qui en 1809 fit un voyage en Italie, dont il a publié une relation très-estimée en Allemagne. M-r *Evers*, qui est pour la partie de l'histoire et qui était en ce moment celle de Russie, était malade et ne se trouvait point avec ses confrères. L'Impératrice fit beaucoup de compliments à tous ces messieurs, qui m'en parurent enchantés. Le temps manquait pour aller voir la bibliothèque; il fallait partir de bonne heure. Cependant, tout en se pressant, on ne quitta l'Université qu'à 10 heures. La journée a été fort agréable pour voyager; point de soleil à la vérité, mais sans pluie, point de vent; un chemin parfait pendant trois postes. On a dîné a' *Куйкицъ*, dans une assez mauvaise auberge, et de là on a été sans s'arrêter jusqu'à Wolmarshoff, qui appartient encore à m-r Löwenstern, le beau-frère de m-r de Bray. Toute la famille est à Carlsbaden, il n'y a ici que le fils aîné; mais ce qui est

plaisant c'est que je ne puis vous dire si je l'ai vu ou non. Nous avons bien vu deux ou trois figures inconnues à souper, mais m-r de Löwenstern en était-il, c'est ce que j'ignore complètement. Je sais que ce m-r est très-hypocondre et qu'il ne se montre guères, ainsi il peut bien se faire que nous nous trouvions dans son château sans l'apercevoir; dans tous les cas nous y sommes très-commodément. Mon rhume est toujours bien fort; je mouche moins, mais je tousse beaucoup. Rhul me fait prendre une drogue, et l'Impératrice me régale de guimauve en pastilles; au reste, elle nous traite parfaitement ma compagne et moi. Nous causons de choses et d'autres; quant à la comtesse Lieven, elle ne cesse pas de parler sur les différents abus du gouvernement, et elle conte sur la Livonie des histoires à n'en pas finir. Losqu'il m'arrive de lui demander: mais, madame, d'où savez-vous cela? Ho, ho, répond-elle, j'ai mes *schpions* qui m'avertissent de tout! Au reste, la bonne dame ne laisse pas que d'en imposer à certaine personne; je l'ai bien remarqué hier.

En voilà assez pour aujourd'hui; demain je continuerai de Riga où nous devons arriver sur les six heures. J'oubliais de vous dire que nous entrerons à Varsovie tranquillement et sans aucun train; hier S. M. répondit au grand-duc sur tout cela. Je vous enverrai de là toutes mes feuilles et je tâcherai d'être bien exacte: laissez moi faire!

*

Riga, le 31 août.

Pour le coup, m-r le comte, il faut être esclave de ma parole, comme je le suis, pour écrire aujourd'hui: je tombe de fatigue, et si on va longtemps de ce train, Dieu soit comment nous ferons, m-lle Samoïlow et moi. La rapidité, avec laquelle nous voyageons, est désolante; je ne dors presque pas, Sophie ne peut rien manger qu'elle n'en soit malade; enfin, nous sommes de vrais torchons, quand nous nous comparons à notre patrone et même à la vieille comtesse. Ce sont des héros que ces femmes-là: elles iraient encore d'un pôle à l'autre qu'il ne leur arriverait pas le moindre petit mal. Et vous qui aviez peur pour la santé de m-e Lieven! En vérité, vous pourriez plutôt chanter le *De profundis* pour l'une de nous deux que pour elle. Qu'est-ce que nos triomphes de Dorpat auprès de ceux de Riga! Bagahe! Il fallait voir notre entrée ici! Le marquis de Paullucci à la portière, le général Laptiew, le commandant Richter, les aides-de-camp de ces messieurs, ensuite deux cens cavaliers de la bourgeoisie de la ville avec des unifor-

mes chamarrés sur toutes les tailles et montant des chevaux recouverts de superbes housses! Il fallait voir cette procession! Il faillait voir aussi la physionomie radieuse de certaine dame! Je peux vous certifier que nous en avons rajeuni de 10 ans. Pour moi, le fou rire me prenait lorsque, mettant la tête à la portière, j'apercevais ces bourgeois à cheval et faits comme Gautier à Krestowsky. Non, c'était à n'y pas tenir. On fut droit à la cathédrale, de là au château où toute la noblesse et les négociants se trouvaient rassemblés. L'Impératrice passa dans sa chambre pour faire toilette et au bout d'une demi-heure elle parut au salon où on lui présenta les dames d'abord, puis les cavaliers. M-me Paulucci, couverte de perles et de diamants, était tellement malade qu'à peine elle se soutenait; la pauvre femme est accablée de maux de nerfs depuis la mort de sa soeur Swetchine, une jolie personne dont vous souvenez, peut-être. L'Impératrice a fait beaucoup de frais pour tout le monde qui était au château. Bientôt le marquis Paullucci proposa d'aller au théâtre. Le spectacle se donna dans une maison qu'on appelle la Mousse et qui est à peu près un club, tel qu'il y en avait autrefois à Pétersbourg, c'est-à-dire une réunion de nobles et de marchands; d'un côté il y a le théâtre, de l'autre un appartement pour donner des bals, si bien qu'en sortant de notre loge nous avons été droit au bal. On nous a régalé d'un opéra-vaudeville, dont la musique est fort jolie; la finale est une tyrolienne, qui a été très-bien chantée, en vérité. J'ai pensé mourir de chaud au bal: le local assez petit, la société très-nombreuse; il a fallu danser une vingtaine de polonaises. L'Impératrice a déclaré qu'elle ne le ferait nulle part, si bien qu'à titre d'ancienne, c'est moi qui ai ouvert le bal avec notre pétulant marquis, qui m'a beaucoup demandé de vos nouvelles et m'a chargé de le mettre aux pieds de madame la comtesse. Le souper a été fort beau, fort long et pour moi fort ennuyeux, car mes yeux, à la fin, avaient peine à distinguer les objects. S'avais à mes côtés monsieur Duhamel que j'ai également fini par ne plus comprendre. Nous sommes rentrées depuis une demie-heure, et comme je viens de reprendre mes esprits, j'en ai vite profité pour vous faire ce détail. A propos: j'allais oublier de vous parler d'une visite que nous avons faite à la princesse Barklaï, dont la terre se trouve à deux postes de Wolmar; je l'ai trouvée bien affligée, et son émotion en voyant l'Impératrice a été extrême. Nous avons appris que l'Empereur y avait également passé. J'ai été bien aise que, sans le savoir, nous eussions fait de même.

*

Mittau, le 1-er septembre.

Ce matin, comme nous étions à faire notre toillete, m-lle Sophie et moi, une femme vieille, maigre, un papier à la main, arriva dans notre chambre; elle venait s'informer de la manière dont elle pourrait présenter un placet à l'Impératrice. Je lui dis que cela se faisait ordinairement au moment où S. M. allait monter en voiture; mais le moyen ne convient pas à la dame: elle objecte la police. Comme elle pleurait beaucoup et me parlait de sa misère, je m'offris à recevoir le papier et lui demandais en même temps ce qu'elle désirait. Elle me conta qu'elle était pauvre, que sa fille qui était mariée et chargée d'une grosse famille, ne pouvait la garder, qu'elle demandait enfin du secours à l'Impératrice et particulièrement la grâce de la tirer de Riga. Je lui dis que la maison des veuves pourrait à coup sûr lui servir d'asile et qu'elle pouvait hasarder d'y demander une place. Oh non, me dit la dame à son tour, je n'aimerais pas la maison des veuves; mais si S. M. voulait, par exemple, me prendre comme lectrice, en un mot m'attacher à sa personne, cela me conviendrait davantage. Vous imaginez ma surprise! Je fixai de nouveau ma cliente et quand je vins à découvrir qu'elle n'avait pas une seule dent, j'eus toutes les peines du monde à m'empêcher de rire. Voilà, me dis-je, une fière lectrice! Toutefois je me chargeai de son placet, et maintenant il est chez Willamow; j'ai conté toute cette histoire à l'Impératrice, qui s'en est amusée.

Nous avons été à la messe dans une église qui tient au château, de là à l'hospice des orphelins, puis chez les veuves, ensuite dans une magnifique église protestante, où se trouve une très-belle orgue dont on joua en notre présence. De là nons avons été faire une promenade dans les fauxbourgs, qui sont entièrement rétablis depuis le feu de 1812. Toutes les maisons sont en bois et bâties d'après un nouveau plan. Le marquis a fait aussi de jolies promenades; il a planté toute une allée de maronniers qui ont pris à merveille. De retour an château l'Impératrice, ayant appris que l'Empereur avait été à l'Observatoire, voulut y aller aussi. Ce fut l'affaire de 130 marches à grimper; mais la peine, que cela nous donna, fut compensée du moins par une vue superbe, tout Riga et son port, la Dvina couverte de vaisseaux et la ville de Dinabourg dans le lointain. Nous avons eu un grand dîner, les principaux personnages et une dixaine de dames, dont plusieurs

très-aimables. Madame de Boudberg, née Campenhausen, était ma voisine; sa conversation m'a fait plaisir; elle a passé 8 ans dans l'étranger et cause sur tout plein d'objet d'une manière intéressante. Au sortir de table nous montâmes en voiture et quittâmes Riga, et à 9 heures arrivâmes ici. Le duc et la duchesse de Wurtemberg sont venus tout exprès à Mittau pour voir l'Impératrice. On nous a logé dans une très-belle maison; la noblesse a fait les frais du souper, et maintenant que tous est fini, que tout le monde s'est retiré, je me suis rendue à mon devoir. Voilà pour ce qui regarde aujourd'hui. Le 30 l'Empereur a proclamé, à son passage ici, la liberté des paysans de Courlande. Il a reçu une députation qui lui a fait un beau discours pour lui témoigner toute la reconnaissance des affranchis. Il en a été parfaitement satisfait.

*

Mésotten, terre de la c-sse de Lieven, le 2 septembre.

Ce matin à Mittau quelques dames se sont faites présenter. Nous y avons eu aussi la visite de la famille de Wurtemberg. Il a été convenu qu'on irait la voir demain à *Grunhoff*, château qu'occupe le duc dans le voisinage de Mittau. Le comte de Medem, qui est maréchal de la noblesse, a prié l'Impératrice de visiter un chapitre qui se trouve dans cette ville, de manière qu'avant de se mettre en route on passa chez ces dames, qui, l'abesse à leur tête, nous attendaient sur la porte. Elles sont habillées de noir avec un cordon bleu à lisière blanc par dessus l'habit. Cette maison a été fondée par madame de Bismark, soeur de la fameuse duchesse de Courlande. An reste, j'aurais tort de m'étendre sur ce qui regarde l'établissement de ce chapitre; car le prince Grégoire, votre neveu, peut vous en parler: c'est celui où est agrégée sa fille Варинька. En sortant de chez ces dames nous prîmes la route de Mésotten et, grâce à la peur que le duc de Wurtemberg nous fit des mauvais chemins, nous les trouvâmes fort bons; en trois heures de temps nous fîmes cinq milles et demie. La comtesse nous traite à merveille. On nous a fait passer sous un arc de triomphe, une garde d'hommes nous attendait dans la cour, le canon a tiré, enfin une réception toute pompeuse. Le château est très-beau, bâti dans un goût moderne, les chambres d'une hauteur et d'une proportion superbes. Tout est meublé simplement, mais avec la plus grande propreté; des

parquets, de belles glaces, des lustres, des lampes, enfin rien n'y manque. Les vassaux, qui pour la première fois voyaient leur maîtresse, s'empressaient à lui temoigner la joie qu'ils avaient de la voir, et elle même, qui ne s'attendait pas à les trouver si heureux, fut tellement émue que je la vis fondre en larmes.

L'Impératrice se montrait radieuse d'être à Mésotten; pour moi j'ai eu un bien grand plaisir à revoir Schöpping, qui est venu ici pour nous recevoir avec le comte Jean Lieven. On nous a donné un dîner excellent, une musique, de bons vins, rien n'y manquait. Après le dîner l'Impératrice se retira pour écrire à tous ses enfants; moi je vins dans ma chambre avec Schöpping pour causer tout à notre aise; je lui parlai Pétersbourg, il me conta sa vie de campagne, et tout en l'écoutant je ne pus me défendre d'un petit mouvement d'envie. Il est indépendant, il fait ce qu'il veut, il a de la fortune; en faut-il davantage pour être heureux? Aussi sent-il si bien toute la douceur de son existence qu'il m'a juré ne vouloir de rien dans ce moment. Ce soir, pour faire notre cour à la comtesse, l'Impératrice a établi une grande partie de дуракъ, et lorsqu'il fit bien sombre, nous vîmes une très-belle illumination. Vous voyez que *Mutterchen* a fait des frais immenses; aussi lui avons nous su un gré infini de toute sa sollicitude. J'aurais bien désiré que vous eussiez pu voir comme elle allait et venait pour faire les honneurs; on est si habitué à la voir toujours impassible que cette activité avait quelque chose de plaisant. Tout le monde est retiré, et je vais me coucher aussi; car il faut partir demain à quatre heures. Nous aurons une forte journée.

*

Radzivilischky, le 3 septembre.

Nous sommes dans une petite ville qui fait partie des domaines du prince Zoubow. L'Impératrice ne s'en doute pas, car il est à parier que si elle le savait nous n'y serions pas. Elle n'a jamais voulu sortir de voiture à *Chawli* pour ne pas toucher de son pied le territoire d'un homme contre qui elle conserve encore du ressentiment. Quelques minutes avant d'arriver à Chawli, elle nous défendit d'accepter quoi que ce soit qui pourrait nous être offert en cet endroit. En attendant, la maison qu'elle occupe en ce moment appartient à ce même homme; nous le savons tous, et nous nous sommes données le mot pour n'en rien dire. Le général Korsakow voyage à notre suite depuis que nous sommes entrées dans son gouvernement; j'y trouve les routes

et les chevaux bien meilleurs qu'en Courlande. Nous sommes partis de Mésotten juste à quatre heures, comme il avait été convenu. Nous avons rétrogradé à Mittau pour aller de là à Grunhoff. C'est un château assez vaste, et quoique nullement magnifique, la duchesse serait trop heureuse de l'habiter au lieu de rester à Witebsk qu'elle a en horreur; mais son cher epoux n'est pas de cet avis. Il compte s'arrêter ici un mois de temps pour retourner ensuite à sa garnison. En voyant la manière d'exister le duc de Wurtemberg, je conçois combien sa femme désire de vivre à Pétersbourg. On ne peut imaginer rien de plus ridicule que le train de sa maison, des estafiers l'épée au côté, un nègre sale et déguenillé, un dîner à jeter aux chiens! Avec cela une espèce de prétention au faste d'un prince de Wurtemberg. Assurément rien ne peut être aussi extravagant, ou pour mieux dire décousu. Le coeur m'a tourné en voyant ce détestable dîner: pas même bouillon mangeable. La duchesse avait été voir l'Impératrice Élisabeth à Riga et n'était pas encore de retour quand nous arrivâmes; cependant sur la fin du dîner elle vint aussi et se confondit en excuses. Elle était partie, tout comme nous à quatre heures; mais ses chevaux se trouvant mauvais, elle avait eu du retard en route. De Grunhoff on va droit en Lithuanie, de sorte qu'avec les bons chevaux qu'on nous a fournis nous sommes arrivés ici de bien meilleure heure qu'on ne l'avait imaginé. J'ai lu aujourd'hui en voiture la Vie de m-r Bibikow, le grand-père de Ribeaupierre. Si le style en était moins lourd, l'ouvrage en serait plus agréable à lire; mais il faut convenir que le cousin n'a pas la plume brillante. Au reste, c'est toujours une lecture assez intéressante. Dieu sait ce que deviennent nos femmes de chambre; elles ne sont point arrivées, en sorte que je n'ai pas de lit et que je vais, sans me deshabiller, m'arranger à dormir sur des chaises. Je vous salue, monsieur le comte; je vous embrasse, madame la comtesse.

*

Kovno, le 4 septembre.

Voici la frontière, et demain nous entrons dans le royaume de Pologne. Le grand-duc Constantin vient d'envoyer ici son aide-de-camp m-r de Kitzky pour accompagner l'Impératrice, et le vice-roi a également député le sien, qui s'apelle je ne sais comment. Nous avons voyagé aujourd'hui très-agréablement; le tems était beau, et beaucoup de jolis sites à voir. A chaque arbre, qui n'est pas un bouleau, l'Impératrice pousse un cri de joie, et lorsque nous avons aperçu les premiers

peupliers j'ai crains qu'elle ne s'élançât hors de la voiture. *Mutterchen* est d'une humeur peu sereine: on lui a dérobé une pièce d'élan rôti, qu'elle emportait avec elle de Mésotten et dont elle comptait nous régaler autant que se régaler elle-même. Lorsqu'on a été pour dîner, la comtesse demanda son rôti; on courut le chercher de côté et d'autre, Pierre disait l'avoir donné à Paul, et Paul prétendait qu'il l'avait vu chez Jean. On nommait Benoît, on nommait Schmidt, et personne ne savait ce qu'il était devenu. Bref, le rôti se trouva perdu, et Mutterchen en prit véritablement une humeur haineuse, car tout le reste du jour en voiture elle cherchait à s'accrocher à ce qu'on disait pour y trouver à redire. Vous imaginez surtout qui était le principal souffre-douleur. D'ailleurs, rien d'intéressant pour la journée. J'ai fini les Memoires de Bibikow et j'ai lu la gazette qui nous est arrivée hier. Nous avons passé vis-à-vis d'un couvent de Bernardins, où j'aurais bien désiré d'entrer, mais il n'a guères était possible de le demander. Au reste, lorsque je suis venue à en parler, l'Impératrice m'a promis de m'en faire voir un la première fois qu'il s'en preséntera.

*

Souvalki, le 5 septembre.

Rien assurément n'est plus affreux que de voyager avec une pluie à-verse, des chemins boueux et vis-à-vis de quelqu'un envers qui il faut s'observer. J'ai souffert le martyre aujourd'hui à force de vouloir mettre à l'aise mon vis-à-vis, je me tiens tout-à-fait de travers; des heures entières passées dans cette position gênante m'ont rendue toute d'une pièce. Il est près de quatre heures après minuit, et nous ne faisons que d'arriver à la couchée. Le royaume de Pologne ne s'annonce pas d'une manière agréable; on peut à peine imaginer les routes épouvantables que nous avons. On avait eu l'intention d'arranger une chaussée, en conséquence de quoi on a porté beaucoup de terre et de sable là où on voulait l'établir; la pluie, étant venue par là-dessus, cela a composé une telle pâte que les roues du carosse y enfonçaient jusqu'au moyeux; de plus, comme ce pays est coupé de montagnes, il s'en présente continuellement. Nous sommes restées plus d'une heure à grimper l'une d'elles, il a fallu souvent mettre 20 chevaux pour nous tirer de la crotte. A la première poste de Pologne nous avons trouvé le président du palatinat, que nous traversons, et le directeur général des postes. Ces messieurs nous ont accompagné jusqu'ici. La gendarmerie

nous escorte également et, malgré tous ces secours, à peine avançons-nous. L'Impératrice n'a pas plus de courage qu'il n'en faut; à chaque mauvais pas elle s'effraye, et dans la nuit elle avait une peur si grande qu'elle transpirait comme si elle avait été dans le bain. Heureusement qu'enfin nous voici arrivées. Je viens de voir en ce moment le fameux ferrailleur général Paz, qui est venu ici avec sa femme pour offrir ses hommages à l'Impératrice. Comme j'ai de mauvais yeux, je n'ai pu distinguer les traits de madame, mais S. M. la trouve infinement jolie; elle est la soeur de ce Malachowsky que vous aurez vu à Pétersbourg. Ce matin, en quittant Kovno, lorsque je me suis trouvée sur le pont de Niémen, je me suis fait montrer le point par lequel Bonaparte fit déboucher ses troupes; j'ai voulu absolument en emporter le souvenir. Rappelez-vous notre effroi en apprenant cette nouvelle? Et que de réflexions pouvait-on faire sur ce pont fameux! Combien n'en ferait-on pas encore sur les révérences, les politesses et tous les compliments que nous adressent maintenant messieurs les Polonais! *Altri tempi.*

*

Sczucna, le 7 septembre.

Aujourd'hui je peux vous dire que madame Paz est jolie, car elle est venue chez moi (qui l'ai présentée hier); elle m'a dit qu'elle ne nous verrait point à Varsovie, parce qu'elle est encore établie à la campagne. Je fin mot de la chose c'est que tout uniment son mari ne peut venir à la cour; voilà ce que je viens d'apprendre. Le général, que j'aurais jugé devoir être fougueux même à la mine, l'a au contraire extrêmement douce; pendant dix minutes qu'ils ont été dans ma chambre la conversation a été à bâton rompu. Le président et le directeur des postes se sont montrés charmants hier; dans la détresse où nous nous sommes trouvées pour grimper les montagnes, ces messieurs ont fait l'impossible, sortant de leurs calèches malgré la forte pluie, donnant leurs ordres aux postillons, distribuant les flambeaux; enfin, il étaient sans cesse occupés de nous. Je me suis hâtée de leur exprimer toute la reconnaissance de l'Impératrice qui m'en avait chargé, si je venais à les voir avant elle, et de son côté elle les traita à merveille. M-r de Narichkine m'assure que ces messieurs n'en reviennent pas de l'affabilité de S. M., et vous le concevez sans peine. Vous pouvez vous douter de tous les frais qu'elle fait pour les captives; nous avons eu aussi notre leçon là-dessus. La pluie qui a cessé heureusement nous a

rassurée le beau temps; aujourd'hui on a pu voyager très-lestement. Avant d'arriver à la dernière poste qui est Sczucna, d'où je vous écris, il nous est venu à l'encontre une escorte de cosaques et un peu après le grand-duc lui-même. Il est d'une humeur charmante et ne cesse de remercier l'Impératrice d'avoir bien voulu passer par Varsovie; il nous a donné l'aperçu de tout ce qui nous y attendait; vous le saurez jour par jour, car je continuerai à vous écrire chaque soir. Je prévois avec chagrin que je ferai une forte brèche aux rouleaux que je tiens de votre bonté, mais je me console par la bonification du change sur l'argent de table. Je suis très-curieuse de voir à Varsovie la princesse générale Czartoryska, la princesse Radzivil, dame d'honneur, et la princesse Marie de Wurtemberg. Elles y sont en ce moment toutes les trois. Le grand-duc a fait un éloge pompeux du lieutenant qu'on est convenu de recevoir avec une distinction particulière. Nous irons (c'est-à-dire m-lle Samoïlow et moi) en personne faire notre visite à la princesse Zaïonczek, tandis qu'il suffira d'envoyer des cartes à toutes les autres dames. Eu attendant adieu: quoiqu'il soit à peine dix heures, je vais me coucher de suite.

*

Ostrolenka, le 7 septembre.

Le beau temps s'est soutenu aujourd'hui, et notre voyage a très-bien marché. Nous sommes arrivés à la couchée qu'à peine il était 5 heures. L'Impératrice, qui passe la soirée à écrire, nous a donné congé; j'en profite pour vous envoyer ces 20 pages de mon journal. Le grand-duc est toujours très-aimable, très-attentif; il me paraît faire fort bon ménage avec les Polonais, et généralement on assure qu'il s'est beaucoup réformé pour sa fougue. Il m'a fait la confidence qu'on ne le verrait pas de sitôt à Pétersbourg, qu'il est en fort mauvaise odeur. Demain soir nous entrons à Varsovie. Le lendemain nous aurons grande présentation, grand dîner, et peut être un bal chez le lieutenant. Concevez-vous qu'aussitôt arrivée je devrai m'occuper à faire taille de robes! Quel ennui de songer à une chose qui ne nous amuse plus. Adieu jusqu'à demain soir.

*

Varsovie, le 8 septembre.

Après vous avoir expédié hier mon journal, je n'ai plus songé qu'à m'aller coucher, car il était convenu de partir aujourd'hui à 5 heures. En effet, à peine en était il 4, qu'on vint nous apprendre que l'Impératrice était déjà réveillée; toute la caravane fut bientôt rassemblée; je montai une des dernières craignant un peu d'avoir fait attendre, mais je demeurai toute surprise de trouver S. M. engagée dans une conversation des plus animées avec le president Zelinsky. On passait en revue tout le règne de flore. Le président avait dans ses jardins une *Dalia Blanche* avec des raies pourpres, et la description qu'il en faisait était aussi pompeuse que le comporte le narré d'un amateur et d'un connaisseur à la fois. L'Impératrice l'écoutait avec transport; après la *Dalia* on vint à traiter *Dattura*; le président déployait une science désolante. Narichkine commençait à me faire des signes d'impatience, Willamow bâillait; la petite Samoïlow, qui n'avait pas assez dormi, se soutenait à peine sur ses jambes, les gens venaient dire à tous moments *все готово*, la conversation allait toujours. Enfin, je donnais un coup de coude à Mutterchen, qui donna le signal; nous fîmes nos adieux à Zelinsky, et l'Impératrice fut tellement enchantée de ses profondes connaissances en botanique qu'en outre d'une belle bague qu'elle venait de lui donner, elle lui offrit encore d'être la marraine d'un enfant que madame la présidente, au dire de m-r le président, devait mettre au monde un de ces jours. Nous avons dîné à Poultousk, petite ville fort agréablement située sur la Narew; on y voit un couvent de Bénédictins avec un collège qui y tient. A notre passage tous les écoliers entourèrent la voiture en criant des *Vivat* et jettant des poignées de fleurs à la figure de chacune de nous. On descendit à l'évêché, le dîner y avait été commandé. A midi nous repartîmes de nouveau; le chemin était superbe; nous allions comme le vent, si bien qu'à 5 heures nous étions déjà à Zablouna, campagne qui appartenait au prince Joseph Poniatowsky et dont madame *Tichkiewiecz* vient d'hériter. Le château est fort beau, mais les jardins entièrement dégradés. L'Impératrice a eu une grande surprise à Zablouna: elle y trouva son frère Eugène, qui était venu de Silésie tout exprès pour la voir à Varsovie; il y avait trente six ans qu'elle ne l'avait vu; je vous laisse à penser ce qu'ils ont du éprouver l'un et l'autre. Ce frère-là ne ressemble pas au duc Alexandre; il est beaucoup plus vieux et habillé assez drôlement; l'Impératrice a trouvé qu'il lui rappelait extrêmement feu son père. Je pense que nous irons chez lui à notre passage à

Breslau; du moins a-t-il déjà prié, qu'au lieu de coucher à Wurtemberg, on donne la préférence à sa maison. J'ai oublié de vous dire, qu'avant d'arriver à Poultousk, je me suis fait montrer le champ de bataille où le maréchal Kamensky quitta tout-à-coup l'armée et partit comme un fou sans dire gare à personne. Plusieurs tertres, qu'on voit encore à certaine distance l'un de l'autre, indiquent les endroits où on enterra les morts.—L'entrée à Varsovie par le faubourg de Prague ne se présente pas bien; autrefois tout y était bâti et occupé, à présent c'est à peu près une rase campagne. On doit cette équipée à Bonaparte qui fit brûler tout ce côté. Ce n'est qu'en approchant de Varsovie qu'on retrouve quelques maisons. Le grand-duc Constantin est député de cette commune. Nous entrâmes dans la ville qu'il faisait encore grand jour. Une foule nous escorta jusqu'au palais. Monseigneur était à cheval à la portière, d'ailleurs aucune suite. Au bas de l'escalier nous trouvâmes le lieutenant, quelques autorités, la princesse Radzivil et deux demoiselles de service, l'une princesse Hedroïtz et l'autre comtesse Radalinska. On monta; il y eût un petit cercle d'un quart d'heure, après lequel chacun se retira chez soi. Le grand-duc nous conduisit dans nos appartements. Le mien est charmant, c'est celui qu'avait occupé le grand-duc Michel; j'y suis établie à merveille et je compte bien me reposer cette nuit dans un bon lit, à la fin. Le prince Zaïonczek a une belle prestance, des cheveux blancs, un air très-respectable; il marche à peine sur deux béquilles et soutenu toujours par ses aides-de-camp. Parmi les autorités principales j'ai eu grand plaisir à revoir m-r de Nowossiltzow.

*

Le 9 septembre, à minuit.

La journée d'aujourd'hui n'a pas été peu fatigante, je vous assure. D'abord, à 11 heures et demie, une présentation pour les militaires, trois salles en étaient remplies, ensuite le clergé; puis vint le Sénat et tout l'état civil; pour la clôture les dames. Eh bien, madame la comtesse, ces Polonaises, dont nous entendons parler avec tant d'emphase, ces beautés, ces tournures si élégantes... eh bien tout cela est fort peu de choses! Entre cinquante femmes que j'ai vu rassemblées aujourd'hui je n'ai vu de jolie que la princesse Maximilien Yablonowska, une madame Toulinska et une des d-lles *Groudzinska,* soeur de madame *Goutakowska,* que nous avons vue à Pétersbourg. Quant à leurs toilettes, ce n'est rien, mais ce qui s'appelle rien du tout; leur

mise est de l'année dernière, et je vous prie de croire qu'elles ne connaissent du marabout que le nom! Je n'aí pas remarqué que le teint de ces dames fût aussi beau qu'il passe pour l'être, et je ne prévois pas que je puisse vous apporter quelque recette sur cet article. En vérité, elles sont fort au-dessous de ce que j'imaginais. Une seule femme est cependant remarquable par le talent qu'elle a de se conserver, c'est la p-sse Zaïonczek. On dit qu'elle a soixante cinq ans, à peine lui en donnerait-on quarante; elle a une taille, une tournure, une toilette admirables; le visage n'est point joli sans doute, cependant il y a de beaux yeux et beaucoup de jeu dans la physionomie. Pour vous en donner une idée un peu juste, je vous dirai qu'elle est dans le genre de la duchesse de Courlande, et cela pour tout à l'extérieur. D'ailleurs je l'ai trouvée très-aimable et j'ai eu beaucoup de plaisir à causer avec elle. C'est une grande admiratrice de m-e de Staël, et n'en déplaise au comte, elle trouve que la phrase: «C'est une fleur, tombée du ciel», est l'idée la plus heureuse qu'on ait pu imaginer pour parler dignement du roi de Pologne. C'est bien vous dire qu'elle parle de l'Empereur avec un grand enthousiasme. La vieille p-sse Czartoryska est ce qu'on appelle *Кіевская вѣдьма.* On ne peut rien voir de plus laid. Le grand-duc prétend que c'est feu **Николай Ивановичъ Салтыковъ** habillé en femme; je ne le trouve pas, mais elle est au moins tout aussi jaune et aussi maigre qu'il l'était. Elle était habillée avec une robe grise et coiffée d'un chapeau de même couleur, le tout arrangé d'une manière ridicule; elle portait aussi un petit mantelet en blonde ou dentelle noire, comme on en voit sur la scène à la comtesse Pimbiche dans *les Plaideurs;* enfin il y avait du burlesque dans toute sa toilette. Elle fit beaucoup de phrases à l'Impératrice, qui, peu après, m'en fit un grand éloge; je crois moi qu'elle l'aura tout uniment flagornée. Madame Stanislas Pototska, femme du président du Sénat, me paraît être un bel esprit; elle tranche dans le grand et s'écoute parler; ce fut ma voisine à dîner. Je ne vous dis rien de la p-sse Radzivil, que vous connaissez du reste; on la dit fort changée, vieillie et ayant perdu beaucoup de sa gaîté. On l'attribue au dérangement complet de sa fortune: cette belle *Arcadie* est à la veille d'être confisquée, parce qu'elle est criblée de dettes et qu'elle ne sait plus comment s'en tirer. Je vous parle de ces quatre dames particulièrement, parce que ce sont les seules qu'on a gardées à dîner. Les présentations furent faites par la princesse Radzivil. Au sortir de table il y eut un bout de cercle, comme cela se pratique à Pétersbourg, après quoi je montai bien vite chez moi pour changer de toilette et accompagner l'Impératrice à la promenade.

Le grand-duc nous fit voir la ville qui est susceptible de devenir un jour très-belle; le chemin, qui conduit à Lazenki, est charmant, on traverse une allée de tilleuls qui est la plus magnifique chose qu'on puisse voir. Ce qui surtout me fit plaisir c'est le mouvement qui règne dans les rues et sur les places publiques; ce spectacle devient tout nouveau lorsqu'on arrive de Pétersbourg, qui ne peut que paraître désert aux yeux d'un étranger. Varsovie est aussi très-bien éclairée. Le grand-duc eut soin de me faire remarquer qu'on n'y voyait ni guérite, ni officier de police nulle part, que le *будошникъ* y était entièrement inconnu et que la tranquillité, malgré cela, était partout. Il faisait sombre quand nous rentrâmes à la maison; je m'en allai faire des visites avec la comtesse Samoïlow chez les quatre dames dont je viens de vous parler plus haut. La soirée se termina chez madame de Bronitz, femme du g-d maréchal; il y eut assez de monde, on prit du thé, des glaces, et on se quitta sur les 11 heures. Je causai de nouveau avec la p-sse Zaïonczek et la вѣдьма Czartoryska, qui attend aujourd'hui sa fille de Wurtemberg et, autant qu'il me paraît, leur projet est de prier l'Impératrice de faire recevoir au service de Russie ou de Pologne le jeune *prince Adam* dont on ne sait que faire à Stuttgardt, et que monseigneur Constantin n'a nulle envie d'avoir. Remerciez bien m-e Ojarowska pour m'avoir recommandée à m-e Goutakowska, qui me comble de politesses, auxquelles je suis, en vérité, très-sensible.

*

Le 10 septembre.

Je reviens d'un bal magnifique que nous a donné le prince lieutenant à Lavinsky; un local charmant, des illuminations au jardin et dans l'avenue, belle société, beau souper, bonne musique, en un mot tout était à merveille. A travers tout ceci, moi tellement fatiguée, tellement ennuyée, que, s'il avait dépendu de ma volonté, je me serais désirée dans votre petit salon, au lieu de me trouver dans cette cohue; je suis bien persuadée que j'eusse été plus satisfaite de ma soirée. Aujourd'hui je fais réparation aux toilettes, car il y en a eu de charmantes. J'ai vu aussi beaucoup de jolies personnes. La p-sse Yablonowska n'en était pas, parce qu'elle est en deuil; mais m-e Toulinska et les deux Groudzinska étaient très-bien; une de ces dernières danse dans la perfection. Pour faire plaisir à l'Impératrice, on arrangea des françaises qui réussissent à merveille; la mazurka fut exécutée tout comme chez nous, c'est-à-dire que Catiche Soltikow, la petite Lapouchine et

Sophie Troubetskoy ne le céderaient en rien aux dames d'ici. Je me suis récriée de nouveau ce soir en voyant la p-sse Zaïonczek: elle est vraiment surprenante par sa tournure et la jeunesse de sa physionomie; on prétend qu'elle se baigne tous les jours dans de l'eau à la glace. Ce serait un peu le régime de m-lle Kotchetow à qui pourtant cela ne prospére pas autrement.—Ce matin nous avons visité deux belles églises, l'une celle des Capucins, et l'autre celle de la Sainte Croix. Après cela le grand-duc nous a mené voir l'arsenal qui est moins grand que le nôtre, mais arrangé d'une manière étonnante pour l'ordre et l'élégance; les colonnes y sont toutes en lames de sabres avec des chapitaux d'autres armes artistement arrangés; les murailles sont également plaquées de fusils, et les plafonds de même arrangés en dessins; enfin, c'est un bijou que cet arsenal, qui est sous l'inspection d'un certain colonel Ledoukhowsky, jeune homme sans jambe, dont monseigneur paraît faire grand cas. Au sortir de l'arsenal, nous fûmes à l'hôpital militaire, tenu aussi dans la perfection; il peut contenir huit à neuf cent malades; tous les officiers de santé paraissent des gens très comme il faut; la nourriture y est bien meilleure qu'à Pétersbourg: le malade a un potage, un morceau de viande et un autre met; de plus, il a du vin, et qui n'est point mauvais du tout, la maison est partagée en deux parties, dont l'une pour les Russes et l'autre pour les Polonais, avec une chapelle à part pour le culte grec et pour le catholique. Cet hôpital est entièrement la création du grand-duc, qui s'en occupe beaucoup et, il faut convenir, que généralement le bien qu'il fait à ce pays est vraiment très-palpable. En retournant à la maison, nous avons passé devant l'hôtel d'Angleterre; c'est l'auberge où Napoléon descendit à son retour de la Bérézina, et c'est là qu'il dit ce mot que le Pradt nous a transmis: *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.* En face de cet hôtel était aussi la demeure de m-r de Pradt. Nous avons dîné chez monseigneur, qui occupe une très-belle maison, dont il nous fit voir chaque pièce en détail; il me semblait avoir présidé à l'arrangement de son cabinet: tant chaque chose y est placée dans l'ordre que j'aime. Le dîner ne fut composé que de la suite de l'Impératrice et des aide-de-camp de sa maison.

*

Le 11 septembre.

Je me suis sentie toute malade pendant la journée entière; une amertume dans la bouche, un ennui intérieur, les nerfs en contraction; en un mot, je n'étais point bien du tout, et cependant j'ai dû aller à la revue qui a commencé à dix heures et fini à deux. Tout ce que nous avons entendu dire sur les troupes polonaises, n'est certes pas exagéré: on ne peut rien voir de plus beau, de plus élégant et en même temps de plus régulier. Quarante mille hommes agissent à la fois avec une exactitude, une ponctualité merveilleuses; personne ne court, ne s'agite, ne paraît inquiet. Le grand-duc reste à sa place, les généraux de même; aucun cri; les régiments se succédent l'un à l'autre avec un calme et un air aisé, qui prouvent que chacun sait si bien ce qu'il a à faire, qu'il n'y a nul besoin de le lui commander. Tous ces gens sont habillés en perfection, point serrés comme chez nous; leurs mouvements semblent être entièrement libres et le sont en effet. Il n'existe pas la moindre différence entre la garde et les régiments de ligne, partout c'est la même perfection.

Aujourd'hui nous avons dîné à peu près en famille, le prince et la p-sse Zaïonczek y compris. Le soir nous avons été au spectacle qui m'a passablement ennuyé; on donnait un opéra avec une musique inconnue; d'ailleurs une chaleur horrible dans la loge; je sentais mes yeux se fermer; je pris le parti de m'endormir, et pour cela je me cachai derrière le fauteuil de la p-sse Radzivil. Après le spectacle, pour faire plaisir à m-lle Samoïlow, j'ai été passer la soirée chez Galitzine, le fils de la p-sse Boris; j'y trouvai la jolie p-sse Yablonowska qui, aux lumières, est ravissante: c'est exactement une tête de Greuse. J'ai fait grande connaissance avec la vieille p-sse Radzivil. Elle est tout-à-fait bonne et aimable; on l'invite à dîner presque chaque jour, je suis sa voisine à table, et de cette manière je crois pouvoir dire que je suis déjà au fait de toutes ses affaires. Elle est dans de mauvais draps, la pauvre femme, criblée, abîmée de dettes, de plus des responsabilités sur la tutelle du défunt Dominique. Elle redoute la conclusion du procès qu'elle a avec les Czernichew; elle m'en a parlé. Vous sentez que je n'ai rien avancé; mais il est certain que l'Empereur aura de la peine à se tirer de là, car il s'est engagé également avec les deux partis. Dieu sait comment il finira. Bonne nuit, je dois me coucher; je suis réellement très-souffrante.

Le 12 scptémbre.

Ce matin nous avons été voir des établissements qui m'ont charmé. Ce sont deux couvents, dont l'un de soeurs grises qu'on appelle les Soeurs de *l'Enfant Jésus;* l'autre est le couvent de *S-t Casimir*, où l'on éléve des jeunes personnes de toutes les classes; en outre, on y forme la pépinière des soeurs, qui sont envoyées dans toute la Pologne; celles de *l'Enfant Jésus* se tirent aussi de là. Les deux maisons ont des fonds pitoyables, cependant ces bonnes filles font des merveilles: elles soignent une soixantaine de malades, puis elles reçoivent tous les enfants qu'on leur porte, après cela il y en a qui gardent les imbéciles. Enfin, j'ai été touchée de leur zèle, de leur charité et surtout de l'air calme et serein qu'elles ont toutes. Ah, si nous avions en Russie des fondations de ce genre, je vous répond qu'on ne me reverrait plus dans les salons de Pétersbourg! Combien il est doux de servir Dieu en utilisant ainsi son existence! La mère provinciale de S-t Casimir ne parle pas le français; mais une autre religieuse qui le baragouine un peu m'a fait entendre qu'elles aimeraient bien que l'Impératrice les prît sous sa protection et qu'elles eussent des relations avec Pétersbourg. Ne voulant me mêler de rien, je lui conseillai d'en parler elle-même à Sa Majesté.—Nous avons eu un dîner énorme, au moins de quatre-vingts couverts: tous les généraux qui avaient été à la revue et d'autres personnes encore. Ce soir il y a bal à l'hôtel de ville; j'ai obtenu la permission de n'y point aller et j'ai passé tranquillement la soirée seule; un paquet de gazettes m'a tenu compagnie. *Nos succès* à Varsovie sont complets. Militaires, civiles, les dames, tous chantent les louanges de l'Impératrice, qui se met d'ailleurs en cent pour plaîre à chacun....

*

Le 13 septembre.

Aujourd'hui nous avons commencé par aller chez les Visitandines. Un évêque nous reçut à la porte avec l'eau bénite et nous introduisit chez les dames, qui ne peuvent jamais sortir de leur couvent. On nous montra tout ce qu'il y avait à voir, partout je trouvai une pauvreté touchante. Dieu sait si les dames polonaises sont charitables; mais je serai tentée de croire qu'on ne donne rien à ces filles que nous vîmes

hier et qui, comme je vous le disais, font des choses incroyables. Celles de la Visitation, peu fortunées elles-mêmes, donnent encore asile à quelques autres qui avaient été dans un couvent de S-te Brigitte, qu'on vient de détruire sous le prétexte que les religieuses étaient en trop petit nombre, mais surtout parce que le gouvernement avait besoin de la maison pour en faire, je crois, un hôpital militaire. Les soeurs de S-te Brigitte m'ont frappé par leur coiffure: au dessus de la guimpe ordinaire elles portent une couronne en toile blanche avec cinq croix en drap rouge, qui doivent représenter les cinq plaies de J. Christ. Je me suis fait montrer le portrait de la mère Chantal, fondatrice de l'ordre; il est en face de celui de S-t François de Sales, son directeur.

En sortant des Visitandines nous avons été à *Villanow*, superbe campagne appartenante à m. Stanislas Pototska, femme du président du Sénat. Cette belle possession avait appartenu à Jean Sobiesky, qui en faisait sa demeure d'été. On a conservé tout appartement du roi tel qu'il était, ce qui en fait un monument historique, mais on y a ajouté des galeries et des cabinets de tout genre. Le jardin n'est pas soigné, comme le sont les nôtres; mais de ma vie je n'ai vu des arbres de cette hauteur et de cette circonférence, des allées entières de peupliers d'Italie, et quant aux peupliers de la Vistule, ils sont aussi communs que notre bouleau. Il y a une galerie de tableaux de l'acquisition du propriétaire actuel, qui aime et protége les arts. Madame Pototska, à force de faire des phrases, est d'une affectation désagréable. On nous a donné un déjeuner dînatoire qui, sauf un beurre perfide, eût pu passer pour bon. Après ce repas nous fûmes à une autre campagne voisine de Villanow et appelée *Nataline*; elle appartient à madame Alexandre Pototska, née Tichkewitz et belle-fille de mad. Stanislas; c'est encore un lieu charmant et véritablement la demeure d'une Aspasie. La maîtresse de la maison, qu'on nous disait être à Vienne, arrivait à Varsovie précisément au moment où nous visitions son château; c'est vous dire que son mari, qui nous en faisait les honneurs, n'est pas autrement instruit des faits et gestes de sa chère moitié.—Avant de rentrer en ville, on s'est encore arrêté à la *Garenne*, campagne que vient d'acheter le prince Radzivil, mari de la dame d'honneur. Une position délicieuse, une vue charmante, mais une maison singulièrement dégradée et à laquelle il faut beaucoup travailler.—Pendant toutes ces allées et venues, j'étais malade comme un chien et n'aspirais qu'à venir me coucher; mais je n'ai pu le faire qu'un instant: il fallait passer la soirée chez la p-sse Zaïonczek. On y a fait de la musique, Alexandre Galitzine, mad. Chodkewitz, m-lle Samoïlow; j'ai eu un grand

plaisir à entendre votre neveu, qui chante tout-à-fait comme Brin; il a fort engraissé et enlaidi, je vous le dis par parenthèse. Au reste, il se trouve tout-à-fait établi à Varsovie et m'a dit qu'on ne le reverrait de longtemps à Pétersbourg. Je rentre à l'instant et je vais avaler une médecine.

*

Le 14 septembre.

Cette médecine m'a tourmentée et m'a fait passer une nuit blanche, en sorte que j'ai refusé d'accompagner l'Impératrice à Lazionky, où elle a été de nouveau ce matin à 8 heures. Je suis demeurée chez moi jusqu'au moment de la messe, après laquelle Sa Majesté a été voir encore des établissements. M-lle Samoïlow l'a suivie avec les autres d-lles de service d'ici. Je ne suis sortie que pour dîner chez le grand-duc, où il n'y a eu personne que le prince-lieutenant et le général Krassinsky, qui me semble être une manière de favori. La soirée s'est terminée chez Bronitz, le maréchal de la cour; on a encore fait de la musique; une certaine mad. Chimanowska a joué du piano d'une manière admirable; un jeune homme de la société, appelé Skibitzky, a chanté, Sophie Samoïlow aussi. Le gr.-duc a établi ses galanteries chez les Bronitz; il y va presque tous les jours; je vous en parlerai en détail quand nous serons ensemble. En attendant, vous saurez que c'est, en grande partie, ce qui a fait partir la dame *Fredericks*.—Je ne puis assez m'étonner des forces de l'Impératrice: elle est vraiment infatigable; les courses, les représentations continuelles, la toilette, rien ne la dérange, c'est tout comme si elle avait l'âge de Sophie....

*

Le 15 septembre.

La clôture de notre séjour à Varsovie a été un bal magnifique chez m-r de Nowossiltzow; il a surpassé toutes les fêtes qui nous ont été données. Sa maison est charmante, la salle de danse, décorée de fleurs, faisait le plus bel effet, un souper cossu, servi sur une vaisselle en vermeil, grande livrée, enfin le genre de nos beaux bals de

Pétersbourg chez Strogonow etc. Tandis qu'on tourbillonnait dans les valses, je tombais de sommeil: la fatigue de la journée m'accablait. Nous avions eu messe le matin, grande cour pour les dames et puis un dîner immense; dans l'après-midi il m'est venu quelques personnes. Vous pouvez juger comme cette vie-là me convient. Je serais en vérité bien aise de me retrouver dans la voiture et de rouler une couple de jours. De deux maux l'un, j'aime encore mieux le voyage qu'un séjour de représentations et de gala continuel! Nous avons donné ici des cadeaux magnifiques pour une valeur considérable. Le prince-lieutenant a eu pour sa part une belle boite avec le portrait. Demain nous partons à 9 heures du matin. Nous dînons à Nieborow chez le prince Radzivil pour aller de là à l'Arcadie. Cette bonne p-sse Radzivil s'y est transportée aujourd'hui pour nous en faire les honneurs.

*

Loviez, le 16 septembre.

M-r Zalousky, aide-de-camp de l'Empereur, a dit que l'Arcadie était *le rêve d'une femme d'esprit*. J'en arrive et je trouve que c'est une phrase très-juste. Il est impossible en effet de voir quelque chose qui ressemble davantage à un rêve. L'Arcadie est une fiction complète. La nature n'y a rien fait du tout; l'art a su rendre joli et intéressant un lieu aride par lui-même, et qui n'offrait, pour ainsi dire, aucune ressource. La p-sse Radzivil y a planté des forêts entières; le jardin n'est pas étendu, mais il est tellement ménagé qu'en tournant et retournant sur un très-petit espace on croit avoir fait Dieu sait quel chemin. Les fabriques de tout genre vous arrêtent presque à chaque pas; il faudrait une autre plume que la mienne pour chanter les beautés bizarres de l'Arcadie; il faudrait en parler poétiquement, parce que c'est le seul genre qui convient à la description qu'on voudrait en faire. Dire simplement qu'on est descendu à la ferme de Philémon et Baucis pour se trouver tout-à coup dans le palais de cristal que les dieux substituèrent à la chaumière des vieux époux pour les récompenser de leur hospitalité, ne parle pas à l'imagination; toutefois, comment passer sous silence cette ferme charmante dont le pavé est une belle mosaïque de pierres de Florence et tous les ornements des murailles en cristaux? Les franges même, attachées aux rideaux de mousseline, sont en cristal; la fontaine de jouvence se trouve dans la pièce principale, et il y a plusieurs autres objets très-intéressants sous le rapport de l'antiquité. En sortant de la chaumière, nous avons passé dans

un temple d'Esculape. L'Impératrice y a reconnu plusieurs marbres que *Brenna* l'architecte avait, dit-elle, enlevé de Gatchina pour les vendre à son profit. Le cirque, le théâtre, un autre temple dédié à l'Amour mériteraient également qu'on en parlât dignement. Ce qui m'a paru magnifique c'est la chapelle. Au dehors elle représente un beau sarcophage; le génie de la Mort avec le flambeau de la Vie renversé se tient à la porte; cette porte ouverte découvre un escalier non pour descendre, mais pour monter quelques marches; lorsque vous êtes à la dernière, vous vous trouvez en face de l'autel; la chapelle est éclairée d'entrant très-faiblement; au milieu se voit un sarcophage élevé en mémoire des trois filles de la princesse; en outre, chacune d'elles a un monument particulier. Pour celle qu'on appelait Rose on voit une belle jatte en marbre avec un rosier planté dedans, et autour ces vers de Malherbes: „*Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses, l'espace d'un matin.*" Pour Angélique, femme de Constantin Czartorisky, on voit un lys sortant d'un vase et autour: „*Elle s'est élevée, elle s'est exhalée comme une vapeur odorante*", ou quelque chose de semblable. Pour Christine il y a une lampe avec je ne sais quelle inscription que j'ai ne pu retenir. Les murs de la chapelle sont ornés de Seidelmann, et quand on se met à genoux sur le prie-Dieu, on a devant soi les deux anges de Raphaël. Je vous avoue que j'ai trouvé cet endroit délicieux. Toutes ces courses nous ont pris du tems, et il était sept heures quand nous revînmes à la ferme de Baucis, où l'on avait servi le thé. Après nous y être reposées une demie-heure nous sommes parties, et nous voici à *Lovicz* pour coucher. J'oubliais de vous dire que le dîner a été à Nieborow et que de plus il a été excellent. Le grand-duc, m-r Nowossiltzow, le maréchal de la cour Bronitz, le président de Mazovie Rembelinky, le directeur des postes, deux aides-de-camp de monseigneur et celui du prince-lieutenant nous accompagnent jusqu'à Kalisch, où nous coucherons demain.

*

Kalisch, le 17 VII-bre.

Mon premier envoi est parti de la frontière russe, le second va partir de celle de la Pologne. Nous sommes à Kalisch depuis une demie-heure. Ce matin on a été sur pied à 4 heures et en voiture avant cinq. M-rs Nowossiltzow et Bronitz nous ont fait leurs adieux, le reste de la caravane a marché à notre suite. On a dîné à deux milles de Lovicz dans un petit bourg, appelé *Kols.* Toute la journée il a fait une bise qui

rendait le temps désagréable; je suis restée dans la voiture avec un roman assez bête à la main, mais fort heureuse cependant de ne point parler. Nous avons trouvé ici le prince Antoine Radzivil, qui avait eu l'intention d'aller jusqu'à l'Arcadie, mais qui en a été empêché par je ne sais plus quoi. J'ai eu de la peine à quitter hier cette bonne princesse que probablement je ne reverrai plus jusqu'à la vallée de Jozaphat; elle m'a tout-à-fait gagné le coeur, et je l'aime bien mieux que la вѣдьма Czartoryska, qui me paraît fausse comme un jeton, qui est flagorneuse et faiseuse de phrases. Sa fille de Wurtemberg n'est point venue, quoiqu'on l'attendit; elle n'a pas pu quitter son père et s'est bornée à écrire une lettre à l'Impératrice.- Demain nous entrons en Prusse et nous dînerons, je crois, chez le prince Eugène, ce frère que nous avons vu à Varsovie. Le prince royal de Prusse et le prince Guillaume son frère nous attendent à Breslau; enfin, nous voyageons dans toute la gloire de Nicée, et moi en particulier ennuyée comme faire se peut. Pour me consoler, je vais grogner avec la vieille comtesse. Bonsoir, je vous embrasse de tout mon coeur; mes tendres compliments à Ribeaupierre, à sa femme, à Wladimir Galitzine; dîtes milles choses à la comtesse Ojarowska et recevez pour votre part les amitiés de m-me Lieven. Sophie vous présente ses hommages.

*

Carlsroué, en Silésie, le 18 VI-bre.

Je commence mon troisième cahier et, si vous avez quelque plaisir à lire ce journal, je suis amplement récompensée de l'effort que je fais quelquefois pour l'écrire. Aujourd'hui, par exemple, est une journée vraiment terrible! Il est deux heures du matin, et nous sortons d'un souper qui a commencé à munuit juste; j'ai cru un moment que nous y passerions la nuit entière. Si toutes les cours d'Allemagne ressemblent à celle du prince Eugène de Wurtemberg, on ne peut se faire une idée de ce qui en est! Cela est tellement ridicule qu'il faut le voir pour le croire: des pages qui ont cent ans, des estafiers à moustaches grises, un chambellan qui présente le mouchoir de poche sur une petite assiette d'argent guillochée. Les dames! Ah, les dames! Elles sont modelées sur toutes les poupées qu'on vendait autrefois chez les Nurembergeois; elles savent bien qu'on porte des plumes, elles en ont; mais la manière de les poser leur est absolument inconnue: les unes les mettent en balai, les autres les jettent toutes en arrière; quelques-unes les avancent sur le front; tant y a que sur 7 ou 8 femmes qui

ont été présentées ce soir, pas une n'était coiffée passablement. J'en excepte la princesse Biron qui est très-jolie et qui était simplement en cheveux.

La duchesse de Wurtemberg a dû être fort belle dans sa jeunesse, car elle a encore de beaux restes; d'ailleurs elle a l'air d'avoir de l'esprit, la manière dont elle s'exprime peut du moins le faire supposer. L'Impératrice a fait sa connaissance aujourd'hui, jusqu'ici elle ne l'avait jamais vue. Nous avons trouvé le jeune prince Eugène ici et un autre frère à lui, qui est au service de Prusse. Le prince royal et le prince Guillaume ont eu la politesse de venir jusqu'ici au devant de l'Impératrice; ils vont nous précéder à Breslau, où nous arriverons demain. Le grand-duc Constantin nous a quitté ce matin à la frontière de Silésie. Les adieux ont été attendrissants au point que les assistants se mirent à fondre en larmes. Les Polonais sont demeurés enchantés de l'Impératrice, qui à son tour est enchantée de toute la Pologne; si elle avait pu s'arrêter quelques jours de plus à Varsovie, je vous réponds qu'elle l'aurait fait.... Le prince Antoine Radzivil nous a donné à dîner à Schildberg. Si je ne me trouvais toujours un peu malade, j'aurais fait honneur au repas qui m'a paru excellent. En revanche, le souper de ce soir m'a tourné le coeur: tant il était copieux et historié. Il faut voir comme les Allemands mangent! Cela fait trembler; si un vieux voisin que j'avais à table n'est pas mort cette nuit, il est éternel. Mais laissons le faire comme il l'entend: il faut aller se coucher.

*

Breslau, le 19 VII-bre.

Hier un souper tuant, aujourd'hui un bal; convenez, madame la comtesse, que ce voyage est une campagne à la lettre. Courir à perte d'haleine, et au moment qu'on arrive en place, au lieu de se reposer, songer à une toilette et se présenter dans un cercle ou à un bal! Je vous assure qu'il n'est au monde *qu'une seule santé* qui puisse y suffire. Quant à la mienne, elle menace ruine. Voici quatre ou cinq jours que je souffre et que je sens la bile qui m'etouffe. Nous avons quitté Carlsroué ce matin à dix heures; avant de nous mettre en route, le duc a voulu montrer ses domaines à l'Impératrice, et nous avons fait le tour de son parc, de son jardin anglais et de ses vignes. La végétation de la Silésie est belle sans doute; mais je trouve partout le même défaut:

on ne soigne pas, comme chez nous, les chemins et les gazons, tout est livré à soi-même. En rentrant de la promenade, nous sommes parties de suite pour Breslau; mais au lieu d'être quatre heures en route, comme on nous l'avait annoncé, nous en avons été sept; si bien que ce n'est qu'à cinq heures que nous sommes entrées dans la ville. Avant de descendre au palais, il a fallu s'arrêter plusieurs fois, tantôt pour passer sous des arcs de triomphe, tantôt pour écouter une harangue, ou bien pour jeter les yeux sur un groupe de jeunes filles habillées en bergères. Pour les fleurs qui nous furent jetées à la figure, je n'en parle plus, car la voiture en était pleine au point que nous étions obligées à notre tour de les renvoyer dehors par poignées. Enfin, rendues au château, j'ai béni le Ciel! Les princes de Prusse, la princesse Louise et le prince Antoine Radzivil nous reçurent au bas de l'escalier. Dans la première salle nous trouvâmes beaucoup de dames et dans une pièce voisine tout plein de messieurs, clergé, militaires, autorités civiles etc. etc. etc. La princesse Louise nomma les femmes, le prince royal présenta les hommes. Il y eut ensuite un dîner énorme qui finit à six heures et demie, et à 8 nous fûmes au bal qui s'est donné dans la maison de la régence. Le local est vaste; la salle de danse joliement décorée; la musique assez bonne; mais le souper qui a suivi n'a été guères moins long que celui de Carlsroué, et par conséquent pas mal ennuyeux. J'ai fait la connaissance d'une personne charmante, c'est la princesse Michel Radzivil; elle est jolie, remplie d'esprit et d'une humeur tout à fait aimable; ensuite celle des dames de la princesse Louise qui sont fort bien aussi (une certaine *madame Sartoris* et *m-elle Néale*). Tout ce monde de la maison Radzivil nous a accueilli comme d'anciennes connaissances; soit sur les rapports du prince Antoine ou d'autres, mais nous nous sommes entendus à merveille. La princesse Louise elle-même est parfaitement agréable, elle rappelle beaucoup m-me Swetschine, seulement j'ai tout lieu de croire que son mari en a peur; lui, si sémillant l'année dernière, m'a semblé en l'air de ne plus oser s'évertuer. Sa fille la princesse Élisa n'est point mal; elle est l'adoration de ses parents; on dit que le prince Guillaume en est amoureux, ce qui serait assez convenable.—L'empereur d'Autriche vient d'envoyer ici un de ses chambellans, le prince Lobkovitz, avec le projet de changer quelque chose à notre itinéraire; il s'agit de prendre en Bohême une autre route que celle qui avait été désignée, et c'est de quoi on va traiter demain.

*

Le 20 septembre.

Quelques heures de sommeil m'ont restaurée, quoique je sens encore la bile qui me travaille. Je suis toute habillée pour sortir avec l'Impératrice et j'attends ses ordres. Notre voyage est un rêve; si je ne vous écrivais pas, je suis sûre que j'oublierais tout ce que j'ai vu et jusqu'aux villes par lesquelles nous avons passé. Nous partons à ce soir.—Toute la matinée s'est passée en courses, et voici en détail ce que j'ai vu. *1-re visite* chez les religieuses de S-te Élisabeth, où l'on trouve un hôpital pour 32 malades; il y a 27 religieuses et un fond de *40 mille* écus; le reste de leurs dépenses est tiré de la charité du public. Les nonnes ne font des voeux que pour deux ans, au bout desquels elles peuvent se renouveller ou sortir. *2-e visite* à l'église luthérienne de S-te Élisabeth; on y voit le portrait de Luther peint par son ami *Lucas Cranach;* le tableau du maître-autel passe pour le chef d'oeuvre du peintre silésien *Willmann,* qui vivait dans le 17-ème siècle; on y remarque encore une belle orgue, et l'organiste Berner, qui en jouait au moment où nous sommes entrées à l'eglise, est regardé comme un grand artiste. *3-me visite* à l'Université; une grande salle très-bigarrée dans laquelle on s'assemble pour les promotions aux degrés; une belle église; ce fut autrefois un établissement de Jésuites. On m'a dit qu'on y fait à présent le service alternativement selon les rits catholique et luthérien. *4-me visite* au dôme ou église cathédrale fondée au 12-me siècle par Casimir I-er, roi de Pologne, augmentée ensuite par un évêque de Silésie nommé Walther; il y a un chapitre. On y voit aussi une très-belle chapelle bâtie par un archevêque de Mayence, prince palatin de Neubourg, frère de l'impératrice Élisabeth, mère de Marie Thérèse. Ce prince-prélat, ayant réuni beaucoup d'évêchés au grand mécontentement d'autres princes de l'église, fit plusieurs fondations pieuses. Cette chapelle se trouve sous la protection immédiate de la maison de Bavière, et c'est ce qui l'a sauvé de la réforme. De l'autre côté de l'église une autre chapelle dédiée à S-te Élisabeth, fondatrice de l'ordre qui porte son nom; la sainte y est représentée debout dans une statue de beau marbre de Carrare; à ses côtés sont les deux fils de cette princesse sous la figure de deux anges. On montre sa canne et une mitre faites de ses mains avec une broderie en paille qui imite l'or. En face de l'autel se trouve un monument élevé par un prince Christian de Holstein, général de l'Empire et tué dans une bataille contre les Turcs. Une troisième chapelle qu'on appelle le petit choeur renferme des tableaux dont on parle avec admiration; on y voit aussi

le tableau d'un évêque appelé Przecislaw. *5-me visite* à l'église de la Croix, fondée par *Henri le Pieux*, duc de Silésie, dont on voit le tombeau en ouvrage de poterie; il y avait un chapitre à cette église qui fut réformé en 1810. *6-me visite* à l'église de Sable (Sand-Kirche), ainsi nommée parce qu'elle est bâtie sur une isle sabloneuse; c'est proprement l'église de Notre-Dame, et elle appartenait jadis aux Augustins dont le couvent attenant à l'église sert maintenant de bibliothèque. On y montre un.... manuscrit de S-te Hedvig, patronne de la Silésie, écrite par un nommé *Pierre, Freitag de Brieg*, pour un S-t Antoine Hornig en 1451. Puis une édition de la traduction russe de la bible, connue sous le nom de *bible d'Ostrog;* mais cette édition n'est pas des plus anciennes. *7-me visite* à l'église de *S-t Vincent*, où se trouve le tombeau d'Henri II, duc de Silésie et les meilleurs tableaux de Willmann. *8-me visite* à l'église luthérienne de Marie Madelaine; et pour clôture aux religieuses Ursulines qui se vouent à l'éducation de la jeunesse. Plus de 400 enfants viennent y apprendre sans aucune paye; 25 pensionnaires s'y trouvent à demeure; le nombre des soeurs est également de 25; elles renouvellent leurs voeux chaques deux ans, comme les religieuses de S-te Élisabeth; mais il n'y a pas d'exemple qu'il en soit jamais sortie une. Ces bonnes filles sont fort singulières à les voir composer tout un orchestre; elles jouent du violon, de la flûte et même de la basse; le concert qu'elles nous ont donné m'a fort divertie. Toutes ces courses terminées nous sommes rentrées pour nous habiller, car il y a eu grand dîner; mais très-heureusement liberté pour toute la soirée: je vais en profiter pour prendre, hélas! un émétique, car je crains de faire une maladie billeuse. Savez vous, monsieur le comte, qu'en admirant ce matin la magnifique architecture de tous ces édifices religieux, j'ai vu avec peine que nous avons furieusement dégénéré sous le rapport des grandes idées. Il y a une telle hardiesse dans les plans des artistes d'autrefois, que tout ce que nous voyons faire de nos jours est d'une mesquinerie extrême. Comme je n'avais rien vu de ma vie, je vous avoue que les bras me tombent en admirant tant de belles choses; et que serait-ce, si j'allais en Italie! Comme je ne verrai plus l'église de Cazan des mêmes yeux! Adieu, monsieur.

*

Glatz, le 21 septembre.

J'ai été cruellement tourmentée avec mon émétique; mais enfin me voilà quitte, et je crois me sentir mieux; cependant je suis obligée de renoncer à tous les fruits, et la quantité de bonnes choses qu'on nous sert tous les jours n'aura plus de prix pour moi, car je suis bien décidée à ne rien manger. Mon estomac devient de jour en jour plus mauvais, et la vie désordonnée qu'on fait en voyage ne contribuera pas à le rétablir. Nous avons quitté Breslau ce matin à 9 heures, et je n'ai plus fait autre chose qu'admirer les sites que j'ai vus! C'est un pays délicieux que celui qu'on traverse de Breslau à Glatz. Des montagnes, des vallées, une richesse de végétation, enfin un ensemble enchanteur. On me promet de plus grandes beautés sur le Rhin; mais en attendant je suis déjà très-contente de ce qui se présente. La position de Frankenstein, petite ville, où nous avons dîné, est ravissante. Les princes de Prusse et la famille Radzivil nous accompagnent jusqu'à la frontière que nous passerons demain. Avant d'arriver à Glatz, on a été visiter un certain couvent qu'on appelle *la Wartha*; une image miraculeuse de la S-te Vierge y attire souvent jusqu'à 10 mille pélèrins; il y en avait beaucoup aujourd'hui, tous le bourdon et le rosaire à la main. Lorsqu'on est sur la porte de cette église, on est frappé de la vue d'une montagne qui est en face et sur le sommet de laquelle se trouve un hermitage. C'est un vrai tableau. Nous avons avec nous un cicerone excellant, c'est le prince Biron: il connaît sur le bout de ses doigts l'histoire de la Silésie, et il n'est pas un coin dont il ne cite quelque chose. Il nous a fait sortir de voiture pour admirer la vallée de *Neiss*, dominée par un ancien château, qui forme encore un point de vue merveilleux. De là jusqu'à Glatz, je ne puis rien vous dire, car nous avons marché dans l'obscurité. Nous avons eu un grand souper qui m'a fort ennuyé; mais, Dieu merci, le voilà fini, et nous sommes retirées.

*

Gitchin, en Bohême, le 22 VII-bre.

A six heures du matin déjà en voiture, et la continuation des tableaux d'hier. Cette partie de la Silésie est tellement belle que je conçois qu'on ait pu se battre pour la posséder. Cette chaîne de montagnes et au bas ces vallons délicieux présentent alternativement des Claude-Lorrain et des Ruisdall. Nous avons fait une lieue à pied pour voir tout cela de plus près, et je vous avoue que je ne cessai de me récrier

et de faire des exclamations. Il est agréable d'habiter un beau pays et de voir la belle saison se prolonger. Ce matin, par un beau soleil, nous avions sur les hauteurs l'air que nous avons chez nous au mois de juin. A l'aide de ma lorgnette je voyais le Riesengebürge couvert de neige.

Entre *Lewin* et *Nachod,* qui fait la frontière, nous avons fait nos adieux à la Prusse pour passer en Autriche. Le prince Ferdinand de Wurtemberg est venu au devant de nous avec le c-te *Sternberg*, le général *Klebelsberg* et un comte *Kolowrath.* Il y a eu une tendre rencontre avec le nouveau frère et beaucoup de compliments avec les autres. Le prince Lobkowitz, qui vient avec nous depuis Breslau, me paraît bon garçon tout-à-fait; son inquiétude de nous voir arriver tard à la couchée le rendait presque malade; il est vrai que nous ne sommes arrivées qu'à onze heures. On mène si lentement en Bohême qu'il y a de quoi perdre patience; c'était mieux dans les états prussiens, bien mieux encore en Pologne et en Russie. Demain nous serons à Prague, où nous entrerons solemnellement. L'empereur François a écrit à l'Impératrice qu'il avait donné ses ordres pour qu'elle eût à être servie dans ses états comme elle pourrait l'être dans ceux de l'Empereur son fils. L'archiduc Antoine a été envoyé tout exprès à Prague pour en faire les honneurs. Demain je vous en parlerai.

*

Prague, le 23 septembre.

L'inquiétude du prince Lobkowitz l'a fait parler à Narichkine pour engager l'Impératrice à partir de bonne heure; aussi nous a-t-on fait lever à la pointe du jour. J'avais couché sur un petit canapé très-étroit, parce que nos femmes de chambre avaient tardé; j'avais eu une nuit détestable, et le moment où je sentais venir le sommeil, il a fallu quitter mon misérable lit et songer à la toilette, qui devait être soignée pour arriver dîner à Prague. La contrée que nous avons traversée était moins belle que la Silésie; cependant de tems à autre il y a eu des points de vue pittoresques et deux ou trois ruines d'anciens châteaux. On s'est arrêté à *Benätek*, petite ville qui autrefois avait fait partie des domaines de *Tichobrahé.* Monsieur de Sternberg nous y donna un petit déjeuner à la fourchette, après lequel on est reparti tout de suite. C'est à cinq heures que nous sommes entrées à Prague. Le général Klebelsberg monta à cheval pour être à la portière; beaucoup d'autres généraux, venus au devant de nous, firent également escorte. J'oubliais

de vous dire qu'à *Brandies*, la dernière poste avant Prague, nous trouvâmes le grand bourgrave, qui complimenta l'Impératrice au nom de l'empereur son maître; ce bourgrave est encore un comte Kolowrat, dont la Bohême me semble fourmiller. Tout le garnison était sous les armes, et une affluence de monde prodigieuse remplissait les rues. La voiture allait au pas, au bruit du tambour, au son de la musique de tous les régiments qui se trouvaient rangés et au *vivats* continuels qui partaient de tous côtés. J'ai été frappée de la beauté des hôtels, dont la plupart sont d'une architecture gothique, de celle des églises et d'autres grands édifices; la vue des fontaines au milieu des places a été aussi une chose nouvelle pour moi; enfin, le pont magnifique et cette montée au *Pratchin* (quartier où se trouve le palais impérial), tout cela est véritablement très-beau. L'archiduc Antoine, le duc Albert et plusieurs grands dignitaires vinrent recevoir l'Impératrice dans la première salle; il y eut aussitôt une présentation pour les messieurs, l'archiduc les nommant l'un après l'autre. Cette cérémonie terminée, on nous mena sur un balcon pour voir défiler les troupes, et c'est le général Klebelsberg qui les commandait. Après les nôtres et celles de Varsovie il n'est guère possible de voir celles-ci: elles m'ont paru pitoyables; la coupe de leurs uniformes, la manière de porter les chapeaux, tout est détestable. Chaque soldat est peut-être un héros, mais en masse ils ne répondent guères à cette supposition; à l'exception de Klebelsberg, qui avait l'uniforme de hussard, tous les autres généraux, habillés de blanc, me faisaient l'effet du commandant dans *Adolphe et Clara*; ils avaient exactement la tournure de ce personnage d'opéra. Après que les troupes eurent passé, chacun se retira chez soi, pour se réunir ensuite à huit heures dans la chambre de l'Impératrice. On nous y présenta à l'archiduc, qui à son tour nous présenta la princesse Kinsky que l'empereur a désigné pour faire l'office de grande-maîtresse auprès de l'Impératrice, tant qu'elle resterait ici. C'est une femme de quarante ans environ, qui est encore belle et qui a des formes agréables. La société de ce soir a été composée des cavaliers qui avaient été du voyage, c'est à dire: Sternberg, Klebelsberg, le grand bourgrave et le commandant général de la ville qui est encore un Kolowrat, le même qui fut à Pétersbourg du tems de l'empereur Paul avec S-t Julien. On a causé jusqu'à l'heure du souper. La table a été bien mieux servie qu'à Breslau et dans un bon genre tout-à-fait. Il y a une demi- heure que ce souper est fini, et je me suis dépêchée de rentrer pour vous écrire.

Le 24 septembre (Prague).

La matinée d'aujourd'hui a été très-intéressante. Nous avons fait différentes courses; d'abord on a été visiter le château. L'archiduc, qui ne le connaissait pas autrement, a voulu qu'on le montrât dans le plus grand détail. D'abord la *salle des portraits*, *les deux fenêtres* par lesquelles furent jetés les commissaires du roi du tems de Marie-Thérèse; *la salle où se fait le couronnement, celle des états* qui ressemble beaucoup à la *Грановитая Палата*, le *Dôme*, où l'on montre les tombeaux de plusieurs souverains de la Bohême; celui de *S-t Jean Népomucène*, le *Trésor,* ma mémoire ne peut guère retenir tout ce que j'y ai vu. On fait voir la chapelle de S-t Venceslas, dont les murs sont incrustés de pierres précieuses; le tableau du maître-autel de Vandyk. Une ancienne chapelle de S-t Adalbert près de la porte. En sortant de l'église métropolitaine, nous fûmes à *l'Institut des aveugles* qui ont travaillé à différents ouvrages et fait de la musique. J'ai été étonnée de l'adresse de ces infortunés, qui font des bas, des chaussons, qui filent et font des corbeilles d'osier. Cette maison est régie avec beaucoup d'ordre; j'y ai vu un lit pour les malades d'un mécanisme admirable. Des aveugles nous avons été au *Grand Collège* de la vieille ville. On y voit la bibliothèque de l'Université, composée de 120 mille volumes; *deux manuscripts* avec l'écriture de *Jean Hus;* de beaux manuscripts sur parchemin en langue bohême; un *manuscript slave* en *caractères glagolitiques;* un *manuscript de Pline* qui servit à Mélanchton lorsqu'il donna une édition des oeuvres de cet auteur ancien; *la vie des pères du désert* avec des miniatures et des ornements en dorure sur parchemin; *un livre* de Necromanie; un manuscript chinois du VII-me siècle, à ce qu'on prétend. On fait voir aussi deux tableaux dans le goût bizantin, antérieur à l'invention de la peinture à l'huile et provenant du château de Carlstein; on attribue l'un à *Théodoric de Prague* et l'autre à *Nicolas Wurmsen de Strasbourg.* De la bibliothèque nous fûmes à l'école polytechnique. On a fait voir différentes machines de méchanique et tout ce qui regarde les nouvelles inventions de ce genre. Cela m'a passablement ennuyé et fatigué; le professeur est un bègue et de plus fort pédant; j'ai cru que nous ne sortirions jamais de ses dissertations. Nous quittâmes cette maison pour aller aux *Ursulines*; je ne vous en

dirai rien, car c'est à peu près la même chose que dans tous les couvents de Varsovie; peut-être, le local en est-il plus grand et la propreté mieux soignée. A l'école militaire nous trouvâmes le commendant, général Kolowrat, qui en est le chef; on fit un examen de Géographie et d'Histoire, dans lequel on tourna autour de la Russie; il en résulta des compliments pour la mère du Monarque et un *vivat* pour Alexandre I-er, qui fut répété dans toute la salle. Avant de rentrer au château, en descendit à l'eglise *du Thésis*, la plus ancienne de Prague; on y voit le tombeau de *Tichobrahé*. Il était trois heures lorsque nous rentrâmes; il fallu faire toilette pour un grand dîner, avant lequel il y eut présentation de dames; un grand nombre est encore à la campagne, de sorte qu'il n'en vint pas beaucoup. J'ai vu m-elle de *Nostiz*, petite fille de la comtesse Apraxine; c'est une fort jolie personne. Après le dîner rien qu'une demie heure de repos et tout de suite de nouvelles courses; d'abord aux *Élisabethines*, couvent magnifique, une propreté enchanteresse, un hôpital pour les malades, tenu dans la perfection, enfin un établissement, comme je n'en avais pas encore vu, et qui répond parfaitement aux idées un peu romanesques que je m'étais toujours faites d'un couvent catholique. De là aux *sourds et muets*. Comme cet institut a été fondé par quelques particuliers, il n'est ni aussi grand, ni aussi beau que le nôtre à Pétersbourg; mais le mode d'enseignement me paraît mieux entendu, car les enfants articulent d'une manière beaucoup plus distincte et ne font pas les grimaces pénibles des nôtres; presque tous, d'ailleurs, ont une physionomie charmante; ils entendent si bien leur instituteur, qu'en suivant simplement le mouvement de ses levres, ils peuvent écrire tout ce qu'il leur dicte, et cela n'est point apprêté, car l'Impératrice a fourni les questions. De chez les sourds nous allâmes au spectacle. On donnait l'opéra de Tancrède, musique de Rossini; la salle du théâtre point jolie; le héros de Siracuse représenté par une femme n'avait rien de chevaleresque dans sa tournure; mais un orchestre excellent et cette musique italienne que j'adore m'en fait passer par dessus ce qui pouvait manquer à Tancrède et même à la belle Aménaïde. A dix heures nous rentrâmes au palais; il y eut souper. A présent il faut que je vous dise que la ville de Prague me plaît; le *Pratchin* rappelle le Cremlin, et la vüe qu'on découvre du palais ressemble extraordinairement à celle qu'on avait à Moscou d'un des salons de l'Impératrice. La société aussi est bien autrement agréable que celle de Breslau et même de Varsovie, du moins pour le genre que j'aime. J'ai trouvé ici des gens très-distingués. Le grand bourgrave Kolowrat et le c-te Sternberg sont des archives ambulantes. Il est impossible d'avoir plus d'instruction et de parler plus

simplement de ce qu'ils savent; leur conversation est des plus intéressantes; aussi ai-je eu un grand plaisir à les écouter. Ce sont des gens avec lesquels on peut s'instruire de la manière du monde la plus aimable.

Nous partons demain pour aller coucher à Pétersbourg, château qui appartient au c-te *Czerni.* Nous espérons y trouver notre grande-duchesse Marie, que nous devions aller voir à Carlsbad; mais comme se serait rendre la journée trop forte, l'Impératrice vient de lui écrire pour l'engager à se rendre également à Pétersbourg.

*

Pétersbourg, le 25 septembre.

Avant de nous mettre en route, nous avons encore été faire quelques courses, d'abord au *château de Bubenec*, résidence d'été du grand bourgrave; on ne peut rien voir de plus pittoresque que la vue qu'on découvre de sa maison: chaque fenêtre présente un tableau différent. Nous sommes revenues par les promenades au bas de la montagne. Ensuite aux *Capucins;* on y voit la chapelle de Notre-Dame de Lorette bâtie sur le modèle de la Santa Casa; le trésor du couvent est très-riche, de beaux soleils, de reliquaires ornés de pierres précieuses et de perles; tout cela donné en grande partie par des testaments: une comtesse Kolowrat y a mis tous ses diaments qu'on estime à une très-grande valeur. En sortant des Capucins, nous allâmes au couvent de *Strahow* chez les Prémontrés; on y voit une bibliothèque immense avec un local magnifique, une salle qu'on peut comparer à celle de S-t George. Nous étions très-pressées de partir, en sorte que cette visite fut faite très en passant; cependant j'ai vu un manuscript du X-me siècle et la plus ancienne édition des Commentaires de César de 1469. L'église est très-belle; on y voit le tombeau de S-t Herbert, fondateur de l'ordre; on y entend une orgue excellente. En sortant de là, nous nous remîmes en route, et le reste de la journée n'a rien offert d'intéressant.

On s'est arrêté pour dîner à Koussovig, et l'on est arrivé ici au jour tombant; mais pas plus de grande-duchesse que sur la main. Nous sommes restées à l'attendre jusqu'à 10 heures fort inutilement. On vient d'aller souper, et moi, qui suis toujours souffrante, j'ai obtenu la permission de me retirer. En vérité, si cela va de ce train pour ma santé, on m'enterrera en Allemagne. Je n'en puis plus de la bile, et

depuis quelques jours je crois avoir des aphtes. Je ne puis rien mettre dans la bouche, tout me répugne, et j'éprouve la sensation qu'on a quand on s'est échaudé. Voilà m-r Rhul avec une médécine que je vais avaler.

*

Carlsbad, le 26 septembre.

Il est arrivé dans la nuit un courrier de m-me la grande-duchesse pour dire qu'elle était venue trop tard à Carlsbad et qu'elle n'a pu se mettre en route pour se rendre à Pétersbourg, mais qu'elle viendrait ce matin au devant de Sa Majesté. Cette nouvelle nous a fait partir de bonne heure. La rencontre a eu lieu entre *Libkowitz* et *Buchaw*. J'ai trouvé m-me Marie fort engraissée et dans un état de santé parfait; le bonheur d'avoir un fils a opéré ce changement. La comtesse Fritch, qui l'accompagne, m'a dit que depuis la naissance de cet enfant toute son existence avait pris une autre couleur. Dieu veuille le lui conserver. La grande-duchesse est montée dans la voiture de l'Impératrice, et m-elle de Samoïlow et moi prîmes place dans la sienne jusqu'ici.

Carlsbad est charmant; la position de cette petite ville a quelque chose de singulier: entourée de hautes montagnes, on ne se doute pas de son existence jusqu'à ce qu'on entre dans les rues. Il n'y a ici dans ce moment que le prince Constantin Lubomirsky et une princesse Gortchakow de Moscou avec m-me Anikéew, sa fille. Nous n'avons vu de ce monde que Lubomirsky, qui a dîné avec nous. J'ai eu le plaisir de recevoir ce matin votre lettre en date du 8 VII-bre. Soyez sûr que j'aurai grand soin de faire parvenir votre bague. Nous avons fait ce soir une jolie promenade à pied; la ville était illuminée et faisait un charmant effet à cause de l'irrégularité des rues et par conséquent des maisons. Nous sommes en très-grande société. L'archiduc Antoine nous accompagne jusqu'à Egra; il est très-bon enfant, sans la moindre prétention et ne cause point mal. Je n'ai jamais vu le palatin; mais l'Impératrice prétend qu'il le lui rappelle beaucoup du premier instant. Elle a été frappée de cette ressemblance. M-r de Sternberg est venu dans ma chambre après dîner; je l'ai fait parler sur les affaires d'Allemagne; il me paraît que la diète de Francfort n'a abouti à rien du tout. Pour son propre compte m-r de Sternberg n'est pas content: ses biens se trouvent en grande partie dans le Wurtemberg, et ce qui s'y passe, ne lui convient point, c'est-à-dire ne

s'arrange pas avec ses intérêts. Au reste, j'ai cru m'apercevoir qu'il n'est pas constitutionnel du tout et qu'il regrette le tems passé.

Je vous expédierai cette continuation de mon journal aujourd'hui, quoique je ne sache pas précisément si vous recevrez ceci bientôt: le courrier qui le porte va à Aix-la-Chapelle, et Dieu sait quand de là il sera expédié à Pétersbourg. Cependant, comme c'est m-r de Willamow qui me propose de profiter de cette occasion, je crois qu'il n'y a pas à la manquer. Je vous supplie de ne pas m'oublier, de m'écrire quelquefois et d'être persuadé l'un et l'autre de mon sincère attachement.—Mille tendresses aux Ribeaupierre et beaucoup de compliments aux personnes qui vous demanderont de mes nouvelles. Mon Dieu, que j'aimerais déjà à être de retour; il me semble qu'il y a six mois que je suis sortie de Pétersbourg!

*

Carlsbad, le 27 septembre.

Après avoir fait une toilette, je suis allée chez la grande-duchesse et nous avons causé longuement sur Pétersbourg, qui l'intéresse au delà de tout. Elle est fâchée que nous ayons pris une autre route que celle de Weimar et ne peut pas concevoir comment on peut s'alarmer sur la santé de la reine de Wurtemberg, qui, à son dire, n'allait en Italie que pour satisfaire sa curiosité. D'un autre côté, l'Empereur écrit que jamais m-me Catherine n'avait été plus jolie qu'à présent. Dans quelques jours nous verrons ce qui en est véritablement. Nous avons fait une longue promenade ce matin; ces bois de Carlsbad sont charmants. Si je ne voyageais avec la pompe qui m'accable, je crois que j'aurais senti toutes les beautés de la nature bien plus vivement encore; mais ce faste gâte *tout*. Après le dîner une nouvelle promenade pour voir toutes les sources, et au jour tombant on est rentré, et comme je me sens malade, je veux passer la soirée chez moi; on n'a qu'à s'amuser au salon comme on l'entend. M-r de Narichkine est aux petits soins avec *nous*, et si dans cette circonstance il ne réussit pas à raccommoder ses affaires avec *quelqu'un*, c'en sera donc fini à tout jamais. *On* le protégera, j'en suis certaine. Quant à notre maréchal courlandais (Albédil), il est tellement bête, tellement fatigant qu'on se sent l'envie de lui dire des impertinences à tout moment.

*

Bareuth, le 28 septembre.

Il est minuit; nous arrivons à l'instant après la journée du monde la plus cruelle: une pluie continuelle vient de rendre les chemins épouvantables; j'ai voyagé tout le jour avec Narichkine dans sa calèche, parce que m-me la grande-duchesse et son mari sont entrés dans la voiture de l'Impératrice. Tant qu'il ne pleuvait pas beaucoup, cela allait assez bien; mais ensuite j'ai souffert comme une misérable: le vent, la pluie me venaient droit à la figure, je grelottais et j'ai fini par ne pouvoir plus remuer ni bras, ni jambe; aussi j'ai pensé tomber tout à l'heure en montant l'escalier. Une odeur de poêle dans notre appartement m'avait fait craindre l'asphyxie. Dieu merci, nous en sommes quittes pour la peur. Je viens de voir le portrait de la fameuse *femme blanche* qui se promène de châteaux en châteaux pour le plaisir de donner aux autres des crispations de nerfs. Toute la société autrichienne nous a quittée sur la frontière de Bavière, qui est entre Egra et Tiersheim, et nous nous sommes recommandées à de nouvelles figures, parmis lesquelles se trouve un comte Munster, neveu de celui qui est venu autrefois chez nous. Il y a aussi un grand monsieur Borgne (c'est-à-dire кривой); n'allez pas prendre cela pour un nom. Je ne pense pas que la connaissance avec ce monde aille bien loin; car, Dieu merci, ils nous quitteront après-demain.

*

Nuremberg, le 29 septembre.

Ah, bon Dieu, j'ai les oreilles fatiguées des *vivat* qui nous ont accompagné pendant plus de trois verstes, avant d'arriver dans cette ville; tous les enfants de l'univers se sont donnés rendez-vous, je crois, pour se trouver sur notre passage; ces petits polissons criaient de toutes leurs forces, en agitant des flambeaux qu'ils portaient pour nous éclairer, malgré la lune qui eut mieux fait que tous ces brandons. Après avoir épuisé les *hourras*, ils se mirent à sauter autour de la voiture et de cette manière nous conduisirent jusqu'ici; je crois avoir aperçu un quadrille de marmitons, si ce n'est de cuisiniers; je voyais des jeunes gens avec des bonnets de nuit sur la tête, des tabliers, enfin toute l'encolure de semblables artistes. A l'entrée de la ville nous trouvâmes les troupes sous les armes et une escorte qui se mit à notre suite.

Mais reprenons de plus haut. Ce matin, à Bareuth, l'Impératrice avec sa fille et son gendre s'en alla faire une visite à *Fantaisie*, campagne qu'avait occupée la duchesse de Wurtemberg, et comme il n'y avait pas suffisamment d'équipage, nous sommes restées avec la comtesse Lieven. Comme nous étions à causer, la porte s'ouvrit, et nous vîmes entrer une petite femme, toute courte, toute ramassée, un goître énorme; d'ailleurs élégante comme on l'est en Allemagne, coiffée d'un bonnet avec des fleurs, une robe de camelot d'Irlande, et des girandoles aux oreilles. Elle se nomma la *comtesse Gich;* elle venait présenter ses hommages à l'Impératrice, parce qu'elle avait eu l'honneur de beaucoup connaître la duchesse. Assez parleuse de son naturel, elle nous conta des histoires à n'en pas finir; c'était tout ce qui regardait *Fantaisie*, et le séjour qu'on y fesait, et les bontés de feue la princesse, et comme elle avait aimé ses enfants, et comme elle les piffrait de bonbons, et comme elle (m-me de Gich) en était mécontente, et comme quoi on promettait de ne plus leur en donner et que c'était toujours à recommencer; bref, la volubilité de cette bonne dame eut à s'excuser de tout ce bavardage, et je n'eus pas d'autre conclusion à tirer, si ce n'est qu'elle regrette tout autant cette pauvre duchesse que les bonnes asperges qu'elle mangeait à Fantaisie, car elle revint aussi souvent sur l'excellence de ce légume que sur les vertus de la propriétaire de la campagne. L'Impératrice fut de retour à dix heures, et après avoir fait nos adieux à madame Marie, nous partîmes de Bareuth. Le pays que nous avons traversé aujourd'hui n'offre rien de très-intéressant; cependant la vue de plusieurs rochers m'a fait plaisir. Mutterchen, insensible à ce genre de beautés, n'arrête avec complaisance ses regards que sur les couches de choux et les champs de pomme de terre. Chacun son goût, ne vous en déplaise; du reste, son aversion pour l'Allemagne est déjà à mourir de rire.

Le roi de Wurtemberg vient d'envoyer ici m-r de Beroldingen pour complimenter l'Impératrice. Il nous suivra, et il m'a dit que leurs majestés venaient au devant de nous aussi loin qu'elles le pourraient. Je pense donc que nous pourrions bien les voir demain à la couchée.— Nous avons trouvé ici une *nièce*, c'est la princesse héréditaire de Hilbourgshausen; elle est fille du défunt frère Louis de mauvaise mémoire. C'est une jolie personne; son mari est tout jeune, un peu louche. Nous avons trouvé de plus un *cousin*, un certain prince *d'Ettingen-Wallerstein*, qui m'a l'air fort raisonnable. J'imagine combien il va nous arriver de parents!

*

Ellwangen, le 30 septembre.

Pour suivre bien exactement nos faits et gestes, il faut vous conter notre matinée de Nuremberg qui n'a été que courses pour visiter tout que cette ville ancienne offre de curieux. Deux ou trois heures avant d'arriver à Ellwangen, nous fûmes arrêtés dans un village, où l'on vint nous annoncer que le roi et la reine de Wurtemberg attendaient l'Impératrice. Ils parurent quelques minutes après, et les embrassements terminés, on continua le voyage. M-elle de Samoïlow et moi avons cédé nos places, comme de raison, de sorte que nous arrivâmes à Ellwangen dans la calèche du roi. La nuit était fort avancée, mais superbe, un clair de lune magnifique, beaucoup de monde sur la route, c'était d'un très-bel effet. Il est trois heures du matin; je vais me mettre au lit.

*

Stutthard, le 1-er octobre.

Nous avons pu nous reposer ce matin, car nous ne sommes parties d'Ellwangen qu'à midi. Le roi avait pris les devants; la reine est venue avec l'Impératrice et m-me de Lieven; nous autres dans son équipage avec m-elle de Bauer, sa demoiselle d'honneur. J'étais plus souffrante que de coutume; je n'ai pu jouir pleinement des beautés de la nature. Un château sutué sur une haute montagne a excité cependant mon intérêt; il appartient à un comte de Reichberg, Bavarois. J'ai vu aussi les premiers vignobles; c'est d'aujourd'hui que les vendanges ont commencé. Depuis Gemund jusqu'à Stuttgard on ne voyage plus que dans un jardin délicieux; de tout côtés des points de vues charmants et des plantations dont nous n'avons pas d'idée en Russie; pas un petit coin de terre qui ne soit cultivé, et le tout si propre, si rangé qu'on croirait qu'on s'amuse à nettoyer cela, comme on balaye et sable le quai vis-à-vis vos fenêtres. L'entrée de Stuttgard a été triomphe, s'il en fut jamais; une illumination qui ne cédait en rien à celle de Peterhoff; une magnificence au château qui, je vous l'avoue, m'a fait tomber les bras; c'est bien plus beau que notre cher palais d'Hiver (j'en excepte l'Hermitage). Il n'y a pas de salle comme S-t George, mais il y en a de très-belles; le nombre des chambres se monte à 175; mais n'allez pas croire au moins que ce sont de petites pièces; pas du tout: les plus belles proportions. Tout ce que j'ai trouvé aujourd'hui

est vraiment superbe. La cour en grand gala a reçu l'Impératrice; le vieux prince d'Oldenbourg s'est rendu ici tout exprès pour la voir; les enfants se trouvaient an salon; ils ont grandi comme de raison, et je ne suis pas bien sûre que Pierre ait reconnu sa grand'maman. La petite est jolie comme un coeur; c'est le portrait vivant du roi avec des traits mignons et délicats; elle a deux ans, elle marche à merveille, fait la révérence, donne sa petite main à baiser, elle cause, dit-on, comme une pie tout le long du jour; cette fois-ci elle m'a surpris: entourée d'une quantité de figures inconnues, elle n'a seulement pas sourcillé.—Après un bout de cercle la famille s'est retirée; nous avons été souper ailleurs, à la table de maréchal. Toute la soirée s'est passée en présentations, en compliments, en révérences. On vient de nous donner deux dames du palais: la comtesse Beroldingen, la belle-mère de celui que nous connaissons, et la comtesse de Seckendorff, femme du maréchal de la cour. Elles feront alternativement le service auprès de Sa Majesté. Chaque jour il y aura une d'elles et une de nous. Je commence demain avec m-me de Beroldingen. Je viens de rentrer chez moi et je dois vous dire que jamais je n'ai été ni ne serai logée comme je le suis. Mon appartement est composé de cinq chambres; j'ai un salon en damas, une chambre à coucher de même; bronze, porcelaine, glaces, tout y est en abondance. Avec tout cela je ne jouirai de rien si je ne recouvre ma santé: le goût d'amertume qui ne me quitte pas me désole à la lettre; je ne mange quoi que ce soit, et on vient de m'interdire jusqu'au raisin. Ah, si je voyais Crighton un seul instant! Je crois que sa vue seule me ferait du bien.

*

Le 2 octobre.

J'ai dormi jusqu'à 8 heures et, quoique reposée des fatigues du voyage, je ne me sens pas dans mon état naturel; le mauvais goût subsiste toujours, et je vais me traiter sérieusement à commencer d'aujourd'hui; il faudra avoir recours au calomel, je le vois d'ici. Nous avons fait une promenade charmante ce matin; on nous a mené à Bellevue, maison de plaisance, que le roi habite tous les étés. C'est un charmant local quoique petit, la vue est délicieuse de tous les côtés, le Necker passe tout auprès. Ce qui me ravit surtout, c'est la force et la richesse de la végétation; les peupliers, les saules pleureurs, les platanes, les tulipiers, tout cela est par allées; ce ne sont plus nos sapins

et nos bouleaux. En rentrant au palais, j'ai fait une grande toilette pour aller recevoir la reine-douairière qui est venue de Louisbourg pour faire la connaissance de l'Impératrice, sa belle-soeur. En attendant j'ai eu le plaisir d'apprendre l'arrivée de la comtesse Branitska par un billet que Lise m'a écrit pour avoir des renseignements sur la toilette. A 4 heures je montai dans la chambre de service, où beaucoup de monde était déjà rassemblé, et encore des présentations, des révérences. Ce qu'il y a de bon c'est que j'oublie le nom de toutes les personnes qui viennent ainsi me saluer, et que Dieu les bénisse, je ne veux seulement pas m'en souvenir. Sur les cinq heures voilà une grande rumeur: on allait et venait, on se jetait aux fenêtres; il s'agissait de savoir par quelle entrée la reine viendrait chez l'Impératrice, afin que nous allassions au-devant d'elle. M-r de Narischkine, toujours brouillon, prétendait une chose; Beroldingen, qui ne lui cède en rien sous ce rapport, disait autrement. Enfin, à force de vouloir bien faire, on fit mal: car au milieu de cette discussion la porte s'ouvrit, et la reine-douairière parut avec la reine régnante, qui d'abord nous présenta. Quant à l'Impératrice, qui attendait qu'on lui annonçât la reine pour aller à sa rencontre, elle fut prise absolument au dépourvu, et la reine se trouva entrer dans sa chambre au moment qu'elle s'y attendait le moins. La visite dura une bonne demie-heure, après quoi toutes les majestés rentrèrent dans le salon, où nous étions. L'Impératrice conduisait la reine-douairière, et les présentations furent à recommencer: l'Impératrice nomma toutes les dames russes, entre autres votre soeur Branitska et sa fille, qui se trouvaient déjà avec nous. La reine nomma toutes les personnes de sa suite. La reine est d'une taille au dessous de la moyenne, assez grasse, un teint échauffé; le visage court et plein; elle s'est vouée au deuil depuis la mort du roi son mari. Sa mise est celle d'une vieille femme: un bonnet très-simple, une robe noire courte, un schall en blonde, enfin tout le costume de quelqu'un qui a renoncé aux prétentions. L'Impératrice, plus lacée que jamais, plus parée, plus brillante que de coutume, avait l'air d'une femme de 40 ans tout au plus et produisait généralement une sensation qui devait flatter sa vanité. Si la reine ne fut pas reçue d'après l'étiquette, on répara la faute en la reconduisant pompeusement jusqu'à l'escalier par lequel elle était arrivée. Le dîner suivit de près la royale visite. Si la cuisine n'est pas celle de Riquet, du moins n'est-elle pas mauvaise, comme celle du prince royal de Prusse. Le service est d'une grande magnificence, une belle vaisselle, plats, des ornements en bronze, des vases de porcelaine, un ensemble très-beau. Dix minutes après le repas on fut au théâtre qui est de plein pied avec l'appartement; la salle de spectacle est fort

jolie, les loges ouvertes en forme de galerie. Trois rangs de bougies éclairaient à merveille; les joueurs étaient en grande toilette; les hommes en uniforme brodé. On a donné Tancrède, opéra qui n'a pas mal été du tout. La chanteuse est jolie et ne manque pas de talent; c'est la même personne pour laquelle il y a eu un duel à Hambourg, où le jeune Rall tua le prince Bariatinsky. L'orcheste excellent corrigeait ce qui manquait à la voix de Tancrède. L'opéra finit à 9 heures, et chacun rentra chez soi. J'ai remis à la comtesse Branitska les deux lettres que vous m'aviez envoyées; nous avons beaucoup parlé de vous, madame la comtesse, et j'ai dit à votre soeur que je vous écrivais tous les jours.

*

Le 3 octobre.

J'ai eu ce matin la visite de la reine qui est vraiment charmante; il est certain qu'elle a beaucoup d'esprit et une conversation des plus aimables. Elle m'a demandé des nouvelles de toutes ses connaissances de Pétersbourg et m'a chargé de mille compliments pour vous. Comme je n'étais pas de service, j'ai profité de mon tems pour écrire beaucoup de lettres à Moscou et à ma soeur en Italie. Je suis sortie pour me promener avec Lise votre nièce, m-elle Ерральски et m-me de Beroldingen; nous avons vu de loin faire des vendanges; les premières sont consacrées aux veuves et aux orphelins; c'est une fête continuelle pendant la durée des vendanges; les paysans dansent, chantent, tirent des fusées et font des feux de joye.—On a dîné aujourd'hui en famille, m-me Branitska seule en fait d'étrangers. J'ai dîné dans ma chambre à cause des drogues que j'avale. A 7 heures il y a eu grand cercle; la présentation du corps diplomatique, ensuite les femmes des ministres, puis le *tutti quanti*, ce qui a fait rester debout plus d'une grosse heure. J'ai terminé ma soirée chez la comtesse Branitska; nous avons causé jusqu'à onze heures. La comtesse Lieven est un peu malade: elle a eu un petit accès de fièvre, et le soir elle m'a paru faible. Sa fille est ici depuis notre arrivée. Les eaux de Carlsbad lui ont fait du mal; on vient de lui ordonner le climat de la France, où elle va se rendre incéssamment.

*

Le 4 octobre.

On a été rendre ce matin la visite à la reine-douairière, et à cet effet nous avons eu l'ordre de suivre l'Impératrice à Louisbourg. Votre nièce est également venue avec nous. Le chemin qui conduit à ce château n'est pas aussi joli que celui qui va de Gemund à Stuttgard. En passant par devant les vignobles, nous avons vu vendanger. Louisbourg, étant une ville de garnison, celle qui s'y trouve en ce moment était sous les armes à notre arrivée. La reine, accompagnée de toute sa cour, a reçu l'Impératrice sur le perron (c'était au rez-de-chaussée). Elles passèrent ensuite dans une chambre dont on ferma les portes, et nous restâmes dans la pièce voisine, à faire la conversation avec les dames qui toutes ressemblent comme deux gouttes d'eau à la dame de pique ou de treffle. Au bout d'une petite demie-heure on vint nous dire qu'il fallait entrer dans la chambre où étaient les majestés; la reine voulait montrer le château à l'Impératrice, et on nous permit de la suivre. L'appartement ordinaire de la reine est très-beau; elle a un cabinet, où j'ai vu beaucoup de choses de son ouvrage comme broderies en chenille, tapisseries, peintures sur porcelaine; il paraît qu'elle s'occupe beaucoup. Plusieurs portraits se trouvent dans cette même pièce, entre autres celui de madame Jérome et de sa petite. Il y a dans ce château de Louisbourg tout autant de chambres, de salles et de beaux ameublements que dans celui de Stuttgard. La reine régnante m'a assuré qu'il y en avait encore davantage, ce qui est assez probable, car nous n'avons pu tout voir. La reine-douairière ne le quitte pas de toute l'année, non plus que sa cour; la vie qu'elle y mène est très-régulière: on dîne, on soupe, on se couche toujours à la même heure; souvent il y a spectacle; en un mot, les dames qui y sont habituellement semblent très-satisfaites de leur sort. La manière dont la reine-mère est avec les jeunes majestés est toute cordiale; celles-ci lui témoignent infiniment de déférence.—Les adieux faits, la reine ne conduisit plus l'Impératrice que jusqu'à la porte, après quoi elle rentra chez elle. Avant de retourner à Stuttgard, on eut la fantaisie d'aller voir certaines vieilles tours en face du château, et cette curiosité faillit coûter cher: car comme on voulut passer un petit pont, les chevaux de la calèche, où était l'Impératrice, se cabrèrent et par un mouvement qu'ils firent jetèrent une des roues de côté. Je ne pus distinguer d'abord ce qui se passait; mais m-me de Beroldingen se montra si effrayée qu'elle nous obligea toutes à sortir de notre équipage. Après avoir barboté dans une espèce

de marais, nous rejoignîmes la société et apprîmes que l'Impératrice avait couru le plus grand danger: car si la calèche eût versé, elle serait tombée dans un précipice. Sa Majesté continua dans une autre voiture; m-me de Beroldingen, semblable au page de Malbourough, retourna à Louisbourg porter des nouvelles à la reine-douairière; et nous autres, Sophie Samoïlow, Lise Branitska et moi, poursuivîmes notre voyage avec Narichkine.—On a dîné en famille, le soir spectacle que j'ai refusé pour tenir compagnie à la comtesse Lieven, jouer au *дуракъ* et nous moquer des Allemands qui sont ennuyeux à crever.

*

Le 5 octobre.

J'ai assisté aujourd'hui à une des plus jolies fêtes que j'aye vues de ma vie. On a été aux vendanges; à cet effet le dîner a eu lieu avant trois heures, et au sortir de table, on èst parti en différents équipages; les uns en landau, d'autres en calèche; la reine avec l'Impératrice en voiture fermée. L'endroit où l'on s'est transporté est charmant relativement à la position; une foule de monde se trouvait sur la montagne et au bas; les allées qu'il a fallu traverser étaient également remplies. Beaucoup de jeunes filles et autant de jeunes garçons étaient costumés en vignerons. Lorsque la cour arriva, quelques-unes de ces demoiselles s'avancèrent pour offrir des vers et en même tems présentèrent aux convives des couteaux pour couper le raisin. On partit en procession pour se mettre à l'ouvrage, et bientôt d'immenses corbeilles en furent remplies. Je grimpai 310 marches pour atteindre le sommet de la montagne et jouir de la vue qu'on découvre de ce point. Comme j'avais fait cette expédition avec Winzengerode et qu'elle nous prit un bon quart d'heure, à notre retour nous trouvâmes la société établie dans une galerie qui avait été construite au bas de la montagne et m-rs les vignerons et m-mes les vigneronnes occupés à servir le jus de la treille; après quoi un choeur avec je ne sais quelles paroles sur l'air du *God save the King.* Ensuite il y eut bal; on dansa sur la verte pelouse des valses et un cotillon. La journée était chaude, belle comme au mois de juillet; cette musique en plein air, ces danses villageoises, de très-jolies personnes costumées toutes de même, l'ensemble faisait un effet délicieux. Au coucher du soleil nous partîmes pour Bellevue, où l'on tira un beau feu d'artifice; plusieurs bateaux illumi-

nés manoeuvraient sur le Necker en différents sens et à plusieurs reprises. En un mot, ce fut sans contredit une fête très-bien ordonnée et qui a réussi on ne peut mieux.

*

Le 6 octobre.

J'ai entendu la messe ce matin avec tous nos Russes à commencer par l'Impératrice et à finir par le dernier laquais. La chapelle est jolie, le prêtre parfait; pour chanter rien que deux *псаломщикъ*. Après l'église une visite à la duchesse Guillaume, qui est malade depuis quelques jours; de là une promenade au jardin botanique qui est tenu à merveille. L'Impératrice, l'archiduc-palatin et le duc d'Oldenbourg firent assaut de science. Le roi et la reine marchaient, je crois, fort ennuyés; car ni l'un ni l'autre n'entendent rien aux plantes. Le déjeuner a été servi dans un cabinet élégamment orné qui se trouve au milieu de la serre; après cela on a été faire le tour de la ville qui est vraiment située dans un jardin. Au retour grand dîner, auquel je n'assistai pas me trouvant trop fatiguée; le soir grand bal à la cour. Je suis fâchée, madame la comtesse, que vous ne puissiez pas voir vous-même sur quel pied tout ceci est monté; c'est de la plus grande magnificence. La salle du souper, moins belle sans doute que celle de l'Empereur, est d'une architecture très-distinguée, parfaitement éclairée et décorée d'oranges, comme cela se pratique chez nous, et fait un effet charmant. Ce qui me charme surtout c'est la propreté et l'ordre extérieur qu'on voit partout et en tout. Il serait bien à désirer qu'on l'imitât chez nous, car il faut convenir que ce point nous manque souvent. M-r de Seckendorff, maréchal de la cour, pourrait servir de modèle à *Don Pacheko.*

*

Le 7 octobre.

J'ai eu le plaisir de faire ce matin une longue promenade avec m-me votre soeur; on nous conduit à la Solitude, maison située sur une hauteur, d'où l'on découvre une fort belle vue. Le tems était beau, mais un froid très-vif nous faisait grelotter, m-me Branitska et moi. Pour nous réchauffer, je lui proposai d'entrer dans le pavillon qui a 4 ou 5 chambres très-proprement meublées; au rez-de-chaussée il y a

eu trois autres que l'Impératrice avait occupées autrefois et qu'elle voulut revoir par sentiment. De la Solitude nous fûmes à une maison de chasse au milieu d'un parc que j'ai trouvée très-jolie; elle est achevée depuis peu; l'extérieur en est agreste, le dedans fort bien arrangé. Pour rentrer on prit un chemin différent qui prolongea la promenade d'une demie-heure, et nous rentrâmes transies. — N*** se plaint d'une courbature, mais dans la disposition, où je le vois, de se concilier les bonnes grâces de notre patronne, je le crois dévoué à souffrir bien pis qu'une courbature. Cet homme, vu de près, est pitoyable; ce n'est exactement rien du tout, et je dois convenir que je ne trouve pas le plus petit mot pour rire à ce qu'on trouve souvent très-spirituel et très-aimable. Il faut probablement que je n'y comprenne rien.—Aujourd'hui un dîner avec toute la cour et plusieurs ministres. J'ai fait la connaissance de quelques-uns de ces messieurs: le c-te Winzengerode, père de celui que nous avons eu comme envoyé en Russie, puis m-r de Zeppelin et m-r de Maucler, l'un aux affaires étrangères, l'autre à la justice. La femme de m-r de Zeppelin est très-agréable et tient, dit-on, maison. Les deux dames du palais sont également très-bonnes personnes. La comtesse Beroldingen ne manquant ni d'esprit, ni d'instruction; m-me de Seckendorff d'une grande obligence aussi. Elles sont toutes empressées à nous prévenir dans nos moindres désirs. Après le dîner, le spectacle; on a donné une petite comédie appelée *Les Distraits* et un opéra-vaudeville. L'orchestre, dirigé par le fameux Hummel, est d'une précision admirable. J'ai eu un grand plaisir à entendre chanter le trio de Hayden que chantent tous nos Galitzine; cela m'a ramené à Pétersbourg. Au reste, j'y suis bien souvent en pensée; pas plus tard qu'hier nous avons repassé toutes nos connaissances, m-me Branitska et moi. Je crains bien que votre soeur ne nous quitte bientôt; je fais tout au monde pour l'engager à rester ici le tems que nous y serons.

*

Le 8 octobre.

Je m'étais arrangée avec m-me Zeppelin pour aller ce matin chez Dannecker, sculpteur très-renommé, qui est établi à Stuttgard. A cet effet je me suis trouvée toute prête à 9 heures. Nous y sommes allées à pied. Son atelier est très-bien fourni; on y admire beaucoup une Psychée, un Amour, une Ariadne, dont il vient d'envoyer le modèle à m-r Bethmann de Francfort. J'y ai vu aussi les bustes de Schiller et de

Lavater, mais il faudrait être plus versée dans les arts que je ne le suis pour parler de tous ces ouvrages avec détail et en expliquer les beautés, aussi ne m'en mêlerai-je pas. Mais je vous dirai que de tout ce que j'ai vu dans cet atelier, rien ne m'a plu davantage qu'une figure en plâtre, représentant Notre Seigneur debout, la main droite placée sur le coeur et la main gauche élevée comme pour désigner le Ciel. Cette pose est simple tout-à-fait; mais elle est si fort d'accord avec plusieurs passages de l'Évangile qu'il semble entendre les paroles que le Christ va prononcer. Dannecker a entrepris cet ouvrage dans un moment d'enthousiasme ou lisant les Écritures etc.; s'attachant avec force au sujet, il conçut l'idée de représenter N. S. Il lui arriva à cette occasion quelque chose qui l'encouragea beaucoup à poursuivre son travail. Il venait d'achever la tête du Christ, lorsqu'un matin une petite fille du voisinage entra chez lui pour s'acquitter d'une commission qu'elle avait à faire de la part de son père. Dannecker, après avoir entendu l'enfant, l'appela tout près de lui et lui ordonna de bien regarder la tête à laquelle il travaillait. «A qui cela ressemble-t-il?» demanda le sculpteur à la petite fille. L'enfant regarda fixement la figure et répondit aussitôt: «A personne, car *elle est unique*». (On m'a rendu de cette manière l'expression allemande). L'artiste fut touché de cette observation et redoubla d'ardeur pour un ouvrage qui paraît lui tenir fort à coeur. Il va exécuter cette pièce en marbre, mais n'a aucun projet pour sa destination et ne veut la promettre à personne, quand même on lui ferait des offres avantageuses. J'aimerais assez que l'Empereur en fît l'acquisition, mais je n'ai rien dit là-dessus à Dannecker.—En sortant de là, j'ai fait quelques courses dans les magasins de mode; je n'y ai rien vu de joli; la plus petite boutique de Pétersbourg est mieux fournie que tout ce que je vois ici.—On a dîné en famille, et nous autres à la table de maréchal. Après dîner j'ai été faire une visite à la p-sse Eugénie de Wurtemberg et à sa belle-soeur la princesse de Hohenlohe; heureusement elles n'étaient pas encore rentrées de la cour. Ensuite j'ai été voir la duchesse Guillaume qui est encore malade; elle me plaît beaucoup cette femme; elle a une physionomie des plus expressives et a dû être une beauté; car, malgré sa maigresse, elle est encore extrêmement agréable. Le mari fait très-bon ménage avec elle; ils ont quatre enfants, dont l'aîné est placé chez Fellenberg. Ce mariage du duc Guillaume ayant été regardé comme une mésalliance, ses fils n'ont que le titre de comte. La mère était une baronne Tunderfeld, cousine germaine de Benkendorff et par conséquent de madame Chewitch. L'Impératrice l'a traité fort bien, et j'en ai été bien aise, car elle est vraiment intéressante.

*

Le 9 octobre.

A 9 heures j'ai été entendre la messe à notre église, et à mon retour il m'est renu du monde qui m'a retenu jusqu'à midi. Comme c'était mon jour de service, j'ai dû aller à Louisbourg. La reine-douairière avait fait préparer un déjeuner à une petite maison, qu'elle possède à une lieue de là et qu'on appelle *Monrepos*. Avant d'y arriver, on s'est arrêté à la *Favorite*, autre habitation d'été. Tout cela est gentil par sa situation et surtout par la propreté avec laquelle il est tenu. La reine, après avoir montré toutes les chambres de Monrèpos, proposa le déjeuner, qui fut à peu près un dîner; les dames et messieurs de sa maison et nous autres arrivées furent les seules convives. On mange assez mal chez sa majesté, de longues sauces bien claires et, de plus, aucun plât chaud; je me suis tenue modestement à une tasse de bouillon et un oeuf à la coq. Je remarquai qu'on servait la reine séparément et qu'on ne lui donnait que de légumes; en effet, elle mange très-peu de viande, et tous ces légumes sont simplement cuits à l'eau.— Après le déjeuner il y eut un petit bout de conversation; ensuite on alla visiter une ancienne chapelle qui avait été construite au fond d'un jardin et qui autrefois avait servi aux catholiques: c'est un mélange d'ancien et de moderne; les vitraux peintes ne s'accordent pas avec un plafond qui a dû être restauré en des temps moins reculés. Au sortir de cette chapelle nous descendîmes dans une espèce de grotte souterraine où j'ai vu quelque chose de très-bizarre. Douze figures de grandeur naturelle, représentant des Templiers, sont assis autour d'une table ronde; l'un deux, qui paraît être le chef, est costumé autrement que les autres; il a un grand livre devant lui qu'il semble lire avec attention, les autres l'écoutent, chacun avec une attitude particulière. On voit sur la table une tête de mort, deux épées croisées et quelques instruments que je suppose être maçonniques. Ces figures sont faites si naturellement que de loin on pourrait les croire mobiles. Non loin de cette grotte on en voit une autre plus petite où se trouve établi un hermite de même espèce que les Templiers; on le voit se lever, poser ses lunettes pour regarder les personnes, qui lui arrivent, ce qui est assez plaisant.—En partant de Louisbourg nous fûmes dans un beau parc où se trouvent deux maisons de chasse, dont l'une s'appelle *Dianenhaus*. La promenade fut si longue que nous ne sommes rentrés qu'à 5 heures et demie, et aussitôt il fallut faire une toilette pour le dîner qui a été avec toute la cour. En sortant de table, un spectacle. On a

donné les Italiens à Alger, musique de Rossini. Je suis bien fatiguée de cette journée et je répète constamment qu'il n'y qu'une seule santé au monde qui puisse suffire à la continuation d'une semblable existence.

*

Le 10 octobre.

Je me suis donné la douceur de rester chez moi les trois quarts de la journée; grâce à ma médecine, on a pris en considération la raison qui m'obligeait à demeurer tranquille. L'Impératrice est sortie dans la matinée pour aller au caveau où sont enterrés ou plutôt déposés ses parents. On a dîné en famille. J'ai eu quelques personnes chez moi dans le courant de la journée, entre autres Schenk, le ci-devant ministre de Wurtemberg à notre cour. Je l'ai trouvé plus bête que jamais et joignant à toutes ses sottises celle de se dire amoureux de Lise Branitska, qu'il a déjà demandée au mariage. Je crois qu'à cause de cet amour il lui a passé par la tête d'entrer au service de Russie, et il est venu me consulter sur ce beau projet. Vous imaginez la réponse que j'ai pu lui faire! Nous avons passé la soirée chez le comte Zeppelin avec toute la cour; il y a eu concert d'amateurs plutôt que d'artistes. M-lle Bank, dame d'honneur de la reine, m-lle Samoïlow et votre nièce Branitska ont joué du piano; un fameux acteur, nommé Essler, a déclamé plusieurs morceaux. N'y entendant rien, je me tournai vers mad. de Lieven pour la prier de me dire le sujet qu'on traitait, mais je la trouvai endormie du plus profond sommeil. On assure que l'Impératrice a fait tout autant. Dans les intervalles de la musique et de la déclamation on servait du thé, du punch glacé, des bonbons. Zeppelin servait lui-même le roi; sa femme présentait à l'Impératrice et ensuite à la reine. C'est la première maison de Stuttgard que celle de ce grand chambellan, qui est en même temps ministre des affaires étrangères, et il faut voir la manière économique dont ils vivent. L'escalier n'était éclairé que par deux lampes qui s'éteignaient déjà à notre arrivée, et dans le salon il y en avait qui brûlaient à peine; sans les bougies on n'y aurait pas vu du tout. Le souper a suivi le concert et quoiqu'il ait fini à onze heures et demie, j'ai été chez votre soeur, pour lui faire mes adieux. J'en reviens dans ce moment et je vois qu'il va sonner deux heures. Bonne nuit!

*

Le 11 octobre.

Je suis bien sûre que le temps n'a pas été plus mauvais à Pétersbourg, qu'il l'a été aujourd'hui: du froid, de l'obscurité, quelque chose de triste dans toute la nature. Cela n'a pas empêché de faire une promenade de deux heures au moins. On a tourné autour de la ville: le roi à cheval, l'Impératrice et la reine en voiture fermée, madame de Seckendorff, Beroldingen et moi dans une autre. J'ai été étonnée de voir la quantité d'arbres dépouillés de leurs feuilles et de retrouver en plein l'automne de Russie; c'est exactement la même chose. Je prévois que le voyage sur le Rhin, dont je me faisais une fête, n'offrira qu'un aspect triste et bien différent de ce qu'il est dans la belle saison. On n'a jamais vu choisir aussi une saison moins favorable pour voyager!—Au retour de la promenade on a visité trois instituts fondés par la reine; les deux premiers pour tous les enfants qui mendient dans les rues; il y a défense absolu d'en rencontrer jamais: ils doivent se rendre dans cette maison chaque jour à 7 heures du matin; ceux qui n'ont pas de parents reçoivent la soupe, les autres vont la prendre chez eux et retournent à 2 heures pour prendre des leçons; on leur montre à lire, à écrire, à dessiner, et l'arithmétique; à six heures ils se retirent tout-à-fait. Les ouvrages qu'on leur fait faire sont très-utiles; ils filent, tricotent des bas, des bonnets de nuit; ils cousent des souliers. Enfin, on les occupe d'objets qui peuvent leur donner du pain à l'avenir. Les filles travaillent en linge et font des chapeaux de coton, comme ceux des fabriques de Berlin. Le local de cet établissement est bien petit, mais il est chaud et de la plus grande propreté. Le troisième institut imite notre Communauté de Pétersbourg avec la différence que le tout est ici en miniature: le gouvernement n'a proprement à sa charge que 20 demoiselles; le reste est composé de pensionnaires qui ne demeurent pas dans la maison et qui n'y viennent que pour prendre leurs leçons. Avec le temps et la persévérance de la reine on à lieu d'espérer que cet établissement deviendra aussi d'une grande utilité. Nous avons eu grand dîner à la cour et tout de suite après la tragédie de Guillaume Tell. Mad. de Lieven et moi avons passé la soirée ensemble; le duc Guillaume et sa femme furent aussi nous tenir compagnie. Cette duchesse est une charmante personne; elle a de l'esprit, beaucoup de bon sens et paraît avoir d'excellents principes. Ils vivent comme des particuliers et s'occupent de l'éducation de leurs enfants d'une manière qui leur fait honneur.

Depuis ce matin la ville de Stuttgard est remplie de la nouvelle que l'Empereur arrive ici pour le 14. Cela ne me paraît pas vraisemblable, et si l'on doit s'en rapporter aux gazettes il doit être le 13 à Paris; peut-être verrons nous le grand-duc Constantin.

*

Le 12 octobre.

Je vois avec plaisir le temps se remettre au beau; ce matin il a fait un soleil magnifique. Nous avons été faire nos adieux à la reine-douairière à Louisbourg. On y est toujours fort en peine des nouvelles d'Angleterre; les lettres n'annoncent rien de bon, et pourtant cette vieille reine vit encore. Chaque courrier donne des transes à Louisbourg, et les dames, qui y sont, ont pris par avance un air de deuil et de tristesse, qui ne rend pas cette cour très-aimable. La visite a duré trois quarts d'heure, l'Impératrice ayant voulu se donner la douceur de voir encore tous les châteaux et de s'arrêter dans l'appartement de feu son père. Au retour, grand dîner à la cour; le soir il y eut de tableaux où figurèrent les dames de Stuttgard. Pour la cloture il y eut une surprise: ce fut un tableau composé d'enfants, sur le devant les deux Oldenbourg en Amours, au pied d'un autel qui portait le buste de l'Impératrice et la petite Marie le couronnant d'une guirlande de roses; d'autres enfants remplissaient le fond. Je ne vous dirai pas les remercîments, les attendrissements, les embrassades, qui suivirent la surprise. Vous pouvez vous les représenter facilement, car ce sont les mêmes qui ont toujours lieu... Après les tableaux on est rentré dans le grand salon; l'Impératrice a remercié toutes les dames et les messieurs, ensuite il y eut souper à différentes tables.

*

Le 13 octobre.

Pendant que je vous rendrais compte de ma journée d'hier, je ne me doutais pas que Cyrille Narichkine était arrivé de Bruchsall; il est venu me voir ce matin et m'a beaucoup conté de choses sur tout ce qui s'y passe. Il paraît que la maladie du grand-duc n'afflige pas autrement ses sujets, et la famille en général ne s'en occupe pas infiniment: les soirées de la margrave se passent à une partie de boston composée

de l'impératrice Élisabeth, de la p-sse de Darmstadt et de Narichkine, s'il n'y a pas quelqu'un de plus importants. La mère traite ses filles de la manière du monde la plus cavalière, et la nôtre, d'après ce qu'en dit Cyrille, doit être à peu près sur le même pied que mad. Apraxine en présence de la Voldemar, c'est-à-dire dans la plus parfaite soumission. La princesse Amélie est vieillie, engraissée et d'humeur assez aigre. Au reste, Narichkine m'en a tant dit que je ne puis guères vous le rendre ici en entier.—Ce matin nous avons eu la messe, et après l'église on a fait une promenade, dont le but était de visiter le château de Hohenheim, que le père de l'Impératrice aimait particulièrement; il y passait même l'hiver, tandis que la duchesse, qui ne pouvait pas supporter l'air vif des montagnes, se rendait à Stuttgard. La route qui mène à Hohenheim est fort jolie, on est presque toujours sur des hauteurs dont on découvre des vallées charmantes. Le château tombe en ruine: il avait servi d'hôpital sous le regne du feu roi, et celui-ci, qui ne l'aime pas plus que son père, a pris le parti de le démolir entièrement sauf les offices, dont il veut faire des espèces de fermes, parce qu'il y va établir une école d'agriculture; une société d'agronomes doit s'y transporter incessamment. Le château, tout vieux qu'il soit, se présente très-avantageusement à une certaine distance, et on voit qu'il a dû être fort beau. C'est le duc Charles, grand-oncle de l'Impératrice, qui l'a bâti, et le nom qu'il porte lui vient de la maîtresse baronne de Leutrum, devenue ensuite comtesse de Hohenheim. Ce duc Charles a règné cinquante et quelques années, et tout ce qu'on débite de lui fait présumer que c'était un homme assez bizarre; il a fini comme Dénis de Syracuse par se faire maître d'école. Les jardins qui tiennent au château sont aussi abandonnés que la maison, mais un jardinier qui semble aimer son métier a conservé beaucoup d'arbres très-beaux tels que tulipiers, platanes etc. L'Impératrice a été les voir l'un après l'autre.—Le dîner a été avec la cour. A huit heures, après avoir fait grandes toilettes, nous avons été féliciter l'Impéretrice dont c'est demain le jour de naissance, et sur les 9 heures grand bal masqué qui rappelait tout-à-fait celui du 1-r janvier de la salle de S-t George; des buffets moins riches à la vérité, mais auxquels les distributions de rafraîchissements étaient, je crois, plus abondantes. Il y a eu 24 paires de costumes différents arrangés d'après les baillages, ce qui était très-joli à voir. Ils exécutèrent plusieurs danses qui animèrent la société. La cour ne danse que dès polonaises. Il y a eu à ce bal 2500 personnes, et c'était trop peu pour le local. Je me sentais si mal à mon aise, que je désirais la fin avec impatience; cependant il a fallu souper, et je vois en rentrant chez moi qu'il est plus d'une heure.

*

Le 14 octobre.

L'Impératrice a aujourd'hui 59 ans, et à cette occasion il y a eu un grand gala. On nous a fait aller à la messe; je me sentais toujours fort souffrante, cependant il a fallu se coiffer, se parer et marcher comme les autres. La reine a donné à sa mère une robe magnifique en velours brodé d'argent; le roi un très-beau vase de la fabrique de Stuttgard, les enfants donnèrent des bagatelles. L'Impératrice à son tour fit des cadeaux aux deux dames du palais et à tous les messieurs de sa suite ainsi qu'au grand-maréchal Seckendorff et au grand écuyer. Je ne sais ce qu'en disent les messieurs, mais les dames sont dans l'enchantement d'avoir de diamants; elles les montraient de droite et de gauche avec une jubilation qui me charmait. J'ai ouï dire que l'Impératrice a donné quatre mille ducats pour la maison, c'est à dire laquais, fourriers etc., ce qui est assez beau. Enfin, ce voyage coûtera joliment à l'état, et quel est le but?

Après la messe on est entré pour se déshabiller; on a pris des robes du matin, et l'on est allé déjeuner à Bellevue, ensuite de quoi on a fait une longue promenade. Le dîner s'est passé en famille, le soir il y a eu un spectacle, l'opéra de Joseph que je n'ai pas vu, pour rester chez la c-sse Lieven. Nous devions partir demain; mais l'Empereur a écrit qu'on n'eût pas à venir à Cologne avant le 20, et cela nous fait rester un jour de plus ici. J'allais oublier de vous parler d'une surprise fort agréable que j'ai eue dans la soirée: c'est la visite du prince Basile Galitzine, votre neveu, qui arrivait d'Aix-la-Chapelle et qui est déjà reparti pour Naples. Il porte le rappel de Mocénigo et la nomination de Stackelberg à son poste. Pour consoler le premier, on lui donne le cordon de Vladimir de la seconde classe, et on va lui proposer Turin; je ne sais pas alors ce qu'on fera de Kozlowsky. Le comte Golowkine demeure à Vienne, et Stuttgard, qui est occupé à présent par Potemkine, va passer, je crois, à Constantin Benkendorff, qui va devenir ministre. Voilà bien des nouvelles diplomatiques. Basile m'a conté Aix-la-Chapelle en détail; il prétend qu'on s'y est ennuyé à crever; il faut espérer du moins qu'on y aura fait de bonnes affaires.

*

Le 15 octobre.

J'ai fait quelques courses ce matin pour des emplettes. En rentrant je suis monté chez l'Impératrice pour l'accompagner à la bibliothèque du roi. On nous a montré de beaux ouvrages, de beaux dessins, de belles gravures. Il y a eu un grand dîner à la cour, après le quel j'ai été faire une visite à la duchesse Guillaume, une autre à la comtesse Zeppelin, et le reste de la soirée je suis demeurée dans ma chambre, car la cour s'est tenue en famille. L'Impératrice quitte Stuttgard avec grand regret. Le plaisir qu'elle a eu de se revoir dans sa patrie et celui de se convaincre avec ses propres yeux du bonheur de sa fille a dû nécessairement lui rendre le séjour infiniment agréable. Tout ce qu'on avait débité sur ce ménage est entièrement faux: il est impossible de trouver deux êtres qui se conviennent mieux que ce mari et cette femme. Le roi me paraît amoureux comme aux premiers jours, et de son côté la reine use avec lui de toutes les coquetteries que pourrait employer une personne qui chercherait encore à le séduire. Voilà ce que j'ai bien observé et ce qui m'a été confirmé par ses entours. Tout ce monde me paraît bien dévoué à la reine, et mad. de Seckendorff, qui est une femme d'esprit, m'a assuré qu'on l'aimait véritablement et qu'on savait l'apprécier. Elle ne m'a point caché que le roi a été d'abord blâmé dans le pays pour ce mariage; mais qu'actuellement on s'en trouvait fort heureux. Je vous répète ce qui m'a été dit, et je vous fait part de mes propres observations.

*

Le 16 octobre, à Heidelberg.

Il est dix heures, nous arrivons dans ce moment; je ne veux ni prendre du thé, ni souper, et je me retire dans la chambre de la c-sse de Lieven pour vous écrire ma journée. Les adieux ont été tout-à-fait attendrissants. L'Impératrice, ainsi que je l'avais prévu, a été touchée au dernier point; la reine pleurait; le roi a remercié sa belle-mère d'un air qui m'a fait pleurer; le tout était vraiment sincère et ne pouvait que laisser une bonne impression. Toute la cour en gala; la garnison sous les armes, comme au jour de notre arrivée. Quand je me suis retrouvée dans notre voiture, assise à ma place comme de coutume, il m'a semblait que je n'en étais jamais sortie. A la porte

de la ville m-r Otto, ministre de l'intérieur, a harangué l'Impératrice probablement pour lui exprimer ses regrets de la voir partir; à la suite du discours la musique a joué le *God save the King*, et puis nous avons roulé. Sur la frontière les deux frères de Sa Majesté, les ducs Guillaume et Henry, lui firent leurs adieux; le comte Zeppelin et le grand-écuyer de même, le premier était chargé d'une lettre de la reine par laquelle elle faisait savoir qu'elle se rendait de son côté à Heidelberg. Ceci avait été arrangé en manière de soi-disante surprise pour éviter à la reine la visite à Bruchsall. Le grand-duc de Baden avait envoyé à la frontière deux de ses messieurs pour complimenter, et, suivies de cette escorte, nous arrivâmes au château de la margrave à Bruchsall. L'Impératrice Élisabeth, en robe à queue, coiffée de diamants et parée de son cordon, se trouvait au bas de l'escalier avec la margrave elle-même, la reine de Bavière, la p-sse de Darmstadt et les comtes de Hochberg, maintenant prince de Baden. On nous fit entrer dans un salon au rez-de-chaussée, et les embrassades terminées, les présentations commencèrent. J'ai eu un sentiment de joie en revoyant nos chères compagnes; je crois en vérité que m-lle Walouïew m'a semblée ronde comme une pomme, et la bonbonière (la p-sse Wolkonsky) tout-à-fait jolie personne. L'Impératrice Élisabeth m'a traité à merveille, très-parlant et fort aimable. Le dîner a suivi de près l'arrivée; il a été long et pompeux, comme ils le sont en Allemagne. J'avais pour voisins Cyrille Narichkine et une madame Taxis, attachée à la reine de Bavière. La salle où on dînait avait tout l'air d'un réfectoire, des voûtes et des arcades comme dans un couvent. Au reste, comme ce château appartient aux éveques de Spire, il est assez simple qu'il ait été construit sur le plan de quelque monastère. Cependant l'appartement qui est au bel-étage et qui est habité par la margrave est, dit-on, très-beau, ce que je veux bien croire sur parole, car je n'y ai pas monté. Après le dîner nous avons vu arriver la reine de Suède avec son fils et sa fille et la p-sse Amélie que j'ai embrassé de bien bon coeur, qui n'a ni grossi, ni vieilli et qui est absolument telle qu'elle était à Pétersbourg. Ces dames arrivaient de Carlsruhe, où elles demeurent depuis que leur frère est si mal. La princesse Amélie est presque la seule dont il supporte les soins sans humeur; tout le reste de la famille semble le fatiguer; il est très-mal le pauvre homme. Dieu sait s'il peut traîner encore un mois; on dit qu'il éprouve des angoisses à ne savoir où se mettre. Sa femme ne le quitte pas d'un instant. La reine de Suède m'a paru très-bien pour la figure. Elle était la seule, sans aucune parure. Son fils est grand, maigre, d'une physionomie très-douce; on en dit beaucoup de bien; la jeune princesse doit ressembler

à son père d'après les portraits que j'ai vus du roi Gustave; l'un et l'autre intéressent; car rien assurément n'est plus bizarre que leur destinée! La reine de Bavière qu'on avait dit très-belle est exactement sa mère avec des yeux plus expressifs. Mimi Darmstadt (c'est le nom que porte la cadette) est raide et tout d'une pièce. Narichkine m'a dit qu'elle est la soeur bien aimée de l'Impératrice. La bonne p-sse Amélie ne demanderait pas mieux que de revenir en Russie; au seul nom de Pétersbourg toute sa figure s'épanouit. Comme tous les princes d'Allemagne qui pouvaient être ses prétendants sont déjà mariés, autant vaudrait-il qu'elle allât se nicher au palais d'hiver: elle n'y gênerait personne et y vivotterait tant bien que mal. On me paraît s'ennuyer furieusement à Bruchsall. Il faisait obscur lorsque nous en partîmes, et c'est à la seule lueur des lanternes de notre voiture que nous sommes arrivées à Heidelberg. Le roi et la reine y étaient déjà. Dans ce moment ils sont retirés avec l'Impératrice, le reste du monde soupe à côté de moi. On se propose de faire des courses demain dans la matinée, et puis nous irons dîner et coucher à Manheim.

*

Le 17 octobre, à Manheim.

On est sorti à 9 heures pour voir tout ce que Heidelberg offre de curieux.

*

Le 18 VIII-bre, à Mayence.

Si j'avais à choisir une ville pour fixer ma demeure en Allemagne, ce serait assurément Manheim qui m'a singulièrement plu. En y entrant on est charmé du coup d'oeil, qui se présente: des rues larges, propres, une parfaite régularité des quartiers, des places dégagées; de jolies maisons, enfin le tout est fort agréable. J'avais espéré qu'on ferait beaucoup de courses ce matin, mais je me suis trompée. On s'est borné à voir le château du grand-duc et l'église des Jésuites, qui est à proprement parler la cathédrale. *Artaria*, qui tient une librairie à Manheim, nous a fait voir beaucoup d'ouvrages très-intéressamts dans la partie de l'histoire naturelle; il avait apporté différents dessins et gravures que j'ai eu beaucoup de plaisir à examiner. Si j'eusse été bien riche, que d'acquisitions j'aurais voulu faire! M-me de Kotzebue,

qui demeure ici, est venue présenter ses hommages à l'Impératrice; j'ai fait sa connaissance. Aprés un déjeuner, qui a été à peu près un dîner, nons sommes reparties. La route de Manheim à Mayence est charmante; une belle chaussée d'abord, et puis des points de vue délicieux; le Rhin paraît à diverses reprises, souvent même on le côtoye; le temps s'était mis entièrement au beau, point de brouillard, les objets se présentaient sous l'aspect du monde le plus agréable. Il faisait obscur lorsque nous arrivâmes à Mayence. Avant de descendre aux *Trois Couronnes*, auberge qu'on avait retenu pour l'Impératrice, nous fûmes directement chez la princesse d'Anhalt-Bernbourg Schauenbourg, belle-mère de l'archiduc-palatin, qui se trouve ici en passant avec les enfants de ce prince. L'Impératrice avait promis à l'archiduc d'aller les voir, et elle s'est acquittée de sa parole. La princesse est logée également dans une auberge. Comme nous y étions, un domestique vint nous dire que le comte et la c-sse Schouvalow demandaient à nous voir; m-lle de Samoïlow y alla de suite; je la suivie bientôt et je fus enchantée de revoir de nos chers Russes. L'Impératrice a donné à souper à la p-sse de Schauenbourg, au prince de Nassau, aux plusieurs généraux du pays et aux Schouwalow. On vient de sortir de table. Nous sommes menacés de sortir demain de très-bonne heure pour aller voir ce qu'il y a de plus intéressant dans Mayence, et je prévois que je n'aurai pas beaucoup de temps pour me reposer.

*

Coblence, le 19 VIII-bre.

J'ai voyagé aujourd'hui avec un véritable plaisir traversant tout le long du jour les plus belles contrées et à portée de jouir de chaque vue qui se présentait. L'Impératrice est passée avec moi dans la calèche de m-r de Narichkine, qui s'est mis sur le siége pour faire le cicérone, emploi dans lequel il s'est trouvé souvent en défaut. Au reste, avec Reichardt et Schreiber à la main et que je consultais alternativement, je m'instruisais parfaitement sur tous les objets qui excitaient mon intêret. La princesse de Bernbourg vint présenter les enfants de l'archiduc-palatin dont on s'occupa longtemps; les Schouvalow arrivèrent pour faire leurs adieux, et pour ma part j'eus la visite de Kreidemann, attaché à notre mission de Francfort, qui venait me donner des nouvelles du prince Théodore, qui avait passé la veille revenant de Paris pour aller joindre sa femme à Dresde. Pendant ce temps le gou-

verneur de la ville et le commendant de la forteresse se mouraient d'envie de conduire l'Impératrice à la citadelle; et ces deux vieillards se démenèrent tant qu'enfin ils réussirent. Nous voilà donc dans une calèche traversant tout Mayence au milieu d'une garnison armée jusqu'aux dents, accompagnées de *vivat* sans cesse répétés et transportées ainsi à la citadelle pour jouir un moment de la belle vue qu'on découvre de là. On parla un moment de monter une certaine tour bâtie par Drusus; cependant la crainte d'arriver trop tard à Coblence prévalut et, en quittant la citadelle, on se mit dans l'ordre que j'ai décrit plus haut.—Je ne vous parlerai pas en détail de tous les charmes de ce voyage le long du Rhin, car ce serait à n'en pas finir; tout ce qu'on voit est délicieux; la chaîne des montagnes, les ruines des vieux châteaux, le beau fleuve qui se présente sous tant d'aspects différents, les rochers, les vignobles, il est impossible de voir de plus beaux tableaux. La journée était superbe, un soleil aussi chaud qu'au mois de juin, enfin rien ne manquait pour compléter l'agrément de ce voyage. On s'arrêta à la petite ville de Bingen pour y faire un déjeuner, et tout de suite après le prince de Wittgenstein qui nous accompagne par ordre du grand-duc de Hesse, nous mena voir le jardin de m-r Faber, un des habitants de Bingen; l'enceinte de ce jardin comprend les ruines du vieux château dit Klopp, il domine la ville et mérite d'être visité. M-r Faber, qui était avec nous, pria très-humblement Sa Majesté d'inscrire son nom dans un livre où il fait écrire tous les voyageurs. L'Impératrice y consentit; je signai après elle et j'écrivis en russe mon nom tout au long. Ne le lira pas qui voudra! Au jour tombant la scène prit un autre aspect; il y avait quelque chose de si reposé dans toute la nature, qu'on éprouvait malgré soi une disposition au romantisches; avec un peu d'imagination on eût pu retrouver dans chacun de ces châteaux ruinés toutes les histoires qui prêtent aux ballades et aux romances. Sur la rive droite du Rhin on voit un énorme rocher qui porte le nom de Luckberg; c'est un point où il y a un écho très-remarquable qui répète cinq fois un mot tout entier. Le postillon proposa d'arrêter pour en faire l'essai. M—r de Narichkine cria *écho* qui se répèta très-distinctement; l'Imperatrice nomma *Alexandre*, et moi *souvenir*, après quoi nous poursuivîmes notre route. Le soir nous primes des flambeaux pour éviter quelques mauvais passages, qui d'avance avaient effrayés l'Impératrice. Mais nous n'y gagnâmes rien pour la vue; rochers, châteaux, ruines, tout était dans une parfaite obscurité; la seule voûte étoilée nous offrait encore un beau spectacle. Une poste avant Coblence nous reprîmes nos places dans la voiture. Cette journée

a été vraiment charmante; j'ai pensé bien souvent à Modène, qui m'avait recommandé de me souvenir de lui sur les bords du Rhin.

*

Cologne, le 20-bre.

Après la journée d'hier il était permis d'espérer du beau temps, mais il n'a pas répondu à notre attente; il s'est élevé un vilain vent qui nous amenait par moment une pluie fort incommode. J'étais en calèche avec l'Impératrice; le désir de voir le pays et la crainte d'être moullées nous obligeaient souvent à faire halte, tantôt pour fermer la calèche, tantôt pour l'ouvrir, ce qui dans le fait était passablement ennuyeux. J'avais mon Schreiber à la main et je ne pouvais y jeter les yeux qu'on ne m'assomma de questions tantôt sur un village qui venait à se présenter, tantôt sur une ruine. Les choses de rien attiraient l'attention de l'Impératrice, et elle trouvait mauvais de ne pas les voir expliquées dans mon livre. Nous sommes arrivées à Cologne à 5 heures et descendues droit au dôme qui est une des choses les plus curieuses de cette ville; quoiqu'il n'ait jamais été achevé, on le considère comme un des plus beaux monuments de l'architecture allemande; il fut commencé l'an 1248. Cette église renferme une infinité de détails intéressants, et je croyais bien qu'on irait les voir tous; mais à l'exception de l'autel et d'un tableau très-ancien, nous n'avons rien vu. L'Impératrice s'est dépêchée de partir, et je suis bien trompée si ce n'est pas encore par raison de colique; je suis fort tentée de croire que c'est la seule qui a mis entrave à sa curiosité.

*

Maestricht, le 21 VIII-bre.

Une journée des plus charmantes! J'ai revu tous nos chers Russes et je vous jure que cela a été avec un sentiment de plaisir inexprimable. Ce qui me réjouit dans ce moments, c'est la perspective de les voir encore à Bruxelles et de passer quelques jours avec eux. Tandis que nous avions expédié un courrier à l'Empereur, il en est arrivé un de sa part chez nous, pour nous avertir qu'il nous attendait à dîner à sa campagne aux environs d'Aix-la-Capelle et en même temps indiquer la route que nous devrions suivre. Nous partîmes de

Cologne un peu avant huit heures; toute la caravane avait fait une toilette un peu plus soignée que de coutume; cependant notre patronne voulut absolument changer encore de chapeau. A cet effet m-r Narichkine reçut l'ordre d'arrêter quelque part, où l'on pût entrer décemment, afin de procéder à cet arrangemeut. Au bout de deux postes la voiture fit halte en face d'une maison de bonne apparence, le propriétaire était sur sa porte; on lui demanda à entrer, et il nous répondit que sa maison était déjà retenue pour l'Empereur de Russie, qui devait arriver d'un moment à l'autre. On ne pouvait mieux rencontrer: nous n'y fûmes pas une demi-heure sans le voir venir avec le grand-duc Michel. Je passerai sous silence les *ah*! et les *oh*! qui accompagnèrent l'entrevue. J'ai trouvé l'Empereur maigri après son indisposition d'Aix-la-Chapelle, du reste très-gai, très-élégant; le grand-duc exactement tel qu'il était à son départ. On causa un quart d'heure et l'on se remit en route. L'Impératrice monta dans la calèche de son fils; monseigneur entra dans celle de Narichkine; nous y gagnâmes le petit Rhul, et de cette manière on arriva au rendez-vous indiqué. Les convives de Sa Majesté furent l'empereur d'Autriche, le duc de Wellington, le prince royal de Prusse et son frère, le prince de Hesse-Hombourg et la p-sse de la Tour et Taxis, soeur de la feue reine de Prusse (et qui ne vaut pas deux liards) avec sa fille, ensuite le comte de Lieven et sa femme, Troubetzkoï avec la sienne; le prince Wolkonsky, comme de raison; deux généraux prussiens qui nous avaient escortés et le comte de Wrede de la suite de l'empereur François. J'ai eu Lieven pour voisin, et nous avons beaucoup causé; il paraît que tout sera terminé dans 15 jours à Aix, qu'on est fermement résolu de ne conférer sur aucun objet étranger qui puisse arrêter, et qu'on tient au projet de revenir au temps convenu. J'ai beaucoup regardé le duc de Wellington: sa figure est absolument telle que je me la suis représentée; elle répond à mon avis à tout ce qu'il est et plaît infiniment sous le rappòrt de la régularité des traits comme aussi d'un certain air de franchise. Au sortir de table l'Empereur voulut que je fisse sa connaissance et me le présenta. Peut-être le verrons-nous à Bruxelles. L'Impératrice voulut voir les aides-de-camp généraux qui se trouvent à Aix, et on fit chercher Ouvarow, Menchikow, Czernichew. Adam Ojarovsky sera déjà parti pour se marier; nous ne l'avons pas vu. Au reste, je viens de me rappeler qu'il est resté à Paris pour faire des emplettes.—L'empereur d'Autriche ressemble à ses deux frères que nous avons vus; mais de loin il m'a fait l'effet du défunt Prozorowsky; riez-en, si vous voulez; voilà le jugement que j'en porte. Après le dîner nous sommes resté entre nous Russes et puis nous sommes parties

pour Maestricht où l'Empereur nous a accompagné. Il a de nouveau mené l'Impératrice, et le grand-duc Michel est venu avec nous dans notre voiture. Le prince et la princesse d'Orange sont venus ici à notre rencontre. J'ai trouvé madame Anne très-embellie, un air dégagé et s'exprimant avec moins de prétention. On dit généralement qu'elle a beaucoup gagné pour la conversation et que cela fait à présent une femme très-aimable. J'en suis bien aise pour son mari, qui l'aimera plus longtems.

*

Bruxelles, le 22 VIII-bre.

Si ma santé ne devient pas plus mauvaise, je prévois que je m'arrangerai infiniment du séjour que nous comptons faire dans cette ville. Il n'y a que quelques heures que nous y sommes, et déjà tout m'y plaît. Nous ne logeons pas à la cour; on nous a établies dans une auberge parfaite, et j'ai le plaisir de demeurer, pour ainsi dire, côte à côte avec Basile Dolgorouky, qui est ici avec sa femme. L'Impératrice et la comtesse Lieven sont les seules qu'on a pu placer dans la maison de m-me la princesse d'Orange. Nous avons quitté Maestricht entre 8 et 9 heures; l'Empereur en est parti au même moment que nous. J'ai voyagé avec la comtesse Samoïlow dans une voiture séparée, l'Impératrice ayant pris sa fille et son gendre dans la sienne. Le roi et la reine des Pays-Bas vinrent au devant de nous jusqu'à Louvain, où l'on dîna; mais comme nous sommes arrivées une demi-heure après l'Impératrice, je ne puis vous dire comment s'est fait la connaissance. Ce qui est certain, c'est qu'à table tout allait le mieux du monde; je m'y suis trouvée placée auprès d'une dame très-aimable, dont jusqu'à présent je ne sais pas le nom. Le roi a la figure du monde la plus pitoyable: il est laid, il est maigre, il est gauche; la reine parfaitement agréable pour les formes; le prince d'Orange lui ressemble beaucoup; le prince Fréderik, dont on dit infiniment de bien quant à l'esprit, l'instruction et la conduite, a la tournure de son frère; on dit que c'est le favori du père. Au reste, à en juger sur les apparences, tout paraît y être arrangé dans la famille. Le roi a l'air d'être content du prince d'Orange, et celui-ci de son côté lui témoigne toute la déférence convenable. Czernichew m'a dit que l'Empereur avait fait la leçon au jeune homme et qu'il avait promis de suivre ponctuellement ses avis. D'ailleurs il préfère toujours Bruxelles à la Haye, aussi les Belges font-ils profession de lui être dévoués. Je crois qu'ils le flagornent pour leur

intérêt à venir. Cette ville sert toujours de refuge à tous les Français dont on ne veut pas à Paris. *Sieyès*, *Cambacérès* et *David* s'y trouvent dans ce moment; on les rencontre à la promenade, et il est très-possible que je les voye demain. *Vandamme* vient de partir il y a quelques jours.—Après le dîner, le roi, la reine et le prince Frédéric prirent les devants; nous les suivîmes dans le même ordre que nous étions partis de Maestricht. L'Impératrice avait supplié qu'on lui épargnât le cérémonial d'une entrée solennelle, de sorte qu'on descendit à l'hôtel du prince d'Orange sans aucune pompe. J'ai eu le plaisir de retrouver ici tous les Belges que j'avais connus à Pétersbourg: le colonel du Caylard, devenu maréchal de la cour du prince royal, le petit chambellan *Nagel*, m-r de *Heerd*, celui qui fut ambassadeur pour demander m-me la grande-duchesse en mariage. Ces messieurs ont été fort satisfaits de me revoir et m'ont offert leurs services avec infiniment de bonne volonté. On nous a fait faire la connaissance de m-me Fagel, grande maîtresse de la maison de la princesse d'Orange, et de plusieurs dames encore, dont je saurai les noms demain; je puis vous dire en attendant qu'elles sont toutes très-aimables et d'une politesse française qui est loin de me déplaire. Le roi, la reine, le prince Frédéric et la petite princesse Marianne revinrent de nouveau faire une visite à l'Impératrice; la princesse douairière également, c'est-à-dire la vieille princesse d'Orange et sa fille la duchesse de Brunswick. On se fit force révérences, on se dit beaucoup de belles phrases et puis on se sépara. Nous reçûmes également notre congé; je viens à notre logis, je montai droit chez les Dolgorouky, où je viens de passer toute la soirée. Basile revient de Paris; il y était au passage de l'Empereur et il m'a conté tout l'enthousiasme qu'il y a excité de nouveau; il a été accablé de suppliques, il n'a rien accepté, rien lu, n'a voulu recevoir personne.— Le roi de Prusse n'a fait aucune sensation; mais comme Paris a un charme tout particulier pour sa majesté prussienne, elle y est restée pour baguenauder tout à son aise. Demain on l'attend ici, de même que les grands-ducs Constantin et Michel, l'un venant également de Paris, l'autre de Maestricht.

*

Le 23 octobre.

L'hotel de Bellevue que nous occupons est très bien situé; d'un côté on voit la place royale (la principale de la ville), de l'autre on est en face du *parc*, qui est la plus jolie promenade de Bruxelles; ma

chambre donne sur la place. Dans ce moment toute la maison est remplie comme un oeuf. Le général Phull prétend que c'est avec toute la peine du monde qu'il a pu nous procurer des logements. Nous sommes séparés en trois colonnes, et on sera obligé de prendre encore un appartement différent pour l'Empereur et les grands-ducs.

J'ai été chez la princesse d'Orange à midi; toute notre société à l'exception de m-elle Samoïlow, qui a une fluxion, est venue avec moi. On nous avait ordonné de nous rendre à la cour en toilette soignée: robe riche et à queue; il s'agissait d'aller rendre notre visite au roi; en effet nous y allâmes entre une et deux heures. Le palais de leurs majestés n'est pas quelque chose de fameux; l'ameublement en est ancien et ne présente ni richesse ni élégance. A l'hôtel du prince royal tout est d'une fraîcheur admirable et du genre le plus nouveau, en sorte que le contraste est frappant. Toutes les dames du palais de la reine, les grandes charges, les chambellans etc. etc. etc. sont venus à la rencontre de l'Impératrice; le roi et la reine étaient au haut de l'escalier. On est entré dans un salon, où il n'y avait que le nombre de fauteuils nécessaires aux augustes personnages; nous autres restâmes debout dans la pièce voisine dont les portes étaient ouvertes. Il y eut force révérences entre moi et le monde qui se trouvait dans cette autre chambre. M-me Fagel me présentait de droit et de gauche et me nommait toutes les femmes. C'était uue amalgame de Hollandaises et de Belges; je dois dire que la mise de toutes était de la plus grande élégance, bien autre que celle de Stuttgard. Mais ce que je trouve charmant, c'est le costume de la reine qui est sévèrement copié sur tous les tableaux de Van-Dick; cet habillement est extrêmement distingué; il sied surtout à une personne de la taille de la reine, qui est svelte et gracieuse; le toquet avec une plume tombante coiffe aussi à merveille. Au reste, la reine m'a tellement plu du premier moment que je suis sûre de la trouver toujours bien. La visite a duré une bonne demi-heure. On a reconduit l'Impératrice avec le même cérémonial. A cinq heures un dîner en petit comité chez le prince d'Orange; la grande toilette a fait place à une autre plus simple. En sortant de table, je suis rentrée chez moi et j'ai engagé le prince Dolgorouky à aller au théâtre. Nous avons vu danser Anatole et sa femme dans les bottes de Nina; on dit que m-me a beaucoup copié dans la pantomime la fameuse Bigotini; le mari a de l'aplomb, danse bien, mais n'a point de jeu dans la physionomie; d'ailleurs un Germinis, qui danse en uniforme et bien serré, n'est pas agréable à voir, le ballet à mon avis exigeant toujours un costume particulier. Du spectacle je suis rentrée

pour vous écrire et me coucher. J'oubliais de vous dire, qu'en sortant de chez le roi et la reine, nous avons été chez les princesses douairières.

*

Le 24 octobre.

Je suis sortie aujourd'hui à 9 heures du matin pour courir les magasins. M-elle d'Outremont, l'une des demoiselles d'honneur de la princesse d'Orange, est venue avec moi. J'ai vu des choses charmantes dans tous les genres, et si j'avais eu seulement la faculté de faire une certaine quantité d'emplettes, je vous réponds, madame la comtesse, que j'en aurais fait de bonnes. On est fourni de tout ici: étoffes, fleurs, chiffons, bijouteries, rien n'y manque; les yeux sont fatigués et éblouis à force de les promener d'un objet à l'autre. On voudrait acheter tout ce qu'on voit à cause de la différence des prix d'avec Pétersbourg. Bruxelles est un petit Paris à la lettre. Cette ville est charmante, quelque chose de gai, de riant; les rues larges et bien tenues, des maisons d'une architecture agréable, enfin rien qui ressemble à ces villes d'Allemagne que j'ai vues jusqu'ici. A midi j'ai dû rentrer pour faire toilette; nous avons eu grande présentation pour les hommes dans le même ordre que cela se pratique chez nous: d'abord le corps diplomatique, puis le comité des ministres, les états généraux et ainsi du reste.—Grand dîner chez le roi; les dames en robe à queue, les messieurs richement habillés. Sur les huit heures du soir grand cercle chez l'Impératrice pour les dames; il a fini à 9 heures passées. J'étais rendue de fatigue. Je voulais bien, en rentrant chez moi, prendre quelque repos, mais les Dolgorouky m'entraînèrent chez eux, et j'y suis restée jusqu'à présent qu'il est minuit. Le roi de Prusse n'est point arrivé; il a député ici le prince Charles de Meklembourg pour dire qu'il était malade et se rendait en droiture à Aix-la-Chapelle. En quittant Paris il a eu un accès de fièvre qui a précédé une fluxion, et craignant d'être plus malade encore, il est allé en toute hâte à Aix. Le grand-duc Michel est arrivé, mais Constantin est encore à Paris; je présume qu'il ne viendra qu'avec l'Empereur, c'est-à-dire au moment où Sa Majesté doit se rendre à Bruxelles.

*

Le 25 octobre.

J'ai été ce matin à la messe, après quoi je suis montée un moment chez la comtesse Lieven. J'y ai trouvé l'Impératrice avec sa fille, son gendre, ses petits enfants, tout cela réuni en tableau de famille. L'aîné des enfants est étonnant pour son âge; n'ayant que 20 mois, il a l'air d'avoir 3 ans: blanc, fort, robuste, le père le soigne comme une bonne et l'élève pour le physique tout-à-fait à l'anglaise. Le petit est extrêmement joli; ces traits sont plus délicats que ceux de son frère. Il y a eu promenade à Lacken et grand déjeuner chez le roi; ensuite dîner chez le prince d'Orange; le soir spectacle: on a donné un vaudeville appelé *Les deux précepteurs* et l'opéra de Joconde dans la perfection. Je n'imagine pas que cela puisse être meilleur à Paris; la cour y a été en gala; on a applaudi à tout rompre quand elle a paru. Pour ne pas courir le risque de ne rien voir, si je restais derrière les majestés, j'ai été me placer dans la loge du prince d'Orange avec la duchesse de Brunswick. Tous les princes y vinrent également, et nous avons joui en plein de l'opéra qui est réellement ravissant! J'ai fini ma soirée chez mes chers voisins Dolgorouky. M-me de Nesselrode est aussi arrivée aujourd'hui; je n'ai pu la voir qu'un moment.

*

Le 26 octobre.

Comme on nous avait signifié que nous ne serions demandées aujourd'hui que pour 8 heures du soir, j'ai mis à profit ma matinée. J'ai couru la ville d'abord avec m-me de Nesselrode, ensuite avec m-elle d'Outremont; j'ai fait quelques emplettes, j'ai commandé des robes. Nous avons dîné très commodément avec les Dolgorouky. Le soir au bal chez le roi. Ce bal est bien autre chose que ceux de la salle blanche; il ne ressemble pas même à celui de Stuttgard, le local n'y prêtant pas du tout; en revanche les toilettes charmantes et le genre de Paris. Après une douzaine de polonaises on a dansé alternativement des valses et des françaises. Rien n'est plus plaisant que de voir au milieu des quadrilles un homme habillé comme un père noble de la haute comédie, une claque sous le bras et criant de toutes ses forces: chaîne anglaise, les dames à droite, chassez, balancez et le reste. C'est le maître de danse qui est obligé de paraître à tous les bals sans en excepter ceux de la cour; ainsi qu'un général qui commanderait

une parade, on voit ce personnage commander les figures. Quand on n'y est pas accoutumé c'est assez plaisant. Après le souper chacun s'est retiré sans rentrer dans la salle du bal. M-r Willamow est parti aujourd'hui pour Paris, et m-r Narischkine s'apprête à en faire autant dans la nuit; il va voir ses enfants qui tous deux son sur leur départ pour la Russie.

*

Le 27 octobre.

Ce matin la messe à laquelle on a assisté en robes déshabillées. Je suis rentrée à midi pour voir m-me de Nesselrode qui m'attendait chez les Dolgorouky. On a dîné chez le roi; un couvert de quatre vingt cinq personnes; le corps diplomatique s'y trouvait prié. En voyant m-r de la Tour, qui représente ici pour la France, je n'ai pu m'empêcher de rire à part moi, en me rappelant que ce même homme avait occupé cette maison du roi en qualité de préfet; il ne se doutait sûrement pas, lorsqu'il y donnait la loi au nom de Bonaparte, que dans quelques années il y ferait sa cour à un prince exilé et qui devait autant s'attendre à devenir roi que moi à devenir reine. Au reste, je ne sais trop s'il peut compter beaucoup sur la durée de sa royauté. Ce pays, d'après tout ce que je vois et entends, est fort en l'air....! Un grand mouvement en France, et adieu la Belgique pour le roi Guillaume, à moins que le prince d'Orange ne réussisse à s'y faire un parti considérable.—Entre le dîner et le spectacle j'ai causé avec m-r Vander Burch, gouverneur militaire du Brabant; il m'a dit beaucoup de choses très sensées que je vous conterai un jour en détail. On est allé au théâtre à 7 heures; on a donné le Misanthrope et un opéra appelé le Rossignol. La comédie a été bien jouée; la musique de l'opéra m'a fait également plaisir. C'est une grande ressource ici que le spectacle; on y va beaucoup, et la salle est toujours remplie.

*

Le 28 octobre.

Heureusement j'ai eu aujourd'hui toute ma matinée libre; j'en ai profité pour courir de nouveau les superbes magasins; j'ai pu faire quelques emplettes pour vous, m-me la comtesse, et voir en détail toutes ces jolies boutiques. Avant de me mettre en courses, j'avais été

chercher m-me Vander Burch; elle m'a proposé d'accepter un déjeuner chez elle; il a fallu se rendre à cette politesse. Son mari, tout gouverneur-général qu'il est, vit à peu près comme un négociant. La maison est petite, très-propre et tout-à-fait distribuée à l'anglaise; on m'introduisit dans une salle basse, où je trouvai une table dressée de 6 couverts, dont le nappage me frappa par sa beauté et sa blancheur. M-r Vander Burch me présenta trois de ses enfants: deux garçons et une petite fille, ensuite deux de ses aides-de-camp qu'il me nomma et dont j'ai eu le talent d'oublier les noms aussitôt. On servit du caffé Mocka, du thé vert, qu'on appelle ici thé impérial, et beaucoup de bonnes choses pour accompagner l'un et l'autre. Pendant le déjeuner la conversation roula en grande partie sur la charge de m-r de Vander Burch qui n'est pas fort généreusement payée: tout son traitement se monte à 10 mille francs, n'étant ni logé, ni chauffé, ni voituré, et ces articles ici sont fort chers. Un de ses aides-de-camp avait fait la campagne de Russie; ce fut un nouveau sujet d'entretien; il me conta beaucoup d'anecdotes assez intéressantes. Ce jeune homme parlait bien, mais dans les principes du monde les plus libéraux; il m'amusa infiniment. Je tâchai de lui prouver que nos paysans (serfs, comme il les appelle) sont bien plus heureux que d'autres, et je le démontrai si bien que le gouverneur et sa femme se rangèrent de mon côté. M-me Vander Burch me mena à une fabrique de dentelles, où j'ai vu la manière de les faire; c'est tellement minutieux, tellemeut détaillé qu'on ne saurait les payer assez cher.—Je suis rentrée très-tard; j'ai dîné fort en l'air chez les Dolgorouky, et le soir nous avons tous été au bal chez le prince d'Orange; on y a dansé, ainsi que chez le roi, beaucoup de françaises, et le maître de danse faisait sa besogne tout comme l'autre jour. Lorsqu'on a été souper, j'ai demandé la permission de me retirer; je ne me porte pas bien du tout après le déjeuner de m-me Vander Burch. S'il n'était pas si tard, je prendrais médecine; mais je vais essayer de dormir.

*

Le 29 octobre.

Quoique je ne me sentisse pas bien encore ce matin, il a fallu suivre l'Impératrice aux établissements qu'elle se proposait de voir depuis longtems. Nous sommes sorties à onze heures pour ne rentrer qu'à cinq. On a commencé par aller chez *les Orphelins.* Notre seconde vi-

site fut aux *Enfants trouvés*. De là à *S-te Gertrude*. Puis *l'Hôpital S-t Jean*. De là chez *les Ursulines*. Notre dernière visite fut à *l'Hôpital S-t Pierre*. Nous avons été dans tous les coins et recoins de cet hôpital qui a singulièrement intéressé l'Impératrice.—A dire vrai, je tombe de fatigue; en rentrant de toutes ces courses, j'ai dû faire une grande toilette pour aller dîner chez le prince d'Orange. Tout le monde a été de là au spectacle, pour moi je l'ai manqué pour venir me reposer. Je me sens toute malade, et toujours cette maudite bile.

*

Le 30 octobre.

Toute la journée sans sortir de chez moi; la matinée entière au lit. Ah, bon Dieu, que ne suis-je à Pétersbourg, pour y voir un seul instant mon cher Creighton; je suis sûre qu'il me guérirait bien vite de tout ce que je souffre. Hélas! Le petit Rhull va toujours en tâtonnant et de cette manière prolonge mon supplice. Il y a eu aujourd'hui relâche pour le dîner et le soir grand bal à l'hôtel de ville. Si quelque chose peut me consoler d'être malade, c'est de ne pas me trouver dans ce bal qui doit être une cohue.

*

Le 31 octobre.

Si je n'étais pas à Bruxelles et surtout à la suite de l'Impératrice de Russie, je me serais donnée encore du repos pour la journée; mais il a fallu sortir et avec une médecine dans le corps faire une course à trois lieues de la ville. On a été à Vilvorde où se trouve la maison de correction. En revenant de Vilvorde nous fûmes dîner à notre logis, et le soir il y eut un charmant spectacle chez le prince d'Orange. Le théâtre avait été dressé dans une des salles et arrangé avec un tel goût et une telle recherche que j'aimerais beaucoup qu'on l'imitât chez nous pour les spectacles de l'Impératrice. Le souper a suivi le spectacle.

*

Le 1-er novembre.

La matinée a été libre. J'ai eu chez moi une consultation avec deux médecins de ce pays; je leur ai fait l'exposé de tout ce que je souffre depuis Varsovie, et quoique ces médecins ne me reverront peut-être jamais, j'ai été bien aise d'avoir leur opinion sur mon *singulier état*. M-r Montain, l'un des deux, a fait ma conquête; il m'a très-bien entendu, et j'ai trouvé qu'il explique l'histoire de ma bile beaucoup mieux que notre petit Rhull, qui jusqu'ici m'a droguée pour rien. Le chapitre de santé a fait place à celui de la politique; le docteur m'a conté bien des choses qui toutes viennent à l'appui de mes refléxions de l'autre jour sur ce qui regarde le royaume des Pays-Bas et même la France. *Tout cela est bien précaire.*—J'ai revu aujourd'hui d'anciennes connaissances avec un plaisir infini; c'est le *marquis d'Autichamp* et sa femme, ainsi que la *princesse de Broglio Revel.* Ils se sont rendus ici pour faire leur cour à Sa Majesté. M-me d'Autichamp n'a pas changé d'une ligne; il n'y aurait peut-être que sa bouche qui pourrait se plaindre des ravages du tems: il ne lui reste plus qu'une seule dent; mais comme elle paraît encore tenir ferme, cela n'empêche pas la chère petite marquise de très bien faire son repas. Le marquis est gouverneur du Louvre, comme vous savez; cela lui donne un logement; le traitement d'ailleurs ne paraît pas très-considérable. M-me de Broglio a marié son fils avec une cousine fort riche; elle est établie avec ses enfants et paraît être fort heureuse. Lorsque j'ai demandé à monsieur d'Autichamp: comment cela allait chez eux? *Nous ne sommes pas sur des roses*, m'a-t-il répondu.—On a dîné chez le roi. L'Impératrice avait vu dans la matinée une bibliothèque et une galerie de tableaux que je ne verrai probablement jamais. Après le dîner on s'est arrêté un moment, ensuite on a été au spectacle, qui a été donné dans le parc. Les pièces que nous avons vues ont réussi à merveille. Il y en a eu une de circonstance qui m'a fait réellement plaisir. On a chanté un couplet pour l'Empereur, qui a eu un succès prodigieux; le voici:

A quoi bon employer la pierre,
L'argile, le marbre et l'airain
Pour transmettre à l'Europe entière
Les traits de ce grand Souverain?
Du tems il doit braver l'orage.
Si ses traits se perdaient jamais,

On en retrouverait l'image
Dans le coeur de tous ses sujets.

Après le spectacle je suis rentrée chez moi.

*

Le 2 novembre.

Je commence la journée par avoir la visite de mon nouvel esculape; il me prescrit quelque chose que je veux prendre à l'insu du petit Khull; en adviendra ce qui pourra. La comtesse Samoïlow ayant accompagné l'Impératrice, j'ai eu encore une matinée pour moi. J'ai fait quelques courses dans les magasins et un tour de promenade avec m-elle d'Outremont. On a dîné chez le prince d'Orange. M-r et m-me d'Autichamp, ainsi que m-me de Broglio, ont été de la partie; la petite marquise s'est trouvée ma voisine de table; nous avons beaucoup causé de choses et d'autres et beaucoup de Pétersbourg. Le soir j'ai été au spectacle avec la princesse Dolgorouky; je m'y suis endormie, parce que je m'y sentais mal à mon aise et que j'avais une toilette gênante. Heureusement que de suite après le théâtre j'ai pu rentrer chez moi. J'ai eu l'extrême satisfaction de recevoir aujourd'hui votre lettre du 13 octobre qui m'accuse enfin la réception de deux cahiers de mon griffonage.

*

Le 3 novembre.

Il avait été question d'aller aujourd'hui à Tervures, maison de campagne à quelques lieues de Bruxelles, mais le tems qui s'est mis à la pluie dès la nuit a fait changer de projet; on a été d'abord à la messe, après quoi chacun est allé chez soi, et je suis restée tranquillement à l'Hôtêl de Bellevue jusqu'à l'heure du dîner qui a été chez le roi; la princesse d'Orange, se trouvant incommodée, n'est point venue avec nous. Le soir j'ai été au spectacle m'ennuyer à Panurge; je m'étais sacrifiée pour m-elle Samoïlow. M-r de Narichkine doit arriver ce soir de Paris; je pense qu'il nous apportera des nouvelles de m-me Branitzka à laquelle j'ai écrit hier en lui envoyant votre lettre.

*

Le 4 novembre.

Nous avons été en campagne aujourd'hui depuis 9 heures et demie et cela pour aller à Waterloo. Vous pensez bien que je n'aurais pas voulu manquer cette partie, aussi pour en être ai-je laissé toutes mes médecines de côté. Le tems était pluvieux; il y avait une grande humidité, cependant nous n'avons pu tenir en voiture, lorsque nous nous sommes trouvés sur le champ de bataille, et au risque d'être trempées nous avons été voir d'aussi près que possible tous les points sur lesquels les troupes alliées avaient débouché. Le prince d'Orange, qui était avec nous, a donné toutes les explications nécessaires. On voit au milieu de la plaine un monument érigé par les Anglais en mémoire de ceux de leurs compatriotes qui sont morts dans cette journée. Un autre vient d'être commencé non loin de là, sans qu'on ait pu me dire en l'honneur de qui il s'élevait. Les Anglais ont aussi coupé et emporté en Angleterre l'arbre sous lequel le duc de Wellington s'était tenu pendant qu'il donnait ses ordres. Avant d'arriver sur le champ de bataille, le prince d'Orange nous a fait arrêter au village de Waterloo pour descendre dans la maison où il avait été transporté après sa blessure. M-me *Vandenguni*, qui en est la propriétaire, nous a reçu avec une bouteille de vin à la main pour boire à la santé du prince et nous a offert des gâteaux de sa façon. Ce régal lui a valu 500 francs de la part de l'Impératrice. Nous sommes rentrés en ville à 4 heures; j'ai dîné chez les Dolgorouky, et le soir nous avons été au spectacle chez le prince d'Orange, où l'on jouait *Shakespeare amoureux* et *le Tableau parlant*. Le souper a suivi la représentation. Il est arrivé aujourd'hui tout plein de monde d'Aix-la-Chapelle: Troubetzkoy et sa femme, Ouvarow, Чаплицъ, Brosine et une quantité d'Anglais. Les princes de Prusse sont arrivés pendant notre souper; l'Empereur arrive demain. On vient de lui expédier un courrier pour savoir s'il accepte à dîner du roi ou s'il ne l'accepte pas?—M-r Narichkine est arrivé de Paris; il y a vu m-me votre soeur, qui est en bonne santé ainsi que toutes ses filles.

*

Le 5 novembre.

L'Empereur est arrivé pour le dîner vers les 4 heures. Dans la matinée j'avais vu Czernichew, Menchikow et Ojarovsky, qui étaient venus chez moi. Vous jugez sans peine de la joye que j'ai eu à les revoir. Adam ira se marier lorsque l'Empereur sera à Vienne; en attendant il demeure ici tout le tems que l'état-major y reste. Comme nous étions à table chez la princesse Dolgorouky, les fourriers de la cour vinrent nous inviter à dîner chez le roi. Il était trop tard pour faire toilette; j'écrivis donc à la comtesse Lieven pour lui dire que la chose était impossible et une fois ce billet parti, je me suis tenue fort tranquille. Je suis sortie pour faire des emplettes; j'ai fait une visite à la princesse Troubetzkoy; le soir j'ai écrit à Moscou et puis je suis allé chez les Dolgorouky, où plusieurs de nos messieurs vinrent aussi; nous causâmes le mieux du monde. J'ignore ce qu'est devenu monsieur de N—ne toute cette journée, mais je pense qu'il n'aura pas manqué de se fourrer partout pour attraper soit un mot, soit un regard de l'Empereur; j'en demande pardon à Dieu, mais c'est un homme de rien tout-à-fait. Ce qu'il y a de certain c'est que toutes les recommandations de l'Impératrice ne lui serviront pas de grande chose; il me paraît que ses actions auprès du premier personnage ne remonteront pas du tout, ou je me trompe fort. A propos, savez-vous qui est ici dans ce moment? C'est m-r de Caulincourt. Le grand-duc Michel l'a rencontré ce matin se promenant au parc avec sa femme qui est une personne très-maladive; les Dolgorouky l'ont vue à Spa; elle souffrait prodigieusement de la bile; je la plains, car je sais ce qu'en vaut l'avoir. Au reste, mon nouveau médecin, qui s'appelle m-r Montain et qui est tout uniment un déporté, me donne une mixture qui me fait plus de bien que celles de m-r Rhull. Si je revenais à Pétersbourg, j'y reprendrais ma santé; mais tant que je serai en l'air, comme je le suis ici et dans tout mon voyage, la chose est impossible. Je finirai ici mon sixième cahier que je veux remettre au prince Menchikow; il s'engage à vous la faire tenir en toute sûreté. Je suis bien aise que vous ayez reçu les envois précédents avec exactitude; j'avoue que le long silence que vous avez gardé là-dessus avait commencé à me décourager, au lieu qu'à présent me voici prête à continuer. Adieu, m-me la comtesse, portez-vous bien et rappellez-vous quelquefois de moi avec toutes les vôtres. Je suis enchanté que Julie soit quitte de la rougeole; c'est tou-

jours une bonne affaire que d'en être débarrassé. M-r de Willamow, qui est arrivé de Paris hier, m'a dit que Vladislas en était atteint depuis deux jours, mais que la maladie était aussi très-bénigne.

*

Le 6 novembre.

Nous avons célébré aujourd'hui la fête de la reine par un grand dîner qu'il y a eu chez le prince d'Orange. Tout le monde dans le plus grand gala et l'Empereur parfaitement gai et aimable; les dames qui ne le connaissaient pas l'ont fort admiré. Mais quand il s'est fait présenter à m-me de Vander Burch, j'ai cru que la tête lui en tournerait; elle trouvait la chose si extraordinairement polie, qu'elle n'en revenait pas le reste de la journée. Tous les Russes avaient été priés à ce repas. On a chanté pendant le dîner des couplets charmants que j'ai en soin de me faire donner. Le soir il y a eu bal à l'Hôtel de ville; le local est joli, la salle est bien éclairée, mais point de parquet, un plancher simplement en bois et qui avait eu le tems de devenir sale avant l'arrivée de la cour. On a dansé beaucoup de polonaises pour donner à l'Empereur la facilité de mener d'abord toutes les princesses, ensuite les dames du palais et autres. A onze heures on est allé souper; il s'est retiré, comme il a coutume de faire. Moi, j'ai été assez mécontente de ce souper qui a duré plus d'une heure; il a fallu rentrer de nouveau au salon, et tout cela a fait qu'on ne s'est retiré qu'à 2 heures; aussi me sens-je bien fatiguée. Bonsoir.

*

Le 7 novembre.

Depuis que je suis ici, j'avais toujours eu la plus grande envie d'aller aux états-généraux. M-r Heerdt m'avait promis de m'y conduire, et cela ne s'était point encore rencontré; enfin j'ai pris mon parti et j'ai prié l'Impératrice de me permettre cette visite; l'idée lui en parut si séduisante qu'elle me dit en avoir aussi le plus grand désir; cependant avant tout elle voulut en parler à l'Empereur. Je ne sais pas comment la chose a été exposée, mais à midi Sa Majesté me fit dire qu'elle allait aux états et que j'eusse à m'y rendre incessamment. L'Impératrice avec l'Empereur, le prince et la princesse d'Orange et les

princes de Prusse se placèrent dans une tribune; nous autres avec quelques-uns de nos messieurs, nous allâmes dans celle des ministres. Je ne saurais vous rendre combien j'ai été satisfaite du premier coup d'oeil: une salle superbe, éclairée d'en haut, des banquettes arrangés en amphithéâtre et occupées toutes sans exception; le président seul a un bureau; ensuite plusieurs tables pour les secrétaires, chacun de ces messieurs saisissant à la volée la pensée du personnage qui parle; enfin quelque chose de très-imposant. On traitait aujourd'hui le projet de la formation d'une milice et on a débattu le sujet en différents sens; tous les discours ont été faits en français; un seul membre a parlé hollandais; au reste, quand je dis parlé, c'est qu'il faudrait dire lu, car aucun des représentants ne l'a fait d'inspiration, chaque discours se trouvait écrit, et celui qui avait à le débiter en faisait tout simplement la lecture. Après beaucoup de discussions qui continuèrent après notre départ de la salle, la loi passa telle que l'avait voulu le roi.—Le duc de Wellington est arrivé ici hier, l'Empereur l'a fait feld-maréchal de l'armée russe et lui a donné aussi un régiment. Il est venu dîner chez le prince d'Orange en uniforme russe; le soir au bal il était en anglais; ce matin aux états-généraux en simple frac. Lady Charlotte Grevelle, qu'on suppose être en liaison avec lui, était pendue à son bras; cette femme a dû être charmante il y a 20 ans, à présent même on peut la trouver fort bien; mais sa fille, petite personne de 15 à 16 ans, est tout-à-fait gentille. En sortant des états-généraux, nous avons été voir deux hospices de charité; l'un appelé *Pacheco* qui a été fondé par un Espagnol de ce nom; l'autre appelé communément le *Béguinage*. Nos courses terminées, chacun rentra chez soi; il y eut dîner en famille. Le soir spectacle au grand théâtre; on a donné *L'ami Clermont* et le *Nouveau Seigneur*; la cour ne resta pas pour la dernière pièce, mais j'y demeurai jusqu'à la fin. Le grand-duc Constantin est arrivé de Paris. Je crois vous avoir déjà dit que le roi de Prusse, toujours avec ses rhumatismes, est parti pour Berlin et n'est point venu à la fête de la reine.

*

Le 8 novembre.

C'est la S-t Michel, par conséquent la fête de monseigneur le grand-duc. On a été à la messe sans cérémonie; les principaux personnages en fracs, nous autres en robes de matin. Au sortir de l'église, je suis revenue chez moi à pied avec m-elle Samoïlow et le grand-duc Constantin; le tems était tellement beau que j'ai pu faire cette course

en petite robe de percale et un simple schall. Peut-être avez-vous en ce moment assez de neige pour aller en traîneau, ce que je ne vous envie pas aujourd'hui, car ici c'est un très-bel automne. Nous avons eu un dîner chez le roi et tout de suite après un petit concert. J'ai entendu la Catalani; la réputation de cette cantatrice est si bien faite qu'il n'y a plus rien à en dire; je vous confesse toutefois qu'elle m'a plus étonnée que jamais; quelques personnes disaient qu'elle n'était pas au voix, d'autres m'assuraient qu'elle leur avait fait le même effet. M-me de Lieven, l'ambassadrice, prétend qu'elle ne chante plus du tout comme autrefois; ce qu'il y a de certain c'est qu'elle s'embellit infiniment en chantant.—J'ai eu du regret en disant adieu à toute la société de Bruxelles; j'en a fait de bien tristes à ces aimables dames du palais de la reine, l'obligeante Vander Burch, la polie comtesse d'Outremont et la charmante duchesse d'Ursel; il est probable que je ne les reverrai plus jamais, car quelle apparence que je revienne un jour dans cette ville? Le reine nous a traité avec tant de bonté, tant de grâce, que j'ai eu la larme à l'oeil en l'embrassant. De retour chez moi, j'ai passé le reste de la soirée dans toutes les horreurs de l'emballage et quoiqu'il soit très-tard, je ne veux pas me coucher avant de vous avoir rendu compte de ma journée. Demain nous partons de bonne heure; l'Empereur aussi; il nous dévance à Aix-la-Chapelle, où l'Impératrice doit arriver après son départ; elle y donne à dîner au corps diplomatique qui l'y attend. Ah, bon Dieu, voilà que demain nous allons rouler encore, et comme ce séjour de Bruxelles a passé vite! Je le regretterai bien une fois que nous serons dans cette fatale Allemagne. Mais je ne crois pas que j'y pense beaucoup quand nous nous retrouverons dans notre cher Pétersbourg que je préférerai toujours à tout, malgré ses 25 degrés de froid.

*

Liège, le 9 novembre.

On a quitté Bruxelles entre 9 et 10 heures. J'ai encore vu ce matin le roi, la reine, le prince Frédéric et les princes de Prusse. Les grands-ducs Constantin et Michel nous accompagnent jusqu'à Francfort, où nous allons retrouver le roi et la reine de Wurtemberg. Le prince et la princesse d'Orange nous suivent jusqu'ici seulement. J'ai passé toute la journée en voiture tête-à-tête avec la comtesse Samoïlow; la conversation n'a pas été fort animée. Nous sommes arrivés à Liège à 8 heures. Lorsqu'on a été souper, j'ai pris le parti de me retirer un

peu pour écrire, un peu pour lire. Ce matin j'ai fait mes adieux aux bons Dolgorouky qui partent immédiatement pour Paris. Les Troubetzkoy y vont aussi dans quelques jours. A propos, le grand-duc Constantin nie absolument la rougeole de Vladislas Branitzky; il prétend que ce n'était qu'une ébullition fort ordinaire. Tant mieux.

*

Cologne, le 10 novembre.

De nouveaux adieux ce matin: le prince et la princesse d'Orange nous ont quitté. Les larmes qui accompagnent toujours ces petites scènes ne disposent pas à la gaieté, et les premiers moments se passent toujours dans le silence. C'est aussi la manière dont nous entrâmes en voiture. Le pays qu'on traverse de Liège à Aix-la-Chapelle est fort agréable, des mouvements de terrein, des maisons de campagne ça et là, une quantité d'arbres fruitiers qui bordent la route, tout cela est très-joli à voir. J'ai été étonnée des progrès de la saison pendant notre séjour à Bruxelles: tous les arbres sont à peu près dépouillés de leurs feuilles. Cependant on aperçoit encore quelques fleurs sauvages dans la prairie. On avait cru arriver tard à Aix-la-Chapelle; mais comme il était à peine une heure quand nous descendîmes de voiture, m-r Alopeus proposa à l'Impératrice d'aller voir le dôme dès avant le dîner. Quelqu'antique que soit cette église, elle ne présente pas au premier coup d'oeil l'aspect imposant du cathédrale de Nuremberg, de Worms et autres que nous avons visitées. Elle paraît moins grande, et son architecture ne produit pas la surprise qu'on éprouve devant les autres; mais en revanche elle renferme des objets du plus grand intérêt.—En sortant du dôme, nous sommes allé chez un peintre nommé *Laurence*, qui nous a fait voir les portraits des principaux personnages qui se sont trouvés au congrès d'Aix-la-Chapelle. Celui de l'Empereur de Russie est d'une ressemblance admirable et bien supérieur à celui de Gérard; il est destiné au prince-régent; le roi de Prusse et l'empereur François très-ressemblants aussi; le duc de Wellington parfait. Permettez qu'à côté de ces illustres je cite mon petit ami Nesselrode; son portrait est charmant. Ce peintre est un Anglais qui n'est venu que par l'ordre du prince-régent et qui s'en retournera dès que ces portraits seront finis; il les emporte tous avec lui. L'Impératrice lui a demandé absolument une copie de celui de l'Empereur.—De retour à la maison nous n'y trouvâmes que le comte Michel Woronzow et quel-

ques jeunes gens russes de la mission, comme Dolgorouky, Krudener, le petit Jean Woronzow et un certain général Alexéew qui était resté à Maubeuge et qui s'en revient avec les troupes, ensuite Nesselrode qui avait reçu dans la matinée le grand Wladimir et l'Aigle Noir de Prusse. M-r Alopéus dîna aussi avec nous; je mourrais d'envie qu'on sortît bien vite de table, parce que tous les importants s'étaient fait annoncer. En effet j'ai vu aujourd'hui des gens que probablement je ne reverrai de ma vie: le *prince Metternich*, le *chancelier Hardenberg*, m-r de *Bernsdorf*, notre cher et bon *duc de Richelieu*. Quant au duc de Wellington et à lord Castelreagh, ils venaient de recevoir la nouvelle de la mort de la reine d'Angleterre et par décorum ils ne purent paraître; le duc écrivit à ce sujet à l'Impératrice un billet fort aimable. J'ai revu m-r de Richelieu avec un plaisir infini; je l'ai trouvé rajeuni et embelli; cependant il est loin d'être dans une position agréable. Le prince de Metternich a une tenue charmante; c'est un grand seigneur, s'il en fut jamais quant aux formes. Les Prussiens sont peu signifiants. J'ai été effrayée de la mine de Capo d'Istria; ce travail d'Aix-la-Chapelle a pensé le tuer; le bien que lui avaient fait les eaux de Carlsbad s'est absolument anéanti; il a l'air d'un spectre; aussi va-t-il à Corfou et non pas à Pétersbourg. M-r de Lebzeltern, ayant appris que j'étais arrivée, est accouru pour me voir; comme j'avais fort à coeur, qu'il vît aussi l'Impératrice, je l'engageais à aller bien vite passer son uniforme pour se présenter. Cette belle et brillante société nous fit rester à Aix jusqu'à 5 heures et demie. Aussi sommes-nous arrivées assez tard à Cologne. On est allé souper, et moi je me suis retirée pour vous rendre un compte exacte de la journée. Notre Empereur avait quitté Aix-la-Chapelle une demi-heure avant notre arrivée.

*

Coblence, le 11 novembre.

Vous vous souviendrez peut être qu'un colique survenue à Sa Majesté nous avait empêché de visiter la cathédrale de Cologne à notre premier passage; aussi voulut-elle réparer sa faute aujourd'hui, en conséquence de quoi elle se mit en campagne à 8 heures du matin. Les grands-ducs avaient autant d'envie d'aller faire leur révérence aux crânes des trois rois, que j'ai envie d'aller me baigner dans la Moselle. Mais il fallut bien accompagner leur chère maman et bon gré mal gré ils se mirent à notre suite.

Le professeur Volkraft, établi à Cologne et grand amateur des arts, proposa à l'Impératrice d'aller dans une ancienne maison où *Rubens* avait pris naissance, pour y voir encore un tableau de cet illustre peintre et un autre de Lebrun, après quoi il nous mena dans une salle qui contient beaucoup d'autres tableaux de l'école allemande, qui lui avaient appartenus et dont il a fait hommage à la ville, qui en reconnaissance lui fait une pension de 400 francs; il employe cette somme à de nouvelles acquisitions et il vient de se procurer de beaux marbres d'Italie. M-r Volkraft possède encore une collection de portraits dans le genre de Rembrandt qui est fort agréable à voir. On est rentré à dix heures et, après avoir fait quelques phrases aux Prussiens, au chanoine de la cathédrale et au professeur, on est remonté en voiture et on a fait à peu près tout d'un trait le voyage jusqu'ici.

Nous avons revu les bords du Rhin et les rochers et les ruines des châteaux; mais quelle différence pour la vue! Presque plus de verdure, des arbres nus et quelque chose de triste dans toute la nature. Non, les montagnes ne sont pas attrayantes quand elles sont dépouillées; elles ont une aridité et une certaine couleur sombre qui offre un aspect sévère. J'ai été horriblement fatiguée d'être restée tout le jour en voiture; mes pieds sont tout-à-fait engourdis. Pour l'Impératrice elle fait toujours l'objet de mon étonnement: rien ne la trouble ni ne la fatigue; c'est une santé unique, et comme on n'en voit plus parmis mes contemporains. Je suis bien sûre qu'à cet âge je ne remuerai guères et que jamais voyage pareil ne me serait entré en tête.

*

Mayence, le 12 IX-bre.

Je m'étais bien flattée qu'on n'irait rien voir aujourd'hui à Coblence, puisque nous y avions vu tout ce qu'on a coutume de montrer aux étrangers. Mais l'Impératrice qui est insatiable sur les visites de ce genre a imaginé d'aller à une église, où à tout prendre il n'y avait rien d'intéressant. On nous a montré un soi-disant tableau de Kalf et le monument d'un électeur, ensuite celui d'une princesse qui a été la fondatrice de cette église. Comme nous revenions à la maison, le comte Haake, qui nous conduisait, a fait arrêter devant *une colonne* qui avait été élevée autrefois par les Français en mémoire d'une de leurs victoires sur les Prusses. On y avait mis une inscription toute pompeuse pour perpétuer le souvenir; mais ce qu'il y a de piquant, c'est qu'au

bas de cette même inscription on en lit une autre qui dit: *vu et approuvé par nous. N. N., commandant prusse de la ville de Coblence.* Cette idée a été trouvée si heureuse qu'on la conserve telle qu'elle est, et elle nous a fait plaisir à tous.—Bientôt après on s'est mis en route; la journée entière s'est passée en voiture, quelquefois à parler des beautés du Rhin, d'autres moments à sommeiller ou bien à garder le silence. Il y a deux heures à peu près que nous sommes arrivées à Mayence; on vient de dîner. La duchesse de Nassau-Usingen est venue faire sa cour à l'Impératrice, ensuite plusieurs généraux autrichiens, deux Prussiens et de nouveau le prince de Wittgenstein, maréchal de la cour de Hesse. Demain nous allons déjeuner chez le duc de Nassau, et ensuite à Francfort, où nous trouverons le roi et la reine de Wurtemberg.

*

Francfort, le 18 IX-bre.

Je commence à croire que l'Impératrice a fait voeu de visiter deux fois chaque cathédrale qui se trouve sur son passage. Vous savez de reste si je vous ai parlé de celle de Mayence? Eh bien, aujourd'hui elle a voulu la revoir, et l'évêque du concordat nous a de nouveau mené à tous les monuments que j'ai déjà cités. Heureusement que pour cette fois elle n'a pas grimpé à la citadelle et qu'en sortant de l'église nous avons pu tout de suite continuer notre voyage. Le duc de Nassau nous attendait à *Biberich;* toute sa cour au gala nous a reçu à la porte. La duchesse est une très-jolie personne; elle est de la maison de Hilbourgshausen, soeur de la princesse royale de Bavière; il a aussi avec lui sa mère qui revient de Vienne, où elle est allée voir sa fille, l'archi-duchesse Charles. Ce duc est très-bien pour la figure, il a peut-être 25 ou 26 ans. L'Impératrice lui trouve quelque ressemblance avec notre Empereur, et je ne suis pas éloignée de le trouver aussi. Il a fait la guerre d'une manière très-distinguée et a reçu la croix à la journée de Watterloo. Ses possessions sont magnifiques; le pays qu'on traverse de Mayence à Francfort est délicieux pour la culture et la végétation; une partie de *Rheingau* lui appartient aussi; toutes les eaux minérales de ces environs font également partie de ses états: *Ems*, *Wisbaden*, *Zeltzer* et beaucoup d'autres dont j'ai oublié les noms. Enfin, c'est un seigneur qui doit être fort à son aise. Il vient de donner une constitution à ses sujets qui lui vaut pour le moment

des éloges à l'infini; nous verrons si cet ordre de choses lui prospérera à la longue. Il habite Biberich tant que la belle saison le permet; le reste de l'année il le passe à *Weilbourg*. J'ai découvert depuis peu qu'il avait demandé madame Anne en mariage; mais comme c'était du tems de Napoléon et que son père en était à peu près le vassal, on a été dans le cas d'éluder les propositions qui furent faites à ce sujet. Voilà ce que Mutterchen m'avait dit autrefois et ce que l'Impératrice nous a répété aujourd'hui. Il nous a donné un fort beau déjeuner dînatoire, après lequel on a fait une promenade en voiture ouverte pour admirer différents points de vue charmants. Le Rhin est tout vis-à-vis de son château; en descendant quelques marches on se trouve sur les bords du fleuve ombragés d'une superbe allée de tilleuls. En été cette habitation doit être tout ce qu'il y a de beau au monde; aujourd'hui encore, malgré le peu de verdure qu'on aperçoit, cette promenade m'a paru charmante. De Biberich nous avons été visiter *Wisbaden*; l'Impératrice a voulu voir la salle des bains et une espèce de jardin qui en est tout près. De là nous sommes venues à Francfort; la cour de Hesse-Darmstadt a envoyé ici un service complet: une dame du palais, deux demoiselles d'honneur, un grand-maître, un maréchal de la cour et des chambellans; on nous a logé au château du grand-duc. Tout cela va nous coûter de l'argent et des diamants; je suis persuadée que ces personnelles ne s'en retourneront pas les mains vides: quelques fermoirs du cabinet pendront à leur cou sans contredit.—J'ai fait aujourd'hui la connaissance du c-te Georges Golowkine que je n'avais jamais vu; c'est un homme très-aimable; j'ai été bien aise aussi de revoir Anstett. — Le roi et la reine de Wurtemberg sont ici depuis avant-hier. Ils y étaient venus d'abord pour l'Empereur et ensuite pour l'Impératrice; ils demeureront jusqu'après demain, que nous nous séparerons tous. Le grand-duc Constantin retourne à Varsovie; le grand-duc Michel va à Lausanne chercher m-r Laharpe qui le ménera en Italie, et nous autres nous prenons notre direction sur Weimar.

*

Le 14 IX-bre.

Comme j'étais à vous écrire hier, j'ai été toute surprise de voir entrer chez moi le duc Guillaume, frère de l'Impératrice. Il est venu tout exprès pour la voir encore, et comme il m'avait prise en grande affection pendant notre séjour à Stuttgardt, il a absolument voulu me voir aussi. Nous avons causé jusqu'à minuit.—Le duc Auguste d'Oldem-

bourg est arrivé aussi. Ce matin le c-te Golowkine m'a conduit à quelques magasins, mais je ne pus m'arrêter longtems, parce que les courses de curiosités devaient commencer à 11 heures. En rentrant, nous avons appris que la grande-duchesse de Hesse-Darmstadt était arrivée; l'Impératrice voulut la prévenir de suite et se transporter chez elle à l'instant. C'est une femme qui a du être fort belle autrefois; on dit aussi qu'elle a beaucoup d'esprit. Son fils, le prince Émile, l'avait accompagnée ici; c'est un jeune homme qui a servi avec bravoure et dont on parle d'une manière très-avantageuse.—A trois heures nous avons eu grande présentation pour les femmes du corps diplomatique. J'ai retrouvé m-me de Goltz tout aussi pétulante que par le passé. Sa fille est jolie; elle est mariée au c-te Maltzan, attaché ici à la légation de Prusse. J'ai revu aussi la comtesse Irène Worontzow qui m'a demandé de vos nouvelles, et m-me de Stein avec quelques autres encore. Après les dames leurs maris furent présentés et tous les messieurs. Il y eut grand dîner auquel assista la grande-duchesse de Hesse-Darmstadt, et après le dîner il vint encore une demi-douzaine de princesses; la veuve du prince d'Anhalt, qui autrefois avait été en Russie, ensuite une princesse de Hesse-Hombourg, mère du prince Philippe, une soeur à lui, et puis une princesse de Salm; enfin, c'était à n'en pas finir. Tout ce monde est resté fort avant dans la soirée; sur les neuf heures l'Impératrice a été chez la reine de Wurtemberg, où ses fils l'ont accompagnée. Monseigneur Michel est tellement désolé de partir qu'il en a perdu, comme on dit, le boire et le manger; il parle de l'Italie avec horreur, ce qui me fâche et me désole à la fois. L'Empereur doit être aujourd'hui à Carlsruhe; j'imagine avec quelle reconnaissance il aura été reçu par la margrave et toute la famille, car il vient de sauver Baden en s'opposant aux vues de la Bavière. Le cher prince Metternich avait déjà arrangé toute la déconfiture de ce pays. L'Empereur a tout arrêté, et le grand-duché reste intact. En attendant ce pauvre grand-duc est au plus mal; il a déjà perdu la mémoire, et on vient de proposer au duc Louis, son oncle, de prendre la régence. L'Impératrice Élisabeth ne doit pas autrement s'amuser dans sa famille avec ce tas de circonstances désagréables.

*

Marbourg, le 15 IX-bre.

Tout en disant qu'on partait de bonne heure de Francfort, on n'en est sorti qu'à dix heures. Les grands-ducs nous ont quittés l'un et l'autre. Monseigneur Michel s'est dirigé sur Carlsruhe pour faire sa cour à l'impératrice Élisabeth; ensuite il va passer quelques jours à Stuttgardt. Monseigneur Constantin ne s'y arrête plus: des affaires de recrues l'appellent à Varsovie.—Nous avons voyagé assez tranquillement jusqu'à *Gissen*, où l'on s'est arrêté pour dîner. Le pays de l'électeur de Hesse-Cassel commence à une petite lieue de cette poste. La députation de cet électeur vint jusque là à notre rencontre. Sur les 8 heures on arriva à Marbourg. Les professeurs de l'université de la ville se firent présenter à l'Impératrice, et après cette présentation chacun s'est retiré dans sa chambre. La comtesse de Lieven ne sait rien de la mort de sa belle-fille; probablement on lui cachera cet évènement du moins jusqu'à Weimar.

*

Cassel, le 16 IX-bre.

Il y a une heure que nous voilà arrivées ici. Nous sommes descendues dans un hôtel garni, et l'Impératrice, à peine débarrassée de sa capote de voyage, a été assaillie par treize altesses, tant hommes que femmes. Personne que moi ne s'est trouvée dans la chambre; je les ai introduit les uns et les autres. L'électeur est effrayant au point qu'on peut s'en trouver mal, si on n'est prévenu de la monstruosité qu'on aperçoit à son cou. C'est une loupe d'une grosseur qui passe toute imagination! A peine l'eus-je envisagé que je baissai les yeux pour ne plus les reporter sur cette horreur; heureusement qu'il me tourna le dos tout de suite. L'électrice, petite femme écourtée, était resplendissante de diamants. Le prince héréditaire est également d'un extérieur désagréable; on le dit méchant et mauvais sujet. Sa femme est une soeur du roi de Prusse et de la reine des Pays-Bas; elle la rappelle par sa taille, sa tournure et surtout par son costume. Elle avait avec elle deux de ses filles qui ne sont point mal; l'aînée peut avoir 19 ou 20 ans, la cadette n'en a que 14. Je vous dirai bien à l'oreille que notre visite de Cassel n'est uniquement que pour ces demoiselles, car on voudrait en donner une à monseigneur Michel, et nous sommes venues voir de nos yeux si elles pourraient nous conve-

nir. Mais comme je vous dis cela bien bas, gardez-le pour vous deux. Le reste des princes étaient des landgraves et leurs femmes et filles; un de ces messieurs est le père de la duchesse de Cambridge. Dieu sait quels pères et mères sont les autres! L'Impératrice, après être restée une bonne demi-heure avec tout ce monde, les a congédié et de suite est allée s'habiller pour leur rendre cette visite en toute cérémonie. Comme mes équipages ont marché droit à Weimar et que je me trouve sans robe à queue, je suis exemptée de l'accompagner, et c'est Sophie qui vient de la suivre.—Avant de quitter Marbourg ce matin nous avons été visiter une très-belle église bâtie au XIII-me siècle par S-te Élisabeth de Hongrie, dont je vous ai déjà parlé plusieurs fois. On y montre son tombeau, quoiqu'on ne sache pas positivement si jamais elle y a été déposée; quelqu'uns prétendent que son corps est ici et sa tête à Breslau; d'autres assurent que ce n'est dans aucun des deux endroits et qu'on n'a jamais pu savoir en quel lieu elle avait été enterrée. Tant y a que la croyance de la savoir à Marbourg avait autrefois attiré dans cette église une infinité de pélerins, qui par dévotion ont gratté les pierres qui servaient de marches pour monter à la chapelle, où l'on fait voir son tombeau. L'église de Marbourg est partagée en deux par un arc; d'un côté se fait le service catholique, de l'autre le luthérien. On voit dans la première partie des monuments élevés à plusieurs commandeurs de l'ordre teutonique, entre autres à un comte de la Lippe.

*

Le 17 IX-bre.

A dix heures nous avons été chercher la princesse électorale pour aller voir le Muséum. L'Impératrice jugea à propos de descendre et avant de commencer les courses on perdit là une bonne demi-heure. En attendant je fis la connaissance des deux jeunes personnes. L'aînée n'est pas mal du tout pour les traits du visage; mais un blond fade aux cheveux me fait prévoir que notre jeune prince ne la trouvera pas à son gré. La cadette a l'air bien enfant encore, n'ayant que 14 ans; cependant sa physionomie annonce de l'esprit; elle a plus de vivacité que sa soeur et se présente avec plus de grâce. On les dit très-bien élevées. D'ailleurs, la mère, qui est fort malheureuse avec son mari, s'est entièrement consacrée à l'education de ses filles: elle s'en occupe sans cesse, leur donne elle-même des leçons de dessin et pré-

side toujours aux autres. Enfin, il me paraît que si mariage y a pour monseigneur Michel, il n'y en aura que dans cette maison.

Après avoir parcouru les endroits les plus remarquables, nous avons été dans la maison habitée ordinairement par l'électeur; celle-ci est dans un style moins gothique. Nous y trouvâmes toutes les altesses de la ville réunies; on servit le dîner à deux heures et demie; à quatre on était hors de table. L'Impératrice a fait de frais incroyables pour toute cette famille, et la princesse électorale de son côté se confondait en phrases. La loupe était épouvantable vue au grand jour; on n'a sans doute jamais rien aperçu de pareil, et une femme grosse qui le verrait inopinément pourrait en avoir l'esprit frappé. La c-sse Lieven n'a pu l'envisager sans se récrier. Elle prétend que c'est une punition du Ciel pour son inconduite d'autrefois.—Aussitôt revenues de Wilhelmshöhe il a fallu faire toilette pour aller à l'opéra et avant cela une visite d'adieu à l'électrice, qui n'avait pas été du dîner à cause qu'elle ne sort presque jamais. Au théâtre on a donné Tancrède. Si la musique que je connais par coeur ne m'eut intéressée, je vous assure que je m'y serais endormie: tant ce héros de Syracuse que je retrouve partout m'ennuie déjà à crever. Nous avons ramené la princesse électorale chez elle; nous y sommes restées encore une heure entière, et maintenaut nous voici chez nous à minuit et obligées de nous lever demain à six heures pour nous remettre en route.

*

Eisenach, le 18 IX-bre.

J'avais bien cru hier avoir fait mes adieux à tout Cassel; mais point du tout: voilà que cette princesse électorale est venue aujourd'hui dès l'aube du jour, et l'Impératrice qui ne demande pas mieux que de causer, après nous avoir fait lever avant six heures, n'a jugé à propos de partir qu'après huit. Le chemin jusqu'ici a été très-mauvais. J'ai aperçu aujourd'hui les premiers frimats; point de neige à la vérité, mais une gelée assez forte pendant la nuit avait laissé des traces blanches de tous côtés, et je vous avoue que je les ai vues avec une certaine satisfaction. Nous sommes arrivées à Eisenach d'assez bonne heure. Notre aimable grande-duchesse Marie est venue à notre rencontre une poste avant. Elle est dans la joie de son âme de recevoir sa mère, et on prétend qu'on va nous fêter à Weimar plus que jamais. Hélas! J'y avais espéré une vie tranquille et retirée, au lieu de cela je vois que ce sera pis qu'à Bruxelles. L'Empereur arrive aussi dans le courant

de la semaine, et je crois même que nous le verrons vendredi. Mon Dieu, que je voudrais être à la fin de ce vogage; il me semble que je ne regagnerai jamais la précieuse liberté de rester en bonnet et en capote ouattée. Je n'en puis plus de cette existence festoyante. Aussi je vous réponds qu'une fois arrivée je ne bougerai guères; vous pouvez l'annoncer d'avance à toutes mes connaissances; tant pis pour celles qui m'en voudront. Voici le quatrième acte de notre voyage qui va commencer. J'espère qu'après le cinquième, que j'établis à Berlin, la pièce sera jouée et que nous serons sur le point de retourner dans nos foyers. En attendant permettez-moi de vous embrasser l'un et l'autre. Vous avez oublié l'échantillon de gros des Indes, mais comme je sais ce que c'est, dites à m-me la comtesse que je lui en acheterai à Leipzig.

*

Weimar, le 19 IX-bre.

Nous avons quitté Eisenach à 10 heures; il faisait un tems magnifique, le plus beau soleil du monde et qui chauffait de telle sorte que nous avons eu bien souvent les deux glaces de la voiture baissées. J'ai voyagé avec la comtesse Henkel et la comtesse Egloffstein, les deux dames de notre grande-duchesse. On a été chez le duc de Gotha, qui se trouve établi entre Eisenach et Weimar. Il était venu la veille inviter l'Impératrice à accepter chez lui un déjeuner. Cette cour de Gotha n'est composée que du mari et de la femme; une fille unique est mariée au duc régnant de Cobourg. Rien assurément n'est plus ridicule que le duc de Gotha; il louche des deux yeux, ce qui fait qu'on ne sait jamais où est son regard; ensuite il est coiffé de cent mille boucles; ses joues ont une couche de rouge; ses lèvres sont peintes; ses doigts sont tous couverts de bagues et d'anneaux; son costume est également grotesque de toutes manières; je n'ai rien vu de plus désagréable que cet homme, et Dieu sait si je n'aimerais pas mieux l'électeur de Cassel avec sa vilaine loupe que ce duc de Gotha, qui *a la manie de se faire femme*! On dit qu'il a de l'esprit, des connaissances, qu'il est même aimable, mais encore fait-il entendre tout cela avec le son de voix le plus déplaisant: quelque chose de si glapissant qu'on se sent l'envie de le prier de se taire. Il nous a donné un repas détestable, après lequel fort heureusement on a pu partir tout de suite. Nous sommes arrivées ici entre 9 et 10 heures; je n'ai pas été témoin des premiers élans de joie de l'Impératrice en voyant ses petits enfants de Weimar et de Meklembourg; on dit qu'ils ont été touchants. Losqu'on

jugea à propos de nous introduire dans le cabinet, où toute la famille était rassemblée, je ne fus frappée et charmée que de la figure de la grande-duchesse régnante. On peut dire que c'est là une grande et noble dame. Sa mise est bien différente de celle de l'Impératrice: elle est simple et modeste, comme il convient à une personne de son âge et de son état; elle n'est point fraseuse non plus, mais ce qu'elle dit est bien dit. Le grand-duc a la tournure d'un cordonnier. Les filles de madame Marie sont charmantes: l'aînée est bien jolie, la seconde gentille à manger; ses traits sont encore tous chiffonnés, cependant je lui trouve de la ressemblance avec la reine de Wurtemberg; du moins a-t-elle toute sa vivacité. Au souper je me suis trouvée placée à côté de la princesse Marie de Mecklembourg. C'est une grande fille, très-blanche, très-forte, des yeux à fleur de tête, peu de physionomie et dépourvue de grâce et de tournure, toutefois paraissant bonne personne et simple dans ses manières, ainsi que dans sa conversation. On loue beaucoup le jeune homme; il m'a l'air bien allemand. Voilà mes observations de ce soir. Je suis contente de mon logement: j'ai deux bonnes chambres au soleil, c'est tout ce qu'il faut.

*

Le 20 IX-bre.

Un début joliment fatiguant! La matinée seule a pu me laisser quelques moments de liberté, j'en ai profité pour aller faire mes visites aux dames de la grande-duchesse régnante, et pour ensuite voir m-me d'Édeling (ci-devant Stourza). En rentrant chez moi à midi, j'ai trouvé un bulletin qui m'annonçait pour deux heures une visite de cérémonie de l'Impératrice chez la grande-duchesse régnante; pour 4 heures un grand dîner; pour 6 heures présentation et cercle, et pour 8 heures concert. Il me fallut aussitôt faire une grande toilette pour me transporter à la cour. Le dîner fut assez agréable pour moi: placée entre m-me Édeling et la princesse Mestchersky, nous pûmes causer sans gêne. Je ne voulus pas rentrer à la maison pour une heure de tems; je préférai d'aller passer chez la comtesse Lieven, où arrivèrent les filles de m-me Marie. Je vous assure qu'elles font plaisir à voir. L'aînée fait la conversation comme une grande personne; elle parle bien de poupées, de joujoux, mais tout cela avec tant d'esprit et de raissonnement qu'on en demeure étonné. Auguste bavarde comme une pie et loin de fatiguer, on voudrait qu'elle ne cessât jamais. M-me de Lieven

leur a donné des cassettes à ouvrage qui les ont transportées de plaisir; la petite l'aura ouverte au moins 20 fois en moins de cinq minutes. Elles sont bien élevées, point gâtées du tout; leur grande gouvernante me paraît une personne sensée; outre cette dame elles ont deux sous-gouvernantes, qui viennent de la Suisse et qui ont très-bonne façon.—Le concert m'a ennuyé à périr; comme il n'est pas dans l'usage de ce pays de s'assujettir à l'entendre d'arrache-pied, j'ai pu quitter la salle pour aller causer dans une autre chambre; pendant ce tems là on a fait différentes parties. On a arrangé un boston pour l'Impératrice, un autre pour la vieille grande-duchesse, un autre encore pour m-me Marie. Ici on fait comme à Dresde: dès que le grand-duc et son épouse sont à leurs tables à jeu, tous les assistants vont l'un après l'autre faire leur révérence à ces augustes personnages; lorsque je vis qu'on s'en allait la faire gravement à l'Impératrice, je pensais en tomber de rire. Néanmoins, pour ne pas me singulariser, j'ai été saluer la vieille grande-duchesse, mais je n'ai jamais eu le courage de répéter ma révérence à l'Impératrice; je sens que je n'eusse pu l'envisager sans lui rire au nez. Je la voyais cependant prendre goût à cet acte de politesse, et peut-être lui passera-t-il par la tête d'introduire cet usage-là à Pawlowsky; ce serait plaisant si tout à coup je vous voyais vous lever de votre chaise pour aller la saluer! Ah, les Allemands n'inventent que des folies. Le concert et les parties de jeu finirent après dix heures; la cour vient de se retirer pour souper en famille, et je suis accourue chez moi pour vous écrire bien vite et me coucher ensuite.

*

Le 21 IX-bre.

A 11 heures nous avons été à l'église et en sortant de là, tout de suite à Belvéder, maison de campagne du grand-duc, qui se trouve à une demi-heure de la ville. Cet endroit m'a paru charmant; nous ne sommes pas entrées dans la maison, mais la partie du jardin, du bois et du parc que nous avons eu à traverser est tout ce qu'on peut voir de plus propre et de plus soigné. Je crois vous avoir déjà dit l'observation que j'ai faite sur tous les jardins de l'Allemagne: on ne les nettoye pas comme chez nous, rien n'est balayé ni sablé comme le sont les jardins en Russie. La nature donne ici à pleines mains ce qu'on fait venir chez nous à grands frais; il semble qu'il ne faudrait que quelques soins pour composer les choses du monde les plus agréables;

eh bien, aucun propriétaire ne s'entend à arranger un local. Le duc de Nassau, par exemple, a les plus beaux sites du côté du Rheingau; il ne sait pas du tout en tirer parti. Le grand-duc de Weymar est peut-être seul qui comprenne les beautés d'un jardin. Quant à ses plantes exotiques, si leur nombre n'est, peut-être, pas aussi grand que chez le c-te Razoumovsky à Moscou, on peut dire au moins qu'elles sont entretenues avec le même soin, je dirai même avec la même coquetterie; c'est une fraîcheur de verdure admirable. L'Impératrice a eu les yeux perdus à force de les reporter d'un objet à l'autre; tous les noms latins ont été employés aujourd'hui, et le grand-duc, qui a pour la botanique le goût de notre patronne n'en finissait plus avec les *Érica* et les *Camelia*. Les ah! et les oh! se succédèrent. Il y a eu un déjeuner dans un cabinet attenant à une des serres. Au retour grand dîner chez madame Marie; le soir spectacle; on a d'abord donné un prologue en musique pour exprimer la joie de voir l'Impératrice à Weymar, ensuite la tragédie de Mahomet. J'ai trouvé que l'un ne cadrait pas avec l'autre. La salle du spectacle est laide et mal éclairée, mais les costumes point mauvais. C'est mon petit baron de Fitzthum qui a ici la direction du théâtre. A propos de direction, plus nous avançons vers Pétersbourg, plus la physionomie de m-r de Narichkine se rembrunit; il n'a pas envie de ce retour, car il ne peut se dissimuler qu'en y revenant, il va retomber dans son néant. N'a-t-il pas été conter l'autre jour à m-me de Lieven que Tufiakine s'énivrait tous les jours. Lorsque celle-ci vint à me demander si c'était vrai, je lui répondis que jamais je ne l'avais observé. Voyez comme c'est mauvais de faire ces commérages pour son propre intérêt.

*

Le 22 IX-bre.

J'ai fait ce matin une charmante promenade à pied avec m-me Édeling; nous avons parcouru le parc qui se trouve exactement sous ma main; il est dessiné à merveille et tenu avec un soin et une propreté admirable. Il faisait un froid de 4 ou 5 degrés, qui donnait un air vif tout-à-fait de mon goût; point de neige encore, si bien qu'on pouvait marcher le mieux du monde. Le dîner a eu lieu chez les régnants, personne excepté la cour. J'ai apperçu un nouveau convive en fait d'altesses; c'est un jeune prince de Saxe-Meiningen qui étudie tout près d'ici, à l'université de Iéna. Son extérieur est agréable; il rappelle un peu les portraits de Charles XII; on le dit fort appliqué et un jeune

homme très comme il faut. La vieille grande-duchesse après le dîner me fit engager à venir prendre le thé chez elle, ce que je n'eus garde de refuser. J'y suis donc allée avec la comtesse Lieven; on me proposa une partie de whist avec trois cavaliers, mais j'ai préféré la conversation, et comme tous les princes défilèrent sur les 9 heures pour aller passer le reste de la soirée chez l'Impératrice, je demeurai avec la grande-duchesse et m-me de Henkel. Nous causâmes le plus agréablement possible et sur le tems passé et sur le présent. Cette vieille grande-duchesse a fait entièrement ma conquête; elle est bien, ce qu'il faut être quand on est grande dame et d'un certain âge. Le prince Menchikow est arrivé ici pour le dîner; il a annoncé l'Empereur pour minuit. J'avais bien prévu qu'il ne voudrait pas s'assujettir à une réception d'étiquette.

*

Le 23 IX-bre.

Je suis encore sortie ce matin pour marcher; j'ai été faire une visite à m-me de Fitzthum; j'ai traversé à peu près toute la ville de Weymar; cela ne fait proprement qu'une seule rue avec quelques ruelles qui y aboutissent. A mon retour à la maison l'Empereur est venu me voir. Il est impatient de revenir à Pétersbourg et il compte bien y arriver le 23 Décembre; nous autres toujours pour le 31, quand m-r Narichkine en verserait toutes les larmes de son corps. Je trouve bien malheureux celui qui ne veut pas être chez soi!—Il y a eu dîner chez le grand-duc régnant et deux nouveaux convives: le prince Léopold de Cobourg, mari de la défunte princesse Charlotte d'Angleterre, et un prince de Reuss, le quantième, je n'en sais rien. Tout le monde s'accorde à dire que le prince Léopold a beaucoup changé; il est sûr que sa physionomie porte encore l'empreinte de la tristesse. Ce prince de Reuss est exactement le général Dibitch, tant pour la figure que pour la tournure. Dans l'après-midi j'ai été chez les petites princesses et le soir au spectacle, où j'ai vu Tancrède qui dans peu me fera l'effet du *Мельникъ*, opèra russe qui date du déluge. L'Empereur n'est point venu au spectacle.

*

Le 24 IX-bre.

C'est aujourd'hui votre fête, m-me la comtesse; j'ai bu à votre santé, je vous ai souhaité tout le bonheur qu'on peut avoir-ici bas, et pour moi la continuation de votre amitié. Vous aurez la bonté de dire à Catherine Ribeaupierre que je ne l'ai pas oubliée et à m-me de Samoïlow que sa fille et moi avons fait chorus pour son compte. Nous avons eu la messe à 11 heures; on y est allé en robe du matin; l'Empereur et tous les princes en petit uniforme. A 3 heures un dîner énorme, le soir grand bal qui vient de finir. Pendant le bal il est arrivé des parents que nous avions déjà vu à Nuremberg, c'est le prince de Hilbourgshausen avec sa femme.

*

Le 25 IX-bre.

Je ne me suis pas bien portée tout le long du jour et je n'ai pas pu me promener à pied, malgré le beau tems. J'ai monté chez m-me d'Édeling pour lui présenter m-elle Samoïlow qui ne lui avait pas encore fait sa visite. On a dîné chez m-me Marie; le chaud qu'il a fait dans la chambre a pensé me faire évanouir; pour n'en pas courir le risque, j'ai été obligée de sortir furtivemeut de table. L'Empereur partant demain matin, toute la cour est restée en famille. Je suis venue me reposer chez moi et sur les 9 heures, me sentant mieux, j'ai de nouveau monté chez m-me Édeling, où je suis restée jusqu'à 11. Voici trois jours que je me vois persécutée par m-r de Leizer dont sans doute vous vous souvenez. Il vient d'être mis hors du service pour ne s'être pas rendu à son poste au tems convenu. Il prétend que c'est une injustice dont il accuse le prince Wolkonsky; je lui avais promis de parler à ce dernier, ainsi qu'à Menchikow; mais j'ai complétement échoué dans mon projet de le servir: on ne veut plus de m-r de Leizer au militaire; mais s'il veut passer dans le civil, on l'accepte avec le rang de conseiller de collège, et comme il est colonel, il demande à étre reçu comme conseiller d'état. Je crains bien qu'il ne soit refusé entièrement. Enfin, je tâcherai toujours d'attendrir ces messieurs! En attendant le dit m-r de Leizer vous présente ses respectueux hommages.

*

Le 26 IX-bre.

L'Empereur est parti ce matin à 9 heures; m-me Marie l'a accompagné jusqu'à la première poste. Le frère a beaucoup engagé la soeur à venir à Pétersbourg le printems prochain; mais Dieu sait si elle le pourra. Les gens du pays m'ont assuré qu'on ne voit jamais ces absences de bon oeil; quant au cher époux, il ne demanderait pas mieux que d'être hors d'ici: il ne se plaît guères chez lui; aussi faut-il convenir qu'il est plus sot et disgracieux que jamais. Sa fureur pour la danse n'a pas diminuée; il faut voir les enjambées qu'il fait; on peut payer sa place pour les admirer, lui et la princesse Marie de Mecklembourg. Le dîner a été chez les régnants, et le soir nous avons eu une surprise qui a très-bien réussie. On a donné une *charade* à grand spectacle; le mot était *Apollodorus.* D'abord on a vu arriver une *table* pour expliquer ce qui allait se passer; ensuite *Apollon*, présidé *des Muses*, suivi de *Génies* et autres personnages qui relèvent de sa cour. Cette société fit deux ou trois tours dans la salle au son d'une musique triomphale, accompagnée d'un choeur qui chantait, je le suppose, le bonheur de voir l'Impératrice. La seconde scène représentait un temple d'architecture grecque, soutenu par 4 colonnes d'ordre dorique. Dorus, roi de Péloponèse, inventeur du dit ordre, paraissait suivi d'artistes; le bust de *Rhéa* fut déposé au temple; les Muses, le Génies, les prêtresses d'Apollon firent des libations en l'honneur de la déesse et allumèrent le feu sacré. La troisième scène, qui devait désigner le mot entier de la charade, vit paraître le peintre *Apollodorus*, précédé *du Contour*, de la *Lumière*, des *Ombres* et des trois principales couleurs. Il s'arrête en face du temple, plongé dans la méditation, lorsqu'il voit arriver une barque menée par le *Tems* et le *Destin*; deux figures dont l'une représentait *l'Europe*, l'autre *l'Asie* se voyaient couchées l'une à côté de l'autre. *Latone* qui figurait là, une mère heureuse, semble les protéger de sa présence. Sur le devant de la barque on aperçoit une espèce d'oriflamme qui porte l'étoile du Nord, au dessous de laquelle on voit un A; plus bas d'autres lettres de l'alphabet désignent les noms de tous les membres de la famille impériale. Apollodorus, frappé de cette vision, assemble autour de lui et Contour, et Couleurs, et fait le dessin de tout ce qui s'est offert à ses regards. Si on ne m'avait pas dit que le tout était *Apollodorus*, jamais je ne l'eusse deviné; car je n'imaginais pas que le mot fût allemand ou latin. Les dieux, les déesses, les Muses, les Génies, le Contour, les Couleurs et tout l'attirail du

peintre étaient costumés à merveille; je suppose que m-me Marie aura fourni bien des choses, car c'était trop riche pour que cela ait été aux frais des acteurs. La charade a été suivie d'un bal; on a dansé jusqu'à minuit; nous rentrons à l'instant.

*

Le 27 IX-bre.

Une journée très-insignifiante, un tems détestable, obscure, humide, disposant à la tristesse. Je ne me suis pas bien portée, et bon gré mal gré il a fallu recourir au secours de Rhull. Cette atmosphère brumeuse ne me convient pas du tout. Je suis sûre que s'il gelait demain, je serais remontée. Je suis sortie pour la messe, ensuite pour dîner chez m-me Marie. Le chaud qu'il fait dans cette gallerie a pensé me tuer encore aujourd'hui. Tandis que toute la cour a été au théâtre où l'on donnait *la Clémence de Titus*, opéra de Mozart, je suis restée avec la comtesse Lieven; les petites princesses sont venues, et nous les avons fait causer. Elles sont vraiment charmantes. Auguste surtout est ma favorite. Fitzthum nous avait engagé à venir prendre du thé chez lui au sortir du théâtre. Nous y fûmes m-elle Samoïlow et moi. M-r de Hanikow y récita plusieurs morceaux de poésie de sa façon; on parla ensuite de revenants et puis on leva séance.

*

Le 28 IX-bre.

Le tems étant moins mauvais qu'hier, je suis allée ce matin faire des visites aux altesses; d'abord chez la duchesse Eugène de Wurtemberg, qui ne nous a pas reçu; ensuite chez la princesse de Mecklembourg, qui n'avait pas paru la veille à cause d'un gros rhume. Pendant que j'étais ches elle, m-me la grande-duchesse y vint, et tout en causant j'appris que l'Impératrice se proposait d'aller à Belvéder. Craignant qu'on ne demandât une de nous, je me suis empressée d'aller au château; ce fut inutilement, car l'Impératrice sortit avec sa fille, en sorte que je pus rentrer chez moi. Le dîner a été chez les régnants; au sortir de table, je suis allée chez la comtesse Lieven qui a recommencé ici ses parties de дуракъ avec moi. Le soir il y eut bal d'enfants auquel les grandes personnes prirent part, comme cela se fait

toujours. J'ai joué au boston avec la comtesse Schoulembourg, dame d'honneur de la grande-duchesse, m-me Edéling et m-r Wilamow. Avec le plus grand malheur la partie de m-me de Schoulembourg n'admet qu'une perte de 5 roubles. Vous jugez de la médiocrité du prix! Aussi la peur qu'elle avait que je n'en proposasse un plus élevé, m'a fait rire à part moi. Je lui ai dit que, voulant seulement faire sa partie à elle, je ne jouerai que ce qu'elle avait coutume de jouer, et le plaisir qu'elle en a marqué a été des plus réels. Le bal a duré jusqu'à 11 heures, et puis chacun s'en fut chez soi. Point de souper.

*

Le 29 IX-bre.

Je ne saurais vous dire le sentiment de joie que j'ai éprouvé ce matin en voyant tomber la première neige; il en est venu assez pour couvrir la superficie des toits et même de la terre, ce qui offre absolument l'aspect de notre petit hiver de Russie. S'il gelait un peu demain, je suis sûre que je me porterais beaucoup mieux. J'ai été à la messe, ensuite au château ayant à y voir la c-tesse Lieven. Nous avons dîné chez la régnante, et le soir on a été à l'hôtel de ville, où l'on avait préparé un spectacle de tableaux qui fut très-joli. On en a donné dix dont les mieux exécutés furent une Sainte Famille de Poussin, une Madonne d'André del Sarto, une Sainte Cécile de Raphaël et les Sibylles du même. Au reste, le tout m'a fait grand plaisir. C'est dommage seulement que ce genre de spectacle ne dure pas davantage; mais il est impossible de soutenir longtems cette fixité nécessaire pour faire illusion. Cela doit donner une peine terrible.

*

Le 20 IX-bre.

Je reviens de chez m-r Hanikow, qui nous avait engagé à une soirée chez lui. Nous y avons appris la mort du grand-duc de Baden. Une estafette est arrivée ce soir avec cette nouvelle. Il y a eu deux lettres de Carlsruhe, l'une de l'impératrice Élisabeth à la nôtre, l'autre de la margrave à sa soeur. Ce pauvre prince, après des souffrances incroyables, a fini il y a trois jours; ses dernières forces se sont épuisées, dit-on, à l'entrevue qu'il a eu avec l'Empereur. On a conté

qu'il avait été fort touché de voir Sa Majesté, et comme il n'ignorait pas toutes les démarches de l'Empereur au sujet de son pays, il a voulu lui exprimer toute sa reconnaissance; il s'est fait rouler dans son fauteuil jusque dans la chambre, où on avait servi le dîner. On voit que c'était là un effort. Depuis il est retombé dans un affaiblissement total, et de jour en jour sa faiblesse devint plus grande. Voila le duc Louis qui va succéder à son neveu. Que deviendra dans tout cela m-me Stéphanie? Elle est généralement aimée et regrettée. Je me flatte que cette nouvelle apportera quelque relâche à nos festivités de Weymar, et que la journée de demain, qui devait amener un bal, nous procurera quelque peu de tranquillité. Au reste, il ne faut jurer de rien. La sensibilité des souverains est si différente de celle du vulgaire; on la prendrait souvent à leur stoïcisme nécessaire pour autant de Melchicédech en détail.....—Ce matin nous avons visité une école de charité, où l'on enseigne d'après la méthode de Lancastre. On a dîné chez les régnants; le soir tout le monde a été au théâtre pour y voir *Sapho*, nouvelle production de la verve allemande qu'on dit être sublime. Moi pendant ce tems-là je suis demeurée chez la comtesse Lieven. Lorsqu'on a été de retour du théâtre, j'ai été avec m-elle Samoïlow chez m-r Hanikow.

*

1-er décembre.

L'Impératrice a voulu absolument qu'on prît le deuil aujourd'hui. Elle est allée jusqu'à proposer qu'on se tint en retraite; mais la grande-duchesse l'a assuré positivement que la mort d'un neveu ne comportait pas tant de cérémonial et qu'à l'exception de la robe noire il n'y avait aucune nécessité à faire davantage. Nous avons donc pris le deuil pour 15 jours. Les lettres de condoléance sont parties ce matin pour Carlsruhe. Le grand-duc est mort à Rastadt; toute la famille s'y trouvait réunie. Je suppose que l'impératrice Élisabeth partira un de ces jours sans faute; je ne vois pas pourquoi elle resterait plus longtems. Le bal qui devait avoir lieu ce soir a été contremandé; il y a eu grand dîner pour les états, et un moment avant de se mettre à table une présentation de tous les députés à l'Impératrice qui s'arrêta particulièrement avec les paysans. Dans la matinée, après la messe, nous avons été à l'église luthérienne pour y voir un tableau de Lucas Cranach, où, comme de raison, on retrouve la figure de son *ami Martin*

Luther; il y est représenté comme un des disciples de Notre Seigneur, assistant à Sa résurrection. J'ai profité de la soirée pour rester tranquillement à la maison; m-r de Leizer est venu me tenir compagnie; il a parlé et parlé à n'en pas finir; cependant lorsqu'on n'a pas envie de parler soi-même, je trouve qu'il est assez commode de s'entendre conter beaucoup de faits très-intéressants; or, m-r de Leizer en est véritablement farci.

*

Le 2 décembre.

Le tems a été si beau aujourd'hui que j'avais la plus grande envie de marcher, mais toute ma matinée a été traversée. M-r de Schiller est venu me voir; il est resté longtems; ensuite quelques autres personnes, et finalement j'ai été obligée de tenir salon au lieu d'aller me promener. Nous avons dîné chez m-me Marie, et tout de suite après il a fallu accompagner l'Impératrice aux instituts, qu'elle s'était proposée de voir. Nous avons d'abord été à cette école de charité dont j'ai déjà parlé; on y a fait l'examen le plus ennuyeux sur la géographie, le calcul et les éléments de l'histoire; le maître était d'une lenteur et d'une précision tellement fatiguante que j'ai fini par m'endormir. Le chant des hymnes religieux m'a réveillé; il avait sonné huit heures et demie lorsqu'on sortit de cette maison. On alla ensuite visiter l'établissement d'un nommé Falk. Cet homme est assez intéressant par le motif qui l'a porté à s'occuper de l'éducation des enfants. Il en avait quatre à lui qu'il perdit dans l'espace d'un mois; sa femme ne survécut pas à tant de chagrins, et bientôt il se trouve seul dans le monde. Pour se rattacher à l'existence, il voulut consacrer ses soins à tous les enfants qui ne pourraient en avoir, vu leur pauvreté. Il commença par arracher des mains de la justice ceux que la misère avait fait tomber dans le vol et la rapine; ensuite il ramassa ceux dont les parents se trouvaient détenus en prison, les mendiants sans asile et les orphelins de père et de mère. Il les place chez différents artisans à tant par année et leur fait apprendre un métier qui peut leur donner du pain. Trois fois par semaine il en rassemble un certain nombre pour leur donner des leçons de religion. Chaque mois les ouvriers lui apportent leur ouvrage, qu'on dispose dans un magasin; on procéde ensuite à la vente de tous ces objets. Comme les fonds de m-r Falk sont entièrement absorbés, lorsqu'il lui arrive de manquer d'argent pour venir au secours d'un nouvel enfant, il va quêter, et de cette manière il parvient tou-

jours à son but. Le nombre d'enfants qu'il a réunis sous sa protection monte à près de deux cent. On dit que m-r Falk est de la confrérie des Moraves; sa mise le ferait croire. Au reste, je dois vous dire franchement que tout en respectant ce qu'il fait, j'ai observé chez lui des signes de cagoterie que je n'aimerais pas à voir dans un homme qui serait simplement religieux. Pendant que nous restâmes chez lui, plusieurs de ses élèves récitèrent des pièces de vers, et un plus grand nomre chanta des hymnes avec l'accompagnement de l'orgue. M-r Wilamow prétend que dans tout ce chant il n'a entendu que les mots de Gloria et de Jéhova. A la suite du concert on fit voir les différents ouvrages, après quoi chacun s'en revint chez soi. Quoique je tombasse de sommeil, je fus passer le reste de la soirée chez la princesse Mestchersky, qui nous avait engagé depuis quelques jours.

*

Le 8 décembre.

Nous avons été à 9 heures sur les grands chemins; c'était le jour qui avait été consacré à visiter *Iéna.* Toute la cour a été de cette partie. La course a été de deux heures. On est descendu d'abord à *l'Hôpital des foux;* je n'ai pas été curieuse de la visiter, et pendant que la société en prit le chemin, je demeurai avec le c-te Édeling dans une bonne chambre à causer en tête-à-tête. Après les foux on alla à la bibliothèque; il y eut d'abord la présentation de tous les professeurs dont le nombre est infini; parmi ces messieurs on me désigna un m-r *Griese,* traducteur du Tasse; mais comme il est sourd comme un pot, je ne me donnai pas la peine d'aller faire sa connaissance. Ces allées et venues se prolongèrent jusqu'à 4 heures qu'on se mit à dîner. Dès qu'on fut hors de table, on alla s'habiller pour le voyage; entre 8 et 9 heures du soir nous fûmes de retour à Weymar; moi heureuse de me trouver dans ma chambre, de me déshabiller et demeurer tranquillement en capote. La comtesse Samoïlow est venue me tenir compagnie, et puis m-r de Leizer qui est resté jusqu'à minuit; il vient de me faire ses adieux se disposant à partir demain pour aller joindre les colonnes de l'armée russe. C'est un fier bavard que m-r le colonel Leizer.

*

Le 4 décembre.

Si j'avais été à Pétersbourg aujourd'hui, je suis presque sûre que j'aurais dîné chez vous, car bien souvent il m'est arrivé de passer le jour de ma fête dans votre maison. Peut-être aurez-vous eu la bonté de penser à moi et que parmi les personnes qui portent mon nom je me suis présentée également à votre pensée. J'ai reçu ce matin quelques lettres de Moscou, mais rien du tout de Pétersbourg, et je ne sais trop si mes cahiers vous sont parvenus aussi exactement que je le désirerais. M-r de Narichkine m'a apporté la nouvelle que nous quittons Weymar lundi prochain dans l'après-dîner, parce qu'on a trouvé que d'arriver en deux jours à Potsdam c'est beaucoup trop fort. M-me Marie, qui vient avec nous à Berlin, ne perd rien à ce nouvel arrangement, et il sera plus aisé de voyager de cette manière. D'ailleurs, le roi et la reine de Saxe, qui viennent tout exprès à Leipzig pour voir l'Impératrice, méritent bien qu'on leur donne quelques heures. Il a donc été résolu que notre première couchée sera à Nassembourg, la seconde à *Wittemberg* et la troisième à Potsdam, où le roi vient recevoir l'Impératrice. Nous passerons trois jours à Berlin, et je m'attends encore à de nouvelles fêtes. La journée a été assez insignifiante: nous avons dîné chez m-me Marie, et le soir pendant que tout le monde a été au spectacle, j'ai fait mon éternelle partie de дуракъ, pendant laquelle notre bonne comtesse n'a cessé de déclamer contre l'Allemagne et les Allemands. Elle ne peut rien souffrir de tout cela, au grand déplaisir de certaine personne, devant laquelle elle ne prend pas seulement la peine de cacher son sentiment. A 9 heures m-elle de Samoïlow est revenue du spectacle; nous sommes allées voir m-me de Henkel qui se trouve enrhumée, et après y avoir bavardé jusqu'à 11 heures passées, nous voilà rentrées chez nous.

*

Le 5 décembre.

Je m'étais arrangée avec m-me de Schoulembourg pour aller ce matin dans le magazin d'un Juif; mais il est venu un ordre de l'Impératrice de se rendre chez elle à 11 heures, pour l'accompagner à la bibliothèque du grand-duc. Je vous avoue que ces visites de curiosité m'ennuyent quelquefois à la mort, et quand je pense que l'Impératrice, qui a tout l'Hermitage à voir, les choses du monde les plus

rares, les plus intéressantes et les plus instructives, n'y va cependant que pour faire de l'exercice, je suis... La manière dont elle examine les objets les moins signifiants me fait véritablement endêver, et son admiration pour l'érudition et les lumières des Allemands est tout-à-fait désolante. Nous nous donnons le plaisir d'en causer à notre aise, la comtesse Lieven et moi... Pour en revenir à cette visite à la bibliothèque, je vous dirai que nous y sommes restées jusqu'à deux heures passées. Nous avons dîné chez les régnants; au sortir de table, j'ai été comme de coutume chez la bonne comtesse, et à 7 heures on nous a fait prier de passer dans la salle, où on avait préparé encore une charade à grand spectacle. Le mot devait être *Toison d'or*, et il a fallu tout le génie poëtique de l'Allemagne pour rendre ce mot compréhensible. A la première partie qui devait faire *Toi*, on a vu arriver une procession de *Génies*, de *Coriphées* et une *Victoire* qui déposèrent des offrandes aux pieds de l'Impératrice. Cela devait être à *Toi*. La seconde partie a vu paraître la statue de *Memnon*, qui rendit un *Son* au rayon du soleil. *Les Argonautes avec la Toison d'or* donnèrent l'explication du tout. Tous les héros de cette illustre expédition parurent sur la scène: *Jason*, *Castor* et *Pollux*, *Orphée* la lyre à la main, *Hercule* la massue sur l'épaule, *Thésée* et compagnie; enfin, rien n'y manqué. Les costumes ont été magnifiques, m-me Marie en ayant fourni plusieurs, comme la première fois. M-r de Göthe, le fils du fameux écrivain, donnait connaissance de tout ce qui se présentait et pérorait comme la Fable l'avait fait à la première charade. Un bal a fait la clôture de cette soirée; il dure encore, et moi, qui suis véritablement rendue de fatigue, je viens de me retirer pour prendre ma bain et me mettre au lit de suite. Mon Dieu, verrais-je un jour la fin de ces plaisirs et de ces fêtes accablantes!

*

Le 6 décembre.

J'avais supposé que la cour irait à la messe aujourd'hui à cause de la fête du grand-duc Nicolas, mais personne n'a jugé à propos de le faire, et j'y suis allée en mon particulier. Après la messe directement au château pour faire compliment à Sa Majesté et assister à un déjeuner qu'elle donnait à tous les grands. Il a été servi dans ses appartements. Le duc de Gotha, qui est ici depuis hier, s'est montré plus insupportable que jamais; Dieu sait tout ce qu'il débitait à l'Impératrice et sur sa beauté, et sur ses grâces, et sur ses vertus, enfin c'était à n'en pas finir. Le déjeuner a été d'ailleurs très-gai, chacun allant et venant, point de toilette et de la profusion dans le service, qui donnait fort bon air. On aurait pu à la rigueur se passer du dîner; mais sur les 3 heures on l'annonça comme de coutume; je m'en exemptai courageusement au risque d'être grondée. Cela me passa à merveille. A huit heures grand bal masqué, dont je ne pourrais vous donner qu'une légère esquisse, car les détails demanderaient à être traités avec plus de talent que je n'en ai; vu que le tout était de la composition de Göthe, je craindrais de lui faire tort. Voici en attendant le prologue de la fête. On a d'abord vu paraître un *Génie* en habit de *Pèlerin*; il ouvrait la marche et semblait bénir la route. *Deux enfants*, chargés de *l'Itinéraire*, qui indiquait symboliquement le chemin, qu'on avait déjà fait, suivaient *le Génie;* venaient ensuite *trois mois*: *octobre*, couronné de raisins et de fruits, se glorifiait de la naissance de l'auguste princesse qui était l'objet des hommages; *novembre*, sous la figure d'un *chasseur*, accompagnait joyeusement la marche dans différents pays, comme témoin de tant de jours de fêtes; *décembre* s'avançait en *mère de famille*, entourée d'enfants, qui se réjouissaient encore plus de la présence et des bontés de l'Impératrice que des cadeaux de Noël qu'ils portaient sur un arbre. La *Nuit*, fière de sa puissance sur la saison actuelle et sur les moments consacrés au plaisir, amenait le *Sommeil*, entouré de *Songes* dont elle expliquait le sens, tout se rapportant au bonheur de la vie, qui n'est montrée à la plupart des humains que sous la forme des désirs et des songes, mais qui est accordée à certains êtres comme réalité. *Trois Soeurs* arrivaient après: c'était *l'Épopée*, la *Tragédie* et la *Comédie;* la première, qui jusqu'ici n'a chanté que les malheurs des grands, se réjouit de l'heureuse concorde qui les réunit maintenant; la *Tragédie*, se réveillant comme d'un songe, s'aperçoit que la terreur amène aussi quelquefois de grands biens; la *Comédie* prend également part à la fête du jour. Les deux premières,

sans abandonner leur caractère, s'offrent à expliquer les scènes qui suivent leur péroraison. Alors on voit venir l'une à la suite de l'autre toutes les oeuvres poëtiques de *Herder, Wieland, Schiller* et *Göthe.* Les tragédies les plus célèbres défilent devant les spectateurs, s'arrètent vis-à-vis de l'Impératrice et lui adressent des compliments qu'on prétend avoir été charmants. La composition de ce bal masqué est due en partie à m-me Marie, qui avait communiqué ses idées à Göthe. Celui-ci n'a point paru à la cour depuis notre arrivée, parce qu'il travaillait à cette fête; j'avais cru le voir ce soir; mais il n'est point venu. L'Impératrice a beaucoup remercié le fils et a demandé m-r Göthe pour demain matin; il est question de lui donner une boîte avec le portrait. Un bal a fait la clôture de cette mascarade. Tandis que tout le monde dansait, je suis allé m'assoir dans un coin avec m-me de Henkel, le prince de Mecklembourg et Narichkine; nous avons causé tranquillement. Le prince de Mecklembourg m'a conté des anecdotes fort intéressantes sur la cour de France du tems de Napoléon; il a passé une fois à peu près une année entière à Paris et s'est trouvé de la société intime de m-me Joséphine, comme aussi de la reine Hortense. On l'avait accusé d'être très-lié avec l'impératrice, cependant il n'en convient pas et en parle comme d'une très-bonne amie. Un jour je vous conterai beaucoup de choses qui pourront vous amuser.

*

Le 7 décembre

Nous nous sommes retirées bien tard; il était deux heures et demie lorsque je me suis mise au lit; j'ai fort mal dormi et je me suis réveillée finalement à 8 heures. J'avais crains que l'Impératrice n'allât visiter quelque institut ou bibliothèque; mais Dieu merci la matinée a été libre, et j'ai pu en profiter pour aller voir quelques magasins. On a dîné chez les régnants; le soir il y a eu théâtre et, malgré la belle musique de Mozart dans l'opéra de Don Juan, j'ai préféré aller passer ce tems chez la comtesse Lieven; la douraquerie a eu lieu, comme de coutume. Après le spectacle la comtesse Samoïlow est venue me chercher pour aller chez Hanikow qui nous donnait une soirée d'adieux; je m'y suis très-bien trouvée; on s'est un peu amusé aux dépends d'un certain m-r d'Arnim, chambellan de la cour de Prusse, très-connu ici par son avarice.

*

Le 8 décembre.

Voici le dernier jour que nous passons à Weymar, et les trois semaines que nous avons cru devoir être si longues se sont écoulées comme le reste du tems. On s'était arrangé à aller ce matin à la bibliothèque, mais m-me Marie nous a fort heureusement sauvé de cet ennui en représentant à l'Impératrice qu'elle pourrait se refroidir dans un endroit qui est véritablement comme une cave. Les projets out été changés, et tout le monde a été libre. Je me suis amusée à faire emballer mes effets. J'ai été si malade aujourd'hui qu'à peine ai-je pu rester à l'église; rentrée chez moi, il a fallu me coucher. Si j'avais pu faire à ma tête, assurément je n'eus pas été au dîner. Mais, hélas, la crainte qu'on n'y trouvât à redire me força à faire ma toilette et à me présenter comme tout le monde. La ville et les fauxbourgs m'ont semblé être de ce dîner, qui a duré d'une manière désolante. Au sortir de table, la comtesse Lieven s'empara de moi pour me faire écrire des lettres; je n'en fus quitte qu'a 7 heures. A peine étais-je dans ma chambre qu'on annonça le bal, et moi malheureuse, toute gonflée, toute souffrante, de nouveau à m'habiller et à poster. Il est une heure du matin, je reviens de ce bal enchantée que ce soit la clôture de toutes les festivités. Il nous est arrivé ici le général Narichkine, le général Kleist et quelques officiers prussiens qui nous escorteront jusqu'à près de Leipzig. Le roi et la reine de Saxe ont fait écrire à m-r de Hanikow qu'ils y seront pour recevoir l'Impératrice; par conséquent, mardi j'aurai à voir de nouveaux personnages.

*

Le 9 décembre.

On a quitté Weymar entre 5 et 6 heures. J'en suis partie dans un tel état de souffrance que je ne puis guères écrire aujourd'hui. J'attends Rhull et des médicaments.

*

Le 13 décembre, à Berlin.

Je n'ai pas été en état jusqu'ici de toucher la plume, m-me la comtesse; je crois en vérité avoir été à la mort; du moins me suis-je sentie si mal que j'ai prié le médecin de ne pas me faire perdre un moment pour m'y préparer. Dieu merci, me voilà revenue et comme je suis en force, je viens reprendre mon récit, un peu sous la dictée de la comtesse Samoïlow qui seule a pu me transmettre ce qui s'est passé pendant tous ces jours. Après avoir souffert toute la nuit à Nasnembourg, il a fallu faire une journée de 18 miles pour arriver jusqu'à Wittemberg. On s'est arrêté à Leipzig pour y faire un déjeuner dînatoire que la cour de Saxe avait préparé. Le roi, la reine et la princesse Auguste, leur fille, m'ont fait l'effet d'ombres; car je n'ai pu que les entrevoir; aussitôt la présentation terminée je me suis laissée conduire dans un appartement pour pouvoir m'y coucher. Votre neveu Paul est venu m'y trouver et a été témoin de toutes mes souffrances. Le dîner a duré deux heures; on dit que la reine y a été aussi bavarde que le roi s'est montré silencieux. Le petit prince de Hesse-Cassel, qui fait ses études à Leipzig, s'était également rendu auprès de l'Impératrice pour lui faire sa cour. Sophie m'a dit qu'il est joli garçon et d'une tournure agréable. L'Impératrice, avant de quitter Wittemberg, s'est arrêtée à l'église où sont enterrés Luther et Melanchton. Je suis partie de Wittemberg deux bonnes heures après tout le monde; j'ai voyagé avec le d-r Schwal, attaché à m-me Marie et je suis arrivée à Potsdam qu'il était 6 heures du soir. M-elle Samoïlow m'a conté toute la joie du roi en recevant l'Impératrice et tout le plaisir de celle-ci de revoir le roi et ses enfants. Il y eut un grand dîner, musique militaire et des chanteurs russes. Outre le roi et sa famille, il y eut au dîner le prince Guillaume et sa femme, le prince Frédéric, neveu du roi, marié depuis peu à une princesse d'Anhalt-Bernbourg, la princesse Louise, son mari et son frère Auguste. La soirée s'est terminée au théâtre, où l'on a donné une comédie, un opéra et un ballet qui tous trois ont réussi à merveille; Sophie m'a surtout fait l'éloge d'une chanteuse qu'on appelle Seidel. L'Impératrice avait eu l'intention d'aller faire des visites à chacune des princesses; mais ces dames, trop bien élevées pour lui donner cette fatigue, se réunirent toutes dans une seule pièce afin de l'y recevoir. Notre très-aimable Souveraine s'y montra plus gracieuse que jamais; elle finit sa journée entre le roi et m-me Marie. Hier il y eut messe à Potsdam dans une chapelle que le roi avait fait

arranger tout exprès à cette intention; le prêtre de la mission russe la desservit avec les chantres d'un de nos régiments qui se trouvait en marche. Au sortir de l'église russe on fut à l'église luthérienne; un orateur, nommé Euler, y débita un sermon de plus bel effet possible; le texte était: *gloire à Dieu au haut des cieux et paix sur la terre aux hommes de bonne volonté.* Il réunit le jour de naissance du Christ (c'était ici la veille de Noël) avec celui de la naissance de notre Empereur; et ce qu'il a dit à ce sujet fut si énergique et si touchant que tout l'auditoire en fut ému aux larmes. Le sermon fini, le roi s'approcha de l'Impératrice pour lui baiser la main; elle, toute attendrie, l'embrassa sur les deux joues, à la suite de quoi tous deux allèrent sur le tombeau de Frédéric II. L'Impératrice s'y prosterna comme on le fait devant les reliques; cette démonstration produisit, dit-on, une très-grande sensation. Pour moi je vois la chose tout différemment, et je crois qu'on ne peut jamais révérer un homme comme on révère un saint, et particulièrement Frédéric II, qui n'a été rien moins que digne de révérence. On fut de là à Sans-Souci pour visiter le nouveau palais; l'Impératrice y retrouva la chambre qu'elle avait occupée dans le tems où elle vint faire ses visites à son oncle; elle eut grand plaisir surtout à se retrouver dans la chambre, où le dit oncle lui fit voir pour la première fois le portait de Paul I-er, qu'il lui avait déjà destiné pour époux et sur quoi il était en négociation avec feue l'impératrice Catherine. Elle se retraça jusqu'aux plus petits détails de cette entrevue et de cette conversation. La veille elle avait été également à Potsdam visiter les chambres du même roi, où toutes choses sont demeurées en place comme elles étaient de son vivant. Après la visite de l'appartement de Frédéric on fut voir celui de Voltaire. De Sans-Souci on alla à Charlottenbourg, où il y eut un déjeuner, à la suite duquel on monta dans les carosses de parade pour faire une entrée solennelle à Berlin.L'Impératrice avec m-me Marie et la princesse Guillaume,saluant à droite et à gauche. Toute cette cérémonie venait de passer lorsqu'on me conduisit aussi en ville; j'allais descendre au palais par une des petites entrées et en arrivant dans ma chambre, la première chose qui s'offrit à mes yeux fut m-elle de Samoïlow qui venait de prendre un accès de fièvre à Charlottenbourg.—Pendant un dîner magnifique, où toute la cour était rassemblée dans le plus grand gala, nous restâmes, ma compagne et moi, à nous conter nos maux. Rhull vint nous voir au sortir de table et nous conta tout le dîner, pendant lequel on exécuta une musique excellente; les chanteurs les plus distingués et tout l'orchestre du roi; lorsqu'on porta la santé de l'Impératrice, on joua l'air *God save the King*, accompagné de paroles faites pour Sa Ma-

jesté, et 101 coups de canon furent tirés pour cette santé. L'Impératrice fit différentes visites dans la soirée: d'abord à sa tante Ferdinand, puis chez la princesse Frédérique et ensuite chez la princesse Alexandrine, la fille du roi. Je pense qu'elle aura terminé sa journée comme celle de la veille. — Aujourd'hui elle a été courir différents établissements, comme à la Maison d'accouchement, à l'institut Louise fondé par la feue reine et je ne sais où encore. En rentrant il y a eu grande cour militaire; elle dîne chez sa tante Ferdinand, et à 8 heures il y aura au château bal aux Polonaises, puis souper chez la princesse Guillaume; tel est le programme de la journée. Comme je me sens un peu mieux, j'ai été en état de recevoir du monde dans ma chambre. La princesse Louise est venue avec sa fille, ensuite tout plein d'autres personnes. J'ai eu un plaisir infini à retrouver le baron Bloome qui s'est rendu ici tout exprès pour nous autres; il est très bien pour la santé, et les eaux de Carlsbad lui ont parfaitement réussi; son intention est de passer le reste de l'hyver dans ses terres, puis d'aller reprendre les mêmes eaux. Il m'a beaucoup conseillé ce voyage pour l'été prochain, et si ma santé continue à être mauvaise, il faudra peut-être s'y résoudre.

*

Encore le 13 au soir.

Les visites ont afflué chez moi, et je viens d'avoir l'aide-de-camp du prince royal qui m'a donné une nouvelle assez effrayante: il est question depuis quelques heures de l'arrivée d'un courrier qui a apporté ici la nouvelle de l'assassinat du roi d'Espagne. On prétend qu'il y a eu une révolution à Madrid, qu'une foule de conjurés s'est fait jour au palais, que le roi épouvanté a eu le tems de fuir, qu'il s'est réfugié à l'Escurial, mais qu'il y a été suivi, atteint et massacré. On ignore en faveur de qui cette révolution s'est faite; si c'est pour Don-Carlos son frère, ou si c'est simplement un mouvement démocratique. Je ne serais point étonnée du tout que la chose ait eu lieu, car ce malheureux roi a pour ainsi dire marché vers sa destinée. Voici le baron Bloome qui vient de nouveau. Il m'a confirmé la mort du roi d'Espagne.

*

Le 14 décembre.

J'ai pu sortir aujourd'hui et j'ai dîné chez le roi, qui m'a fait prier de venir chez lui sans être habillée comme le reste du monde. L'Impératrice a été ce matin à Charlottenbourg au tombeau de la reine; elle a fait cette course avec m-me Marie et la princesse Guillaume; de là *l'Académie*, ensuite à une exposition de tableaux. Plusieurs personnes sont venues chez moi; toute la ville est pleine de ce massacre du roi d'Espagne, et ce qu'il y a de sûr, c'est qu'on n'en doute presque pas.—Il y a eu grand monde à dîner; j'ai été présentée à toutes les princesses, aux deux soeurs de notre grande-duchesse, ensuite à la princesse Frédérique et à la princesse Guillaume. J'ai vu aussi les fils cadets du roi; le prince Charles est un fort joli garçon et le petit Albert très-étourdi; il me semble fort gâté. J'ai vu, pour le complément des princes dont je compte le nombre depuis mon voyage, le duc de *Cumberland* et le *prince de Hesse*. J'ai trouvé le prince Guillaume fort changé; vous devez vous rappeler combien il a été d'une jolie figure; sa femme ressemble à Catiche Lubomirsky. Le prince royal m'a présenté Ancillon et comme il m'a été défendu d'aller au spectacle, j'ai voulu me donner sa société et l'ai engagé à passer la soirée chez moi. J'ai fait aussi la connaissance de la vieille *comtesse Golowkine* qui demeure toujours à Berlin; c'est bien la figure la plus hollandaise que j'aye jamais vue; elle a l'air de sortir d'un des cadres de quelque tableau flamand; la bonne dame a été si enchantée de m'avoir pour voisine de table qu'elle ne m'a donné ni cesse, ni repos, bavardant continuellement.—Après le dîner on a été parcourir les chambres intérieures du roi, ensuite nous sommes tous allés chez la princesse Louise Radzivil. Son mari avait fait venir le Conservatoire, et on a exécuté *le God save the King*, ainsi qu'une hymne à l'honneur de l'Impératrice. Cette visite n'a pu durer qu'un quart d'heure, d'abord à cause d'une présentation de dames diplomatiques qui avait été assignée pour 5 heures et demie, ensuite parce qu'il fallait aller au théâtre. En sortant de l'hôtel Radzivil, je suis rentrée chez moi et me suis bien vite déshabillée; j'ai eu m-r Ancillon qui est resté plus de deux bonnes heures. Je ne vous dirai pas que je l'aye trouvé fort aimable pour la conversation; ce qu'il dit est assurément très-bien dit; mais il a l'air de s'écouter et de tourner ses phrases comme s'il voulait les mettre par écrit; quant à sa physionomie, j'en ai vu peu d'aussi désagréables; au reste, il a une bonne tenue et il est d'une belle taille. Le baron

Bloome est aussi venu me faire ses adieux; nous sommes restés jusqu'à minuit à *causailler*. A présent je vais me coucher, car il est question de partir demain à 8 heures.

*

Landsberg, le 15 décembre.

J'ai quitté Berlin sans en avoir rien vu du tout; jamais maladie n'est venue plus malencontreusement. Avant de se mettre en route, on a été déjeuner à une maison de campagne qui avait appartenue autrefois à la princesse Bariatinsky; toute la cour y était rassemblée; j'ai vu manger, je n'ai touché à rien. A 10 heures on monta en voiture; les adieux avec le roi furent attendrissants: il pleurait en embrassant et en reconduisant l'Impératrice. Je n'ai rien vu de tout cela de près, mais on me l'a conté. D'ailleurs je suis bien persuadée que ce roi aime véritablement et l'Empereur et les Russes; c'est un sentiment qu'il témoigne à chaque occasion et qu'on a peine à lui pardonner parmi les siens. Princes et princesses, tous nous ont accompagné avec des voeux pour notre heureux retour. Sur les 3 heures on s'est arrêté pour dîner, et c'est à deux postes de Berlin que m-me Marie nous a également quitté. Maintenant voilà notre *opéra féerie* terminé; il ne nous reste plus qu'à nous en retourner tranquillement dans nos foyers. Si le froid ne devient pas très-vif et si ma santé se soutient comme aujourd'hui, je bénirai Dieu en me revoyant dans ma chambre, et une fois les contrariétés passées, je ne serai pas fâchée en somme d'avoir fait ce voyage.

*

A Schneidemühl, le 16 X-bre.

La journée a été passablement insignifiante; on est parti de la couchée à 9 heures; on a été fort silencieux en voiture; l'Impératrice lisait l'ouvrage de m-me de Stael, la comtesse Lieven sommeillait, la comtesse Samoïłow en faisait autant, et moi je lisais une tragédie nouvelle intitulée Bélisaire. C'est à peu près tout ce qui s'est passé. Comme il est assez tard, nous avons été conjediées de suite à notre arrivée ici.

*

A Bromberg, le 17 X-brc.

Le tems a été charmant aujourd'hui. Ce matin, comme j'entrais chez la comtesse Lieven, j'ai appris qu'on lui avait annoncé la mort de sa belle-fille; elle s'en doutait depuis longtems, mais ne voulait pas en parler; pour la distraire, je lui ai proposé la parti de дуракъ en voiture. On s'est arrêté à 11 heures pour déjeuner, après quoi on a voyagé avec une rapidité incroyable. J'avais fini mon Bélisaire, je n'avais plus rien à lire et je me laissais aller à la refléxion. L'Impératrice a toujours continué m-me de Staël. Nous sommes arrivées ici à 5 heures, par conséquent on a eu le tems de se reposer. Plusieurs généraux ont été présentés à Sa Majesté, qui les a retenus à souper. Il a fallu rester deux heures à table, et moi qui ne mange rien, j'avoue que j'en ai été excédée. Quelquesuns des messieurs qui nous accompagnent doutent de la révolution de Madrid. Un entre autres, qui est ministre de Prusse à cette cour, m'a l'air de croire la chose impossible. Tant mieux si la nouvelle est fausse.

*

A Graudentz, le 18 décembre.

Je ne me doutais pas, m-r le c-te, que j'avais une lettre de vous depuis longtems; ce n'est qu'aujourd'hui que je l'ai reçue, et cela vient de ce qu'elle était dans un paquet adressé à la comtesse Lieven. Tant qu'on lui a caché la mort de sa belle-fille, on ne lui a remis aucune lettre de Pétersbourg, et de cette manière la vôtre est restée également de côté. Vous avez bien raison de me dire que j'eusse pu envoyer votre bague depuis des siécles; mon Dieu, je le sais parfaitement, et c'était à l'archi-duc lui-même que je comptais la remettre à Prague; mais il a fallu pour mon malheur que le douteur Rhull, a qui je l'avais donnée à serrer, ait jugé à propos de l'emballer dans une de ses caisses parties en avant avec le fourgon, si bien que lorsque je croyais la remettre à l'archi-duc je suis venue à découvrir qu'elle était sur le chemin de Stuttgardt. Voilà l'unique raison de ce retard, au reste vous pouvez être bien sûr qu'elle est à son adresse: Anstet l'a expédiée et me l'a dit à Francfort; peut-être même vous en a-t-on déjà accusé la réception.—Nous avons eu une espèce de dégel toute la journée, ce qui a fait que le voyage n'a pas été aussi rapide qu'hier. Cependant nous sommes arrivés à *Graudentz* d'assez bonne heure, et

après vous avoir fait mon récit accoutumé, je vais écrire à ma soeur en Italie, car j'ai trouvé ici un certain consul de Danzig qui se charge de lui faire parvenir ma lettre. Bonsoir.

*

A Preuss-Holand, le 19 décembre.

Le tems a continué d'être favorable, et notre voyage avance le plus heureusement du monde. Depuis ce matin nous avons vu beaucoup de neige, ce qui nous a fait aller avec plus de rapidité. Nous sommes arrivées ici à 6 heures juste. J'ai passé la journée à lire les lettres de l'abbé Galiani, que je ne recommande à personne, car c'est une lecture parfaitement ennuyeuse. Ma santé n'est point bonne: je me sens de nouveau tous mes gonflements.

*

A Königsberg, le 20 décembre.

Je pense que c'est aujourd'hui le dernier jour de nos triomphes. Nous sommes entrées à Königsberg avec toutes les cérémonies accoutumées, et je ne pense pas qu'on nous fasse pareille fête demain à *Tilsit*, ni plus tard à *Memel*; aussi nous sommes nous exécutées à un souper de soixante couverts pour le moins. Le hasard m'a placé auprés d'une dame qui n'a cessé de bavarder; elle m'a appris qu'elle est née *Rebinder*, que ses parents l'avaient élevée pour en faire une dame d'honneur de feue l'impératrice Catherine; mais qu'ayant eu le malheur de perdre son père, tout l'édifice de ses hautes destinées s'est trouvé renversé; depuis elle a pris le sage parti d'épouser le c-te Schwérin, sujet du roi de Prusse; elle en a eu une tapée d'enfants et se trouve toute établie à Königsberg; il lui est cependant demeurée une grande envie de voir la Russie; bien des fois le projet d'y venir lui a passé par la tête, et toujours quelque obstacle s'y est opposé. Je lui ai conseillé de se tenir tranquille, en lui représentant qu'un voyage à Pétersbourg entraînerait trop de dépenses, et j'espère qu'elle sera assez sage pour suivre mon avis. J'ai vu à ce souper beaucoup d'autres femmes très-endimanchées, parmi lesquelles plusieurs qui portaient sur leurs bonnets des bagues avec le chiffre de l'Empereur et celui de l'Impératrice. La mode apparemment n'est pas aussi scrupuleusement observée à Königsberg que dans le reste du monde. Ces bonnes dames parées

de leurs bagues avaient l'air très-satisfait de leur invention. Après le souper l'Impératrice se retira bientôt et nous donna l'ordre d'être prêtes à 4 heures du matin, la journée devant être très-forte. Je vais écrire en attendant à Bruchsall, car il y a un courrier qui y va cette nuit même.

*

A Tilsit, le 21 décembre.

Nous sommes parties de très-bon matin; il ne fesait pas la moindre clarté; un peu de gelée nous a permis d'aller très-vite. Nous avons fait dix miles avant le dîner, et comme après dîner nous avons été très-vite encore, nous sommes arrivées plus tôt que nous ne l'avions calculé. Nous sommes descendues tout juste dans la maison, où la paix fut signée en 1807. Si d'autres évènements n'avaient suivi celui-ci, il eut été un bien triste souvenir. Mais grâce à Dieu, nous marchons tête levée, et la seule chose peut-être qu'on puisse regretter à Tilsit, c'est notre pauvre prince Kourakine qui n'est plus de ce monde. Du moins y ai-je pensé tout d'abord. — Adieu, madame, adieu, monsieur; quand on s'est levé à 3 heures, on peut s'aller coucher à 10. Au surplus j'ai une médecine à avaler.

*

A Memel, le 22 décembre.

Il y a deux heures que nous sommes arrivées ici; nous avons voyagé moins vite qu'hier, parce qu'il y a peu de neige et que nous sommes tombées dans les sables. L'Impératrice a fini m-me de Staël et moi mon Galiani; je me suis raccommodée avec ce Napolitain; le second volume de ses lettres est joli tout-à-fait; il y en a quelquesunes qui pétillent d'esprit. On a fait une halte d'une heure pour le dîner, ensuite on a été sans s'arrêter. L'Impératrice est logée chez un négociant d'ici et nous chez la veuve d'un autre et si bien et si proprement que depuis notre voyage nous n'avons rien trouvé de semblable, aussi vais-je me mettre au lit avec un bien grand plaisir. Je me sens mieux après la médecine d'hier.

*

Encore à Memel, le 23 décembre.

Toute une journée de repos. Le matin j'ai reçu un fatras de gazettes qui m'ont occupé assez longtems. A midi nous avons été chez l'Impératrice, qui avait des projets de promenade. D'abord nous avons visité le jardin de son hôte; il est charmant, quoique petit; on en sort pour aller droit au chantier où nous trouvâmes un petit bâtiment marchard avec toutes les manières d'un grand vaisseau: les matelots rangés sur les vergues saluèrent Sa Majesté par un *houra* trois fois répété; ensuite nous descendîmes à fond de cale pour tout voir en détail. Toute la famille de l'hôte nous avait suivi; les généraux prussiens aussi; à peine pouvait-on tourner dans la cahute. Après avoir quitté le bâtiment qu'on appelle la Cérès, nous montâmes en voiture pour aller au bord de la mer. Elle est ici d'un bien plus bel effet qu'à Péterhof, aujourd'hui surtout qu'elle est fort agitée. On proposa de grimper sur le phare et, malgré la faiblesse de mes jambes, je grimpai comme les autres. A 3 heures il y eut un dîner, et au beau milieu du repas on entendit ronfler le canon; c'était m-r le bourgmestre de Memel qui, pour fêter l'Impératrice, donnait un dîner à tous les pauvres de la ville, et c'était la santé de Sa Majeste qu'on portait justement où le canon tira. Vous pouvez vous douter combien cette attention a été bien reçue; je vous avoue que j'en ai été fort attendrie pour ma part et que ce bourgmestre m'a paru tout à fait intéressant; il est certain qu'on ne pouvait pas mieux imaginer. En sortant de table chacun s'est retiré chez soi, et à 8 heures nous nous sommes assemblés de nouveau. L'Impératrice a fait un boston avec les Prussiens; j'ai joué au дуракъ avec notre comtesse. Voilà comment s'est terminée cette soirée.

*

A Tadaykine, le 24 décembre.

C'est aujourd'hui, à 11 heures et quart précises, que nous avons passé notre chère frontière et que nous nous sommes retrouvés sur le territoire russe. J'en ai rendu grâce à Dieu, et nous nous sommes félicités mutuellement. A Polangue il y a eu un grand et beau déjeuner, après lequel toute la suite prussienne nous a fait ses adieux. J'aimerais à revoir encore m-r de *Werther*, qui est un homme bien comme il faut. Arrivée ici, je me suis sentie de nouveau toute malade; je crains

bien que mes coliques ne me reprennent. Ah, qu'il me tarde d'être à Pétersbourg, au palais d'hyver et dans ma chambre!

*

A Frauenbourg, terre de la comtesse Lieven, le 25 décembre.

Je n'ai pas fermé l'oeil de la nuit, me promenant comme une âme en peine et souffrant le martyre. C'est le jour de Noël, point de messe nulle part. Pour nous en dédommager, le marquis Paulucci a fait chercher un prêtre de régiment qui a chanté un *Te-Deum*; tous les orthodoxes se sont rassemblés pour l'écouter. Je souffrais continuellement, et en route les souffrances redoublaient. Enfin, rendue à Frauenbourg, j'ai pu me mettre au lit et me tenir tranquille. Quand je dis tranquille, je devrais dire simplement hors de la voiture; car les douleurs que j'ai éprouvées dans les entrailles n'ont pas discontinuées d'un seul instant.

*

A Riga, le 26 décembre.

L'Impératrice est partie sans moi; j'ai voyagé avec Rhull, toujours souffrante et fort incommodée des mouvements de la voiture. Je suis arrivée à mon lit. Marie Lieven est venue me voir. Hélas! Le mal que j'éprouvais me rendait presque insensible au plaisir que j'aurais eu en tout autre tems à revoir cette bonne et excellente Anrep. Toute la nuit a été mauvaise, les médecines n'opèrent pas, j'ai la plus vive impatience d'être chez moi.

*

A Wolmar, le 27 décembre.

Tout le monde couche à Walky aujourd'hui, mais je n'ai pas eu la force d'aller jusque là. M-r Rhull m'a déposé ici dans la maison de sa soeur, qui m'a soigné avec un zèle infatiguable pendant toute la nuit. Cette bonne dame m'a rappelé la veuve de Sarepta, fesant sa quenouille à la lueur de la lampe; j'ai été vraiment touchée de l'accueil qu'elle m'a fait. Après avoir passé chez elle une nuit des plus tourmentantes, j'ai pu me remettre en route le lendemain sur les 10 heures.

*

Le 28 décembre.

Toute la journée en voiture, n'en sortant pas pour éviter le froid. L'Impératrice devait coucher à *Torma*; je pris le parti de pousser jusque là pour l'atteindre. Ma santé a été moins mauvaise qu'hier.

*

A Narva, le 29 décembre.

Nous sommes arrivés à Torma fort avant dans la nuit; il n'y eut aucun moyen de se faire jour dans la maison qu'occupait Sa Majesté: tout y était fermé et quelque part que le domestique allât, il ne pouvait trouver aucune issue; les portes étaient si bien closes, qu'il n'y avait aucune possibilité de les ouvrir. Enfin, après avoir tourné et retourné, après nous être consulté avec m-r Rhull, nous prîmes le parti de poursuivre notre route, et à 6 heures du matin je m'arrêtaî à *Hessl* pour prendre une tasse de caffée; après cela je ne quittai plus la voiture et je pus arriver à *Narva* une bonne heure avant l'Impératrice, qui s'était arrêtée à Iévé pour dîner avec la noblesse du pays.

*

A Pétesbourg, le 30 décembre.

A son arrivée à Narva l'Impératrice est venue me voir dans ma chambre. Me sentant mieux, j'avais cru l'accompagner le lendemain, mais elle jugea à propos de partir dans la nuit, et je continnai mon voyage avec mon esculape. Le bonheur que j'éprouvais en approchant de Pétersbourg calmait mes douleurs; je ne me sentais pas d'aise. Arrivée à *Opolia*, je pris un bouillon; on voulut nous vexer pour les chevaux de poste et ne nous donner que des chevaux de paysans; mais à force de batailler, mon compagnon obtint qu'on nous servît bien et sans nous dépêcher, sans courir à perte d'haleine, nous nous trouvâmes à la barrière, comme il sonnait 10 heures et demie. Je n'en croyais pas mes yeux en traversant les rues; quoiqu'il ne fit pas trop clair,

j'avais baissé la glace pour ne rien perdre des objets qui s'offraient à ma vue, et lorsque j'apperçus le palais d'hyver, je pensai m'élancer hors de la portière. Enfin j'arrivai à mon *подъѣздъ*, je montai mes 113 marches, j'ouvris ma porte, et pleine d'un sentiment de joie et de reconnaissance envers la Providence, pour m'avoir ramenée dans mes foyers, la première chose que je fis fut d'aller à mon oratoire pour Lui rendre mes actions de grâces.

Fin.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1884 ГОДА.

(выпуски 3 и 4-й).

ВЫШЛА XXX КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Письма къ графу А. Р. Воронцову Француза, пріятеля молодости.—Письма придворнаго врача Рожерсона.—Переписка съ Н. Н. Новосильцовымъ.—Письма (съ нотами) композитора Паэзіелло.—Русскій театръ при Екатеринѣ.—Письма историковъ Миллера и Бантыша-Каменскаго.—Письма П. И. Полетики, Римскаго - Корсакова, Поццо-ди-Борго, князей Куракиныхъ, Миранды и канцлера князя А. М. Горчакова.—«Боже Царя храни» прошлаго вѣка.

Цѣна **три** рубля съ пересылкою.

*

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

Томъ первый: статьи литературно-политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора.

Томъ третій: Записки о всемірной исторіи.

Цѣна каждому тому ТРИ рубля съ пересылкою.

*

Тамъ же можно получать новыя дешевыя изданія стихотвореній **Хомякова** (30 к.), **Баратынскаго** (40 к.) и **Тютчева** (50 к.).

*

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

ТРИ ПЕРВЫЕ ВЫПУСКА

СТРАНСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЯ ГРИГОРОВИЧА БАРСКАГО ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВОСТОКА СЪ 1723 ПО 1747 ГОДЪ,

изданіе Православнаго Палестинскаго Общества (подъ наблюденіемъ Николая Платоновича Барсукова), съ подлинными рисунками Барскаго. Изданіе составитъ до 40 выпусковъ, которые будутъ выходить ежемѣсячно. Каждый выпускъ стоитъ 50 к. и продается отдѣльно. Просятъ при пріобрѣтеніи перваго выпуска запастись безплатнымъ билетомъ на полученіе послѣдующихъ, которые будутъ сохраняться для владѣющихъ билетомъ въ теченіе года со дня выхода.

Продается въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Тузова, Риккера, Оглоблина и въ Синодальной книжной лавкѣ; въ Москвѣ, у Ѳерапонтова; въ Кіевѣ, у Оглоблина, и въ Одессѣ, у Распопова.

Складъ изданія въ Петербургѣ, у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Цѣна по выходѣ всего изданія будетъ значительно возвышена.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1884 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

Русскій Архивъ, выходитъ въ 1884 году **шесть разъ** въ годъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ съ приложеніями, портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ Конторѣ Русскаго Архива въ **Москвѣ**, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, куда и обращаются гг. иногородные.

Въ **Петербургѣ** подписываться и получать вышедшія уже книги можно на Васильевскомъ Острову, во 2-й линіи, д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

*

ПРИЛОЖЕНО: Содержаніе первой книги Русскаго Архива 1884 (выпуски 1 и 2) и два перепечатанные Французскіе листка Переписки Кристина съ княжной Туркестановой.